

Государственное научное учреждение
«ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
Национальной академии наук Беларуси»

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ
ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА:
ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ,
ОСНОВАННОМ НА ЗНАНИЯХ

Материалы
международной научно-практической конференции
г. Минск, 14–15 ноября 2013 года

Минск
«Право и экономика»
2014

УДК 316.325:001.3 + 351.854:061.1ЕС

ББК 87.3

И73

Редакционная коллегия:

А.А. Лазаревич, И. Б. Михеева, Н. А. Кутузова,
О. И. Давыдик, М. Б. Завадский, С. А. Мякчило

Рецензенты:

член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор философских наук Л. Ф. Евменов,
доктор политических наук С. В. Решетников

И73 **Интеллектуальный капитал Евразийского Союза : проблемы эффективного управления и использования в обществе, основанном на знаниях : мат. межд. науч.-практич. конф. (г. Минск, 14–15 ноября 2013 г.) / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2014. – 336 с.**
ISBN 978-985-552-317-9.

Сборник содержит доклады и тезисы докладов, сделанных на международной научно-практической конференции «Интеллектуальный капитал Евразийского Союза: проблемы эффективного управления и использования в обществе, основанном на знаниях», состоявшейся 14–15 ноября 2013 г. в Институте философии Национальной академии наук Беларуси. Предназначен для ученых и преподавателей в области социально-гуманитарных дисциплин, руководителей и специалистов органов государственного управления, учреждений и предприятий, реализующих международные проекты либо осуществляющих планирование производственно-экономической, научной, культурной деятельности в евразийском интеграционном пространстве, а также аспирантов, магистрантов, студентов и всех тех, кто интересуется актуальными проблемами современного философского и междисциплинарного знания, науковедения, политологии, культурологии и глобалистики.

УДК 316.325:001.3 + 351.854:061.1ЕС

ББК 87.3

ISBN 978-985-552-317-9

© ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», 2014

© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Прывітальнае слова акадэміка-сакратара Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі <i>А.А. Кавалені</i>	9
ФИЛОСОФИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ, ПЕРСПЕКТИВЫ	11
<i>Междисциплинарные подходы к изучению евразийской интеграции в контексте глобализационных процессов</i>	11
<i>А. А. Лазаревич. Общество, основанное на знаниях: сущность, постиндустриальное измерение, факторы становления</i>	11
<i>И. Я. Левяш. Белорусский интеллект: наследие и современность</i>	18
<i>В. К. Савченко. Особенности процесса мировой глобализации и задачи по его гармонизации</i>	26
<i>В. В. Цепкало, В. П. Старжинский. Социотехническое проектирование инновационных инфраструктур на евразийском пространстве</i>	29
<i>И. Б. Михеева. Научные критерии эффективности национальной политики как фактора евразийской интеграции: опыт постановки проблемы</i>	33
<i>И. М. Клецкова. Идея евразийства в контексте осознания цивилизационной идентичности в русской философии конца XIX – начала XX вв.</i>	35
<i>Л. Е. Лойко. Культурное наследие русской философии и формирование интеллектуального пространства Евразийского Союза</i>	38
<i>Е. У. Байдаров. Процесс государственного строительства и межгосударственного взаимодействия в контексте сохранения духовных ценностей и культурно-исторической памяти</i>	40
<i>О. В. Нечипоренко, В. В. Самсонов. Национальные траектории постсоциалистического транзита: общее и особенное</i>	42
<i>С. В. Рыбчак. Анализ общественного мнения населения по поводу интеграции Беларуси и России</i>	45
<i>Т. А. Шульгина. Гражданско-культурная идентичность жителей приграничных регионов (на примере Белгородской и Харьковской областей)</i>	48
<i>М. Б. Завадский. Региональное сотрудничество стран Вишеградской группы: достижения, проблемы, перспективы</i>	50
Международное научное сотрудничество и евразийская интеграция	53
<i>Л. Г. Титаренко. Евразийский Союз: научная миграция и интеллектуальный капитал</i>	53
<i>В. В. Подкопаев. Интеграционные инициативы в рамках развития интеллектуального пространства Евразийского экономического союза (опыт НАН Беларуси)</i>	56
<i>А. А. Широканова. Международное научное сотрудничество в глобальной электронной коммуникации ученых</i>	59
<i>Т. П. Титова. Развитие межстрановой мобильности научных кадров в рамках Евразийского Союза как механизм противодействия утечке умов</i>	62
<i>И. В. Загорец. Миграция человеческих ресурсов как фактор формирования трудового потенциала современного общества</i>	64

<i>М. И. Веренич.</i> Научная диаспора в структуре интеллектуального потенциала общества: феномен и методология исследования.....	67
<i>Философия управления и актуальные проблемы общественно-государственного развития в евразийском пространстве</i>	68
<i>Я. С. Яскевич.</i> Философия модернизации управления на основе знаний и ценностей.....	68
<i>Д. Г. Доброродный.</i> Философские предпосылки эффективного управления.....	71
<i>А. В. Титов.</i> Диалектические аспекты выбора стратегии в государственном управлении.....	73
<i>Н. О. Щупленков.</i> Проблема антропологического измерения государства.....	75
<i>А. В. Филиппович.</i> Государство и косвенные инстанции в условиях глобализации.....	78
<i>Д. П. Рыбка.</i> Интеллектуальная деятельность руководителя как основа эффективного управления.....	80
<i>И. А. Фурса.</i> Профессиональная культура личности как нематериальный актив информационного общества.....	81
<i>К. Р. Еськевич.</i> Человеческий капитал и его роль в формировании базовых компетенций управленца.....	84
<i>Г. В. Косых.</i> Акмеологическая концепция развития профессионализма государственного служащего.....	86
<i>А. С. Дударёнок.</i> Кадровое обеспечение и профессиональное развитие государственных служащих в условиях региональной интеграции.....	89
<i>Г. В. Косых.</i> Акмеологическая концепция развития профессионализма государственного служащего.....	91
<i>С. П. Жминка.</i> Перспективы использования компетентностного подхода в государственной службе Украины.....	94
<i>Ф. И. Храмова.</i> Гендерная парадигма Евразийского Союза: управленческий аспект.....	96
<i>Ю. Ф. Никитина.</i> Постанархические концепции власти в контексте современной социально-экономической ситуации.....	99
<i>А. П. Мельников.</i> Политическое рейдерство.....	102
<i>Экономические проекции евразийской интеграции в ракурсе философского знания</i>	105
<i>А. И. Лойко.</i> Кластерные структуры инновационной деятельности в евразийском экономическом пространстве.....	105
<i>С. В. Кирпич.</i> Кластерный подход как модель развития инновационного потенциала региона.....	107
<i>В. В. Шконда, А. В. Кальянов.</i> Инновационные кластеры как основа развития экономики Украины.....	110
<i>С. П. Чумак.</i> Социальные трансформации в процессе становления рыночной экономики.....	111
<i>Gabriel I. Năstase.</i> Elements of strategic management theory in the research, development, innovation system.....	115
<i>Е. А. Анохина.</i> Эффективное управление нематериальными активами.....	118

<i>И. Л. Литовченко. Проблемы маркетинговой деятельности в условиях глобальной виртуальной среды</i>	121
<i>И. А. Червинская. Методологические основы исследования белорусской внешнеторговой динамики</i>	123
<i>И. А. Андрос. Социологическая оценка феномена предприимчивости на примере белорусской молодежи</i>	124
<i>Л. В. Пантя. Профессиональная переподготовка безработных в Республике Молдова</i>	127
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОБЩЕСТВА, ОСНОВАННОГО НА ЗНАНИЯХ	130
<i>Философия и научная рациональность в обществе, основанном на знаниях: методологические проблемы</i>	130
<i>Д. И. Широканов. Абстракции в структуре научного исследования</i>	130
<i>А. И. Осипов. Роль философии в формировании мировоззренческой и методологической культуры ученого</i>	131
<i>Е. И. Степанов. Методологическое обеспечение инновационной деятельности: основные черты и задачи практического воплощения</i>	134
<i>П. В. Кикель. Знание как фактор достижения возможного</i>	136
<i>И. Л. Васильева. Особенности трансформации предметного знания современной науки</i>	142
<i>А. Е. Михайлов. Наука как детерминант глобального прогнозирования</i>	144
<i>А. С. Червинский. Роль философии в исследовании социоприродной динамики</i>	146
<i>С. А. Мякчыла. Аб'ектыўнасць даследчыцкага досведу ў філасофіі і сацыягуманітарным пазнанні: герменеўтыка-нараталагічны падыход</i>	147
<i>А. А. Спектор. Некоторые тенденции и парадоксы научно-технического развития</i>	153
<i>О. В. Кирницкий. Современное взаимодействие процессов познания и виртуальности</i>	154
<i>А. С. Харитонов. Холизм и его математика</i>	156
<i>А. Н. Спасков. Математический образ вечности</i>	157
<i>М. В. Анцыповіч. Прасторава-часавая пераймальнасць у гісторыі матэматыкі</i>	160
<i>В. Н. Сокольчик. Проблема плагиата в современной науке</i>	162
<i>Интеллектуальный потенциал и капитал общества знания</i>	165
<i>Т. И. Адуло. Динамика интеллектуальной составляющей белорусского общества: вторая половина XX – начало XXI вв.</i>	165
<i>И. В. Лысак. Формирование "общества знания": основные тенденции и проблемы</i>	168
<i>Ю. В. Никулина. Трансформация статуса знания в информационном обществе</i>	170
<i>А. Н. Ищенко. О роли человеческого капитала в формировании общества знаний</i>	173

<i>М. З. Изотов.</i> Интеллектуальный потенциал в структуре человеческого капитала.....	175
<i>Р. С. Лаво, С. А. Морозов.</i> К определению содержания концепта интеллектуального капитала	177
<i>Р. Н. Дождикова.</i> Интеллектуальный капитал и деятельностно-коммуникативная природа познания	180
<i>А. Н. Мирошниченко.</i> Управление интеллектуальным капиталом: от накопления к использованию	181
<i>Э. А. Тайсина.</i> Интеллектуальный потенциал: исходные теоретические и методологические подходы.....	185
<i>Г. М. Бровка, Е. Б. Якимович.</i> Приращение интеллектуального потенциала как основа инновационной экономики	187
<i>С. В. Хамутовская.</i> Человеческие ресурсы в структуре интеллектуального капитала как источник удовлетворения социальных потребностей индивидов.....	190
<i>К. М. Мартиросян.</i> Символический и интеллектуальный капитал креативных индустрий.....	192
<i>И. Н. Браницкая.</i> Креативный аспект инновационного процесса	193
<i>И. И. Таркан.</i> Личностные компетенции в дискурсе общества знания	195
<i>Ю. Г. Тамбиянц, М. А. Пунтусова.</i> Информационное общество и его социальные издержки	197
<i>В. А. Белокрылова.</i> Культурная медиация и информационное здоровье общества.....	199
<i>В. Н. Семёнова.</i> Общество не-знания как характеристика "догоняющей модернизации"	203
<i>Д. В. Ермолович.</i> Ожидания от инновационности или "скромное обаяние буржуазии"	205
Образовательные механизмы управления интеллектуальным капиталом: традиции и современность	207
<i>В.В. Позняков.</i> Интеллектуальный потенциал нации: критериальные ресурсы повышения качества работы с одаренными	207
<i>И. М. Ратникова.</i> Образование как социальный институт: от модерна к обществу знаний.....	213
<i>Р. Н. Шматков.</i> Особенности качества образования в обществе знания	215
<i>Э. М. Сороко.</i> Трансформация образовательной системы в соответствии с насущными потребностями века.....	218
<i>Н. М. Твердынин.</i> Межпредметные связи как инструмент "тонкой настройки" образовательных систем: возможности и перспективы.....	221
<i>В. С. Голубев.</i> К вопросу об образовании в практике социального управления	224
<i>В. С. Загорец.</i> Основные направления совершенствования системы образования Республики Беларусь	226
<i>А. В. Торхова, Г. Н. Карона, К. Ю. Таранович.</i> Инновации и традиции в развитии научно-педагогических школ Республики Беларусь	228

<i>В. В. Старостенко.</i> Религиоведческие знания в системе социально-гуманитарного образования.....	230
<i>О. В. Дьяченко.</i> Религиозное образование в Беларуси: "Международный школьный проект" и перспективы религиозной социализации молодежи	233
<i>Т. В. Зайковская.</i> Экологические ценности и христианское вероучение.....	235
<i>Е. А. Хмеленок.</i> Экологическое образование в Республике Беларусь	238
<i>М. В. Кобзистая.</i> Инновационная деятельность в системе профессиональной подготовки военных специалистов	240
<i>А. С. Баранова.</i> Формирование корпоративной культуры в процессе построения бренда учреждения образования	242
<i>С. Я. Ермолич.</i> Формирование культуры бренд-менеджмента в образовании	244
<i>А. Л. Куши.</i> Социально-гуманитарное знание и социально-гуманитарное образование: диалектика взаимодействия	247
<i>А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов.</i> Роль философии в современной системе образования	250
<i>А. А. Карпенко.</i> Исторический контур философии образования Мартина Хайдеггера.....	253
<i>Х. С. Гафаров, Ю. Ю. Гафарова.</i> Роль гуманитарного образования в подготовке современного универсанта	255
<i>Е. А. Ротмирова.</i> Управление развитием дидактической культуры педагога в современной социальной ситуации	257
<i>Т. И. Егорова-Гудкова.</i> Необходимость изменения парадигмы высшего образования как основа формирования условий безопасного экономического развития.....	260
<i>Ю. Л. Загуменнов.</i> Модернизация университетов в общеевропейском контексте: образование, научные исследования, инновации.....	263
<i>В. Т. Боронникова.</i> Этика в системе социально-гуманитарного университетского образования.....	266
<i>М. Л. Ивлева, В. А. Иноземцев.</i> Некоторые кризисные явления высшей технической школы в современной России	268
<i>Д. М. Зайцев.</i> ТРИЗ-технологии в высшей школе	270
<i>Нравственная проблематика и социально-антропологические вызовы в обществе знания</i>	273
<i>О. А. Павловская.</i> Проблема познания сущности человека: поиск духовно-нравственных оснований	273
<i>В. В. Грозов, С. В. Кирпич.</i> Духовно-нравственное измерение качества жизни в современном обществе	277
<i>Н. К. Эйнгорн.</i> Антроподицея: мультидисциплинарность и человекомерность	281
<i>Л. В. Уваров.</i> Научное знание и нравственные ценности в строительстве Евразийского Союза.....	283
<i>С. М. Мащитко.</i> Общество знания как этап на пути к трансгуманизму.....	285
<i>О. В. Щупленков.</i> Методология социально-философского	

антропологического исследования	287
<i>С. Г. Новиков.</i> Дуалистический идеал воспитания как инструмент строительства и воспроизводства "общества знания"	289
<i>Н. И. Мушинский.</i> Интеллектуальные добродетели этики Аристотеля как исторические предпосылки "общества знания" на евразийском пространстве	292
<i>Л. З. Левит.</i> "Миф о пещере" Платона и личностно-ориентированная концепция счастья: восполняя недостающие звенья	295
<i>И. Н. Сидоренко.</i> Общество знания и символическое насилие	298
<i>О. В. Мащитко.</i> Лингвистическое насилие в обществе знания	300
<i>Т. Е. Новицкая.</i> Гуманитарная экспертиза проектов биотехнологического улучшения человека: социальные аспекты	303
<i>Д. С. Новиков.</i> Здравотворческая культура как подсистема культуры субъекта "общества знания"	305
<i>Н. Е. Захарова.</i> Политика формирования принципов здорового образа жизни в молодежной среде Беларуси и России: социокультурные основания общности	308
<i>Н. Н. Куксачёв.</i> Сострадательность как черта русского национального характера	311
<i>О. В. Бессчетнова.</i> Процесс деинституционализации сиротства в странах Евразийского Союза	314
<i>Художественные дискурсы и социокультурное измерение интеграционных процессов</i>	317
<i>В. Н. Ксенофонов.</i> Русский язык – интеллектуальный капитал Евразийского Союза	317
<i>В. А. Максимович.</i> Літаратура як фактар духоўна-культурнай інтэграцыі еўразійскай прасторы	319
<i>К. С. Шаврук.</i> Виртуализация утраченных объектов материальной культуры Беларуси как переосмысление ценностной системы техногенного общества	323
<i>Н. Л. Бахановіч.</i> Беларускае і нямецкае нацыянальныя вымярэнні вобраза механічнай фігуры ў творчасці Эрнста Гофмана і Яна Баршчэўскага	326
<i>И. П. Мамыкин.</i> Особенности философского дискурса в романе Л.Н. Толстого "Война и мир" (на примере понятия сопряжения)	329
<i>Е. А. Цымбалюк.</i> Менеджмент знаний в процессе профессиональной подготовки педагога-музыканта	331
<i>В. В. Надольская.</i> Роль Евроазиатского регионального отделения Международного совета архивов в модернизации архивного дела в регионе	333

ПРЫВІТАЛЬНАЕ СЛОВА

акадэміка-сакратара Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі А.А. Кавалені

ўдзельнікам міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Інтэлектуальны капітал Еўразійскага саюза: праблемы эфектыўнага кіравання і выкарыстання ў грамадстве, заснаваным на ведах»

Шаноўныя ўдзельнікі канферэнцыі!

Дарагія калегі!

Дазвольце ад імя Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі вітаць вас на міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Інтэлектуальны капітал Еўразійскага Саюза: праблемы эфектыўнага кіравання і выкарыстання ў грамадстве, заснаваным на ведах».

Сённяшняя канферэнцыя працягвае серыю мерапрыемстваў, якія штогод арганізуюцца ў сценах Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Кожны год пад эгідаў аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі праводзіцца звыш 50-ці навуковых канферэнцый, круглых сталоў і сустрэч, большасць з якіх мае міжнародны статус. Для рэгулярных лістападаўскіх сустрэч філосафаў, сацыёлагаў, гісторыкаў, прадстаўнікоў іншых сацыяльна-гуманітарных дысцыплін маецца важкая падстава – гэта святкаванне Сусветнага дня філасофіі, абвешчанага ЮНЕСКА. Мерапрыемствы Сусветнага дня філасофіі па традыцыі прысвечаны шматбаковаму, міждысцыплінарнаму разгляду дынамікі навуковых ведаў, развіцця адукацыйна-выхаваўчых сістэм, праблемам духоўна-культурнага развіцця грамадства, пытанням дзяржаўнага будаўніцтва і міждзяржаўнага ўзаемадзеяння ў рэгіёне Еўропы і Азіі.

Тэма нашай сённяшняй сустрэчы з'яўляецца па-сапраўднаму звышактуальнай. Удзельнікам канферэнцыі неабходна прааналізаваць працэсы ў навукова-адукацыйнай і духоўна-культурнай сферы, якія суправаджаюць фарміраванне Еўразійскага эканамічнага супольніцтва і яго эвалюцыю ў Еўразійскі саюз, падзяліцца вопытам і дасягненнямі ў гэтай галіне, вылучыць праблемы, якія патрабуюць сумеснага вырашэння. Здаецца відавочным, што цэнтральным, стрыжнёвым фактарам працэсу еўразійскай інтэграцыі павінна стаць назапашванне і эфектыўнае выкарыстанне інтэлектуальнага патэнцыялу і капіталу нацый Захаду і Ўсходу, у першую чаргу народаў постсавецкіх краін – Беларусі, Расіі, Украіны, Казахстана і іншых. Мяркую, што правядзенне сённяшняй канферэнцыі з'явіцца важным укладам у фарміраванне інтэлектуальнага рэсурсу прагназавання і мадэлявання далейшага развіцця навукова-адукацыйнай сферы тых краін, што прымаюць актыўны і дзейсны ўдзел у інтэграцыйных праектах на еўразійскай прасторы.

На нашых вачах Рэспубліка Беларусь уступае ў эпоху постіндустрыяльнага развіцця, становіцца суб'ектам сусветнай інфармацыйнай прасторы. Навуковыя веда, тэхналогіі і інавацыі ў сучасным свеце становяцца крытычнымі фактарамі развіцця сацыяльна-эканамічнай сістэмы і духоўна-культурнага жыцця грамадства. Навука і інавацыйная дзейнасць выступаюць той крэатыўнай асновай, якая прыводзіць у рух усе сегменты і складаныя часткі эканомікі ведаў, спрыяючы і эканамічнаму росту, і паляпшэнню якасці жыцця соцыума ў цэлым.

Логіка развіцця постіндустрыяльнага грамадства патрабуе ад нас неадкладнай распрацоўкі стратэгіі ўзаемадзеяння навукі, бізнэсу, грамадзянскай супольнасці і дзяржавы, у адпаведнасці з якой найноўшыя фундаментальныя веда ўвасабляліся б у

тэхналагічных і сацыяльных інавацыях, а навука не толькі выступала сапраўдным рухавіком грамадскага прагрэса, але і – што галоўнае – ўспрымалася б усімі слямі грамадства як вышэйшая інтэлектуальна-духоўная каштоўнасць.

Ацэньваючы перспектывы стварэння і разціця Еўразійскага саюза, можна ўпэўнена сцвярджаць, што гэтае міждзяржаўнае ўтварэнне здолее заявіць аб сабе ў якасці геапалітычнага суб'екта толькі ў тым выпадку, калі будзе заснавана на эканоміцы ведаў, пераадолее ўнутраныя супярэчнасці, разыходжанні ў нарматыўна-прававой базе, канфлікты інтарэсаў. Існуючы мытны саюз трох дзяржаў: Расіі, Беларусі і Казахстана, – павінен стварыць аснову для адзінай эканамічнай прасторы, своеасаблівага правобразу высокаінтэграваных эканомік, якія існуюць сёння ў Еўрапейскім саюзе.

Для таго, каб Еўразійскі саюз сапраўды стаў тэрыторыяй інавацый і магутнага тэхналагічнага прарыву, неабходна рэалізацыя стратэгічнай праграмы кантынентальнай навукова-тэхнічнай кааперацыі, арыентаванай на вытворчасць навукаёмістай прадукцыі, тавараў і паслуг V і VI тэхналагічных укладаў. Гэтаму паспрыяе назапашаны багаты вопыт у сферы навукова-адукацыйнага і культурнага супрацоўніцтва нашых краін, узаемадзеяння не толькі паміж органамі кіравання і гаспадарчымі суб'ектамі, але і, перш за ўсё, на «нізавым» узроўні, паміж простымі грамадзянамі, калектывамі вучоных, педагогаў, дзеячоў культуры. Узаемадзеянне нацыянальных навукова-адукацыйных структур, у тым ліку па сеткавым прынце, дасць магчымасць скаардынаваць вытворчасць новых навуковых ведаў і тэхналогій, іх распаўсюджанне і ўкараненне ў грамадскае жыццё.

Наша канферэнцыя праводзіцца ў тыя дні, калі ў розных краінах постсавецкай прасторы актыўна абмяркоўваюцца шляхі ўдасканалення сістэмы навуковых даследаванняў, павышэння ступені інтэграванасці навукі і вытворчасці, усталявання аптымальных суадносін паміж фундаментальнымі і прыкладнымі даследаваннямі, акадэмічным і вузаўскім сектарамі навукі. Рэспубліка Беларусь не знаходзіцца ў баку ад гэтых тэндэнцый. На нашых вачах распрацоўваюцца новыя схемы арганізацыі навуковага працэсу, абмяркоўваецца вопыт, дасягненні і параўнальныя перавагі розных варыянтаў рэфармавання навукі, якія ажыццяўляюцца ў нашых суседзях. Мяркую, што дыялог прадстаўнікоў навуковых школ Беларусі, Расіі, Украіны, Казахстана, якія знаходзяцца ў гэтым зале, дапаможа выпрацаваць сумесныя, скаардынаваныя падыходы да ўдасканалення навуковай сферы, якія, у сваю чаргу, стануць перадумовай гарманізацыі сацыяльна-эканамічнага развіцця нашых краін. Упэўнены, што толькі разам, толькі агульнымі намаганнямі мы можам эфектыўна выконваць высакародную справу ўмацавання духоўна-культурнай прасторы і развіцця інтэлекта нашых народаў.

Шаноўныя калегі! Я глыбока перакананы, што правядзенне нашага прадстаўнічага навуковага форуму дазволіць унесці важкі ўклад у вывучэнне структуры і дынамікі еўразійскай інтэлектуальнай прасторы і выяўленне базавых параметраў, якія вызначаюць аптымальную траекторыю яго развіцця. Дазвольце пажадаць вам творчай пленнай працы, канструктыўных дыскусій, цікавых і пазнавальных сустрэч. Спадзяюся, што наша агульнае імкненне да развіцця і ўмацавання навукі і культуры паслужыць моцным штуршком для актывізацыі рознабаковых форм супрацоўніцтва на еўразійскім кантыненце.

ФИЛОСОФИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

*Междисциплинарные подходы к изучению евразийской интеграции
в контексте глобализационных процессов*

ОБЩЕСТВО, ОСНОВАННОЕ НА ЗНАНИЯХ: СУЩНОСТЬ, ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ, ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ

А. А. Лазаревич

Специфическую окраску современным проблемам социальной модернизации придает их тесная переплетенность с достижениями в сфере образования и науки. Тот факт, что прогресс человечества основан на знании, может рассматриваться как своего рода цивилизационная константа. Сознание и самосознание человека, любые социальные ситуации, роли и действия, экономические, технологические и культурные новации зависят от знания и опосредуются им. В первую очередь речь следует вести о научном знании как важнейшем элементе в структуре когнитивно-мировоззренческих императивов социального субъекта и стратегическом ресурсе общества. Актуализация данного ресурса во второй половине XX века привела к тому, что знание стало рассматриваться не просто как сила, но как сила, способная создавать новое общество.

Теоретические основы общества знания получили свое оформление в лоне концепций постиндустриальной модернизации и становления информационного общества. Внимание в них акцентируется на роли и значении информации и знаний, интеллектуально-образовательного ресурса и высоких (наукоемких) технологий в развитии социума. Феномен общества знания следует рассматривать в контексте процессов формирования информационного общества, которые составляют отдельный вектор постиндустриального развития. Именно в информационном обществе информация и знания рассматриваются в качестве важнейшего фактора как экономического, так и социального прогресса. При этом имеется в виду не любое знание, а в первую очередь новое теоретическое знание, что особым образом актуализирует роль и значение фундаментальной науки в ее тесной связи с образовательной и производственно-технологической практикой.

Информация и знания в любых типах общества всегда играли исключительно важную и определяющую роль. Применительно же к обществу знания речь идет не столько об этих феноменах как таковых, сколько о нетрадиционных способах производства и культурно-экономической социализации информации и знаний в связи с новейшими достижениями в области когнитивно-компьютерных наук и информационно-коммуникационных технологий. В связи с этим понятие общества знания нередко отождествляется с понятием экономики знаний, хотя и не сводится к нему. Помимо высокой наукоемкости технологической сферы общества, синергичного взаимодействия био-, нано-, инфо- и когнитивных технологий, в обществе знания получают импульс к своему интенсивному развитию и другие важнейшие сферы. Например, применительно к области духовно-культурных процессов речь следует вести о ценностях образования, новых возможностях и технологиях его получения. Высокий уровень образования и нрав-

ственности, информационной культуры, профессиональной компетентности и ответственности – неотъемлемая характеристика субъекта общества знания.

Особой трансформации подвергается сфера управления. Речь идет о сетевых моделях организации менеджмента и роли меритократии, т.е. субъектной, личностной представленности знания в системе власти и управления. Напомним, в связи с этим, вывод Э. Деминга, одного из авторов «японского чуда», о том, что «богатство нации зависит от народа, управляющих и правительства в большей степени, чем от природных ресурсов. Проблема заключается в хорошем управлении» [1, с. 15]. Изменение роли управления в информационном обществе во многом связано с тем, что оно все больше зависит от новых, перспективных форм знания. Применение знаний к сфере самого знания и управления один из крупнейших американских теоретиков в области управления П. Дракер назвал «революцией в сфере управления» [2, с. 71]. Однако необходимо отметить, что ни Э. Деминг, ни П. Дракер не являются пионерами подобного подхода к вопросу о роли знаний в управлении и самого управления в обществе. Еще в начале XIX в. Дж. Мэдисон писал: «Правление народа, лишённого информации или средств ее получения, есть пролог к фарсу или трагедии, или, быть может, к тому и другому. Знание всегда будет править невежеством: народ, стремящийся сам управлять своими делами, должен обрести ту власть, которую дает знание» (цит. по: [3, с. 153–154]).

В конце XX века Э. Тоффлер в контексте осмысления перспектив становления информационной цивилизации проводит ту же мысль: «...Нас ждет глобальная битва за власть, но основой ее является не насилие, не деньги, а знание... Самую высококачественную власть дает применение знаний» [4, с. 36]. Утверждая, что прежняя система власти на всех уровнях человеческого общества разваливается, Тоффлер связывает это с крушением *старого стиля управления* [4, с. 23] и распространением новой экономики, основанной на информации и знании, что, в общем итоге, знаменует собой глобальный переход социума в новую стадию цивилизационного развития.

Один из наиболее комплексных и конструктивных подходов к измерению готовности той или иной страны к переходу на модель развития, основанную на знаниях, был в 2004 г. предложен Всемирным банком в рамках программы «Знания для развития» (Knowledge for Development – K4D). Методика КАМ (The Knowledge Assessment Methodology) включает комплекс из 76 показателей, которые позволяют сравнивать отдельные показатели различных стран, а также средние показатели, характеризующие группу стран. Сравнение можно проводить как по отдельным показателям, так и по агрегированным индикаторам, характеризующим следующие ключевые характеристики:

- общие индикаторы, включающие показатели ежегодного роста ВВП и значения индекса человеческого развития;

- институциональный режим экономики, который способствует развитию предпринимательства, а также эффективному использованию существующего и нового знания;

- национальная инновационная система, включающая в себя фирмы, исследовательские центры, университеты, консультационные и другие организации, которые воспринимают и адаптируют глобальное знание для местных нужд и создают новое знание и основанные на нем новые технологии;

- индекс образованности населения и наличие у него навыков по поводу создания, распространения и использования знаний;

- информационная и коммуникационная инфраструктура, которая способствует эффективному распространению и переработке информации.

Программа K4D предлагает также два сводных индекса – индекс экономики зна-

ний (The Knowledge Economy Index – KEI) и индекс знаний (The Knowledge Index – KI). Индекс экономики знаний – это средний из четырех индексов – индекса институционального режима, индекса образования, индекса инноваций и индекса информационных технологий и коммуникаций. Индекс знаний – это средняя величина трех из них – индекса образования, индекса инноваций и индекса информационных технологий и коммуникаций. Данные индексы подсчитываются для каждой страны, группы стран и всего мира в целом.

Индекс знаний является интегральным показателем, характеризующим способность страны создавать, воспринимать и транслировать знания. Это форма количественной оценки потенциала развития знаний в стране. К примеру, на данном этапе в регионе СНГ страновая статистика KI (с учетом места в мировом рейтинге) выглядит следующим образом:

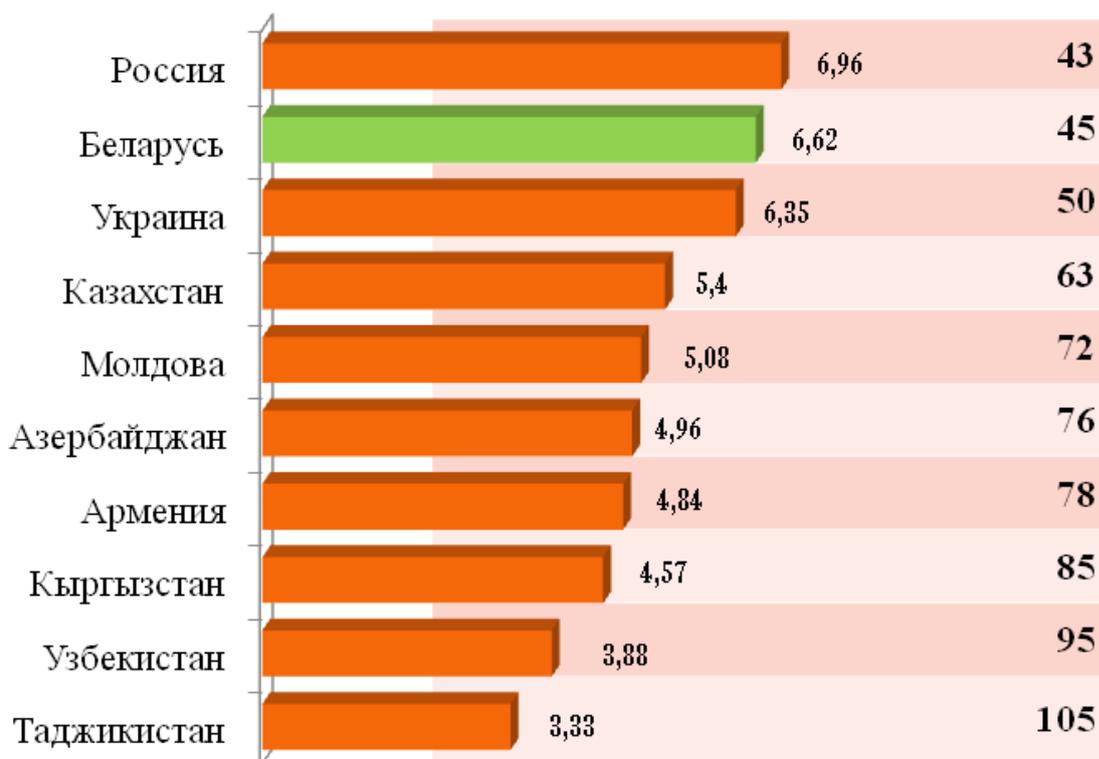

Рисунок 1. Страновая статистика индекса знаний (KI) в регионе СНГ

Индекс информационных технологий и коммуникаций играет ключевое значение в процессах производства и социализации знаний и выстраивании новой системы образования. Показатели индекса развития информационно-коммуникационных технологий по ряду стран Восточной Европы за 2010 год (с учетом места в мировом рейтинге) распределяются следующим образом:

Рисунок 2. Индекс развития информационно-коммуникационных технологий по ряду государств СНГ и Восточной Европы (данные за 2010 год)

Какие бы методики оценки готовности той или иной страны к переходу на модель развития, основанную на знаниях, не использовались, все они включают показатели уровня образования и науки. Понятие «общество, основанное на знаниях» фиксирует тот несомненный факт, что в развитых и быстроразвивающихся странах число людей, имеющих среднее и, особенно, высшее профессиональное образование, постоянно и стремительно растет, как растут престиж науки и ассигнования, выделяемые на нее. Вот мнение политического лидера современных США президента Б. Обамы, высказанное им в одном из предвыборных выступлений: «Сегодня наука играет ключевую роль в нашем выживании как жителей планеты и в нашей безопасности и процветании как государства; в ее силах замедлить процесс глобального потепления; защитить наши войска с помощью технологий и дать отпор биотерроризму и оружию массового уничтожения; найти спасительные лекарства; перестроить нашу промышленность и создать профессии XXI в. Сейчас мы вновь поставили науку на первое место в нашей повестке дня, чтобы вернуть Америке лидерство в науке и технике. Прямо сейчас – в лабораториях, аудиториях и компаниях по всей Америке – наши ведущие умы гонятся за новым открытием, стоят на пороге прорыва, который перевернет нашу жизнь. Но, как учит история, они не могут справиться с этим одни. Начиная с высадки на Луну и заканчивая расшифровкой генома человека и изобретением Интернета – Америка всегда первая пересекала новые рубежи, потому что у нас были лидеры, которые прокладывали нам дорогу» [6, с. 60].

Проводившиеся в США опросы по рейтингам видов деятельности показали, что наиболее привлекательными в глазах американцев являются общественно-политическая деятельность и наука. Подчеркнем: именно наука занимает второе место, тогда как бизнес в этой главной капиталистической стране мира оказывается на 6-м месте.

А вот другой пример. Согласно опросу взрослых и детей (проведенному Московской службой занятости в относительно благополучном в экономическом плане 2006 г.) об их предпочтениях в практической деятельности, наука по своей привлекательности занимает лишь девятое место. На первых местах оказываются по убывающей такие виды трудовой деятельности, как финансы и страхование, промышленность, торговля, реклама, транспорт, здравоохранение, общественное питание, строительство (см.: [6, с. 62]). Данная картина характерна и для других постсоветских обществ.

Постановка вопроса о ценности знания и образования – это свидетельство мудрости, культуры и ответственности народа и избранной им власти. Поиск же ответа на этот вопрос постоянно стимулирует общественное сознание, образовательные и воспитательные институты в плане выработки созидательной научной политики, стандартов образования и самообразования, форм и способов реализации интеллектуального потенциала человека. Приобщение людей к созданным пластам знания – это важная, но недостаточная задача. Человечество способно развиваться только в том случае, если оно задается вопросом относительно возможности расширения своего познавательного пространства, необходимым механизмом чего всегда выступала наука. Именно она создает новое знание, реагирует на его социальную востребованность, подсказывает способы и технологии практической реализации.

Вместе с тем, наука всегда находится в определенном социально-культурном и экономическом пространстве. Это пространство предлагает свои правила игры, не всегда совпадающие с идеализированными схемами функционирования науки в обществе. Особенно это характерно для транзитивных экономик, в том числе и евразийского региона, не способных в силу объективных причин обеспечить необходимый уровень и масштаб научной деятельности. В таких условиях, естественно, нарушается не только материальная база науки, ее кадровое обеспечение, но происходит изменение в базисных основаниях культуры, системах ценностей, мировоззренческих ориентациях людей. Подобное стечение обстоятельств способно вызвать и, как правило, вызывает предпочтительное отношение к ненаучным системам мировоззрения. Результатом этого выступает подмена научно-рациональных форм сознания различными другими взглядами и убеждениями. Поэтому неудивительна в таких случаях популярность астрологических предсказаний, различных форм оккультного знания, которые по степени воздействия на сознание людей имеют более мобильный характер (в сравнении с научным знанием) в силу их относительной простоты, затруднительной верификации, а также по причине экзистенциальных особенностей психики человека.

Социально-культурная продуктивность подобных форм интеллектуального продукта весьма сомнительна. Это становится особенно заметно в контексте поиска эффективных программ преодоления социально-экономического кризиса, при необходимости разработки новых материалов и технологий, источников энергии, перспективных учебно-воспитательных курсов и методик и т.д. Во всех этих случаях и власть, и общество пытаются апеллировать к науке как источнику рационально-прагматичных форм знания, что вполне понятно и исторически оправдано.

В свое время К. Маркс и его последователи прогнозировали рост пролетариата и исчезновение среднего класса. В Германии в конце XIX–начале XX веков «старый» средний класс независимых предпринимателей, мелких фермеров и работников свободных профессий действительно пошел на убыль, но то же самое происходило и с рабочим классом: с 1895 по 1925 год доля промышленных наемных рабочих в совокупной рабочей силе сократилась с 56,8% до 45,1%. Между ними начал появляться новый слой – получающих жалованье служащих, занятых в офисах и на инженерно-технических должностях. В очерке, написанном в 1912 году, Э. Ледерер назвал упомянутую группу «новым средним классом». Больше десятилетия в немецкой социологии бушевали дебаты по поводу характеристики этого «нового среднего класса». Однако как бы к нему не относились, одно было очевидно – наметились тенденции к росту численности работников умственного труда.

Если в начале XX века численность работников физического труда была в десятки раз больше, чем численность «белых воротничков», то во второй половине века (период постиндустриального развития и становления информационного общества в наиболее развитых странах мира) начался стремительный рост числа последних. Например, в США в период с 1947-го по 1964 год численность специалистов и технического персонала увеличилась с 3,8

млн. до более чем 8,5 млн. человек. В рамках класса специалистов самую значительную группу составляли преподаватели. Общая численность преподавателей государственных и частных учебных заведений в США увеличилась с примерно 1,3 млн. в 1954/55 учебном году до 2,1 млн. в 1964/65-м и 2,8 млн. человек в 1970-м. Преподаватели составляли около 25% всех лиц, включаемых по переписи в категорию специалистов и технических работников. Численность инженеров в период с 1950 по 1966 год увеличилась более чем на 80% – с 535 тыс. до примерно 1 млн. человек, основными причинами чему были рост наукоемких отраслей промышленности, таких, как электроника, космическая и ракетная техника, научное приборостроение, ядерная энергетика и компьютерная техника, а также увеличение периода времени, требуемого для разработки и производства продукции в связи с усложнением процессов производства. Число ученых с 1930 г. по 1965 г. возросло с 64 до 475 тыс. Иначе говоря, если с 1930 по 1965 год численность всей рабочей силы страны увеличилась приблизительно на 50%, то число инженеров возросло на 370%, а ученых – на 930%.

А вот уже показатели сегодняшнего дня: почти 90% трудозанятых в США имеют высшее образование. Из них примерно 60% – со степенью бакалавра. В Японии серьезно рассматривается весьма амбициозная программа стопроцентного высшего образования для всей молодежи. Все эти показатели могут явиться убедительным объяснением того, почему названные и другие развитые страны мира достигли сегодня огромного научно-технического и технологического успеха, сформировали конкурентно способную экономику знаний, выступают лидерами многих социальных и культурных инноваций.

Одним из главных показателей приоритетности научного потенциала любой страны является доля затрат ВВП на научные исследования и разработки. Для примера приведем статистику затрат на науку в структуре ВВП некоторых восточноевропейских государств:

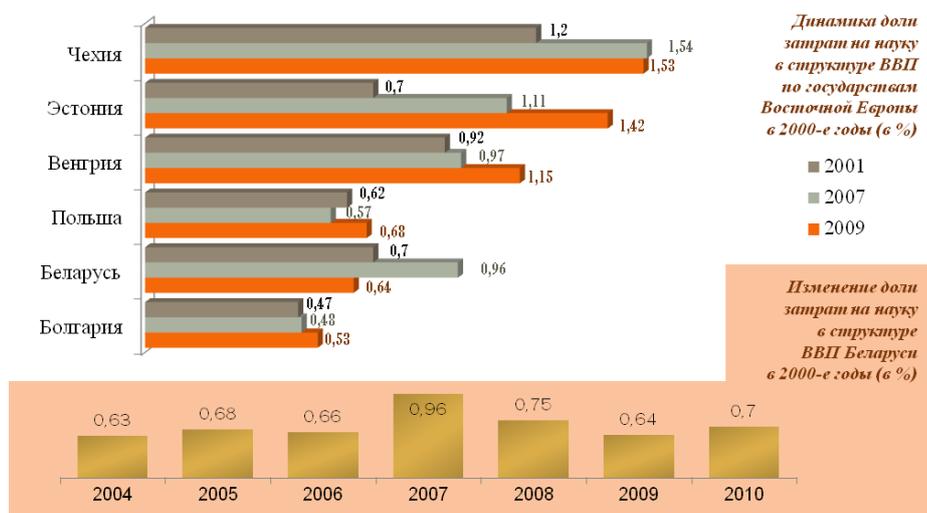

Рисунок 3. Динамика доли затрат на науку в структуре ВВП по государствам Восточной Европы

Как известно, наукоемкость ВВП в Великобритании и Франции составляет более 2%, а в США и Германии – около 3%.

По удельному весу фундаментальных исследований в затратах на науку Беларусь приближается к уровню ведущих стран (США – 18%, Италия – 22%, Франция – 25%), но несколько уступает по соотношению расходов на фундаментальные и прикладные исследования.

Важный показатель перехода к обществу, основанному на знаниях, – доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте страны. В Республике Беларусь эти показатели с 2006 г. начали снижаться, однако, по предварительной оценке ЮНЕСКО,

остаются сопоставимы с мировыми показателями (Швеция – 7,8%, Франция – 5,8%, Германия – 4,6%, Канада – 5,5%, Польша – 5%), которые являются порогом эффективности, позволяющим обеспечивать экономический рост на инновационной основе.

Исходя из вышеизложенного, следует признать в качестве особой государственной и гуманитарной задачи – актуализацию ценностей знания и образования как основы компетентности, креативности и безопасности человека и общества. Новая социокультурная функция образования и знания предполагает трансформацию ряда стереотипов в области организации и управления, производства, социальных отношений, межличностных и культурных коммуникаций.

Акцентация роли и исключительной важности знания не означает призыв к созданию общества виртуальных ценностей, в котором блуждает некий мифический образ информации и знания, а собственно производство, или так называемый реальный сектор экономики, вообще не принимается во внимание, или ему отводится второстепенная роль. Разумеется, это не так. Без индустриального производства, без реального сектора экономики не может существовать и развиваться ни одно государство. Речь идет о том, какова их эффективность. А этот показатель сегодня напрямую зависит от наукоемкости и высокой технологичности производства. Чтобы этого достичь, нужно искать новые сценарии развития. Современная практика социально-экономического и научно-технологического прогресса подсказывает такие сценарии модернизации. Речь идет о том, что в условиях современной интеграции и позитивной глобализации наиболее успешно коммуницируют информационно-интеллектуальные ресурсы, что выступает важнейшим условием кристаллизации собственной (национальной) инновационно-технологической инфраструктуры. Много, естественно, зависит от факторов эффективной организации и социализации науки. Среди них:

- Реализация государственной политики по поддержке и развитию фундаментальных научных исследований.

- Четкое понимание природы, специфики, различий, ценности и особенностей взаимоотношений теоретического и прикладного знания на всех уровнях общественного устройства.

- Организационная, финансовая, правовая и другая поддержка научных организаций и коллективов, обеспечивающих прирост теоретического знания.

- Дебюрократизация научного процесса.

- Обеспечение высокого общественного статуса знаний и информационно-коммуникационных компетенций.

- Формирование общественного понимания науки и позитивного восприятия научной сферы.

- Популяризация научных разработок, выполненных в стране, в глазах отечественной и зарубежной общественности

- Формирование прослойки специалистов в сфере менеджмента научных разработок.

Литература

1. Деминг, Э. Выход из кризиса. – Тверь, 1999.
2. Дракер, П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 67–100.
3. Кин, Дж. Средства массовой информации и демократия. – М., 1994.
4. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Пер. с англ. – М., 2001.
5. Статистические профили информационного общества, 2009 год, СНГ. – Женева, 2009.
6. Ракитов, А.И. Наука, образование и супериндустриальное общество: реалистический проект для России // Вопросы философии. – 2009. – №10. – С. 60–69.

7. Соколова, Г.Н. Состояние и использование человеческого капитала в Беларуси // Наука и инновации. – 2010. – №7.
8. Иноземцев, В.Л. Будущее России в новой индустриализации // Экономист. – 2010. – №11. – С. 3–15.

БЕЛОРУССКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И. Я. Левяш

*«Самопознание народов состоит существенно в том, чтобы созерцать себя в других народах. Для этого они должны доказать, что являются собой самостоятельные народы»
Г.В.Ф. Гегель [1, с. 480]*

Проблема идентичности белорусского интеллекта

Необходимой методологической предпосылкой и одновременно искомой сверхзадачей рефлексии интеллекта любого конкретно-исторического субъекта деятельности является различение его интеллектуального капитала и интеллектуального потенциала. Эти понятия нередко нестрого отождествляются. Так, на заседании «круглого стола» журнала «Беларуская думка» эксперты – ректоры белорусских университетов утверждали, что «там (в России, Чехии, Германии, Польше) тоже делают ставку на талантливую и перспективную молодежь с серьезным интеллектуальным потенциалом. Это ведь человеческий капитал» [2, с. 28].

Однако между этими понятиями – «дистанция огромного размера». *Интеллектуальный капитал* – это совокупность *реально достигнутых* субъектами (государствами, их альянсами, гражданскими и профессиональными структурами, индивидами) совокупных результатов развития духовных оснований социокультурной деятельности. А *интеллектуальный потенциал* – это *резервы*, которые необходимо выявить с целью оптимизации содержания, структуры и динамики развития интеллектуального капитала названных субъектов.

Не менее существенна методологическая потребность в дифференциации *хронотопа* (географического, геополитического / геоэкономического и культурно-цивилизационного измерения) в анализе интеллектуального капитала и потенциала конкретно-исторических субъектов. Так, в очевидной оптике первого из этих измерений Беларусь находится в центре Европы. Но *географически* Европа – это западная часть Евразии, а ее общепризнанным «хартлендом» является Россия – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Второе – *геополитическое / геоэкономическое* – измерение производно от первого, но не сводится к нему, и проблема в том, какую игру мы избираем или нам навязывают. Отсюда третье измерение проблемы – потребность не только в геополитическом/ геоэкономическом, но и в ее *культурно-цивилизационном* измерении [3, гл. 3] [4, кн. 1, с. 65–70]. Его парадигму можно выразить словами: «Культура стала сейчас повсеместно употребляемым синонимом идентичности» [5, с. XXXIV]. По словам Г. Померанца, «одной физической географией всего этого не объяснить. Среда – зов, а культура – ответ». Все акторы взаимодействия культуры и цивилизации погружены в структурно-динамический процесс эволюции и трансформации своих интересов и ценностей. Ф. Фукуяма, возражая против фундаменталистской максимы инвариантных ин-

тересов, убедительно пишет об их динамическом характере [6].

В этом процессе становится и развивается уникальность субъектов культурно-цивилизационной деятельности. «Каждому государству, как и человеку, – писал А. Тойнби, – присущ свой индивидуальный характер» (цит. по: [7, с. 21]). Такова одновременно их природа и императив по мере созревания. «Только бы мы осамились, стали самими собой» – это непреходящая идея русского Екклесиаста [8, с. 137].

Ключевая проблема, возникающая в этой связи, метафорически выражена в вопрошании: «Кто же здесь, собственно, задает нам вопросы... Кто здесь Эдип? Кто Сфинкс?» [9, кн. 1, с. 154]. По сути, это двуединый вопрос. Он предстает в двух основных версиях. Первая из них – релятивистская – сводится к тому, что страна видит себя глазами внешнего, но *конституирующего* Другого и нередко принимает импортные имиджи за собственную суть. Однако Другой способен играть роли генерирующего или дегенерирующего фактора, но по мере вызревания субъекта – все менее конституирующего.

Объяснение подобных феноменов в том, что самоидентификация, или *субстанциональное* самоопределение субъекта, первична относительно его идентификации. Этот процесс также не в «белых одеждах», не свободен от заблуждений. Но его смысловое средостение – в позиционировании не относительно внешнего Другого, а внутреннего Своего, рефлексии зрелого субъекта «наедине с собой». В таком ключе Сфинкс – это Эдип, озадаченный вопросом о *собственной сущности*.

Рассмотренная диалектика ориентирует на постижение не только сущего (состояния интеллектуального капитала Беларуси), но и его *должного*, императивного с точки зрения фундаментальных интересов и ценностей общества, государства, личности. Такой подход предполагает концептуальное осмысление проблемы с позиций триединого вопроса: «Откуда мы? Кто мы? Куда (и с кем) мы?». Это проблема *субъектности Беларуси*, ее идентичности в европейском и евразийском контекстах. В этой оптике актуализируется соотношение реалий и фантомов смыслотерминов «Европа» и «Евразия». Учитывая необходимость сосредоточиться на белорусском контексте проблемы, отошлем к публикациям [3] [4] [12] [13] [17] и ограничимся методом «эскиза к портрету».

Вопреки устойчивому мифу, Европа далеко не всегда обладала такой притягательной силой. Еще в конце XIX в. классик писал «о древней Азии и ее выдвинутом *небольшом полуострове, Европе*, которая во что бы то ни стало хочет казаться перед Азией "прогрессом человека"» [9, кн. 2, с. 197]. Принципиально важно понять, говоря словами экс-президента ФРГ Р. Херцога, что «Европа – нечто большее, чем Европейский Союз. К ней непременно относится и Россия со своей историей и культурой» [10]. Не менее значимо для нашей проблемы и обещающее стать хрестоматийным суждение экс-президента Польши А. Квасьневского: «Беларусь – не сосед Европы, а *европейский сосед*». Уже в силу совпадения видения Беларуси такими независимыми экспертами нет смысла отождествлять ЕС с действительно *единой* Европой: такой целостности еще нет, а иные ее составные находятся в досистемном состоянии. Тем более опыт ЕС – не партия, которую остается исполнить народам Европы, и он не избавляет от необходимости творческого решения проблемы ориентаций других европейских регионов.

Выбор этих ориентаций естественно инициирует проблему *идентичности* народов и государств, которые исторически вначале были государствами или составными центральноевропейских политических альянсов, позднее – непосредственно связаны с Россией, веками были с ней в одном культурно-цивилизационном ареале, а ныне строят Союзное государство и в перспективе – Евразийский Союз. Перед таким сложнейшим вызовом определение «самости» Беларуси – во многом открытая проблема.

«Мы выбираем не Восток и Запад или же Восток или Запад – *мы выбираем Беларусь*, которая в силу экономики, в силу истории, в силу географии, в силу культуры и менталитета будет и на Востоке, и на Западе» [11] – такова концептуально и политически зрелая формула субъектности современной Беларуси. Она предполагает опору на верифицируемые в историческом опыте *основания*.

В 1994 г. на международном форуме в Минске подчеркивалось, что Беларусь существует не в «ближнем зарубежье», а «у себя Дома» (см.: [12] [13]). Хронотоп белорусского Дома неуклонно конкретизируется в контексте «открытия» Центральной Европы, как относительно самостоятельного суперрегиона. Введение термина «Центральная Европа» (ЦЕ) в постдисциплинарный европейский дискурс требует пересмотра как его чисто географической версии, так и геополитической неопределенности термина «Центральная и Восточная Европа» (ЦВЕ). Степень соответствия Беларуси основным параметрам именно *центральноевропейского* (среднеевропейского) суперрегиона, населяющих его среднеевропейских народов такова: а) «цветущая сложность» (К. Леонтьев) или максимум многообразия при минимуме жизненного пространства; б) историческая общность христианской культуры народов Средней Европы и вместе с тем водораздел ее основных ветвей; в) острый дефицит материально-энергетических ресурсов и тем не менее – наличие главного производительного ресурса – квалифицированного работника; г) наследие объектов, нередко и «дубъектов» (А. Платонов), но неизменно – хронических аутсайдеров великих держав; д) основной театр военных действий прошедших и потенциальных мировых войн. В такой системной оптике Беларусь предстает как значимая глава единой древнерусской и не вполне известной центральноевропейской истории, которая, как подчеркивал А. Тойнби, формировалась более тысячелетия, еще до хрестоматийной колыбели – Киевской Руси.

К. Калиновский отмечал, что «история выработала для белорусов *особую национальность*, и они владеют всеми условиями для самостоятельного развития». Однако белорусская идентичность остается открытой проблемой. Некоторые сторонники формирования односторонне евразийского, т.е. *внеевропейского* развития Беларуси предлагают «программу импортозамещения идей», в которой, оказывается, между Великим княжеством Литовским, Речью Посполитой и Беларусью нет никакой связи, а Радзивиллы, Сапеги и Огинские не имеют ничего общего с белорусами. В свою очередь, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН А. Коваленя заметил: «Мы уже однажды смотрели на историю через призму коммунистической идеологии». Он не согласился с тем, что белорусы должны вычеркивать те или иные исторические периоды или значимые имена. По его словам, белорусы должны гордиться всеми, кто жил на территории страны и вошел в ее историю [14].

В какой же культурно-цивилизационной нише сформировались белорусы как «особая национальность»? Этот вопрос решают все субъекты в процессе своего культурно-исторического самоопределения и, к примеру, в Великобритании до сих пор не определились со своей атлантической или европейской природой. В свое время Гете писал: «Deutschland? Aber wo liegt es? Ich weiss das Land nicht zu finden» («Германия? Но где она? Я не могу найти этой страны»). В этой связи немецкий исследователь А. Зам отмечал, что ситуация в Беларуси начала 1990-х гг. имела свои аналоги в немецком развитии, которое получило название *Sonderweg* – «особый путь». Белорусский *Sonderweg*, при всей его уникальности, – однопорядковый с поиском народов, которые искали свою *центральноевропейскую* идентичность *вопреки* многовековой и мощной гравитации «Запада» и «Востока». Концептуальное осмысление этой одиссеи требует адекватных смысловых терминов.

Интеллектуальное наследие «золотого века»

В истории были времена, когда малые субъекты определяли состояние и перспективы европейского культурно-цивилизационного пространства (например, эпоха итальянского Возрождения). В условиях глобального мира возникла и стала нормативной логика «больших пространств», в которой малые субъекты воспринимаются как вторичные, в тени «больших», системообразующих субъектов. Такой скептицизм характерен и для некоторых оценок белорусской культуры. Так, утверждается, что «в сравнении с эталонными (выстроенными и многократно отрефлектированными) философскими традициями стран-соседей (польско-европейский и российский тренды) белорусская философская культура является в большей степени усваивающей, чем изобретающей...» [15, с. 116].

Некоторые основания для такой оценки действительно есть. Объективной тенденции *восходящей культуротворческой* субъектности белорусов в судьбах центрально-европейских народов все более противостояла *нисходящая цивилизационная* тенденция – мутации Беларуси в объект экспансии Запада и Востока, ристалище их противостояния. Культурное ядро народа постепенно сжималось, с трудом выживая перед лицом полонизации и русификации. И все же ни «панский», ни российско-имперский, ни советский периоды не смогли довершить денационализацию белорусской культуры.

XVI век – «золотой век» белорусского Возрождения, символический ключ белорусской национальной идеи. В этот период в Беларуси произошло кардинальное культурное обновление, которое обрело *общеευропейскую* ценность. Статут Великого княжества Литовского 1588 г. – яркое свидетельство зрелой белорусской *субъектности*. Известный политик Речи Посполитой Г. Коллонтай писал о Статуте как «о той книге, которую нельзя вспомнить без великого восхищения... Статут дает уважение человеческому уму... его можно считать самой совершенной книгой законов во всей Европе» (цит. по: [16]). В это время было создано отечественное книгопечатание, основаны университеты и академии (в 1531 г. – «греко-латинская» Академия в Смоленске, в 1569 г. – Виленская иезуитская Академия). Культурный мир обогатился творениями Ф. Скорины, М. Гусовского, М. Литвина, С. Будного, Л. и С. Зизаниев, В. Тяпинского, А. Волана, А. Римши. Книгопечатание в Московской Руси основали белорусы Петр Мстиславец и Иван Федорович (Федоров). Гильяш Копиевич усовершенствовал алфавит кириллицы (отсюда – «копиевка», утвержденная Петром как гражданская грамота). Положения белорусского Статута 1588 г. вошли в российское Соборное уложение. Симеон Полоцкий – просветитель, поэт, драматург, автор первого устава Московской академии – был духовным наставником Петра I.

Выдающиеся сыны Беларуси творили не благодаря, а вопреки обстоятельствам – в лоне официальной польской культуры, но не забывали отчих корней. Типичный синдром ментальной белорусскости переживал Адам Мицкевич родом из Новогрудчины. Он сильно тосковал по родине и в поэме «Пан Тадеуш» писал: «Litwo! Ojczyzna moja! Ty jesteś jak zdrowie, / Ile cie trzeba cenic ten tylko sie dowie / Kto cie stratil. Dzis pieknosc twa w caley ozdobie / Widze i opisuje, bo teskne po tobie». По словам польского публициста С. Братковского, у Польши есть «кое-какие обязательства перед Беларусью, Украиной, Литвой и Латвией». Об этих долгах напоминает уже то, что «треть нашей интеллигенции носит фамилии, по которым легко установить, из каких земель она происходит». Такую блистательную польско-литовско-белорусскую когорту, творящую общеευропейские ценности «поверх барьеров» узкого этнонационализма, Ф. Ницше называл «французами среди славян».

Приобщение Беларуси к России, вопреки русификации, привело и к фундаментальным положительным результатам. Оно положило конец феодальной анархии, спо-

собствовало росту производительных сил, принесло некоторую политическую стабилизацию. Ставшее *родным* для большинства белорусов русское Слово открыло общеевропейский культурный горизонт. Достаточно назвать такого гиганта европейского и мирового значения, как этнический белорус Ф. Достоевский.

Народ, испокон веков населяющий Беларусь, был и остается самостоятельным или составным субъектом европейской культурно-политической истории и современности (см.: [17]). Реальная субъектность белорусов изначально, особенно в эпоху Средневековья, имела *не эконом-центристский, а религиозно-политический* характер. Фундаментальные процессы структурирования и эволюции культурно-цивилизационных комплексов, их взаимовлияния проходили под этим знаменателем. Иное дело – мощное и разновекторное воздействие этих обстоятельств. Беларусь изначально испытывала это встречное воздействие и, тем не менее, оставалась собою благодаря прочной «прописке» в центральноевропейской Киевской Руси. «Древнерусская эпоха была временем *наибольшей "европейскости"*» [18, с. 178].

Эта доминанта выявилась в полную меру, когда на смену раннефеодальной государственности пришло Великое княжество Литовское. По М. Любавскому, ВКЛ – «это исконная Русь, существовавшая на старом корню, медленно эволюционирующая, но не срывающаяся со своих жизненных устоев, ... на этом фундаменте создавалась и вся дальнейшая стройка...», формировался жизненный уклад, «имеющий много сходного с западно-европейским феодализмом» [19, с. 1, 75–76, 80]. «В итоге среди динамичных общественных слов... происходит переориентация на западные нормы и ценности», что означало «включение их в круг центральноевропейской цивилизационной модели». «Вестернизацию» средневековых белорусских земель нельзя преувеличивать... Но и отвергать историческую особость белорусов, как это повелось со времен появления т.н. "западнорусизма" в русской и советской историографии, также неверно» [18, с. 181–182].

Именно в этом цивилизационном сдвиге прежде всего, а не только в геополитических вызовах тевтонов и татар, следует видеть основную причину того, что в 1569 г. ВКЛ на основе Люблинской унии объединяется с Польским королевством в федерацию Речь Посполитая. Формально положение белорусов в ее составе было равноправным, но польская элита оказались «несколько ровнее». В сейм было избрано 180 представителей, хотя из них только 46 – от ВКЛ и всего 36 – от белорусских земель. Ведущая роль шляхты в политическом управлении страной, а также ее тесная связь с католическим духовенством, стимулировали произвол в отношении православной церкви. На основе актов Брестской унии 1596 г. «не получилось союза, получился переход в Католическую Церковь части церкви Восточной» [20].

Кардинальный сдвиг к европейскому Западу, ставший «красной тряпкой» для геополитически поднимающейся Москвы, привел к *смене траектории* дальнейшей эволюции Беларуси. В результате впервые в истории произошла масштабная миграция белорусского Одиссея из *Центральной Европы* в *Восточную*. В итоге войны между Московским государством и Речью Посполитой в 1654–1667 гг. и ее последующих разделов в 1772, 1793 и 1795 гг. большая часть белорусской территории была включена в состав Российской империи – по определению – «*Востока*», с точки зрения ортодоксов «Запада». С 1840 г. Беларусь стала, по терминологии П. Столыпина, ее «Северо-Западным краем», т.е. просто *территорией* без собственного этнонима, или феноменом чисто географическим и производным от империи.

Вместе с тем, констатируя эти противоречивые сдвиги, было бы упрощением сводить их к смене, по-своему значимой, геополитической парадигмы. Начиная с общей центральнославянской колыбели – Киевской Руси, Беларусь находилась с Россией в раз-

личных ситуациях политического противостояния, но *всегда* – культурно-цивилизационного притяжения. Несомненно, ключевую и смыслообразующую роль в этой длительной и прочной традиции сыграла общая с Россией стойкая православная вера белорусского крестьянина. Связь между конфессиональными и социальными проблемами была настолько фундаментальной, что обусловила непрерывные культурно-демографические коммуникации Беларуси и России. Огромное влияние на них оказали встречные миграции: с одной стороны, массовые переселения русских, в особенности бегущих от закрепощения и преследуемых за веру («староверов») в Белую Русь, а затем – в Северо-Западный край, с другой – бегущих в Московию от полонизации, главным образом – фактически принудительного обращения в католическую веру или ее униатскую модификацию. В XVI–XVII вв. белорусы (в основном – ремесленники) интенсивно заселяют Москву и составляют до 20% ее жителей.

Отмеченные процессы провоцируют к выражению их хронотопа в терминах *пограничья, моста, ворот, контактной зоны*. На наш взгляд, суть проблемы может быть адекватно выражена смыслотермином «фронтир». Этимологически фронтир восходит к англ. *frontier* – «граница», а исторически – к концепции фронта как «пограничья» между цивилизацией и «варварским» миром. Эволюция содержания этого термина позволяет ввести его в научный дискурс как одну из смыслообразующих геософских идей. В отличие от границы и во многом – в противоположность ей, *фронтир* – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных практик, во взаимодействии которых, в конечном счете, все более отчетливо кристаллизуется определенный культурно-цивилизационный вектор – в определенном конкретно-историческом хронотопе. Для Беларуси он не «западный» и не «восточный», а автохтонный – *центральноевропейский*.

Современность белорусского интеллекта в контексте национальной и коллективной безопасности

Реальная субъектность современной Республики Беларусь напрямую зависит от ее способности, опираясь на достойное наследие, быть вовлеченной в процесс *модернизации*. Конкретизация проблемы требует ее переосмысления в контексте сущностно понятой *Современности*. Это понятие с большой буквы не случайно, хотя в экспертной среде (не говоря уже о политиках) осталась незамеченной модель современного модернизационного процесса, предложенная профессором Упсальского университета, директором Шведского коллегия высших исследований в области общественных наук Б. Виттроком. Он пишет о существенных различиях между *темпорально* и *сущностно* понятой Современностью: «Требуется ввести те или иные сущностные параметры... какие обычаи и институты современны, а какие – нет. Общество современно только при условии, что ряд ключевых для него институтов и типов поведения правомерно называть современными». По Виттроку, современность не сводится к «совокупности технологических и организационных нововведений», порожденных и инициируемых индустриализацией. Это также новые институты, способные «стимулировать непрерывный процесс инноваций»: *регулируемый рынок, коэволюция демократического государства и гражданского общества*, но прежде всего это «культурные слагаемые современности, а именно этой частью своего собственного наследия социальная наука склонна пренебрегать». Современность, отмечает эксперт, «не есть единая цивилизация», а совокупность взаимосвязанного множества процессов модернизации, находящихся на различных уровнях своей зрелости и тем не менее определяющих «общее для всего мира состояние» [21].

Соответствие Беларуси отмеченным критериям требует верификации, и в принципиальном плане это возможно путем контент-анализа (под углом зрения нашей темы)

новой редакции Концепции национальной безопасности Беларуси (далее – Концепция), утвержденной Указом Президента Указом №575 от 9 ноября 2010 г. «Для устойчивого развития нашего государства это один из наиболее значимых документов, – отметил А.Г. Лукашенко на заседании Совета Безопасности РБ 19 октября 2010 года. – Данный документ закрепляет сущность и содержание многогранной деятельности по обеспечению баланса интересов личности, общества и государства». Концепция содержит не только базовые положения о субъектах и объектах национальной безопасности в этом духе, но и ряд положений, которые непосредственно ориентируют на постижение смыслового ядра нашей проблемы: *«Человеческий потенциал стал важнейшим фактором социально-экономического развития».*

В Концепции, адекватно вызовам и угрозам современности для Республики Беларусь, отмечается, что, наряду с технико-экономическими факторами роста производительности общественного труда, возрастающую роль играет «повышение эффективности секторов, обеспечивающих воспроизводство человеческого капитала (образование, наука, здравоохранение, культура)...», и среди основных индикаторов этого процесса подчеркиваются такие показатели, как *индекс развития человеческого потенциала*; затраты на научные исследования и разработки; уровень обеспеченности ресурсами здравоохранения, образования; уровень развития информационных технологий и телекоммуникаций;

В этой связи обращается внимание прежде всего на *информационную сферу*. «Информационные технологии нашли широкое применение в управлении важнейшими объектами жизнеобеспечения. Основными национальными интересами в научно-технологической сфере являются: формирование экономики, основанной на знаниях, обеспечение развития науки и технологий как базы устойчивого инновационного развития Республики Беларусь;...расширение присутствия Беларуси на мировом рынке интеллектуальных продуктов, наукоемких товаров и услуг». В социальной сфере основными национальными интересами являются:...развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала общества, сохранение и преумножение его культурного наследия, укрепление духа патриотизма... Научные, научно-технические и инновационные разработки переориентируются на конкретные потребности экономической, социальной и иных сфер, растет их результативность».

Вместе с тем в Концепции, наряду с констатацией, что «Беларусь достигла высокого уровня развития человеческого потенциала...Забота о здоровье населения, внедрение здорового образа жизни, доступность и качество образования, сохранение культурного наследия характеризуют высокую социальную ответственность государства», акцентируется внимание и на требующих решения фундаментальных проблемах. Происходит *«снижение научно-технологического и образовательного потенциала до уровня, не способного обеспечить инновационное развитие»* (курсив мой – И.Л.). «Остаются низкими наукоемкость ВВП и доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства. Эффективная национальная инновационная система в целом не создана. Не развита инновационная инфраструктура...». Отмечается «зависимость Республики Беларусь от импорта информационных технологий, средств информатизации и защиты информации».

В Концепции подчеркиваются также проблематичный характер состояния духовных, в том числе – нравственных параметров человеческого капитала. Оно выражается в том, что его интеллектуальная составная не во всем соответствует нравственной зрелости части общества, которому присущи «...утрата традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных тради-

ций и необъективного пересмотра истории, затрагивающие данные ценности и традиции». Во многом это происходит в силу «...широкого распространения в мировом информационном пространстве образцов массовой культуры, противоречащих общечеловеческим и национальным духовно-нравственным ценностям». В конечном счете, всесторонне взвесив соотношение позитивных и негативных моментов состояния интеллектуального капитала республики, авторы Концепции приходят к выводу о том, что «...недостаточными остаются качество и популярность белорусского национального контента». Накопленный Беларусью интеллектуальный капитал еще «не в полную меру соответствует ее потенциалу и роли в мире» (курсив мой – И.Л.).

В положениях Концепции системно представлены как накопленный Беларусью интеллектуальный *капитал*, так и требующий практической реализации ее интеллектуальный *потенциал*. Минимизация дистанции между ними – такова сверхзадача современной Беларуси. Она является одним из значимых «игроков» в новой системе взаимосвязей в той мере, которая обусловлена не столько их масштабами и геоэкономическим весом, сколько *способностью к творческой адаптации и пассионарностью*. «Признаки такой модели, – отмечает российский эксперт, – можно заметить в...практике государств, которые борются за сохранение собственного «Я» в мировой системе, ощущают себя достойными *своего* будущего. Среди развитых стран – это Канада, Норвегия, Япония. Среди развивающихся – Россия, Белоруссия, Китай» [22]. Такая оценка – в русле размышлений одного из ведущих западных экспертов Ханны Параг: «В отличие от прошлых эпох, в наше время военная мощь не имеет решающего значения...Сегодня в расчет надо принимать другие, более весомые факторы, а именно экономическую эффективность, долю в мировом рынке, технологические инновации, запасы природных богатств, численность населения, а также нематериальные факторы... волю нации и дипломатическую искушенность» [7, с. 10].

Многие из этих факторов характеризуют Республику Беларусь. «Собирание» постсоветского пространства фактически началась с Союзного государства России и Беларуси, и наша страна – одна из трех, которые интенсивно строят ЕЭП и Евразийский Союз. Не случайно ведущая оппозиционная газета «Белорусы и рынок» в своем юбилейном (тысячном) номере констатировала, что «белорусский профессор Левяш писал в журнале "Беларуская думка", что и малая страна может быть великой, если она играет значимую роль в истории» [23, с. 15].

Это вовсе не гипербола. Американский антрополог и писатель К. Кастанеда отмечал, что «стратегия – удел сильных игроков, мир слабых обходится без стратегии» [24, с. 12]. Видимо, речь должна идти не о фатальном «уделе» (судьбе), а о концептуально зрелом, осознанном выборе и реализации адекватной реальности стратегии национальной безопасности Республики Беларусь в современном сложном и динамичном мире, стратегии, которая ориентирует на мобилизацию главного стратегического резерва республики – *человеческого капитала и его интеллектуального потенциала*.

Литература

1. Гегель, Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990.
2. Пути гармонизации образовательного пространства («круглый стол») // Беларуская думка. – 2012. – №9. – С. 24–42.
3. Левяш, И.Я. Культурология. Учебное пособие для вузов. Изд.5. – М., 2004.
4. Левяш, И.Я. Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение. В 2 кн. – Минск, 2012. – Кн. 1, 2.
5. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М., 2003.
6. Фукуяма, Ф. Войны будущего // Независимая газета. – 11.02.1995.

7. Параг, Х. Второй мир. – М., 2010.
8. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 тт. – Т.11. – Л., 1974.
9. Ницше, Ф. Сочинения. В 2 кн. – М., 1990. – Кн. 1, 2.
10. «Независимая газета». – 20.05.1999.
11. Лукашенко, А.Г. Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире: доклад на совещании с руководителями загранучреждений // «СБ – Беларусь сегодня». – 23.07.2004.
12. Левяш И.Я. (ред.). Восточная Европа: политический и социокультурный выбор. – Минск, 1994.
13. Левяш И.Я. Средняя Европа: структура и геополитический выбор // Полис. – 1995. – №1.
14. Информационное сообщение агентства БелаПАН о заседании круглого стола «Религиозный фактор национальной безопасности Беларуси» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belapan.by/archive/2012/03/15/?page=3&filterby=day&startdate=2012-03-15>. – Дата доступа: 01.12.2013.
15. Философия, политика, культура. – М., 2011.
16. Кожедуб, А. «Власть и вольность в руках своих имеем» // Литературная газета. – 29.10–4.11.2008.
17. Левяш, И.Я. Субъектность Республики Беларусь как нации-государства // *Studia społeczno-polityczne*. – Rzeszow. 2007.
18. Риер, Я. Цивилизации средневековой Европы // Вестник Европы. – 2006. – Т. XIX–XX. – С. 165–187.
19. Любавский, М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – М., 1915.
20. Кротов, Я. Размышления об унии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krotov.org/yakov/vera/unia.html>. – Дата доступа: 01.12.2013.
21. Виттрок, Б. Современность: одна, ни одной или множество? // Полис. – 2002. – №1. – С. 141–159.
22. Пономарева, Е., Никифорова А. Инновация как научная и политическая проблема // Свободная мысль. – 2011. – №1. – С. 29–44.
23. «Белорусы и рынок». – 24.04.2012.
24. Кастанеда, К. Путешествие в Икстлан. – Киев, 2008.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА МИРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЗАДАЧИ ПО ЕГО ГАРМОНИЗАЦИИ

В. К. Савченко

Процессы глобализации. Современный этап глобализации основан на международных взаимосвязях, взаимозависимостях и взаимных обменах людьми, продуктами труда, культуры, идеями, знаниями, информацией, а также на работе созданной планетарной финансовой, транспортной, телекоммуникационной инфраструктуры. После возникновения системы Организаций Объединенных Наций в 1945 г. начался период создания международных механизмов для поддержания мира, глобального управления развитием, соблюдения прав человека и охраны окружающей среды. В 2000 г. Международный валютный фонд (МВФ) обратил внимание на важные аспекты процесса глобализации – это торговля и финансовые транзакции (движение товара и услуг и их оплата); движение капитала между странами и инвестиции; миграция населения и движение рабочей силы; распространение знаний и перенос технологий [1]. В процессе экономической глобализации возникли такие экологические проблемы, как планетарные изменения климата, трансграничное загрязнение воды и воздуха, сверхэксплуатация морских и океанских рыбных ресурсов [2].

С процессом глобализации связаны и такие негативные явления, как осложнение отношений между бизнесом и организациями работников, необходимость защиты окружающей среды и замедления потерь биоразнообразия, актуализация проблем сохранения культурного наследия, утечка мозгов, экспансия массовой культуры с ее конъюнктурностью и насилием.

Глобализация производства и торговли. Возникновение и развитие мировых финансовых, транспортных и телекоммуникационных систем положительно сказалось на развитии международного производства и предпринимательства. Производство товаров и услуг, торговля ими вышли за пределы национальных границ: возникли мультинациональные корпорации и транснациональные компании, которые получили доступ к финансовым, природным и трудовым ресурсам соседних стран, регионов и континентов. Такое расширение производственной деятельности и торговли обеспечило быстрый рост доходности и стимулировало процесс инноваций. В частности, возникли и утвердились транснациональные компании в области быстрого питания («Макдональдс»), безалкогольных напитков («Кока-кола» и «Пепси-кола»), производства автотранспорта (Дженерал моторс, Тойота, Рено), бытовой электроники («Сони», «Самсунг», «Моторола», «Нокия»), энергетики («Шелл», «Тексако», «Бритиш петролеум», «Газпром») [3].

Глобализация способствует повышению темпов и расширению объемов международной торговли капиталом, товарами и услугами, что обеспечивает прирост ВВП многим странам. Конкуренция на внешних рынках стимулирует уменьшение издержек производства, включая снижение энерго- и материалоемкости изделий, совершенствование технологий путем инноваций, снижение себестоимости и рыночной цены, улучшение качества товаров и услуг в целях повышения их конкурентоспособности. С целью привлечения иностранного капитала для создания рабочих мест и стимулирования своей экономики правительства стран стали создавать свободные экономические зоны с преференциями в порядке налогообложения и торговли для иностранных инвесторов капитала и транснациональных компаний. Вместе с тем, с глобализацией и возникновением мировой финансовой системы связано такое явление, как уход от уплаты налогов в стране происхождения товара путем создания офисов и счетов компаний и физических лиц в офшорных зонах, где ставки налогов оказались ниже или вообще отсутствуют. Налоговые льготы бизнесмены находят в таких странах, как Швейцария, Ирландия, Либерея, Ливан, Панама, Гонконг, Сингапур.

Свой значительный вклад в процессы глобализации делает международный туризм и путешествия в другие страны с целью полноценного отдыха, перемены мест или деловой активности. В 2010 г. число международных туристов возросло до 940 миллионов с ростом на 6,5% по сравнению с 2009 г. и объемом финансирования 919 млрд. долларов США. Важным фактором глобализации, стал современный спорт, затрагивая политические, экономические и культурные интересы всех стран. Летние и Зимние Олимпийские игры, проводимые с интервалом в 4 года, а также чемпионаты мира и регионов по отдельным видам спорта привлекают внимание правительств и населения всей планеты.

С глобализацией связаны не только позитивные явления, но и негативные, такие как международный черный рынок, нелегальная торговля природными и культурными богатствами, создание путей для трафика наркотических средств, нелегального перемещения людей с целью эксплуатации, а также человеческих органов для трансплантации, организация интернациональной проституции и сексуального рабства.

Экономическая глобализация. Она связана с глобализацией производства и возрастанием взаимозависимости между национальными экономиками в связи с усилением

процесса экономической интеграции стран в результате их международной специализации. Глобализация экономики обуславливает формирование мирового производства и рынка товаров, возникновение глобальной конкуренции и стимулирует технологические инновации, усиление экономической кооперации развитых и развивающихся стран. Свой вклад в процесс экономической глобализации внесли такие международные организации, как Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация.

Созданная глобальная финансовая система повысила свою открытость и транспарентность, улучшила правила регулирования и деловую эффективность международных рынков. Мировая экономика оказалась тесно связанной с интегрированной финансовой системой. Серия финансовых кризисов в Европе, Азии, Латинской Америке и США оказала влияние на всю мировую экономику и вызвала глобальный спад производства, торговли и потребления. Для борьбы с бюджетным дефицитом в условиях экономического кризиса многие страны стали использовать меры экономии и бережливости, которые включали сокращение расходов и повышение налогов с целью выплаты внешнего долга и новых заимствований [4].

Культурная глобализация. Глобализация и возрастание возможностей для культурных контактов, восприятия и ассимиляции достижений иных культур, с одной стороны, приводит к обогащению и модернизации локальных культур, а с другой стороны, вызывает их унификацию и нивелирование, несет угрозу для местной культуры. Этот процесс быстро развивается после возникновения глобального интернета и спутникового телевидения.

Глобализация стимулирует перемены, модернизацию и трансформацию в различных областях культуры. Распространению и обмену содействуют международные художественные выставки и аукционы, музыкальные и театральные фестивали и конкурсы. Глобализация способствует языковым контактам и взаимодействиям в результате которых возникают заимствования словарного запаса, происходит конвергенция языков или возникают смешанные языки. Вторая тенденция связана с освоением других языков, в результате чего большинство современного населения владеет несколькими языками. Наиболее распространенным языком является английский, который широко используется в системе международных коммуникаций. Им владеют в той или иной степени 3,5 млрд. человек, он доминирует в сети Интернет.

Одновременно с распространением мультилингвизма наблюдается ускорение процесса отмирания языков, в особенности языков малых этнических общностей. Всего насчитывается около 6–7 тысяч языков, причем большая часть из них обслуживает небольшие общности численностью около 10 тыс. человек. Большинство таких языков принадлежит к числу исчезающих, и ожидается, что к 2100 г. от 50 до 90% из них исчезнет.

Социальная глобализация. Наша цивилизация вошла в фазу быстрого возрастания численности населения. Временные промежутки для удвоения численности населения планеты быстро сокращались на протяжении последних двух столетий. По данным ООН в конце 2011 г. на нашей планете обитало 7 млрд. человек, быстрыми темпами растет численность городского и сокращается численность сельского населения. Глобализация оказала влияние на общественную жизнь, возрастание социальной роли массовых коммуникаций, она влияет на развитие здравоохранения и сохранение окружающей среды.

Продуктом глобализации и одновременно фактором, ускоряющим ее темпы, является Интернет. Возникающие виртуальные сообщества и социальные сети способны играть важную роль в общественных коммуникациях и влиять на социальные процессы.

Глобализация также способствовала объединению усилий стран в области здравоохранения при решении проблем, выходящих за государственные границы.

Глобальная рабочая сила, которая обеспечивает производство товаров и услуг, составляла в 2012 г. около 3 млрд занятых работников и около 300 млн безработных. Возникла практика использования дешевой местной рабочей силы развивающихся стран и привлечения к организации производства иностранных менеджеров. Миграция предпринимателей, деятелей культуры, ученых, квалифицированных специалистов, опытных рабочих и служащих получила название утечки мозгов. Этот миграционный поток направлен прежде всего в США и в страны Европы.

Противоречия процесса глобализации и требования к его гармонизации. Сторонники глобализации считают этот процесс необходимым и желательным в связи с тем, что он способствует экономическому росту и развитию, содействует благополучию всех людей. Противники – наоборот, утверждают, что глобализация несет с собой вредные последствия для населения. Под вопрос ставится устойчивость социума и природных экосистем, возможности длительного экономического роста, становится заметным растущее социальное неравенство, расширение неокOLONИализма и доминирование развитых стран, культурная ассимиляция и потворство этноцентрическому гедонизму [5] [6]. Глобализацию обвиняют в том, что она наделяет привилегиями инвесторов и держателей капитала, оставляя в стороне простых людей. При этом тех, кто борется за права человека называют антиглобалистами [7]. Глобальное сообщество граждан возникает из ответственности каждого человека за состояние биосферы и сохранение нашей цивилизации перед лицом эко-социального кризиса и угрозы ядерного конфликта.

Литература

1. International Monetary Fund. Globalization: Threats or Opportunity. – IMF Publications, 2000.
2. Bridges, G. Grounding Globalization: The Prospects and Perils of Linking Economic Processes of Globalization to Environmental Outcomes // Economic Geography. – 2002. – Vol. 78, №3. – P. 361–386.
3. Ingham, B. International economics: a European focus. – Pearson Education, 2004.
4. Новикова, И.В. Глобализация, государство и рынок: ретроспектива и перспектива взаимодействия. – Минск, 2009.
5. Гринин, Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. – 2005. – №1. – С. 6–31.
6. Beck, U. Pouvoir et contre-pouvoir à l'ère de la mondialisation. – Paris, 2003.
7. Cohen, D. La Mondialisation et ses ennemis. – Paris, 2004.

СОЦИОТЕХНИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ИНФРАСТРУКТУР НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В. В. Цепкало, В. П. Старжинский

Создание национальных инновационных систем. В настоящее время в качестве одной из ключевых задач развития научно-технической сферы в различных странах мира выступает создание национальных инновационных систем (НИС), имеющее важное значение для как для коммерциализации создаваемых технологий, повышения конкурентоспособности экономики в целом, так и для формирования структур инновационно ориентированного общества.

Как правило, становление НИС идет путем формирования отдельных их элемен-

тов – государственных инновационных фондов, технопарков, инновационно-технологических центров, парков высоких технологий. Зачастую эта деятельность осуществляется несистемно; отсутствуют либо слабо выражены связи отдельных элементов НИС, принадлежащих определенному сектору экономики, с другими секторами; не задействуется в полной мере потенциал сферы науки, образования, а также промышленности. Так происходит в тех случаях, когда в основу развития НИС оказывается положено заимствование зарубежного опыта, попытка скопировать отдельные фрагменты экономического механизма инновационной системы другой страны и интегрировать их в собственную строящуюся НИС. Как правило, такие попытки не приносят ожидаемых результатов. В итоге, несмотря на целый ряд нововведений, которые являются ценными сами по себе, прорыва в сфере инновационного развития все же не происходит.

Модернизация экономики в целом невозможна без проектирования и внедрения методов и технологий инновационного развития. Большинство стран мира в той или иной мере осваивают новые и высокие технологии, многие из них активно проводят в жизнь политику инновационного развития. Одной из основных проблем, с которыми сталкивается строительство НИС, является отсутствие действенных экономических механизмов, стимулирующих инвестирование в инновационную сферу. И наоборот: развитие государственно-частного партнерства в научно-технической деятельности, разработке и внедрении технологических и социальных инноваций способно оказать определяющее влияние на темпы формирования и качество организации НИС.

Модернизация производства и строительство НИС в Республике Беларусь основываются на понимании этого факта. Научно-инновационное обеспечение процесса модернизации повышает его эффективность и, в конечном счете, положительно сказывается на показателях социально-экономического и демографического развития страны в целом и отдельных ее регионов. Именно поэтому в 2012 году в нашей стране был принят закон «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь», создающий рамочные правовые условия для широкомасштабного внедрения инноваций в различных областях производственно-хозяйственной жизни. Данный процесс в полной мере соответствует тенденции, согласно которой в последние годы наша экономика во все большей степени интегрируется в глобальную экономическую систему, начинает лучше отвечать международным экономическим стандартам. Этому во многом способствуют интеграционные процессы на постсоветском пространстве, формирование Евразийского экономического сообщества.

В настоящее время развитие НИС рассматривается как реализация конструктивной методологии для разработки и продвижения инноваций в экономике, создания экономики знаний. Родоначальником конструктивного подхода следует считать К. Фримана, который в конце 1980-х гг. ввел само понятие НИС как сложной системы экономических субъектов и общественных институтов (таких как ценности, нормы, право), участвующих в создании новых знаний, их хранении, распространении, превращении в новые технологии, продукты и услуги, потребляемые обществом.

Специфика социотехнического проектирования. Проектирование – это специфическая деятельность по созданию проекта (прототипа), предшествующего получению искусственно созданных технических объектов. Проект содержит описание основных способов построения объектов, включая необходимые для этого ресурсы, и основывается на создании концептуальной и инструментальной моделей.

Социотехническое проектирование (СТП), в отличие от классического проектирования, направлено не на машинные компоненты, а на человеческую деятельность, ее социальные и организационно-психологические аспекты; отличительными особенно-

стями СТП являются методологизация и гуманитаризация. Целевая размерность данного вида проектирования представлена двумя уровнями. На первом (предметном) уровне находятся идеальные модели планируемых объектов, тогда как на втором (уровень методологической рефлексии) происходит вписывание этих объектов и самой проектной деятельности в социально-культурную среду. Другими словами, СТП предполагает расширение предметной среды и включение рефлексивно-методологической деятельности в ресурсы проектирования. В качестве объекта СТП включает саму сферу проектной деятельности – «проектирование проектирования» и содержит организационно-технологические (интеллектуально-когнитивные, нормативно-правовые, кадровые и другие) ресурсы, а также «мягкий компонент» в виде мотивационно-психологической поддержки. Особенность СТП заключается в том, что его установки направлены не только на существующие прототипы, а на инновационное развитие в целом. В качестве регулятивов выступают идеалы и нормы, функционирующие в теоретической и методологической сферах, а также сфере социальных отношений, ориентированных на получение идеального конечного результата. В частности, производственно-экономическая сфера в качестве такого интегративного показателя-результата предполагает наибольшую эффективность и доходность. Когда предметом СТП становится инновационное развитие, то в его пространство входит не только производственно-экономическая (бизнес) сфера, но и внешняя социокультурная среда как пространство бытия человека. Поэтому СТП тесно переплетается с планированием, управлением, программированием, прогнозированием, организационной и нормотворческой деятельностью. Особо следует подчеркнуть оргпроектирование, связанное, прежде всего, с совершенствованием, реструктуризацией организационных систем управления, проектированием новых организаций, организационных систем управления, построением структур управления организациями и т.п.

Проектирование инновационной инфраструктуры ЕврАзЭС. Возможные пути и сценарии консолидации региональных инновационных инфраструктур в рамках единого экономического пространства и Таможенного союза является одной из наиболее важных задач, относящихся к стратегическому СТП.

Инновационная инфраструктура представляет собой специализированную подсистему ресурсной поддержки функционирования основной системы – НИС, представленной на разных уровнях ее организации. Задача инфраструктуры как системы второго, вспомогательного уровня – поддерживать бизнес-процессы на всех этапах инновационного цикла развития, обеспечивая оптимальные условия для осуществления деятельности субъектов инновационного производства. Функцией СТП является не только целенаправленное моделирование социально-организационных структур, но и системное воздействие на ценностно-мотивационные установки личности. Оптимальные формы социогуманитарного проектирования достигаются за счет конвергенции иерархических и сетевых механизмов управления, а также гармонизации линейных и нелинейных (средовых) подходов. Проектирование инновационной инфраструктуры на основе ресурсного подхода, рассматривающей инфраструктуру как совокупность всех подсистем, обеспечивающих доступ к различным ресурсам (активам), должно учитывать также барьерный в виде преодоления (реконструкции) различных препятствий на пути создания НИС и ее функционирования.

Таким образом, СТП инновационных инфраструктур определяется необходимостью разработки системного подхода к решению таких актуальных проблем модернизации и инновационного развития на Евразийском пространстве как:

– оценка инновационного потенциала ИКТ и иных высоких технологий в сфере

модернизации традиционных отраслей промышленности;

– разработка стратегии использования методологии и принципов социотехнического проектирования инновационной инфраструктуры для диагностики эффективности информационно-коммуникационных и иных высоких технологий в решении задачи построения НИС;

– обоснование средств обратной связи и корректирующего воздействия на процессы модернизации, преодоления барьеров в реконструкции социально-организационных структур в государственной финансовой, правовой, и налоговой политике стран-участниц Таможенного союза.

Новизна поставленных задач и путей их решения определяется поэтапной разработкой философско-методологической концепции проектирования оптимальной инновационной инфраструктуры, включающей не только производственно-экономические, но и управленческие, организационные, коммуникативные и образовательные компоненты.

В процессе СТП необходимо решение следующих задач:

1. Проанализировать инновационный опыт СТП и внедрения инновационных инфраструктур в дальнем зарубежье (Евросоюзе, США, Китае, Японии, развивающихся странах Тихоокеанского региона), а также на евразийском пространстве. Эксплицировать проблемы и барьеры инновационного развития, а также принципы проектирования, содержащиеся в исходных нормативных документах, регламентирующих проектирование, внедрение и развитие соответствующих инновационных инфраструктур в Российской Федерации и Республике Беларусь.

2. Провести философско-методологическое обоснование перспективных направлений и подходов к организации социогуманитарного ресурса проектирования инновационных инфраструктур: постнеклассическая рациональность, гуманистическая методология философского конструктивизма, субъектно-ориентированный подход, философия и методология синергетики, проблематика управления сложностью. Проанализировать построение механизмов оптимального социально-экономического развития в виде гармонизации государственного регулирования в сфере развития высоких технологий и социотехнического проектирования.

3. Разработать механизмы конвергенции линейных и нелинейных моделей инновационного развития. Раскрыть инновационный потенциал и риски, связанные с модернизацией традиционных отраслей промышленности, ИТ-образования, использования интеллектуального ресурса, эмиграции и иммиграции интеллекта.

4. Разработать методологические основы социотехнического проектирования инновационных инфраструктур в контексте субъектно-ориентированного подхода: совершенствования механизмов частно-государственного партнерства, стратегии модернизации социально-экономического развития хозяйственных комплексов, основанной на создании НИС. Сформулировать приоритеты инновационного развития в сфере информационно-коммуникативных и иных высоких технологий как катализаторе модернизации национальных социально-экономических комплексов ЕврАзЭС.

5. На этом базисе обосновать системный характер социотехнического проектирования базовых процессов Парка высоких технологий Республики Беларусь и Инновационного центра «Сколково»: условий функционирования, этапов развития, стратегии развития, направлений деятельности, стратегии расширения направлений деятельности, конкурентного бенчмаркинга и др.

Предполагаемые результаты. Итогами социотехнического проектирования должна стать философско-методологическая концепция модернизации социально эко-

номического комплекса в Республике Беларусь, Российской Федерации и других субъектах в контексте внедрения современных информационных технологий как значимого интеллектуального ресурса инновационного развития. Будут сформулированы системно-методологические основания и конструктивные разработки в сфере СТП существующих социально-организационных структур для адаптации к потребностям экономики знаний, разработаны философско-методологические принципы совершенствования и реконструкции технологий в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, создания венчурных фондов, поддержки «старт-апов». С целью оптимального использования принципов СТП инновационной инфраструктуры ПВТ РБ и ИЦ «Сколково» для успешного инновационного развития современных ИКТ будут обоснованы принципы оптимальной реструктуризации (структурной перестройки) при создании НИС, а также принцип преодоления «социально-организационных барьеров». Значительное внимание будет уделено обоснованию практических рекомендаций для модернизации кадровой, финансовой, правовой и налоговой политики при осуществлении модернизационных преобразований.

Литература

1. Freeman, C. Technology Policy and Economic Performance. – London, 1987.

НАУЧНЫЕ КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОРА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ОПЫТ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ

И. Б. Михеева

Становление единого интеллектуального пространства Евразийского Союза, а также оптимизация процессов государственного строительства и межгосударственного взаимодействия в регионе Европы и Азии среди прочих необходимых параметров предполагают серьёзную работу по налаживанию партнёрства в системе межэтнических отношений и национальной политики. Такое партнёрство можно определить как устойчивую систему взаимодействия между органами власти, обществом и национальными организациями по поводу проведения совместной деятельности в областях социальной жизни, охраны историко-культурного наследия, образования, сохранения языка и пр.

Как известно, система партнёрства отличается от простого сотрудничества органов власти и акторов национальной сферы коллегиальным участием, влиянием представителей национальных организаций в процессе принятия управленческих решений, распределении финансовых и др. средств. В связи с этим разработка научных критериев эффективности механизмов партнёрства в системе межэтнических отношений и национальной политики должна быть основана на главных принципах партнёрства вообще и партнёрства в данной области в частности. К таким принципам могут быть отнесены следующие: равноправие сторон партнёрства; соблюдение норм законодательства; полномочность представителей сторон; добровольность принятия обязательств с учётом реальных возможностей выполнения принимаемых обязательств; обязательность исполнения договорённостей и ответственность за принятые обязательства; обязательность проведения консультаций сторон в ходе сотрудничества по основным вопросам (национальной политики); отказ от односторонних действий, нарушающих договорённости; взаимное информирование сторон переговоров об изменении ситуации; принятие решений и осуществление действий в рамках согласованных

правил и процедур.

Международная правовая база, регулирующая отношения в системе межэтнических отношений и национальной политики, состоит из перечня документов, созданных различными международными организациями, в том числе – ООН, ЮНЕСКО, МОТ (Международная организация труда), УВКБ (Управление Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев), УВКПЧ (Управление Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по правам человека). Основными международными документами о правах меньшинств и этнокультурных общностей являются Международный пакт о гражданских и политических правах и основанная на нём Декларация Организации Объединённых Наций о правах меньшинств (резолюция 47/135). Соблюдение или несоблюдение соответствующих норм (статей) этих документов конкретным государством свидетельствует как о самом факте, так и о качестве функционирования механизмов партнёрства в системе межэтнических отношений и национальной политики.

С учётом наработанных в мировой практике данных в сфере межэтнических отношений и национальной политики (см.: [2] [3] и др.). Всю совокупность критериев эффективности механизмов партнёрства в данной области можно классифицировать следующим образом.

Во-первых, следует говорить о *социально-экономическом критерии*, включающем в себя в качестве подкритериев оценку положения меньшинств в национальном контексте; выявление структур, условий и приоритетов для улучшения их положения; содействие доступу к достойной работе и экономическим возможностям. Раскрывая содержание социально-экономического критерия партнёрства, прежде всего, следует охарактеризовать сложившиеся подходы к оценке положения меньшинств в национальном контексте (см. об этом: [1]). Эти подходы определяются, во-первых, тем, признаются ли вообще в данной стране группы меньшинств и если да, то обеспечено ли это правовыми или директивными документами, и, во-вторых, оценка зависит от такого показателя, как количество и качество актуальных проблем меньшинств в стране. Весьма существенным показателем социально-экономического критерия выступает также содействие доступу к достойной работе и экономическим возможностям. Здесь оценивается, имеют ли меньшинства равный доступ к возможностям занятости и приносящим доход видам деятельности, а также то, учитываются ли в нормативной базе и политике, особенно в трудовом законодательстве и в национальной политике в области занятости, права меньшинств в сфере труда и какие существуют механизмы реализации и обеспечения соблюдения этих прав.

Не менее важен, во-вторых, *социально-политический критерий*, раскрывающийся в таких своих составляющих, как поощрение и защита прав на равенство и недискриминацию; поощрение и защита права на участие в политической жизни; поощрение и защита права меньшинств создавать ассоциации; поощрение и защита прав перемещённых меньшинств; поощрение и защита прав лиц и меньшинств без гражданства (см. об этом: [1]). В рамках данного критерия очень важен вопрос о механизмах, во-первых, поддержания диалога внутри групп меньшинств и с такими группами на национальном, региональном и местном уровнях государственного управления и, во-вторых, обеспечения эффективного участия меньшинств в политической жизни на местном и общенациональном уровнях. С этим связана проблема наличия парламентских или иного рода групп, лоббирующих интересы меньшинств. Право меньшинств на участие в политической жизни также связано с тем, представлены ли меньшинства в органах государственного управления (например, в качестве членов Парламента, в судебной системе и в правоохранительных органах и т.д.). Существенным здесь выступает и обстоятельство влияния участия членов меньшинств в общественной жизни

ни на обеспечение гендерного равенства внутри общины и в обществе в целом. В частности, интересен анализ механизмов, которые были или могли бы быть созданы для содействия участию женщин, принадлежащих к меньшинствам.

В-третьих, это *культурно-образовательный критерий* в совокупности таких показателей, как поощрение и защита прав на самобытность, образование и культуру; поощрение и защита прав меньшинств на основные социальные услуги; поощрение и защита права на участие в развитии; поощрение и защита прав детей, принадлежащих к меньшинствам; информационно-просветительская деятельность и общественная информация (см. об этом: [1]). Такой маркер, как поощрение и защита прав на самобытность, образование и культуру, предполагает исследование видов программ и мер, которые могут быть разработаны для создания благоприятных условий, позволяющих женщинам и мужчинам, принадлежащим к меньшинствам, проявлять свои особенности и развивать свою культуру, язык, религию, традиции и обычаи. Он также включает в себя анализ того, как можно обеспечить пользование меньшинствами равными возможностями в изучении родного языка и / или обучении на родном языке, включая изучение их истории, традиций, языка и культуры, а также каким образом можно обеспечить в условиях гуманитарного кризиса, и, в частности, в случаях вынужденного перемещения, право детей, принадлежащих к меньшинствам, на изучение их родного языка. В этом контексте информационно-просветительская деятельность и общественная информация, являясь одним из основных средств расширения возможностей меньшинств, может играть существенную роль в поощрении и защите прав меньшинств, поскольку внимание общества к положению меньшинств можно привлекать с помощью разнообразных инновационных подходов. С этой целью, например, полезно предусмотреть подготовку информационных материалов, в том числе на различных языках, и их широкое распространение; организацию кампаний по случаю международных дней, таких как 10 декабря – День прав человека; оказание поддержки деятельности по профессиональной подготовке / созданию потенциала и информационно-просветительской деятельности, в том числе и представителей меньшинств.

Литература

1. Вопросы меньшинств в Республике Беларусь, Европе и мире / Европейский центр по вопросам меньшинств; сост., авт. предисл. А. Осипов, А. Василевич. – Минск, 2012.
2. де Варенн, Ф. Руководство по правам меньшинств и их языкам / Пер. с англ. М.В. Дьячкова. – М., 2002.
3. Will Kymlicka. Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe. In: Can Liberal Pluralism be Exported? (ed. W. Kymlicka, M. Opalski). – Oxford University Press, 2001.

ИДЕЯ ЕВРАЗИЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ОСОЗНАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

И. М. Клецкова

В русской философии конца XIX – начала XX века нашли свое отражение формы освоения опыта соседства с восточными культурами, которые становятся остроактуальными, поскольку именно в это время в России складываются смысловые координаты осознания собственной уникальности, осуществляются активные поиски источников конструирования цивилизационной идентичности.

Необходимо отметить две, как минимум, сложившиеся стратегии осознания опыта и перспектив взаимодействия европейского и восточного (азиатского) топосов. *Пер-*

вая стратегия отсылает нас, скорее, к метафизическим построениям, имеющим характер первичного анализа цивилизационной специфики Востока и Запада и носящим, по преимуществу, оценочный характер. Еще в 1836 году в «Философических письмах» П.Я. Чаадаев высказывал мысль о том, что самоопределение цивилизационной принадлежности русской культуры, которое для самого философа исчерпывающим образом выражается в целостном недифференцированном «мы», «нас», «нам», возможно через сравнение с европейской и восточной цивилизациями. Он предполагал, что, «раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара» [6, с. 28]. При этом разум понимается как важнейшее свойство Запада, а воображение – ключевое качество Востока.

Интерес представляет модель понимания перспектив взаимодействия Европы и Азии, предложенная в работе В.И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Будучи скорее историком, этнографом, славистом, чем академическим философом, он, тем не менее, создает собственную модель взаимодействия Европы и Азии на примере России, усматривая в особом географическом и природном ландшафте страны возможности формирования особого типа цивилизационной целостности. В.И. Ламанский обращает внимание на то, что Россия представляет собой уникальный пример соединения Европы и Азии. Именно на этих территориях сформировались наиболее значительные племена, несущие в себе зачатки великих цивилизаций. Здесь сформировались «три великие отдела или мира, каждый со своими, исключительно ему свойственными, географическими, этнологическими и культурно-историческими особенностями» [1, с. 2]. Описывая «собственно Европу» и «собственно Азию» в их, так сказать, рафинированных версиях, В.И. Ламанский предлагает использовать понятие «Средний мир». Это не настоящая Европа и не настоящая Азия, а то, что соединяет в себе черты той и другой, сохраняя при этом лучшее и от Европы, и от Азии. При этом «русская Азия» – по сравнению с не-русской – имеет неимоверно большой природный и пространственно-географический потенциал, непосредственно примыкает к самой России – ее географическому центру, что позволяет ей стать – и она уже ею становится – местом, где могут расселиться миллионы русского народа. Таким образом, она станет не местом, где процветает эксплуатация и насилие, а родиной и отечеством для переселенцев из европейской России. При этом мир собственно азиатский, Восток, описывается автором во вполне узнаваемых европоцентристских смысловых координатах, как представляющий «картину полного духовного истощения и упадка или самой неотесанной грубости» [1, с. 10] или как «непоправимая грубость и одичалость» [1, с. 17]. Факторы, которые должны способствовать консолидации европейско-азиатского пространства России, разнообразны. Из наиболее важных В.И. Ламанский называет наличие единого языкового пространства (и как результат администрирования, и как условие приближения к образованности, понимаемой как европейская образованность), доминирование – количественное и идейное (этническое и конфессиональное) славянских православных народов, что обеспечивает почву для культурного и политического единства. Еще один аргумент в пользу возможности формирования нового типа культурного единства – анализ географических особенностей, а именно, отсутствие географических ландшафтных преград, способных воспрепятствовать освоению единого пространства.

В.И. Ламанский, находясь в плену традиционных для XIX века представлений о Востоке, осуществляет радикальное изменение взглядов на цивилизационную сущность России, обозначая в качестве значимой ее компоненты азиатские народы. При этом,

правда, утверждается, что значимость русской Азии (в отличие от не-русской) возможна лишь за счет наличия России европейской, которая доминирует – в идейном и образовательном аспектах – над Азией и постепенно будет передавать ей свои ценности (читаем – русифицировать). Собственно, образ Азии, сконструированный в работе В.И. Ламанского, ее типологические черты и историческая динамика, с одной стороны, соответствуют геополитическим программам России конца XIX века, но, с другой стороны, что особенно важно, предлагают новый образ евразийской цивилизации, с особой остротой обсуждаемый сегодня.

Вторая стратегия осознания опыта и перспектив взаимодействия европейского и восточного (азиатского) семантического и природного пространства возникает уже как специфическая реакция на изменившиеся политические обстоятельства и, хотя обнаруживает во многом созвучие с русской интеллектуальной традицией XIX века, может быть уже расценена как своеобразный геополитический и идеологический проект. Сформировав идейное ядро своей концепции в 20-х годах XX века, «евразийцы с их резкими нападками на всю западную культуру в целом поставили новые акценты во внутривосточном споре» [2, с. 24]. Евразийцы в лице Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, оценивая результаты политической динамики России после Великой Октябрьской социалистической революции, говорят о естественности (с точки зрения путей развития России) идеологической переориентации нового большевистского правительства на союз с Азией. Н.С. Трубецкой замечает, что новой власти удастся избежать «высокомерного тона европейской империалистической страны, "цивилизующей" каких-то "варваров", что они стараются внушить этим народам сознание естественной культурной солидарности России и Востока» [4].

Евразийцы прибегают к анализу европейской цивилизации и описывают ее с позиций критики европоцентризма, предполагая, что перемещение культурных центров происходит в направлении России-Евразии и Северной Америки. Для П.Н. Савицкого образ России представляется как территориальный центр «Старого Света, как сопряжение экономических "Европы" и "Азии", как "Евразии" не только в общеисторическом и общекультурном, но хозяйственно-географическом смысле. Держава Российская, в ее современных пределах, есть в обозримой потенции не просто частица Старого Света, но некоторое уменьшенное воспроизведение его совокупности» [3]. Показательно, что евразийцы используют органицистские метафоры для обоснования своей точки зрения. В равной степени значимыми в их понимании являются и природные факторы – ландшафт и климат.

Дополнительные аргументы в пользу оправданности евразийского проекта русские мыслители этого периода видят в общности исторических судеб и в сильном влиянии «туранского элемента» на формирование культурных ценностей русского народа. Так, Н.С. Трубецкой задается вопросом: «если в Московской Руси туранская по своему происхождению государственность и государственная идея оправославились, получили христианское религиозное освящение и идеологически связались с византийскими традициями, то возникает вопрос: не произошло ли одновременно и обратного явления, т.е. известной "туранизации" самой византийской традиции и проникновения черт туранской психики в саму русскую трактовку православия?» [5]. Ответ на поставленный вопрос видится философу в обнаружении сходных черт религиозной психологии, которые роднят две культурные традиции.

Литература

1. Ламанский, В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. / В.И. Ламанский. – СПб., 1892.

2. Люкс, Л. Заметки о «революционно-традиционалистской» культурной модели «евразийцев» / Л. Люкс // Вопросы философии. – 2003. – №7. – С. 23–34.
3. Савицкий, П.Н. Степь и оседлость. / П.Н. Савицкий // Gumilevica – Гипотезы, теории, мировоззрение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm>. – Дата доступа: 27.10.2013.
4. Трубецкой, Н.С. Наш ответ: евразийство и белое движение. / Н.С. Трубецкой // Gumilevica – Гипотезы, теории, мировоззрение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns17.htm>. – Дата доступа: 27.10.2013.
5. Трубецкой, Н.С. О туранском элементе в русской культуре. / Н.С. Трубецкой // Gumilevica – Гипотезы, теории, мировоззрение [Электронный ресурс]. – 1998. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns06.htm>. – Дата доступа: 27.10.2013.
6. Чаадаев, П.Я. Философические письма // П.Я. Чаадаев. Сочинения. – М., 1989.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

Л. Е. Лойко

В XIX – начале XX вв. русская философия достигла наивысшего расцвета. В этот период в ней сформировалось несколько направлений, связанных с ориентацией на европейские, славянофильские, евразийские ценности культурной географии. Все эти направления формируют основу позиции России как великой державы в современном мире и влияют на содержание евразийской интеграции.

Европейский вектор концептуальной рефлексии начинается с творчества П. Чаадаева – философа-западника, лично знакомого с Шеллингом, члена масонской ложи «Соединенных братьев», куда он входил вместе с Пестелем и Грибоедовым. В «Философических письмах» П. Чаадаев обозначил важную проблему ценностных оснований российской культуры.

Историю России он рассматривает как часть единого, целостного мирового или, по крайней мере, общеевропейского исторического процесса. Единство истории предопределено замыслом Божиим. Каждый народ своим путем идет к единой цели – царству Божию на земле. Сам П. Чаадаев отдает предпочтение христианским народам. Сравнивая пройденный путь и перспективы Западной и Восточной Европы, то есть России, он считает западные государства образцом с точки зрения разумной организации жизни и просвещения народа.

Исходя из этого, П. Чаадаев полагает, что развитие философии связано с анализом общественной жизни людей, а социально-исторические концепции и являются настоящей, или, как он говорил, первой, философией. Благодаря П. Чаадаеву, социально-историческая проблематика заняла в русской философии особое место, т.к. связана с пониманием прошлого, настоящего и будущего народа. В своей философии истории П. Чаадаев предпринял попытку выявить общее и особенное в историческом процессе, подчеркнуть уникальность исторического бытия русского народа. Идеи П. Чаадаева стали своеобразным импульсом к дальнейшему развитию русской философии и появлению целой плеяды ярких и оригинальных мыслителей.

Славянофильская традиция сконцентрировалась на задаче создания христианской православной философии. Создание полной системы свободной и научной теософии ставил перед собой В. Соловьев. Широко известны труды П. Флоренского и среди них книга – «Столп и утверждение истины». С. Булгаков – религиозный философ, богослов и экономист высказал оригинальные идеи о Софии и создал концепцию историософии в

работах «Философия хозяйства», «Свет невечерний», «Тихие думы», «Купина неопалимая», «Друг жениха», «О Богочеловечестве». Н. Бердяев проанализировал проблемы свободы, духовности, личности, творчества, истории, техники. Каждый из философов этого направления отличается своим неповторимым, индивидуальным стилем и языком. Вместе с тем у них есть и общие идейные основания:

– *соборность* – особое состояние жизни первых христианских Соборов, когда были сформулированы догматы веры. Тогда еще не было разделения церквей, не было сомнений, анализа, рефлексии. В последствие западно-католическая церковь своим рационализмом разрушила соборность, а православная церковь сохранила чистоту и целостность соборной духовности. Она не допустила разлагающего влияния разума в сферу духа, оставив место мистическому, интуитивному, чувственно-эмоциональному переживанию жизни. Отсюда в русской философии возникает идея облагородить Запад, интегрировать его в орбиту русской культуры и тем самым спасти от развала западную культуру и ее ценности;

– *софийность* – фактически представляет собой конкретизацию идеи соборности. Божественная София – это преображенная мать, символ России, которая должна родить новое Слово, нового Христа. На этой основе можно будет преодолеть разделение церквей и народов. Церковь станет вселенской, а государство – всемирной монархией;

– *всеединство* – продолжает идею софийности. Под всеединством понимается бытие в Боге, которое является высшей целью человека и человечества. Путь к такому бытию лежит через интуитивное понимание Софии, через переживание, через экзистенциальное потрясение, через мистику. Следовательно, к бытию в боге нет внешнего пути, есть только внутренний. А это и есть вера, которая представляет собой непосредственное, сердечное проникновение в бытие. Разум же включен в веру, но не лидирует в ней. Все многообразие мира скреплено божественным единством блага, истины и красоты.

Космическое направление развития славянофильской традиции (космизм) является наиболее интересным и продуктивным в научно-техническом аспекте. Идея космической гармонии была привнесена в российскую культуру вместе с православием. Со временем, в конце XIX – начале XX вв., она приобрела естественнонаучный и философский смысл. Основные идеи космизма:

– Бог-творец создал мир и человека в нем. Отношения между человеком и миром несовершенны и негармоничны и в этом замысел творца: человеку оставлена возможность дальнейшего творческого развития и совершенствования мира;

– человек – органическая часть космоса. Необходимым атрибутом человека является активность, он – художник и творец мира, поэтому способен организовать и направить свою активность на творческое изменение мироздания;

– поскольку преображение мира является смыслом человеческой жизни, постольку человек должен совершенствовать свою внутреннюю природу, гармонизировать свои отношения с внешним миром. На этом пути он обнаруживает в себе «богочеловека»;

– в процессе своей деятельности человек осваивает природу как в планетарном, так и в космическом масштабах. Но при этом он должен учитывать свою общность с миром как общность микрокосма и макрокосма. В результате будет достигнуто подлинное всеединство, биосфера перейдет в ноосферу, сформируется экологическое сознание.

Космизм ускорил развитие российской науки, в частности естествознания, в аспекте утверждения гуманитарных ценностей и формирования экологического сознания. Характерна установка на обоснование научно-технических параметров и практических задач освоения космоса. Освоение природы должно строиться на единых ценностных основаниях, на понимании общности человека и мира.

Евразийской направление развития российской философии конституировалось на основе славянофильской традиции рефлексии. Оно смогло преодолеть локальную замкнутость европоцентризма и византизма и сосредоточиться на образе России как трансконтинентального пространства степной культуры, интегрирующего множество народов. Географический детерминизм конкретного пространства сформировал общую историческую память евразийских народов. На эту особенность практически никто не обращал внимания. Одним из первых концептуальную реконструкцию общей истории евразийских народов осуществил Л.Н. Гумилев на основе оригинальной методологии культурно-исторических типов и русского космизма. Он связал космическую историю с межэтнической и обнаружил ресурсы пассионарного движения в евразийском пространстве. Биосфера и ноосфера приобрели фундаментальное значение для понимания региональной истории и современных процессов.

Востребованность евразийских ценностей имеет место не только в России, но и в Казахстане, поскольку это государство имеет трансграничный статус между Европой и Азией. На его территории в советский период истории произошло формирование тюрко-славянской основы нации техногенного типа. Евразийские идеи Л.Н. Гумилева значимы и для Беларуси, поскольку межэтническое содержание ее истории со средних веков формирует историческая память, связанная с совместным противостоянием белорусов и татар ассимиляционной политике крестовых походов. В годы Великой Отечественной войны славяно-тюркский межэтнический союз окончательно трансформировался в общую евразийскую историю и позволил сохранить самобытность Беларуси.

ПРОЦЕСС ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Е. У. Байдаров

Сегодня в общественном мнении многих стран глобализация ассоциируется с экспансией западной цивилизации (*западофикация* – по В. Шалаеву) и связанной с ней культуры. Ради того, чтобы сохранить свою «культурно-цивилизованную оболочку», незападные страны пытаются выбрать путь назад, в форме «возвращения традиций», что ведет зачастую к застою и их изоляции от современного мира. Но все же, исходящие от глобализации импульсы следует воспринимать предвестниками формирования новой глобальной цивилизации, основанного на нашей общей принадлежности к роду человеческому во всем его культурном многообразии.

Современные процессы глобализации вызывают фундаментальные количественные и качественные изменения в жизни различных обществ. Созданные на предыдущих этапах исторического развития институциональные механизмы не предназначены для освоения глобализирующегося мира. Поэтому, на наш взгляд, понятие «вызов», введенное в научный оборот А. Дж. Тойнби, актуально для обозначения происходящих в настоящее время значительных перемен. «Вызов» – есть воздействие эволюционно-революционных изменений, ведущих, в том числе и к глобальной трансформации витального (жизненного) пространства мирового социума.

В эпоху глобализации социально-экономические, политические, культурные и иные виды вызовов в той или иной мере переплетаются. Приобретая комплексный характер, они оказывают воздействие на основные сферы общественного устройства. Это находит отражение в процессах, определяющих тенденции в различных областях жизнедеятельности чело-

вечества. Неоднозначные процессы глобализации порождают «системный вызов», с которым сталкиваются развитые и развивающиеся государства, к которым относится и Республика Казахстан.

Поскольку Казахстан наряду с другими государствами Центральной Азии подвержен воздействию глобального «вызова» перед их обществами возникает вопрос: «Как в этих условиях сохранить свои духовные ценности и культурно-историческую память в процессах государственного строительства и межгосударственного взаимодействия?».

Любые общечеловеческие ценности не могут существовать без духовных ценностей, передающихся из поколения в поколение, сохраняя свою культурно-историческую память. Ценности играют определяющую роль в духовной жизни человека: Ценности образуют мир смыслов и символов, идеалов и целей человеческого существования, мировоззрения, образа жизни; выступают основой индивидуальных и коллективных убеждений, суждений, поступков.

Благодаря духовным ценностям с ее ориентацией на вечные и абсолютные ценности происходит *о-духо-творение* повседневного существования, этноса, возвышение над его обыденностью и прозаичностью, а пространственно-временные границы конечного индивидуального бытия раздвигаются до сопричастности универсальному и бесконечному бытию человеческого рода и космоса.

В процессах глобализации, безусловно, проявляются и ассимилирующие тенденции, однако универсализацию и унификацию следует понимать не в абсолютном, а в относительном смысле. Это означает, что универсализации и унификации подлежат не любые материальные и духовные ценности, созданные в различных уголках, регионах и странах мира, а лишь те, что имеют общечеловеческое значение.

Думается, универсализация и унификация материальных и духовных ценностей ни в коей мере не приведет к отрицанию национальных традиций, культуры, национальных государств и их суверенитета.

Сегодня, в период глобальных трансформаций и системного кризиса западной цивилизации, ядром ценностного взаимодействия этносов Казахстана могут стать именно духовные ценности. Именно поиск объединяющих ценностей, идей могут способствовать укреплению казахстанской государственности, патриотизма, суверенитета и межгосударственного взаимодействия.

На необходимость сохранения культурных традиций казахского народа в контексте государственного строительства и межгосударственного взаимодействия, обращает внимание известный казахстанский культуролог Мурат Ауэзов. Он отмечает, что ценностный, прагматический принцип хозяйствования в кочевом обществе как бы предопределял ограниченность, скупость предметного мира кочевья. Но вместе с тем этот принцип породил предельную, можно сказать, избыточную смысловую содержательность предметного мира, его переплетенность с эмоциональной психологической деятельностью индивида и социокультурной деятельностью общества. Он пишет, что в силу ряда причин исторического характера и прежде всего трансформации традиционного хозяйства, уклада кочевых в прошлом народов «содержание этих знаков культуры становится все менее понятным, доступным, читаемым. Вместе с тем, отказ от исторических корней, нигилистическое отношение к духовной традиции губительно для национальной культуры не в меньшей мере, чем самоизоляция и замкнутость...» [1, с. 19]. Правом на будущее обладает только та страна, которая утверждает свое программное и оригинальное видение мира, способная обогатится наследием не только прошедших времен, но и опытом других стран и народов.

Каждая эпоха, уходя в историю, сохраняет, тем не менее, самостоятельное культурное значение. На следующем витке в новой ситуации элементы культурных систем прошлого

могут быть востребованы, актуализированы и переведены из пассива в актив в общественном сознании.

Интересно мнение бывшего Президента Тайваня Чэнь Шуйбяня о проблеме сохранности и преемственности культурных ценностей. Он писал, что «в условиях новой эры, в которой духовное потребление будет играть главную, а материальное потребление – вторичную роль, нужно будет провести радикальные реформы в сфере культурной и образовательной политики; высшим приоритетом должно стать обеспечение сохранности культурного достояния и передача следующим поколениям наследия цивилизации» [2, с. 252].

Эта модель культурно-цивилизационного развития является образцом и для Республики Казахстан.

Известный арабский исследователь А. Муниф писал, что «нация, у которой есть свои собственные уходящие корнями в далекое прошлое история, цивилизация и культура, отличается от корабля, пассажиры которого, собравшись вместе по воле случая и приключений, воображают, что при помощи денег и высокомерия они способны создать свою собственную историю» [3, с. 332]. Только так используя весь предшествующий опыт многих поколений можно добиться успехов в процессах государственного строительства, не затерявшись в потоке истории.

Таким образом, духовные ценности предотвращают распад общественной памяти, то есть той коллективной памяти, которая позволяет интерпретировать прошлое нации, государства, формировать оптимальное настоящее и моделировать желаемое будущее. Сохранение общественной памяти приобретает для казахстанского общества особую актуальность, так как в процессе «казахстанского пути» в глобальном мире XXI века, формируется новая концепция нации, национальное самосознание, национальная и государственная идентичность. Одновременно происходит концептуализация прогноза будущего нации и национального мироустройства, осмысления той особой роли, которую нация призвана сыграть в мировом культурном и политическом процессах. В свою очередь становление и развитие нации и государства невозможно без сохранения исторической памяти народа.

Литература

1. Ауэзов, М.М. Иппокрена. – Алматы, 1997.
2. Чэнь Шуйбянь. Сын Тайваня. – М., 2001.
3. Муниф А. Право «третьего мира» не соглашаться // Сравнительная политология: Запад – Восток – Россия. – М., 2000.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

О. В. Нечипоренко, В. В. Самсонов

Несмотря на то, что современные социально-экономические изменения на территории бывшего СССР на протяжении последних десятилетий привлекают внимание ученых, вопрос о характере и направлении этих изменений остается открытым. Трансформационные процессы в постсоциалистических странах, часто осмысляются в рамках теории «переходного периода» или транзитологии, которая стала не только аналитической моделью, но и совокупностью практических рецептов для проведения социально-экономических и политических реформ. Основой этой влиятельной концепции был образ восхождения от авторитаризма к демократии, в котором начало пути представляло собой относительный минус, а завершение плюс. Идея глобальной демократизации вос-

ходила к теории модернизации и, по сути, являлась ее творческим ответвлением, развивающим и детализирующим этот процесс в его идейно-политическом измерении. Исходя из транзитологической теории, постсоветские государства к концу 1990-х гг. подошли к этапу консолидации демократии и медленно, тяжело, но верно двигались к определенному социально-экономическому и политическому ориентиру западноевропейского или американского образца. При этом считалось, что это движение не только оправданно и естественно, но его цель принципиально достижима в обозримые исторические сроки. Изменения в экономике рассматривались в первую очередь как «переход к рыночной экономике», т.е. движение к известной «естественной» модели, внедрение которой приведет к посттрансформационной стабилизации и экономическому процветанию.

Однако, начиная с 2000-х гг. простейшие схемы транзита подвергается критике. В связи с очевидным несоответствием теории и практики во многих странах, пошедших по пути демократических преобразований, встает вопрос о кризисе транзитологии как аналитической модели. Основной тезис академического направления критики [1, с. 2] транзитологии состоит в том, что к концу 90-х годов XX века концепция глобального «переходного периода» или «третьей волны», исчерпала свой аналитический потенциал и будучи использованной американским политологическим сообществом для анализа постсоциалистических трансформаций, по сути, представляла собой не анализ, а идеологию. В течение последнего десятилетия XX века желаемое выдавалось за действительное: в то время как американские аналитики твердили о демократизации, а также социально-экономической и политической модернизации происходило обратное – перерождение и реанимация авторитарных режимов на новых началах, социальная поляризация и экономическая демодернизация.

Исследователи абсолютно обоснованно критикуют современную реальность в «переходных» странах с точки зрения ее соответствия целям построения устойчивой демократии. Они не только отмечают отсутствие социального единства, гражданского общества, рыночной экономики, реально работающих правовых механизмов и т.д., но и последовательное ухудшение ситуации в этих сферах, что прямо противоречит образу восхождения от авторитаризма к демократии.

Вполне обоснованная критика теории транзитологии приводит к выводу о необходимости новой теории и практики развития. Продолжающиеся дебаты относительно постсоциалистической трансформации показывают имплицитную связь между понятием рыночной экономики и темой конвергенции. Мы видим здесь фундаментальный элемент неоклассической парадигмы, несмотря на последние дополнения, анализом с точки зрения эквипробриума и оптимума, обращающим незначительное внимание на исторически существующие институциональные формы: тезис о том, что существует только один путь развития является логическим следствием того факта, что разнообразие бывших, существующих или возможных форм «рыночной экономики» так и не было серьезно воспринято (Обычное понятие транзита связано именно с таким подходом, подразумевающим механистическое и детерминированное представление о движении от одной точки равновесия к другой) [3]. Понятие «капитализма», само по себе многозначное и иногда допускающее определенного рода историческую конвергенцию, кажется более точным для анализа как системного единства, так и исторического разнообразия его форм. Авторы или философские школы, обращающиеся к понятию «капитализма», в противоположность «рыночной экономики», обычно объединяют институциональный и эволюционный подход, а признание значимости эндогенных факторов (тенденций) позволяет принимать во внимание историю и разнообразие структурных форм. Историки, социологи или политологи, прибегающие к сравнительному анализу, используют этот термин, в том же смысле, что и неортодоксальные экономисты (Маркс, Шумпетер и Кейнс).

Национальные траектории изменений совмещают в себе элементы конвергенции, дивергенции и воспроизводящихся различий. Действительная проблема постсоциалистического мира, следовательно, – не детерминированный транзит к «рыночной экономике», а, скорее возникающие в различных национальных экономиках формы капитализма, возникающие в результате системного сдвига социализма и институциональных изменений, приводящих к сложному процессу само-реорганизации системы, характеризуемой сильной «зависимостью пути». Но это более сложный вопрос, поскольку исторические виды капитализма различаются институциональными формами и системными параметрами, также подвергающимися существенным изменениям, особенно в прошлое десятилетие [4].

Наличие общих тенденций не отрицает существование национальных вариаций изменений. Гипотеза конвергенции, интерпретируемой как однозначный (однонаправленный) переход к рыночной экономике, как детерминированное движение, сталкивающееся с разного рода препятствиями или задержками, – представляется явно неверной в свете сравнительного анализа опыта постсоциалистического изменений в экономике. Этот опыт, скорее, представляет собой сложный системный процесс преобразования, характеризующийся как зависимостью «от предшествующего пути» развития (и поэтому обладающий общими чертами), так и немаловажными национальными особенностями, значение которых нельзя недооценивать. «Транзит» является творческим процессом: комбинация унаследованных институтов с новыми приводит к появлению уникальных постсоциалистических гибридных институциональных и организационных форм. Таблица 1 показывает сложное сочетание различных тенденций и факторов, определяющих как сходство социальных процессов в реформируемых странах бывшего социалистического лагеря, так и их вариативность.

Таблица 1. Факторы вариативности в развитии постсоциалистических стран

Факторы схождения	Факторы вариативности
<p>Институциональное подражание Западу, импорт институтов, стремление к интеграции в Западный мир.</p> <p>Общие постсоциалистические черты в экономике, в традициях и технологиях управления, в культурной сфере (системная траектория, «зависимость пути»).</p> <p>Влияние международных организаций (Международный валютный фонд) и их требований.</p> <p>Тенденции глобализации</p>	<p>Разнообразие начальных условий, являющееся следствием предшествующего развития социалистических экономических систем.</p> <p>Национальные траектории развития после 1989 г (уникальные политические, социально-экономические, социокультурные условия: национальная «зависимость пути»).</p> <p>Разнообразие внешних институциональных влияний.</p> <p>Особенности адаптации импортируемых институтов – в соответствии с национальным социальным и культурным контекстом.</p> <p>Развитость государственных институтов и их инфраструктуры, определяемая фактическим статусом реформируемых государств в административно-политических системах союзных государств и социалистической системе в целом.</p> <p>Уровень и качество национальной консолидации (различие в стратегиях и практиках национализма).</p>

Первая группа общих тенденций обуславливает, бесспорно, приближение реформируемых государств к группе западных капиталистических режимов, скорее, к его европейской подгруппе. Вторая группа общих тенденций, связанных с постсоциалистиче-

ским наследием (а также с до-социалистической историей), обуславливает воспроизводство разрыва между реальным состоянием дел и целью преобразований. Наконец, фактор зависимости «от предшествующего пути» развития играет важную роль формирования весьма различающихся и устойчивых траекторий организационных и институциональных изменений, которые не могут быть сведены к простой конвергенции, ни к дивергенции [5].

Учет этих факторов позволяет сделать некоторые прогнозные обобщения о характере развития постсоциалистических государств на средне-историческую перспективу. Прежде всего, можно предсказать их постепенное развитие в направлении возрастания сходства с западными капиталистическими странами. Во-вторых, можно предвидеть сохранение национальных особенностей, связанных с институциональной, системной и социокультурной уникальностью обществ, по крайней мере, в той степени вариативности, которую мы наблюдаем в группе «реально капиталистических» западных стран.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13–23–02001)

Литература

1. Козн, С. Провал крестового похода. США и трагедия пост-коммунистической России. – М., 2001.
2. Carothers, T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. – 2002. – Vol. 13, №1. – P. 5–21.
3. Chavance, B. La fin des systèmes socialistes: crise, réforme et transformation. – Paris, 1994.
4. Crouch, C. Les capitalismes en Europe / C. Crouch, W. Streeck. – Paris, 1994.
5. Stark, D. Path Dependence and Privatization Strategies in East Central Europe // East European Politics and Societies. – 1992. – Vol. 6, №1. – P. 17–54.

АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ИНТЕГРАЦИИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

С. В. Рыбчак

Когда решаются судьбоносные для народа проблемы, а именно к таким относится проблема упрочения Содружества Независимых государств, первостепенное значение приобретает выяснение ожиданий и надежд граждан каждой из входящих в это содружество стран, связанных с перспективами его развития. А сегодня в большинстве стран СНГ все отчетливее проявляется стремление возрастающего количества людей к многосторонней интеграции наших стран, к воссозданию, разумеется, на новой социально-экономической и политической основе, разрушенного Союза. Вернуть вспять исторический поток невозможно и не нужно, но стремления, ожидания и надежды народа рано или поздно, но всегда осуществляются.

Неоднократные социологические исследования, проведенные в различных странах – бывших республиках СССР, убеждают: идеи интеграции, союза, воссоединения обретают все большую силу в народных массах. Комплексное исследование, проведенное Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси показали, что более трех четвертей граждан обоих государств всецело поддерживают их многостороннюю интеграцию. Важно подчеркнуть, что простые люди отдают себе отчет в том, как глубоко зашли дезинтеграционные процессы, какие сложности и трудности возникают на путях восстановления и развития хозяйственных и иных связей. Вполне реалистично оце-

нивая создавшуюся ситуацию, они хорошо понимают первостепенную значимость интеграции в экономической сфере, составляющей главный источник жизнеобеспечения народа. Почти 85% опрошенных в Беларуси и чуть меньше – свыше 83% в России считают необходимым развивать экономическую интеграцию. От 82 до 84% белорусских и от 74 до 82% российских респондентов убеждены в необходимости развития интеграционных процессов в сферах науки, образования и культуры, вполне обоснованно усматривая в этом важнейший фактор преодоления не только социально-культурного, но и экономического кризиса, эффективно и долговременно действующее средство подъема всех сторон жизни наших братских народов.

Характерно, что гораздо меньше энтузиазма как граждане Беларуси, так и россияне, проявляют относительно перспектив сотрудничества в социальной сфере, в области обороны и политики. Причем позиции и оценки, высказываемые жителями нашей республики, оказываются более осторожными, чем гражданами России. Так, с белорусской стороны поддерживают развитие интеграционных процессов в социальной сфере 61% опрошенных, т.е. на 23 пункта меньше, чем в сфере экономики, а в России — 66%, т.е. на 5 пунктов большее количество людей. Такое расхождение в оценках значимости, достижимости и желательности интеграции в этой жизненно важной для каждого человека сфере обусловлено существующими в России задержками выплат заработной платы, пенсий и стипендий, чего в Беларуси нет.

Еще меньшее количество наших сограждан высказывают готовность поддерживать идею интеграции в военной сфере, хотя не хуже, чем россияне, отдают себе отчет в том, какую угрозу безопасности наших народов несет с собой движение НАТО на Восток. Особенно четкие позиции в отношении последнего занимают жители Брестчины – каждые двое из троих опрошенных выступают против продвижения НАТО на Восток. И тем не менее население нашей республики весьма сдержано в отношении интеграции с Россией в военной области. В формировании такой позиции решающее значение приобретают два фактора – Чеченский синдром и бедственное положение с материально-финансовым обеспечением Российской армии. Поэтому сегодня в Беларуси только чуть больше половины опрошенных – 54% поддерживают идею интеграции в военной сфере, а в России такую позицию занимают свыше 72% респондентов, т.е. на 18 пунктов больше.

Примерно такой же разрыв существует и в отношении к интеграции в области политики. Среди российских респондентов готовы поддержать такую интеграцию свыше 66% респондентов, а среди белорусских – на 15 пунктов меньше. Здесь явно сказывается последовательность и непоследовательность политической линии, занимаемой руководством той или иной страны, а также негативные оценки, высказываемые некоторыми политическими лидерами России, российскими средствами массовой информации по адресу Беларуси и ее Президента.

Если идею интеграции Беларуси и России, заключение союза двух государств одобряют три четверти граждан обеих стран, то оценка реальных сдвигов в этом направлении, наполнения деклараций конкретными делами оказывается гораздо более скромной. Чаша весов в этих оценках колеблется вблизи 50%, и сдвинуть ее в сторону лучших показателей можно только конкретными делами, прежде всего в экономической сфере. Положительно в обоих наших государствах оценено населением формирование общего, хотя и небольшого бюджета, который может быть использован на решение общих проблем.

Следует выделить еще один аспект интеграционных процессов, который представляется принципиально важным для наполнения деклараций о сотрудничестве реальными и положительными изменениями в жизни наших народов. Почти половина

российских респондентов – 49% – убеждены, что начавшаяся российско-белорусская интеграция положительно влияет на развитие межнациональных отношений. Правда, в Беларуси такие оценки высказывает в полтора раза меньшее количество людей, что опять-таки обусловлено более сложной этнонациональной ситуацией, множеством и остротой межнациональных конфликтов в России.

В процессе проведенных социологических исследований выяснилось глубокое понимание как русскими, так и белорусами общности исторических судеб этих братских народов. Характерно, что более половины русских и белорусских респондентов (по 54% от общего количества опрошенных) в качестве самой примечательной особенности взаимодействия наших народов выделили именно близость исторических судеб этих народов, навеки связавших их общими и нерасторжимыми узами. При этом 41% русских и 32% белорусов вообще утверждают, что у этих народов «одна судьба».

Приведенные цифры убеждают, что высказанные выдающимся русским историком В.О. Ключевским слова: «география – колыбель, в которой качается история» – не метафора, а научный вывод об историческом единстве. В этой общей колыбели складывалось своеобразие экономического уклада, быта, культуры русского, украинского и белорусского народов, их очень сходные обряды, традиции, фольклоры, мировоззрение. Напомню, что на протяжении более 225 лет, т.е. на протяжении жизни 10–11 поколений русские и белорусы были гражданами одного государства, что именно в этот период складывался единый и общий для двух народов рынок идей, труда, капиталов, товаров, единая объединяющая большинство этих народов православная церковь единая система ценностей и нравственных стандартов поведения. Последняя всесоюзная перепись населения, проведенная в 1989 г., зафиксирована: более 38% белорусов – мужчин и женщин – состояли в межнациональных браках, в которых подавляющее большинство обвенчано с русскими. Исследование 2012 г. показало, что 45% людей, опрошенных в Беларуси, связывают с Россией родственные связи, 30% – дружеские связи, еще 24% учились, работали или служили в армии в России. Среди жителей Северо-Запада России аналогичные цифры не столь внушительны, но весьма существенны. Семейными узами с белорусами связаны например, 20% жителей Ленинградской области, 8% ленинградцев учились, работали или служили в армии в Беларуси, а 36% из них объединяют с белорусами узы дружбы.

При общей положительной оценке первых реальных шагов в области интеграции многое вызывает в общественном мнении сомнения и опасения. В частности, только 20% российских респондентов считают что средства массовой информации содействуют углублению интеграционных процессов. Среди белорусских респондентов доля таких оценок ненамного выше, но больше критических стрел выпускается по адресу некоторых российских газет, каналов телевидения.

Итак, СНГ, по твердому убеждению народов России, Беларуси, должен быть превращен в мощный, долговременный действующий интеграционный механизм. Это сделать трудно, но воля народов – это главная сила такого объединения, которое должно идти на разных уровнях, в разных сферах по-разному. Приоритетное направление здесь – интеграция в сфере экономики, науки, образования, культуры. В этих направлениях и следует сосредоточить усилия государств, исполнительным органам СНГ.

ГРАЖДАНСКО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ И ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Т. А. Шульгина

В настоящее время проблемы гражданской и культурной идентичностей привлекают внимание многих исследователей, становятся особо актуальными. Идентификационные ориентиры размыты, люди вынуждены заново самоопределяться в социальном пространстве. Кроме того, переходное общество является уникальным «полигоном» для эмпирических исследований тех явлений, которые в условиях стабильности носят латентный характер и трудно поддаются фиксации.

С целью прояснения степени и уровня гражданско-культурной идентичности в августе-октябре 2013 года был проведен онлайн опрос жителей Белгородской и Харьковской областей в рамках одной из наиболее массовых на сегодняшний день социальных сетей «ВКонтакте», объем выборочной совокупности составил 236 человек, выборка случайная. Социально-демографические характеристики выборочной совокупности выглядят следующим образом: 74% женщин и 36% мужчин в возрасте от 16 до 54 лет.

На основе проведенного исследования было выявлено, что коренными жителями Белгородской области являются 58% респондентов, проживающими здесь не с рождения, но более 5 лет 32%, а тех респондентов, кто переехал совсем недавно 10%. Опрос также показал, что коренных жителей в Харьковской области 72%, 19% респондентов проживающих более 5 лет, и 9% поселившихся в Харькове совсем недавно. По большей части в Белгородскую область переезжают из Украины, Казахстана и регионов Российской Федерации. В Харьковскую область переезжают, в основном, из областей Украины, Молдовы, России и стран Ближнего зарубежья. Это обусловлено тем, что Белгородская и Харьковская области являются привлекательными регионами для миграции. Государственная граница России с Украиной позволяет довольно быстро перемещаться между странами.

Интересно, что в ответе на вопрос «Что для Вас является Родиной?» вариант ответа «Россия» занял первое место, как для коренных белгородцев, так и для приезжих: такой ответ дали примерно половина опрошенных (48%). Харьковчане также считают Украину своей Родиной (47%), но такой ответ, в большей степени, дают коренные жители Харькова.

По мнению жителей Белгородской области, для того, чтобы считаться настоящим россиянином, надо, в первую очередь, «любить Россию, быть российским патриотом» (63%). Вторую и третью позицию заняли ответы: «уважать и соблюдать законы, Конституцию России» (53%), «чувствовать ответственность за свою страну» (51%). Интересно, что «национальность, вероисповедование, язык и гражданство» по мнению большинства респондентов, имеют наименьшее значение для признания человека «настоящим россиянином».

Жители Харьковской области настоящим украинцем называют того, кто чувствует ответственность за страну (53%), любит Украину и является патриотом (39%). Но интересно отметить, что на вопрос «Гордитесь ли Вы своей страной» большинство харьковчан (32%) дали ответ «скорее нет, чем да».

Этносоциальную специфику приграничных регионов определяют заметные родственные или дружественные связи местных жителей с населением соседнего государства. Так, например, 67% ответивших белгородцев имеют в Украине родственников и 73% друзей и знакомых. В Харьковской области 85% жителей имеют родственные связи

с россиянами, у 95% опрошенных харьковчан в России есть друзья и знакомые. И подавляющее большинство респондентов из обоих государств (76% белгородцев и 79% харьковчан) сожалеют о том, что возникла государственная граница между Россией и Украиной.

На отношении к соседнему государству положительно сказывается также частота поездок. Так, 54% опрошенных белгородцев выезжают в Украину несколько раз в год и чаще. А жители Харьковской области чаще выезжают в украинские регионы (78%), чем в российские (23%).

Также, было интересно определить отношение жителей приграничных регионов к мигрантам. В целом, население и Белгородской и Харьковской областей относится терпимо к переселенцам из бывших республик Закавказья и Средней Азии, а 20% белгородцев и 15% харьковчан не возражают против их поселения в своей области, 35 и 44% респондентов соответственно, согласились с вариантом «пусть посещают нашу область только, как туристы».

Также, целью нашего исследования было рассмотреть и культурную идентичность. В этой связи интересна позиция жителей приграничных регионов в оценке значимости русской и украинской культуры в мире. Большинство белгородцев признает значимость русской культуры в мировом масштабе, что говорит о наличии высокой степени гражданско-культурной идентичности на вербальном уровне.

Этот вывод подтверждают данные и других методик исследования. Так, в методике неоконченных предложений около 96% респондентов закончили предложение «Русская культура относится к числу...» следующим образом:

- величайших культур мира;
- драгоценных, значимых, лучших;
- ведущих мировых;
- самобытных, уникальных.

Число тех, кто назвал русскую культуру «незначительной, упавшей» невелико (3%), вариант «другое» составил 1%. Следовательно, можно сделать вывод о том, что жители приграничного региона не только осознают значимость российской культуры, но и испытывают чувство гордости за принадлежность к ней.

Жители Харьковской области о своей культуре говорят как о «самобытной и уникальной» (68%), «величайшей культуре мира» (19%), «незначительной и упавшей» (5%). Многим украинцам было тяжело разделить русскую и украинскую культуру, ведь долгое время культура являлась единым целым для обоих государств.

Это подтверждает и то, что на вопрос «Какие фильмы Вам больше нравятся» белгородцы и харьковчане больше всего предпочитают фильмы, снятые в советское время (38 и 48% соответственно). А литературные предпочтения различаются – харьковчане предпочитают современную зарубежную литературу (37%) и зарубежную классику (24%), а белгородцы читают «российскую классику» (52%) или не читают вообще (12%).

Белгородская и Харьковская области, как отмечалось выше, являются приграничными регионами, а гражданско-культурная идентичность, в свою очередь, создает основу для единения всех народов на основе культурно-исторического единства при их взаимообогащении, развитии и межгосударственном сотрудничестве, солидарности, понимании и принятии друг друга в рамках многокультурной цивилизации.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

М. Б. Завадский

Глобальные тенденции развития мировых социальных систем, проявляющиеся в специфике экономических, технологических, инфраструктурных, социальных, культурных трансформаций, получают особое преломление на национальном, региональном и локальном уровнях. При этом локальное не столько противостоит глобальному, сколько находится с ним в сцепке, предлагая уникальные, нормативно фундированные в локусах ответы на возникающие мировые вызовы.

В этом контексте обретает актуальность концепция «нового регионализма», согласно которой регионы наиболее успешно и продуктивно развиваются тогда, когда находятся в относительной независимости от (над)национального уровня управления [1, с. 65]. В этой связи в Европейском союзе происходит концептуальная переориентация с Европы наций на Европу регионов. Регионализация здесь находит свое выражение как в функционировании еврорегионов, так и в сохранении и поддержке различных форм регионального сотрудничества. Примерами последних являются Бенилюкс, Северный Совет, Западные Балканы, Восточное партнерство, Стратегия ЕС к региону Дуная. К этому ряду относится и деятельность Вишеградской группы (далее – ВГ). Хотя данное объединение ввиду исторических, культурных, социально-политических и геоэкономических особенностей занимает в нем уникальное место.

ВГ ведет свой отсчет с 15 февраля 1991 года, когда в венгерском городе Вишеград руководители Польши, Чехословакии и Венгрии подписали совместную декларацию о кооперации и консолидации совместных усилий на пути к Европейской интеграции. Позднее в Кракове было подписано Соглашение о свободной торговле в Центральной Европе, которое обрело юрисдикцию с 1 марта 1993 года. После «бархатного развода» Чехословакии 1 января 1993 года получило распространение другое название ВГ – «Вишеградская четверка».

ВГ может быть рассмотрена как один из примеров «нового регионализма» в Центрально-восточной Европе, особенность которого здесь заключалась в тенденции на кооперацию государств, вышедших из советского блока (Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи) и столкнувшихся с острой проблемой модернизации всех сторон общественной жизни [2]. Польша, Венгрия, Чехословакия оказались в ситуации, когда, с одной стороны, были разорваны существовавшие связи с прежним союзником – СССР, а с другой стороны, Европейское сообщество было еще не готово принять их в свои члены из-за необходимости реформирования экономики и политической культуры этих государств. Страны Центральной Европы оказались перед лицом общих проблем: поддержание безопасности и стабильности в регионе, развитие демократических политических институтов, рыночных отношений, переосмысление общей исторической судьбы.

ВГ существует при наличии единственного института – Международного Вишеградского Фонда. Имеются инициативы и комиссии, но они обладают консультативными полномочиями. Комплексное взаимодействие между этими странами оказывается возможным без регулирующего участия формальных, наднациональных структур, во многом благодаря близости культурно-исторического самосознания. Конвергентными факторами регионального единства ВГ также выступают: общая историческая память, среднеевропейская региональная идентичность, политическая культура, возможность формирования единой внешней политики, коллективное поддержание безопасности в регионе, энергетическая политика.

Одним из дивергентных факторов взаимодействия в рамках Вишеградской четверки является разнонаправленный характер реагирования этих стран на мировой финансовый и системный европейский кризисы. По мнению французского специалиста Жака Рупника, экономический кризис привел к формированию в странах Вишеграда двух конфликтных политических культур: «суверенистской» и «проевропейской» [3]. Финансовый кризис в ЕС стал почвой для распространения евроскептицизма, позицию которого последовательно проводил бывший президент Чехии Вацлав Клаус, выступая с жесткой критикой самой идеи создания еврозоны. Польша под руководством Леха Качиньского стала символом «отката» к консервативным ценностям и националистическому мировоззрению. Сегодня воплощением суверенистской позиции является венгерское правительство Виктора Орбана, призывающее в том числе другие страны ВГ к максимальной автономии от политики Брюсселя. Кроме того, официальный Будапешт педалирует вопрос о венгерских национальных меньшинствах в соседних государствах. По некоторым оценкам, венгров в Словакии – около 500 тыс., Румынии – 1,7 млн., Украине – около 150 тыс. Стремление к национальному реваншизму становится все более привлекательным для массового сознания венгров (см. об этом: [4]). Подобное положение дел не может не служить препятствием для полноценного сотрудничества в рамках «четверки», практически «замораживая» отношения между Венгрией и Словакией в контексте венгерских претензий.

Помимо «рецидивов» этнонационализма, ВГ может столкнуться и с другими «внутренними» вызовами. Во-первых, неизвестно, каким образом усиление геополитической роли Польши, ее интенция быть лидером в регионе будет сопряжена с ее региональной идентичностью и продвижением ВГ на евроарене. Во-вторых, в общественном настроении среди стран Центральной Европы могут доминировать недоверие по отношению европейских институтам и разочарование в самом проекте евроинтеграции. Сможет ли сохранить свое существование ВГ, созданная как раз для интеграции в Евро-союз? В-третьих, не выработан единый подход к инвестиционной политике. Пока страны Вишеграда в борьбе за иностранные инвестиции выступают скорее как соперники, отчуждаясь друг от друга. Наконец, в-четвертых, отсутствует единство в понимании стратегии развития региона и концептуальных оснований общей региональной идентичности. На сегодняшний день эгоистические устремления государств ВГ перевешивают осознание ее ценности.

Симптоматично, что ВГ, возникнув еще до подписания Маастрихтского договора в 1992 году, провозгласившего создание Европейского союза, после расширения ЕС в 2004 году, когда страны ВГ вошли в ЕС, не прекратила своего существования. Несмотря на то, что многие эксперты прогнозировали прямо противоположное. С этого момента не утихают споры о том, насколько жизнеспособным является сотрудничество стран ВГ и вообще насколько оправдано ее существование в рамках ЕС.

Распространена точка зрения, согласно которой ВГ выполнила свою историческую задачу (освобождение от влияния СССР и вхождение в ЕС), а полноценное взаимодействие на современном этапе невозможно из-за диспропорции среди стран ВГ. Польша территориально и демографически превышает Венгрию, Чехию и Словакию вместе взятые. Согласно иной позиции, ВГ оправдана из перспективы углубления интеграции в евроструктуры. ВГ посредством принимаемых инициатив и проектов призвана сохранять самобытность региона Центрально-восточной Европы. Несмотря на различные оценки, эксперты сходятся во мнении, что ВГ нуждается в обновлении стратегической цели и концептуальных оснований сотрудничества. По всей видимости, вектор плодотворного развития дискуссий о будущем ВГ лежит в направлении обсуждения

возможности дальнейшей институционализации ВГ и обращения к концепту среднеевропейской идентичности.

Одним из важных контраргументов по отношению к скептической оценке перспектив ВГ является отсылка к экономической составляющей. Польша, Венгрия, Чехия и Словакия сумели успешно преодолеть в нач. 90-х гг. стадию перехода от плановой к рыночной экономике, осуществили своевременную модернизацию производства, создав привлекательные условия для иностранных инвестиций. По данным международных финансовых агентств, ВГ, если ее рассматривать как единое государство, является 7-й по величине экономикой в Европе и 14-й в мире. Согласно данным ООН за 2012 год по индексу человеческого развития, Польша, Чехия, Венгрия и Словакия относятся к странам с очень высоким уровнем человеческого развития [5].

Индикатором успешности регионального сотрудничества также является позиционирование объединения в качестве единой политической субъектности на международной арене и планы о возможном расширении стран-участниц ВГ. Международные встречи в формате «Вишеград+» приобрели регулярный характер, когда на заседания руководства стран региона приглашаются либо «большие игроки» (например, Германия, Франция), либо страны из приграничных зон. Вопрос о расширении самой ВГ уже поставлен на повестку дня. В разное время велись дискуссии и переговоры о включении в кооперацию Австрии, балканских и прибалтийских государств, Украины.

О жизнеспособности объединений различных государств свидетельствует способность проводить единую политику. Актуальными направлениями являются энергетика, оборонная сфера, культура. Венгрия инициировала создание экспертной рабочей группы по энергетике, которая принялась за разработку группы вопросов. Среди них и вопросы об общих принципах энергетической политики в регионе, а также о проведении совместных исследований в этой области. В отношении сотрудничества в сфере безопасности региона совсем недавно были сделаны существенные шаги вперед. В марте 2013 года министры обороны стран ВГ подписали документ о намерении создать до 2016 года общую боевую группу быстрого реагирования. Не менее важным является сотрудничество по формированию общего культурного пространства ВГ. В этой связи стоит отметить проект по изданию антологии художественной литературы ВГ, начатый в 2006 году.

Странам ВГ, как и Беларуси, исторически предназначалась роль моста или буфера между Западом (Германией, Европой) и Востоком (Россией, Азией). Буферная территория весьма часто становилась зоной конфронтации, претендующих на лидерство держав. Однако сегодня у этих стран, в том числе Беларуси, имеется исключительная возможность стать зоной сотрудничества евроинтеграции и формирующейся евразийской интеграции. В стабильности и благополучии буферного региона одинаково заинтересованы оба «глобальных» участника сотрудничества.

Литература

1. «Новый регионализм» и белорусско-российское приграничье / Под ред И.Я. Левяша [и др.]. – Смоленск, 2012.
2. Бухарин, Н. Новый регионализм в Европе / Н. Бухарин, Д. Марков // Обозреватель-observer. – 1993. – № 22(26) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rau.su/observer/N22_93/22_15.HTM. – Дата доступа: 15.01.2014.
3. Rupnik, J. The Euro Crisis: Central European Lessons // Visegrad Insight. – 2012. – №1. – P. 46–50.
4. Бирюков, С. Геополитика восточноевропейских «крайне правых» / С. Бирюков, А. Коваленко // Свободная мысль. – 2013. – №1. – С. 97–110.
5. Human Development Report 2013: The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World / UNDP. – New York, 2013.

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: НАУЧНАЯ МИГРАЦИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Л. Г. Титаренко

Наука и ученые традиционно рассматриваются как актуальный и потенциальный интеллектуальный капитал страны. Успешное продвижение Беларуси по пути построения информационного общества также невозможно без передовой науки. В условиях развивающегося Евразийского Союза все его члены заинтересованы в сохранении интеллектуального капитала и его наиболее эффективном использовании в общих интересах. Поэтому миграция ученых за пределы Евразийского Союза является потерей как материальных средств, вложенных в образование ученых, так и интеллектуального капитала каждой страны и данного союза в целом.

В рамках Евразийского Союза его страны-члены обладают разными потенциалами; среди них, бесспорно, Россия остается наиболее привлекательной для ученых других стран ввиду более высоких зарплат и относительно лучших условий труда ученых. Поэтому имеет место отток ученых в Россию из других стран-членов Евразийского Союза. Так, в 2004–2006 гг. в общей численности научных эмигрантов из Беларуси более 42 % поехали в Россию. По мнению исследователя научной миграции М. Артюхина, это объясняется «усилением наступательного характера иммиграционной политики Российской Федерации, а также насыщением рынка интеллектуального труда и высоким уровнем его конкуренции в высокоразвитых в научном и технологическом отношении странах» (цит. по: [1]). По тем же данным, в 1996–2006 гг. из Беларуси ежегодно эмигрировали около 70 научных работников и преподавателей вузов (из них в среднем 5–6 докторов наук, 25 кандидатов наук и 40 работников без ученой степени). Более новых официальных статистических данных о миграции ученых, к сожалению, в республике не существует.

Для Беларуси указанные цифры представляют большие интеллектуальные потери, хотя они меньше, чем утечка мозгов из стран Западной Европы в США, Канаду и другие развитые страны: наша научная миграция не превышает 0,1% от общей численности работников, занятых в научной сфере и профессорско-преподавательского состава высшей школы. В то же время, это не так мало: удельный вес эмигрировавших докторов наук составлял ежегодно от 3 до 10%, а кандидатов наук от 26 до почти 52% (см [1]).

Существенная причина эмиграции ученых – их низкая удовлетворенность состоянием дел в белорусской науке и перспективами на будущую карьеру в науке. По данным исследования ученых, проведенного в 2012 г., только 11,8% оценивали состояние белорусской науки как стабильное и перспективное, 59,4% – как неустойчивое; 16,6% – как кризисное, без достаточных гарантий и перспектив развития, а 12,2% затруднились ответить [2, с. 268]. Среди основных причин отъезда из Беларуси на первом месте была заработная плата (54,7%), остальные причины также имели главным образом экономический характер: низкий уровень материально-технического обеспечения научных исследований (43,0%), закрытие перспективных научных исследований из-за недостаточного финансирования (13,4%).

Отметим, что потери интеллектуального капитала измеряются не только уехав-

шими учеными с научными степенями, но и потенциальными потерями от эмиграции лиц с высшим образованием, которых довольно много среди граждан нашей страны, покидающих Беларусь. По данным исследования, проведенного М. Артюхиным и О. Мееровской, доля лиц с высшим образованием в общей численности эмигрантов составила: в 1994 г. – 32,7 % (2,3 тыс. чел.); в 2000 г. – 27,6 % (2,3 тыс. чел.), в 2009 г. – 27,2 % (2,1 тыс. чел.). Наиболее значительный интеллектуальный потенциал имеют эмиграционные потоки, направляющиеся в Израиль и США. Суммарная численность белорусских эмигрантов-ученых и преподавателей вузов за период 1996–2009 гг. составила около тысячи человек. Следует отметить, что названная цифра – это «полные» эмигранты, т.е. люди, потерявшие белорусское гражданство. Если же сюда добавить временно уехавших, цифра вырастет в несколько раз [3, с. 363].

Аналитик Белорусского института стратегических исследований А. Елисеев отмечает на основе проведенных в 2012 г. исследований, что около трети жителей Беларуси выразили желание уехать за рубеж, среди них многие люди с «большим человеческим капиталом», и это «является угрозой для развития страны и продвижения модернизационной программы» [4].

Во многом сходная ситуация наблюдается в другой стране Евразийского Союза – Казахстане: отсюда ученые уезжают и в Россию, и в страны Запада. Отличие от Беларуси, однако, состоит в том, что Казахстан обладает значительно большими материальными ресурсами для удержания своих кадров. Так, в 2011 г. Министерство науки и образования Республики Казахстан разработало специальную репатриационную программу для финансирования возвращения в страну казахстанских исследователей и высококвалифицированных вузовских преподавателей, занимающих высокие позиции в зарубежных научных центрах и университетах [3, с. 366]. Были разработаны и другие меры (например, система зарубежных грантов, получение которых зависит от юридически подтвержденных обязательств ученого вернуться в Казахстан). Все эти меры, вместе взятые, несколько смягчают ситуацию с научными мигрантами.

Однако проблемы научной миграции Беларуси и Казахстана несравнимы по своим масштабам с тем оттоком научных кадров, который переживает сама Россия, начиная с момента распада СССР. Ситуация с оттоком научных кадров представляется российским исследователям миграции драматичной, принимая во внимание российские амбиции на сохранение статуса мировой державы и ее роль в интеграционных процессах в постсоветском регионе. С одной стороны, Россия притягивает к себе ученых из соседних, более бедных стран. Здесь российская зарплата выступает «притягивающим фактором» для приезжих ученых. С другой стороны, по мнению С. Рязанцева и Е. Письменной, в России действуют довольно сильные «выталкивающие» факторы: низкая в сравнении с Западом зарплата ученых, более плохие условия их труда, материальная база науки. Поэтому, по мнению авторов, процесс эмиграции ученых из России является не «закономерной циркуляцией умов и капиталов» в рамках глобального мира, а обычной «утечкой умов», т.е. потерей интеллектуального потенциала страны. Причем, как утверждают авторы, утечка умов из России имеет интенсивный характер, расширяющуюся географию, приобретает многообразные формы, и носит ярко выраженный социально-экономический характер [5, с. 34]. Это означает, что ученые недовольны не только зарплатой и условиями своего труда, но и социальным статусом ученого, и хотят жить там, где их выше ценят, и где их достижения нужны обществу. Поэтому не случайно Россия безвозмездно «подарила» многим странам мира тысячи ученых и высококвалифицированных специалистов, которые сформировали самую крупную в мире научную диаспору. По некоторым подсчетам, на подготовку этих ученых западным

странам пришлось бы потратить не менее 1 трлн. долл., прямые потери российского бюджета составили не менее 60 млрд. долларов, с отъездом каждого ученого Россия теряет в среднем 300 тыс. долл. [5, с. 31].

В настоящее время количество ученых России не достигает и половины того, что имелось в начале 1990-х гг. Причем, как и в других странах, достоверная статистика не существует. Так, по официальным данным, за 2002–2010 гг. из России уехали лишь 665 ученых с научной степенью, из них 220 – доктора наук [5, с. 26], т.е. ежегодно страну покидало примерно 10–40 докторов и 30–90 кандидатов. Однако чтобы учесть всех уехавших ученых, по расчетам экспертов, официальные российские данные следует увеличить примерно в 3–4 раза. В этой связи, реальные потери «утечки умов» в страны «дальнего» зарубежья за период 2002–2010 гг. составляют от 750 тыс. до 1 млн. человек с высшим образованием, в том числе порядка 1,2–1,6 тыс. докторов и кандидатов наук [5, с. 28].

Безусловно, в России есть программы, нацеленные на возврат мигрантов (напр., Сколково, Роснано), однако они не решают проблемы и не охватывают всех ученых, которые задумываются о возможном отъезде из страны, тогда как только 30% ученых в России не имеют эмиграционных настроений [6, с. 68]. Данные недавнего исследования, проведенного среди городского населения России холдингом Ромир, подтвердили устойчивость эмиграционных настроений: почти каждый третий городской житель высказал свое желание эмигрировать, особенно молодые люди с высшим образованием [7].

Причины, выталкивающие людей с интеллектуальным капиталом из России, не ликвидированы, тогда как модернизационные проекты России и других стран Евразийского Союза нуждаются в общем подъеме науки, включая и ее социально-гуманитарную сферу. Вряд ли можно рассчитывать, что проблема разрешится без дополнительных государственных действий, направленных на поддержку научных кадров, улучшение состояния науки в целом.

Проблема высококвалифицированной миграции приобретает глобальный характер. Как подчеркивает С. Рязанцев, в конкурентной борьбе за лучшие умы в выигрыше остаются страны, которые привлекают специалистов и ученых высокой заработной платой и хорошими условиями труда [5, с. 34]. Поэтому сохранение интеллектуального капитала страны в огромной степени зависит от государственной политики, направленной на создание современных условий, в которых ученые готовы эффективно трудиться на благо общества. Решение проблемы сохранения и эффективного использования интеллектуального капитала – общая важная задача стран Евразийского Союза.

Литература

1. Прус, Е. Утечка мозгов замедлилась – начался приток? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/person/comments/i_380677.html. – Дата доступа: 08.06.2013.
2. Артюхин, М.И. Академическая наука в социальном измерении // Социологический альманах. Вып. 4. – Минск, 2013. – С. 267–275.
3. Артюхин, М.И. Научная диаспора как ресурс развития белорусской науки / М.И. Артюхин, О.А. Мееровская // Социологический альманах. Вып. 3. – Минск, 2012. – С. 363–371.
4. Опрос: более 35% жителей Беларуси хотят уехать за рубеж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/inworld/belorussia/society/15464735/?frommail=1>. – Дата доступа: 02.11.2013.
5. Рязанцев, С.В. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка умов» / С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 24–35.
6. Перминова, Е. Рыночная гримаса на лице российской науки // ВВП. – 2004. – № 3. – С. 34–35.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В РАМКАХ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (ОПЫТ НАН БЕЛАРУСИ)

В. В. Подкопаев

Научно-техническое и инновационное сотрудничество в рамках Единого экономического пространства является одним из важнейших инструментов экономической интеграции при построении Евразийского экономического союза. Инфраструктура сотрудничества белорусских, российских и казахстанских ученых обретает новые черты и предметный характер, что все в большей степени позволяет объединять ресурсы государств-членов ЕЭП для достижения результатов, как в фундаментальной науке, так и во внедрении новейших технологий и разработок. Национальной академией наук Беларуси и ее российскими и казахстанскими партнерами осуществляется активная работа по широкому спектру направлений для обеспечения с началом функционирования ЕЭС вывода системы научно-технической и инновационной кооперации между государствами-членами на принципиально новый уровень.

Развитие взаимодействия в научно-технической сфере между государствами осуществляется на основе двусторонних межправительственных соглашений о научно-техническом сотрудничестве, которые заключены всеми государствами-членами ЕЭП. В соответствии с ними создаются двусторонние комиссии по научно-техническому сотрудничеству, предназначенные для проведения консультаций по вопросам государственной научно-технической политики обеих стран и экономическо-правового регулирования в этой сфере, а также согласования приоритетных направлений двустороннего взаимодействия. Комиссии также уполномочены рассматривать и утверждать совместные проекты для их последующего финансирования обеими странами в своей части из государственного бюджета. Так, на четвертом заседании Белорусско-Казахстанской комиссии по научно-техническому сотрудничеству, которое состоялось в августе 2013 г. в г. Гродно, было утверждено семь крупных белорусско-казахстанских научно-технических проектов на 2014–2015 гг., четыре из которых предложены организациями НАН Беларуси.

Большой вклад в расширение кооперации, пока в части России и Беларуси, но с перспективой подключения Казахстана, играет реализация научно-технических программ в рамках Союзного государства Беларуси и России. Имея за плечами уже солидный багаж результатов реализации совместных программ в области информационных технологий, использования космоса, биотехнологий, нанотехнологий, разработок для АПК и др., государства планируют и далее развивать механизм решения в рамках программ Союзного государства комплексных проблем для инновационного развития экономики. Так, в ближайшей перспективе НАН Беларуси запланирована реализация ряда союзных программ, а именно научно-технической программы «Исследования и разработка высокопроизводительных информационно-вычислительных технологий для увеличения и эффективного использования ресурсного потенциала углеводородного сырья Союзного государства» (СКИФ-НЕДРА), научно-технической программы «Интеллектуальные инновационные технологии и системы в науке, образовании и экономике» (ИНИТЕХ), научно-технической программы «Разработка технологий создания и эффек-

тивного использования информационно-вычислительного высокопроизводительного пространства (киберинфраструктуры). Союзного государства» («СКИФ-СОЮЗ»), программы «Разработка комплексных технологий создания материалов, устройств и ключевых элементов космических средств и перспективной продукции других отраслей» («Технология-СГ»). Осуществляется активная совместная работа научно-исследовательских организаций Беларуси и России в направлении разработки новых союзных программ: научно-технологической программы «Создание научной и технологической основы фарминдустрии производства высокоэффективных и биологически безопасных продуктов функционального питания, гигиенических и лекарственных средств нового поколения на основе лактоферрина и других белков человека» («БелРосФарм»), научно-технологической программы «Технологическая платформа создания однодоменных антител и организация производства новых поколений диагностических и терапевтических средств на их основе» («Союз-Однодомен»), программы «Выявление особенностей генофонда населения регионов Союзного государства и разработка биоинформационных технологий их использования в криминалистике, медицине и прогнозировании последствий миграции» («ДНК-идентификация»), программы «Разработка и трансфер биотехнологий и информационно-телекоммуникационных систем для повышения эффективности животноводства и земледелия. Развитие высокотехнологичного агробизнеса» («Агробiotехнология»).

Большую роль в процессе построения научно-технологического пространства ЕЭП играют совместные конкурсы научных проектов, организуемые фондами фундаментальных исследований. Находящийся в структуре НАН Беларуси Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований совместно Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) обеспечили, начиная с 1999 года, успешное проведение девяти совместных конкурсов с РФФИ и семнадцати – с РГНФ. В апреле 2013 г. подписано Соглашение о сотрудничестве между АО «Фонд науки» Республики Казахстан и Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований (БРФФИ), которое является основой для подключения Казахстана к совместному использованию механизма поддержки научных проектов по приоритетным для государств-членов ЕЭП направлениям посредством научных фондов.

Важную роль в укреплении интеллектуального пространства Евразийского Союза играет деятельность органов, созданных в рамках Содружества Независимых Государств. В октябре 2013 года в соответствии с решением Совета по сотрудничеству в области фундаментальной науки государств-участников СНГ от 27 июня 2013 года в Минске состоялось второе заседание Рабочей группы по вопросам взаимодействия с Межгосударственным советом СНГ по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах (МС НТИ). На заседании было отмечено, что общей платформой для совместной деятельности Совета по сотрудничеству в области фундаментальной науки и МС НТИ является разработка и реализация в рамках Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года совместных инновационных проектов по созданию высокотехнологичных наукоемких предприятий и производств на основе использования инновационных технологий, соответствующих пятому и шестому технологическим укладам, с последующим их трансфером в странах СНГ. От НАН Беларуси было внесено предложение разработать и реализовать в рамках указанной Межгосударственной программы совместные инновационные пилотные проекты в сфере производства импортозамещающих лекарственных средств, в т.ч. с использованием стволовых клеток; производства высококачественных

комбикормов с использованием современных биотехнологий для птицеводства, животноводства и рыбоводства; создания объектов малой "зеленой" энергетики с использованием возобновляемых источников энергии и местных сырьевых ресурсов, в т.ч. вторичного сырья и бытовых отходов; производства энергоэффективных импортозамещающих светодиодных осветительных устройств и систем, органических светодиодов.

Эффективной формой развития инновационного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза может стать реализуемое в соответствии с поручением Президента Республики Беларусь создание в структуре Национальной академии наук Беларуси Фонда "Инновационный центр «Беларусь – Сколково» как инструмента построения взаимовыгодной системы кооперации с Фондом развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий Российской Федерации (Фонд «Сколково»). Основной целью данной меры является содействие процессу построения новой инновационной экономики при формировании единого экономического пространства, гармонизация отношений в научной, научно-технической сфере и создание равных условий для ученых-исследователей и разработчиков взаимодействующих сторон в инновационной сфере.

Организации НАН Беларуси и их российские и казахстанские партнеры все активнее проводят работу по созданию совместных научных лабораторий и научно-производственных центров, прорабатывают возможности создания совместных предприятий и организации производства в рамках формируемых в трех государствах технопарковых зон. Так, функционируют Научно-исследовательский Центр нефте- и лесохимических технологий (на базе Института химии новых материалов НАН Беларуси и Института катализа им. Г.К. Борескова Сибирского отделения РАН), Российско-белорусская лаборатория электромагнитных и ионизирующих излучений (на базе Института радиобиологии НАН Беларуси и Института биохимической физики им. Н.М. Эммануэля РАН), Российско-белорусская лаборатория инновационных биоинженерных технологий (на базе Института экспериментальной ботаники им. В. Ф. Купревича НАН Беларуси и Института биофизики Сибирского отделения РАН), Российско-белорусская лаборатория системной биологии (на базе Института генетики и цитологии НАН Беларуси и Института цитологии и генетики Сибирского отделения РАН), совместное казахстанско-белорусского предприятие в области защитной голографии «Голография Kazakh-Bel», учредителями которого являются ЗАО «Голографическая индустрия» (Беларусь, создано и функционирует с участием Института физики им. Б.И. Степанова НАН Беларуси) и АО «Национальный холдинг «Парасат» (Казахстан). Ведется работа по созданию Совместного центра науки и инновационной деятельности Сибирского отделения РАН и НАН Беларуси. РУП «НПЦ НАН Беларуси по механизации сельского хозяйства» принимает активное участие в совместном проекте по созданию Индустриально-технологического парка сельскохозяйственной техники в г. Кокшетау (Казахстан).

Закономерно, что наибольшие результаты по итогам реализации совместных программ и проектов, а также в развитии инфраструктуры научно-технической кооперации достигнуты в рамках российско-белорусского сотрудничества в связи с достаточно продолжительным периодом функционирования Союзного государства России и Беларуси. В этой связи, безусловно, логичным будет использование наработанных в Союзном государстве механизмов уже в Евразийском экономическом союзе (с предварительным подключением Казахстана к реализации крупных научно-технических инициатив в рамках реализуемых белорусско-российских программ). Также необходимо задействовать инструменты поддержки и координации научной и инновационной других евразийских

интеграционных образований, в первую очередь СНГ, что в комплексе обеспечит сохранение и приумножение интеллектуальных ресурсов государств-членов Евразийского экономического союза, а также их приложение для решения задач реального сектора экономики.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИИ УЧЕНЫХ

А. А. Широконова

Развитие возможностей интернет-коммуникации и формирование дистанционных, проектно-ориентированных научных коллективов изменяет перспективы международного научного сотрудничества, а также заставляют пересмотреть взгляды на мотивы и механизмы миграции ученых.

Ключевой особенностью современного этапа науки является рост международного сотрудничества. Так, только в США в 1983–2001 гг. доля статей с международным соавторством по всем научным направлениям выросла с 9% до 22% (особенно в математике и физике) [1, p. 467].

Мобильность и самоорганизация ученых в дистанционные коллективы является результатом тенденций по совершенствованию электронной коммуникации и транспортной мобильности [2] [3]. Успех научных проектов сегодня во многом связан с работой дистанционных «коллабораторий», сочетающих электронную коммуникацию, мобильность и быстрый обмен информацией между участниками на расстоянии. Работа международных и межинституциональных научных коллективов, развитие региональных научных сетей способствует интенсификации научных исследований, трансферу знаний, смягчению негативных эффектов научной миграции [4, p. 768].

Научное знание все чаще создается на расстоянии при поддержке электронной коммуникации, однако коммуникационные технологии еще не преодолели «эффект пространства» [5, p. 704] [6, p. 318]: электронная коммуникация способствует развитию сотрудничества, только если она достаточно недорогая, частая и спонтанная. Основная проблема в работе дистанционных коллективов состоит в том, как обеспечить процесс создания знания, учитывая отличия компьютерно-опосредованной электронной коммуникации от общения лицом к лицу.

Такие преимущества электронной коммуникации, как чередование синхронности и асинхронности («каждый работает в свое время»); совмещение текстовой, видео – и аудиокоммуникации; архивирование обмена сообщениями и быстрая скорость передачи больших объемов данных делают ее эффективным инструментом координации в науке. Однако недостаточная полнота каналов коммуникации при синхронном общении и возможность утечки информации ограничивают задачи ее применения в научном процессе; поэтому исследователи полагают, что главным компонентом в исследовательском сотрудничестве остается неформальная коммуникация лицом к лицу [7, p. 602] [8, p. 40]. Личное общение более «богато», т.к. включает в себя невербальное общение, а электронная коммуникация придает общению более обезличенный характер. По отношению к очным коллективам, коллаборатории находятся в невыгодном положении, но они обладают преимуществами сетевой организации и работают эффективно, когда у участников сформировано сильное чувство общности.

Среди факторов успешности коллабораторий можно выделить: полезность ожидаемых результатов; доверие и географическое расстояние [9] [10] [11] [12] [13]. Более

половины проектов сотрудничества осуществляется с учеными из непосредственного «географического» окружения исследователей. Ключевая причина – более низкие издержки и спонтанность личной коммуникации. Немалую роль играет тот факт, что научные центры изначально формируются по принципу общности исследовательских тем и интересов [14, р. 684–695].

Географическая близость позволяет часто вступать в спонтанные неформальные взаимодействия, участвовать в принятии решений [15, р. 60]. Она способствует сотрудничеству, но сама по себе не создает обучения. Лишь когда в конкретной научной сети уже существует значимое знание, географическая близость может стать «мостом» для его распространения. Местные связи также более эффективны, если коммуникационная сеть ученых поддерживается удаленными связями, вносящих необходимое разнообразие в дискуссию [15, р. 76].

Сравнительные исследования традиционных и дистанционных коллективов показывают, что традиционные группы лучше справляются с задачами регулярного и эффективного обмена информацией. Успех работы дистанционной команды повышается путем сужения сферы применения информационно-коммуникационных технологий до задач координации (создание плана, распространение информации и т. д. [13, р. 9]). Дистанционные коллективы приспособлены для создания научного знания в условиях глобального общества, когда расширяется научная коммуникация, не ограниченная организационными и дисциплинарными рамками. Возможности синхронного и асинхронного взаимодействия в электронной коммуникации позволяют поддерживать беседу во времени, превращая ее в текст, а пространство и время сжимаются до ощущения сиюминутности и соприсутствия [16, р. 118]. Поскольку географическая близость не обеспечивает процесса обучения [8] [9] [11], мобильность исследователей служит важным каналом трансфера идей.

Электронная коммуникация открывает перспективы создания новых научных сетей. Данное обстоятельство имеет особое значение для преодоления цифрового академического неравенства, распространения результатов исследований в условиях ограниченного доступа части ученых к научным изданиям и международным конференциям. Сетевые научные сообщества обладают высоким потенциалом для распространения информации и повышения эффективности научного труда (размещенные в Сети статьи чаще цитируются). Актуальной задачей для Беларуси является наращивание международных научных связей.

Существенная особенность международного научного сотрудничества на современном этапе состоит в том, что если ранние формы обмена научным знанием часто были сопряжены с эмиграцией ученых, утечкой мозгов, то сегодня с помощью информационно-коммуникационных технологий становится возможным создавать передовое знание и оставаться на месте (или не терять связь с прежним местом работы) и при этом активно взаимодействовать в международной группе.

По результатам проведенного в конце 2012 г. в Национальной академии наук Беларуси и Белорусском государственном университете (квотная выборка по естественно-научным и социально-гуманитарным научным подразделениям и по наличию ученой степени, n=451) были получены следующие данные о степени связи между участием в международных исследованиях и такими потенциальными факторами научной миграции, как рабочее знание английского языка, общение с эмигрировавшими коллегами, регулярное (раз в год и чаще) участие в международных конференциях. Результаты корреляционного анализа показали, что на сегодняшний день участие в международных научных проектах для белорусских ученых значимо не связано со знанием английского

языка на рабочем уровне: английским на рабочем уровне владеет 72% исследователей. В значительной степени это связано с тем, что 77% всех исследователей-международников вели проекты с Россией и бывшими странами СССР, а со странами ЕС, США и Канадой – 52%.

В противоположность знанию иностранного языка, статистически значимо с участием в международных проектах связано, во-первых, поддержание контактов с уехавшими коллегами и, во-вторых, регулярное посещение международных конференций. Так, среди тех исследователей, кто общается с уехавшими коллегами, в международных исследованиях участвуют 81% опрошенных; среди тех, кто таких контактов не поддерживает, в международных исследованиях участвует 51%, т.е. наблюдается позитивная корреляция (r Пирсона=0.302, $p=0.000$). Среди всех ученых время от времени с уехавшими коллегами общаются 49 % опрошенных, постоянно – 16%. Среди тех, кто регулярно (раз в год и чаще) участвует в международных конференциях, доля участников международных конференций тоже несколько выше: 80%, по сравнению с 67% среди тех, кто в международных исследованиях участвует, но конференций не посещает (r Пирсона=0.128, $p=0.007$). Из всех исследователей два раза и чаще в международных конференциях участвуют 28%, один раз в год – 33%.

Таким образом, во-первых, в глобальном коммуникативном пространстве коммуникации ученых распространяются новые, дистанционные формы научных коллективов и организации научного процесса. Во-вторых, благодаря развитию электронных средств научной коммуникации и возможности поддерживать регулярные связи через Интернет, пересматриваются традиционные модели интеллектуальной миграции. Данные проведенного нами опроса (2012 г.) подтверждают, что значительно чаще в международных исследованиях участвуют те ученые, у которых есть сеть уехавших за границу коллег и кто регулярно посещает международные научные конференции.

Литература

1. Arunachalam, S. Information and knowledge in the age of electronic communication: a developing country perspective // *Journal of Information Science*. - 1999. - №6. - P. 465-476.
2. Душина, С.А. Новые формы организации науки: роль мобильности / С.А. Душина, Н.А. Ащеулова // *Социология науки и технологий*. - 2011. - №2. - С. 69-81.
3. Урри, Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. – М., 2012.
4. Singh, J. Collaborative Networks and Determinants of Knowledge Diffusion Patterns // *Management Science*. – 2005. – №5. – P. 756-770.
5. Cummings, J. Collaborative Research across Disciplinary and Organizational Boundaries / J. Cummings, S. Kiesler // *Social Studies of Science*. - 2005. - №5. - P. 703-722.
6. Modeling Distributed Knowledge Processes in Next Generation Multidisciplinary Alliances / A.G. Kanfer [et al.] // *Information Systems Frontiers*. – 2000. – №3–4. –P. 317-331.
7. Bozeman, B. Scientists' collaboration strategies: implications for scientific and technical human capital / B. Bozeman, E. Corley // *Research Policy*. - 2004. - Vol. 33. - P. 599-616.
8. Katz, J.S. Geographical proximity and scientific collaboration // *Scientometrics*. - 1994. - №1. - P. 31-43.
9. Boschma, R.A. Proximity and Innovation: A Critical Assessment // *Regional Studies*. – 2005. – №1. – P. 61-74.
10. Coppola, N.W. Building Trust in Virtual Teams / N.W. Coppola, S.R. Hiltz, N.G. Rotter // *IEEE Transactions on Professional Communication*. – 2004. – №2. – P. 95-104.
11. Does Collocation Inform the Impact of Collaboration? / K. Lee [et al.] // *PLoS ONE* [Электронный ресурс]. - 2010. - Vol. 5. - e14279. – Режим доступа: <http://www.plosone.org/article/info:doi/10.1371/journal.pone.0014279>. - Дата доступа: 23.12.2012.

12. Nardi, B.A. The Place of Face-to-Face Communication in Distributed Work / B.A. Nardi, S. Whittaker // Distributed Work / ed. P.J. Hinds, S. Kiesler. – Cambridge, MA, 2002. – P. 83-110.
13. Powell, A. Virtual Teams: A Review of Current Literature and Directions for Future Research / A. Powell, G. Piccoli, B. Ives // The DATA BASE for Advances in Information Systems. – 2004. – №1. – P. 6-36.
14. Lee, S. The Impact of Research Collaboration on Scientific Productivity / S. Lee, B. Bozeman // Social Studies of Science. – 2005. – №5. – P. 673-702.
15. Kiesler, S. What Do We Know About Proximity and Distance in Work Groups? A Legacy of Research / S. Kiesler, J.N. Cummings // Distributed work / Eds. P. Hinds, S. Kiesler. – Cambridge: MIT Press, 2002. – P. 57-80.
16. Fuchs, C. Internet and Society: Social Theory in the Information Age – New York, 2008.

РАЗВИТИЕ МЕЖСТРАНОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ НАУЧНЫХ КАДРОВ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА КАК МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УТЕЧКЕ УМОВ

Т. П. Тутова

Возможности современного экономического роста определяются степенью развития человеческого капитала, и в первую очередь его образовательного фактора. Сегодня те страны, которые достигли более высокого уровня образования, профессиональной подготовки кадров, оказываются в выигрышном положении по сравнению с теми, где этот уровень относительно ниже. Разворачивающееся вокруг интеллектуальных ресурсов соперничество, борьба за достижение и удержание превосходства в этой сфере занимают все более значимое место в общей геополитической конкуренции развитых стран мира. Именно поэтому во многих странах решающая роль науки и образования в экономическом и социальном развитии признана в качестве главного приоритета обеспечения конкурентоспособности и национальной безопасности.

Отставание в распространении и использовании высоких технологий означает не просто снижение международной конкурентоспособности, но угрозу остаться на периферии нового информационного общества и «новой экономики», утратить научно-технологическую и экономическую самодостаточность. В процессе становления общества знания наука и образование интенсивно интегрируется в транснациональные и глобальные контексты. При этом перед мировым сообществом возникают новые проблемы в связи с увеличением разрыва между странами с высоким уровнем образования и науки, «догоняющими» странами и странами «третьего мира».

Растущие потребности развитых и развивающихся стран в притоке мигрантов интеллектуальных профессий и ограниченность мировых интеллектуальных ресурсов породили острую конкурентную борьбу на современных мировых рынках интеллектуального труда. Это обстоятельство усиливает роль политического управления процессами миграции в целом и интеллектуальной миграцией как ее наиболее значимым сегментом. В качестве основных направлений политического регулирования можно выделить: постоянное увеличение доли расходов на НИОКР и образование в национальных ВВП; поощрение международной мобильности исследователей; селективную миграционную политику.

Республика Беларусь обладает достаточно большим человеческим потенциалом для выполнения научных исследований и разработок. По индексу знаний в рейтинге 142 стран мира Беларусь занимает 45-е место. В списке стран по индексу развития челове-

ского потенциала республика на 50-м месте среди 187 стран. Расходы на образование составляют 9,3% ВВП и являются значительными даже по меркам развитых стран. В то же время в глобальном индексе инноваций Беларусь занимает 78-е место из 141. Такой разрыв свидетельствует о недостаточно эффективном использовании человеческого и интеллектуального капитала страны. Беларусь продолжает находиться на отстающих позициях по уровню бюджетного финансирования исследований и разработок по сравнению с другими странами. Научоемкость ВВП в последние годы составляет около 0,7%, что ниже критического уровня в 1,0%.

Развитые и развивающиеся страны, стимулирующие развитие сферы НИОКР, ведут активную политику по привлечению из-за рубежа высококвалифицированных специалистов. На постсоветском пространстве сложилась собственная евразийская миграционная система со своими странами-донорами и реципиентами. Для Беларуси страной-реципиентом выступает Россия. Миграционное законодательство РФ содержит нормы, облегчающие въезд в страну высококвалифицированных специалистов. В последние годы Россия проводит активную научно-техническую и инновационную политику, в целях ее реализации приняты специальные государственные программы. В совокупности все эти факторы создают постоянную угрозу утечки умов из Беларуси.

Эмиграция научных кадров способна оказать существенное влияние на снижение интеллектуального потенциала страны. И хотя она не достигает масштабов, которые были характерны для 1990-х гг., однако по-прежнему является значимым фактором для инновационного развития Беларуси. Нужно также учитывать, что количественные показатели не дают полной картины изменений в научной среде. В сфере интеллектуального, и особенно научного, труда количество работников далеко не всегда коррелирует с реальной величиной человеческого капитала.

В качестве альтернативы интеллектуальной эмиграции выступает международная мобильность научных кадров. Она рассматривается многими странами-донорами как фактор, существенно снижающий потери от утечки умов. Большинство стран с развитыми научными комплексами реализуют различные инициативы по стимулированию мобильности и возвращению на родину уехавших ученых-соотечественников.

При этом в сфере межгосударственного научно-технического сотрудничества наблюдается тенденция к регионализации, т.е. сотрудничеству государств по географическому признаку. Особый интерес представляет опыт международных региональных организаций, в частности Европейского Союза. Как свидетельствует практика, формирование единого научного и инновационного пространства в его рамках является наиболее эффективной формой научно-технического сотрудничества, взаимовыгодного для всех участников.

Мобильность в различных вариантах, включая международную, изначально рассматривалась как важнейший механизм реализации этого масштабного проекта. Ее развитие способствует решению целого комплекса задач:

- созданию механизмов противодействия утечке умов;
- стимулированию научной карьеры;
- повышению привлекательности научных исследований для молодежи;
- повышению практической ориентации научных исследований;
- консолидации исследователей разных стран с целью формирования международной научно-исследовательской сети для решения наиболее актуальных научных проблем международного масштаба.

Сотрудничество в области инноваций сегодня становится ключевым направлением интеграции на пространстве СНГ. Задача создания общего научного пространства

государств-участников Содружества была обозначена еще в 1995 г. в Соглашении о создании общего научно-технологического пространства государств-участников Содружества Независимых Государств, были приняты и другие документы, касающиеся сотрудничества в этой сфере. Однако в большинстве своем они не получили практического наполнения. В последние годы, с принятием в 2011 г. Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года, ситуация меняется.

Межгосударственная программа и Комплексный план сотрудничества в инновационной сфере государств-участников СНГ предусматривают разработку комплекса мер институционального характера, нацеленных на создание необходимых элементов национальных инновационных систем, способствующих интеграции в единое инновационное пространство. Особое внимание в ходе реализации Программы предполагается уделить формированию механизмов эффективной мобильности научных, инженерно-технических кадров, а также молодых исследователей. В этих целях разработана специальная Подпрограмма «Кадры». Она должна послужить основой для интеграции инновационного пространства СНГ, создания конкурентного рынка труда, повышения квалификации специалистов, занятых в инновационной сфере, распространению передового опыта в сфере менеджмента инноваций и созданию профессионального сообщества инноваторов СНГ как части международного сообщества.

В данном контексте, учитывая научный и кадровый потенциал России и Беларуси, сформировавшиеся кооперационные связи и опыт реализации десятков совместных программ, закономерным представляется рассматривать как приоритет создание единого научно-инновационного пространства Союзного государства. Реализация такого уровня проектов предполагает разработку соответствующих институциональных моделей, и мобильности научных кадров, учитывая опыт ЕС, могла бы стать одним из ведущих элементов такой системы. Однако сложившийся в Союзном государстве формат сотрудничества не включает межстрановую мобильность исследователей в качестве важного инструмента развития кооперации в научно-технической сфере.

Между тем, рост масштабов и разнообразия форм международной мобильности исследователей сегодня является одним из трендов мирового развития науки. Разработка механизмов межстрановой мобильности научных кадров и принятие на государственном уровне соответствующих программ способствовали бы предотвращению утечки умов, формированию эффективной системы обмена научными кадрами, консолидации исследователей двух стран с целью формирования единого научного и инновационного пространства Союзного государства.

МИГРАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

И. В. Загорец

Трудовой потенциал общества – совокупность демографических, социальных и духовных характеристик и качеств трудоактивного населения, которые реализованы или могут быть реализованы в условиях достигнутого уровня развития производительных сил, научно-технического прогресса и системы отношений, связанных с участием в процессе труда и общественной деятельности.

Трудовой потенциал нельзя рассматривать как нечто застывшее, величина которого, однажды сформировавшись, в дальнейшем лишь расходуется в процессе обще-

ственной деятельности. Количественно трудовой потенциал равен произведению численности трудоспособного населения и продолжительностью рабочего времени. Распространенное измерение его величины в абстрактных чел. часах по существу определяет величину лишь одной из компонент – демографическую.

Качественно трудовой потенциал характеризуют следующие составляющие: физическое развитие и здоровье; социально-демографический состав населения; интеллектуально-культурный уровень; экономическая активность; мобильность; адаптивность; мотивированность к труду и другие.

Повышать трудовой потенциал страны можно различными способами, в том числе и за счет внешней миграции населения. Внешняя миграция населения неизбежна, так как позволяет любому человеку реализовать свое право на выбор места жительства, выбора страны проживания, наиболее соответствующей его представлениям о счастье.

Миграция населения имеет ряд функций, главными из которых являются селективная и ускорительная. Селективная функция предусматривает, что в миграционном движении принимают участие только часть населения, обладающая определенными в том числе и личностными качествами: повышенная мобильность и адаптивность, экономическая активность и другие, которые повышают человеческий потенциал в стране приезда и снижают в стране выхода мигрантов. Ускорительная функция подразумевает, что территориальные перемещения способствуют изменению социально-психологического облика мигрантов, расширению их кругозора, накоплению знаний о различных областях жизни, обмену трудовыми навыками и производственным опытом, развитию личности, ее материальных, социальных и духовных потребностей, интеграции национальных культур.

Миграционные потери или приобретения человеческих и трудовых ресурсов страны не могут не сказываться на развитии ее экономики. Отъезд из нашей страны части наиболее конкурентоспособных трудовых ресурсов наносит серьезный урон социально-экономическому развитию страны по нескольким направлениям. С одной стороны, экономика страны в целом и отдельные ее предприятия потеряли большое количество высококвалифицированных работников и того общественного продукта, который они могли бы создать. С другой стороны, и образование, и квалификацию уехавшие получили в Беларуси, в основном на средства государственного бюджета, соответственно средства, затраченные на подготовку трудовых ресурсов для других государств, являются прямым экономическим ущербом для нашей страны. Кроме того, отъезд мигрантов в репродуктивном возрасте негативно влияет на рождаемость и естественный прирост (убыль) всего населения. Таким образом, эмиграция в большинстве случаев приводит к снижению трудового потенциала.

Трудно согласиться с отдельными исследователями, утверждающими, что миграционный отток человеческих ресурсов из Беларуси имеет и ряд положительных последствий. Иногда к таким последствиям относят снижение безработицы в стране, но чаще главным плюсом эмиграции называют поступающие от мигрантов обратно в страну трансферты. В отдельных странах размер этих трансфертов велик, достигает половины и более доходов от внешнеэкономической деятельности. Однако недополученная по причине неиспользования трудовых ресурсов в Беларуси добавленная стоимость и совокупные затраты на их образовательную и профессиональную подготовку могут значительно превышать размеры трансфертов от трудовых мигрантов.

На наш взгляд, отрицательные последствия утечки человеческих ресурсов многократно превышают эти мнимые плюсы. Об этом свидетельствует и опыт некоторых стран, таких как Молдавия. Если страну покидают наиболее активные, квалифициро-

ванные трудовые ресурсы, а основными источниками существования остающегося населения становится подсобное хозяйство и поступающие из вне трансферты, страна теряет перспективы развития и может угодить в «ловушку бедности». Выйти из такого состояния в будущем будет очень сложно, если вообще возможно.

Внешняя миграция населения Республики Беларусь на протяжении длительного периода характеризуется превышением эмиграции над иммиграцией. Декларируемое Белстатом ее положительное сальдо, опровергается данными того же Белстата по соотношению общей, естественной и миграционной убыли населения. На основе данного соотношения нами было рассчитано совокупное сальдо внешней миграции населения Беларуси с 1989 по 2010 годы. Оно было отрицательным и составило 131,6 тыс. чел [1, с. 97] [2, с. 84] [1, с. 80].

Конечно, за этот период имела место и иммиграция человеческих ресурсов в Республику Беларусь. Но наша страна, в отличие от более развитых в экономическом отношении стран, не в состоянии обеспечить привлечение наиболее квалифицированных работников. Основными аргументами для иммигрантов в Беларусь становятся не более высокий уровень жизни и доходов, а безопасность, стабильность, развитость социальной инфраструктуры. Что касается более высокого уровня доходов, то он может быть обеспечен только для выходцев из наименее развитых в экономическом отношении стран. Результат привлечения в страну таких мигрантов неоднозначно отражается на экономическом и социальном развитии страны и ее трудовом потенциале.

Благодаря такой миграции могут быть снижены темпы депопуляции, обогащается наша культура, лексика. Но привлечение в страну мигрантов с целью занятия рабочих места, которые не пользуются спросом у местного населения, на маргинальном секторе рынка труда, где оплата труда ниже уровня воспроизводства рабочей силы, принятой в стране, не является экономически эффективной. Сама возможность привлечения работников на эти места не требует от нанимателя необходимости модернизации производства, снижения затрат живого труда и замещения его на труд овеществленный. Происходит развитие страны не по интенсивному, а по экстенсивному пути. Поскольку выработка и производительность труда в этом секторе рынка труда минимальна, массовое увеличение численности занятых за счет мигрантов не увеличивает, а уменьшает показатель ВВП на душу населения. Однако именно этот показатель чаще всего используется в качестве характеристики уровня развития страны.

Таким образом, планы массового привлечения в страну неквалифицированных мигрантов, используемых на непрестижных работах в сельском хозяйстве, строительстве, отдельных профессиях в промышленности будут снижать общий уровень жизни населения и развития страны. Кроме того, массовая миграция населения не дает коренному населению возможности плавной адаптации к новым реалиям, порождает социальные проблемы отчуждения и агрессии местного населения по отношению к мигрантам.

По нашему мнению, главной задачей в области миграции в Республике Беларусь является не массовое привлечение неквалифицированных внешних мигрантов, а снижение миграции собственных наиболее активных, креативных и квалифицированных человеческих ресурсов. Что касается привлечения в отдельные сферы, отрасли и на предприятия внешних мигрантов, то данная миграция должна носить характер возвратной и количественно ограниченной.

Литература

1. Загорец, В.С. В условиях демографических вызовов // Беларуская думка. – 2012. – №10. – С. 93–98.
2. Загорец, И.В. Особенности миграционной политики Республики Беларусь на современном этапе / В.С. Загорец, И.В. Загорец // Журнал международного права и международных отношений. – 2010. – №4. – С. 81–86.
3. Загорец, И.В. Миграционная политика стран Единого экономического пространства: сравнительный анализ // Журнал международного права и международных отношений. – 2012. – №4. – С. 76–83.

НАУЧНАЯ ДИАСПОРА В СТРУКТУРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА: ФЕНОМЕН И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. И. Веренич

Интеллектуально-инновационные трансформации в век наукоемких технологий составляет основу успешного развития страны. В их процесс включаются субъекты различных отраслей, форм собственности и ведомственной подчиненности. Поскольку приумножение интеллектуального капитала требует больших вложений в сферы науки, культуры, и образования, для многих стран эффективным представляется привлечение специалистов из-за рубежа. Это способствует росту потоков интеллектуальной миграции в мировых масштабах. Международное разделение труда и темпы миграции являются фактором глобальных социальных изменений, определяя векторы геополитического, экономического, этнического, социально-культурного, развития как страны-реципиента, так и материнской страны.

Учитывая, что в высокоразвитых странах наука к концу XX века стала важнейшей производительной силой, а от развития фундаментальной и прикладной науки зависят экономическая и политическая мощь государств, обеспечиваемая достаточным числом квалифицированных кадров ученых, инженеров, техников, управленцев высокого уровня, трудовая миграция стала частью международных экономических отношений и важнейшим фактором развития интеллектуального потенциала развитых государств. Интеллектуальная миграция как форма трудовой миграции, будучи давно распространенным явлением, сейчас стала глобальной; интеллектуальный труд является важнейшим фактором и ресурсом устойчивого развития и безопасности стран.

Учитывая современные масштабы миграции, сегодня необходимы не только новые подходы к миграционной политике, но и новые исследовательские парадигмы, уход от только положительных либо отрицательных оценок феномена, а определение путей и факторов оптимизации и рационализации этого процесса, определения путей взаимовыгодного сотрудничества стран реципиентов и стран-доноров с целью эффективной «эксплуатации» интеллектуального потенциала мигранта.

Теоретическую основу таких исследований составляют труды в области политологии, социологии, экономической географии, этнопологии, в которых представлены принципиальные подходы, применимые к изучению международных отношений, связанных с явлениями трудовой миграции в современном мире. Также в настоящее время практически оформилась отдельная область научного знания – миграциология.

Следует отметить как труды зарубежных ученых: Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох, У. Коннор, Р. Коэн, М. Эстман, Г. Шефнер, так и ученых постсоветского пространства,

определяющие общеметодологические проблемы таких понятий как диаспора, «новая диаспора», миграция, трудовая миграция, научная эмиграция (Ю. Громыко, М. Губогло, Л. Дробижева, Р. Абдулатипов, С. Арутюнов, М. Аствацатурова, В. Тишков, Ж. Тощенко и др.). Исследование проблем миграции интеллектуальных кадров в конкретных странах и регионах проводится учеными России (А. Задохин, Калинина Н.), Армении (Е. Алексанян, Р. Тер-Аракелян), Грузии (О. Гиغيенишвили), Кыргызстана (Н. Омаров, А. Орусбаев, А. Элебаева), Казахстана (А. Зубарев, Г. Мендикулова), Украины (В. Городяненко), Эстонии (В. Полещук.), Молдовы (В. Мошняга, В. Варзарь), Румынии (Г. Чобану) и др. Появились труды посвященные определению роли и места интеллектуальной миграции в структуре глобального миграционного потока (М.С. Блинова, Т. Юдина)

Проблемы миграции населения, утечки мозгов, трудовой миграции рассматриваются и белорусскими авторами: А. Нечай, В. Мигун, Л. Шахотько, М. Артюхиным, И. Шарым, П. Дмитруком. Особое место названной проблематике отведено в проекте Международного общественного объединения по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие» в «Белорусском журнале международного права и международных отношений». Также в 1999 году по предложению Государственного комитета по науке и технологиям, Национальной академии наук Беларуси, Министерства статистики и анализа принято Постановление №1494 «О создании центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров в Республике Беларусь» с целью осуществления в республике мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров.

Вместе с тем, изученный материал дает нам основание утверждать, что глубоких теоретических исследований, касающихся места и роли именно научной диаспоры и моделей взаимодействия с принимающей страной и материнской страной, на наш взгляд пока недостаточно. Есть эпизодические научные публикации, касающиеся роли и места интеллектуальной эмиграции в развитии науки принимающей страны либо страны-донора. Процесс же формирования научной диаспоры требует комплексного рассмотрения через системный общенаучный подход, историко-культурный и кросс-факторный анализ, биографический, нарративный и контент-анализ для выявления причин и сроков миграции научных кадров и перспектив развития данного процесса в дальнейшем.

Философия управления и актуальные проблемы общественно-государственного развития в евразийском пространстве

ФИЛОСОФИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ЗНАНИЙ И ЦЕННОСТЕЙ

Я. С. Яскевич

При всех альтернативах в понимании механизмов системной модернизации современного общества – или с акцентом на последовательную либерализацию политической системы, или с ориентацией на резкую «шоковую» либерализацию, распад прежней политической системы и внедрение новых демократических институтов любой ценой («конкретная модель»), становится ясно, что важной задачей модернизации является формирование интеллектуальной элиты, опирающейся на поддержку общества, спо-

собной обосновывать и проводить реформы, выстраивать инструментальные стратегии, обеспечивать экономический рост и демократические преобразования, своевременное разрешение возникающих социальных напряженностей и конфликтов, как на международном, так и на локальном уровнях.

Современная ценностно-нормативная модель возможностей модернизации и инновационного развития общества выражается во взаимодополнении тенденции к прогрессивности, знанию, творчеству, с одной стороны, и традиционализму, культурной идентичности, безопасности социума, с другой стороны, ориентации на институциональную ось (культуру – право – государство) и ценностную ось (инновации – справедливость – свобода).

Построение успешных моделей модернизации общества невозможно без обращения к феномену рациональности, выяснения специфики коммуникативной рациональности, принятия рациональных и нравственно-ориентированных решений, что особенно необходимо в условиях современного рискогенного общества. Рационализм в европейской традиции, как жизнеспособный и полнокровный образ мысли придал характерную окраску не какому-то отдельно взятому, а всем без исключения социальным, экономическим, политическим направлениям, невзирая на их содержательные различия. Почти все ныне существующие бизнесмены и политики заняли рационалистическую и приближающуюся к ней позицию, идя к этому образу мыслей собственным путем – или по убеждению, или в силу веры в то, что рационализм неотвратим, или вовсе принимая его без рассуждений. При этом общий характер и настрой рационалиста заключается в том, что он всегда утверждает независимость и необходимость разума в любых возможных обстоятельствах, утверждение свободы мысли, отказывающийся преклоняться перед авторитетом и делающий исключение только для авторитета разума.

В современном рискогенном обществе важно, чтобы коммуникативная рациональность или рациональность общения была ориентирована на предпочтения ценностей компромисса, консенсуса, рационального дискурса и тем самым способствовала взаимному согласованию деятельности социальных субъектов, наработке и вписыванию в общественное развитие наиболее прогрессивных локально-коммуникационных практик, что приводит к реализации принципа социальной справедливости (Дж. Ролз).

Рациональность современного общества с необходимостью проявляет себя в умении согласовывать частные и общие интересы, в стремлении не доводить до крайности и конфронтации различные политические, экономические и духовные предпочтения, нейтрализовать их враждебные столкновения. Отсюда – возможность рационализации конфликтов на пути согласования интересов, рационализация принятия политических и экономических решений, разработка специальных институтов и технологий по регулированию приемлемых для конфликтующих сторон вариантов консенсуса.

На основе рациональной коммуникации сегодня формируется качественно новая философия модернизации и управления, инновационно-синергетическая социально-политическая картина мира, изменяются наши концептуальные модели описания, объяснения и прогнозирования развития социума. В такой картине мира доминируют понятия становления, коэволюции, кооперативности компонентов мировой политической системы, нелинейность и открытость вариантов будущего развития, нестабильность и хрупкость современного мира.

Синергетическая эпистемология задает новые принципы в развитии социально-гуманитарных наук и поведения человека в XXI веке, ибо важно понять, что линейное мышление может быть опасным в нелинейной сложном мире реальности, в политике, истории, где монокаузальность может вести к догматизму, отсутствию толерантности и

фанатизму.

Синергетический и антропологический поворот заявляет о себе и в современных моделях принятия решений, которые все в большей степени должны коррелировать с ценностно-ориентированными моделями менеджмента – управления развитием человеческого капитала на основе ценностей, изменения культуры организаций и компаний, индивидуализации структуры управления с акцентом на роль лидера в управлении персоналом, его личностных и эмоциональных качеств, установок на сотрудничество, понимание, согласие и высокий профессионализм. Динамика менеджерских моделей демонстрирует сегодня инновационные прорывы от управления по инструкциям (Managing by instructions – MBI) к управлению по целям (Managing by objections – MBO) и, наконец, к управлению на основе ценностей (Management by values – MBV).

В условиях радикально меняющегося рынка, возрастающей сложности, открытости, неопределенности и стремительной изменчивости делового мира, его глобальных технологических перемен косные, одномерно-линейные модели менеджмента с иерархическим управлением вступают в противоречие с системой деятельности современных компаний. Принятие управленческих решений в духе командно-административной практики, жесткой иерархии и безоглядного следования инструкциям не вписывается в логику современного бизнеса, требующего инновационного и творческого подхода, гибкой мобильности, ориентированности на корпоративную культуру и интересы клиента. Модель управления на основе ценностей как устойчивой системе убеждений о предпочтительных принципах поведения, требованиях организационной жизни и нравственных регулятивов позволяет эффективно, творчески и ответственно решать сложные вопросы, уметь приспосабливаться к неопределенности, работать на взаимном доверии и преданности делу компании.

Философия управления на основе знаний и ценностей является своего рода вызовом современной экономике, предъявляя системе управления человеческим капиталом необходимость ее переориентации на субъект-субъектные отношения в лице персонала компании, организационное развитие управления и принятия решений на основе изменения культуры компании, культуры контроля и культуры развития. Необходимы нравственные повороты в динамике модели управления на основе ценностей, индивидуализации в структуре управления через акцентацию роли лидера в управлении персоналом, личностное развитие руководителя, качества, развивающие сотрудничество, образующие социальный капитал, его эмоциональное воздействие. Сегодня обладание солидным человеческим капиталом, стремление получить опытных и образованных сотрудников создает конкурентный рынок, а руководители, игнорирующие влияние персонала и корпоративной культуры, рискуют быть невостребованными.

Инновационная модель философии управления на основе ценностей, бизнес-модель, несомненно, требует реорганизации культуры предприятия в целом, внедрения и развития новых убеждений и приоритетов среди персонала на всех уровнях, системного управления качеством и эффективного планирования.

Такие приоритетные корпоративные ценности в деятельности сотрудников как креативный подход при решении сложных вопросов, умение находить быстрые решения в условиях неопределенности, самостоятельность и ответственность, самоконтроль, преданность компании, взаимное доверие обеспечивают эффективное функционирование организации, ее рост, конкурентоспособность, личностное развитие сотрудников, их мотивированность на успех, продвижение и благополучие ибо основа успеха – сотрудники. Философия управления на основе поощрения самоконтроля, креативного решения сложных ситуаций, высокой потребности к самостоятельности и ответственности, твор-

ческого участия и взаимного доверия и означает управление на основе ценностей и развития человеческого потенциала.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Д. Г. Доброродный

В современном обществе философия чаще всего рассматривается как знание фундаментальное, но абстрактное, далекое от актуальных потребностей. Считается, что философское мышление слишком сложное, слишком универсальное для решения конкретных проблем и задач, с которыми сталкивается государство и бизнес. В условиях постоянного ускорения динамики изменений и экспоненциального роста информации стало распространенным мнение, что все знать невозможно, а хороший работник – это «узкий» специалист с богатым практическим опытом. Руководители различных структур предпочитают в плановом режиме работы и, особенно, в кризисных ситуациях обращаться к носителям рецептурного знания – консультантам по стратегическому планированию, по принятию решений, по командным взаимодействиям, по управлению знаниями, по продажам и т.д. Система образования отвечает на запрос рынка оптимизацией программы подготовки в высших учебных заведениях с акцентом на специализацию и практическую ориентацию, урезая долю дисциплин «общеобязательных», в том числе философии. На мой взгляд, такое мнение о роли философии в решении самых актуальных проблем общества является ошибочным. Философская рефлексия и философское знание обладают рядом преимуществ по отношению к частным наукам, особенно, носящим сугубо прикладной характер. Для подтверждения тезиса обратимся к примеру, в качестве которого выступают концепции «обучающейся организации» П. Сенге и «организационной культуры» Э. Шейна.

Питер Сенге является директором Центра организационного обучения в школе менеджмента MIT Sloan. Мировую известность и авторитет в сфере корпоративного обучения ему принесла книга «Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации». П. Сенге использует в качестве теоретического и методологического основания своей концепции философские концепции и методологические принципы, то, что он называет системным мышлением: «Я называю системное мышление пятой дисциплиной, потому что оно является краеугольным камнем, на который опираются все пять умений и обучающих дисциплин, рассматриваемых в этой книге. Цель – изменить ум, научить его видеть не части, а целое. Мы способны измениться и стать не беспомощными статистами, механически реагирующими на события, а активными участниками этого мира, формирующими реальность и будущее. Системное мышление дает нам стимулы и средства для интеграции наших умений и способностей учиться. Системное мышление является краеугольным камнем обучающейся организации, на котором зиждется ее взаимодействие с миром» [1, с. 57].

П. Сенге констатирует, что важнейшей характеристикой среды, в которой существуют и развиваются современные организации, является «динамическая сложность». Это означает, что мир представляет собой многоуровневую систему с множеством структурных взаимосвязей. Каждый объект и, соответственно, проблема, с которой имеет дело организация, является элементом этой сложной системы и включен в множество взаимодействий разного характера. Кроме того, мир постоянно меняется, динамические циклы имеют различную продолжительность (краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные) и могут накладываться. Например, краткосрочная позитивная тенденция мо-

жет быть этапом уже начавшегося долговременного негативного цикла. Все это формирует очень сложную для понимания картину реальности, которую невозможно осмыслить без навыков системного мышления, без широкого кругозора, без способности абстрагироваться от сиюминутных потребностей, субъективных предпочтений и интересов, преодолеть стереотипы и осознать происходящее как часть глобального целого. По мнению П. Сенге, залог успеха в сфере бизнеса и менеджмента любой организации заключается в формировании соответствующих знаний и навыков у ее руководителей и сотрудников. Людей нужно обучать мыслить самостоятельно и системно, осознанно и ответственно относиться к своему духовному и профессиональному развитию, мыслить общее благо организации, ее миссию в обществе. Очевидно, что без знаний и навыков мышления, которые дает человеку философия, невозможно представить себе реализацию такого проекта.

Эдгар Шейн в большей степени, чем П. Сенге, является практиком организационного консультирования, считается одним из основателей «организационной психологии». Его работа «Организационная культура и лидерство» считается классической в своей области, в ней он обосновал необходимость всестороннего, фундаментального изучения культуры организации для обеспечения ее успешного управления: «Многие из проблем, объяснявшихся прежде "дефектами коммуникации", или "недостаточным уровнем кооперации", теперь считаются выражением отсутствия должной межкультурной коммуникации. ... Анализ культуры необходим, если мы хотим понять, как новые технологии влияют на организации и какое именно влияние технологии они испытывают. ... Поверхностные концепции культуры нам вряд ли помогут; мы должны достаточно полно уяснить смысл и роль культуры отдельных сообществ, организаций и народов, для того чтобы лучше понимать значение и причины происходящего, а также по возможности оказывать на него определенное влияние» [2, с. 13].

Подход Э. Шейна весьма практичен, его задача – обеспечить эффективное функционирование организации. Для этого только нужно выявить особенности организационной культуры и привести все ее элементы в согласованное состояние, ведь проблемы чаще всего возникают, когда элементы сложной системы организации теряют между собой «контакт», начинают действовать разрозненно, конкурировать и конфликтовать. Э. Шейн обосновывает тезис о том, что любое локальное преобразование в организации, обучение и адаптация персонала, любая частная проблема должны рассматриваться исходя из общей картины глубинных структурно-символических отношений ее культуры, иначе все усилия будут потрачены напрасно. Кроме того, Э. Шейн, как и П. Сенге, отдельно отмечает, что в анализе культуры необходимо учитывать наличие неосознаваемых и неконтролируемых представлений и установок, которые выражаются в защитных механизмах, предрассудках и стереотипах и др (см. об этом: [3]). Реализация подхода Э. Шейна была бы невозможна без концептуальных и методологических принципов структурализма, семиотики, психоанализа, аксиологического и деятельностного подходов, т.е. без философской основы.

Приведенные примеры демонстрируют, что бизнес – наиболее чувствительная к изменениям сфера – пришел к пониманию того, что нельзя полагаться только на интуицию, недостаточно только своего опыта, неэффективно полагаться на удачу или метод «проб и ошибок». Эффективность обеспечивается не только использованием достижений научно-технического прогресса в производстве, но и фундаментальных научных и философских знаний в организации и управлении. Мировоззренческая и методологическая составляющая философии вместе с установкой на самостоятельность и критичность мышления могут и должны стать основой эффективного управления отдельными

организациями и обществом в целом на современной стадии развития человеческой цивилизации, которую все чаще характеризуют не только как информационную, но и как стадию перманентного кризиса, тотальной неопределенности, глобальной нестабильности и возрастающего риска. А значит, необходимо пересмотреть отношение к фундаментальной философской подготовке специалистов и перспективам философского образования и науки.

Литература

1. Сенге, П.М. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. – М., 1999.
2. Шейн, Э.Х. Организационная культура и лидерство / пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. – СПб., 2002.
3. Доброродный, Д.Г. «Фактор бессознательного» в социальном познании и организации // Научные стремления – 2010: сб. материалов Респ. науч.-практ. молодеж. конф., Минск, 1–3 нояб. 2010 г. В 2 ч. Ч. 2 / Нац. акад. наук Беларуси, Совет молодых ученых НАН Беларуси; редкол.: В.В. Казбанов [и др.]. – Минск, 2010. – С. 27–30.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫБОРА СТРАТЕГИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

А. В. Тутов

Стратегическая цель государственного управления является той основой, на которой базируется деятельность органов государственной власти. В соответствии с выбранной стратегической целью формируется стратегия государственного управления, тактика его развития, разрабатываются прогнозы и планы действий, оцениваются результаты принятых решений и предпринятых действий. Таким образом, эффективность государственного управления во многом зависит от того, насколько правильно определены основные стратегические и вытекающие из них тактические цели, на достижение которых ориентировано государственное управление. И если считать, что «хорошее» государственное управление обеспечивается «хорошим», истинным государством, то следует в первую очередь заботиться об истинности наших представлений о целях государства и его приоритетах.

Обычно «дефиницию мы называем правильной, если она согласуется с тем, что содержится в нашем обыденном сознании о ее предмете. Но в этом случае понятие определяется не в себе и для себя, а согласно некоторой предпосылке, которая есть здесь критерий, масштаб правильности. ...В философском смысле, напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой. Это, следовательно, совсем другое значение истины, чем упомянутое.... В этом смысле плохое государство означает неистинное государство, и плохое и неистинное вообще состоит в противоречии между определением или понятием и существованием предмета» [1]. Исходя из приведенного, цели государственного управления должны выбираться так, чтобы было максимально обеспечено соответствие между понятием государства и его существованием, если государство изначально не служит каким-либо частным целям, т. е. целям частных лиц и групп лиц. Другими словами, это соответствие обеспечивается правильным выбором главных или, как сейчас принято их называть, стратегических целей государственного управления.

Такой подход требует усилий в отношении раскрытия сущности государства как

понятия. Все более или менее согласны с тем, что основная цель государственного управления – благо народа, населяющего это государство. Но, увы, слова естественного языка часто меняют свой смысл в процессе их употребления. При употреблении слов естественного языка мы сталкиваемся с неточностью мысли, «которая легко проскальзывает при использовании слов обычного языка, смысл которых дается не точным определением, а созданием привычки к принятому словоупотреблению» [2]. Таким образом, употребляя понятие «благо», необходимо определить его значение.

В трактате Плотина «О благе, или первоедином» находим: «Все существа – не только первичные, которые обладают истинным бытием, но и те, которые должны считаться существующими лишь относительно, существуют только благодаря присущему им единству, а без этого единства – что стало бы с ними? Лишенные единства, они перестали бы быть тем, что они есть и чем мы их называем. Армия, например, когда в ней отсутствует всякое единство, уже не армия, ... Каждая вещь, называемая единой, всегда в такой же степени обладает единством, в какой бытием, так что низшей степени бытия соответствует низшая степень единства, а высшей степени бытия – высшая степень единства» [3]. Из приведенного отрывка мы можем сделать по отношению к государству вывод, что государство тем более истинно, чем выше в нем степень единства. Но что следует считать единством в высшей степени его проявления? В диалектике есть свой ответ на этот вопрос. И этот ответ она дает в понятии целого: «Единство мы можем мыслить просто как объединенность частей. Это будет единство *множественного*. Однако такого единства недостаточно. Необходимо другое единство, высшее» [4]. Под высшим единством в диалектике понимают внутреннее единство целого, в котором каждая его часть не только отлична от целого, но и тождественна с ним.

Такое понимание блага государства находит свое отражение и в современном мире, в частности в девизах многих государств, которые можно интерпретировать как квинтэссенцию понимания блага государства в этих странах. Приведем национальные девизы ряда стран.

Таблица 1. Формулы национальной идеи стран, в которых отражена идея единства как основная цель

Страна	Национальный девиз, формула национальной идеи
Ангола	Единство обеспечивает силу
Аргентина	В союзе и свободе
Габон	Единство, труд, правосудие
Гайана	Один народ, одна нация, одна судьба
Гвинея–Бисау	Единство, Борьба, Прогресс
Коморские острова	Единство, Справедливость, Развитие
Ливия	Свобода, социализм, единство
Мали	Один народ, одна цель, одна вера
Сьерра-Леоне	Единство, Свобода, Справедливость
Туркс и Кайкос	Один народ, одна нация, одна судьба
ЦАР	Единство, Достоинство, Труд
Швейцария	Один за всех – все за одного
Ямайка	Все как один

В российской истории единство индивидуального и общего выражалось через понятие «соборность», как единство сохраняющее индивидуальность, поскольку, как отмечал А.Ф. Лосев в «Философии имени», если личность не индивидуальна, то она и не

соборна. Но чем обеспечить высокую степень единства в государстве, где действуют индивидуальности с различными, часто конфликтующими интересами?

Архиепископ Иоанн в труде «История вселенских соборов» при описании исторического фона, на котором был созван Первый Вселенский Собор, в частности, упоминает о принципах, которыми руководствовался Константин Великий в делах правления государством: «Занятый всею душою благоустроением дел государственных, император Константин в своем политическом благоразумии почитал наилучшим средством к благополучию государства, между прочим, то, чтобы между его подданными господствовали согласие и единомыслие в почитании Верховного Божества. Имея в виду эту цель, император, как он сам о себе выражается, иное рассматривал внутренним оком ума, а иное старался совершить вооруженною рукою. "Я знал, – выражается он, – что, ежели по моим молитвам восстановлено будет согласие между всеми верными, ход общественных дел получит направление, соответствующее благочестивым намерениям каждого"» [5].

Иными словами, Константин Великий считал, что единство и согласие между его подданными может быть достигнуто при условии наличия единства в оценке главных ценностей, которые носят метафизический характер. Если принять приведенную точку зрения, то качество государственного управления можно оценивать по тому, в какой степени оно способствует поддержанию единства народов, населяющих это государство, и, прежде всего, единство их целей и интересов.

Литература

1. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М., 1984.
2. Колмогоров, А.Н., Драгалин А.Г. Введение в математическую логику. – М., 2004.
3. Плотин. Эннеады. – Киев, 1995.
4. Лосев, А.Ф. Диалектика числа у Плотина // Миф. Число. Сущность. – М., 1994.
5. Преосв. Иоанн. История Вселенских соборов. М., 1995.
6. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики. – СПб., 1997.

ПРОБЛЕМА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

Н. О. Щупленков

Анализ государственной власти предполагает исследование различных форм ее функционирования, которые не исчерпывается традиционным структурно-функциональным и институционально-нормативным подходами. Более того, следует констатировать, что развитие политической системы, усложнение структуры потребностей, возникновение новых рисков и угроз на различных этапах эволюции социально-политической жизнедеятельности позволяют говорить о возрастающей роли государственной власти и публичных технологий управления.

На уровне философской рефлексии поиск антропологических оснований тех или иных сфер бытия уже стал характерной приметой современности. Но в отношении государства и политики антропологический подход пока не является преобладающим, а человеческий фактор остается неучтенным элементом общественной жизни и социальных институтов. В результате, как отмечает С. Кара-Мурза, у нас нет культурно-антропологической карты наших людей [1]. Что это за люди? Нет ни доброго русского мужичка, на которого некоторые уповают, ни советского человека. В связи с этим чрезвычайно актуальной становится задача проведения научно обоснованной гуманитарной

экспертизы. «Такая экспертиза, – подчеркивает член-корреспондент РАН Б. Юдин, – могла бы стать эффективным инструментом стратегической и тактической корректировки всей социальной и культурной политики государства, а также определения ее жизненно важных направлений» [2, с. 44]. Проведение подобной экспертизы предполагает понимание глубокого онтологического единства человека и государства.

Однако это единство недостаточно осознано не только на уровне обыденного сознания, но и на уровне общественных наук. Нет ясного представления о том, что государственные институты, оформляющие народ в осознающую себя целостность, обретают особую ценность – уже не социальную, а антропологическую. Недостаточно также осознано, что человек и государство – разные уровни эмпирического бытия, осмыслить взаимодействие которых можно лишь в рамках более широкого методологического и теоретического подхода, а именно антропологического измерения, предполагающего не только обращение ко всему комплексу антропологических наук, изучающих сущность человека, но и его связи с другими людьми. Необходимость пересмотра всей системы отношений человека и государства становится первостепенной задачей XXI в. Своеобразное сосредоточение в евроазиатском регионе основных общемировых коллизий взаимоотношения человека и государства объясняет, почему именно здесь антропологическое измерение государства может быть наиболее востребовано.

Антропологическое измерение – это одновременно, по существу, прояснение проблем и схем деятельности государства, как в теоретической, так и в практической плоскости. Антропологическое измерение придает новое качество государству и открывает для него новые возможности.

Таким образом, если традиционный научный подход во многом дегуманизирует политику и человека, видя в нем объект исследования и манипулирования, то антропологическое измерение восстанавливает значимость человека как субъекта действия, объединяя «человека экономического», «социологического» и «психологического», оказывающего влияние на развитие и функционирование государства. В связи с этим важнейшей задачей становится преодоление поверхностного, одностороннего истолкования человека, забвение того, что он соединяет в себе две реальности: духовную и материальную. Изучение человека требует методологического синтеза гуманитарных, естественных и технических наук.

Какие бы рационалистические схемы, теории, парадигмы не предлагались со стороны влиятельных интеллектуальных и политических сил, которые, конечно, могут оказать заметное воздействие на развитие государства и общества, все же само это развитие зависит от глубоких тектонических процессов в народной жизни, в ее национально-культурных основах, в конечном счете, от того, что происходит с человеком и что он представляет собой. Антропологический подход не сам по себе, а в тесной увязке с этатистским подходом образует новый синтез, который может наполнить позитивным смыслом исследование острейших социальных проблем. Поэтому антропологическое измерение государства должно стать ведущим методологическим принципом, устанавливающим необходимый баланс между теорией и практикой. Кроме того, оно может способствовать снятию дилеммы социоцентризма и антропоцентризма, выравниванию тех перекосов, к которым последние вели. Антропологическое измерение государства как теория, подкрепленная всеми необходимыми деталями обязательной аргументации, еще не сформировалась [3, с. 19].

Пока недостаточно глубоко осознаны контуры пройденного пути, что ведет к пестрой разноголосице интерпретаций, которая становится настоящей стратегией ухода от главного. На данном этапе едва ли можно говорить об антропологическом измерении

государства как новом целостном направлении политической философии. Скорее, речь идет о временных теоретических конструкциях, созданных специально для исследования государства в его различных измерениях. В ракурсе антропологического измерения следует рассматривать и оценивать все решения государства и все процессы, происходящие на государственном уровне, утверждать синергизм человека и государства вместо позиций социоцентризма и антропоцентризма.

Когда политика государства лишена устремленности в будущее, тогда политические действия ориентируются только на достижение немедленного политического успеха и имеют лишь конъюнктурное значение. А это – питательная почва для быстрого усиления политической поляризации между различными группировками, до предела расширяющей спектр левых и правых позиций в политической жизни общества. Отсутствие ориентации на будущее может привести к тому, что в государстве и обществе все больше будет увеличиваться разрыв между прагматическим и гуманистическим, ценностным подходами. В эпоху глобализации смысл будущего, предвидения его основных контуров становится актуальнейшей проблемой.

Ориентация на будущее – плод взаимодействия двух миров, объективного и субъективного. Наметившийся сейчас поворот к субъективному миру, к пониманию его вклада в многомерность развития государства начинает менять наши взгляды и на характер целостности этих двух миров, и на способы политического предвидения. Прогнозы и стратегии – два ключевых элемента осмысления реальности, в которой мы живем и принимаем решения.

Сегодня предвидение возможных вероятных и достижимых версий будущего становится крайне актуальным. Это понимают многие политики, пытаясь сместить акцент наблюдения за настоящим именно в будущее. Как отмечает Г. Бехман, «было бы верно констатировать тот факт, что в чрезмерно разросшейся системе рисков человек занимает новое положение по отношению к собственному будущему. Всем очевидно, что будущее зависит от решений, которые должны быть приняты в настоящем. Причем ни положительные, ни отрицательные последствия невозможно ни охватить, ни тем более как-то управлять ими» [4, с. 32].

Можно наблюдать, как различные политические и неполитические организации энергично стремятся овладеть функцией политического прогноза. За этим стоят фундаментальные потребности государства, мучительно выбирающего пути своего развития, форму будущего социального устройства. Однако методологическая база этих поисков остается во многом эмпиричной, нередко смутной и противоречивой, что связано не в последнюю очередь и с кризисным состоянием традиционных форм философии, методологии и мировоззрения.

Литература

1. Антропологическое измерение российского государства / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.Н. Шевченко. – М., 2009.
2. Юдин, Б. Человек и социальные институты // Человек вчера и сегодня: Междисциплинар. исслед. – М., 2008. – С. 35–46.
3. Стиглиц, Дж. Мир в последнее десятилетие XXI в. // Транснациональные процессы: XXI в. – М., 2004.
4. Бехман, Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. –2007. – №1. – С. 26–46.

ГОСУДАРСТВО И КОСВЕННЫЕ ИНСТАНЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А. В. Филиппович

Существенной чертой текущего этапа глобализации является растущее влияние международных неправительственных организаций, различными способами вмешивающихся в деятельность государства. В связи с этим вновь приобретает актуальность проблема косвенных инстанций, о которой Карл Шмитт писал еще в 30-е годы прошлого века в связи с теорией государства: «Суть косвенной власти состоит и в том, что она лишает ясности однозначное соответствие между отдаваемым государством приказом и политической угрозой, между властью и ответственностью, предоставляемой защитой и повиновением и, безответственно пользуясь пусть и всего лишь косвенным, но оттого не менее интенсивным господством, сосредотачивает в руках все преимущества политической власти, не сталкиваясь ни с каким связанным с ним риском» [2, с. 227]. Классические косвенные инстанции XIX в. – политические партии, профсоюзы, церковь, масонские ложи, литературные салоны и другие организации – неконтролируемые и невидимые «общественные» власти, которые могли обладать значительной степенью влияния на государство. Со второй половины XX в. набирают силу международные косвенные инстанции, приобретающие все большее влияние под влиянием глобализации. Косвенные инстанции занимаются политикой, скрываясь за другими видами деятельности. Это позволяет им «...выдавать собственные действия не за политику, а за что-то другое: за религию, культуру, экономику или за частное дело и, тем не менее, пользоваться всеми выгодами государственности» [2, с. 227–228].

Современные международные негосударственные институты – это разновидность косвенных инстанций, позволяющих влиять на политику в обход публичных механизмов политической власти. Ведущую роль играют экономические организации, претендующие на политическую нейтральность и объективность. Среди них – такие влиятельные структуры, как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация и Организация экономического сотрудничества и развития. Идея «политической нейтральности», детально разработанная в рамках либеральной идеологии именно в отношении экономики, уже давно используется для косвенного политического давления в международных отношениях. Еще после Первой мировой войны, формально не участвуя в Лиге Наций, США имели определяющее экономическое влияние на 18 государств в ее составе и тем самым непублично осуществляли всеобъемлющее вмешательство в европейскую политику [3, с. 354]. В современных условиях механизмы косвенного политического давления приняли более тонкий и изощренный характер: «политически нейтральные» кредиты Международного валютного фонда порождают фактическую колониальную зависимость, а рекомендации экономистов по обеспечению эффективного функционирования рынка приводят к сокращению социальных программ. Таким образом, экономические и финансовые программы международных организаций всегда имеют не только экономические, но и политические последствия, ответственности за которые сами эти организации не несут. В этом заключается «нелегальный» характер экономических инструментов, легко превращаемых в силу непубличного и бесконтрольного политического давления.

Кроме того, международные экономические организации осуществляют давнюю мечту идеологии либерализма: подчинить государства законам и нормам частной экономики [1, с. 239]. Незаметно утвердилась точка зрения, согласно которой частные предприятия, в силу якобы своей незаинтересованности, внеидеологичности и аполи-

тичности, выносят более верные решения, нежели государство [1, с. 238]. Эта идея восходит к системе естественного права Джона Локка, в которой общество предстает в качестве первичного и независимого от государства элемента. В либеральной концепции Локка общественные организации наделяются статусом изначальной моральной непогрешимости и правом выносить осуждение несправедливым действиям государства, которое постоянно подозревается в стремлении к деспотизму.

Под влиянием либерализма в XX в. на основе опыта менеджмента частных предприятий сложилась теория глобального управления, претендующая на универсальность и «внеполитичность». Суть этой теории сводится к тому, что эффективное управление предполагает применение к публичной сфере принципов частного хозяйствования [1, с. 233]. Реальными субъектами такого управления становятся косвенные инстанции – международные организации, которые используют традиционные внутренние институты гражданского общества, классические косвенные инстанции, в виде инструментов своего влияния. Современные косвенные инстанции также могут выступать в виде частных фондов и организаций, осуществляющих независимую и нейтральную экспертизу «вне политики» – с точки зрения науки, права или морали. Подобные структуры фактически монополизировали процессы консультирования, контроля и экспертизы. Так, например, не встречая сопротивления, в самых различных отраслях, включая науку и образование, внедряются так называемые «системы менеджмента качества», наполняющие публичную сферу правилами и нормами, изначально предназначенными для частных предприятий. Мнение частных экспертов по политически значимым вопросам представлено в современных СМИ куда шире, чем точка зрения уполномоченных представителей народа, которые и должны в условиях демократии делать важнейшие политические заявления. Сама идея подобной экспертизы претендует на вынесение окончательных, не подлежащих обсуждению технических решений, исключая главную черту политического – возможность выбора между различными альтернативами. Под давлением косвенных инстанций процедуры и институты демократии постепенно вытесняются на периферию политики, заменяясь окончательными и неподлежащими обсуждению решениями частных «экспертов».

Наступление косвенных инстанций ведет к непрозрачности и безответственности политических решений, узурпации публичных политических институтов частными интересами, приватизации политики и норм права. Процесс этот протекает во многом незаметно, под прикрытием идеологии «гражданского общества», которое по мере развития якобы должно максимально заменить собой государство. За этими рассуждениями скрывается глобальная идеология замещения государства, призванная полностью подчинить общество механизмам безжалостного и антигуманного рыночного регулирования. Публичные юридические нормы государства подменяются техническими нормами, которые определяются частными компаниями и частными интересами. Классическая идея представительства общего интереса государством оказывается дискредитированной или полностью отброшенной.

В условиях глобализации устанавливается скрытая диктатура «косвенных инстанций», которые монополизируют политические функции: «...государства оказываются зажатыми в клещи между гражданским обществом и международными организациями» [1, с. 259]. Это с неизбежностью ведет к десоверенизации государств и мондиализации управления, рычаги которого сосредотачиваются в руках могущественных международных организаций. Результатом растущего вмешательства в политику косвенных инстанций – как внутренних, так и международных – становится бессилие государства, уничтожение сферы публичной политики, и, в конечном счете, насаждение

«тонкого тоталитаризма» рыночных механизмов, превращающих человека лишь в средство для извлечения прибыли.

Литература

1. Бенуа, А. де. Против либерализма: (к Четвертой политической теории). – СПб., 2008.
2. Шмитт, К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. – СПб., 2006.
3. Шмитт, К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. – СПб., 2008.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Д. П. Рыбка

В современной научной литературе управленческая деятельность чаще всего рассматривается как специфическая разновидность труда, так что в ее структуре, как и в любой другой форме труда, можно выделить такие компоненты, как предмет труда, средства труда, процесс и его результаты. Все управленческие действия различаются по назначению, конкретному содержанию, формам и методам осуществления, по степени сложности. В силу этого можно констатировать, что функции современного руководителя значительно усложнились и требуют от него глубокого изучения современных методов и форм управления.

Управление в современном обществе как социальное явление, осуществляется в форме социального взаимодействия и реализуется в феномене интеллектуального потенциала управления. Одним из качеств, необходимым руководителю для успешного и эффективного управления, является интеллект. Различают три вида интеллекта человека: общий (определяется для разных возрастных групп); специальный (характеризует способности к определенным дисциплинам и видам деятельности); профессиональный (связан с профессиональной деятельностью). Каждый из видов характеризуется определенными интеллектуальными качествами и способностями.

Для интеллекта руководителя, осуществляющего эффективную управленческую деятельность, характерно наличие особых качеств и способностей. Это, во-первых, открытая познавательная позиция (она подразумевает наличие восприимчивости к новациям, толерантность к мнениям других людей, готовность изменить свои взгляды и способ действия в зависимости от накапливаемого опыта, меняющихся внешних обстоятельств и коммуникации, умение видеть проблемы руководимого предприятия или коллектива, а также горизонты его развития в кратко-, средне – и долгосрочной перспективе). Во-вторых, обучаемость и самообучаемость, включая способность к совершенствованию как профессиональных навыков, так и сугубо управленческих знаний и умений. В-третьих, то сложносоставное качество (или совокупность качеств), которое можно обозначить понятием креативность. Оно состоит как в эффективном прояснении, отчетливом формулировании реально стоящих перед организацией или коллективом проблем и задач, так и в возможности порождения новых, оригинальных идей и способов их решения. Следует отметить, что особую значимость креативность как качество интеллекта проявляет в реализации двух важнейших функций управления на сегодняшний день – инновационной и экспертно-консультативной. В-четвертых, следует назвать способность к саморегуляции, конкретизирующуюся в важнейших функциональных чертах практического мышления, таких как прогнозирование и планирование, оценка, контроль и самоконтроль. В-пятых, интегральным выражением саморегуляции интеллекта руко-

водителя является уровень критичности и рефлексивности мышления. Принцип рефлексивного управления «состоит в признании управляющим того, что управляемый, обладая всеми теми же качествами, что и он сам, будет вести себя в ситуации так же, как и он – т.е. правильно и наиболее эффективно с точки зрения самого управляющего. Следовательно, для того чтобы предвидеть особенности поведения подчиненного, руководитель должен мысленно встать на позиции управляемого, что и достигается посредством рефлексии» [1].

К сказанному необходимо добавить, что эффективность управления обнаруживается в степени реализации интеллектуального потенциала управленцев, а это, в свою очередь, зависит от состояния общества. Поэтому, с одной стороны, интеллектуальное развитие управленца является одним из источников развития другого человека и общества, следовательно, источником эффективности управления. Но мера интеллектуальной активности, в определенной степени, зависит от уровня развития его интеллекта. Реализуя свой интеллектуальный потенциал на уровне рассудка и разума (как высшего уровня интеллекта), управленец способствует развитию социальной системы, улучшению качества жизни, удовлетворению потребностей объектов управления, инициирует инновационные процессы в обществе. С другой стороны, воспроизводство творческого, талантливого, интеллектуально развитого управляющего напрямую зависит от степени зрелости, уровня развития интеллектуального потенциала общества, и чем он богаче, глубже, обширнее и эффективнее существующие социальные связи и отношения, тем больше шансов получить компетентного и профессионального управленца. То есть, качество управления в той или иной степени определяется обществом, его интеллектуальным потенциалом, культурой, нравственным обликом. Таким образом, эффективная управленческая деятельность основана на взаимосвязи и интеграции интеллектуального потенциала не только самих управленцев, но и всего общества, использовании знаний, талантов, творчества объектов управления и вовлечении их в управленческий процесс.

Литература

1. Коваленко, А.Ф. Интеллектуальная деятельность руководителя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.b17.ru/article/10552>. – Дата доступа: 01.12.2013.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ АКТИВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

И. А. Фурса

Интеллектуальная технология, информация и знание, инновации возводятся в информационном обществе в ранг не только приоритетных областей исследования и своего рода экономического ресурса, но также определяют ценностные ориентиры современной личности. Д. Белл теоретическое знание называет стратегическим ресурсом, а социальные институты, ответственные за кодификацию и обогащение теоретического знания, – осевыми структурами грядущей цивилизации [1, с. 33–34]. П. Друкер отмечает, что в обществе знаний всесторонне развитый образованный человек представляет собой «архетип», воплощает типичные для современности компетенции и становится символом стандартов информационного общества. Такой человек обладает выдающимися аналитическими способностями, толерантен к другим культурам и традициям, чрезвычайно адаптивен, способен «жить и работать одновременно в двух культурах – культуре интеллектуала, которая фокусируется на словах и идеях, и культуре менеджера, которая фокусируется на людях и

действиях», а также имеет развитые технические навыки, способен понимать разные отрасли знаний и постоянно развиваться [2, с. 347–356].

С другой стороны, активно обсуждаемые в последнее время гуманитарные проблемы – дегуманизации человеческой жизни, технократизации мышления, релятивизации ценностных ориентиров и мышления и многие другие – приводят к необходимости осмысления профессионального развития личности в широком социокультурном контексте, например в терминах профессиональной культуры личности. Структура профессиональной культуры личности имеет тесную связь с внутренней семантикой культуры, а также моделью личности. В самом общем виде структура культуры представлена в нуклеарной концепции А.И. Ракитова и включает ядро культуры и защитный пояс. Ядро культуры, как отмечает автор концепции, «концентрирует в себе нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, а также систему ценностей, выработанных в реальной истории данного этнического, профессионального или религиозно-культурного целого». Ядро культуры, «социальная ДНК», аккумулирует сформированные в течение длительного периода стандарты поведения, обычаи, традиции, базовые ценности, языковые структуры, отражающие уникальность и своеобразие конкретного культурного образца. Предназначение культурного ядра состоит в сохранении этого своеобразия и трансляции самоидентичности социума, что возможно только благодаря ее минимальной изменчивости [3]. Г. Хофстед, рассматривая культуру как коллективный феномен «программирования способов мышления» личности, считает, что ядро культуры составляют следующие элементы: ценности, ритуалы, герои (собираемые образы релевантной личности), символы [4, с. 7–10]. Адаптацию к окружающей среде обеспечивает культурный защитный пояс. Однако прямой поток новой информации стал бы весомой угрозой для сохранения самоидентичности культурного ядра, поэтому защитный пояс выполняет функцию апробации внешних влияний и фильтрации неблагоприятной информации, представляющей угрозу разрушения системы. Таким образом, двухкомпонентная матрица обеспечивает стабильность и целостность уникальной идентичности и, одновременно, своевременную адекватную реакцию на системные изменения окружающей среды.

Системное представление о формировании профессиональной культуры позволяет выделить ее структурные компоненты, которые в определенной мере можно соотнести со структурой культуры и составляющими модели личности. На наш взгляд, наиболее полной является структура профессиональной культуры личности, включающая следующие компоненты: подсистема мотивов (направленность личности и ее базовая культура); подсистема профессиональных конструкторов (компетенции, аксиологический компонент, профессионально важные личностные качества компонент); подсистема индивидуально-творческой деятельности личности.

Первая подсистема профессиональной культуры объединяет элементы, которые еще не характеризуют уровень профессиональной культуры личности, но создают предпосылки ее становления, образуют ее ядро. Этот слой можно условно назвать так: базовая, общая культура личности специалиста. Общая культура личности специалиста включает эрудицию, общее развитие, степень социального созревания личности и усвоения общественно принятых норм и ценностей, программы поведения, аксиологические ориентации, то есть все то, что формируется на всех стадиях социализации личности в допрофессиональный период.

Вторая подсистема профессиональной культуры включает аксиологический, компетентностный и личностный компоненты и может быть охарактеризована как собственно профессиональная. Аксиологический компонент представляет собой совокупность профессиональных ценностей и норм, этических стандартов, мотивов учебной и

трудовой деятельности. Причем должны транслироваться не только профессиональные ценности, но и передовые идеи общественного развития. Например, важно сформировать направленность личности на постоянное повышение уровня знаний, стремление к информированности, убеждение в ценности образования и знаний. Компетентностный элемент понимается здесь как «деятельностное» знание. Помимо освоения некой суммы классических знаний, соответствующих определенной квалификации, необходимо формирование навыков критического, рефлексивного осмысления этих знаний. Назовем эту функцию критического осмысления знаний рефлексивной компетенцией и определим ее как направленность на осуществление свободного выбора среди вариантов профессионального поведения, творческий подход к решению профессиональных задач, навыки поиска нестандартного решения, выхода из проблемной ситуации.

Личность, способная адекватно реагировать на изменения социальной и профессиональной среды, – это цель направленного формирования профессиональной культуры и, в целом, профессиональной подготовки. Такой человек характеризуется наличием сформированной системы профессионально важных качеств и ценностей, которая образует личностный и аксиологический компоненты профессиональной культуры. Система профессионально важных качеств может быть описана таким образом: личностные качества, характеризующие социально зрелую личность (например, трудолюбие, целеустремленность), дополняются деловыми качествами, обусловленными спецификой данного вида профессиональной деятельности, и актуализированными временем качествами личности. Последнее предполагает качества, соответствующее определенному уровню мышления – умению мыслить проблемно, нешаблонно, креативно, системно, рефлексивно. Для выработки подобных качеств необходимо принятие личностью соответствующих ценностей. При этом возможно выделение ценностей, необходимых для успешного профессионального развития, и ценностей, универсальных для профессионала в любой области в современных социокультурных условиях.

Третья подсистема профессиональной культуры, праксиологическая сторона ее развития исходит из формирования личного профессионального опыта. При переходе из образовательной в профессиональную среду происходит переоценка сформированных компонентов профессиональной культуры личности, вызванная столкновением идеального представления личности о профессии и профессиональной деятельности и реальной ситуацией. Острота возникших противоречий может иметь различные последствия для личности.

Перечисленные подсистемы образуют систему профессиональной культуры личности, однако выделяются условно, только в виде теоретической схемы. На практике рассмотренные элементы находятся в тесной взаимосвязи, образуют целостную систему профессиональной культуры. Следует также отметить, что сущность и структура профессиональной культуры в различных сферах деятельности идентична, но содержание отдельных компонентов дифференцируется, исходя из специфики профессиональной деятельности. Описанная модель образует общую структуру профессиональной культуры личности, которая будучи опредмеченной профессиональным полем, определяет уже конкретную структуру. Конкретная структура профессиональной культуры личности определяется предметом профессиональной деятельности.

Таким образом, анализ феномена интеллектуального капитала на современном этапе предполагает осмысление не только «стоимости, создаваемой знаниями», то есть акцентирует внимание не исключительно на знании и интеллектуальном потенциале, но на аспектах культуры, ценностных ориентиров и внутренних целях жизнедеятельности личности. Поэтому профессиональная культура личности может рассматриваться как

нематериальный актив информационного общества.

Литература

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. – М., 2004.
2. Друкер, П. Энциклопедия менеджмента. – М., 2004.
3. Ракитов, А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. – 1994. – №4. – С. 14–34.
4. Hofstede, G.H. Cultures and organizations: software of the mind. – London, 2005.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ БАЗОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УПРАВЛЕНЦА

К. Р. Еськевич

Компетенции представляют собой характеристики человека, представленные мотивами, чертами личности, навыками, знаниями и т.д., т.е. это своего рода модели поведения и действия [1].

Согласно общепринятому подходу, компетенции руководителя условно делятся на два основных вида: специальные и базовые [2]. Нас, разумеется, в первую очередь, будут интересовать базовые компетенции, которые основываются на интеллектуальных, эмоциональных, коммуникативных и волевых качествах человека [2] [3]. В условиях интенсивного развития технологий, ускорения динамики социальных процессов, политической и экономической нестабильности именно базовые компетенции выходят на первый план. В этом смысле можно привести в качестве примера выводы, к которым пришел Дж. Коллинз, исследовавший более тысячи американских компаний в работе «От хорошего к великому». Дж. Коллинз утверждает, что успешный руководитель должен обладать сочетанием твердой профессиональной воли и выдающихся личностных качеств, а также непоколебимой верой в то, что любые трудности можно преодолеть [4].

Мы считаем, что обращение к проблеме формирования и развития базовых компетенций руководителя правомерно связать с понятием «человеческий капитал».

Само понятие человеческого капитала, как отмечают исследователи, появилось в публикациях второй половины XX века в работах американских ученых-экономистов Т. Шульца и Г. Беккера [5].

Первоначально под человеческим капиталом понималась способность человека, основанная на его талантах, образовании и квалификации приносить доход. В последующем понятие «человеческого капитала» расширяется и начинает перерастать рамки своих узко экономических трактовок. В наши дни человеческий капитал чаще всего определяется, как «интенсивный производительный фактор развития экономики, общества и семьи, включающий образованную часть трудовых ресурсов, знания, инструментарий интеллектуального и управленческого труда, среду обитания и трудовой деятельности, обеспечивающие эффективное и рациональное функционирование человека как производительного фактора развития» [5].

В этом смысле человеческий капитал формируется за счет инвестиций, нацеленных на повышение качества жизни населения, интенсификации интеллектуальной деятельности, т.е. инвестиций в образование, воспитание, здоровье, науку, в безопасность граждан, экономическую свободу, а также в культуру и другие составляющие [5].

Не менее важно обозначить связь человеческого капитала с другим понятием, а

именно «социальный капитал». В этой связи упомянем Дж. Коулмэна, который утверждает, что, помимо навыков и знаний, человеческий капитал состоит и в способности людей составлять друг с другом некую общность, причем эта часть человеческого капитала имеет принципиальное значение не только для хозяйственной жизни, но и буквально для каждого аспекта социальной жизни в целом [6]. Это способность составлять общность, совместно действовать ради достижения какой-либо цели и определяется понятием «социальный капитал».

Ф. Фукуяма определил «социальный капитал» как набор ценностей или норм, разделяемых членами некоей группы (или общества в целом), который позволяет им взаимодействовать друг с другом. Люди формируют общество в той мере, в какой их жизни упорядочены единой моралью, традицией и законом. Социальный капитал растет при преобладании доверия и является приобретением, требующим практических навыков к моральным нормам сообщества. Его зарождение и передача происходят через такие культурные механизмы, как религия, традиция и историческая привычка [6]. Белорусский социолог С.А Шавель также подчеркивает, что «социальный капитал не является простым эпифеноменом экономического роста и технологического прогресса. Отражаясь от материального базиса, он формируется в духовно-нравственной сфере» и именно «социальный капитал является одним из источников инновационной активности и восприимчивости нововведений... его потенциал роста реализуется не автоматически,.... а лишь в определенных условиях, которые могут быть созданы совместными усилиями гражданского общества и управленческих структур всех уровней» [7, с. 17–18]. Основой социального капитала выступает свобода, которая сопрягается с ответственностью, а компонентами – доверие, терпимость, солидарность [7, С. 19].

Ф. Фукуяма в работе «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» приходит к выводу, что «благополучие страны, а также ее состязательная способность на фоне других стран определяются одной универсальной культурной характеристикой – присущим ее обществу уровнем доверия» [6]. Ф. Фукуяма на многочисленных примерах (как положительных, так и отрицательных) демонстрирует работоспособность данного утверждения.

Если обратиться к социально-историческому контексту отечественного управления, то нельзя не отметить роль в ней богатой нравственной культуры, славных традиций единства и сплоченности белорусского народа в решении жизненно определяющих проблем, а с учетом инвестиций, нацеленных на повышение качества жизни населения, интенсификации интеллектуальной деятельности, т.е. инвестиций в образование, воспитание, здоровье, науку, в безопасность граждан в Республике Беларусь, мы можем констатировать, что у нас уже создан фундамент для роста человеческого капитала, а значит повышение эффективности во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в управлении гарантировано.

Литература

1. Самолов, Ю. Компетенции эффективного руководителя // Работа с персоналом. – 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hr-journal.ru/articles/ov/ov_294.html – Дата доступа: 14.11.2011.
2. Вещиков, С. Базовые компетенции руководителя / С. Вещиков, М. Пальчик, К. Езерская // Люди дела. – 2005. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbo.ru/articles.php> – Дата доступа: 14.11.2011.
3. Кувина, Г.В. Управленческие компетенции руководителей высшего звена [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sbsk.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=70&Itemid=4. – Дата доступа: 14.11.2011.

4. Коллинз, Дж. От хорошего к великому / пер. с англ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hobos.ru/content/view/155/> – Дата доступа: 14.11.2011.
5. Корчагин, Ю. Широкое понятие человеческого капитала / Ю. Корчагин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=3&page=22> – Дата доступа: 14.11.2011.
6. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ.. – М., 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://institutiones.com/download/books/1204-doverie.html>. – Дата доступа: 14.11.2009.
7. Шавель, С.А. Социальный капитал как источник инновационного развития // Социология – 2008. – № 1. – С. 15–31.

АКМЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Г. В. Косых

Проведение социально-экономических преобразований в государствах, образовавшихся на пост советском пространстве, поставило проблему формирования профессионализма кадров государственных служащих всех уровней управления. Насколько сфера управленческой деятельности будет рационально реорганизована, насколько в ней будут использоваться существующие возможности управленческого кадрового потенциала и научные достижения современности – настолько она будет эффективной.

Словом «акме» в данном случае обозначается психическое состояние, означающее высший для данного человека уровень в его профессиональном развитии, который приходится на данный отрезок времени. Профессиональное «акме» – это психическое состояние, означающее максимальную мобилизованность, реализованность всех профессиональных способностей, возможностей и резервов человека на конкретном этапе жизни при отсутствии напряженности и использования предельных возможностей организма.

Акмеологическая концепция развития профессионала носит обобщающий характер и содержательно представляет собой систему взглядов, руководящую мысль о путях и методах развития субъекта труда до уровня профессионала. Предлагаемая акмеологическая концепция имеет две плоскости представления данной системы взглядов: содержательную и структурно-процессуальную.

Содержательно развитие субъекта труда до уровня профессионала рассматривается в контексте общего расширения субъектного пространства личности, ее профессионального и нравственного «обогащения», включающего повышение ответственности, чувства долга, совести и чести, отход от неадекватных личностных установок и стандартов.

Процессуальное развитие субъекта труда до уровня профессионала следует рассматривать с системных позиций, а именно в связи с изменениями и развитием подсистем профессионализма личности и деятельности, нормативной регуляции, мотивации на саморазвитие и профессиональные достижения, рефлексивной самоорганизации, а также в плане раскрытия творческого потенциала личности.

Психологическая компетентность прямо связана с профессионализмом личности. Психологическая компетентность представляет собой структурированную систему знаний о человеке как индивиде, индивидуальности, субъекте труда и личности, включенной в индивидуальную или совместную деятельность, осуществляющей профессио-

нальные и иные взаимодействия. Принято считать, что существует пять основных взаимосвязанных видов психологической компетентности: социально-перцептивная (знание людей: ее основу составляют наблюдательность и проницательность); социально-психологическая (знание закономерностей поведения, деятельности и отношений человека, включенного в профессиональную группу, коллектив); ауто-психологическая (самопознание, самооценка, самоконтроль, умение управлять своим состоянием и работоспособностью, самоэффективность); коммуникативная (знание различных стратегий и методов эффективного общения); психолого-педагогическая (знание методов осуществления влияния).

Профессионализм личности достигается во многом в процессе и в результате развития способностей и их обогащения. Это важные характеристики возобновляемого потенциала субъекта труда. Здесь речь в основном идет о так называемых сложных и частных способностях как качествах личности, определяющих успешность овладения определенной деятельностью и совершенствование в ней. Профессионализм личности зависит от уровня развития профессионально важных качеств субъекта труда, то есть таких качеств личности, которые влияют на результативность деятельности. Профессионально важные качества определяются в процессе исследования условий и факторов развития профессионализма. Таковыми часто являются интегральные психические свойства личности – внимание, память, воображение, а также психологические характеристики: эмоциональная теплота, обаяние, устойчивость, терпеливость.

В последние годы отмечается повышенное внимание к проблеме рефлексии. Рефлексия рассматривается как сущностная характеристика человеческого сознания, объяснительный принцип для раскрытия содержания психологических и социальных феноменов. Эвристический статус категории рефлексии даже приравнивается к статусу деятельности. Рефлексивная организация личности проявляется в поведении, деятельности и отношениях. Система способов организации рефлексии, построенная на основе ценностных и интеллектуальных критериев, считается рефлексивной культурой.

Общие акмеологические инварианты профессионализма в подструктуре профессионализма личности выступают как превратившиеся в личностно-профессиональные качества способности, развитые до высокого уровня – к предвидению и прогнозированию (возможно даже как проявление интуиции), саморегуляции, а также принятию решений (смелость, креативность, своевременность, точность). Частными способностями и свойствами личности могут выступить и особенные акмеологические варианты, определяемые спецификой деятельности человека.

Раскрытие творческого потенциала личности, творческая самореализация в профессиональной деятельности являются залогом роста профессионализма личности. Креативность, безусловно, является необходимым условием формирования профессионала, но в то же время это качество личности должно иметь вполне определенную направленность, связанную со спецификой профессиональной деятельности.

Человек в течение жизни может достигать профессиональных «акме» разной степени общественной и личностной значимости. Общественно и объективно значимые профессиональные «акме» – это высокий уровень профессиональных достижений конкретного человека, признанный профессиональным сообществом как социально приемлемый результат, заметно превышающий нормативный уровень. Такого рода результаты труда означают обычно уровень профессионального мастерства и переход от него к уровню профессионального творчества, когда человек выходит за пределы профессионального опыта, включая в профессиональную деятельность новые задачи, новые приемы и создавая тем самым новые профессиональные результаты, чем привносит свой ин-

дивидуальный творческий вклад в опыт профессии. Общественно значимые профессиональные «акме» могут представлять собой выдающиеся достижения или включать отдельные творческие находки, инновационный опыт.

Личностно-профессиональное развитие субъекта труда до уровня профессионала возможно при наличии продуктивной Я-концепции, то есть устойчивой осознанной и переживаемой неповторимой системы представлений субъекта о самом себе, своих возможностях и перспективах, на основе чего он строит свои отношения и взаимодействия. Адекватные представления позволяют сформировать реалистичные личностно-профессиональные стандарты, программы развития и саморазвития, выстроить гармоничную и продуктивную систему профессиональных взаимодействий и отношений.

Таким образом, концептуально с акмеологических позиций развитие профессионала можно представить как процесс и результат системных преобразований развивающейся личности, включающие взаимосвязанные прогрессивные изменения следующих основных свойств, формально рассматриваемых как подсистем: профессионализма деятельности (развитие профессиональной компетентности, профессиональных навыков и умений, акмеологических инвариантов профессионализма); профессионализма личности (развитие способностей, профессионально важных и личностно-деловых качеств, акмеологических инвариантов профессионализма, рефлексивной организации и рефлексивной культуры, творческого и инновационного потенциала, мотивации достижений); нормативности деятельности и поведения (формирование профессиональной и нравственной системы регуляции поведения, деятельности и отношений); продуктивной Я-концепции.

Реализация данной концепции развития профессионала позволит субъекту труда достичь акмеологического уровня, который по мере роста профессионализма будет повышаться. На основании данной ак-меологической концепции можно составлять индивидуальные программы формирования профессионала.

Литература

- Агапов, В.С. Я-концепция в структуре управленческой деятельности руководителя. – М., 1999.
- Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни. – М., 1991.
- Анисимов, О.С. Акмеология и методология: проблемы психотехники и мыслетехники. – М., 1998.
- Анисимов, О.С. Новое управленческое мышление: сущность и пути формирования. М., 1991.
- Бодалев, А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. – М., 1998.
- Бранский, В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. – СПб., 2002.
- Герасимов, Б.Н., Яковлева Н.Г. Профессионализм управленцев: структура, оценка, развитие. – СПб., 2003.
- Деркач, А.А. Акмеологические основы развития профессионала. – М.; Воронеж, 2004.
- Деркач, А.А. Акмеологическая среда развития профессионала. – Воронеж, 2006.
- Деркач, А.А. Психолого-дидактические особенности совершенствования психологического образования государственных служащих. – М., 2003.
- Ильин, В.В. Философия и акмеология / В.В. Ильин, С.Д. Пожарский. – СПб., 2003.
- Селезнева, Е.В. Развитие акмеологической культуры личности. – М., 2004.
- Суслова, Е.А. Методологические основания акмеологии как интегративной науки в системе комплексного изучения человека // Акмеология и социальная психология на рубеже XXI века. – М., 2001. – С. 219–227.

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

А. С. Дударёнок

Выстраивание механизма взаимодействия и углубление взаимоотношений между странами региона в сфере политики, экономики, безопасности, культуры посредством региональных объединений является долгосрочным процессом как по продолжительности, так и по последствиям. Республика Беларусь заинтересована в активном участии в интеграционных объединениях и развитии многостороннего сотрудничества как на региональном, так и на глобальном уровнях. Сочетание двусторонних и многосторонних отношений позволяет более успешно решать возникающие перед государствами региона проблемы, используя различные форматы взаимодействия.

Основные требования к кадровому обеспечению к профессиональному развитию государственных служащих в условиях региональной интеграции должны включать потенциальные знания, умения, навыки и опыт, способствующие развитию межкультурного диалога и сотрудничества в гуманитарной сфере, формирующие отношения на основе ценностей дипломатической культуры, приводящие к созданию атмосферы взаимного доверия и налаживанию широкого межгосударственного взаимодействия между участниками интеграционного объединения.

Так, в числе основных составляющих, необходимых должностному лицу Евразийской экономической комиссии, можно выделить как общепрофессиональные способности, необходимые работнику любой организации (правовая грамотность, осведомленность о передовом отечественном и зарубежном опыте, навыки в сфере делопроизводства и деловой переписки, кадровой работы и межличностного взаимодействия, а также научно-аналитической, информационной и организационно-управленческой деятельности), так и специфические, которые могут затрагивать аспекты внешнего регионального взаимодействия в условиях интеграционных процессов. Среди них можно выделить требования к владению языком страны пребывания (для работников представительств ЕЭК), навыками взаимодействия с государственными органами государств – членов Таможенного союза, выстраивания межличностных отношений и ведения деловых переговоров с представителями стран – членов интеграционного объединения [1].

Данные способности, необходимые для выстраивания взаимодействия между государственными органами и работниками различных государств, действующих в рамках одного интеграционного объединения, могут быть сформированы через овладение компетенциями в области организации межкультурного (гуманитарного) взаимодействия, развития навыков дипломатической культуры, а также создания мер по развитию доверия.

Межкультурные коммуникации и гуманитарное сотрудничество выступают, прежде всего, как одно из базовых направлений в современных международных отношениях и развитии интеграционных процессов, которое позволяет максимально задействовать в этой сфере человеческий фактор.

Организация межкультурного общения как на официальном (государственном), так и на неофициальном (социальном) уровнях охватывает весь комплекс способов, при помощи которых «народы, имеющие разную культуру, которые говорят на одном языке или на разных языках, пытаются общаться или работать вместе (вербально или невербально)». А.Б. Наурызбаева отмечает необходимость идентификации и укрепления межкультурной компетенции (компетенции межкультурного общения), под которой подра-

зумеает способности адаптироваться к взаимодействию между людьми, принадлежащими к разным культурам [2, с. 38–39].

Интеграционные процессы в гуманитарной сфере занимают важное место в международных отношениях, однако зачастую их влияние недостаточно оценивается. Индийский дипломат и ученый Дж.Н. Диксит отмечал значительное влияние человеческого поведения на международные отношения: «Неизменная проблема внешней политики – как справиться с непредсказуемостью межгосударственных и межкультурных взаимоотношений» [3, с. 383].

Гуманитарное взаимодействие народов друг с другом охватывает весь комплекс межчеловеческих отношений (гуманитарную сферу) и является качественной основой для конструктивных изменений в межгосударственном и международном взаимодействии. Целью гуманитарного сотрудничества является расширение взаимодействия между странами, повышение открытости межгосударственных отношений, укрепление стабильности в регионе на основе создания условий для развития человеческого потенциала.

Межкультурное взаимодействие представляет собой отправную точку процесса осуществления гуманитарного сотрудничества и складывания определенных отношений (дипломатической культуры) между сторонами, что, в свою очередь, выступает основой для создания и укрепления политического доверия между сторонами и может служить надежным фундаментом для развития многостороннего сотрудничества в сферах экономики, безопасности и культуры. Так как сотрудничество по гуманитарным вопросам, в отличие от, например, торгово-экономического, является более тонкой сферой взаимодействия, оно требует учета множества факторов.

В условиях формирования многополярного мира и кризиса международного права актуальным также стал вопрос о «политическом доверии» государств друг к другу.

С одной стороны, в современном мире все большее значение приобретают новые центры силы, такие как Китай, Россия, Бразилия, Индия, ЮАР, Иран и др., которые оказывают значительное влияние на формирование и реализацию глобального сценария. Тем не менее, с образованием глобальных пространств и роста международной конкуренции политические, экономические, цивилизационные разногласия и различия на международной политической арене проявились с новой силой.

Таким образом, выстраивание фундамента для гармоничных взаимоотношений двух или нескольких стран посредством межкультурных коммуникаций и гуманитарного сотрудничества, в том числе при содействии государственных органов управления, государственных служащих и работников интеграционных структур, можно рассматривать как фактор национальной безопасности, а также как способ повышения благосостояния и качества жизни граждан этих государств. Отношения в гуманитарной сфере оказывают прямое влияние на возможность развития дальнейших контактов в экономической, научно-технической и иных сферах. Человеческий потенциал в данном процессе позволяет считать гуманитарное сотрудничество на региональном уровне необходимой составляющей устойчивого и инновационного развития государства. Гуманитарное сотрудничество выступает здесь также как немаловажный элемент двухстороннего и регионального взаимодействия между государствами в рамках международных организаций, результатом чего будет содействие их безопасности и стабильности, формирование климата межчеловеческого доверия [4, с. 180].

Взаимодействие в гуманитарном измерении, включающее, главным образом, укрепление международного сотрудничества в области образования, науки и культуры, является одним из основных направлений и принципов внешней политики Республики

Беларусь, а также межгосударственных объединений и региональных организаций, в сотрудничестве с которыми заинтересована наша страна. Взаимодействие государств между собой через различного рода форумы, диалоговое и стратегическое партнерство создает основу для коммуникации, обмена информацией и расширения межгосударственного сотрудничества.

Мероприятия по кадровому обеспечению и профессиональному развитию государственных служащих в условиях региональной интеграции должны реализовываться посредством системной государственной политики по направлениям создания информационного пространства, формирования системы непрерывного профессионального развития кадрового обеспечения, организации институционального и организационного сопровождения деятельности соответствующих структур.

Литература

1. Квалификационные требования к должностям сотрудников Евразийской экономической комиссии: Решение Евразийской экономической комиссии, 25 января 2012 г., № 3 [Электронный ресурс]. – Евразийская экономическая комиссия, 2013. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/docs/Pages/default.aspx>. – Дата доступа: 01.10.2013.
2. Наурзбаева А.Б. Культуртрегерство и формирование толерантного социума // Казахстан–Беларусь: опыт гуманитарного сотрудничества и сохранения межнациональной стабильности: материалы II Казахстанско-Белорусского форума культурологов (Минск, 30 окт. 2009 г.) / редкол.: М.А. Можейко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Бел. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. – С. 33–55.
3. Dixit J.N. Across Borders. Fifty Years of Indian Foreign Policy. – New Delhi, 1998.
4. Сафронова Е.Е. Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран-членов Шанхайской организации сотрудничества за пять лет ее существования // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития / сост. А.Ф. Клименко. – М., 2008.

Акмеологическая концепция развития профессионализма государственного служащего

Г. В. Косых

Проведение социально-экономических преобразований в государствах, образовавшихся на постсоветском пространстве поставили проблему формирования профессионализма кадров государственных служащих всех уровней управления. От того насколько сфера управленческой деятельности будет рационально реорганизована, насколько в ней используются существующие возможности управленческого кадрового потенциала и научные достижения современности, настолько она будет эффективной.

«Акме» в профессиональном развитии – это психическое состояние, означающее высший для данного человека уровень в его профессиональном развитии, который приходится на данный отрезок времени. Профессиональное «акме» – это психическое состояние, означающее максимальную мобилизованность, реализованность всех профессиональных способностей, возможностей и резервов человека на конкретном этапе жизни при отсутствии напряженности и использования предельных возможностей организма.

Акмеологическая концепция развития профессионала носит обобщающий характер и содержательно представляет собой систему взглядов, руководящую мысль о путях и методах развития субъекта труда до уровня профессионала. Предлагаемая акмеологическая концепция имеет две плоскости представления данной системы взглядов: содержательную и структурно-процессуальную.

Содержательно развитие субъекта труда до уровня профессионала рассматривает-

ся в контексте общего расширения субъектного пространства личности, ее профессионального и нравственного «обогащения», включающего повышение ответственности, чувства долга, совести и чести, отхода от неадекватных личностных установок и стандартов.

Процессуальное развитие субъекта труда до уровня профессионала, согласно проведенному анализу, следует рассматривать с системных позиций, а именно в связи с изменениями и развитием подсистем профессионализма личности и деятельности, нормативной регуляции, мотивации на саморазвитие и профессиональные достижения, рефлексивной самоорганизации и в плане раскрытия творческого потенциала личности.

Психологическая компетентность прямо связана и с профессионализмом личности. Психологическая компетентность представляет собой структурированную систему знаний о человеке как индивиде, индивидуальности, субъекте труда и личности, включенном в индивидуальную или совместную деятельность, осуществляющем профессиональные и иные взаимодействия. Принято считать, что существует пять основных взаимосвязанных видов психологической компетентности: социально-перцептивная компетентность (знание людей, ее основу составляют наблюдательность и проницательность); социально-психологическая (знание закономерностей поведения, деятельности и отношений человека, включенного в профессиональную группу, коллектив); аутопсихологическая (самопознание, самооценка, самоконтроль, умение управлять своим состоянием и работоспособностью, самоэффективность); коммуникативная (знание различных стратегий и методов эффективного общения); психолого-педагогическая (знание методов осуществления влияния).

Профессионализм личности достигается во многом в процессе и в результате развития способностей и их обогащения. Это важные характеристики возобновляемого потенциала субъекта труда. Здесь речь в основном идет о так называемых сложных и частных способностях как качествах личности, определяющих успешность овладения определенной деятельностью и совершенствование в ней. Профессионализм личности зависит от уровня развития профессионально важных качеств субъекта труда, то есть таких качеств личности, которые влияют на результативность деятельности. Профессионально важные качества определяются в процессе исследований условий и факторов развития профессионализма. Таковыми часто являются интегральные психические свойства личности – внимание, память, воображение, а также психологические характеристики: эмоциональная теплота, обаяние, устойчивость, терпеливость. В последние годы отмечается повышенное внимание к проблеме рефлексии. Рефлексия рассматривается как сущностная характеристика человеческого сознания, объяснительный принцип для раскрытия содержания психологических и социальных феноменов. Научный статус категории рефлексии даже приравнивается к деятельности. Рефлексивная организация личности проявляется в поведении, деятельности и отношениях. Система способов организации рефлексии, построенная на основе ценностных и интеллектуальных критериев, считается рефлексивной культурой.

Общие акмеологические инварианты профессионализма в подструктуре профессионализма личности выступают как способности, развитые до высокого уровня к предвидению и прогнозированию (возможно даже как проявление интуиции), саморегуляции, а также принятию решений (смелость, креативность, своевременность, точность), ставшие личностно-профессиональными качествами. Особенности акмеологические варианты, определяемые спецификой деятельности, также могут выступать как другие частные способности и свойства личности.

Раскрытие творческого потенциала личности, творческая самореализация в про-

фессиональной деятельности являются важным залогом роста профессионализма личности. Креативность, безусловно, является необходимым условием формирования профессионала, но в то же время это качество личности должно иметь вполне определенную направленность, связанную со спецификой профессиональной деятельности.

Человек в течение жизни может достигать профессиональных «акме» разной степени общественной и личностной значимости. Общественно и объективно значимые профессиональные «акме» – это высокий уровень профессиональных достижений конкретного человека, признанный профессиональным сообществом как социально приемлемый результат, заметно превышающий нормативный уровень. Такого рода результаты труда означают обычно уровень профессионального мастерства и переход от него к уровню профессионального творчества, когда человек выходит за пределы профессионального опыта, включая в профессиональную деятельность новые задачи, новые приемы и, создавая тем самым, новые профессиональные результаты, чем привносит свой индивидуальный творческий вклад в опыт профессии. Общественно значимые профессиональные «акме» могут представлять собой выдающиеся достижения или включать отдельные творческие находки, инновационный опыт.

Личностно-профессиональное развитие субъекта труда до уровня профессионала возможно при наличии продуктивной Я-концепции, то есть устойчивой осознанной и переживаемой неповторимой системы представлений субъекта о самом себе, своих возможностях и перспективах, на основе чего он строит свои отношения и взаимодействия. Адекватные представления позволяют сформировать реалистичные личностно-профессиональные стандарты, программы развития и саморазвития, выстроить гармоничную и продуктивную систему профессиональных взаимодействий и отношений.

Таким образом, концептуально с акмеологических позиций развитие профессионала можно представить как процесс и результат системных преобразований развивающейся личности, включающие взаимосвязанные прогрессивные изменения следующих основных свойств, формально рассматриваемых как подсистемы: профессионализм деятельности (развитие профессиональной компетентности, профессиональных навыков и умений, акмеологических инвариантов профессионализма); профессионализм личности (развитие способностей, профессионально важных и личностно-деловых качеств, акмеологических инвариантов профессионализма, рефлексивной организации и рефлексивной культуры, творческого и инновационного потенциала, мотивации достижений); нормативность деятельности и поведения (формирование профессиональной и нравственной системы регуляции поведения, деятельности и отношений); продуктивная Я-концепция.

Реализация данной концепции развития профессионала позволит субъекту труда достичь акмеологического уровня, который по мере роста профессионализма будет повышаться. На основании данной акмеологической концепции можно составлять индивидуальные программы формирования профессионала.

Литература

1. Агапов, В.С. Я-концепция в структуре управленческой деятельности руководителя. – М., 1999.
2. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни. – М., 1991.
3. Анисимов, О.С. Акмеология и методология: проблемы психотехники и мыслетехники. – М., 1998.
4. Анисимов, О.С. Новое управленческое мышление: сущность и пути формирования. – М., 1991.

5. Бодалев, А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. – М., 1998.
6. Бранский, В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. – СПб., 2002.
7. Герасимов, Б.Н., Яковлева Н.Г. Профессионализм управленцев: структура, оценка, развитие. – СПб., 2003.
8. Деркач, А.. Акмеологические основы развития профессионала. – М.; Воронеж, 2004.
9. Деркач, А.А. Акмеологическая среда развития профессионала. – Воронеж, 2006.
10. Деркач, А.А. Психолого-дидактические особенности совершенствования психологического образования государственных служащих. – М., 2003.
11. Ильин, В.В. Философия и акмеология / В.В. Ильин, С.Д. Пожарский. – СПб., 2003.
12. Селезнева, Е.В. Развитие акмеологической культуры личности. – М., 2004.
13. Сулова, Е.А. Методологические основания акмеологии как интегративной науки в системе комплексного изучения человека // Акмеология и социальная психология на рубеже XXI века. – М., 2001. – С. 219–227.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ УКРАИНЫ

С. П. Жминка

На практике эффективное комплексное реформирование института государственной службы невозможно без создания профессиональной, политически нейтральной и авторитетной государственной службы. Действенность изменений в организации государственной службы зависит от готовности служащих к освоению новых знаний и образцов взаимодействия, трансформированию личностных свойств и качеств в процессе профессионального роста. Осуществление административной реформы в Украине собственнo и предусматривает кардинальную перестройку концепции кадровой политики.

Одним из важных направлений развития системы государственной службы можно считать применение компетентностного подхода к управлению человеческими ресурсами. Профессию государственного служащего в контексте компетентностного подхода принято рассматривать как совокупность знаний, умений и навыков, а также деловых, индивидуально-психологических и нравственных качеств личности. Учет таких качеств позволяют госслужащим на определенных должностях успешно выполнять возложенные на них функции.

Основой компетентностного подхода является понятие «компетенции» (от латинского *competere* – достигаю, отвечаю, подхожу), которое определяется как:

- главная характеристика личности, благодаря которой она способна достичь высоких результатов в работе [1];
- базовая характеристика человека, которая связана с оценкой критериев эффективности его деятельности (лучшим выполнением работы или ситуационного поведения) [2];
- типичная и измеримая модель поведения, знаний и навыков, способствующих высокой эффективности работы [3];
- способность, отображающая необходимые стандарты поведения [4].

Обычно выделяют следующие типы компетенций:

1. Корпоративные (ключевые) – деловые и личные качества, которые должны быть свойственны каждому сотруднику организации независимо от должности и содержания деятельности.
2. Позиционные – компетенции, которыми должен обладать сотрудник в зависи-

мости от формального статуса в организационной иерархии.

Позиционные компетенции, в свою очередь, делятся на:

– управленческие компетенции – способности и личные качества, которые составляют совокупность умений и навыков, необходимых руководителям для успешного достижения цели;

– компетенции специалиста – способности и личные качества, которые необходимы специалистам для успешного выполнения своей работы.

3. Специальные (технические) – профессиональные знания, умения и навыки, необходимые для эффективного выполнения сотрудниками своих должностных обязанностей. Отличаются они от других тем, что затрагивают область специальных знаний и умений, а не свойства личности и ее способности [5].

Преимущества применения компетентностного подхода состоят в следующем:

1. Компетенции большей степени характеризуют поведение работника.

2. Они применяются как к традиционным (знания, навыки, способности), так и к нетрадиционным характеристикам компетентности.

3. Компетентностной подход положен в основу осуществления всех функций (этапов) кадрового менеджмента в управлении государственными учреждениями.

4. Он тесно связан с организационными стратегиями [6].

Специфика профессиональной компетенции должностного лица обусловлена высокой сложностью описания, раскрытия его социальной и профессиональной значимости. Основу определения компетенции профессионала сферы государственного управления составляют и правосознание, и ценностные убеждения, и его профессиональные установки в сопоставлении с должностными правилами поведения, а не простое формулирование профессиональных действий, в котором говорится о прописанном порядке реализации конкретных должностных функций. Компетенция раскрывает степень проявления профессионализма и одновременно выступает как характеристика профессиональной деятельности и как нравственная категория – ответственность, которая корректирует процесс профессионального роста специалиста. Проявляя профессиональную компетенцию, государственный служащий показывает свою пригодность к соответствующей должности и соответствие общественным требованиям и нормам права.

Центральным вопросом использования компетентностного подхода к профессиональной деятельности государственных служащих является разработка модели компетенций. Распространенное применение моделей профессиональной компетенции в странах развитой демократии предусматривает систематический характер при подборе, обучении, аттестации и мотивации персонала. В зависимости от целей используются различные типы компетенций, создается соответственный набор (перечень) компетенций, или модель (система, карта) компетенций конкретной должности.

Важным шагом реформирования государственной службы в Украине стало принятие Программы экономических реформ «Богатое общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство» на 2010–2014 годы, в которой были поставлены задачи по разработке нормативно-правовой базы для внедрения в службу компетентностного подхода. Руководствуясь Национальным планом действий на 2012 год по осуществлению Программы экономических реформ на 2010–2014 годы Национальное агентство по вопросам государственной службы Украины приняло ряд нормативно-правовых актов (см.: [7] [8] и др.). В новой редакции Закона Украины от 17 ноября 2011 года № 4050 «О государственной службе» учитывалась компетентностная составляющая принятия и отбора персонала на государственную службу (см.: [9]). Планировалось, что Закон вступит в силу с 1 января 2013 года. Однако ряд терминологических несогла-

сованностей и сложность в такой краткий срок внедрить и организовать функционирование совершенно нового подхода к продвижению по государственной службе отсрочили его принятие к 1 января 2014 года.

Таким образом, предусмотренные в рамках Государственной программы задачи по созданию эффективной системы управления персоналом на государственной службе станут предпосылкой для дальнейшего осуществления действий, направленных на модернизацию государственного управления на основе компетентного подхода и принципов эффективного управления. Учитывая особенности отечественной управленческой культуры, поиск эффективных моделей профессиональных компетенций является необходимой стадией реформирования системы государственного управления и неизбежно требует анализа мировой и отечественной практики, творческой доработки и адаптации опыта стран развитой демократии.

Литература

1. Klemp, G.O. The Assessment of Occupational Competence // Report to the National Institute of Education. – Washington, 1980.
2. Спенсер, Л. Компетенции на работе / Л. Спенсер, С. Спенсер. – М., 2005.
3. Dubois, D.D. Competency-based Performance Improvement: A Strategy for Organisational Change. – Amherst, 1993.
4. Whiddett, S. The Competencies Handbook (Developing Practice) / S. Whiddett, S. Hollyforde. – London, 1999.
5. Агеева, Н. Какие бывают компетенции // Кадровое дело. – 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hr100.ru/wmc/info/article/article03/?id=1154942121>. – Дата доступа: 22.10.2013.
6. Ліпенцев, А.В. Підвищення кваліфікації управлінців: досвід та проблеми / А.В. Ліпенцев, А.О. Чемерис // Вісник державної служби України. – 1997. – № 1. – С. 79–87.
7. Указ Национального агентства Украины по вопросам государственной службы «Об утверждении Типового профиля профессиональной компетентности должности руководителя аппарата и минимальных требований к уровню профессиональной компетентности лиц, претендующих на занятие этой должности» №91 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0872-12>. – Дата доступа: 22.10.2013.
8. Указ Национального агентства Украины по вопросам государственной службы «Об утверждении Порядка определения специальных требований к опыту работы, требований к направлению подготовки (полученной лицом специальности) и других требований к уровню профессиональной компетентности лиц, претендующих на занятие должностей государственной службы групп II, III, IV и V» №92 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0873-12>. – Дата доступа: 22.10.2013.
9. Закон Украины «О государственной службе» №4050–VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/4050-17>. – Дата доступа: 22.10.2013.

ГЕНДЕРНАЯ ПАРАДИГМА ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ф. И. Храмцова

Динамика интеграционных процессов стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) актуализирует выбор фундаментальных принципов Евразийского Союза. основополагающим критерием геополитической интеграции выступает человеческое измерение, улучшение качества жизни.

По мнению Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, благополучие людей должно стать главным подходом в определении «архитектуры будущего союза с его структурой органов и механизмов принятия решений. Эти компоненты должны быть понятными, оптимальными и, главное, эффективными» [1, с. 2].

Гуманитарные стратегии проектируемого Евразийского Союза актуализируют всеобъемлющее включение потенциала всех граждан стран СНГ, в особенности женщин, в объединительные процессы как расширение прав и возможностей. Наш подход согласуется с позицией М. Бачелет, главы международной организации ООН «ООН-женщины»: «Сила женщин, "женские секторы" экономики, женская мудрость – все это огромные не востребуемые ресурсы. Важнейшая задача состоит в том, чтобы выявить, каким образом можно эффективно использовать их на благо всех» [2, с. 125].

В сложившейся геополитической ситуации межгосударственную интеграцию стран СНГ следует рассматривать как модернизационный антиэнтропийный¹ процесс, требующий участия широких социальных слоев и групп, женщин как преобладающей демографической группы, интересы которых должны агрегироваться посредством созидательного труда, духовной жизни, социальной практики и интеграционной политики. Суть интеграционной модернизации состоит в синергетическом характере хаотизации социальных систем, признаками которой являются энтропийная направленность и эмерджентность², как нелинейный переход традиционных обществ к интеграционным формам объединения индустриальных и постиндустриальных обществ (согласно теории динамических систем).

Такой подход в трактовке межгосударственной интеграции связан с актуализацией функции управления в объединительной политике стран СНГ в условиях нового порога социодинамической сложности. Цель такого типа политики состоит в переводе энтропийности объединительных процессов в антиэнтропийность средствами гендерно-сензитивной политики. Под таким типом политики понимается система межгосударственных мер в структуре Евразийского Союза по обеспечению прав и возможностей женщин в доступе к власти, социальным благам, ресурсам развития (на уровне «де-факто»); исключения дискриминации, с учетом этнокультуры, типа идеологии, уровня образования стран, на основе мониторинга положения женщины и гендерной статистики. Учет состояния гендерного фактора необходимо закладывать в проектирование управленческих стратегий объединительных процессов. Так, например, гендерный индекс развития человеческого потенциала в Республике Беларусь значительно превосходит другие страны СНГ, в том числе, Российскую Федерацию. Политическая практика в Республике Беларусь в отношении семьи и женщин имеет очевидные результаты. Согласно докладу ООН по итогам 2012 года в рейтинге стран по индексу развития человеческого потенциала Республика Беларусь занимает 50-е место среди 182 стран и первое место среди стран Содружества Независимых Государств. Республика Беларусь переве-

¹ Антиэнтропийный процесс - разновидность социального процесса с участием всех человеческих ресурсов как источника активной, постоянной энергии созидательного преобразования (этимология понятия происходит от «энтропии» как меры необратимого, беспорядочного рассеивания энергии в неравновесной термодинамической системе, введено в научный оборот Р. Клаузиусом, 1865 г.).

² Emergent (англ.) – внезапно, прерывно появляющийся. Использовался в характеристике гендера «не как качества личности, а, скорее, как эмерджентной характеристики социальных ситуаций – как результата и, одновременно, причины различных социальных отношений (arrangements), как средства легитимизации одного из самых фундаментальных разделений в обществе» (цит. по: [5]).

дена в группу стран с высоким индексом развития человеческого потенциала, показателями которого являются индексы низкой материнской, детской и младенческой смертности; уровнем охвата всех групп населения качественными, всеобщими и доступными образовательными услугами; устойчивым индексом роста рождаемости. Этому во многом способствует инновационная социальная и гендерная политика государства. Под термином «гендерночувствительная политика» понимается сингулярный, особый способ внедрения новаций в процессы принятия политических решений, в основе которых учет гендерной чувствительности женских социально-демографических групп, оптимально-благоприятных свойств, особенностей гендерного статуса, социального развития, специфики детородных функций, особенностей психосексуального развития в рамках временного диапазона социализации женщин в целях предотвращения различных форм дискриминации, сексизма, шовинизма, политической сегрегации, гендерных диспропорций на рынке труда и занятости.

Отсюда следует, гендерная парадигма Евразийского Союза понимается как научный базис политического управления на основе проектирования, отбора, адаптации «соответствующих модификаций государственного управления» [3, с. 167]. Гендерная парадигма межгосударственного объединения постулирует политическую значимость «способности, умения органов государственного управления, с одной стороны, направлять в обществе инновационные процессы в социально-конструктивное русло, с другой – структурно и функционально перестраиваться адекватно реальным и прогнозируемым вызовам инновационно изменяющегося общества» [4, с. 167].

Авторские исследования (2005–2013 гг.) убедительно показывают, что энтропийность социальных трансформаций детерминирует ухудшение гендерных профилей социального неравенства. Выводы наших исследований доказывают обоснованность тезиса о влиянии эффективности политического управления на снижение «гендерных» профилей социального неравенства (авторская интерпретация терминологии К. Маркса)³. Гендерные профили социального неравенства обозначают: снижение порога нравственных ценностей в структуре женской идентичности; скрытую женскую безработицу на рынке труда и занятости; рост негативных явлений вследствие миграции женских трудовых ресурсов: маргинальности, девиантности, преступности, заболеваемости, смертности; обострение социальных и политических конфликтов в гендерном измерении [4].

Итак, понятия межгосударственная интеграция Евразийского Союза и политическая модернизация принципов, функций, структур управления в сфере межгосударственного объединения взаимообусловлены. Если первый феномен «межгосударственная интеграция Евразийский Союз» есть новая форма и новое содержание институтов, структур, функций, ценностей неравновесной, динамичной интеграционной межгосударственной системы. То второй феномен «политическая модернизация» означает инновационное управление на уровне интеграционной гендерночувствительной политики. Благодаря направленной интеграции социально-политических систем стран СНГ создаются условия для перевода энтропийности в антиэнтропийность социального потенциала слов и социальных групп, в особенности женщин.

Таким образом, гендерная парадигма политического управления в структурах Евразийского Союза актуализирует систему положений:

– гендерной стратегии приоритета прав, свобод женщины как объекта и субъекта

³ К. Маркс раскрывает классовый характер противоречий в обществе через экономический профиль социального неравенства и тип общественно-политического строя (см.: [6, с. 34]).

межгосударственной интеграции в сфере личностного, социального, экономического и политического самоопределения;

– эргономичности гендерного равенства как учета особенностей культуры общества, менталитета как духовной матрицы потенциала женщины;

– гендерной этосообразности в выборе форм, методов, средств управления как учета идеологической матрицы духовной культуры данного общества на основе ценностей любви, семьи, брака, супружества, материнства, отцовства;

– гендерной мотивации профессионального развития, карьерного роста на основе сочетания семейных и социально-профессиональных обязанностей, межгосударственного обеспечения социальных гарантий;

– непрерывном качественном образовании, развитии правовой, политической и гендерной культуры женщин различных гендерных статусов; фасилитации социальной и политической активности женщины в структурах гражданского общества, политических партиях, женских общественных организациях, органах местного самоуправления;

– гендерной нейтрализации полоролевой дифференциации на рынке труда и занятости; вариабелизации в системе разделения, перемены, конкуренции труда; поддержки экономической активности женщин; развитие социального партнерства органов межгосударственного управления со средствами массовой информации, бизнес-сообществами, гражданским обществом.

Таким образом, концептами гендерной парадигмы Евразийского Союза определены целостная совокупность организационно-правовых, политико-управленческих, социально-экономических, мотивационных механизмов преодоления социальной дискриминации и повышения статуса женщины как объекта и субъекта реинтеграционной политики с учетом динамики объединительных процессов, исторического и культурного опыта, согласования национально-государственных интересов.

Литература

1. Беларусь сегодня. – 25.11.2013. – № 202 (24337).
2. Новикова, Е. «ООН-женщины» – решение вопроса гендерного неравенства в политическом лидерстве // Власть. – 2012. – №9. – С. 125.
3. Авцинова, Г.И. Инновационная политика в России как основа социального развития // Труды научной школы «Россия в глобальной системе социальных координат: историко-социологическая компаративистика (научный руководитель – ректор – основатель РГСУ, академик Российской академии наук В.И. Жуков). Выпуск 2 / Под общ. ред. академика РАН В.И. Жукова. – М., 2011.
4. Храмова, Ф.И. Гендерная методология подготовки специалистов социальной работы: метапарадигмальный аспект. – Минск, 2012.
5. Уэст, К. Создание гендера / К. Уэст, Д. Зиммерман // Хрестоматия феминистских текстов: переводы / под ред.: Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб., 2000. – С. 193– 219.
6. Маркс, К. Немецкая идеология // Сочинения. Т.1. Издание второе; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М., 1955.

ПОСТАНАРХИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Ю. Ф. Никитина

Проблема власти – одна из самых дискуссионных проблем политической философии и политической науки, порождающая небывалое многообразие подходов и теорий,

которые пытаются ответить на вопрос о генезисе, сущности, формах властных отношений в обществе. По мере демократизации общества происходит смещение в понимании власти как политического института. Механизмы принуждения, практики социальной интеграции и исключения становятся имманентными социальному полю. Теперь власть осуществляется посредством технических средств, которые целенаправленно воздействуют на духовную (посредством коммуникационных систем, информационных сетей и др.) и материально-телесную (через системы социального обеспечения, мониторинг деятельности и многое другое) составляющие социума [5].

Обращение к наследию теоретиков анархизма обусловлено тем, что, по сути, они были первыми, кто осуществил глубокий и последовательный анализ роли власти в процессах формирования социальной реальности. Именно анархисты XIX века начинают отстраивать системный концепт власти, который в последующем получит свое дальнейшее развитие в работах постструктуралистов, представителей франкфуртской школы.

Оформившись в течение XIX–XX веков, социально-политический дискурс анархизма и в настоящее время представляет собой социально активную силу. Но необходимо отметить, что в дискурсе современных анархистов фигурирует такое понятие как «постанархизм», обозначающее новый этап в развитии анархизма, с помощью которого его последователи пытаются зафиксировать свою критическую позицию относительно идеалов классического анархизма, переосмысливая их в соответствии с изменениями социально-политического и духовного контекста II половины XX–XXI вв.

Анализируя сложившуюся в мире социально-экономическую ситуацию, анархисты обращаются к рассмотрению интегративных процессов в экономической, политической и культурной сферах, которые осуществляются в рамках реализации идеи глобализации. Пожалуй, одними из первых постанархисты рассмотрели в данном относительно молодом конструкте несоответствие его идейного наполнения (свобода хозяйственного обмена между его регионами, единое информационное пространство и доминирование в мировом масштабе принципов гуманистического социального устройства) [1] последствиям его воплощения в действительности.

Остановимся на рассмотрении такого явления, как мультикультурализм. Его идеи еще относительно недавно были популярны в Западной Европе. Однако в 2010–2011 гг. в своих публичных выступлениях политические лидеры ряда государств заявили о провале мультикультуральной политики.

Большинство исследователей сходятся во мнении относительно расплывчатости смыслового содержания концепции мультикультурализма, я же буду отталкиваться от наиболее часто встречаемой среди политологов интерпретации данной идеи.

Оформление в общественно-политическом дискурсе идеи мультикультурализма происходит во второй половине XX века и обусловлено насущной потребностью включения мигрировавшего населения в жизнь принимающего государства, с чем последние столкнулись в связи с деколонизацией африканских и азиатских государств. Первоначально в ряде государств, например, в Великобритании, ожидалась мирная ассимиляция новопривывших путем межрасовых браков и принятия культуры большинства. Позднее заговорили об интеграции, т.е. о такой форме принятия иммигрантов, при которой сохранялись бы культурно-бытовая специфика новопривывающих. Но признание властями принимающей страны культурной автономии этнических меньшинств не решило всех проблем, возникших в связи с иммиграцией. Вскоре многочисленное новое поколение иммигрантов столкнулось с проблемами социализации и получения образования, которые невозможно было решить лишь путем предоставления этническим общинам автономии. Как следствие, концепция мультикультурализма выстраивалась с учетом

признания неспособности властей интегрировать этнические меньшинства, как в силу предрассудков местного населения, так и в силу приверженности членов меньшинства традиционной культуре [3].

Ведущий принцип, составляющий фундамент концепции мультикультурализма – принцип многообразия культур – предполагает, что мигранты, соглашаясь с политическими правилами принимающего общества, обладают правом сохранить свои этнические, конфессиональные и культурные особенности, и им не вменяется в обязанность полное принятие новых обычаев и культуры конкретной страны. Иммигрантам дозволено жить той жизнью, которая у них была до переезда, но только в том случае, если это не противоречит правовым нормам принимающего государства. То есть идея мультикультурализма предполагает потребность признать культурно отличные сообщества и управлять отношениями с ними, вместо того, чтобы вычеркивать их из социальной структуры общества. Одной из основных ценностей при этом объявлена межкультурная толерантность.

Следует отметить, что концепция мультикультурализма не ограничивается только лишь красивой публичной риторикой, но предполагает систему мер по поддержке мигрантских меньшинств. Государство обеспечивает финансовую и инфраструктурную поддержку, реализацию права на образование на родном языке, издание собственных СМИ, проведение культурных мероприятий, создание религиозных центров. Так, например, с помощью местных властей в Великобритании были созданы Совет мечетей в Брэдфорде и Федерация мусульманских организаций в Лестере.

Однако, по мнению авторов постанархических концепций власти, мультикультурализм – весьма противоречивое явление. С одной стороны, оно позволяет государству казаться терпимым, благодаря многочисленным правам, предоставляемым меньшинствам, но и в то же время способствует сегрегации и изоляции последних от остального сообщества. Данное обстоятельство стало основанием для критики идеи мультикультурализма как новой формы расизма, «культурного империализма». Подобного рода точка зрения нашла поддержку не только среди современных анархистов, но и, например, среди представителей официальных структур общественного устройства. В 2000 г. был опубликован доклад профессора Лондонской школы экономики и президента Академии научных обществ, члена Лейбористской партии лорда Бикху Парекха «Будущее мультиэтнической Британии», в заключении которого говорится о том, что мультикультурализм представляет собой рецепт постоянной дифференциации, разделения и противостояния в обществе [6].

Анализируя политику мультикультурализма, анархисты подчеркивают, что государство обеспечивает поддержку не столько культурам, сколько общинам и группам, которые берут на себя миссию представительства интересов всего этноса или религии. К тому же государственное спонсирование общин стимулирует развитие группой (общинной) коммунитарной идентичности, тем самым подавляя индивидуальную. Такая политика закрепляет власть общины над индивидом, лишенным возможности выбора. Мультикультурализм, по мнению анархистов, искусственно консервирует традиционно-общинные отношения, препятствуя индивидуальной интеграции представителей разных культур в гражданское общество. Во многих странах Европы и в США известны случаи, когда люди, утратившие свою этническую или религиозную идентичность, возвращались к ней только потому, что правительство спонсирует не культуру, а общины (их школы, клубы, театры, спортивные организации и др.). Например, в России льготы, предназначенные для «коренных малочисленных народов Севера», в 1990-е годы вызвали стремительный рост численности таких групп за счет того, что многие русские, стали

причислять себя, прежде всего, с юридической точки зрения, к коренным народам в надежде на их получение. Учитывая данные обстоятельства, анархисты заключают, что главный недостаток политики мультикультурализма в том, что она провоцирует сегрегацию групп, порождая искусственные границы между общинами, формируя своего рода гетто на добровольной основе [3].

Подобного рода геттоизация обусловлена и характером расселения, приводящее к обособлению иммигрантских диаспор, тем самым превращая их в своего рода изолированные анклав. Появление замкнутых поселений и кварталов ведет к возникновению в них альтернативных управленческих институтов. Так, например, французский исламовед Оливье Руа считает, что радикальный исламизм – это современный феномен, а не проявление традиционной культуры или традиционной цивилизации, поскольку современный радикалы вполне «вестернизированы» [4]. И причина неопределенности, радикализации, враждебности к западным ценностям, с его точки зрения, кроется в попытках европейского правительства создать «мультикультурное общество», характеризующееся закрытостью общин мусульман-мигрантов, чья социальная и экономическая неустроенность, отсутствие возможности интеграции в европейское сообщество, заставляют представителей исламской веры, особенно второго и третьего поколений, вставать на путь радикального ислама [2].

Литература

1. Иноземцев, В. Глобализация – наивная мечта 20 века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://postindustrial.net/2003/11/globalizaciya-naivnaya-mechta-xx-veka>. – Дата доступа: 23.09.2011.
2. Музалевская, М.С. Может ли ислам разрушить либеральные ценности британского общества? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/12-63-dekabr-2011/13426-mozhet-li-islam-razrushit-liberalnye-cennosti-britanskogo-obschestva.html>. – Дата доступа: 18.09.2012.
3. Паин, Э. К вопросу о «крахе политики мультикультурализма» в Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/16_p/ay/in.htm. – Дата доступа: 08.11.2012.
4. Узланер, Д. Европа между двух исламов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Evropa-mezhdu-dvuh-islamov>. – Дата доступа: 25.10.2012.
5. Фуко, М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / под ред. И. Борисовой; пер. с франц. В. Наумов. – М., 1999.
6. Parekh, B. The Future of Multi-Ethnic Britain: Report of the Commission on the Future of Multi-ethnic Britain. – London, 2000.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕЙДЕРСТВО

А. П. Мельников

Термин «рейдерство» происходит от англ. *raid*, что означает «внезапное нападение», «набег», «налет», «рейд». Этим понятием обозначается полузаконный захват чужого предприятия, бизнеса под формальным предлогом. На постсоветское пространство термин пришел из США, где рейдерство получило широкое распространение с конца XIX в. и где оно не всегда носило незаконный, несправедливый характер. В Европе масштабное рейдерство появилось лишь в 1990-е годы. В общественном сознании России рейдерство изначально приобрело негативный оттенок. Основными его причинами были неразвитость законодательной базы, коррупция, слабость правоохранительной си-

стемы и судов, низкий уровень предпринимательской культуры и т.д.

Появившись в экономической сфере, в наши дни технологии рейдерства и рейдерских захватов получают все более широкое распространение в политической жизни общества. Основы политического рейдерства были заложены в середине 1990-х годов, когда политика стала превращаться в способ зарабатывания денег, иначе говоря, в бизнес.

Политическое рейдерство – это применение рейдерских технологий в политике, партийной борьбе, конкуренции политических деятелей на политическом поприще. Оно проявляется в разложении полулегальными методами, формально законными способами конкурирующих политических структур, захвате их статусных позиций, символических образов, появлении новых лидеров общественного мнения, составляющих значительную конкуренцию существующим субъектам политики. В большинстве случаев под этим понятием подразумеваются атаки на региональные отделения политических партий со стороны определенных групп лиц с целью дезорганизации их работы и последующего устранения с политической арены.

Яркий пример рейдерского захвата датируется весной 2005 г., когда один из руководителей Российской социал-демократической народной партии В. Липницкий провел экстренный съезд партии, на котором был смещен лидер партии А. Руцкой. Последний узнал о съезде из газет, равно как и многие другие члены этой партии. На мероприятие пригласили только тех, кто гарантированно поддерживал В. Липницкого. Одним из примеров политического рейдерства может послужить и захват сети региональных отделений Партии пенсионеров России при создании партии «Справедливая Россия» и устранение из публичной политики ее лидера В. Гартунга. Примеры можно было бы умножить.

Увеличение числа рейдерских технологий в российской политике связано с изменением условий политической конкуренции с момента начала комплексных реформ президента В.В. Путина, в ходе которых значительно сократилось количество выборных должностей в органах исполнительной власти, а также были изменены подходы к формированию законодательных органов в центре и регионах. В результате политическая конкуренция в стране увеличилась и отчасти усилился ее теневой характер.

Иными словами, в современных условиях распространение технологий политического рейдерства напрямую связано с сокращением возможностей для легальной политической конкуренции в форме состязательного избирательного процесса. Формирование «вертикали власти», выразившееся в изменениях избирательного законодательства, заметно снизило число реальных механизмов для активного участия в политике «независимых» кандидатов, самовыдвиженцев либо неформальных лидеров общественного мнения. Все это расширяет диапазон применения рейдерских технологий в практической политике на постсоветском пространстве, особенно в России.

Таким образом, в качестве основных направлений политического рейдерства можно выделить три аспекта:

а) «захват» региональных отделений политических партий и навязывание своих кандидатур для участия в выборах;

б) теневая «покупка» и «переманивание» ключевых фигур той или иной политической организации;

в) «захват» и эксплуатация идейной платформы, являющейся наиболее востребованной у электората того или иного региона.

Субъектами применения технологий политического рейдерства выступают политические партии, политические деятели, лидеры общественного мнения в регионах, представители среднего и крупного бизнеса, стремящиеся к участию в политике.

Главное отличие политического рейдерства от политической борьбы состоит в том, что об идеологии в первом случае не может быть и речи. Новые партийные установки представляются общественности уже после захвата той или иной организационной структуры. Главное – это печать, уставные документы и право выступать от имени организации.

Существенны отличия политического рейдерства от экономического рейдерства. В экономической сфере рейдерство представляет собой хорошо развитый и доходный вид бизнеса, в то время как в политике говорить о наличии группы профессиональных политических рейдеров пока не приходится. Функции менеджеров при рейдерском захвате политических структур выполняют политические технологи.

Широкое распространение политического рейдерства возможно только при наличии определенных условий. Прежде всего, с одной стороны, при отсутствии детально, глубоко проработанной нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы интеллектуальной собственности. С другой стороны, в условиях низкого уровня влияния ценности главенства закона на формирование личных и корпоративных стратегий политического взаимодействия у представителей значительной части населения страны, выбирающей свои стратегии поведения, исходя только из личных корыстных целей, невзирая на нормы морали и права.

Немаловажным фактором, детерминирующим распространение политического рейдерства, выступает использование информационно-коммуникационных технологий, Интернета, социальных сетей, способных мобилизовать значительные массы людей на решение конкретных задач в максимально сжатые сроки. Примерами могут служить «Интернет-революции» в арабских странах в 2011 г.

В переходных и посттрансформационных обществах политическое рейдерство наряду с коррупцией – неизбежное зло. Для стабильности в стране оно представляет такую же опасность, как и рейдерство экономическое, поскольку может привести к непредсказуемым последствиям.

Каковы основные направления борьбы с политическим рейдерством? Одним из таковых является совершенствование законодательства. В нормативных актах все должно быть четко прописано, чтобы не было двусмысленностей и лазеек для недобросовестных политиков. Необходима дальнейшая демократизация общественной жизни, развитие современных демократических институтов, совершенствование свободных, независимых средств массовой информации, реализация на деле принципа разделения властей и т.д.

Важным профилактическим средством борьбы с проявлениями политического рейдерства является, с одной стороны, осуществление постоянного мониторинга, прогнозирования динамики политической ситуации, тенденций развития политического процесса в целом, с другой стороны, осуществление диагностики намерений неформальных групп и лидеров, стремящихся вмешиваться в распределение политических ресурсов и завоевывать общественное мнение своими действиями, в том числе и деструктивными. В этом позитивную роль может сыграть наличие общеприемлемой государственной идеологии, а также работа по патриотическому воспитанию населения, которые выступают интегрирующим фактором в любом социуме.

КЛАСТЕРНЫЕ СТРУКТУРЫ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. И. Лойко

Модернизация экономики предполагает использование методологических ресурсов оптимизации деятельности. В методологических исследованиях идет активный поиск механизмов оптимизации и устойчивого развития экономики на основе использования системотехнических ресурсов кооперации. Эти поиски питаются новейшими данными из естествознания, интересы которого в последние десятилетия сосредоточены на структурах кластерного типа. Экономисты в рамках реализации программы креативной индустрии эксплицировали природный аналог как устойчивую локальную структуру деятельности, создающую ресурс долгосрочной стабильности макросистемы национального и регионального типа. В результате появилось понятие *экономического кластера*, которое дифференцировалось признаками отдельных сегментов, этапов деятельности. Речь стала идти об инновационных, отраслевых, промышленных кластерах системотехнического типа. Это позволило концепт кластера интегрировать с понятиями технопарка, технополиса, инновационного города, холдинга, отрасли, образовательных и академических структур. В результате сформировалось устойчивое представление о кластерном подходе, позволяющем решать сложные задачи кооперации с целью создания дополнительных ресурсов деятельности. Важную роль играет сопутствующая кластерным структурам институциональная среда. Она позволяет ее элементам располагать значительными возможностями самостоятельного решения собственных задач за счет предоставленных им форм деятельности.

Естествознание одним из первых актуализировало концепт кластера. Это произошло в 1955 году. Речь шла об обнаружении системных свойств материальных объектов и процессов и их концептуальном описании в физике, химии, биологии. По мере накопления научного материала в дисциплинарно организованной науке стали обнаруживаться возможности его междисциплинарного синтеза. В результате было констатировано наличие объектов кластерного типа на различных уровнях организации природы, а понятие кластера стало междисциплинарным. В процессе описания кластерных структур стали активно использоваться различные методы научной деятельности и технологии. Это позволило соединить возможности моделирования с компьютерными технологиями визуализации математических описаний на языке уравнений.

Возникла потребность в описании кластеров различной устойчивости в тесной связи с формирующими их объектными структурами, дополнительными факторами сопряженности материалов, атомов, молекулярных структур. В результате был сделан шаг к практическому использованию знаний о кластерах в форме научных изысканий. Особенно активно этот подход реализуется в наноиндустрии, как межотраслевом комплексном направлении, формирующем интересы различных сфер деятельности.

Произошла трансформация сферы знаний и деятельности, сопоставимая с научной революцией институционального типа, поскольку в результате перемен инновационная сфера приобрела новую архитектуру организационных структур, демонстрирующую высокую эффективность. В экономическую литературу термин был введен через

теорию кластеров и кластерного развития (М. Портер). Им обозначаются промышленные группы, организованные по принципу территориального соседства.

В экономических науках и естествознании сохраняется принципиальное различие в понимании механизмов формирования кластеров, что обуславливает решение вопроса о принципиальной возможности целенаправленного создания кластеров путем конструирования, институциональной реформы. Даже если такие механизмы возможны, то речь идет о том, что разрозненные элементы в процессе кооперации приобретают новые свойства, которые недостаточно изучены современной наукой с точки зрения их поведения. Существуют риски связанные с определенной степенью неопределенности знаний о структурах комплексного характера. Имеются в виду непостоянные группы.

В системе государственного управления интерес к кластерным структурам вырос в связи с необходимостью повышения результативности инновационной деятельности за счет институционального ресурса. Это стремление обусловлено задачами оптимизации существующей инфраструктуры с точки зрения экономических эффектов. В данном контексте кластер представляют взаимосвязанные компании поставщиков оборудования, комплектующих и специализированных услуг; располагающие компактной инфраструктурой; научно-исследовательские институты; университеты, лаборатории, исследовательские центры взаимодополняющие друг друга и усиливающие конкурентные преимущества компаний, сконцентрированных на данной территории.

Кластерная структура имеет механизм распределения затрат на поддержание и развитие общих для нескольких компаний ресурсов. Географическая близость обеспечивает низкие транспортные издержки, быстрые сроки поставки товара, оказания услуг. Концентрация фирм в пределах одной местности способствует распространению знаний и опыта, которые не могут быть оперативно формализованы и переданы, жестко отождествлены с носителями. Локальное пространство способствует обмену неявными знаниями, позволяет создать местный рынок квалифицированной рабочей силы и на этой основе привлекать для работы в компаниях человеческий капитал. Кластеры формировались исторически на основе критериев, связанных с близостью береговой линии и коммуникаций, а также ресурсной базы. Постепенно эти факторы дополнялись традициями деятельности местного населения в конкретной сфере промыслов, производства, что усиливало стоимость человеческого капитала за счет преемственности поколений, традиций образования. Подобная особенность характерна и для доиндустриальных форм деятельности. Кластер создает интенсивное пространство концентрации людских ресурсов, которые одновременно являются производителями и потребителями материальных ценностей. Возникают идеальные условия для формирования емкого внутреннего рынка и возможность неформальной коммуникации представителей фирмы с расположенными в ее районе потребителями продукции.

Методология кластерной деятельности не ограничивается внутренним рынком и задачами национальной безопасности. Набирающие потенциал компании начинают решать задачу доминирования в соответствующих отраслевых секторах деятельности, с тем, чтобы выйти на мировые рынки с конкурентоспособной продукцией. Конкурентоспособность поддерживается только за счет инновационного ресурса. Так, американские компании, связанные с отраслевым рынком электроники, удерживают преимущества за счет постоянного обновления ассортимента продукции, доступного для покупательской аудитории. Человеческий капитал для подобных отраслевых компаний формируется кластером. Основные функции трансфера технологий выполняет технопарк, работающий как естественное продолжение образовательного процесса. Компании привлекают не только интеллектуальные ресурсы, сосредоточенные в студентах, но и профессорско-

преподавательском составе. Многие профессора сочетают работу в аудиториях и лабораториях со статусом консультанта в компаниях.

Университеты играют важную роль формирования человеческого капитала, проведения исследований, необходимых на стадии разработок. Многочисленные примеры из мировой практики подтверждают, что кластерная форма организации производства является наиболее подготовленной для инновационного процесса, поскольку концентрирует необходимые составляющие эффективной деятельности.

Понятие кластер используется не только для обозначения структурных образований, но и в методологической функции, способствующей формированию новой стратегии деятельности в рамках регионального развития. Разработчики предусматривают меры по формированию кластеров, рассчитывая на то, что, связанные с ними, структуры повышают производительность, конкурентоспособность, прибыльность и занятость в находящихся в данном регионе фирмах.

Преимущества, вытекающие из кластерного производства, создали явление кластерной политики. Речь идет о нормативной базе, институциональных моделях и проектах, а также об управленческой деятельности, использующей административный ресурс. Эта деятельность предполагает ликвидацию барьеров для **инноваций**; инвестиции в человеческий капитал и физическую инфраструктуру; поддержку географической концентрации взаимосвязанных фирм. Новизна подхода заключается в отказе от поддержки конкретных предприятий или отраслей. Комплексный подход разнообразит адаптивные возможности системотехнических производственных структур. Существующая конкурентная среда побуждает участников к модернизации, инновационной деятельности.

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД КАК МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

С. В. Курнич

Современный этап развития общества является переходным и характеризуется различными попытками скорейшей реализации рыночных преобразований. В то же время развитие рыночной экономики приводит к необходимости создания более эффективных структур, способных опережающими темпами решать социально-экономические задачи региона. Такими структурами являются кластеры, популярность которых последние десятилетия растет во многих странах.

Кластер представляет собой группу географически (территориально) локализованных и технологически взаимосвязанных участников (поставщики, производители, посредники) во взаимодействии с организациями образования, научными центрами, органами государственного управления, инфраструктурными компаниями, которые действуют в определенной сфере, используя преимущества совместного использования своих ресурсов, что позволяет обеспечивать конкурентоспособность кластера, а также региона и отрасли [1]. Следует заметить, что аналогом таких структур являлись в советский период территориально-производственные комплексы). Кластером является совокупность согласованно действующих на основе общей цели субъектов, которые объединены определенными договорными отношениями, определяющими роли субъектов и регулирующие их деятельность [2].

Образовательным кластером можно назвать кластер, имеющий в своем составе участников в виде учреждений профессионального образования, которые находятся в партнерских отношениях с предприятиями, компаниями и т.п. Участники (субъекты) та-

кого кластера заинтересованы в эффективном современном обучении, находясь в инновационной среде (наука–технологии–бизнес), активно используют образовательные услуги. Реализации кластерного подхода должна учитывать следующие моменты: наличие общей цели, правовых основ совместной деятельности субъектов, рыночной инфраструктуры, управленческого корпуса, механизмов взаимодействия (сотрудничества, партнерства) между субъектами кластера и др. Здесь общность цели заключается в выполнении совместных проектов с использованием профессионального образовательного потенциала вузов, что обеспечивает формирование профессиональных компетенций специалистов, работающих в составе кластера, что способствует повышению конкурентоспособности субъектов рынка труда в регионе [2].

Инновационная компонента образовательного кластера состоит в том, что используются преимущества как внутрисистемного, так и внесистемного способов координации деятельности участников, т.е. внутрифирменная деятельность и рыночное поведение участников кластера. Это дает возможность более эффективно распоряжаться имеющимся инновационным «потенциалом» кластера. Образовательный кластер следует рассматривать как сеть взаимосвязанных субъектов рыночной экономики, которая способна генерировать новые знания, которые могут быть опробованы на практике (университеты, исследовательские центры), обеспечивать эффективное управление бизнес-структурами, взаимодействовать с предприятиями, компаниями, финансовыми институтами, при участии органов государственного управления, общественных организаций, используя передовые знания, технологии, ключевые компетенции, а также осуществлять взаимный консалтинг для всех участников кластера [3].

Такой кластер объединяет участников, выполняющих разные функции и имеющих разные цели, однако всех участников объединяет то, что они «нуждаются» друг в друге. В кластер могут входить научные подразделения, кафедры, лаборатории, производственные подразделения, компании, поставщики, потребители и др. Платформой деятельности кластера является сложившаяся (или проектируемая) инфраструктура, которая есть результат устойчивого взаимодействия участников. Системообразующими факторами развития кластера являются организационное обеспечение и организационно-правовые механизмы его развития (в учете уникальности (эксклюзивным) каждого кластера), а также ключевые компетенции участников, которые обеспечивает кластер и которые эффективно используются его участниками. Для успешной деятельности кластера необходима существенная материальная государственная поддержка деятельности кластера, адекватная потребностям региона и служащая интересам развития страны в целом [3].

Инновационная компонента образовательного кластера состоит в том, что используются преимущества как внутрисистемного, так и внесистемного способов координации деятельности участников, т.е. внутрифирменная деятельность и рыночное поведение участников кластера. Это дает возможность более эффективно распоряжаться имеющимся инновационным «потенциалом» кластера.

Образовательный кластер следует рассматривать как сеть взаимосвязанных субъектов рыночной экономики, которая способна генерировать новые знания, которые могут быть опробованы на практике (университеты, исследовательские центры), обеспечивать эффективное управление бизнес-структурами, взаимодействовать с предприятиями, компаниями, при участии органов государственного управления, общественных организаций, используя передовые знания, технологии, ключевые компетенции, а также осуществлять взаимный консалтинг для всех участников кластера [3].

Системообразующими факторами развития кластера являются ключевые компе-

тенции участников, направление их деятельности, потребности региона и др. Для успешной деятельности кластера необходима существенная материальная государственная поддержка, которая должна быть адекватной потребностям региона и развития страны в целом.

Главной целью деятельности вуза в составе кластера становится не только освоение нового знания (приобретение компетенций), но и способности и готовности эффективно применять знания и умения на практике при разработке и создании конкурентоспособных продуктов [3].

Исследовательские центры и вузы в составе кластера могли бы обеспечивать решение следующих задач: активизировать научную и образовательную деятельность с целью создания инновационных проектов совместно с предприятиями, бизнес-структурами, властью и др. участниками; способствовать привлечению инвестиций для развития коммерческой и социальной составляющей кластера и региона [там же].

Главным преимуществом кластерной модели развития региона является возможность (механизм) обеспечения синергетического эффекта, что делает ее привлекательной для инвесторов, способствует взаимному росту конкурентоспособности участников в регионе. Среди явных преимуществ кластерной модели развития можно также назвать:

1) устойчивость на основе сложившегося механизма взаимодействия между всеми участниками кластера (коммуникации, обмен научными идеями, передача знаний, трансфер технологий, продвижение бизнес-моделей на различные рынки и т.п.);

2) специализацию и стандартизацию решений, что позволяет участникам кластера минимизировать затраты на создание и внедрение инноваций и получить дополнительные конкурентные преимущества;

3) наличие гибких предпринимательских структур (малых предприятий), позволяющее обслуживать конкретные предпринимательские ниши и формировать инновационные точки роста экономики региона;

4) возможности долгосрочного сотрудничества и эффективной координации деятельности участников кластера в рыночной среде, как в интересах региона, так и в собственных интересах участников кластера.

Основное достоинство кластерной организации состоит в дополнительных возможностях разделения труда (что является фундаментальным достоянием рыночной экономики). Кластерный подход открывает новые возможности для удовлетворения потребностей региона на основе более эффективного использования инновационного потенциала кластера (в том числе, за счет более эффективного использования результатов исследовательской и образовательной деятельности его участников).

Литература

1. Портер, М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. 2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.
2. Попкова, Е.Г. Образовательный кластер на пути модернизации системы высшего образования в соответствии с европейскими стандартами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.marka-volga.ru/klastery/237>. – Дата доступа: 05.11.2013.
3. Анисцына, Н.Н. Инновационный научно-образовательный кластер как способ организации инновационной деятельности в вузе // Креативная экономика. – 2010. – №4 (40). – С. 91–97.

ИННОВАЦИОННЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ УКРАИНЫ

В. В. Шконда, А. В. Кальянов

Основным стратегическим ресурсом внедрения действенной и эффективной инновационной модели развития экономики и социальной сферы Украины являются люди с их интеллектуальным, духовным, предпринимательским и производственным потенциалом. В этом контексте инновационное развитие рассматривается как постепенное движение к инновационному обществу, в котором в идеале инновационные отношения обретают весомое значение, противоречия в нем осознаны и разрешены в пользу всех его участников [1].

Относительно инноваций их действительная ценность может быть обнаружена и через десятки лет, потому что новейшие идеи должны существенно опережать свое время. К сожалению, в условиях глобализации в среднем только одна идея из тысячи завоевывает успех на внутреннем и внешнем рынках в виде товара или услуги, остальные утрачивают свою ценность или дают определенный импульс для других более дееспособных инноваций. Противоречия инноваций проявляют себя в разрывах инновационной цепи, падении уровня инновационной активности персонала, тенезации инновационной деятельности.

Мировой опыт передовых стран свидетельствует, что в условиях жесткой рыночной глобализации стабилизация и последующий подъем ведущих секторов экономики и социальной сферы возможны на основе применения эффективных социально интеграционных систем, разновидностью которых являются инновационные кластерные объединения, и осуществления соответствующей кластерной политики [2] [3].

В этой связи важное значение имеет реализация государственных и региональных инновационных проектов, создание инновационных и коинновационных кластеров, оптимизация на инновационных принципах региональных и межрегиональных промышленных комплексов, содействие созданию региональных промышленных кластеров, прежде всего, в наиболее наукоемких и высокотехнологических отраслях современного производства, способных кардинально изменить экономический и научно-технический потенциал регионов и государства в целом.

Исходя из сущности и природы экономических кластеров, следует отметить, что они создают возможности для инновационного роста производства, стимулируют и способствуют развитию предпринимательства, которое поддерживает инновации и способствует расширению кластера.

Кластерная теория формирования конкурентных преимуществ инновационного развития по М. Портеру является наиболее признанной [4]. Кластерный подход к изучению экономических процессов формирования инновационной модели конкурентоспособности применяется и в ряде других теорий. Так, Е. Лимер (1984) рассматривал кластеры с высоким уровнем экспорта, анализируя торговлю на национальном уровне [5].

Кластерная форма организации инновационной деятельности приводит к образованию особой формы инновации – «совокупному инновационному продукту». Такая инновация является результатом деятельности нескольких фирм или исследовательских институтов, что позволяет ускорить ее распространение в сети взаимосвязей в общем региональном экономическом пространстве. Кроме того, разнообразие источников технологических знаний и связей облегчает комбинацию факторов достижения конкурентных преимуществ становится предпосылкой любой инновации. Объединение в кластер на основе вертикальной интеграции формирует не спонтанную концентрацию разнооб-

разных технологических изобретений, а определенную систему распространения новых знаний и инновационных технологий.

Инновационно-инвестиционные взаимосвязи внутри кластера, часто абсолютно неожиданные, ведут к разработке новых путей в конкуренции и порождают совсем новые возможности. Человеческие ресурсы и идеи образуют новые комбинации. Кластер становится средством для преодоления замкнутости на внутренних проблемах, инертности, консерватизма и негибкости между соперниками, которые уменьшают или полностью блокируют благоприятное влияние конкуренции и появление новых фирм. В процессе развития кластера инвестиционные и инновационные ресурсы начинают поступать к нему из других отраслей, которые не могут использовать свой потенциал эффективно.

Результаты научных исследований свидетельствуют, что наличие инновационного кластера позволяет национальной отрасли поддерживать свои преимущества, а не передавать их тем странам, которые более склонны к инновациям. Наличие целого кластера отраслей ускоряет процесс создания инновационных факторов там, где есть группа внутренних конкурентов. Все фирмы из кластера взаимозависимых отраслей делают инвестиции в специализированные, но родственные технологии, в информацию, инфраструктуру, человеческие ресурсы, что ведет к массовому возникновению и развитию новых фирм. В свою очередь, кластеры являются объектами больших капиталовложений и инвестиций, которые могут обеспечивать устойчивое их развитие.

Литература

1. Федоренко, В.Г., Тугай А.М., Гойко А.Ф., Джабейло В.Б. Концепція кластерної політики в Україні // Економіка і держава. – 2008. – №11. – С. 5–15.
2. Кальянов, А.В. Інноваційні кластери в стратегії розвитку економіки і соціальної сфери України // Стратегія інноваційного розвитку економіки і соціальної сфери України: Матеріали Другої міжнародної науково-практичної конференції вчених, студентів і практиків / голов. ред. В.В. Шконда. – Донецьк, 2010. – С. 68–78.
3. Шконда, В.В., Кальянов А.В., Давидов П.Г. Феномен синергетики: наука – общество – образование: Монография / Ред. В.В. Шконда. – Донецк, 2009.
4. Портер, М.Е. Стратегія конкуренції Методика аналізу галузей і діяльності конкурентів: Пер. з англ. А. Олійник, Р. Скільський. – Киев, 1998.
5. Федоренко, В.Г., Гойко, А.Ф. Инвестознавство. – Киев, 2000.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

С. П. Чумак

Основные цели общества – обеспечение социально-экономического развития, модернизация и повышение конкурентоспособности национальной экономики как внутри, так и за ее пределами с последовательной интеграцией в сложившуюся структуру международного разделения труда, как способа создания материальных и духовных ценностей. Либерализация производственных отношений и глобализация хозяйственных процессов способствуют большей мобильности факторов производства, фрагментации и специализации различных сфер деятельности. Выбор социально-экономических приоритетов в таких условиях имеет ряд специфических особенностей, характерных для территориально небольших стран, значительно ограниченных в энергетических и сырьевых ресурсах.

Это обстоятельство и определяет научную значимость концептуального анализа социально-трансформационных процессов с выявлением и понятийным описанием основных экономических детерминант, характерных для поступательной динамики современного общества.

В последовательном изложении указанной проблемной ситуации в качестве исходного постулата может быть принят тезис о том, что каждая страна должна максимально быстро вписаться в мировое экономическое пространство, занять в нем достойное место, перейти на новые современные принципы организации хозяйственной жизни, чтобы достичь стабильного и эффективного развития национальной экономики.

В связи с этим особую важность приобретает правильный выбор национальных приоритетов интеграционной динамики и грамотное экономически обоснованное определение основных направлений развития в экономике, политике, культуре. Формируемая модель социально-экономического развития страны должна учесть и специфику, и сложность создания суверенного государства, поскольку, перейдя на демократические и рыночные преобразования, каждая страна, как правило, на первых этапах с трудом осваивает правила плюралистической демократии и цивилизованного рыночного хозяйствования.

Процесс реформирования в развивающихся странах в начальной стадии, в силу ряда исторически сложившихся объективных и субъективных причин, характеризуется глубоким кризисом, нарастанием деформаций в экономике и социальной сфере, ухудшением условий труда и снижением уровня жизни населения. Этот период протекает в условиях разрушения многих отраслей и производств, деградации технико-технологической базы, сужения внутреннего рынка, роста убыточности и неплатежеспособности производителей, утраты традиционных внешних рынков сбыта, увеличения внешней задолженности.

Объективно складывающаяся ситуация неизбежно требует выбора либеральной модели социально-экономического развития с сильной внешнеэкономической компонентой, что на практике означает высокую степень открытости экономики, экспортоориентированность производства, активно конкурирующего на внешнем и внутреннем рынке, открытого для национально безопасного и выгодного импорта товаров, капиталов, услуг, многосферную внешнеэкономическую интеграцию, основывающуюся на использовании сравнительных преимуществ национальной экономики. Интеграция в таких условиях представляет собой сложный и динамичный феномен, в основе которого лежит стремление к объединению ранее отдельных блоков экономического механизма с развитием связей между ними, что выражается через увеличение торговых потоков товаров, людей, капитала и идей. Необходимым также является осознание растущей взаимозависимости между экономическими пространствами, с формированием открытой системы, которая охватывает различные сферы экономической, политической, социальной жизни.

С учетом роли, которую объективно играет внешнеэкономическая сфера в достижении стратегических целей стабилизации социально-экономической жизни, такая ситуация требует временного возвращения к политике усиления и расширения регулятивных функций государства.

Стратегия деятельности государства в области совершенствования внешнеэкономической деятельности предполагает сосредоточение усилий, прежде всего, на следующих направлениях: развитие государственной инфраструктуры осуществления внешне-торговых операций; диверсификация товарного экспорта; усиление производственно-кооперационного характера связей с зарубежными партнерами; осуществление ограни-

чено-избирательного протекционизма и поддержки импортозамещающих производств; совершенствование системы внешнеэкономического сотрудничества; модернизации в сфере внешних заимствований и иностранных инвестиций; формирование валютных резервов для ослабления зависимости от иностранных кредитов и импортеров.

Приоритетным ориентиром этих реформ должно быть последовательное уменьшение дефицита торгового баланса, а в перспективе – достижение положительного сальдо внешнеторговых операций и платежного баланса в целом. Достижение такой цели предполагает наращивание объемов экспорта и улучшение его структуры, а также относительное уменьшение импорта за счет внедрения ресурсосберегающих технологий и реализации мер протекционистского характера, направленных на ограничение конкурирующего импорта.

Основным направлением развития системы внешнеэкономических связей остается развитие всех видов экономического и научно-технического сотрудничества и формирование отношений с различными международными организациями. При этом первоочередными задачами выступают: повышение конкурентоспособности национальных товаров на рынках; стимулирование роста внешнеторгового оборота и тем самым создание предпосылок для безинфляционного оживления производства; повышение привлекательности экономики страны для иностранных инвесторов; укрепление геополитических позиции страны.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ГЕНЕРАЦИИ КАЗАХСТАНЦЕВ

З. Н. Сарсенбаева

Сегодня инновационное развитие является обязательным условием участия страны в создании нового качества глобальной экономики. Становление инновационной экономики представляет собой тип интеллектуальной экономики, основанной на знаниях и человеческом потенциале. Появление «инновационной экономики – экономики общества, основанной на доброжелательном восприятии новых идей, новых машин, систем и технологий, на готовности их практической реализации в различных сферах человеческой деятельности, связано с появлением качественно нового инновационного типа развития (ИТР), базирующегося на «экономике знаний» и высоких технологиях, определяется особым внутренним динамизмом, повышенной способностью адаптироваться к быстро изменяющимся условиям [1, с. 11]. В новом столетии показателем национального богатства выступают не запасы сырья или цифры производства, а количество способных к научному творчеству людей.

Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в своем Послании народу Казахстана «Стратегия "Казахстан – 2050": новый политический курс состоявшегося государства» отметил: «Человечество находится на пороге Третьей индустриальной революции, которая меняет само понятие производства. Технологические открытия кардинально меняют структуру и потребности мировых рынков. Мы живем уже в совершенно иной технологической реальности, нежели ранее. Цифровые и нано-технологии, робототехника, регенеративная медицина и многие другие достижения науки станут обыденной реальностью, трансформировав не только окружающую среду, но и самого человека. Мы должны быть активными участниками этих процессов» [2]. В таком обществе ценятся работники, обладающие такими характерными чертами как креативность, высокий уровень образования и знаний, способность к творческому подходу в решении производствен-

ных задач, быстрая обучаемость и профессионализм. Развитие образования должно стать платформой, на которую будет опираться будущее экономическое, политическое и социально-культурное процветание страны. Предлагается новое национальное видение: к 2020 году Казахстан – образованная страна, с умной экономикой и высококвалифицированной рабочей силой.

Современное состояние образования не соответствует общим задачам развития, что катастрофически снижает конкурентоспособность страны в условиях глобализации. Для решения задач форсированного индустриально-инновационного развития была поставлена цель создания в Казахстане конкурентоспособной системы образования, способной стать интеллектуальным плацдармом для технологического прорыва. Решение данной задачи предполагает вложение средств в образование, чтобы обеспечить постоянное воспроизводство тех, кто способен воспринимать, производить и внедрять инновационные продукты. Инновационное общество может и должен создавать «инновационный» человек, т.е. личность, обладающая специфическими качествами – быть готовым к значимым и креативным изменениям в собственной жизни, в экономическом развитии, в развитии науки и технологий; быть активным инициатором и производителем этих изменений. При этом каждый гражданин играет свою роль в общем инновационном сообществе в соответствии со своими склонностями, интересами и потенциалом.

Ныне рынок рабочей силы требует от выпускника образовательного учреждения наличия определенных качеств, включающих профессиональную самостоятельность, мобильность, способность к профессиональному росту, ответственность за качество труда и принятые решения не только в стандартных, типовых, но и незапланированных ситуациях, коммуникативной культуре, что нашло отражение в государственных образовательных стандартах третьего поколения. Именно поэтому сейчас на первый план выходят задачи развития инновационной системы образования, опирающейся на развитие критического и творческого мышления, как потенциальные свойства и ресурсы инновационного прорыва.

Президент РК Н.А. Назарбаев в своем выступлении «Казахстан в посткризисном мире: интеллектуальный прорыв в будущее» подчеркнул, что «Казахстану необходима интеллектуальная революция, которая позволит пробудить потенциал будущего. Наша задача – изменить отношение казахстанцев, и в первую очередь молодежи, к образованности, к интеллекту, служению Родине и народу. Необходимо создать ядро национального интеллекта, сообщество эрудированных людей, способных конкурировать на международном уровне». Проект «Интеллектуальная нация 2020» направлен на формирование новой генерации казахстанцев. Без этого мы не сможем превратить Казахстан в страну с конкурентоспособным человеческим капиталом [3]

Организационной основой реализации государственной политики Республики Казахстан в сфере образования должна стать Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2013–2020гг, до 2050 года (далее – Программа), обеспечивающая продолжение модернизации казахстанского образования. Здесь ключевыми станут развитие системы непрерывного образования, создание эффективной системы стимулов и условий (инфраструктуры) для постоянной переподготовки и повышения квалификации для всего экономически активного населения.

За последние десятилетия кардинально изменилась система генерации и передачи знаний; объем последних многократно возрос, в связи с чем, за последние 5–6 лет фактически невозможно подготовить человека к профессиональной деятельности на всю жизнь. Обнаружено, что ежегодно обновляется 5% теоретических и 20% профессиональных знаний, поэтому современный специалист должен быть готов быстро обучаться

и адаптироваться в новых условиях труда, смены технологий [4].

На Западе идея обучения в течение всей жизни была распространена еще в конце 1970-х – начале 1980-х годов. В среднем сегодня в западном обществе специалисту, длительное время находящемуся в одной профессиональной нише, приходится не реже одного раза в три года обновлять свою квалификацию. Соответственно до 45% населения задействовано в различные дополнительные образовательные программы, что связано с периодами полураспада компетентности, указывающей на то, что по многим профессиям период устаревания знаний наступает менее чем через 5 лет [5, с. 146]

Государственная инновационная политика Казахстана многое почерпнула из международного опыта в вопросах развития инновационных инициатив. Международный опыт свидетельствует, что при эффективном взаимодействии сфер науки, производства и государственного управления, государство брало на себя решающую роль в создании условий для развития научного потенциала страны, финансировании расширения инновационной инфраструктуры, достижении общественного консенсуса относительно научно-технологического пути развития страны. Когда удавалось найти удачное соотношение между глобализацией и сохранением самобытности и на этой основе добиться общественной поддержки государственной политики [6]. Из опыта зарубежных стран можно сделать вывод о том, что национальная инновационная система будет эффективной и приносить высокие доходы только в том случае, если в стране присутствует развитый предпринимательский сектор и культура восприятия обществом инноваций. Задача в том, чтобы создать экономику, генерирующую инновации, а не генерировать инновации для их мучительного внедрения в экономику.

Литература

1. Инновационная модернизация России. Политологические очерки. – М., 2011.
2. Назарбаев, Н.А. Социальная модернизация РК: 20 шагов к обществу всеобщего труда // Казахстанская правда. – 10.07. 2012.
3. Назарбаев, Н.А. Казахстан в посткризисном мире: интеллектуальный прорыв в будущее // Казахстанская правда. – 14.10.2009.
4. Запесоцкий, А.С. Возможна ли модернизация России в условиях кризиса социально-культурной сферы // Экономические стратегии. – 2012. – №1.
5. Спицын, А.Т. Стратегические инициативы Н.А. Назарбаева по становлению новой модели мировой экономики. – М., 2013.
6. Гаврилова, Н. Опыт инновационного развития Финляндии и Израиля // МЭМО. – 2012. – №8.

ELEMENTS OF STRATEGIC MANAGEMENT THEORY IN THE RESEARCH, DEVELOPMENT, INNOVATION SYSTEM

Gabriel I. Năstase

The companies as an economic unit can be analyzed in different ways. Because of its ability to create and distribute material goods necessary for life, the company is the basis of national economy. Maintaining, development and welfare of any society, the opportunity to meet people are for the most part, the results of efficient activity of enterprises. The company is a generic name that is operating in economic language. Where the business place and other activities (outside of those that define the profile), especially of a political nature (as happened during the communist regime and how it happens and present) can be diverted and business objectives pushed to failure.

From the economic and technical point of view, the enterprise is designed to meet a set of activities that define the technical productive unit, economic, organizational, administrative and social. In this way the enterprise has a functional autonomy, a certain place in the social division of labor and a certain position in a economy strategy.

The strategic role of the company is given by the organization of vertical and horizontal relationships within the national economy. Size, functions and place of the enterprise in the national economy system depend on the degree of development of productive forces and their character. The fundamental purpose of the activity and integration mode in the national economic structure is determined by the contribution to creation of added value and profit. The technical and organizational equilibrium of an enterprise is the guarantor success of its work, and the degree of creativity existing at the level of company's activities defines its innovation value. Between creativity and efficiency there is a closely connections that makes technology transfer.

Under the current conditions in which scientific and technical progress in the world knows an unprecedented development and the division of labor and economic and scientific-technical international cooperation spread, the more it requires the development of innovative enterprises and increasing economic interdependence. In this way, the role of innovation management increases proportionally with increasing intensity of these events. Practically there is no economy problem where innovation leadership does not have a say and not as a show of authority and decision maker modern and efficient economic development. Working in multidisciplinary teams in which the economist has a well-defined role is a genuine technical management support and innovative technology transfer processes.

The management economically qualified, of innovative enterprises, becomes more acute at the moment, with as tends to increasing use of leadership global methods, to ensure competitiveness of globalized markets. The innovative enterprises consistently faces with various constraints imposed by internal and external environment, and economic incompetence, inertia, lack of provision of entrepreneurship, competitiveness of products, etc. are punished promptly to market demands, by removal and condemnation from extinction (bankruptcy) of weak enterprises.

The competitive economy is based on private property, which allows expression of the economic competitiveness of enterprises and entrepreneurship (included in the concept of innovative enterprise) to move, to stimulate economic mechanism in terms of achieving freedom and economic performance with a high level. In this context of market economy restructuring of enterprises should be taking into account the diversification of products or services and by effectiveness of internal and external information.

For classical enterprise, as we knew it until December 1989, transition to a competitive economy made it necessary structural changes both in the organization and management, as well through specific elements that require a series of reconsiderations, modifications, adaptations, etc. The innovative enterprise model corresponds to an efficient economy, highly competitive, with multiple opportunities for affirmation.

The essential characteristic of innovative enterprises represents their creative technical potential, technological, commercial, organizational, etc. as well as ability to put this potential in value, to be efficient in terms of quality products, services or work performed, labor productivity, production costs, saving time. An innovative business development strategy is to continually achieve new business and renewal products. The levels of performance that it proposes an operator to achieve in certain periods of time (more than one year) are usually called strategic objectives.

With the strategic objective considered a milestone in defining a direction and meaning

«between what is» and «what should be» after some time lay the foundations of innovation policy enterprise and is created prerequisites decision to invest in research and development (R & D) [6, p. 19].

One of the most important ways to achieve the strategic objectives of an innovative enterprises, regardless of the historical period which it crosses is the «change its classification of products by introducing new products into manufacturing» [4, p. 37]. Considering an innovative enterprise which interact with another system – the market, new product is at the output of the enterprise system and a choice of entry into the market.

In the new product testing, market plays an important role, and product certification is made by the patent should «present innovation and progress compared to the known state of science» [5]. If the new product is based on a new concept, who develop human knowledge through various ways and builds directly or by combining, transformation, new scientific discoveries, which results can not be included in any of the forms of materialization of the means to satisfy human needs [3]. In this case a new product is a form of materialization of a radical innovations [2].

The achievement of a new product will generate new technical knowledge base and new business will be placed in a new technological trajectory. It can be appreciated in principle that new products are generating new technologies and new markets, with a use different from what existed before of its occurrence. The new product can be defined, in a restrictive way, as «product through its technical, functional, structural, aesthetic, ergonomic enlarges the sphere of awareness(accepted) social needs – satisfying the fields of new requirements – present novelty and progress to the known state of modern science and technology and create monopolistic position in the market for its manufacturer» [4, p. 40].

The achievement of a new product involves the innovative company developing a new strategy. Mainly, decision making in innovation through products is done using a strategy involving the following stages and phases [4, p. 42–43]: new product definition; define the characteristics and size of the potential market; establishing the technology of the new product and the completion of other aspects of the production process; analysis of the financial implications of assimilation of the new product to the manufacturer – innovative; establishment of strategic alternatives for new product promotion; new product strategy selection. Also, exploitation of new products through export it is recommended to do legal protection in the country where the product is exported. In this way, through «patents in other countries will create legal conditions with favorable economic consequences of systematic export, safe, extended, with patented products (materials, devices, systems, technology) in the respective countries» [1].

Therewith, patenting of foreign investment ensures the prerequisites for market expansion. Meanwhile, in addition to protection of inventions abroad made partial dependence of technological development in a developing country to the country of origin of the patent applicant. Thus, we can say that, «currently about 70–72% of the patents in foreign trade actions leading up 16–20% of patents obtained behind the granting of licenses and up to 7–8% of cases, patenting abroad for non-economic aims, immediate, conjunctures» [1]. Because in relation to the strategic objectives that sets an innovative enterprise, the decision to invest in research and development is nature strategic and not operational because it provides enterprise both adaptation and the change.

Since strategies are «ways of action for achieving specified objectives within a given time» [6, p. 25], it is necessary their definition to involve the identification and selection of those users and markets, respectively those products and services, business and technology can provide innovative enterprise objectives. Depending on the constraint of the innovative enterprise by external and internal factors, are possible basic strategies adoption: status quo, devel-

opment, restructuring, restriction or liquidation etc. If innovative enterprises adopt development, it faces following alternatives: integration, market penetration, product development, market development and diversification [6, p. 19–29].

In conclusion, we can say that for an innovative enterprise in general R & D policy must start with defining strategic portfolios, selecting innovative ideas, the definition of the pricing, distribution and promotional classification of innovation projects; estimate quality of new products, estimating the reliability of new products, estimating the optimal duration payback advanced, selecting marketing policies, testing consumer reaction [6, p. 30–67].

References

1. Constantin, I. Patenting Abroad. – Bucharest, 1993.
2. Freeman, C., Perez E., Structural Crises of Adjustment, Business Cycles and Investment Behavior. In: Technical Change and Economic Theory. – London, 1988.
3. Mahieux, P. Gestion de L'innovation. – Paris, 1978.
4. Mihăescu, O. Competitiveness, Technical progress and Environmental Protection Factors in Restructuring Industries and Economic Activity / Romanian Academy; National Institute of Economic Research, Research Institute of Industrial Structure and Intersectoral Relations, Economic Documentation Information Center. – Bucharest, 1993.
5. Nastase, G.I. Innovation Management. Inventors and Patent Attorneys. – Bucharest, 2008.
6. Țăran, N. Innovation Management. – Timișoara, 1995.

ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ АКТИВАМИ

Е. А. Анохина

Требования, которые выдвигаются функционирующим субъектам хозяйствования в современных условиях необычайно высокие и трудоемкие. Это объясняется большим влиянием глобальной конкуренции, технологического прорыва, меняющимися политическими обстоятельствам и быстрыми изменениями внешней среды, что влияет, впоследствии, на всю деловую среду предприятий. Подобные стремительно развивающиеся обстоятельства обуславливают новое понимание и ведение бизнеса. Вследствие чего предприятия вынуждены искать новые способы и возможность повышения эффективности ведения хозяйственной деятельности, ускорение и внедрение научно-технического прогресса. Традиционное представление, что именно материальные активы являются основой достижения устойчивых конкурентных преимуществ, сменяется повышенным вниманием к нематериальным активам, доля которых в рыночной капитализации предприятий, а, следовательно, и их роль в производстве товаров и услуг неуклонно растет.

Нематериальные активы – это активы, не имеющие вещественной формы, контролируемые предприятием и используемые в течение периода более одного года с целью получения дохода. Сюда относят: патенты, технологические и технических новейшие достижения, лицензии, ноу-хау, авторские права и другие объекты интеллектуальной собственности, торговые марки, программное обеспечение, гудвилл (деловая репутация).

На рисунке 1 приведена диаграмма, которая графически отображает соразмерность материальных и нематериальных активов десяти известных брендов на отчетный период 2013 года.

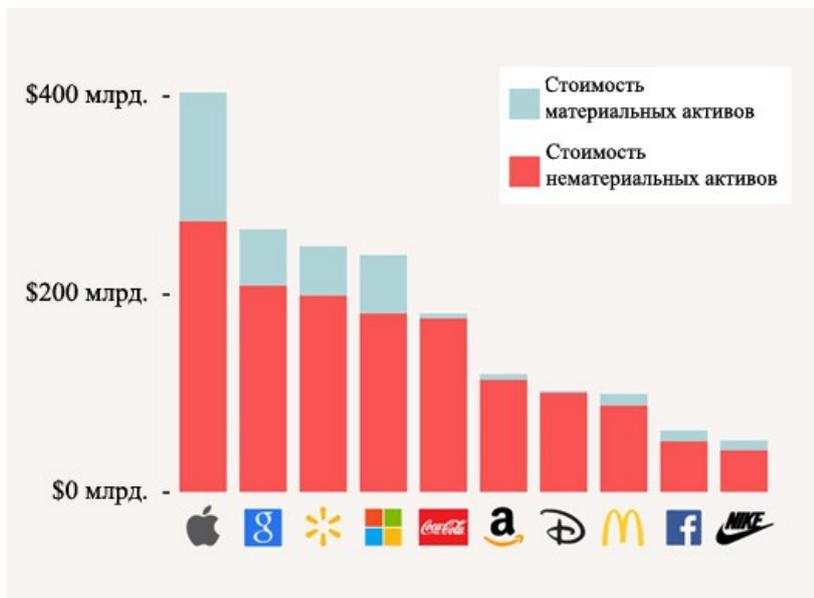

Рисунок 1. Рыночная стоимость Топ 10 Брендов в 2013 году [1]

Из рисунка видно, что наибольший удельный вес занимают именно нематериальные активы, что можно считать текущей тенденцией в успешном ведении бизнеса.

Однако, ситуация в Украине на фоне мировых стремлений в увеличении доли нематериальных активов в общей сумме капитала предприятия неутешительна.

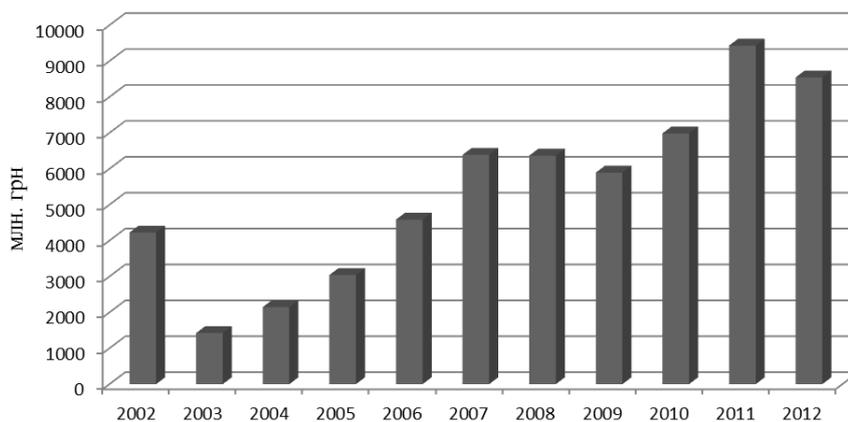

Рисунок 2. Объемы капитальных инвестиций в нематериальные активы в Украине [2]

Наблюдается тотальная недооценка нематериальных активов отечественными предприятиями. Доля в структуре капитальных инвестиций по видам активов не превышает 4 %.

Неблагоприятную ситуацию усугубляет отсутствие определения единого подхода к пониманию сущности нематериальных активов, их оценки и управления.

Анализ современной литературы и реального положения вещей на отечественных предприятиях позволили сделать вывод, что проблемам управления, отслеживанию и капитализации нематериальных активов уделяется недостаточно внимания. Принципиально важным является задача разработки такой системы стратегического управления нематериальными активами, которая была в состоянии привлечь скрытые возможности предприятия при помощи этих активов.

Управление нематериальными активами – это процесс принятия решений, который нацелен на их эффективное использование путем выявления нематериальных активи-

вов на предприятии, определение стоимости и полезного использования, а также введение в коммерческий оборот с учетом состояния внешней среды. В этом определении понятия управления нематериальными активами привлечены основные этапы управления ими. Таким образом, процесс управления нематериальными активами является новейшим, важным этапом развития предприятий в повышении конкурентоспособности и достижению максимальных результатов от использования этих активов при минимальных затратах.

Таким образом, основными этапами новой системы управления нематериальными активами на предприятиях являются:

1. Распознавание нематериальных активов, их инвентаризация, анализ состава и динамики на предприятии. На этом этапе должен быть составлен точный реестр всех имеющихся нематериальных активов, раскрыты и выявлены все скрытые возможности предприятия.

2. Оценка и определение стоимости нематериальных активов. Исходя из общепринятого выражения «Нельзя управлять тем, что нельзя измерить» возникает потребность в оценке стоимости нематериальных активов.

3. Анализ эффективности использования нематериальных активов. В процессе своей хозяйственной деятельности для предприятий целью от использования нематериальных активов является получение экономического эффекта. Повышение показателей результатов финансово-хозяйственной деятельности может свидетельствовать об эффективном управлении нематериальными активами. А.С. Лосева выделяет на этом этапе мониторинг экономических показателей (эффективности), что предусматривает расчет системы показателей, характеризующих результат разработки и реализации механизма организационного обеспечения процесса управления, а также служащих критериями эффективности системы внутрифирменного управления нематериальными ресурсами на предприятии [3, с. 15].

4. Принятие и выбор управленческих решений. Результатом этого этапа служит непосредственно реализация решений, нацеленных на определение направления дальнейшей работы предприятия, разработку системы правовой охраны, патентной защиты, использование нематериальных активов в производстве товаров и услуг, то есть их коммерциализация и взятие на учет для повышения капитализации, формирование внутреннего правового механизма для создания и использования нематериальных активов на предприятии, постоянная стоимостная оценка состояния активов, а также проведение других операций с нематериальными активами.

Для повышения производительности предприятия должна функционировать система, которая позволяет генерировать и создавать новые, эффективные инструменты улучшения финансово-хозяйственной деятельности, получения дополнительного дохода, поэтому отечественным предприятиям необходимо внедрить стратегическую систему управления нематериальными активами.

Литература

1. Market Value of 10 Top Brands in 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.myassettag.com/business-assets>. – Дата доступа: 05.11.2013.
2. Капитальные инвестиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua>. – Дата доступа: 05.11.2013.
3. Лосева, О.С. Эффективность включения нематериальной составляющей в систему экономических отношений хозяйствующих субъектов: автореф. дис... канд. экон. наук: 08.00.05. – Санкт-Петербург, 2011.

ПРОБЛЕМЫ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ

И. Л. Литовченко

Одной из основных тенденций развития современного общества является совершенствование механизмов управления социально-экономическим развитием и интеграцией, в том числе на основе глобальной виртуальной Интернет-среды. Идет процесс широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы деятельности общества: в управление производственным и коммуникативным опытом, в создание и распространение принципиально нового открытого информационного пространства с глобальными коммуникационными возможностями, специфическими экономическими отношениями и хозяйственными связями, в усовершенствование подходов и методов экономической безопасности на глобальном, национальном и региональном уровнях.

Стратегические решения успешного функционирования проектируемого Евразийского Союза как перспективного субъекта геополитических процессов, его конкурентоспособность в экономической деятельности сегодня уже невозможны без активного использования такой виртуальной среды. Ее динамическое развитие и многофункциональность влияют практически на все процессы в современном обществе.

Возникает необходимость создания благоприятных условий для дальнейшего сближения и более тесного взаимодействия проектируемого Евразийского Союза и входящих в него государств с научной средой и ее интеллектуальным потенциалом, их адаптации к новым экономическим условиям. Предъявляются дополнительные требования обеспечения экономической безопасности территорий и субъектов хозяйственной деятельности, возникает острая потребность в разработке юридических основ хозяйствования и взаимодействия государств на базе электронных правительств и т.д.

Фактически, современная экономика становится *дуальной*. Это гибрид традиционной и новой виртуальной экономики, поскольку большинство участников взаимодействия представлены и одновременно ведут хозяйственную деятельность в реальной и виртуальной действительностях. В последние годы функционирование большинства крупных промышленных предприятий происходит в условиях взаимопроникновения и «перетекания» процессов хозяйственной деятельности из рынка в реальной действительности в виртуальный рынок и наоборот. Осуществляется формирование нового дуального реально-виртуального экономического пространства, под которым понимается пересечение и совместное существование в пределах одной среды различных экономических систем, взаимовлияющих друг на друга, но не меняющих свою структуру.

Кроме того, формируются и активно воздействуют на многие процессы, протекающие в современном обществе, новые специфические участники — так называемые, виртуальные предприятия, основная деятельность которых проходит в виртуальной среде.

Условия современного инновационно-ориентированного общества определяют процесс динамичной разработки и распространения инновационных идей, приемов и методов ведения бизнеса и экономической безопасности. Они должны соответствовать качественно иной, по сравнению с реальной действительностью, виртуальной коммуникационной среде. Ее специфические особенности формируют принципиально новые процессы диффузии инноваций, которые нуждаются в научном изучении и объяснении.

Уже нарабатанный опыт активного использования Интернет-технологий различными коммерческими, государственными и некоммерческими учреждениями, требует научного осмысления и трансформации классических методологических и методиче-

ских подходов в теории хозяйствования, разработке практических рекомендаций по их использованию [1] [2].

Эволюционное развитие теории данного вопроса в новых глобальных интеграционных условиях должно отражать уникальные возможности виртуальной среды и ее влияние на эффективность функционирования и управления таких территориальных объединений, как проектируемый Евразийский Союз, различных инновационных предприятий и организаций. Необходимо формирование иных конкурентоспособных бизнес-стратегий, использование инновационных технологий в создании, распределении и продвижении прогрессивных идей, товаров и услуг, применение специфических принципов экономической безопасности.

Особенно актуальны данные проблемы для промышленных территорий и промышленных предприятий на рынке B2B, которые работают в условиях глобализации бизнеса и усилении конкуренции, быстрой информатизации и интернетизации производственных и коммерческих процессов.

В этой ситуации бизнес ждет от экономистов научных исследований новых рыночных и маркетинговых возможностей в виртуальной экономике, определения отраслевых и региональных виртуальных рынков и их потенциала, специфических рыночных ниш, создания базовых принципов маркетинговой деятельности и экономической безопасности на основе информационных технологий. Иными словами, необходима новая информационная концепция маркетинга, направленная на реальную и виртуальную экономику философия маркетинговой деятельности в условиях информационной экономики [3].

В основу этой концепции может быть заложен принцип интегрированного взаимодействия маркетинговых мероприятий на всех этапах, как в виртуальной, так и в реальной экономике, и оценке их интегрированной эффективности для субъектов деятельности.

Применение данной концепции предусматривает широкое использование уникальных свойств Интернет-среды и специфических маркетинговых средств на всех этапах маркетинговой деятельности: исследования факторов формирования реальной и виртуальной макро – и микромаркетинговой среды предприятия, территориального объекта, в том числе государства, разработке стратегий в области товарной политики для производства и реализации инновационных информационных технологий, продуктов и услуг, их распределения и продвижения вместе с материальными товарами в условиях глобальной коммуникационной сети, маркетинговый аудит и контроль деятельности в электронном бизнесе как составной части функционирования инновационных предприятий.

Литература

1. Хэнсон, У. Internet-маркетинг: учебно-практическое пособие / пер. с англ. Ю.А. Цыпкина. – М., 2001.
2. Черенков, В.И. Глобальная маркетинговая среда: Опыт концептуальной интеграции. – СПб., 2003.
3. Литовченко, И.Л. Генезис и эволюция информационной концепции маркетинга. – Киев, 2011.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДИНАМИКИ

И. А. Червинская

Обеспечение эффективной защиты отечественного производителя на мировых торговых площадках – одна из главных задач внешнеэкономической политики Беларуси. В теоретическом плане значимость проблемы определена тем, что анализ системы функционирования механизма внешней торговли с вычленением ее системообразующих аспектов позволяет выявить наиболее перспективные тенденции в экономической динамике страны, а также определить возможности изменений системы государственного регулирования внешнеэкономической политики. Такой анализ может способствовать значительному обогащению методологического потенциала прикладных научных работ и формированию на их базе алгоритма развития оптимальной внешнеэкономической политики. Следует отметить, что лоббирование интересов отечественного производителя – отличительная черта экономической политики практически всех стран, включая страны европейского союза, поэтому усиление научного внимания к этому аспекту внешнеэкономических отношений представляется вполне оправданным.

Беларусь имеет еще очень ограниченный опыт применения всего набора превентивных мер по защите национальных товаропроизводителей; при этом особо остро ощущается недостаток концептуальных исследований и последующих практических рекомендациях, ориентированных на определение перспективных механизмов применения протекционистских мер в соответствии с нормами Всемирной торговой организацией. В центр внимания традиционно ставятся общие экономические проблемы в контексте выявления отдаленных последствий либерализации внешней торговли, тогда как конкретным механизмам совершенствования торгово-экономических отношений Республики Беларусь, внедрению общепризнанных в мире инструментов защиты национальных товаропроизводителей, а также развитию общей системы регулирования экспорта товаров и услуг уделяется явно недостаточное внимание. Вместе с тем, оптимизация внешнеторгового сегмента системы экономических отношений относится к числу насущных практических задач, от правильного решения которых зависит выработка экономической стратегии страны. Разработка активной внешнеэкономической стратегии, основанной на знании современной специфики выхода на новые товарно-сырьевые рынки востребована в связи с обострением конкурентной борьбы в условиях мирового финансового кризиса.

Беларусь пока находится в положении страны с формирующейся рыночной экономикой, и это обстоятельство значительно специфицирует исследование проблемы антидемпингового регулирования в контексте развития отечественной внешнеэкономической политики. Поэтому нерешенные вопросы обоснования оценочной нормативности в разработке базисных критериев, которыми следует руководствоваться при определении нормальной цены товара, в отношении которого предъявлены антидемпинговые претензии не позволяют пока отечественным предприятиям эффективно включаться в систему международного разделения труда.

В концептуальном построении следует исходить из того, что демпинг – всего лишь одно из средств конкурентной борьбы монополий за внешние рынки. Его нельзя рассматривать только в качестве средства нечестной конкуренции экспортеров, так как это также мера, которая может и должна применяться государством для реализации своих интересов на международных торговых площадках. В этом контексте под демпингом следует понимать экспорт товаров по цене ниже традиционной («нормальной»), при

условии, что выполняются три достаточных условия:

- если экспорт наносит существенный ущерб одному из участников международного товарообмена;
- если цены учитываются на одних и тех же торговых условиях между странами;
- если экспорт грозит потерей рынка внутренними производителями.

Существующий в настоящее время комплекс мер регулирования внешней торговли представляется ограниченным, нуждается в значительной детализации и определенной адаптации к условиям стран с формирующейся рыночной экономикой. Так экспортные подразделения белорусских компаний должны располагать информацией об основах торгового законодательства страны импортера и быть осведомленными об их ценовой политике и политике издержек, в том числе сведениями о перепродажных ценах, используемых посредниками при покупке продукции белорусских предприятий. Как правило, меры, реализуемые государством в целях защиты национальных производителей от неблагоприятного воздействия демпингового импорта, применяются посредством введения специальной антидемпинговой пошлины, в том числе временной, до принятия экспортером ценовых обязательств.

Совокупность перечисленных обстоятельств представляет собой сферу применения условных нормативных установок, концептуальная незавершенность которых открывает широкие возможности субъективных интерпретаций, и, следовательно, принятия несправедливых волюнтаристических решений со стороны более сильных экономик. Поэтому именно этот сегмент внешнеэкономических отношений должен быть в наибольшей мере проанализирован на предмет выявления нарушения правил ВТО. Концентрация аналитических усилий именно на этом векторе является, по нашему мнению, наиболее перспективным вариантом защиты интересов отечественного производителя-экспортера

Эффективность экономического развития Республики Беларусь во многом зависит от интегрирования в международную торговую систему и от способности страны использовать международные механизмы торгово-экономических отношений. В этой связи в качестве приоритетных рассматриваются вопросы подготовки квалифицированных национальных кадров, владеющих современными знаниями по различным аспектам внешней торговли.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ФЕНОМЕНА ПРЕДПРИИМЧИВОСТИ НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

И. А. Андрос

2011 год ознаменовал собой начало нового этапа в социально-экономическом развитии Беларуси, включающего создание благоприятных условий для формирования инициативного и ответственного работника во всех отраслях экономики и сферах жизнедеятельности. Скорость появления новых идей и направлений, гибкость перестройки мышления, творчество в преобразовании окружающего мира – это три главных требования, выдвигаемых современным обществом. Закрепление достижений и выход на качественно новые параметры позволит Республике Беларусь создать новый уровень экономики, не уступающий передовым мировым государствам. Вместе с тем совершить такой рывок в экономическом и социальном плане без активизации жизненных позиций наших граждан нереально. Предприимчивость, активность и деловая инициатива – весомые факторы успеха развития экономики и страны в целом. Как определил Глава гос-

ударства в своем ежегодном Послании белорусскому народу и Национальному собранию, сегодня в процессе формирования нового «облика» отечественной экономики – модернизации – особую роль отводится молодежи (подробнее см.: [1]). По сути, успех во многом зависит от того, удастся ли государству сделать ставку на новое, энергичное, творчески мыслящее поколение молодых белорусов.

Что касается термина «предприимчивость», то изучение научной литературы показало – комплексного анализа предприимчивости как специфического типа поведения пока не состоялось. Известные исследователи М. Вебер, В. Зомбарт, Й. Шумпетер, Ф. Хайек, П. Друкер, Д. Макклеланд, Р. Хизрич и его коллега М. Питерс, Ф. Бродель и большинство ученых, занимающиеся актуальными проблемами предпринимательства, как правило, рассматривают один аспект социального феномена предприимчивости – экономическую активность, которая в большинстве случаев и называется сегодня предприимчивостью. И вообще, предприимчивость рассматривалась только среди предпринимателей. В данном аспекте из сферы аналитики упускается другая существенная характеристика предприимчивости – это активная жизненная позиция социального субъекта. Содержание процесса экономической социализации, а именно, факторов, влияющих на механизм формирования предприимчивости и выбора типа предпринимательского поведения, в русскоязычной социологической литературе практически не освещалось. Поэтому следует опираться на интеллектуальный потенциал зарубежных авторов, работы которых признаны классическими: В. Зеллизера, А. Мэтьюза, Дж. Ньюсона, А. Фенэма, Д. Фридмана, Э. Фромма. В современной российской литературе специальных теоретических работ, посвященных социологическому анализу предприимчивости, немного. К ним можно отнести статьи Ю.А. Васильчука, Н.С. Мурадовой, В. Силивончика и С. Розанова, написанные в рамках экономической социологии.

Итак, фактор предприимчивости не операционализировался с точки зрения инновационной активности социального субъекта, что вывело бы изучение данного понятия на качественно новый уровень. Тем не менее, изданный в Хорватии (2011 год) отчет «Обучение предприимчивости как ключевой компетенции» служит носителем информации для учебных заведений, а также руководителей, ответственных за выработку и реализацию политики в области обучения предприимчивости [2]. В нем предпринята попытка продемонстрировать, как интеграция обучения предприимчивости содействует развитию личности и общества. Основной мерой является повышение культуры предпринимательства и «предпринимательского мышления», особенно среди молодежи, и при этом образование и обучение выступают в качестве основных двигателей. Вопросы обучения предприимчивости нашли развитие в принятой в г. Осло программе «Обучение предприимчивости в Европе» (2006). В ней говорится: «Обучение предприимчивости должно быть включено в учебные программы начальной школы. Именно на этом уровне образования очень важно убедить школы, преподавателей и родителей в том, что предприимчивость представляет собой ключевую компетенцию для всех, и предназначено не для того, чтобы сделать всех учащихся бизнесменами, а для того, чтобы прививать предпринимательское мышление таким способом, чтобы оно стало неотъемлемой частью учебной программы в качестве *горизонтального элемента* по всем направлениям обучения» [3]. Кроме того, в Хельсинском коммюнике (2006) предприимчивость вводится в систему профессионального образования и обучения (ПОО), а в Коммюнике Бордо (2008) обучение предприимчивости рассматривается как неотъемлемая часть ПОО. По рекомендациям принятой в Осло программы, страны-кандидаты и потенциальные кандидаты на вступление в ЕС обратились в организации мониторинга результатов Европейской хартии МП для Западных Балкан с просьбой уделить особое внимание

тому, чтобы при создании системы обучения предприимчивости на протяжении всей жизни были включены положения для разных уровней системы формального и неформального образования.

Данные ежегодного республиканского мониторинга, проводимого ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» свидетельствуют, что на протяжении уже нескольких последних лет доля респондентов, стремящихся к выработке экономически активных решений, практически равна доле респондентов, занимающих выжидательную позицию и не определившихся в выборе активного / пассивного адаптационного решения. В русле поставленных перед экономикой стратегических задач возрастает актуальность выработки социальных механизмов, способных сместить существующий баланс в долях активно и пассивно ориентированных индивидуальных хозяйствующих субъектов в сторону расширенного воспроизводства их активной части. Результаты исследований Минского научно-исследовательского института социально-экономических проблем (2010–2012 гг.) показали, что в обществе существует потребность в личности, обладающей познаниями в экономической сфере, стремящейся к целенаправленной реализации своих возможностей на рынке труда. Однако экономический образ мышления молодежи, представители которой по определению являются носителями сравнительно более гибкого мышления (соответственно, способны быстрее и глубже усвоить и успешно апробировать в собственной практике предлагаемые эффективные модели экономического поведения), часто оказывается не готовой к выполнению выдвигаемых к ней обществом запросов по причине низкой компетентности в социально-экономической ситуации. Согласно данным соцопроса участников международного Фестиваля по экономике и предпринимательству «Лестница успеха – 2011–2012» (Центр социального мониторинга дополнительного образования детей и молодежи на базе ГУО «Минский государственный дворец детей и молодежи») в молодежной среде предпринимательская деятельность воспринимается, в первую очередь, как преодоление трудностей, а не достижение успеха. Молодежь охотнее отдает предпочтение перспективам самореализации в сфере крупного бизнеса (ОАО, ЗАО, холдинги и т.д.) или государственной службы, где устойчивы нормы и сильны социальные гарантии.

Тем самым, формирующийся в результате экономической социализации, основного и дополнительного обучения, воспитания современный социально-экономический опыт детерминирует пока низкий уровень инновационной активности белорусской молодежи. В связи с этим актуализируется задача формирования культуры позитивной предприимчивости среди молодежи с целью проявления предприимчивости *во всех секторах экономики*, независимо от форм собственности, что в свою очередь будет способствовать модернизации производства и управления, росту инноваций и инновационных видов продукции, а в конечном итоге – росту производительности труда и благосостояния населения. Тем более, что сегодня понятие «предприимчивость» выходит за рамки принадлежности к социальным характеристикам субъектов только одной сферы деятельности – предпринимательства. Быть предприимчивым становится актуальным не только для предпринимателей, но и для представителей других социально-профессиональных групп. Пропаганда позитивных примеров предприимчивости среди субъектов малого и среднего бизнеса позволила создать в белорусском обществе атмосферу неотторжения деловой инициативы. Всестороннее развитие деловой активности и инициативы среди населения, и в большей части учащейся молодежи, создает условия для формирования культуры позитивной предприимчивости, неотъемлемой частью которой выступает грамотно организованный процесс обучения предприимчивости. При этом культура позитивной предприимчивости рассматривается как система конструк-

тивных (положительных) ценностей, норм, образцов, правил поведения, которая детерминируется надстройкой или характеристиками индивидуального сознания в той его части, которая обеспечивает процессы экономического мышления и формирует инновационно ориентированные сценарии экономического поведения.

Литература

1. Стенограмма послания Президента Александра Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию «Обновление страны – путь к успеху и процветанию» // Белорусское телеграфное агентство. Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by /ru/ all_news/ president/Stenogramma-poslanija- Prezidenta- Aleksandra- Lukashenko- beloruskomu- narodu- i- Natsionalnomu-sobraniju_i_631842.html. – Дата доступа: 01.10.2013.
2. Хедер, Э. Обучение предприимчивости как ключевой компетенции / Э. Хедер, М. Любич, Л. Нола; Юго-восточноевропейский центр обучения предприимчивости. – Загреб, 2011.
3. Программа обучения предприимчивости в Европе / Еврокомиссия. – Осло, 2006.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕПОДГОТОВКА БЕЗРАБОТНЫХ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Л. В. Пантя

Основная цель активной политики занятости состоит в повышении конкурентно-способности человека в борьбе за рабочие места путем обучения, переподготовки, содействия самозанятости, помощи в трудоустройстве и профессионального консультирования. Профессиональное обучение безработных является одним из важнейших направлений активной политики занятости. Его основная задача – повысить уровень профессиональной мобильности рабочей силы, способствовать улучшению соотношения между спросом и предложением на рынке труда.

Организация обучения и профессионального развития базируется на совокупности факторов, к которым относят начальную подготовку, опыт работы, рабочий стаж, текущие и будущие требования рынка труда и индивидуальные предпочтения человека.

Профессиональная подготовка безработных как составляющая активной политики занятости наиболее соответствует периоду структурной перестройки экономики. Выплата пособий по безработице может являться вызовом государственному бюджету во время массовых увольнений, в то время как выделение финансовых ресурсов для переподготовки безработных и лиц, столкнувшихся с большой вероятностью потери рабочего места, имеет долгосрочный полезный эффект для конкурентоспособности рабочей силы.

Профессиональная подготовка безработных влияет не только на текущий срок безработицы, но и приводит к увеличению продолжительности будущей занятости. Обучение может способствовать росту человеческого капитала и, следовательно, увеличивать длительность последующей занятости. Исследования в области влияния обучения безработных показали, что большое значение имеет и продолжительность курсов профессиональной подготовки. Было выявлено, что профессиональная подготовка длительностью более года увеличивает продолжительность текущей безработицы курсантов по сравнению с более короткими программами. Это происходит из-за концентрации учащегося на занятиях и сокращения усилий по поиску работы. В то же время более продолжительные курсы увеличивают длительность последующей занятости [1, с. 4].

Если предположить, что эффекты обучения зависят от времени, то это означает, что

они могут меняться (увеличиваться или уменьшаться) в течение оставшегося периода безработицы, то есть после завершения программы обучения. Если сразу после окончания курсов обучения 66% выпускников находят работу, то после шести месяцев этот показатель падает до 14%. Можно предположить, что профессиональное обучение способно выступать в качестве стимула всего лишь в течение нескольких недель, благодаря росту у безработных уверенности в себе. В среднесрочной перспективе, т.е. спустя несколько месяцев безработицы после окончания курсов, положительный эффект значительно снижается из-за растущего разочарования безработных [1, с. 22] [6, с. 36].

Исследования показали, что более длительные программы обучения способствуют сокращению периода перехода из безработицы в занятость. Курсы профессиональной подготовки сроком в 4–8 месяцев уменьшают более чем на треть длительность перехода из безработицы в занятость. В то же время этот эффект на 20% более выражен у лиц до 25 лет, чем у других возрастных категорий [1, с. 22] [6, с. 210].

Еще один важный вывод исследований – это вероятность повторной безработицы. В случаях, когда лица, прошедшие курсы профессиональной подготовки сроком более одного года, находили работу, вероятность потерять ее снижалась на 38% по сравнению с теми, кто окончил более короткие курсы [1, с. 23].

Еще один аспект профессиональной подготовки безработных – это скорость поступления на дополнительные курсы в случае повторения безработицы в будущем. В ходе исследований было выявлено, что повторение безработицы ускоряет вступление в обучение, таким же образом влияет и накопление обучения (т.е. общее время, затраченное на обучение) [1, с. 23].

Отнюдь не последним фактором в принятии решения по поступлению на курсы профессиональной подготовки является право на пособие по безработице. Чем дольше период, в течение которого безработный имеет право получать пособие, тем больше вероятность, что он выберет более длительные курсы профессиональной подготовки [1, с. 23].

Проанализируем данные профессиональной ориентации и переподготовки безработных в Республике Молдова (таблица 1).

Источник: авторская разработка на основе данных Национального агентства занятости рабочей силы.

К сожалению, в отчетах Национального агентства по занятости рабочей силы отсутствуют данные по сегментированию трудоустроенных в зависимости от длительности периода, истекшего между окончанием курсов и приемом на работу. Также нет данных о повторной профессиональной подготовке безработных.

На рынке труда в основном требуются такие профессии, как врач, швея, продавец, повар, монтажник, работник в сельском хозяйстве и подсобный рабочий. В то же время, согласно данным 2012 г., профессии, полученные безработными, – это повар, парикмахер, оператор компьютера, бухгалтер, бармен, автослесарь, мастер по маникюру.

Таблица 1. Профессиональная ориентация и подготовка безработных в Республике Молдова

	2009	2010	2011	2012
Зачислены	4100	1946	2441	2400
Доля женщин в общем числе (%)	71,2	69,7	73,6	72,7
Доля молодежи в общем числе (%)	72	75,6	73,2	73
Продолжали посещение курсов в начале года	2250	1731	1208	1301

Закончили курсы профессиональной подготовки	4453	2380	2235	2485
Выпускники курсов начальной профессиональной подготовки (%)	72,3	70,7	77,3	70,7
Выпускники курсов переквалификации (%)	20,0	23,1	15,9	23,8
Выпускники курсов усовершенствования (%)	7,7	6,2	6,8	5,5
Трудоустроены после окончания курсов профессиональной подготовки	2987	1751	1506	1839
Доля трудоустроенных в общем числе выпускников профессиональной подготовки (%)	67	73,6	67,4	74

Следует отметить, что в 2012 г. доля женщин, зачисленных на курсы профессиональной подготовки, составила около 73% и была равна доле молодежи, зачисленной на курсы. Более 70% из зачисленных окончили курсы начальной профессиональной подготовки, а курсы усовершенствования окончили всего лишь 6%. Подчеркнем, что четверть из зачисленных окончили курсы переквалификации. Можно сделать вывод, что данная ситуация обусловлена неправильной профессиональной ориентацией, когда человек выбирал менее востребованную профессию, игнорируя тенденции рынка труда.

Изучение состава затрат на профессиональную подготовку, финансируемую из государственного бюджета показало, что стоимость обучения одного безработного в 2012 г. составила 4614,19 молдавских леев или 355 долларов США, а доля трудоустроенных колебалась в течение 2009–2012 гг. от 67 до 74%.

Подводя черту, можем отметить, что профессиональная переподготовка безработных в Республике Молдова довольно эффективна. Изучение более обширных данных по будущей профессиональной эволюции безработных позволило бы точнее определить эффективность программ профессиональной подготовки и усовершенствовать их для получения максимального эффекта используемых финансовых средств и улучшения функционирования рынка труда в целом.

Литература

1. Crepon, B., Ferracci M., Fougere D. Training the unemployed in France: How does it affect unemployment duration and recurrence? // IZA Discussion Paper. – 2007. – № 3215.
2. Ministerul Muncii, Protecției Sociale și Familiei al Republicii Moldova. Raport social anual 2009. – Chișinău, 2010.
3. Ministerul Muncii, Protecției Sociale și Familiei al Republicii Moldova. Raport social anual 2010. – Chișinău, 2011.
4. Ministerul Muncii, Protecției Sociale și Familiei al Republicii Moldova. Raport social anual 2011. – Chișinău, 2012.
5. Ministerul Muncii, Protecției Sociale și Familiei al Republicii Moldova. Agenția Națională pentru Ocuparea Forței de Muncă. Raport de activitate pentru anual 2012. – Chișinău, 2013.
6. Richardson, K., Van den Berg G.J. The Effect of Vocational Employment Training on the Individual Transition Rate from Unemployment to Work // Swedish Economic Policy Review. – 2001. – №8. – С. 175–213.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОБЩЕСТВА, ОСНОВАННОГО НА ЗНАНИЯХ

*Философия и научная рациональность в обществе, основанном на знаниях:
методологические проблемы*

АБСТРАКЦИИ В СТРУКТУРЕ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. И. Широканов

Категориальное описание динамики развития мира связано с развитием форм обобщений, однако, в свою очередь, всякое обобщение связано с абстрагированием, выделением предмета, актуализацией тех или иных его свойств, отношений, сторон. В системе отношений и свойств абстракция на основе практики выделяет существенное, устойчивое, повторяющееся и тем самым позволяет зафиксировать это существенное в определенной связи предметов и явлений. Абстракция и обобщение являются средством и своего рода условием развития научного отражения действительности. Но природа абстракции и особенности осуществляемого с ее помощью обобщения таковы, что, выделяя и абстрагируя какую-то связь, отношение, свойство из системы предметов, они (абстракция и обобщение) схематизируют, упрощают, делают целое неполным, односторонним. Поэтому то свойство мышления, которое обеспечивает возможность научного познания, познания общего и существенного, таит в себе в то же самое время источник односторонности, неполноты отражения. Это противоречие между выделением существенного, общего и неполнотой отражения, отходом от чувственного, конкретного, целого разрешается в самом познании, в развитии его форм и, в частности, понятий.

Безусловно, абстракции – могучее средство теоретического обобщения опытных данных, практического овладения миром, познания сущности явлений, однако они не даны человеку, его мышлению от природы, а являются результатом длительного развития человеческого познания на основе общественной практики. Следует отметить, что на современном уровне научное познание оперирует различными по общности и глубине абстракциями, и каждая из них как понятие играет свою роль в отражении объективной действительности. Некоторые из этих понятий конкретизируют более общие понятия или отражают новые, ранее неизвестные объекты познания.

С поступательным развитием познания понятия развивались не только по своему содержанию, но также и по своему объему; расширялся круг охватываемых ими явлений; выявленные закономерности, отношения экстраполировались на новые области явлений. В ходе познания изменяются содержание, объем понятий и у наиболее широких, общих понятий. Отношения и связи более общих понятий находят свое выражение, преломление в менее общих понятиях, в том числе в понятиях специальных наук (масса и энергия, вид и особь и др.). В результате в определенной области научного познания образуется своего рода система, охватывающая понятия различной общности. Формы и стили мышления в обобщенном, концентрированном виде отражают определенный уровень научного познания и подтверждают общую тенденцию развития познания в

направлении от явления к сущности, от сущности менее глубокой к сущности более глубокой. В построении научных теорий эта тенденция находит свое выражение в движении по пути к более обобщенным идеям, теориям, глубже раскрывающим сущность исследуемых явлений на новых уровнях организации материи.

Познание существенных, сущностных отношений и связей возможно на основе абстрактного мышления. Абстрагирование как существенная сторона процесса мышления – исторически развившееся свойство отражения человеком объективной действительности.

Выделяя отдельные свойства, отношения, формы предметов, человек создает абстракции, которые он объективирует и выделяет как своего рода идеальные объекты, или абстрактные предметы, отражаемые соответствующим понятием и фиксируемые определенным термином (вес, объем, субстрат, вид, добро, красота и т.п.). Идеализация объекта позволяет с помощью абстрагирования, формализации отразить, воспроизвести в мышлении существенное в чистом виде, без скрывающих, затеняющих его внешних моментов.

Особенности таких связей и преобразований, свидетельствующие о многосторонних и многообразных отношениях понятий с другими формами познания, не дают основания для того, чтобы мы понимали содержание понятий только в плане их релятивности, относительности без учета преемственности, момента устойчивости в развитии их содержания.

Анализ одних свойств и связей в их отношениях к другим – важная ступень в познании явлений и развитии абстракции. Но при некритической экстраполяции, абсолютизации общего возможен отрыв понятий, абстракций от действительности, от отражаемой ими материальной основы. В этом случае происходит выхолащивание объективного содержания абстракций, переход к схоластике.

Научное изучение сущности человека, создание теории развития человеческого общества, отражающей его объективные закономерности, было бы невозможным без анализа внутренних отношений общества, выделения в этих отношениях определяющих сторон, факторов.

Абстракции, обеспечивающие синтез знаний, позволяют найти основу, выявляющую существенные связи и зависимости. В системе обобщающей взаимосвязи возможно научное решение и теоретическое объяснение новых явлений, открываемых современным естествознанием на глубинных уровнях организации материи. Вместе с тем, выяснение различной роли многообразных отношений в организации, структуре общественного организма, раскрытие материальной стороны этих отношений как определяющей, ведущей, выявление источника ее движения – это величайшая, всемирно-историческая заслуга философии, поставившего изучение общества на научную основу.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ УЧЕНОГО

А. И. Осипов

Углубленное изучение философии магистрантами и соискателями является важной составной частью не только их гуманитарной, но и общепрофессиональной подготовки. Овладение философским мировоззрением, категориальным аппаратом философского анализа позволяет современному ученому определить сущность своей науки и ее место в системе научного знания, оценить результаты своей деятельности в социально-

этической плоскости.

Философия, рефлектируя над наукой, выявляет законы ее функционирования и развития. Но философия как методология не является некоей универсальной отмычкой, подменяющей специально-научное исследование. Философия вооружает ученого стратегией поиска, позволяет ему действовать целенаправленно, отслеживать этапы научного исследования, ориентироваться в горизонтах наличного знания и видеть перспективы его развития. Выработывая у ученого гибкость и динамичность мышления, философия помогает ему быстрее отыскивать эвристически плодотворные идеи. Сложность современной науки такова, что успешно продвигаться в научном поиске и добывать новые знания уже невозможно без осознания самого процесса получения знаний, чем и занимается философская методология.

Однако настоящий ученый – это не только квалифицированный специалист, но и разносторонне образованная личность с широким кругозором, культурно развитая, нравственно зрелая, осознающая свое отношение к миру во всей его сложности и многомерности. Философия как раз и помогает выработать умение самостоятельно анализировать сложные и противоречивые процессы, происходящие в мире, определять собственное к ним отношение, строить собственную линию поведения, формировать личностную стратегию жизни. Будучи системно-рационализированным мировоззрением, самосознанием культуры, философия выявляет предельные основания человеческого бытия в мире, анализирует базисные ценностные ориентации человека, вырабатывает фундаментальные программы деятельности и поведения, предлагает возможные варианты концептуального решения смысложизненных проблем, осуществляя их аксиологическую экспертизу.

Современная эпоха общественного развития – сложная, противоречивая и динамичная – выдвигает перед человеком целый ряд серьезнейших проблем, требующих глубокого философского осмысления. Достижения современной цивилизации, прежде всего в научно-технической области, открывают перед человечеством большие возможности, но и потенциально угрожают не менее серьезными опасностями. Усложнение современной техники, все большая зависимость человека от созданных им технических устройств делают его весьма уязвимым перед лицом освобожденных им природных сил и сконструированной реальности. Речь идет не только о проблеме надежности в техническом смысле, но и об опасности утраты человеком контроля над созданными им сложнейшими техническими системами, которые приобрели глобальный характер.

Формализация межличностных отношений, замещение многомерной человеческой бытийности технологической и виртуальной событийностью создают угрозу утраты человеком своей человеческой сути. Человек может превратиться в существо с деформированной шкалой ценностей, в некоего мутанта, утратившего духовно-нравственные ориентиры и глубинные смысложизненные основы своего бытия, как в личностном, так и в родовом аспектах. Поэтому в настоящее время очень актуальна проблема моральной и социальной ответственности ученого за возможные негативные последствия его научной деятельности. А это предполагает, что ученый должен быть не только хорошим профессионалом, но и уметь анализировать состояние и перспективы развития человечества, осуществлять ценностную экспертизу различных научно-технических проектов. Философия может оказать ему в этом неоценимую помощь, ибо именно критический анализ наличного человеческого бытия, выработка и аксиологическая экспертиза возможных вариантов бытия человека в мире с позиций желаемого и, главным образом, должного является ее важнейшей функцией. Без понимания значимости и актуальности отмеченных мировоззренческих и методологических проблем и роли

философии в их решении профессиональная и гуманитарная подготовка будущих ученых – магистрантов и соискателей будет неполноценной.

Философия по определению является рефлексией над всей человеческой культурой, в том числе и над наукой. Наука как феномен культуры может быть предметом разноаспектной философской рефлексии. Науку можно анализировать как сложную систему особой институционально организованной деятельности, обеспечивающей максимальные возможности для научного творчества, генерации и наращивания научного знания, а также создающей благоприятные условия для его эффективного функционирования и использования в обществе. Такой институционально-организационный взгляд на науку выделяет в ней сложную иерархическую систему организаций и учреждений, различных видов деятельности и отношений между субъектами. Причем сказанное относится к организациям, деятельности и отношениям как внутри, так и вне науки. Кроме того, возникает важная проблема оптимального управления в науке и наукой, а также сопряжения этических норм, принципов науки с ценностями общества. Более подробно предметное поле этого аспекта философской рефлексии над наукой содержит такие проблемы, как изменение целей, функций науки, характера научного труда, специфика субъекта научного познания и его эволюция, становление дисциплинарно-организованной науки, эволюция организационно-коммуникативных форм научной деятельности, аксиологическое измерение науки и др.

Но поскольку главной целью науки является генерация научного знания, особую роль приобретает философско-методологическая рефлексия над наукой. Вот почему для ученого так важна методологическая подготовка. Необходимо отметить неприемлемость встречающегося в учебной литературе определения методологии как совокупности методов и узость широко распространенного определения методологии как учения о методах познания. Безусловно, философия как методологическая рефлексия над наукой изучает методы научного познания, но не только. Предметом философско-методологического анализа является наука, но рассматриваемая под определенным углом зрения. Философию как методологию интересует не столько наука как феномен культуры или наука как социальный институт, сколько наука как сложная развивающаяся система, порождающая, продуцирующая, генерирующая в процессе своего функционирования и развития особый продукт – научное знание. Рефлексивный характер философской методологии состоит в том, что она изучает не сам мир непосредственно, его законы развития и функционирования (это делает наука), а выявляет законы развития и функционирования научного знания и деятельности по его получению. Таким образом, предметом философско-методологического анализа науки является научное знание как сложный развивающийся продукт научно-познавательной деятельности и сама эта деятельность по получению научного знания (методы, средства, условия, предпосылки).

Предметное поле философско-методологического анализа включает такие проблемы, как специфика научного знания, способы его генерации, генезис научного знания, его развитие, факторы (внутринаучные и вненаучные), детерминирующие это развитие, усложнение и структурирование уровней научного знания, взаимодействие этих уровней.

Методологическая культура исследователя – это умение осуществлять рефлекссию над самим процессом научного исследования: над предметом исследования, средствами, условиями, методами, используемым концептуальным аппаратом и т.п. Необходимо отличать научное исследование от методологического анализа. Если ученый анализирует какие-то явления и процессы, используя определенные средства, методы понятийный аппарат, то это еще не методологический анализ. Методологический анализ начинается

тогда, когда ученый не просто изучает свой предмет *с помощью* соответствующих понятий, методов и т.п., а тогда, когда сами эти методы, средства, понятийный аппарат становятся не просто средствами анализа, а *предметом* анализа, т.е. предметом методологической рефлексии. Это помогает ученому повышать свою методологическую культуру, вырабатывать и совершенствовать навыки концептуально-рефлексивного мышления, успешнее и эффективнее вести научный поиск, находить оптимальные пути решения возникающих проблем.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ЗАДАЧИ ПРАКТИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ

Е. И. Степанов

Как представляется, методологическое обеспечение теоретического изучения и практического воплощения инновационной деятельности органически укладывается в рамки *субъектно-деятельностного подхода*, который способен выступить адекватной общетеоретической основой для эффективного анализа и разрешения ее методологических, концептуальных и технологических проблем.

Составляя завоевание отечественной и зарубежной социально-философской мысли, субъектно-деятельностный подход учитывает широкие объяснительные возможности понятия деятельности в раскрытии специфики общественного бытия. Эти возможности обусловлены тем обстоятельством, что *деятельность пронизывает всю систему общественных отношений*, составляя способ их функционирования и развития. Ведь в социальной действительности ничто не существует вне и помимо деятельности, все социальные процессы и отношения не просто так или иначе связаны с деятельностью, но и сами выступают как конкретные формы ее реализации. Поэтому с позиций данного подхода действительная история общества, в том числе и присущих ей стадий и периодов инновационной трансформации, даже если она изображается как объективный, закономерный, развивающийся процесс, предстает как процесс и результат человеческой деятельности, *в котором органически переплетены материальные и идеальные факторы* и вне которого не существует ни общества, ни человека.

При этом зачастую деятельность есть выражение инновационной активности того или иного социального субъекта по отношению к его окружению – предметному, личностному, групповому. Субъект при этом является отличным от своего окружения и нередко даже противопоставленным ему, поскольку его связь с этим окружением, будучи необходимой для самого существования данного субъекта, является в то же время не механически жесткой, а достаточно неопределенной.

Это обстоятельство не только дает субъекту – человеку или сообществу людей – возможность нового самоопределения, но и требует от него заново определиться в отношении данного окружения, установить с ним такую новую связь посредством соответствующей инновационной деятельности, которая в возможно более полной мере обеспечивала бы устраивающее его существование. Необходимость в этом наиболее отчетливо проявляется в моменты расхождения, несоответствия, рассогласования, противоречия субъекта с его окружением. Инновационная активность субъекта и есть, прежде всего, выражение противоречивости его взаимосвязи с действительностью и стремления снять, преодолеть эту мешающую ему и не устраивающую его противоречивость посредством собственных активных усилий.

В современных обществоведческих исследованиях этот процесс обозначается как *модернизация*. При этом во многих из них справедливо обосновывается, что основным направлением современной модернизации человеческих сообществ выступает их *всемерная демократизация*, обеспечение в них *социального партнерства*, понимаемого как овладение закономерностями и механизмами согласования основных жизненных интересов составляющих их общностей, социальных групп и личностей.

В исследовательском плане одними из наиболее неотложных и приоритетных средств и способов налаживания и укрепления отношений социального партнерства обозначаются адекватное осмысление, выражение и решение общесоциальных проблем, обеспечивающие их эффективное *инновационное моделирование и воплощение*. Среди такого рода проблем, актуальность и значимость которых обусловлена, как представляется, самым нынешним состоянием нашего Союзного государства, выступает, прежде всего, проблема правильной интерпретации и практического использования идеи социального партнерства в процессе *демократизации всех сфер его жизнедеятельности*, и в первую очередь – его производственной, трудовой сферы.

Как представляется, всемерная помощь и разностороннее участие в этом процессе, призванном создать и закрепить условия, необходимые для безопасности и устойчивого развития как отдельных регионов России и Беларуси, так и всего созданного ими Союзного государства в целом в контексте современных процессов глобализации, – одна из наиболее важных, актуальных и перспективных задач для наших отечественных инноваторов и развиваемого их исследовательскими и практическими усилиями научно-го направления – современной инноватики.

При этом надежными и эффективными способами и средствами, совпадающими с инновационными задачами демократизации общественных процессов и отношений, становятся внимательное изучение и оценка настроений и поведения как всего населения Союзного государства в целом, так и устремлений различных групп и слоев его граждан и адекватное их выражение в соответствующих законодательных актах, управленческих решениях и политических действиях, призванных их соотнести и согласовать. А самому Союзному государству и всем его служащим в условиях современной действительности следует сориентироваться также на реализацию того положения, которое, по существу, уже зафиксировано в основных положениях нынешней отечественной инноватики: необходимым условием обеспечения благосостояния всех его граждан выступает *его превращение в сильное социальное государство*, и наоборот, – его превращение в сильное социальное государство невозможно без обеспечения благосостояния гражданского общества: это две стороны одной и той же медали – *демократической организации общества*.

В последнее время наблюдается заметное усиление понимания этой тесной связи и необходимости ее учета в процессе разработки и реализации социальной политики самими практическими организаторами этого процесса как «наверху», «в центре», так и в различных регионах Союзного государства. Это особенно заметно в тех из них, где уже начата реальная перестройка организации социальной политики в местных структурах государственной власти, позволяющая уже на этом этапе получать заметные позитивные результаты, в том числе – и в плане реального снижения социальной напряженности и конструктивного урегулирования возникающих на ее почве конфликтных ситуаций. В ходе этой перестройки многими представителями региональной власти постепенно все отчетливее начинает осознаваться необходимость поддержки инициации, объединения, согласования действий и усилий самих граждан по улучшению своего положения, освоения и укрепления ими принципов социального партнерства и сотрудничества.

Как представляется, основой данного процесса в инновационном аспекте должны стать теоретико-методологические и прикладные разработки по совершенствованию социально-политического механизма партнерства и процессов управленческой деятельности, подкрепленные четко разработанной нормативно-правовой базой и усилиями по распространению культуры поиска взаимоприемлемых решений по возникающим проблемам. Успехи в этом направлении – и составляют одно из важнейших, если не самое важное условие для внедрения и распространения в нашем сообществе *культуры мира и сотрудничества*.

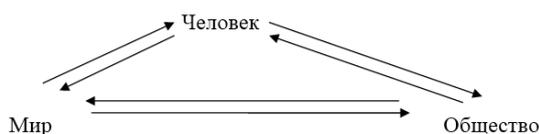
ЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ ВОЗМОЖНОГО

П. В. Кикель

В процессе исторического развития человека сформировалась возможность познания мира – его освоения в мышлении путем создания субъективных логических систем. Эти системы были либо материалистическими, либо идеалистическими, в зависимости от того, на каком основании они строились, но общим для них являлось противопоставление мира человеку. Такое противопоставление было оправдано исторически. Выделив себя из мира, человек стал существовать объективно, в какой-то мере, независимо от него, произошло «вторичное» выделение человека на основе процессов познания и образования, появление духовной сферы, функционирующей по своим законам.

Духовная сфера, созданная субъективно, стала объективной реальностью, главной целью которой было идеальное освоение мира в мышлении. В этой объективной среде происходит формирование человека как личности, входящей как первооснова в динамично развивающуюся систему-общество. Таким образом, возникла триада «Мир – Человек – Общество». Естественно, что осознав диалектику этих трех реальностей, нельзя научным образом осмыслить проблему освоения мира в мышлении человека, его материального образования.

Исходя из вышесказанного рассмотрим образование как организацию бытия:

Безусловно, исходя из удобств, из выгоды или из других соображений, их можно познавать отдельно, независимо друг от друга. Так происходило в прошлом, так происходит и в настоящем. Именно этим можно объяснить процесс дифференциации науки, возникновение научных дисциплин. Однако в методологическом плане это чревато концептуальными просчетами и ошибками планетарного масштаба. Действительно, как можно по-другому объяснить проведение более сорока тысяч атомных взрывов (исходя из эквивалента мощности бомбы, сброшенной на Хиросиму) в целях научного прогресса.

Сегодня даже философы сводят объективные составляющие приведенной выше триады к субъективно-объективным отношениям. Если спроецировать эти просчеты на образование, то главной его целью и задачами выступают разные положения, которые начинаются словами: раскрыть, познать, осмыслить и т.д., а результатами – оценка. Можно утверждать, что прагматическая составляющая современного образования прак-

тически равна нулю. Методологической ошибкой можно назвать попытки образователей решить свои проблемы, замкнувшись в своей среде. Действительно, какую бы мы не придумали сегодня самую совершенную систему оценок, эта система не произведет положительного эффекта. Необходимо кардинально изменить структуру образовательного процесса. Нам видится, по аналогии с приведенной выше триадой бытия, следующая триада образования:

Совершенствование образования возможно лишь в комплексе, при модернизации всех шести составляющих единого процесса, при научном осмыслении краеугольного положения философии о том, что бытие определяет сознание, но и творимо им, лишь в единстве этих посылок с самим человеком, как объективным элементом мира. В рамках доклада рассмотрим лишь проблему математизации современного образования.

Сегодня все в большей мере становится очевидным, что дальнейшее развитие науки как целостной и в то же время сложно дифференцированной системы невозможно без ее математизации. Усиление математической составляющей является собой не внешнее заимствование теоретических средств, а внутреннее преобразование своих собственных понятийных конструктов по законам формальной логики. Это обусловлено дискретностью и непрерывностью состояний познающего объекта, его изменчивостью и целостностью, что возможно отобразить лишь в развивающихся, взаимосвязанных понятиях, их уточнении и совершенствовании. С этой целью и заимствуются математические средства, которые по сравнению с теми, какие могли бы предложить другие науки, являются более рациональными. Можно смело утверждать, что математика является языком современной науки. Но сводится ли ее предназначение лишь только к построению научных теорий и на их основе объяснению познающего объекта?

Для ответа на этот вопрос попытаемся осмыслить объяснение как основу духовного освоения реальности человеком. Объяснение в самой общей форме можно определить как подведение конкретного факта под некоторый закон или теорию. Под термином «факт» подразумевается суждение или высказывание о реальном явлении или событии, а «подведение» следует понимать как его логический вывод из закона или теории. В случае положительного результата он становится «научным фактом», понимание которого, в свою очередь, уже составляет основу образовательного процесса.

Под пониманием научного факта будем понимать его сознательное освоение на основе законов логики, семантики и прагматики. Другими словами, понимание выступает формой сознательного освоения научного факта как знания. Такова простая схема осмысления научных фактов в процессе образования. Казалось бы, все ясно, но не зря писали, что «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

В реальном образовательном процессе (особенно в гуманитарной сфере) существует немало методологических просчетов, сводящих сущностное раскрытие социальных явлений к созерцательному описанию. В силу ограниченности семантического пространства, остановимся лишь на некоторых аспектах этой сложной и важной проблемы.

Во-первых, в диалектико-материалистической гносеологии, являющейся сегодня, по-нашему мнению, методологией научного познания (оговариваемся, ибо есть и другие «образцы» познания) рассмотрим одно из ее положений, вернее, его вторую часть, что «сознание не только отражает объективный мир, но и творит его». Такая предпосылка в

принципе допустима, но только в том случае, если преобразующая роль сознания рассматривается на уровне практики, предметного отношения человека к миру. В методологическом же плане сознание теряет свой преобразующий, предметно-практический характер. В этой связи есть смысл говорить лишь о том, что сознание составляет основу рационального познания, но не сводимо, не тождественно познанию как духовному процессу освоения объективного мира человеком. Сознание представляет идеальную копию явлений, воспроизведение которых может происходить на уровне чувственного восприятия. Познание же выражает иной, более высокий уровень отражения и представляет собой его результат – систему научного знания, в которой реальность репрезентируется через практику посредством активного освоения объекта субъектом.

Сознание отличается от познания также по своему содержанию и функциональной роли. Сознание есть субъективный образ объективного мира, его духовная репрезентация. Познание же представляет деятельность духовного освоения объективного мира. Сознание может быть пассивным процессом, тогда как познание предметно и целенаправленно, включает практику и активные действия субъекта, ориентированные на преобразование реальности. Это не феноменологический образ объектов, а знание о них, причинах их существования и развития.

Во-вторых, поставив знак равенства между сознанием и познанием, можно подвести под одну основу, принципиально различные по своей сути формы понимания: объяснение и толкование. Понятие «объяснение» рассмотрено выше. Под «толкованием» сегодня понимают раскрытие первоначального смысла суждений и высказываний, раскрытие целей, мотиваций, действий и поступков людей, оперирующих этими суждениями и высказываниями. Такое понимание ничем практически не отличается от телеологического объяснения. Считается, что если мы раскроем смысл, то тем самым поймем его. С этим в какой-то части можно согласиться, когда речь идет не об ученых или образователях, а о переводчиках. Для большинства из них и в XXI веке главной целью является сделать перевод без искажений и собственных добавлений, донести до читателей смысл авторского текста. Но для исследователей уподобляться им смерти подобно. Ведь если мы будем раскрывать лишь авторский смысл, то все сведется, в принципе, к непрерывному воспроизведению того же самого смысла.

В отличие от толкования, объяснение основывается на более широкой и развитой позиции, включающей знания и опыт новых поколений, дает научное представление не только о том, что было, но раскрывает сущность настоящего и содержит возможность предсказания будущего.

Таким образом, если мы будем толковать математику как язык науки, то это будет неверно, а если будем объяснять как одну из ее функций, то это будет верно. Остановимся подробнее на философской рефлексии современной математики, с одной стороны для того, чтобы подтвердить вышесказанное, а с другой, и это главное, рационально осмыслить необходимость радикальных преобразований в математическом образовании.

Во-первых, математика как феномен культуры составляет единое целое с конкретно-исторической практикой и связана не только с развитием методов исследования, разработкой специфических научных подходов к репрезентации реальности, но и с реализацией функций перехода от истинных суждений к истинным выводам, равно как и к другим. Во-вторых, математика, будучи особым видом духовной практики, представляет собой определенную систему средств выражения и воспроизведения конкретного способа деятельности. Именно в этой деятельности математика обретает свой предмет и своеобразие своего метода. В-третьих, математика, будучи особым способом репрезентации реальности, охватывает несколько родовых ее типов: математическую реальность,

тождественную объективной деятельности; собственную объективную реальность математики, открываемую ею в сфере высших областей и в мире высокоабстрагированных форм и многообразий с включением возможных, потенциальных форм; виртуальную реальность и др.

Споры о природе объекта (и предмета) математики как науки колеблются от непризнания его в полном смысле данного слова до предельно четкого указания на количественную определенность вещей и отношений объективной действительности. Реальность отношений, с которыми имеет дело математика, есть рафинированное выражение потенциально мыслимых форм для выявления сущности объективного мира, взятых в предельно абстрактном исполнении. Они включают мыслимые формы возможного, которое не может быть «указано» ввиду отсутствия в действительном мире его непосредственно зримых экспликатов в качестве принадлежащих объективному миру структур.

Тем не менее возводимый математикой мир понятий, который облекается в абстрактную оболочку и представляет собой лишь умопостигаемые вещи, открываемые (а не изобретаемые) на основе свойственного данному способу ресурса (логика, дедукция, аналогия и др.), есть реальность, столь же объективная, как и мир материальных вещей. Не признать этого – значит утратить представление о добываемых математикой истинах как действительных структурах данной реальности и оказаться сторонником «чистого умопорождения», что окрашено только в субъективные тона, несет отпечаток чистого вымысла, а, следовательно, чуждо объективному миру, бытию как таковому. Пространство, в котором «опредмечивается» математическая рефлексия, математическая концептуальность, математическое теоретизирование, математическое мышление о сущем, представляет собой особую форму структур, посредством которых природа организует свои порядки, но позволяет человеку выражать их критериальность на более высоких уровнях обобщенности, нежели та, что обнаруживает себя действенной на уровне непосредственно данного. Без эшелонированного обобщения, абстрагирования и построения многозвенной цепи абстракций от абстракций невозможно проникнуть в сущность предмета математики, а также в те цели (или суперцели), которые движут ее развитием, ориентируют на прогресс.

Математическое познание мира представляет собой экспликацию количественной определенности объективной реальности, ее построения в некоторой данной системе средств, не будучи актом ее описания. Эта экспликация является продуцированием не реального объекта, а его существующей математической «модели». Математические понятия, участвующие в данном процессе, могут иметь смысл лишь постольку, поскольку они рассматриваются в определенных отношениях друг с другом. Неправоммерно ставить вопрос об их объективном значении вне этой системы отношений, так как объективное значение может иметь вся система в целом, но не отдельные ее элементы (и даже подсистемы). Их содержание определяется отношением к другим математическим понятиям и интерпретационным процедурам. Непонимание этих обстоятельств лежит в основе положений, в которых отрицается всякая связь математики с реальным миром.

В то же время в своей практической деятельности человек имеет дело с таким многообразием связей и отношений, составляющих количественную определенность вещей, которое несопоставимо с миром математических объектов, ее репрезентирующих. Это несоответствие решается созданием новых математических средств постижения количественной определенности явлений действительного мира.

Сегодня уже не нужно доказывать, что математическое познание является особым способом репрезентации реальности. Доказанным является и то, что математические теории представляют собой не какой-то формализм, обладающий пустым содержанием,

а приближенные модели объективной реальности, в силу чего и возможна их содержательная интерпретация.

Своей многогранной деятельностью человек возвел грандиозную систему математического знания, придал ей жизненный импульс «решателя задач», встающих на его пути, и связал с ней свои надежды. Генезис культуры человечества и генезис, встроенный в нее на правах неотъемлемого компонента всего комплекса математических знаний, если и не совпадают, то во многом однонаправлены. И поэтому ответ на вопрос о целях математического познания следует искать в системе его содержащей. Будучи более масштабной и в своих границах, и в своей функциональности, она требует то или иное орудийное оснащение для преобразующего мир субъекта, ибо предоставляет свободу творческому процессу, результатом чего является в высшей степени абстрактный продукт как условие и средство дальнейшего обогащения тех же методов практической деятельности.

Практика, польза, выгода (непосредственные нужды общества) или красота, мера, гармония (более высокие духовные ценности и идеалы) – что является ведущим звеном и основным фактором математического познания? Однозначного ответа, универсально пригодного для всех исторических фаз становления математики, культуры и общественного прогресса в целом, нет. Здесь имеет место движение и перемещение ценностей от одного полюса к другому. Истина состоит, по-видимому, в том, что на каждой фазе развития математики как науки уместно подразумевать мерное соединение тех и других, гармонию этих начал. Как ни странно, произошедший в середине уже прошлого XX века раскол математики на традиционную, которая своими корнями уходит в нужды практики, и новую, основой которой выступает очищенный от всякой эмпирии и конкретики аксиоматический метод, подтверждает вышесказанное.

В самом деле, раскол, произошедший в математике, не является «катастрофой» в рамках рационалистических форм и институтов математической мысли, как считают многие, не предвестник или воплощение кризиса культуры общества, его «духовной агонии», не отказ совокупного ума человечества от дальнейшего продвижения в глубины сущности мира, от наращивания технологического могущества общества посредством разработки и внедрения в оборот новых математических идей. Напротив, данное событие представляет собой результат естественного процесса диалектизации научного знания в его высшей наиболее всеобщей математизированной форме. Это – продукт внутреннего развития математики, породившего в лоне одного и того же единства две фундаментальные противоположности, две полярные силы. В процессе их взаимодействия, синергизма и достигаемой в итоге самокоррекции каждой из них возникают новые возможности дальнейшего прогресса, рождаются дополнительные импульсы, открываются неизвестные ранее источники продвижения вперед и наращивания математического потенциала.

По этой причине математическое образование в методологическом плане с необходимостью должно представлять собой единство творческой деятельности математика по репрезентации количественной определенности объективной реальности, ее построения в некоторой системе математических средств и активности познающего субъекта, который посредством математических абстракций высокого уровня не только конструирует существующие на данный момент состояния объективной реальности, но и прогнозирует их изменение и развитие в будущем. Другими словами, математическое образование должно являть собой процесс «творения» такого математического эрудита, универсала, который хорошо видит не только грандиознейший мир математики, но и может созидать переходы к другим областям знаний, лежащих в основе научно-

производственной деятельности человека.

Таким образом, современная математика выступает универсальной методологией в поиске приемов и средств познания, а творческая деятельность математика представляется как особая форма активности познающего субъекта, который посредством абстракций высокого уровня не только конструирует существующие на данный момент состояния объективной реальности, но и прогнозирует их изменение и развитие в будущем. Вместе с тем, математически образованный исследователь является универсалом, хорошо ориентирующимся не только в своей области знаний, но и способным решать проблемы других, и, самое главное, умеющий реализовывать прагматическую функцию науки. Такую характеристику современных научных исследователей, к сожалению, нельзя применить к выпускникам школ и даже вузов.

Проблема математизации образования ждет своего решения, теоретической предпосылкой которого явился бы анализ генезиса и структуры взаимодействия математики, педагогики, психологии и других областей социогуманитарного знания, проведенный не путем подведения процесса под известные категориальные структуры, а основанный на формальных и содержательно-конструктивных достижениях, которыми богата современная высшая школа. При этом приоритетным должен быть поиск механизмов взаимодействия образовательных и математических гносеологических установок, методов, концепций и выявленных следствий положительного характера. Необходимо создать атмосферу формирования различных позиций, взглядов и концепций по данной проблеме и, главное, нахождения ее научного решения в предполагаемой дискуссии. Актуальность и необходимость такой акции аргументируется следующим образом.

Более 2000 наук составляют сегодня целостную систему знаний о мире и для всех из них – магистральный путь развития – их математизация, итогом которой выступают математизированные знания. А в контексте образовательного поля современного обучающегося всего лишь несколько десятков учебных дисциплин, содержание которых оформлено, как правило, на описательном уровне. То, что содержание современной науки с необходимостью должно проецироваться в содержание образовательных программ не требует доказательств, а сделать это сегодня практически невозможно. Проецирование содержания науки в содержание образования возможно лишь через создание целостной системы учебных математизированных дисциплин.

Необходимость создания математизированных учебных дисциплин диктуется не только тем, что математика, облегчая решение задачи обмена информацией между учебными предметами, позволяет с единых позиций взглянуть на объективную реальность, но и тем, что способствует формированию методологической культуры обучающегося, выработке научного стиля мышления. Реализации его возможности по теоретическому освоению и практическому преобразованию действительности.

Таким образом, внутренняя логика развития содержания науки в процессе ее математизации, которое с необходимостью должно проецироваться на содержание образования, является убедительным доказательством необходимости радикальных перемен в современном образовании на основе создания целостной системы математизированных учебных дисциплин. Для образовательных учреждений аксиомой должен стать тот факт, что без использования в учебном процессе средств и методов математики, интеллектуальных технологий, основанных на математических знаниях, невозможно подготовить ни высококлассного специалиста, отвечающего социуму XXI века, ни духовно богатую личность, умеющую найти свое место, определить свою роль в динамично развивающемся мире.

Литература

1. Кикель, П.В. Математика и философия. – Минск, 2010.
2. Кикель, П.В. Современные образовательные технологии и формирование мировоззрения / /Образование и педагогическая наука. Труды НИО. – Минск, 2008.
3. Кикель, П.В. Роль постнеклассической науки в оптимизации развития общества //Кризис современной техногенной цивилизации и перспективы развития человечества в XXI веке. – Минск, 2010.
4. Стёпин, В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. – М., 2000.
5. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М., 2004.
6. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология». – М., 2007.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДМЕТНОГО ЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

И. Л. Васильева

Информатизация науки требует дальнейшей формализации знания ее предметных областей. Формализованное знание помещается в базу знаний, которая, в свою очередь, содержит сведения, представленные в виде моделей знаний, отражающих закономерности предметной области и позволяющих прогнозировать и выводить новые факты, не отраженные в базе данных. Однако наряду с этой тенденцией можно зафиксировать и противоположную, связанную с созданием в программировании технологии экспертных систем. Экспертные системы предназначены для так называемых неформализованных задач, т.е. экспертные системы не отвергают и не заменяют традиционного подхода к разработке программ, ориентированного на решение формализованных задач. Неформализованные задачи обычно обладают следующими особенностями: 1) неоднозначностью, неполнотой и противоречивостью исходных данных; 2) неоднозначностью, неполнотой и противоречивостью знаний о проблемной области и решаемой задаче; 3) большой размерностью диапазона решения, т.е. перебор вариантов при поиске решения может оказаться весьма существенным; 4) динамически изменяющимися данными и знаниями. Следует подчеркнуть, что неформализованные задачи представляют большой и очень важный класс задач. Многие специалисты считают, что эти задачи являются наиболее массовым классом задач, решаемых ЭВМ, и их доля будет увеличиваться. Экспертные системы и системы искусственного интеллекта отличаются от систем обработки данных тем, что в них в основном используются символьный (а не числовой) способ представления, символьный вывод и эвристический поиск решения (а не исполнение известного алгоритма). Решения экспертных систем обладают «прозрачностью», т.е. могут быть объяснены пользователю на качественном уровне. Это качество экспертных систем обеспечивается их способностью проводить оценку своих знаний и умозаключений. Экспертные системы способны пополнять свои знания в ходе взаимодействия с экспертом. Таким образом, появляется возможность использования не одномерной терминологии, а понятий даже с их внешними коннотациями.

Отметим также, что базовая терминология науки меняется под воздействием определяющих лицо науки и сменяющих друг друга типов рациональности, и это не просто стилистические трансформации. Подобную трансформацию можно зафиксировать на основе анализа вкладываемых значений и смыслов в такое понятие как надежность. Как известно, приоритет в разработке теории надежности принадлежал техническим наукам, которые рассматривают методы обеспечения эффективности работы объ-

ектов (изделий, устройств, систем) в процессе эксплуатации. Объективными причинами постановки проблемы надежности явился непрерывный рост сложности технических средств, усложнение условий их эксплуатации. Основные понятия и показатели теории надежности базируются на построении математических моделей рассматриваемых объектов; важное место занимают методы теории вероятности и математической статистики. Под надежностью объектов понимают свойство изделия сохранять значение установленных параметров функционирования в определенных пределах, соответствующих заданным режимам и условиям использования. Надежность описывается такими параметрами, как безотказность, долговечность, сохраняемость и т.д. Проблема надежности человека привлекла к себе повышенное внимание и приобрела определенные очертания как самостоятельная область исследований в связи с развитием систем автоматизированного управления производством и появлением операторского вида трудовой деятельности. Известно, что наиболее характерной чертой операторской деятельности является опосредованное восприятие внешнего мира и управляемого объекта с помощью информационной модели. Кодирование информации на средствах ее отображения и использование систем автоматизации лишает человека способности к восприятию целого ряда существенных натуральных признаков объектов управления, что затрудняет формирование адекватного психического образа объекта и ситуации. В психологии проблемы, связанные с надежностью, раньше других были рассмотрены в инженерной психологии (применительно к деятельности человека). Говоря об оперативной надежности, опираются на характеристики индивида, которые выражаются в его способности к устойчивому сохранению оптимальных рабочих параметров (работоспособности, «бдительности», «помехоустойчивости» и т.п.) в течение заданных промежутков времени и при всевозможных усложнениях обстановки. Надежность при этом считается существенно важной оперативной характеристикой человека, сталкивающегося с экстремальной ситуацией и решающего в условиях значительной напряженности достаточно сложные и ответственные задачи. В большинстве инженерно-психологических работ, посвященных исследованию проблемы надежности человека – оператора (или коллектива) в человеко-машинных системах, при определении понятия надежность делается акцент на понимание надежности как запаса прочности. С точки зрения результата деятельности понятие надежности человека-оператора означает, прежде всего, безотказность, безошибочность и своевременность действий, направленных на достижение конкретных профессиональных целей в процессе взаимодействия с техникой или с другими специалистами. Отсюда следует, что наличие или отсутствие ошибочных действий можно рассматривать как основной профессиональный (внешний) показатель надежности человека-оператора. Позже внимание было обращено на тот факт, что надежность человека обуславливается не только его профессиональными характеристиками, но также особенностями мотивационной сферы личности.

В современной науке, включившей в орбиту своих исследований социотехнические системы, было осознано значение синергетических эффектов при оперировании с ними. И в этом смысле надежность уже не может обозначать свойства объекта сохранять в установленных пределах значения всех параметров, характеризующих способность выполнять требуемые функции в заданных режимах и условиях. Задать однозначный режим для сверхсложной социотехнической системы невозможно, а зачастую и просто небезопасно, потому что для такой системы не может быть одного внешнего к ней управляющего. Надежность, скорее, может соотноситься с развитием и внедрением образовательных процедур, способствующих формированию картины мира, объясняющей характер основных взаимодействий в современном мире и возможные последствия

их дисбаланса, а также обеспечивающих становление и коррекцию мировоззренческих идеалов, задающих как цели, так и формы деятельности человека в современных условиях. Таким образом, практический эффект принесет именно использование этого понятия как глубокого, полностью неформализованного, инициирующего дополнительные смыслы, а не разложимого, полностью формализованного и спроецированного на конкретные предметные области.

НАУКА КАК ДЕТЕРМИНАНТ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

А. Е. Михайлов

При вступлении человечества в информационную эру, как отмечал Д. Белл, формируются «новые принципы социальной и технологической организации», которые выходят за рамки сложившихся ранее способов коммуникации. Основой наступающей информационной эры становится уже не механическая техника, а «интеллектуальная технология», принципиально изменяющая характер общественной организации и социальных перемен, когда теоретическое знание, являясь источником обновления, изменяет природу технического прогресса. «Это делает значимой и идею глобализации, концепцию, в корне отличающуюся от современных представлений о международной экономике, и ставит перед каждым государством совершенно новые проблемы» [1, с. СХХ-СХХI].

В настоящее время интеграционные процессы глобализации характеризуются спонтанностью и хаотичностью. Возрастающая неопределенность складывающейся в перспективе ситуации затрудняет прогнозирование, но при этом повышает ценность его результатов. Глобальное прогнозирование предполагает синхронизированную оценку возможных в будущем изменений многих составляющих прогностический фон автономных условий, игнорирование которых может частично или полностью фальсифицировать результаты прогноза. В прогностический фон в качестве предпосылок и регулирующих начал глобального прогнозирования включается не только весь комплекс материальных условий, но и наиболее существенные изменения в уровне теоретических и практических знаний, которые произойдут в течение рассчитываемого в прогнозе срока упреждения.

Разработка глобальных прогнозов предполагает оценку состояния и развития науки, прежде всего уровня развитости теории и основанных на ней технологических инноваций. Но также требуется учет совершенствования на научной основе системы управления обществом и того, насколько управляемым становится процесс развития самой науки. В прогнозировании роль науки раскрывается через ее взаимосвязь со всеми составляющими прогностический фон условиями. По мере превращения науки в основу управления обществом адекватная оценка будущих изменений комплекса материальных условий предполагает определение обратного воздействия развивающейся науки на этот комплекс. Однако «общество знаний», как отмечает В.А. Лекторский, не делает нашу жизнь проще: «Колоссально расширяя возможности человека, это общество ставит его перед не существовавшими раньше рисками и угрозами» [2, с. 115]. Результативность глобального прогнозирования в значительной степени обусловлена тем, насколько правильно раскрывается характер взаимосвязей и взаимодействий между материальными и духовными явлениями на данном этапе развития общества. Решение такой задачи выходит за рамки технической процедуры при раскрытии и оценке конкретных детерминаций между явлениями различной природы, поскольку предполагает определенную ми-

ровоззренческую позицию в ходе выявления взаимодействий материальных и духовных начал. Результаты глобального прогнозирования могут существенно различаться в зависимости от лежащего в его основе мировоззренчески значимого варианта трактовки детерминизма.

Решению глобальных проблем на основе интеграции препятствует тенденция к разобщенности. «Мир разделен на государства и блоки, на страны богатые и бедные, с высокой и низкой плотностью населения, богатые природными ресурсами и без них, с ядерным оружием и без него. Мир разделен по этническим, идеологическим, религиозным и цивилизационным признакам. Это разнообразие и разделение мира порождает различные интересы и различные подходы к решению одних и тех же проблем» [3, с. 51]. Чтобы мировому сообществу преодолеть точку «критической нестабильности – глобальной бифуркации» [4, с. 3] и перейти к устойчивому развитию необходимо формирование глобальной системы скоординированных между собой центров принятия решений с обеспечением их реализации, выходящей за рамки локального и регионального уровней организации человечества.

Научное описание модели при разработке глобальных прогнозов имеет детерминистический характер, поскольку воспроизводит с той или иной степенью вариативности связь состояний в развитии системы, раскрывает специфику взаимодействий между глобальным процессом и условиями, в которых он разворачивается, а также фиксирует определенные причинно-следственные отношения и обратные связи между прогнозируемым процессом и структурами управления и регулирования. Кроме того, модель должна отображать причинно-следственную обусловленность внешних воздействий, а также побочных следствий, оказывающих или способных оказать обратные воздействия на объект. Как отмечает Э. Ласло, во многих прогнозах, выявляющих критические точки, учитываются лишь отдельные тенденции и «упускается из вида вероятность того, что критическое состояние одной из тенденций может ускорить развитие другой тенденции до критического уровня. Существует множество обратных связей и взаимодействий между основными тенденциями, относящимися как к биосфере, так и к состоянию человеческого сообщества» [4, с. 5].

Таким образом, имитационная глобальная модель не может быть сведена к описанию аналогичному закону связи состояний, так как должна включать множество причинно-следственных связей. Но она не может сводиться и к причинно-следственной структуре, поскольку основу модельного описания составляет именно закон, а причинно-следственный механизм выступает как его дополнение и форма реализации.

Литература

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социологического прогнозирования. – М., 1999.
2. Лекторский, В.А. Философия, познание, культура. – М., 2012,
3. Дубовский, С.В. Глобальное моделирование: вопросы теории и практики / С.В. Дубовский // Век глобализации. – 2010. – №2 (6). – С. 47–67.
4. Ласло, Э. Глобальная бифуркация: время принимать решения // Век глобализации. – 2011. – №2 (8). – С. 3–7.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИОПРИРОДНОЙ ДИНАМИКИ

А. С. Червинский

В теоретическом описании процессов социоприродного взаимодействия довольно типична ситуация функциональной несовместимости методологических посылов, адресованных различным концептуальным сегментам социальной экологии: от глобальных, отражающих планетарную динамику техногенной экспансии, до локальных, ограниченных рамками прикладных естественнонаучных изысканий. Это обстоятельство, обусловленное, вероятно, сохраняющейся концептуальной неполнотой сравнительно молодой научной дисциплины, оказывается значительным препятствием для формирования социально-экологической стратегии оптимизации условий жизнедеятельности современного человека.

Преодоление ситуации разрыва между социальной экологией как научной дисциплиной и прикладным естественно-научным описанием динамики социального развития на уровне локальных проявлений различных конфронтаций, выступающих практически неизбежным побочным эффектом социализации природной среды обитания, во многом связано с повышением концептуальной адекватности в описании социоприродной динамики. Это, в свою очередь, сопряжено с формированием нового понятийного аппарата, обоснованием методологических принципов исследования проблемы, определением статуса концепции в социоэкологической проблематике. Данные процессы позволят существенно повысить эвристичность прикладных рекомендаций по формированию региональной стратегии социоприродного взаимодействия.

В преодолении сложившейся ситуации также имеет значение верный выбор принципов оценочной процедуры, которые позволили бы преодолеть традиционные исследовательские недостатки: утрату качественно-количественной сопряженности при описании объектов сложной структурно-функциональной организованности, недооценку системности качественных характеристик биотехносферных образований и др. В этом случае философская разработка проблемы может служить базисом для формирования комплекса эффективных прикладных методик оценки ее качества, в которых будут преодолены традиционные недостатки, что позволит сформировать адекватную реальным комплексную оценку состояния среды жизнедеятельности человека. Очевидно, что интерпретация проблемы сперва на философско-методологическом уровне с последующей экстраполяцией концептуального конструкта на комплекс прикладных разработок имеет принципиальное значение, что обеспечивает должный уровень экологической грамотности, связанной с внедрением в социальную практику механизмов оптимального природопользования. Это в свою очередь расширяет перспективы использования философской методологии анализа сложноструктурированных объектов, к числу которых безусловно относятся объекты социоприродного характера. Практически каждый этап в истории развития такого динамичного объекта, как система «человек–природа», выдвигает свои проблемы в качестве актуального теоретического исследования.

Основное содержание глобального процесса, охватывающего практически все стороны взаимодействия общества с окружающей средой, заключается в качественном изменении роли социального фактора в обеспечении темпов и направлений дальнейшего развития всей совокупности биосферных компонентов, в усилении регулятивных функций общества по отношению к природе, вызванном научно-технической революцией. Современное человечество получило возможность влиять на структурно-функциональную организацию живых систем путем воздействия на свойственные им регулятивные механизмы в размерах, превышающих пределы гомеостатических норм.

Антропогенная регуляция динамического равновесия природных экосистем отличается от биотической саморегуляции целенаправленным характером, тем, что основывается на определенной гипотетической схеме. Эффективность регуляции, в конечном счете, зависит от того, насколько научно обоснована схема. В связи с этим возрастает роль науки в планировании способа воздействия человека на природу, выборе цели, обосновании и прогнозировании конечного результата, а также в разработке методов определения эффективности антропогенного преобразования среды.

Философское содержание проблемы заключается в разработке новых методов и познавательных процедур в момент перехода научного знания на новый уровень анализа социоприродных связей, сопряженного с расширением познавательной деятельности, освоением качественно новых аспектов социоприродной динамики, а также обоснованием исследовательских принципов в разработке общей стратегии социэкологической оптимизации на современном этапе социоприродного взаимодействия. Принципиально важным в этом контексте является вопрос об оптимальной организации исследовательского процесса, направленного на поиск наилучших вариантов взаимодействия человека и природы и тем самым на создание необходимого базиса в научно-практическом обеспечении проблемы социоприродного взаимодействия.

Концептуальная разработка оценочно-нормативного основания понятийного описания динамики планетарной социализации природной среды как процесса, объективно необходимого для осуществления жизнедеятельности и обеспечения оптимальных параметров социального природопользования, может служить отправной точкой для формирования эффективных прикладных методик комплексной оценки в Беларуси, в которых будут преодолены традиционные недостатки: фрагментарность оценочной схемы, ее внутренняя противоречивость, часто приводящая к несопоставимости результатов исследования. Это позволит сформировать адекватную белорусским реалиям комплексную оценку, на основе которой могут быть разработаны стратегические направления устойчивого социально-экономического развития страны.

АБ'ЕКТЫЎНАСЦЬ ДАСЛЕДЧЫЦКАГА ДОСВЕДУ Ў ФІЛАСОФІ І САЦЫЯГУМАНІТАРНЫМ ПАЗНАННІ: ГЕРМЕНЕЎТЫКА-НАРАТАЛАГІЧНЫ ПАДЫХОД

С. А. Мякчыла

Сучасная гуманітарыстыка валодае шэрагам сродкаў даследавання культуры як прасторы знакавых дачыненняў, арганізаванай мноствам *тэкстаў*, якія цалкам ці асобнымі сваімі бакамі, аспектамі, выразнымі сродкамі адсылаюць адзін да аднаго. Сярод гэтых сродкаў асабліваю цікавасць уяўляюць герменеўтычны, нараталагічны і семіятычны (этнасеміятычны) метады.

Найбольш працяглую ў часе традыцыю распрацоўкі, удакладнення і ўкаранення мае герменеўтычны метады. У тым ці іншым абліччы ен быў задзейнічаны ў інтэрпрэтацыі метафорыкі помнікаў старажытнагрэчаскага і рымскага пісьменства, у экзегезе Святога Пісання, у трактоўцы норм і помнікаў пісанага права і такім чынам суправаджаў еўрапейскую цывілізацыю на працягу многіх стагоддзяў, прынамсі, пачынаючы з позняй антычнасці і раннесярэднявечнай апалагетыкі. Тым не менш, у сваім суверэнным, неапасродкаваным выглядзе герменеўтыка як форма гуманітарнага пазнання паўстае на рубяжы Новага і Навейшага часу.

Пачатковы этап новаеўрапейскай герменеўтыкі звязаны з трыма прынцыповымі

абагульненнямі. Па-першае, прадметам герменеўтычнага досведу робіцца не сам па сабе літаратурны, веравызначальны ці юрыдычны твор, а тэкст у шырокім сэнсе як спосаб існавання культурнай каштоўнасці, светапогляднай дамінанты ці ўніверсаліі. Вызначым для сябе гэты спосаб існавання як *культурную форму*. Па-другое, ажыццяўляючы герменеўтычную аперацыю, даследчык не тэсціруе прадмет свайго досведу на адпаведнасць прынятым у яго дысцыпліне крытэрыям аб'ектыўнасці, ісціннасці і г.д., але яўна ці няяўна дае вызначэнне самой катэгорыі «ісціннасці» дастасоўна да яго вопыту, што набываецца ў сітуацыі ўзаемадзеяння з культурнай формай. Кажучы словамі Х.-Г. Гадамера, «герменеўтыка займае належнае ей месцы ў тэорыі навукі, калі яна адкрывае... з дапамогай герменеўтычнай рэфлексіі ўмовы ісціны, якія не палягаюць ў логіцы даследавання, але папярэдняюць ей» [1, с. 621]. Па-трэцяе, паўстае своеасаблівае патрабаванне да суб'екта герменеўтычнага досведу: ен мусіць не толькі «цікавіцца» разуменнем літаральнага сэнсу той ці іншай культурнай формы, але і скарыстаць магчымасць рэканструкцыі «асобы» яе стваральніка – надаць ей персанальнае бачанне, рэканструяваць матывацыю і сэнсы дзейнасці, у тым ліку, тэкстастваральнай. Тым самым у герменеўтычным досведзе імпліцытна прысутнічаюць нібыта два суб'екты: «я» «даследчыка», які ініцыюе працэдуру разумення і ажыццяўляе над ёю пэўны надсвядомы кантроль, і «я» «аўтара», які быццам бы набывае новае «віртуальнае» жыццё ў межах акта разумення і яго рэфлексій. Асаблівы выклік для суб'екта герменеўтычнага досведу ў гэтым кантэксце звязаны з тым, как зафіксаваць узаемадачыненне паміж дзвюма інстанцыямі «я», вывесці яго са стану неўсвядомленасці (дакладней сказаць, прадсвядомасці) і адлюстраваць у фармаце ўнутранага дыялогу. У дачыненні да інтэрпрэтацыі літаратурнага тэксту гэты прынцып у разгорнутай форме першым сфармуляваў Ф. Шлейермахер.

Прывядзенне герменеўтычнага досведу да дыялогавага фармату патрабуе асаблівых даследчыцкіх кампетэнцый і, так бы мовіць, «работы над сабой». Мэтай акта разумення (альбо прынамсі яго ўскосным вынікам, калі разуменне само па сабе разглядаецца як мэта) з'яўляецца фарміраванне *сэнсу* – асобага кампанента свядомасці і пазнавальнага працэсу, які ў традыцыі пасля Г. Фрэге і Б. Расэла амаль ніколі не атаясамліваецца са значэннем. Можна сказаць, што адрозненне паміж апрацоўкай інфармацыі дзеля здабыцця значэння і фарміраваннем сэнсу, які заўжды есць вынікам разумення – гэта прынцыповая дэмаркацыя, якая задае нелінейны, стэрэаскапічны характар інтэлектуальна-духоўнага жыцця асобы. Але пры гэтым ўспрыманне-інтэрпрэтацыя і разуменне часцяком разглядаюцца няроўнаватасным чынам, і, у прыватнасці, у кагнітыўных навук на працягу шэрагу дзесяцігоддзяў XX века разуменне відавочна знаходзілася на «другіх ролях». Прычына – і ў дрэннай алгарытмізуемасці працэсу разумення, і ў невысветленасці яго онтычнага статусу: калі значэнне, якое запісваецца ў код паведамлення і адпаведна дэкадуецца з яго, з'яўляецца па сваім вызначэнні аб'ектыўным і верыфікуемым, дык у тым, што датычыць аб'ектыўнасці *сэнсу*, можна прыняць на веру хіба што перакананні Г. Фрэге і Э. Гусерля на гэты конт.

Сітуацыя пачынае выглядаць інакш, калі *сэнс* разглядаць як прадукт унутранага дыялогу, што існуе ў межах герменеўтычнага досведу, а гэта значыць – як карэлят трансперсанальнага значэння. У гэтым выпадку да аналізу кампанента свядомасці і пазнавальных працэсаў, які асацыюецца з паняццем «сэнс», дастасавальныя інструменты і рэфлексіўныя метадыкі, якія даказалі сваю эфектыўнасць у дачыненні да значэння. Іншымі словамі, разуменне як герменеўтычнае ўзнаўленне самога акту творчасці дазваляе тэматызаваць і лепей спасцігнуць той трансперсанальны сэнс (у феноменалогіі абазначаны як *Sache*), які функцыянуе ў сістэме культуры, нягледзячы на тое, што ен мог

фактычна заставацца па-за ўвагай як аўтара, так і інтэрпрэтатара. «Ключом» да гэтага сэнсу з'яўляецца не столькі лагічны аналіз, рацыянальнае разуменне, колькі «гістарычнае суперажыванне» – тое, пра што пісаў В. Дыльтэй і што робіць гістарычную дыстанцыю паміж аўтарам і карыстальнікам культурнай формы ў высокай ступені ўмоўнай, непрынцыповай.

У гэтым кантэксце асабліва звяртае на сябе ўвагу тое, што ў дыскурсе фенаменалогіі з'ява *разумення* сімвалічна пераўзышла статус гнасеалагічнай працэдуры і набыла характар спосабу быцця (М. Хайдэгер), першаснай дадзенасці свету чалавечай асобе і, у сваю чаргу, канстытутыўнай асновы стаўлення чалавека да свету (Х.-Г. Гадамер). «Саюз» з фенаменалогіяй, а праз яе пасярэдніцтва – з праблематыкай экзістэнцыялізму стаўся для новаеўрапейскай герменеўтыкі пачаткам другога этапу яе развіцця. На гэтым этапе было падкрэслена, што ўключанасць у тую ці іншую культурную форму, «карыстанне» ёю, прыняцце яе ў якасці кіраўніцтва для той ці іншай сітуацыі (па мадэлі «буду жыць / весці сябе, як заповедана...») або аднаго з кампанентаў інструментальнага арсеналу жыццевых практык («у гэтай сітуацыі я магу паступіць гэтаксама, як...»), – гэта, перш за ўсё, падстава для самапаразумення і самапраектавання асобы. Дзякуючы масавасці і штодзённасці такіх самапаразуменняў, якія з'яўляюцца неабходнымі для ўсіх носьбітаў культуры і ажыццяўляюцца, перш за ўсё, у маўленчай форме, традыцыя існуе як непарыўная працягласць, «злучальная нітка» гісторыі.

Адной з ключавых асоб найбольш сучаснай версіі герменеўтычнага мыслення з'яўляецца французскі філосаф П. Рыкер, аўтар вызначэння, згодна з якім герменеўтыка – гэта ні што іншае як «тэорыя аперацый разумення ў іх суадносінах з інтэрпрэтацыяй тэкстаў», але гэтаксама і «паслядоўнае ажыццяўленне інтэрпрэтацый» [2]. Менавіта П. Рыкер праводзіў тэзіс аб адрознасці «тэхнічнай» інтэрпрэтацыі як выяўлення заключанага ў тэксце рэлевантнага той ці іншай форме жыццёвай практыкі сэнсу і «разумення» як спосабу дасягнення пэўнага ўзроўню міжасобаснай еднасці. Разам з тым ён артыкуляваў неабходнасць дадаць да працэдуры разумення яшчэ колькі этапаў, якія дазволілі б яму дасягнуць «узроўневай планкі» інтэрпрэтацыі ў плане і якаснай аб'ектыўнасці, і з пункту гледжання магчымасці аб'ектывацыі самой пазначанай працэдуры. Адпаведна адной з найважнейшых мэтаў даследчыцкай праграмы П. Рыкера стала канстытуяванне аб'ектыўнасці (у прыватнасці ў фармаце «гістарычнай аб'ектыўнасці») у якасці не «лепшай альтэрнатывы», не перадумовы, не якой-небудзь формы «зняцця» – але эпістэмалагічнага карэлята суб'ектыўнасці [3, с. 45]

Фенаменалагічна-герменеўтычны дыкурс утрымлівае і своеасаблівую філасофска-светапоглядную матрыцу разумення культурна-гістарычнага працэсу, і разгляд спецыфічных тэхнік узаемадзеяння асобы з ім (у прыватнасці, разгорнутая М. Хайдэгерам і Х.-Г. Гадамерам тэма «герменеўтычнага кола», дзякуючы якому разуменне выступае не ў якасці серыі дыскрэтных пазнавальных працэдур, а як непарыўны, жыццёўтваральны, у вядомым сэнсе, працэс). У прыватнасці, з дапамогай герменеўтычнага кола можна разглядаць трохбаковыя суадносіны паміж гістарычным мінулым, працэсам сацыялізацыі (ініцыяцыяй у дадзенае культурнае асяроддзе, выхавання грамадзяніна і г.д.) і фарміраваннем культурнай ідэнтычнасці (гл.: [4]).

Пытанне аб статусе герменеўтычнага кола і неабходнасці яго размыкання паўстае як метадалагічная праблема перш за ўсё ў сітуацыі судатыкнення розных (гетэрагенных) тыпаў рацыянальнасці [5]. Гэта можа быць звязана з задачамі сітуацыя рэканструкцыі філасофскага ці мастацкага мыслення іншых эпох (культур) або, напрыклад, з сітуацыяй тлумачэння фальклорнага тэкста. У выпадку эндагеннай герменеўтычнай работы (у межах адной і той жа традыцыі) наяўнасць герменеўтычнага кола можа выступіць

менавіта рухаючай сілай традыцыі, фактарам росту яе дыскурсіўнага рэпертуару. У адваротным выпадку, калі імпульс герменеўтычнай работы паходзіць звонку традыцыі, вынікам можа стаць фарміраванне свайго роду «псеўдападаньня», легітымнасць якога ў рамках традыцыі невідавочная. Асобным фактарам рызыкі для герменеўтычнага досведу па-над межамі адрозных тыпаў рацыянальнасці з'яўляецца ўяўная невычарпальнасць рэпертуару сэнсаў, якія могуць быць згенэраваныя (уласна, атрыманыя па прынцыпах камбінаторыкі). Адсюль вынікае патрэба ў асаблівай працэдуры абмежавальнага самакантролю з боку даследчыка. У той меры, у якой ён з'яўляецца носьбітам рацыянальнасці і зададзеных ёю дыскурсіўных практык (рацыянальнасць *S*), якія відавочна адрозніваюцца ад рацыянальнасці аб'ектнай традыцыі (рацыянальнасць *O*), вынікі герменеўтычнай працы, фіксуемыя ім, павінны арганічна ўбудоўвацца ў семантычную сістэму тыпу *O* (аднолькава правамерна выступаць там і ў якасці намінацыі, і ў якасці дэнатата), а ў сістэме тыпу *S* – функцыянаваць перш за ўсе намінатыўна.

З гэтага пункта гледжання свядомасць даследчыка тэксту гетэрагеннай традыцыі існуе паралельна на двух функцыянальных узроўнях: *разуменне* (дзе пераадольваюцца ці здымаюцца як неістотныя межы паміж адрознымі тыпамі рацыянальнасці) і *інтэрпрэтацыя* (яна накіравана на канкрэтна фіксуемыя, рэгулярна ўзнаўляемыя спосабы дэнататы ў аб'ектным тэксце, г.зн. у аб'ектывацыі рацыянальнасці *O*). Разуменне есць працэдура, перш за ўсе, паранавуковая, экзистэнцыяльная, яна характарызуе «спосаб быцця» даследчыка ў сімвалічным кантынууме традыцыі. Тым жа часам інтэрпрэтацыю можна зразумець як расшыфроўку сэнсу, што следуе пэўнаму алгарытму і суправаджаецца раскрыццём, дэманстрацыяй слаістай структуры значэнняў.

Аналіз тэкста гетэрагеннай традыцыі, які мы можам разглядаць як пазнавальна-тлумачальны працэс, суправаджаецца фарміраваннем устойлівай сістэмы дачыненняў, інтэрпрэтуемай з дапамогай фрэгэўскага паняцця аб «семантычным трохкутніку» (імя – значэнне – сэнс, намінат – дэнатат – сігніфікат). Рэальная метадалагічная праблема, што паўстае цягам выбудовы такога трохкутніка ў сістэме «асоба даследчыка – тэкст – культурная матрыца, якая іх апасродкуе», звязана з тым, у якой ступені аб'ектыўнай, «незалежнай» стае на самой справе інстанцыя сэнсу. Ці магчыма сцвярджаць, што даследчык фальклору, які ў этнічным, моўным і г.д. дачыненні належыць да той жа «матрыцы» культуры, што і разгляданы ім дыкурс, працуе з той жа аб'ектыўнасцю сэнсу, як і даследчык, чые кампетэнцыі і светагляд сфарміраваліся ў рамках іншай культуры? У якой ступені знаёмства з мовай, на якой запісаны тэкст гетэрагеннай традыцыі, ці валоданне ёю афармляе «допуск» да ўзаемадзеяння з яго «сэнсамі», у фрэгэўскім разуменні? Якім чынам мы павінны ўлічваць гістарычную зменлівасць мовы, магчымасць таго, што аперацыянальнай мовай даследчыка (мовай яго самаўсведамлення) з'яўляецца не супадаючая, але родная мова?

Праблема сапраўднай ці ўяўнай аб'ектыўнасці сэнсу, які існаваў бы незалежна ад канкрэтнага працэсу інтэрпрэтацыі і адначасова выступаў яго карэлятам (мэтай, матывам), можа быць абазначана як праблема вызначэння «семантычнага ядра» мноства дыскурсіўных практык. У дачыненні да семантычнага ядра і вывучаемы тэкст, і тэкстура мыслення даследчыка, інтэрпрэтатара з'яўляюцца адносна раўназначнымі дэрыватамі. Да гэтага дапасуецца праблема вылучэння «аб'ектыўнай культурнай значнасці» досведу, што ставіць пытанне аб «кангеніяльнасці» даследчыка свайму матэрыялу, актуальнае як для Х.-Г. Гадамэра, гэтак, прыкладам, і для Р. Колінгвуда (гл [6]).

На дапамогу пры вырашэнні дадзенага комплексу праблем можа прыйсці «парадыгмальнае прышчэпка» з роднаснай дысцыпліны, што займаецца вывучэннем

тэкставага складу культуры. Паколькі тое, што пазнаецца праз уваходжанне ў герменеўтычнае кола – гэта культурная форма, якая спасцігаецца па мадэлі разумення тэксту, г.зн. мае тэкст у якасці адной з (ці нават найважнейшай) форм праяўлення, то роздумы, скіраваныя ў напрамку сутнасці, «унутранай формы» гэтага тэксту, натуральна прыводзяць нас да аналогіі з літаратурным творам, групай твораў, метааповедам, эпасам. Калі культурная форма – гэта асобны тэкст, які існуе ў дачыненні з іншымі тэкстамі і толькі ў знітаванасці з імі набывае свае сапраўднае значэнне, дык *культура* ў цэлым, масавая свядомасць, семіясфера грамадства, – могуць разглядацца па аналогіі з логасам-эпасам (традыцыя ўзыходзіць да Геракліта), зборам тэкстаў («свет як энцыклапедыя» – У. Эка), «сусветнай бібліятэкай» (Х.Л. Борхес) і інш.

Дзякуючы гэтым асаблівасцям феноменалагічна-герменеўтычны дыскурс пэўным чынам змыкаецца з даследчай праграмай *нарталогіі*. Нарталогія як варыянт філасофскага погляду на прыроду і функцыянаванне тэкставага падмурка культуры бярэ свой пачатак з структуралісцкай па сваім паходжанні і метадах тэорыі мастацага дыскурсу, што аформілася ў II палове XX ст. Шырока падкрэсліваецца той факт, што ў метадалагічным падмурку дадзенай парадыгмы ляжаць распрацоўкі як рускіх структуралістаў-фармалістаў (Я. Пропп, Б. Эйхенбаум, В. Шклоўскі), так і цэнтральна – і заходнееўрапейскіх тэарэтыкаў структуры (Р. Якабсон, Ц. Годараў, Р. Барт, А.-Ж. Грэймас і інш.). Адрознай рысай нарталогіі як прынцыпова новай даследчай дысцыпліны, якая прэтэндуе на міждысцыплінарны статус, з’яўляецца «камунікатыўны паварот» у разглядзе семіятычных сістэм. Часцяком прыводзіцца выказванне тэарэтыка наратыўнага падыходу ў сацыялогіі Стэйнара Квале, згодна з якім «асноўным прадметам навукі ўжо не з’яўляюцца аб’ектыўныя дадзеныя, якія неабходна квантыфікаваць: іх месца занялі значныя дачыненні, якія неабходна інтэрпрэтаваць» [7, с. 20].

З пункту гледжання сучаснай нарталогіі, семіятычныя ўтварэнні і сістэмы, з якімі мае справу сучасная гуманітарыстыка, ад мастацтвазнаўства да філасофіі, не могуць без істотнай і неапраўданай рэдукцыі быць змадэляваныя як «ідэальныя» сутнасці, суверэнныя кампаненты культурнай прасторы. Іх натуральная сфера існавання – камунікатыўныя працэсы, у якія ўключаныя як аўтары (крыніцы), так і спажыўцы дыскурсу. Інтэграванасць у дыскурсіўны працэс тых і іншых вымагае трактаваць кожную больш-менш спецыфічную, яскравую з’яву духоўнай культуры (не толькі мастацкі твор, але міф, форму грамадскай свядомасці, калектыўную ідэю і г.д.) як падзею ці серыю падзей, што маюць сваю гісторыю, логіку станаўлення, прамыя і ўскосныя наступствы, а таксама нешта кшталту «пяці зваротнай сувязі» са сваімі ўдзельнікамі.

Нарталогія дэманструе імкненне да раскрыцця агульнай тыпалагічнай структуры разнастайных аповедаў – наратываў. Пры гэтым у полі ўвагі даследчыка знаходзяцца два аспекты праблемы: структурны (камунікатыўная структура наратыва, ўзаемадачынненні аповедных інстанцый, – такіх як аўтар, расказчык, галоўны і другасныя персанажы, – суадносіны фрагментаў, ліній тэксту, якія належаць кожнай з гэтых фігур і г.д.) і працэсуальны («стратэгіі» і траекторыі сюжэтаў, тыповае разгортванне падзей, паслядоўнасць «выхаду на авансцэну» асобных фігур-наратораў).

Вылучэнне першага з названых аспектаў пэўным чынам суадносіцца з ідэяй аб «глыбіннай структуры» аповедаў, пра якую казалі філосафы-структуралісты і тэарэтыкі генератыўнай семантыкі і якая можа быць вылучана шляхам падстаноўкі аднапарадкаваных адзінак (фігур, персанажаў, мікрасюжэтаў) на аднолькавыя функцыянальныя месцы. Разам з тым, у межах нарталогіі праблематыка «глыбіннай структуры» бадай што не

мае самастойнага значэння. калі не змяшчаецца ў кантэкст з'яў і адносін, характэрных для другога, камунікатыўнага аспекта. Пры гэтым падкрэсліваецца, што, па-першае, камунікатыўныя дачыненні паміж рознымі аповеднымі інстанцыямі ажыццяўляюцца на многіх узроўнях; па-другое, гранічныя інстанцыі апасродкаваны цэлым шэрагам прамежавых звенаў камунікатыўнага ланцуга. На практыцы, пры вывучэнні канкрэтных культурных форм, гэта азначае, што ніхто з актараў не можа разглядацца як чысты «карыстальнік» семіятычнага кода, з дапамогай якога ствараюцца асобныя паведамленні ў рамках камунікацыі: і аўтары, і рэцэптары, нават адасобленыя прасторай і гістарычным часам, удзельнічаюць у стварэнні і мадэрнізацыі гэтага кода, прычым не толькі непасрэдна, але і праз інстанцыі прамежавых камунікантаў, г.зн. праз уваходзячыя ў рэпертуар культуры тыповыя сюжэты, фігуры, якія робяцца падставай атаясамлення, ідэнтыфікацыі, сімуляцыі. Гэта «прымірае» дзве першапачаткова канкурэнтныя стратэгіі вывучэння культурнай прасторы, яднае структуралісцкія карані семіетыкі культуры з феноменалагічнымі падставамі герменеўтыкі культурных форм.

Да метадалагічнага спалучэння структуралісцкага і феноменалагічнага падыходаў арганічна дапасуецца, у прыватнасці, метады *этнасеміетыкі*, звязаны з вывучэннем «відавочнага» і «невідавочнага» ўзроўняў культуры. Магчымасць прымянення агульнасеміятычных падыходаў у дачыненні да этнічна маркіраваных культурных форм звязана з шэрагам фактараў. Па-першае, гэта выкарыстанне гіпотэзы моўнай адноснасці Сепіра – Уорфа, а таксама філасофска-семіятычных тэорый Р. Барта і М. Фуко – у прыватнасці, там, дзе яны апавядаюць аб наяўнасці прамежававай інстанцыі (у Барта – «пісьмо») паміж індывідуальным досведам, які стае прадуктам не толькі фіксацыі, але і, перш за ўсё, інтэрпрэтацыі знешняга свету, і над'індывідальным азначаным. Па-другое, гэта прыныповае сціранне мяжы паміж «тэкстам як аб'ектыўнай дадзенасцю» і «тэкстурай дзейнасці» персанажа ці суб'екта традыцыйнай практыкі – рамяства, лекарства, мантыкі і г.д. Па-трэцяе – таксама і пераадоленне разрыву паміж уласна знакавымі аб'ектамі («рафінаванымі» знакамі з высокай ступенню ўмоўнасці, апасродкаванасці) і знакападобнымі дзеяннямі, жэстамі, станами. У выніку даследчык, які карыстаецца прыёмамі этнасеміятычнага падыходу, валодае дадатковымі «ступенямі свабоды» ў дачыненні да дэмаркацыі «тэкставай» і «пазатэкставай» рэальнасці, інтэрпрэтацыі асобных знакаў. Гэтая свабода неабходная там, дзе даследчык судатыкаецца з тэкставай рэальнасцю, арганізаванай нерэгулярным, непэрыядычным чынам, а менавіта такой ёсць рэальнасць, «адбудаваная» фальклорным тэкстам. У адпаведнай ступені такая свабода пажаданая і там, дзе герменеўтычны ці нараталагічны досвед вынікае з правілаў камбінаторыкі (падмены адных сімвалічных аб'ектаў другімі ці наўмыснай замены іх не-сімваламі), неабходнай дзеля выяўлення «глыбіннай структуры» ці «авантэксту» фальклорнай практыкі. Дзякуючы гэтаму этнаэпістэмалогія валодае патэнцыялам да раскрыцця шляхоў фарміравання цэласнай пазнавальнай культуры чалавека, які жыве ў канкрэтным культурна-гістарычным асяроддзі, на ўзроўні данавуковых, пазанавуковых і ўласна навуковых ведаў.

Літаратура

1. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988.
2. Рикер, П. Герменевтика и метод социальных наук // Рикер, П. Герменевтика, этика, политика: Московские интервью и лекции. – М.: Изд. центр «Academia», 1995. – С. 3–18.
3. Рикер, П. История и истина. – СПб.: Алетейя, 2002.
4. Островская, Т.В. Роль школьного образования в формировании национально-культурной идентичности // Информационно-образовательные и воспитательные стратегии в современном

обществе: национальный и глобальный контекст: мат-лы междунар. науч. конф. – Минск: Право и экономика, 2010. – С. 651–653.

5. Шульга, Е.Н. Эволюция методов философской герменевтики: автореферат дис... докт. филос. н. / Институт философии РАН. – Москва, 2003.

6. Тузова, Т.М. Обоснование объективности социогуманитарного познания как задача философской рефлексии // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры. Мат-лы междунар. науч. конф. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 56–58.

7. Квале, С. Исследовательское интервью / С. Квале. – М.: Смысл, 2003.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПАРАДОКСЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А. А. Спектор

В современную эпоху, под воздействием итогов научно-технической революции, главным условием существования человека становится приобретение и освоение знаний. Вероятно, это неизбежно для вида, который заселил различные природные зоны и построил вокруг себя «вторую природу». В связи с этим совершенно естественным является формирование антропного принципа на постнеклассическом этапе развития науки. И неудивительно, что автором данного принципа является физик, специалист по теории относительности Брендон Картер, поскольку именно физика из всех естественных наук обладает самым мощным математическим аппаратом, породила множество философских и этических вопросов и оказала решающее влияние на научную картину мира. Антропный принцип, согласно Б. Картеру [1], существует в двух формулировках – слабой и сильной. Согласно слабой формулировке, «то, что мы ожидаем наблюдать, должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования как наблюдателей». Сильная формулировка звучит следующим образом: «Вселенная (и, следовательно, фундаментальные параметры, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей». Можно предположить, что разум является одним из условий ее существования, но не будем останавливаться на этом сложнейшем вопросе, во многом выходящем за пределы науки.

Природа человека такова, что исследовательский интерес является для него жизненно необходимым. Разумеется, исследовательский интерес присущ и животным, но только у человека он превратился в самодостаточное, самоосознаваемое, структурированное явление, и оформился как наука. Несмотря на то, что наука в современном понимании существовала не всегда, познание мира непременно выступало как необходимое условие его освоения. Сегодня, как утверждается, «именно наука вырабатывает наиболее адекватное, точное, доказательное и эффективное с точки зрения его применения на практике знание» [2]. Но так же справедливо, что единой модели науки, с которой согласились бы все ученые, в наше время не существует. Например, согласно когнитивной парадигме целью и результатом познания является достижение истины, а согласно конструктивной парадигме цель и результат этого процесса – принятие решения для осуществления того или иного проекта [5].

Следует ли рассматривать эти парадигмы как отрицающие друг друга? По всей вероятности, нет. Ведь даже получение фактов чисто теоретического знания является инструментом для принятия решения об истинности какого-либо утверждения, для построения гипотезы, для создания теории. Антропный принцип и деятельностный подход

сочетается с конструктивной парадигмой. Антропный принцип рассматривает человека, в первую очередь, как наблюдателя, деятельностный – как создателя. Наблюдение включено в созидание. И тем более можно утверждать, что любые данные, в результате которых принимается решение, являются некоторой истиной, хотя бы относительной, то есть истиной в рамках определенных условий.

В настоящее время сращивание науки с техникой и широкое применение новых технологий приводят к ее ускоренному развитию. С другой стороны, к фундаментальной науке и к академическому образованию предъявляются требования как к производству – от них требуется самоокупаемость, практическая отдача и быстрая прибыль [4]. Более того, эти утилитарные интересы приводят к чрезвычайно большой опасности – требование прибыли может препятствовать главному условию науки – приращению знания, для чего бы оно ни требовалось. Совершенно справедливое утверждение об относительности истины приводит к крайности – рамки истинности сужаются настолько, что трудно становится отличить правду от ошибки

Взаимоотношения науки и техники столь же неоднозначны, как и социокультурная роль самого научного знания. С одной стороны, наука невозможна без техники, с другой стороны, техника постепенно «вытесняет» науку из общественного сознания, подменяет ее собой. И вместе с тем, еще в первой половине прошлого столетия Бертран Рассел отметил: «Практичность и культура, когда они понимаются широко, представляются несовместимыми в гораздо меньшей степени, чем кажутся фанатичным защитникам и того и другого» [3].

Литература

1. Картер, Б. Совпадения больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология: теории и наблюдения. – М., 1978.
2. Лебедев, С.А., Коськов С.Н. Конвенционалистская философия науки // Вопросы философии. – 2013. – № 5. – С. 57–69.
3. Рассел, Б. Бесплезное знание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/rassel_useless. – Дата доступа: 05.11.2013.
4. Спектор, А.А. Социокультурная роль фундаментальной науки в историческом контексте // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: Материалы международной научной конференции к 80-летию Института философии НАН Беларуси, г. Минск, 14–15 апреля 2011 г. / науч. ред. совет: А.А. Лазаревич [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск, 2011.
5. Старжинский, В.П. Спектор А.А. Конструктивная методология как рефлексивная система // Проблема конструктивности научного и философского знания. Сборник статей. Выпуск седьмой. – Курск, 2006. – С. 83–100.

СОВРЕМЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОЦЕССОВ ПОЗНАНИЯ И ВИРТУАЛЬНОСТИ

О. В. Курницкий

Современная социальная философия проявляет активный интерес к проблемам виртуальной реальности. Сегодня с виртуальными явлениями мы часто сталкиваемся во время социальной активности. Уже в начале XXI века проходит такое изменение социальной жизни человечества, в новом варианте которого информация и сверхсовременные технологии являются все более важными для существования. Однако в отечественных философских исследованиях часто внимание уделяется больше технической сто-

роне виртуальной реальности и недостаточно акцентировано на познавательном аспекте виртуальности. Информационное общество, максимально ориентированное на знание, формируется в контексте виртуализированного мировосприятия.

Соотношение понятий «знание» и «виртуальность» в XXI веке преимущественно рассматривается в рамках «зеркальности», когда все многообразие знаний современного мира максимально втискивается в виртуальность, которая старается свести процесс познания к единой и унифицированной методологии. Виртуальный мир, его практики создаются и проявляются как конструкт множества знаний. Возможно, в будущем по совместимости различных знаний в виртуальной реальности будут судить и о соответствии наших знаний критерию истинности. При данном подходе понятие «виртуальность» выступает тем «плавильным котлом» современного процесса познания, в котором современное знание обретает свою направленность и структурированность [1]. Сегодня виртуальные техники приходят на помощь современной науке в тех направлениях, где необходим переход на качественно новый уровень. Игнорирование высоких технологий и виртуальных феноменов в научных исследованиях приводит к замедленным темпам развития научного знания. При этом часто изучение взаимодействий виртуальной реальности и познавательных процессов сводятся к техническому видению проблемы.

Постмодерное состояние философской мысли и стремительно развивающийся научно-технический прогресс создают ситуацию, где границы понятий «познание» и «научное» все сложнее определить. Современное знание начинает обретать все более виртуализированную форму. Виртуальность при помощи расширяющегося мира технологий начинает активно действовать на стыке различных видов знаний: теоретического, научно-практического, прогностического, формируя между ними иную, не характерную для них ранее, функциональную связь. Философы соглашались с тем, что техническая сторона виртуальности начинает все больше внедряться в сознание человека и становится активной частью мировосприятия современного общества в целом. При этом техника, в ее современном понимании, становится все более антагонистичной по отношению к другим реальностям человеческой жизни: психической, социальной, экономической. Она начинает внедряться в данные реальности и замещать отдельные их сегменты. Мир виртуального в своем развитии следует за процессом технического насыщения повседневной жизни социума XXI века. Сегодня спектр применения виртуальных технологий в современной жизни человечества чрезвычайно велик. Часто основоположником новых технологий становится военная сфера, из которой большинство изобретений приходят и в гражданскую жизнь. Например, использование дистанционно управляемых дронов в боевых действиях, обучение солдат ведению боя на симуляторах. При этом результативность обучения гораздо выше, чем у обычных «классических» практик обучения, а без использования современных технологий – ниже в разы.

В реальной жизни каждого из нас мир высоких технологий и виртуального начинает в корне влиять на систему взглядов и методы познания. Интернет, социальные сети, массовое присутствие, с раннего детского возраста, различных электронных гаджетов начинает формировать «метареальность». Познавательные практики таких индивидов уже кардинально отличаются от практик нынешнего поколения. Само сознание такого человека начинает требовать большей наглядности, интерактивности, скорости получения информации. Это значит, что в будущем такой индивид не будет сидеть часами в библиотеке или искать нужную информацию в многотомниках. Таким образом, можно говорить о том, что виртуальность как новая социальная реальность влияет на процессы познания современного человека, начинает изменять качество индивидуального и общественного бытия.

Сегодня необходимо разработать четкую модель понимания и дальнейшего прогнозирования виртуального мира, форм его взаимодействия с реальным миром. В особенности модель, которая учитывала бы специфику стран СНГ, техническая оснащенность которых, а значит и уровень развития виртуальности, отличается от стран Запада. Изучение виртуальности позволит указать на изменения особенностей всех реальностей, в рамках которых существует индивидуум: культурной, политической, экономической, так как виртуальное пространство является «миксом» указанных реальностей. Кроме того, исследование виртуальности в контексте процесса познания позволяет затронуть многие вопросы, порожденные тенденциями современного общества: массовизация, мифологичность сознания и знания, дискурсивные практики современного общества и т.д.

Постиндустриальное общество само по себе обеспечивает для виртуальной реальности те социальные факторы, что поддерживают ее существование: появление множества симулякров, формирование общества потребления, попытки формирования глобальных ценностей.

Виртуальность и ее соотношение с процессами познания сегодня становится одним из новых аспектов гносеологических исследований. Следует сказать, что в будущем ограничить исследования виртуальной реальности существующими сегодня технологическим, онтологическим, психологическим подходами невозможно [2]. Виртуальность продолжает развиваться параллельно с научно-техническим прогрессом и будет порождать другие методологии познания. Значение виртуального познания состоит в том, что технологические процессы, изменяя нашу привычную повседневность, влияя на научный способ восприятия, заставляют нас рассматривать через призму виртуальности адекватность всего нашего знания действительности, при этом виртуальность становится той движущей силой, что формирует саму действительность. Знание, которое раньше определялось и воспринималось индивидуумом с помощью таких факторов, как истинность, правильность, соответствие общественным нормам, сегодня формируется при помощи виртуальности, как метамира, в котором синтезированы качества, как минимум нескольких миропониманий [3]. Таким образом, глобальной по своей важности проблемой сегодня представляется дальнейшая стратегия изучения взаимосвязи расширяющегося виртуального мира и процессов познания в современном социуме.

Литература

1. Ахутин, А.В. История принципов физического эксперимента. – М., 1976.
2. Кирюшин, А.Н. Виртуальная реальность: методологические традиции и инновации исследования // Вестник Военного университета. – 2009. – №4 (20), – С. 75–80.
3. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М., 1993.

ХОЛИЗМ И ЕГО МАТЕМАТИКА

А. С. Харитонов

Математика отражает структурные связи в явлениях природы и помогает человеку и социальному управлению выбирать цели и действия для достижения этих целей, а также анализировать и прогнозировать состояние рассматриваемых явлений. Однако традиционная математика построена на аксиомах и постулатах для описания законов механистического движения пассивных тел (материальных точек) в пространстве и времени под действием внешних сил на методологии редукционизма. Так, статистическая

механика построена на натуральном ряде, геометрии Евклида, дихотомических моделях равновесия, математическом анализе, теории множеств и энтропии, равной мере хаоса. Она не содержит описания закономерностей концентрации свободной энергии, без которых невозможна замкнутая модель круговорота природы и описание в ней феноменов самодвижения, развития и гибели организаций, формирующих организацию круговорота природы и его частей.

Проблема организации круговорота природы и его частей относится к познанию:

- 1) общих закономерностей рассеяния и концентрации энергии в сложных системах (физических, биологических, социальных и технических);
- 2) их отличия и их взаимодействия между собой;
- 3) единого фундамента науки, вместо традиционного вынужденного ее разбиения на три независимые области познания (естественные, гуманитарные и технические науки) и научные дисциплины, которые постоянно множатся.

Решение этой проблемы видится нам в построении нового способа описания моделей равновесия, самодвижения и развития организаций в изолированной сложной системе. Изолированная система определена как постоянство меры взаимодействия трех процессов рассеяния энергии (по координатам, импульсам и структуре), которые стремятся к гармоническому равновесию по золотой пропорции. Процесс развития описывается моделью тройной золотой спирали, где спираль, характеризующая структуру, разворачивается, а две другие спирали, характеризующие координаты и импульсы (негэнтропию), сжимаются. Новый способ описания изолированной системы оказался возможным за счет введения в научный оборот новых математических функций (мер хаоса и порядка).

Применимость нового способа описания природы рассматривается автором на социальных примерах, важных для повышения эффективности современного социального управления.

1. Равновесие организации можно оценивать во внутренней системе отсчета по отклонению от золотой пропорции отношения последующих структур в трех пространствах событий.

2. Развитие организации описывается моделью тройной золотой спирали, что позволяет задать стратегию социального управления развитием общества по трем показателям на каждой ступени иерархии социального управления и между ними.

3. Новый способ описания природы указывает на определяющую роль естественных механизмов самоуправления в выживании и развитии в существующей организации природы и общества, где важнейшим показателем для социального управления является показатель роста культуры управляющего персонала.

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ВЕЧНОСТИ

А. Н. Спасков

Согласно Платону, образцы или эйдосы математических объектов находятся в вечном умопостижимом мире идей. На этом основании в математике сложилась традиция избегать всякого рода мысленного конструирования в определении математических понятий и демонстративных построений в доказательстве математических теорем, что эквивалентно элиминации времени.

Мысль является в нашем сознании как феноменальная реальность. Отдельное понятие – это феномен или элементарное событие, которое можно считать мгновенным и

изобразить как точку в геометрическом представлении одномерного времени. Но на самом деле каждое понятие – это эйдос или мыслеобраз, имеющий внутреннюю темпорологическую структуру. Эту структуру можно описать в рамках фазового представления времени.

Реальное линейное время – это внешнее время, которое определяется последовательностью событий (взаимодействий субъект – объект). Фазовое внутреннее время – это последовательность фаз внутреннего содержания идей (эйдосов). Это внутреннее время независимо от внешнего, и работа подсознания во внутреннем времени воспринимается во внешнем как мгновение.

Любая последовательность мыслей неявно содержит в себе итерационные циклы, т.к. любое понятие образуется, согласно Гегелю, как развитие идеи в результате развёртывания по циклу «в-себе-бытие» – «для-другого-бытие» – «для-себя-бытие». Иначе говоря, любое понятие формируется в результате предварительной работы сознания, которая отражается в виде последовательности фаз внутреннего циклического времени.

Рассмотрим темпорологическую структуру арифметического счета, который традиционно считают наиболее естественной моделью времени. Она соответствует внешнему линейному времени, как последовательности событий и основана на элементарном ритме переключения внимания. Когда мы считаем: «1, 2, 3... и т.д.», мы последовательно переключаем сознание от 1 к 2, от 2 к 3 и т.д.. При этом предполагается, что переключение внимания происходит мгновенно и задает временной порядок «раньше – позже».

Но на самом деле, переключение внимания – это процесс, который имеет длительность и состоит из 4-х внутренних фаз. Таким образом, если числа 1 и 2 в процессе счета мы можем характеризовать моментами времени «раньше» и «позже», то сам процесс перехода от 1 к 2 подразделяется на 4 внутренние фазы, которые соответствуют единому настоящему времени. В этом случае, число 1 соответствует прошлому, переход от числа 1 к числу 2 – настоящему, число 2 – будущему времени.

Но при этом видна особая роль настоящего. Если с точки зрения внешнего линейного времени настоящее – это мгновение, не имеющее длительности, то, с точки зрения внутреннего времени, оно имеет длительность и подразделяется на фазы. Эти фазы находятся в отношении единства внутри временного цикла, что эквивалентно отношению одновременности во внешнем времени. Этот цикл можно представить как временной слой, заданный на базе настоящего момента времени. Таким образом, мы приходим к следующей математической модели времени. Переход от момента «раньше» к моменту «позже» происходит мгновенно в настоящем линейном времени. Но само настоящее время имеет внутренний слой, в котором и происходит течение времени.

Эта модель расслоенного времени позволяет представить эйдос натурального числа. При этом, когда мы произносим название этого числа, то мы сразу же понимаем его смысл и нам не нужно вновь последовательно воспроизводить те операции, которые мы проводили, когда обучались арифметическому счету. Мы объясняем это тем, что вся информация, раскрывающая смысл числа, записана в хронологическом расслоении, которое является независимым от внешнего линейного времени измерением. Поэтому все процессы считывания и распознавания информации в хронологических слоях памяти, хотя и будут занимать какую-то длительность в циклическом времени, но во внешнем линейном времени воспринимаются как мгновения, не имеющие длительности.

Любая последовательность внешних событий, определяется на основе элементарного ритма переключения внимания. Эта последовательность является внутренним свойством ритма, а не счета, который мы делаем на основе этого ритма. Ведь мы бы могли считать и в другом числовом порядке, например: «1, 3, 2» или «2, 1, 3» и т.п., но

при этом, временной порядок остается неизменным, т.к. является абсолютным свойством нашего мышления. Откуда же тогда у нас есть уверенность в единственной правильности счета «1, 2, 3 ... и т.д.»?

Мы полагаем, что структура натуральных чисел основана на необратимой последовательности записи информации в соответствии со структурой внутреннего расслоенного времени сознания. Иначе говоря, структура натуральных чисел изоморфна структуре внутреннего времени. Согласно нашей гипотезе, сознание имеет квантовую природу, а хронологический слой может быть в двух квантовых состояниях: «быть пустым» и «быть заполненным», после того, как произошла запись информации. Кроме того, мы придерживаемся принципа психофизического параллелизма, согласно которому психологические и физические процессы изоморфны на квантовом уровне.

Таким образом, эйдос или мыслеформа натурального числа, представленный в расслоенном времени, является тем фундаментальным квантовым референтом, на основе которого и возможно сформировать в нашем сознании алгоритм всех последующих, более сложных арифметических операций. Мы не рассматриваем в данной статье физические принципы такой записи, а выдвигаем лишь гипотезу и предлагаем математическую модель информационных процессов в сознании, в соответствии с темпорологической структурой мышления.

Используя модель замкнутого хронологического слоя, мы можем описать лишь оперативные процессы восприятия и передачи элементарной информации, что эквивалентно элементарному действию воображения и внимания. Но для того, чтобы описать работу памяти, мы должны построить модель устойчивого хранения информации. Для этого мы вводим понятие открытого хронологического слоя, который формируется в памяти и может неограниченно расти по мере накопления информации. Форма этого слоя будет отличаться от замкнутого слоя и имеет вид спирали.

Полученная нами темпорологическая модель эйдоса числа позволяет по новому взглянуть на проблему о природе математических объектов. Мы следуем традиции Платона, согласно которой математические объекты – это умопостигаемые сущности или эйдосы, которые существуют объективно и независимо от человеческого сознания. К пониманию этих объектов нельзя прийти логическим путем, т.к. логика – это внешнее манипулирование с понятиями, смысл которых очевиден для нас. Но именно эта очевидность или представление об общих понятиях и получается в результате интуитивного умозрения эйдосов, как объектов идеального мира. При этом эйдосы воспринимаются благодаря нашей способности к образному мышлению. Именно эта способность к восприятию мыслеобраза или интуитивное чувство и обеспечивает, по нашему мнению, надежность нашего знания о математических объектах, аналогично тому, как способность к чувственному восприятию обеспечивает надежность наших знаний о физических объектах.

Согласно Платону, вечность целиком «есть» и ей не присуще «было» и «будет». Поэтому идея, или мыслеобраз, любой материальной вещи содержит в себе одновременно все ее свойства, а значит и этапы развития, которые в чувственно воспринимаемом мире развертываются последовательно во времени и оказываются в каждый момент отнесенными к разным временам в соответствии с порядком «раньше – позже», а в абсолютном смысле – в соответствии с порядком «прошлое – настоящее – будущее».

Из диалога Платона «Тимей» видно, что он представлял временное бытие любой сотворенной вещи как «развертывание» во времени, согласно движению от числа к числу, всех состояний, которые содержались в свернутом виде в идее этой вещи. Наглядное представление такого времени мы как раз и получаем в нашей модели расслоенного

времени. При этом движению времени от числа к числу соответствует в ней движение от слоя к слою, в процессе считывания информации, свернутой в эйдосе, и дальнейшему развертыванию в линейном времени ряда натуральных чисел в процессе арифметического счета.

Представление хронологического расслоения позволяет совместить платоновское понятие эйдоса, пребывающего в вечном мире идей и времени, как некоторого динамического образа вечности, движущегося в расслоении. Таким образом, преодолевается противоречие между неизменностью математических истин, постулируемых Платоном и временным характером их интуитивного восприятия и понимания.

Работа выполнена при поддержке гранта Института пертивных гуманитарных исследований и технологий МГГУ им. М.А. Шолохова и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г13Р-044 от 16.04.2013).

ПРАСТОРАВА-ЧАСАВАЯ ПЕРАЙМАЛЬНАСЦЬ У ГІСТОРЫІ МАТЭМАТЫКІ

М. В. Анцыповіч

Даследванні сведчаць, што у Егіпце і Вавілоне – краінах старажытнай высокаразвітай цывілізацыі – ужо каля 2000 г. да н.э. напластавалася вялікае мноства звестак з самых розных сфер прыкладной матэматыкі. Яны назапашваліся пад час развязвання задач, якія ўзнікалі ў практыцы каморніцтва, будаўнічай справы, гандлю і асабліва астраноміі, развіццё якой стымулявалася патрэбамі паліўнога зямляробства, уласцівага для гэтых краін. Матэматыка Егіпта і Вавілона па сутнасці сваёй заставалася эмпірычнай. Адсутнасць агульных паняццяў і галоўнае – доказнасці як асноўнага шляху да дасягнення матэматычнай ісціны сведчаць, што тут яшчэ не ўзнікла тая звязваючая лагічная тэорыя, якая разумеецца пад словам «матэматыка» [2, с. 8].

Усё дасягнутае ў Егіпце і Вавілоне затым перайшло ў Грэцыю, дзе на гэтай базе і ўзнікла матэматыка ў яе сучасным разуменні. Тут матэматыка ўпершыню з сукупнасці прыкладных ведаў ператварылася ў сістэмна пабудаваную дэдуктыўную навуку з уласцівым ёй адвалочным характарам і агульнасцю высноваў. Доказнасць робіцца асновай, на якой узбудоўваецца ўся матэматыка. Па лагічнай строгасці грэчаская матэматыка не саступае матэматыцы сучаснай. Прырода і прадмет матэматычных ведаў, дзе і як існуюць матэматычныя аб'екты, аналізаваліся такімі філасофскімі падыходамі як рэалізм, наміналізм, канцэптуалізм у сярэднія вякі, інтуітывізм, канструктывізм ў першай палове XX ст.

Класічная араба-мусульманская цывілізацыя характарызуецца як «сярэдзінная», бо яе «заняты перыяд» прысутнічае паміж цывілізацыямі Антычнасці і Рэнэсанса; у геаграфічным плане яна была пашырана ў абсягах еўразійскай прасторы; ў культуралагічным – злучала ў сабе духоўныя традыцыі Усхода – перад усім манатэістычную, аўрамаічную рэлігійнасць – і Захада – грэка-рымскую навуку і філасофію. У інтэлектуальнай сферы сінтэз усходняй і еўрапейскай традыцыі найбольш увасобіўся ў творчасці прадстаўнікоў «фальсафы» – мусульманскіх мысляроў, якія развівалі антычныя мадэлі філасофствавання, ў асноўным Арыстоцеля, для якога ўласціва імкненне да сістэмнага і ўсеабдымнага пазнання «існага як такога». Адначасова тварэнні бацькоў царквы (Аўгустына і Ансельма Кентэрберыйскага) ні ў якім выпадку не прыцягвалі ўвагі усходніх філосафаў – верагодна і з-за выключна чужаватага для мусульманскага ладу здумлення, і з-за перакананасці аб несумешчальнасці філасофіі і тэалогіі.

Ацэньванне спадчыны ўсходніх матэматыкаў і пытанне аб генезісе запазычаных імі ідэй антычных грэкаў атрымалі неадназначнае асвятленне. Такое характэрна як для ўсходняй, так і для заходняй традыцыі. Сёння існуюць у гэтых адносінах два ўзаемавыключальныя падыходы. «Еўропацэнтрысцкія» даследчыкі сцвярджаюць, што матэматыкам мусульманскага Усходу ўласціва толькі «імітаванне грэкаў», што ісламу не ўласцівы той падыход да свету, які характарызуе грэчаскую традыцыю. Другіх поглядаў прытрымліваецца большасць усходніх навукоўцаў, якія сцвярджаюць, што ісламская філасофія і навука шукаюць свае абгрунтаванні «ў векавечных ісламскіх традыцыях». У рэальнасці, матэматыкі краін Блізкага і Сярэдняга Усходу грунтаваліся на грэчаскай і індыйскай спадчыне і развівалі старажытнававілонскія традыцыі. Яны не толькі вылучылі алгебру ў выключную матэматычную дысцыпліну, але і здзейснілі вялікі ўнёсак ў яе развіццё. У трактатах навукоўцаў краін ісламскай традыцыі была, з аднаго боку, выканана арыфметызацыя алгебры, а з другога – ў супрацьлегласць індыйскаму падыходу – алгебраічныя дзеянні абгрунтаваліся тэарэтычна ў традыцыях старажытнагрэчаскай цывілізацыі.

Амар Хаям (1048 – 1131) нарадзіўся ў Нішапуры, адным з галоўных культурных цэнтраў Ірана. Спачатку ён вучыўся ў Нішапурскім медрэсе, затым працягваў адукацыю ў гарадах Балха і Самаарканд, дзе авалодаў шырокім колам дакладных і прыродазнаўчых навук: матэматыкай, геаметрыяй, фізікай, астраноміяй. Ён быў знаёмы з дасягненнямі антычнай навукі – працамі Архімеда, Еўкліда, Арыстоцеля, якія былі перакладзены на арабскую мову. Трактат «Аб доказнасці праблем ал-джэбры і ал-мукаблы», які ён напісаў ў Самаркандзе ў шасцідзiesiąтыя гады XI ст., прыносіць Амару Хаяму славу знакамітага матэматыка. Ён развівае геаметрычны метады рашэння кубічных раўнанняў, які пачынаецца ад Архімеда: невядомае ў гэтым метады будавалася як пункт перакрывавання падыходзячых канічных сячэнняў. У «Трактаце аб вытлумачэнні цёмных становішчаў у Еўкліда» (1077 г.). Хаям разглядаў ірацыянальныя лікі як цэлым законныя, азначаючы роўнасць дзвюх адносін як паслядоўную роўнасць усіх падпадаючых прыватных у алгарытме Еўкліда. У гэтай жа кнізе Хаям спрабуе даказаць пяты пастулат Еўкліда, зыходзячы з болей відавочнага яго эквівалента: дзве прамыя, якія сыходзяцца, павінны перакрывацца.

У навуковай спадчыне Аль-Біруні (ў іншых варыянтах – аль-Беруні) (973–1048) – каля 150 прац, што практычна ахопліваюць усе навукі, але асноўнымі напрамкамі яго дзейнасці былі астраномія і матэматыка. У трактаце «Аб азначэнні хорды» аль-Біруні паказвае выкарыстанне ўласцівасцей ломанай лініі ў коле і як азначаць хорды для рашэння не толькі адвалочных матэматычных задач, але і жыццёвых праблем астраноміі. «Дасканала відавочна, – піша ён, – што пазнанне хордаў дуг акружнасці з’яўляецца для астраноміі тым самым, што для рэчыва такая ступень яго стану, калі яно пераходзіць ад патэнцыі да дзеяння» [3, с. 12]. Галоўнай працай аль-Біруні з’яўляецца вялікі астранома-матэматычны трактат «Канон Мас’уда», ў якім даецца сістэматычнае выкладанне з наборам табліц усіх трыганаметрычных, астранамічных функцый, якія выражаюць рух Сонца, Месяца і планет. Паводле аль-Біруні, астраномія і матэматыка – выразны ўзор узаемапрацікнення; ў сувязі з астранамічнымі задачамі ў іх пастаянна паўстаюць і развязваюцца матэматычныя пытанні як прыкладнога, так і тэарэтычнага характара. У той самы час шматлікія працы аль-Біруні (каля 20) прысвечаны чыстай матэматыцы [1, с. 112]. Як і грэкі, ў паняцце тэарэтычнай арыфметыкі аль-Біруні не ўводзіць дроби, бо «сапраўдная адзінка недзяліма, але адзінка, якая прымяецца ў дакладных пытаннях, называецца адзінкай умоўна. Пры ўзважванні і вымярэнні аб’ёмаў, плошчаў і даўжынь адзінка дзеліцца на вялікую колькасць частак пры дапамозе дзялення; такая адзінка

складаецца з больш дробных адзінак» (цыт. па: [1, с. 113]). З гэтага вынікае, што паняцце дробаў належыць толькі практычнай арыфметыцы. Пры азначэнні ліку ўсходнія матэматыкі, ў тым ліку і аль-Біруні, адштурхоўваліся ад арыстоцелеўскага паняцця «колькасць», якое можа быць ці бесперапынным, ці дыскрэтным. Да бесперапыннай колькасці адносіцца лінія, плоскасць, цела, да дыскрэтнай колькасці – лік, «паміж часткамі якой няма нічога прамежкавага», які разглядаецца як множнасць адзінак, але сама адзінка ў адпаведнасці з піфагарыйскай традыцыяй да лікаў не адносіцца. Таму «адзінка з'яўляецца не лікам, а толькі элементам ліку», тым, што уваходзіць складовай часткаю ў кожны існуючы лік.

У эпоху аль-Біруні (IX – XI ст.) Еўропа адставала ад мусульманскага Усходу на некалькі стагоддзяў, дзе ўзнікла цэлая генерацыя вялікіх навукоўцаў-прыродазнаўцаў, чыя дзейнасць зрабіла штуршок развіццю дакладных і гуманітарных навук. Яны былі папярэднікамі дзеячоў еўрапейскага Адраджэння, якія аб'яўляюць толькі праз колькі стагоддзяў.

У IX–XI ст. усе набыткі ўсходніх матэматыкаў належалі толькі Усходу, дзе іх працы перапісваліся дзесяткамі каліграфікаў, абмяркоўваліся, падтрымліваліся мецэнатамі, але неўзабаве іх пачалі ўзгадваць, незвычайна перарабляючы іх імёны на лацінскі лад, у Еўропе, якая пачала «прачынацца» матэматычна. У другой палове XIX ст. Э. Захау пераклаў на нямецкую мову і выдаў трактаты «Помнікі мінулых пакаленняў», «Індыя» аль-Біруні. Дзякуючы гэтаму ўсходнія матэматыкі, а затым і еўрапейскія, сталі карыстацца індыйскімі лічбамі, якія пачалі называцца арабскімі.

Такім чынам, пераймальнасць гісторыі матэматыкі праяўляецца ў пераходах яе ад егіпецка-вавілонскага перыяда, як эмпірычна-прыкладнога ўзроўню развіцця матэматыкі, да грэчаскай традыцыі ў развіцці з уласцівым для яе філасофска-адвалочным характарам, затым праз зберажэнне грэчаскага ўзроўню і далейшага развіцця яго матэматыкамі Блізкага і Сярэдняга Усходу пачынаецца адраджэнне грэка-рымскага, ці еўрапейскага варыянта сённяшняй матэматыкі.

Літаратура

1. Матвиевская, Г.П. Очерки истории тригонометрии. – М., 2012.
2. Матвиевская, Г.П. Учение о числе на средневековом Ближнем и Среднем Востоке. – М., 2012.
3. Абу Райхан Беруни. Избранные произведения, т. VII. – Ташкент, 1987.

ПРОБЛЕМА ПЛАГИАТА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

В. Н. Сокольчик

Наука XXI столетия, развиваясь в рамках постмодернистского дискурса, предполагающего новую культуру цитат и кавычек, столкнулась с непредсказуемым и неконтролируемым ростом использования плагиата. Проблема заимствования чужих мыслей без ссылки на автора, пересказа чужих слов без соответствующего оформления (цитирования) в принципе существовала в науке фактически с момента ее рождения. Однако именно XXI век с его научно-техническими достижениями максимально облегчил доступ к информации и упростил копирование, и, как следствие, проблема плагиата из частной стала всеобщей, распространенной и настоятельно требующей внимания научных кругов и общества в целом.

По сути, увеличивающиеся в геометрической прогрессии размеры плагиата ставят под угрозу существование науки вообще, поскольку нарушают сами принципы научного

знания, разрушают инновационную сущность науки, размывают принципы морального кодекса ученого сообщества.

Слово «плагиат» происходит от латинского «*plagium*» – похищение, хотя термин стал достаточно привычным, смысл его далеко не всегда ясен и однозначен. В гражданском праве плагиатом чаще всего признается «умышленное присвоение авторства на чужое произведение науки, литературы или искусства в целом или в части» [1]. В законодательстве России, Беларуси (Закон Республики Беларусь от 17.05.2011 №262-З «Об авторском праве и смежных правах»), Казахстана допускается цитирование чужого текста с использованием кавычек и ссылок на источник цитирования, однако умышленное использование чужого текста без кавычек и ссылок на источник признается плагиатом, использование которого может повлечь за собой гражданско-процессуальную и даже уголовную ответственность.

Международное сообщество проблемы интеллектуальной собственности и запрета плагиата изучает как на юридическом, так и на этическом уровне, о чем свидетельствует, в частности, создание Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и ее многофункциональная деятельность.

К сожалению, порицание научным сообществом плагиата пока остается на уровне деклараций, конкретные факты плагиата в научной жизни, использование плагиата в диссертациях, научных статьях чаще всего замалчиваются из нежелания «выносить сор из избы». К сожалению, следствием такой «терпимости» становится разрушение важнейших принципов научного знания – инновационности, доказательности, научной адекватности и честности. Своего рода пророчеством могут стать слова А.И. Аكوпова о том, что «именно плагиат, а точнее его безнаказанность, привели нынче к порогу, за которым следует гибель науки как таковой» [2].

Впрочем, говоря о плагиате нужно признать, что факты плагиата не всегда просты и однозначны. Явный плагиат, встречающийся в науке, свидетельствует скорее о безграмотности и неадекватности использующего плагиат автора. Тотально сегодня распространен плагиат в завуалированных формах, используя которые ученый не всегда отдает себе отчет в том, что нарушает этические и юридические нормы научного сообщества. К наиболее распространенным завуалированным формам плагиата (скрытому использованию чужого интеллектуального продукта) относят компиляцию и включение в список соавторов лиц, практически не принимавших участие в создании научного труда.

Компиляция как форма плагиата преобладает чаще всего в действиях молодых ученых, при этом осознание противоправности создания текста из обрывков / фрагментов чужих текстов и мыслей в большинстве случаев отсутствует. Разновидность компиляций в определенном смысле (при условии обязательных ссылок на тексты используемых авторов) допустима при создании учебных текстов, демонстрирующих логику развития идей или разнообразие взглядов, однако здесь нужно иметь достаточный опыт и обладать научной корректностью, чтобы соблюсти тонкую грань между плагиатом и суммированием различных мыслей. К слову, большинство авторов современных учебников, прибегающих к элементам компиляции, не всегда считают нужным размещение ссылок, которые якобы «утяжеляют» и усложняют текст. Необходимо помнить, что как с этической, так и с правовой точки зрения такие действия недопустимы и могут повлечь за собой юридическую ответственность.

Еще больший вред науке наносит плагиат в виде включения в соавторство лиц, фактически не принимавших участие в разработке идеи, в создании текста. Чаще всего причины такого включения в соавторство вполне объективны и понятны – это благо-

дарность, зависимость, компенсация, реверанс, необходимость увеличения рейтинга и пр. На практике такое соавторство (или подарочное авторство – «quest authorship» [3]) особенно распространено в естественных науках, в т.ч. в медицине. «Подарочное авторство» стало настолько привычным явлением в научных кругах, что уже не вызывает явного порицания в научном сообществе.

В юридической практике принуждение к соавторству рассматривается как плагиат, присвоение авторства либо принуждение к соавторству влечет за собой уголовную ответственность. В Уголовных кодексах Беларуси, Казахстана принуждение к соавторству рассматривается как факт плагиата, в Уголовном кодексе Российской Федерации такое действие также признается преступным, правда, лишь применительно к сфере охраны изобретательских и патентных прав (ч. 1 ст. 147). В кодексе врачебной этики Российской Федерации, одобренном Всероссийским Пироговским съездом врачей 7 июня 1997 г. в разделе «Научные и биомедицинские испытания» подчеркивается, что «включение себя без достаточных оснований в авторский коллектив, либо умалчивание фамилий лиц, активно участвовавших в исследованиях, является нарушением принципов профессиональной этики» [4].

Молодому ученому необходимо помнить, что завуалированный плагиат «подарочного авторства» отрицательно сказывается и на тех, кто включен без участия в научный труд в качестве автора, и на тех, кто по разным причинам такие приемы использует. В подобной ситуации разрушается объективность научного знания, порождается неуверенность в собственных силах, утрачивается критическое отношение к выводам других исследователей, и, как следствие, нарушаются внутренние фундаментальные принципы построения научного знания и научного этоса. Самая большая опасность такого рода плагиативных построений – тиражируемость ошибочных и невыверенных выводов, непроверенных сведений. Особенно актуальны эти проблемы для медицинской науки, где заимствованные данные без опытной проверки, а зачастую и без логического осмысления, приводят к ошибочным и даже опасным рекомендациям

Обнаружить и квалифицировать плагиат не всегда просто. Не так уж проблемно раскрыть плагиат, когда мы имеем дело с текстом, где сопрягается разная стилистика, присутствуют неясные местоимения, допускаются стилистические вольности (что особенно распространено в студенческих рефератах, иногда в магистерских диссертациях), однако, в реальности плагиат не всегда так легко обнаруживается. Особенно проблематично увидеть плагиат, когда автором интерпретируются достаточно известные факты и теории. В таких сложных случаях чтобы выявить плагиат, необходимо обнаружить достаточную научную зрелость, требующую не только хороших знаний, но и владения своего рода интеллектуальной интуицией, позволяющей ученому увидеть логические нестыковки в рассуждениях, несвязность и недоказанность выводов, невыстроенность мыслей, заимствованных без «проживания» их автором-плагиатором.

Обнаружить плагиат, поставить в известность о нем научную общественность, не допуская в этих вопросах терпимости и соглашательства, – только первый шаг в оздоровлении научного сообщества. Чтобы пресечь саму тенденцию развития плагиата, нужны планомерные, долгосрочные действия. И, думается, прежде всего, нужно воспитывать молодых ученых – воспитывать у них знание того, что есть плагиат, воспитывать неприятие к использованию без соответствующих ссылок чужих идей, мыслей во всех формах и видах, воспитывать умение противостоять плагиату и плагиаторам. Этический кодекс молодого ученого Российской Федерации провозглашает необходимость для молодых ученых «критического отношения к собственным достижениям, отказа от "почетного соавторства", публикаций по методу "салями" и повторяющихся публикаций...

обязанность соблюдения авторских прав, что является нормой этики научно-исследовательской деятельности; недопустимость плагиата в любой форме, обязанность ссылаться на авторов идей, формул и т.д. (при этом ссылки на чужие работы тем более обязательны, чем ближе эти работы к собственным работам ученого)» [5]. Эти принципы в реалии должны стать руководством к действию для ученых, только тогда наука сможет развиваться, защитив себя от явного и завуалированного интеллектуального воровства.

Литература

1. Подгруша, В. Плагиат // В. Подгруша Юридический словарь современного гражданского права (от «А» до «Я»). – М., 2009.
2. Акопов, А.И. Воровство в науке// сетевой журнал RELGA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/ Environ/ WebObjects/ tgu-ww.woa/ wa/ Main? searchPattern=%D0%90%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B2 &level1=authors &userid=12>. – Дата доступа: 10.10.2013.
3. Власов, В. Воркруг плагиата // Российская медицинская газета. – №81 от 25 октября 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mgzt.ru/ article/ 387>. – Дата доступа: 15.10.2013.
4. Кодекс врачебной этики Российской федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.med-pravo.ru/ Ethics/ CodeEthicsRF3.htm>. – Дата доступа 15.10.2013.
5. Кодекс этики молодого ученого Российской федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lb2.textedu.ru/ docs/ 700/ index-190424.html>. – Дата доступа: 22.10.2013.

Интеллектуальный потенциал и капитал общества знания

ДИНАМИКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI ВВ.

Т. И. Адуло

Как и многие другие государства, Республика Беларусь сделала ставку на инновационное развитие. Но реализовать столь масштабный социальный проект представляется возможным при наличии эффективной национальной системы образования и воспитания, развитой фундаментальной и прикладной науки, сформированного креативного потенциала нации, которые необходимо привести в движение и направить на реализацию именно этой задачи.

Еще в бытность СССР Беларусь обладала мощным научным потенциалом – развитой фундаментальной наукой, устоявшейся системой подготовки и переподготовки научных кадров. Особенно интенсивно развивался научный потенциал республики в 1960–1980-е годы. В 1960 году численность научных работников в Беларуси (включая научно-педагогические кадры вузов) составляла 6 840 человек (из них 181 доктор наук и 2 013 кандидатов наук). В 1987 году она достигла 44 499 человек (из них 1 085 докторов наук и 14 144 кандидата наук) [1, с. 35]. В 1960 году в Беларуси насчитывалось 985 аспирантов, в 1987 году их было уже 2 923 [1, с. 36].

Однако наличный научный потенциал белорусского общества в 1990-е годы частично был растрочен. По причине недостаточного финансирования, низкой оплаты

труда, падения престижа науки и ученых молодежь отказалась идти в науку, а те молодые специалисты, которые еще в советское время создали определенный научный задел, выпускники аспирантуры и вузов стремились уехать за границу, понимая то, что в сложившейся ситуации они не смогут реализовать свой научный потенциал, да и просто физически выжить. Уменьшение численности персонала, занятого исследованиями и разработками, продолжалось примерно до 2005 года. В 2004 году она составила 28 750 чел., включая 794 доктора наук и 3 340 кандидатов наук. Исследователи составили 17 034 чел [2, с. 233]. Эту «научную яму» 1990-х годов белорусская наука ощущает и сейчас – в ней фактически отсутствует поколение ученых среднего возраста. С 2005 года научный сектор стал постепенно укрепляться. В 2010 году численность научных работников (включая научно-педагогические кадры вузов) составляла 31 712 чел., из них 19 879 исследователей [3, с. 494]. Перевод народнохозяйственного комплекса Беларуси на «рыночный путь» сказался и на научных организациях, выполняющих научные исследования и разработки. Их количество не уменьшалось, а, наоборот, постоянно возрастало. Но организации становились не столь многочисленными, и, кроме того, более мобильными. В структурном плане тоже произошли значительные изменения: еще в конце 1990-х годов стали активно формироваться научно-исследовательские организации в коммерческом секторе деятельности. В 1998 году было: в государственном секторе 83 организации, в коммерческом секторе 137 организаций, в системе высшего образования 52 организации. В 2009–2010 гг. коммерческий сектор еще в большей мере потеснил государственный сектор. В 2010 году в нем насчитывались 304 научно-исследовательские организации (20 510 чел.), в государственном секторе их было 95 (8 294 чел.), в системе высшего образования – 63 (2 902 чел.) [3, с. 493–494]. Это вполне объяснимо, поскольку цифры финансирования науки из средств республиканского бюджета в процентах к ВВП выглядят довольно скромно. Они составили: в 2000 году 0,39%, в 2005 году – 0,38%, в 2010 году – 0,31%. Впрочем, и в целом внутренние затраты на научные исследования и разработки невелики. Они составили: в 2000 г. – 0,72% от ВВП, в 2005 г. – 0,68%, в 2010 г. – 0,7% [3, с. 496]. По областям науки исследователи распределились таким образом. Из 19 879 исследователей, занятых научными исследованиями и разработками в 2010 году, 3 702 исследователя работали в различных областях естественных наук, 12 257 чел. – в технических науках, 924 чел. – в медицинских науках, 1 206 чел. – в сельскохозяйственных науках, 1 401 – в общественных науках и 389 чел. – в гуманитарных науках [3, с. 495]. Государство не отказалось от фундаментальной науки. Однако в последние годы правительством ставится задача более тесной привязки фундаментальной науки к отечественному народнохозяйственному комплексу. Это понятно: небольшое государство, к которым, несомненно, относится Беларусь, не в состоянии развивать все те разнообразные направления фундаментальной науки, которые получили у нас развитие еще в бытность СССР.

Фундаментальная и отраслевая наука держится на профессиональных кадрах. Какие меры принимаются в Беларуси для их подготовки? Как и раньше, подготовкой кадров для науки занимаются вузы, аспирантура и докторантура. К этим хорошо известным институтам образования добавилась еще магистратура. Если говорить о высшем образовании, то оно претерпело за последние двадцать лет серьезные изменения. Наряду с государственными вузами появились частные высшие учебные заведения, в государственных вузах студенты обучаются как на бюджетной, так и на платной основе. Число вузов значительно увеличилось, а следовательно, увеличилось и число студентов. В 1990 году в Беларуси насчитывались 33 высших учебных заведения, в которых обучалось 188,9 тыс. чел. В 2010 году в республике уже имелось 55 вузов, в которых обучалось 442,9

тыс. студентов. Если в 1990 году на 10 000 человек населения приходилось 185 студентов, то в 2010 году – 467 [3, с. 183]. Значительно возросло количество аспирантов. В 1991 году обучалось 2 835 аспирантов [4, с. 77]. В 2010 году численность аспирантов (адъюнктов) составила 4 725 чел. (принято в аспирантуру 1 469 чел., выпущено из аспирантуры 1 015 чел.). Подготовку аспирантов вели 119 организаций, из них 74 научные организации и 45 учреждений, обеспечивающих получение высшего образования. Больше всего аспирантов по отраслям технических наук (969 чел.), экономических (607 чел.) и медицинских наук (473 чел.). Вслед за ними идут педагогические (345 чел.) и филологические науки (329 чел.) [5, с. 40–42]. Количественные изменения обуславливают, как известно, новое качество, но не гарантируют позитивной динамики в развитии того или иного явления. Вот и в данном случае, резкое увеличение количества аспирантов, как, впрочем, и студентов, не лучшим образом сказалось на качестве их подготовки. Из 1 469 выпускников аспирантуры 2010 года лишь 36 чел. окончили ее с защитой диссертации.

Наряду с аспирантурой, подготовку кадров высшей квалификации ведет докторантура. Этой работой занимаются 37 организаций – 16 научных организаций и 21 организация, обеспечивающая получение высшего образования. Численность докторантов в 2010 году составила 98 чел (принято в докторантура 28 чел., выпущено из докторантуры 33 чел., в том числе 2 чел. с защитой диссертации. Из них 10 чел. по отрасли технических наук и 5 чел. по отрасли экономических наук [5, с. 48–49].

Инновационное развитие достигается за счет научно-технического знания и разнообразных технологий. Но не менее важную роль призвано играть и социально-гуманитарное знание. В конечном счете, весь инновационный процесс замыкается на человека. Без соответствующего согласования технико-технологических проектов с самим человеком всякий инновационный проект проблематичен: он не будет служить человеку. Любой проект может принести как пользу, так не в меньшей степени и вред человеку. Вот почему социально-гуманитарным наукам, способным осуществлять антропологическую экспертизу проектов, должно уделяться очень пристальное внимание. В самих же гуманитарных науках особая роль принадлежит философии. Именно философия способна формировать креативно мыслящего человека, обладающего развитым социальным воображением – важнейшим структурным элементом теоретического сознания, ориентированным не на прошлое и не на настоящее, а на ближайшее и отдаленное будущее, выступающим в качестве основания социального прогнозирования и социального моделирования.

Проблемы формирования ума, мышления, разума путем освоения философии в свое время активно исследовал Э.В. Ильенков [6, с. 21]. К великому сожалению, многие актуальные вопросы, связанные с эффективным использованием философии и, прежде всего, диалектики в социализации личности, заостренные в свое время исследователем, в прошлую эпоху так и не были решены, т.е. не были переведены из теоретической плоскости в плоскость практическую – в сам воспитательный процесс. Не решаются они и сейчас. Да и сама теоретическая мысль, выступающая в качестве основы формирования творческого мышления, в ее современном виде не способна выполнять предназначенную для нее роль. Это касается и современной философии, значительно снизившей свой креативный потенциал. Ядро философии – диалектика. Именно поэтому Э.В. Ильенков всегда отстаивал диалектику, диалектический метод, диалектическое мышление. «Диалектика, диалектическое мышление, – отмечал он, – это не мистически-таинственное искусство, доступное лишь избранным. Это просто-напросто действительная логика специфически человеческого мышления, и воспитываться она должна

уже с детства. Иначе будет поздно» [6, с. 49]. Формированию диалектического мышления более всего способствует философия, но не всякая, а лишь диалектическая. Но именно диалектики и не хватает современной философии.

Литература

1. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1987 г.: Стат. ежегодник / Госкомстат БССР. – Минск, 1988.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2007. – Минск, 2007.
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011. – Минск, 2011.
4. Республика Беларусь 1995–2004 (Стат. сб.) / Минстат Республики Беларусь. – Минск, 2004.
5. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Стат. сб. – Минск, 2011.
6. Ильенков, Э.В. Философия и культура. – М., 1991.

ФОРМИРОВАНИЕ «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ»: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

И. В. Лысак

Понятие «общество знания», впервые введенное в оборот в 1969 г. П. Друкером, ныне широко используется в научной и публицистической литературе, однако его содержание до настоящего времени является спорным и неопределенным, что связано со сложностью самого понятия «знание». Если понимать под знанием «постижение действительности человеком», объективируемое знаковыми средствами языка [2, с. 459], или «некий информационный результат познавательного процесса, его итог, откладывающийся в человеческой культуре и создающий ориентировочную основу поведения людей» [3, с. 241], то любое человеческое общество, начиная с самых ранних этапов его развития, можно считать «обществом знания». Ведь судя по раскопкам древнейших стоянок человека, наскальным изображениям охоты и ритуальных действий, уже на стадии родоплеменного общества существовали определенные знания, необходимые для управления, воспитания и регулирования разных видов деятельности, специфических именно для человека. Древнейшие из известных нам цивилизаций также отличались высоким уровнем развития знаний в различных областях. Так, сложные ирригационные сооружения с плотинами, шлюзами и водохранилищами были построены в Древнем Египте и Месопотамии более 5 тыс. лет назад, а газопровод из бамбуковых труб для освещения улиц существовал в Китае около 2 тыс. лет назад. Знание как таковое всегда играло важнейшую роль в развитии общества. Какой же смысл вкладывают современные ученые и публицисты, применяя термин «общество знания» к характеристике формирующегося в настоящее время нового этапа общественного развития?

Отвечая на этот вопрос, необходимо отметить, что начиная с 60–70-х гг. XX в. стало очевидно, что этап общественного развития, именуемый «промышленным капитализмом» или «индустриальным обществом», сменяется неким новым этапом, подобрать название которому оказалось достаточно сложно. Чаще всего новый этап общественного развития именуется в литературе «постиндустриальным», «информационным» или «обществом знания». Понятие «общество знания» подчеркивает, что «именно научные знания, относящиеся к инженерной деятельности, социальной сфере и экономике, сыгравшие решающую роль в формировании будущих цивилизаций, культур и ценностей» [4, с. 601].

В настоящее время существенно изменяется как содержание самого знания, так и

та роль, которую оно играет в обществе. Все большее значение приобретает теоретическое знание, то есть знание абстрактное, обобщенное и закодированное на различного рода носителях. Абстрактным оно является, т.к. к данной ситуации применяется не непосредственно, а в качестве обобщенного – поскольку сохраняет свое значение за пределами конкретных обстоятельств [5, с. 38]. Именно умение человека пользоваться этими знаниями, а также порождать новые знания становится центральным ресурсом общественного развития в XXI веке.

В современном мире отмечается не только ускоренное появление новых знаний, но и растущий интерес всего общества к ним. С одной стороны, значительно сокращается интервал между научным открытием и его включением в программы высшего и даже среднего образования. С другой стороны, остро встает проблема морального устаревания знаний. Ведущей ценностью и важнейшим фактором экономического развития и развития как такового в обществе нового типа становится инновация. Проблема генерирования новых знаний и их эффективного использования находится в центре внимания руководителей большинства крупных организаций. Например, Microsoft не только проводит базовые научные исследования в самой компании, но и создает исследовательские центры в университетских городках, таких, как Кембридж (Великобритания), а также передает значительные гранты отдельным факультетам университетов. Корпорация IBM проводит больше научных исследований, чем многие университеты, содержит научные центры в Северной Америке и в Европе, а ее сотрудники даже удостоивались Нобелевской премии (за разработку сканирующего туннельного микроскопа в 1987 г.). Компании, работающие в фармакологии и области материаловедения, также глубоко занимаются научными исследованиями [6, с. 176–177].

Следует отметить, что понятия «информационное общество» и «общество знания» не тождественны. Безусловно, существенным компонентом всех высоких технологий и изготовления наукоемкой продукции являются в настоящее время информационные технологии, современные телекоммуникации и системы, предполагающие их комбинации в различных пропорциях. Однако сами по себе информационные технологии и компьютерные сети не способны заложить основы «общества знания», поскольку информация является лишь «сырьем» для получения знаний. Чтобы преобразовать информацию в знание от человека требуется владение определенными когнитивными способностями, развитию которых должно уделяться самое пристальное внимание.

Подлинное «общество знания» в настоящее время только формируется, и на пути его формирования имеются существенные трудности. Важнейшими условиями становления «общества знания» являются доступность информации, создание условий для получения образования, повышения его качества, развития научных исследований и их внедрения в различные сферы жизни общества.

Хотя знание несводимо к информации, именно от ее доступности во многом зависит как уровень развития того или иного государства, так и возможность приобретения знания отдельными индивидами. Решение данной проблемы многие связывают с развитием компьютерных сетей и расширением доступа к ним. Действительно, информационные технологии предоставляют невиданные ранее возможности для получения доступа к сведениям разного рода. В настоящее время отмечается стремительный рост числа пользователей сети Интернет. Однако далее рост сети рискует натолкнуться на «стеклянный потолок» платежеспособности, поскольку в настоящее время 20 % мирового населения сосредоточили в своих руках 80 % мировых доходов. В начале XXI в. около двух миллиардов людей не были подключены даже к электросети, не говоря уже о сети Интернет. В связи с этим не стоит абсолютизировать значение информационных техно-

логий для построения «общества знания», и пренебрегать такими важнейшими инструментами приобретения знания, как печатные издания, радио, телевидение, и главное – образовательные учреждения. Ведь большинство населения мира в настоящее время испытывают острую нехватку книг, учебников, квалифицированных преподавателей, и лишь потом нуждаются в компьютерах и доступе к Интернету.

Анализируя доступность Интернета, следует отметить, что налицо так называемый «цифровой разрыв», то есть неравномерность доступа к информационным технологиям. Так, на сегодняшний день 90 % лиц, имеющих доступ к Интернету, проживают в промышленно развитых странах Северной Америки (30 %), Европы (30 %) и Азиатско-Тихоокеанского региона (30 %) [7, с. 31].

Имеющийся в настоящее время «цифровой разрыв», по мнению экспертов ЮНЕСКО, будет способствовать усугублению другого, еще более тревожного разрыва – когнитивного [7, с. 24], особенно очевидного между странами Севера и странами Юга. Важнейшей задачей на пути построения «общества знания» и преодоления «когнитивного разрыва» является обеспечение доступности образования, а также расширение сети цифровых библиотек.

Таким образом, в настоящее время этап общественного развития именуемый «обществом знания» – это скорее перспектива, чем реальность. На пути его становления перед человечеством стоят задачи дальнейшего совершенствования как технологий распространения и представления информации так и, что гораздо важнее, системы образования, методик обучения и оценки знаний.

Литература

1. Drucker, P. The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society. – New York, 1969.
2. Универсальный энциклопедический словарь. – М., 2000.
3. Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемерова. – М., 2004.
4. Ракитов, А.И. Общество, основанное на знаниях // Вестник Российской Академии наук. – 2004. – Т. 74. – № 7. – С. 598–605.
5. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества. – М., 2004.
6. Уорнер, М. Виртуальные организации. Новая форма ведения бизнеса в XXI веке / М. Уорнер, М. Витцель. – М., 2005.
7. К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf. – Дата доступа: 04.11.2013.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТУСА ЗНАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ю. В. Никулина

Очевидно, что наиболее заметными процессами, характеризующими современное общество, являются процессы информатизации и ускоренного развития телекоммуникационных технологий. Однако нельзя не отметить, что наряду с этими, происходят и другие, не менее знаковые для эпохи события. Например, смена мировоззренческих установок, изменение подходов в научном познании, пересмотр ориентиров в социально-политической практике и т.д. В современной философии и других социальных науках дефиниция «информационное общество», впервые примененная американским экономистом Ф. Махлупом в работе «Производство и применение знания в США» (1962 г.), быстро развивается в качестве концепции нового социокультурного порядка, суще-

ственно отличающегося по своим характеристикам от предыдущего.

При этом необходимо учитывать, что современные информационные технологии, по мере расширения сферы их применения в повседневной жизни общества, создают потенциальную возможность манипулятивного воздействия на личность, в том числе и со стороны субъектов, производящих и контролирующих информацию. Развитие новейших средств коммуникации вызывает и множество других проблем – авторского права, соотношений между свободой слова и злоупотреблением этой свободой, иные юридические, психологические и моральные проблемы.

Трансформация традиционного социального порядка вследствие эволюции информации в ведущую производительную силу социума приводит к изменению дискурса по данной проблематике: экономические и технологические концепции информационного общества дополняются социологическими и социально-гуманитарными исследованиями. Информационное общество начинает рассматриваться как качественно новая ступень развития не только Запада, но и всего человечества. В рамках исследований, посвященных информационному обществу, значительное внимание уделяется анализу трансформации статуса знания в современном мире.

Информационное общество является одной из фаз концептуальной модели постиндустриального общества, предложенной Д. Беллом. Формируя контуры постиндустриальной цивилизации, Д. Белл исходил из сравнения постиндустриализма и индустриализма. Им предложена система сущностных, доминантных признаков постиндустриального общества. Определяющее место принадлежит производству теоретического знания, необходимого для функционирования любого общества. Однако отличительной чертой постиндустриального общества является характер знания. Центральная роль для организации решений и направления изменений принадлежит теоретическому знанию, предполагающему первенство теоретического над эмпирическим, кодификацию знаний в абстрактных системах символов, которые могут использоваться для интерпретации различных изменяющихся сфер опыта [1].

Стремлением осмыслить грядущую эволюцию социума отличается философская концепция японского ученого Е. Масуды. Основные черты композиции грядущего общества сводятся к следующим постулатам: основой информационного общества являться компьютерная технология, ее фундаментальная функция замещать либо усиливать умственный труд человека; информационная революция будет быстро превращаться в новую производительную силу и сделает возможным массовое производство когнитивной, систематизированной информации, технологии и знания; ведущей отраслью экономики станет интеллектуальное производство, продукция которого будет аккумулироваться, а аккумулированная информация станет распространяться через синергетическое производство и доленое использование [2].

Размышляя о месте и роли знания в современном мире, Ж.-Ф. Лиотар, утверждает, что главной характеристикой состояния постмодерна является особое, изменившееся состояние знания. Изменение статуса знания связано с недоверием к «метанарративам», которые в более раннюю эпоху служили легитимации знания; с появлением новой формы легитимации знания – через ее операционализацию, прагматизацию, технологизацию. Эти процессы детерминированы распространением новых информационных технологий. Технологии диктуют необходимость придания знанию некоего «технологичного», «машинного» характера, перевода знания на язык «информации», которую можно распространять посредством машин.

При таком всеобщем изменении природа знания не может оставаться неизменной. Знание может проходить по другим каналам и становиться операциональным только

при условии его перевода в некие количества информации. Другой важный момент в изменении статуса знания – его «экстериоризация» относительно знающего субъекта. Технологичное, операциональное знание и его получение не связаны с развитием разума и формированием личности, что подразумевала, в частности, идея классического образования [3].

По мысли Ж.-Ф. Лиотара, знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным. Оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обмененным. Оно перестает быть самоцелью, превращается в «продукт», «предмет пользования», инструмент и т.д. Но оно становится также товаром и производительной силой. Могущество государств, как и других субъектов политической, экономической, социальной деятельности, зависит от того, насколько эффективно используется ими операциональное, технологичное знание. Знание, которое не «технологизируется» и не способно приносить «пользу», например, философское или эстетическое, становится неактуальным, невостребованным обществом, или, по крайней мере, большинством.

В современных концепциях постиндустриального общества подчеркивается, что в процессе своей эволюции информационные системы обрели не только статус места хранения, обработки и передачи знаний, но и интеллектуального инструмента решения технологических, юридических, теоретических задач; т.е. сами стали субъектом, знания умножающим (производящим). Это обстоятельство обеспечило возникновение общества, в котором система технологий обусловлена опережающим развитием знаниевого массива, – возникло общество, основанное на знании (knowledge-based society). В пространстве knowledge-based society научное знание превратилось в ценнейшую форму информации, само общество изменило свою технологическую основу под влиянием научного знания. Одной из важнейших функций информационных технологий, существенно отличающих их от других, является гносеогенная [4, с. 7]. Гносеогенная функция информационных технологий выражается в способности осуществлять операции, обеспечивающие прирост новых знаний, в полном смысле информационным обществом может быть названо лишь то общество, которое не только обладает высоким уровнем информационных технологий, которое не только насыщено компьютерами во всех сферах (быт, производство, управление), но которое само производит необходимую информацию.

Итак, ключевыми характеристиками общества знания являются: информационная перенасыщенность, обусловленная развитием новых технологий; изменение характера и статуса знания; тенденция к превращению знания, информации в товар. Изменение статуса знания, в свою очередь, влияет на систему образования, задает направление научных исследований, определяет политику государства в отношении науки и образования, воздействует на рынок труда, формируя спрос на определенных специалистов, владеющих соответствующими запросам эпохи навыками.

Увеличение роли информации и знаний в жизни общества, возрастание доли информационных технологий, продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте детерминируют создание и развитие глобального информационного пространства. Поэтому, несмотря на то, что развитие новых коммуникационных технологий происходит в технической плоскости, их влияние на трансформации социальных процессов и институтов очевидно.

В связи с вышесказанным важным и актуальным представляется проблема формирования информационной культуры, основная цель которой может быть обозначена как становление личности, способной активно жить и действовать в современном ин-

формационном обществе, насыщенном разнообразной, порой противоречивой, информацией. Это подразумевает собой формирование нового типа мышления, складывающегося в результате освобождения человека от рутинной информационно-интеллектуальной работы, ориентация его на саморазвитие и самообучение.

Литература

1. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл; пер. Ю.В. Никуличева // Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П.С. Гуревича. – М., 1988.
2. Масуда, Е. Компьютопия / Е. Масуда; пер. Л.Я. Розовского. – М., 1998. –
3. Емелин, В.А. Постиндустриальное общество и культура постмодерна [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://emeline.narod.ru/postindustrial.htm>. – Дата доступа 24.04.2013.
4. Бутенко, Е.В. Эволюция теории информационного общества: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Томск. гос. ун-т. – Томск, 2004.

О РОЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ

А. Н. Ищенко

Доказывать то, что в формировании общества знаний человеческий капитал играет одну из ключевых ролей, едва ли необходимо. Скорее необходимо остановиться на его теоретико-методологических основаниях и различиях с другими видами капитала, на истоках его формирования, на методиках его измерения и механизмах управления и оптимизации человеческого капитала в строящемся обществе знаний. Попробуем коротко остановиться на этих и других особенностях функционирования человеческого капитала в строящемся обществе знаний.

Перенесение логики функционирования капитала как самовозрастающей стоимости на накопленные человеком знания, навыки и способности, которые в своей сумме способны принести самые высокие дивиденды своему владельцу, а также рассмотрение определяющей роли образования в развитии общества привело к появлению концепции человеческого развития и ее составляющей – теории человеческого капитала.

Человеческий капитал обладает некоторыми характеристиками экономического капитала. Это – длительное пользование, с ограниченным сроком службы; как и любой другой исчерпаемый ресурс, он требует расходов по «ремонту» и содержанию; он может морально устаревать еще до того, как произойдет его физический износ; его ценность может расти и падать в зависимости от изменений в предложении. Но все-таки в его функционировании наблюдаются специфические черты, обусловленные характером его существования. Например, человеческий капитал неотделим от личности своего обладателя, тогда как «обычный капитал» имеет свойство перетекания между разными капиталистами и сферами производства, что обусловлено спросом и предложением на рынке.

Осмысление концепции человеческого капитала принесло свои позитивные плоды. Так, был поставлен вопрос о доступности высшего образования и его перерастании во всеобщность. Постепенно произошла смена подходов «образование на всю жизнь» на «образование на протяжении всей жизни». Непрерывное образование стало основанием для развития творческого мышления и расширения не только познавательных способностей, но и мировоззрения в целом, что, безусловно, является показателем приближения к характеристикам общества знаний.

По нашему мнению, недостатки теории человеческого капитала лежат в области ее

чисто экономической трактовки, тогда как проблема носит междисциплинарный характер и требует, прежде всего, качественного философского осмысления. Именно характер капитала как самовозрастающей стоимости, которая побуждает к усовершенствованию (в данном случае процесса труда) и необходимо положить в основу отношения к образованию (принцип избыточности в получении все новых и новых знаний). Необходимо отметить, что концепция общества знаний и экономики, основанной на знаниях, имеет ряд характеристик, которые противоречат изложенным принципам, решение которых еще только предстоит найти. Например, противоречие между распространением знаний и технологий как основополагающим тезисом, и развитием рынка интеллектуальной собственности и защиты новых технологий как собственности отдельных лиц или компаний, что, безусловно, препятствует их быстрому распространению.

Таким образом, важность человеческого капитала в формировании общества знаний тяжело переоценить. Напоследок остановимся коротко на одной из существующих методик, которая позволяет оценить меру приближения страны или отдельного региона к такому типу общества, который можно определить как общество знаний, и, в том числе, включает в себя измерение некоторых элементов человеческого капитала.

Разработка индекса «Общества знаний» проводилась в рамках комплексного исследования экономической, экологической и социально-институциональной составляющих устойчивого развития регионов Украины (подробно см [1]). Данный индекс входит в состав компоненты «Качество жизни» социально-институционального измерения устойчивого развития Украины. Базируясь на глобальном индексе общества знаний, опубликованном ООН, индекс был существенно доработан и адаптирован для измерения конкретно показателей регионов Украины, с учетом имеющихся статистических и социологических данных и общей специфики развития страны. Отметим, что, не смотря на то, что построение сводных индексов является «наиболее предпочтительным инструментом оценки развития в комплексных областях деятельности человека» [2, с. 171], построение точного и надежного инструмента измерения состояния обществ знаний является нелегкой задачей, окончательно решить которую еще только предстоит как отдельным странам, так и глобально в мировом масштабе.

Итак, предлагаемая для рассмотрения методика расчета Индекса общества знаний базируется на измерении трех индикаторов:

- интеллектуальных активов общества (I_{SIA});
- перспективности развития общества (I_{PDS});
- качества развития общества (I_{QSD}).

Отметим, что каждый из индикаторов содержит ряд параметров, которые интегрируются с помощью комбинированной методологии расчета весовых коэффициентов, с подробным описанием которой можно ознакомиться [1]. Итоговое значение индекса рассчитывается по формуле:

$$I_{KS}=0,4I_{SIA}+0,4I_{PDS}+0,2I_{QSD} \quad (1)$$

Остановимся коротко на содержании трех перечисленных индикаторов. Известно, что значимость отдельных видов ресурсов изменяется при переходе от доиндустриальной до индустриальной и постиндустриальной стадий развития общества. Если в доиндустриальном обществе приоритет принадлежал природным и трудовым ресурсам, в индустриальном – материальным, то в постиндустриальном – интеллектуальным и информационным ресурсам. То есть, в данное время технологическая революция с информационными технологиями в центре формирует материальную основу общества, к сожалению, доступ к информационным технологиям все еще является одним из индикаторов интеллектуальных активов общества. Поэтому в этот индикатор вошли, в том числе, такие показатели как уровень умения населения пользоваться компьютером, уровень пользования сетью Интернет, уровень получения

населением информации из разных источников (печатных СМИ, Интернет, других). Также в индикатор интеллектуальных активов общества вошел такой важный показатель как удовлетворенность уровнем образования, который также можно отнести к показателям человеческого капитала. Для получения данного показателя были использованы субъективные оценки, полученные в рамках Всеукраинского социологического исследования. Включение данного параметра детерминировано тем, что как мы уже указывали именно в области образования лежат истоки формирования человеческого капитала, истоки формирования не только ограниченного набора знаний, а и самого метода самостоятельного получения знаний на протяжении всей жизни, оценить эффективность получения которого могут только сами субъекты образовательного процесса.

В основу индикатора перспективности развития общества были положены показатели эффективности создания государством условий для формирования и поддержки отдельных показателей инновационной экономики, такие как, например, количество организаций, которые выполняют научные и научно-технические работы, уровень освоения новых видов продукции в промышленности, получение охранных документов на объекты промышленной собственности. Также в этот индикатор вошли другие параметры, которые отображают перспективность развития общества. Среди них есть показатели, основанные на статистических данных (обеспеченность учителями дневных общеобразовательных учебных заведений, количество преступлений в сфере служебной деятельности), и на социологических (оценки собственной уверенности в будущем) данных.

В индикатор качества развития общества вошли такие показатели как неравенство при распределении социальных и материальных благ между членами общества (GINI-индекс) и уровень свободы от безработицы людей в возрасте от 15 до 70 лет.

Таким образом, попытки создания надежного инструментария для измерения как состояния приближения к идеалам концепции общества знаний, так и измерения человеческого капитала не должны оставаться исключительно теоретическими разработками, а служить и четко практическим целям. Использоваться в повседневной управленческой деятельности не только для классификации и оценки состояния регионов или стран, но и для выявления областей, требующих первоочередного внимания и решения острых проблем. Именно такое направление дальнейших исследований будет приносить пользу не только субъектам управления, производства, распространения знаний, а станет реальным шагом по приближению к идеалам концепции общества знаний.

Литература

1. Аналіз сталого розвитку – глобальний та регіональний контексти [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://wdc.org.ua/sites/default/files/SD2010-FULL-P2-UA_1.pdf – Дата доступа: 05.11.2013.
2. К обществам знания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> – Дата доступа: 05.11.2013.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

М. З. Изотов

В последние годы в документах Международных организаций и научных публикациях широко используется понятие «человеческий капитал» наряду с такими терминами, как человеческие ресурсы, человеческий потенциал, трудовые ресурсы, трудовой потенциал. Признавая, что решающим фактором в экономическом развитии

общества всегда был человек, некоторые авторы придают большое значение качественным параметрам развития человеческих ресурсов. Понятие «человеческий капитал» понимается ими не как количественный, а как качественный аспект, характеризуемый уровнем образования, способностью повышать доходы и производительность работников, вносить вклад в общее экономическое развитие [1, с. 110]. В настоящее время происходит переосмысление отдельных ранее сформулированных теоретических положений, а именно: от определения сущности человеческого капитала как затрат, инвестиций в человека и получения доходов до оценки накопленных знаний отдельной личностью и обществом в целом и вкладе их социально-экономическое развитие страны. В социогуманитарных науках постепенно осуществляется переход от оценки человека только как фактора и ресурса труда к пониманию устойчивого человеческого развития в качестве конечной цели обеспечения стабильности и конкурентоспособности экономики.

Исследование человеческого капитала как богатой и сложной совокупности разных потенциальных возможностей, в том числе нереализованных и скрытых, предполагает необходимость всестороннего, философского подхода.

В структуре человеческого капитала широко представлены такие виды потенциалов, как научный, интеллектуальный наряду с образовательным потенциалом, которые тесно взаимосвязаны между собой, но имеют определенное предназначение. Появление в научном обороте и практике общественно-политической жизни страны таких терминов и категорий является не случайным. Широкое их распространение и употребление означает вступление в новое тысячелетие, в XXI век, реализацию его целей и переход к экономике знаний и в целом к обществу, основанному на знаниях.

Развитие данных видов потенциалов обуславливается во многом обеспечением достойного уровня жизни людей, соответствующим доходом на душу населения в стране. В свою очередь, развитие образовательного, научного и интеллектуального потенциалов будет способствовать достижению нового качества жизни.

В общей совокупности потенциалов человеческого капитала особое значение придается интеллекту. Интеллектуальный потенциал основан на взаимодействии *интеллект – процессы жизнедеятельности людей – обеспечение их творческой продуктивности* с использованием имеющихся ресурсов. Интеллектуальный потенциал тесно связан со всеми другими составляющими и компонентами человеческого капитала. В рыночной экономике особое место занимает предпринимательский потенциал, который позволяет добиться увеличения темпов экономического роста страны через развитие предпринимательской способности, связанной с оптимизацией практических целей на основе интеллектуальных и организаторских способностей.

Предпринимательский потенциал тесно взаимосвязан с личностным потенциалом, который характеризует внутреннюю *интеллектуальную*, физическую и духовную энергию человека, его деятельную позицию, направленную на творческое выражение и самореализацию. Личностный потенциал может проявляться в образовательном, интеллектуальном, научном потенциалах, креативных и лидерских способностях человека.

Важно подчеркнуть, что человеческий капитал как богатейшая совокупность возможностей, ресурсов и нереализованных резервов, заложенных в его потенциалах, может характеризовать страну в целом и ее регионы, компанию и личность человека. По мере вступления мировой экономики в новый этап своего развития в условиях усиления конкуренции и международной интеграции на первый план выдвигаются качественные ресурсы, резервы человеческого капитала, связанные с наукоемкой, инновационной

экономикой с высоким *интеллектом*. И действительно в мировой экономике сформировался новый тип экономического роста на базе использования знаний и инноваций как важнейших ресурсов. В основе экономики развитых стран лежит *интеллектуальный потенциал*. Ее можно назвать интеллектуальной экономикой – в противовес сырьевой. Национальное богатство таких стран только на 5 % составляют природные ресурсы, на 18 % – физический (произведенный) капитал, а основное место – 77 % – занимают знания и умения. Эти новые тенденции характерны для перехода к современной концепции развития человеческого капитала, к которому предъявляются повышенные требования.

Ныне создание собственного конкурентноспособного человеческого капитала в Республике Казахстан детерминировано достигнутым уровнем образования населения и профессиональной подготовленности работников как исходной базы. В условиях сформированного индустриально-инновационного развития страны необходимым фактором реализации намеченных прорывных технологических проектов является реформа системы общего и специального образования, профессиональной подготовки кадров. В кануне 20-летия Независимости Республики Казахстан Главой государства Н.А. Назарбаевым была поставлена цель вхождения страны в число 30-ти наиболее конкурентноспособных держав мира. Совершенствование системы образования играет важную роль в достижении этой цели.

Образование расширяет свои функции: оно превращается из обучающей и просветительской системы в сложно синтезированный комплекс возможностей развития, которые человек может использовать по своему усмотрению. Он может готовить себя к трудовой деятельности, что ныне актуально, развивать свои творческие и интеллектуальные способности, знакомиться с культурно-историческим наследием.

Думается, что в контексте поисков адекватного определения феномена человеческого капитала необходимо отличать человеческий капитал от простой рабочей силы, а также способности к творческому труду от способностей к исполнительскому труду. Здесь главным и отличительным компонентом способностей к творческому труду выступает именно интеллектуальная активность, направленная на саморазвитие и самореализацию личности в системе общественной организации производства. Поэтому человеческий капитал представляет совокупность знаний, умений, навыков и квалификаций личности, одухотворенные этой интеллектуальной активностью.

Литература

1. Сунь Лин. Качество человеческого капитала как фактор экономического роста. – Проблемы современной экономики // Евразийский международный научно-аналитический журнал. – 2003. – №1(5).

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Р. С. Лаво, С. А. Морозов

Среди различных нематериальных форм капитала, описанных и исследованных мировым научным сообществом, интеллектуальному капиталу принадлежит особое место, прежде всего потому, что юридический термин *интеллектуальная собственность* применяется в международном праве с конца XIX века. В 1886 г. в столице Швейцарской конфедерации городе Берн была принята Бернская конвенция по охране литера-

турных и художественных произведений и образован Бернский союз для охраны прав авторов литературных и художественных произведений. В 1952 г. по инициативе ЮНЕСКО была принята Всемирная (Женевская) конвенция об авторском праве, закрепившая международно-правовой порядок основ охраны авторских прав, используемых в международном частном праве. Уже само международно-правовое признание в рамках международного частного права интеллектуальной собственности как особой формы охраняемых нематериальных ресурсов означает безусловное признание интеллектуального капитала как особой нематериальной формы капитала, конвертируемой в финансовый капитал.

В международном частном праве различают фактологическое авторское право (то есть возникающее в связи с фактом создания творческого произведения), регистрационное авторское (или изобретательское) право, возникающее у правообладателя в связи с регистрацией прав владельца на патент на изобретение или изделие, и авторское право на технологию производства или коммерческой реализации (ноу-хау), которое распространяется на объект права без регистрационных процедур.

Все это дает основание рассматривать интеллектуальный капитал как особую нематериальную форму капитала, подлежащую отчуждению на возмездной основе. Интеллектуальный капитал непосредственно связан с человеческим капиталом и является результатом его производительного использования в общественном производстве материальных и духовных благ, он опосредован культурным капиталом, детерминирующим его возникновение и использование.

Несмотря на очевидность интеллектуального капитала как формы капитала, он не упоминался ни П. Бурдые в «Формах капитала» и других работах ученого, хотя он и упоминал «поле интеллектуальной деятельности» (см.: [1] [2] [3] [4]) ни среди восьми форм капитала, проанализированных В.В. Радаевым [5]. На широкой трактовке знания как совокупности «данных, образов, символов, культуры, идеологии и ценностей» настаивал А. Тоффлер, хотя и не писал о собственно интеллектуальном капитале [6, р. 14].

Впервые концепт интеллектуального капитала был сформулирован экономистом Дж.К. Гэлбрайтом, обосновавшим стоимостное выражение знания, воплощенного в человеческой деятельности уже в 1969 г [7]. Редактор журнала «Форчун» Т. Стюарт, обобщивший опыт оценки нематериальных активов в шведской фирме «Скандия», полагал, что интеллектуальный капитал образуют «патенты, процессы, управленческие навыки, технологии, опыт и информация о потребителях и поставщиках» [8].

В конце 90-х гг. XX века проблемы концептуального определения интеллектуального капитала привлекли внимание ряда ученых. Л. Эдинсон и П. Салливан предлагали понимать под интеллектуальным капиталом знание, которое можно преобразовать в финансово выраженную стоимость [9], Т. Фортюн, рассматривая интеллектуальные ресурсы производства, предлагал рассматривать их как сумму всех знаний сотрудников компании [10, р. 7], а согласно мнению Э. Брукинга и Ю. Даума под интеллектуальным капиталом следует понимать нематериальные активы организации [11]. Глава инжиниринговой компании «The Technology Broker» Э. Бруккинг предлагал включить в понятие интеллектуальный капитал «четыре категории неосязаемых активов – человеческие ресурсы, права на интеллектуальную собственность, инфраструктуру и положение на рынке» [12]. Ю.Г. Быченко, упоминая интеллектуальный капитал как особую форму капитала, вместе с тем, рассматривает его как элемент человеческого и культурного капитала [13].

Структурно экономисты выделяли в интеллектуальном капитале человеческий

капитал и структурный капитал организации. Причем не все нематериальные активы являются интеллектуальным капиталом [14, с. 29–30]. По мнению коллектива пензенских ученых-экономистов, интеллектуальный капитал может быть актуализирован: во-первых, в овеществленных знаниях, которые существуют в объективной форме различного рода материальных предметов; во-вторых, в персонифицированных (субъективированных) индивидуальных и коллективных знаниях; в-третьих, в кодифицированных (фиксированных, формализованных) знаниях, представленных в знаковой форме или в форме символов (устного или письменного текста, формул, изображений, описаний, чертежей, баз данных, компьютерных программ и т.д.) [14, с. 22].

На основании всего сказанного выше, можно заключить, что в рассмотрении содержания концепта интеллектуального капитала прослеживается несколько тенденций: 1) в ряде случаев интеллектуальный капитал содержательно смешивается с человеческим капиталом, в то время как если следовать принципам классификации нематериальных капиталов П. Бурдые, можно выделить индивидуальный инкорпорированный интеллектуальный капитал и совокупность индивидуальных инкорпорированных капиталов, обладающих синергетическим эффектом, – коллективный инкорпорированный интеллектуальный капитал; 2) можно выделить индивидуальный, коллективный и корпоративный объективированный интеллектуальный капитал, который может быть воплощен в индивидуальных, коллективных и корпоративных юридически оформленных документах на результаты интеллектуальной деятельности; 3) интеллектуальный капитал может существовать в индивидуальной и коллективной формах в открытом культурном пространстве, добровольно предоставленный его акторами для свободного доступа.

Литература

1. Бурдые, П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М., 2007.
2. Бурдые, П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М., 1994.
3. Бурдые, П. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. – СПб.–М., 2005.
4. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.–М., 2005.
5. Радаев, В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. – 2003. – №2. – С. 5–17.
6. Toffler, A., Toffler H. *War and Antiwar Survival at the Dawn of the 21-st Century*. – New York, 1994.
7. Гилбрейт, Д. Экономические теории и цели общества / Под ред. акад. Н.Н. Иноземцева. – М., 1979.
8. Stewart, T.A. *Intellectual Capital: The New Wealth of Organizations*. – New York–London, 1997.
9. Edvinsson, L., Sullivan P. *Developing a model for managing Intellectual Capital* // *European Management Journal*. – 1996. – V. 14. – P. 356.
10. Fortune, T.S. *Intellectual Capital*. – London, 1998. – P. 7.
11. Брукинг, Э. Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии / Пер. с англ. под ред. Л.Н. Ковалик. – СПб., 2001.
12. Brooking, A. *The components of intellectual capital?* [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.tbroker.co.uk/intellectual_capital/components.html. – Дата доступа: 02.10.2013.
13. Быченко, Ю.Г. *Инновационный механизм устойчивого развития человеческого капитала. Теория, методология, практики функционирования*. – Saarbrücken, 2011.
14. Скворцов, А.О., Скворцова В.А., Тарасова Е.М. *Интеллектуальный капитал: теория и российская практика: монография*. – Пенза, 2012.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ПРИРОДА ПОЗНАНИЯ

Р. Н. Дождикова

Необходимо рассматривать понятие «интеллектуальный капитал» в соответствии с существующими взглядами на «капитал природы» и «идейную кооперацию» Н. В. Тимофеева-Ресовского, идеями взаимодействия физического, финансового и «социального капитала» Дж. Коулмана, концепцией «человеческого капитала» Г. Беккера, идеями взаимодействия экономического и «культурного» или «символического» капитала П. Бурдьё.

Интеллектуальный капитал – составная часть символического (культурного), человеческого и социального капитала, он включает в себя знания, их носителей и творцов и, прежде всего, те идеи и теории, научные и творческие коллективы, которые обуславливают прогресс в различных сферах общества (науки, государственного управления, системе хозяйствования в целом). Для эффективного функционирования интеллектуального капитала необходима идейная кооперация и коммуникация ученых и творческих коллективов.

Согласно Н. В. Тимофееву-Ресовскому, решение проблем ноосферы и коэволюции требует «разумного хозяйствования», использования естественного процента с «капитала природы», объединенных усилий философов, математиков, кибернетиков, генетиков, зоологов, ботаников, гидробиологов, физиологов, биохимиков, а также комплексных междисциплинарных исследований проблем гомеостаза. Так, «для развития эволюционной математики особенно важным является образование... «невидимых коллективов», т.е. в данном случае тесной *идейной кооперации* (курсив мой – Р.Д.) генетиков, эволюционистов и математиков». При этом «важным является не только увеличение кадров научных работников и расширение сети существующих научных институтов, но и рациональное, возможно более полное использование уже имеющихся возможностей. В этом отношении большое значение имеет уже упоминавшееся развитие «невидимых коллективов» в науке. Оно должно сводиться к тому, чтобы научные работники разных специальностей заинтересовали друг друга в проведении общих исследований».

Основной предпосылкой создания «невидимых коллективов» является отнюдь не переквалификация исследователей: представителям разных научных дисциплин необходимо достаточно глубоко ознакомиться с соответствующей другой дисциплиной для того, чтобы иметь возможность творчески обсуждать общую проблематику» [1, с. 246–247]. Создание «невидимых коллективов» и сотрудничество различных ученых и учреждений будет содействовать разработке и решению важнейших проблем современности: проблем экологии и утилизации отходов, проблем взаимодействия экономики и практики хозяйствования (экономистов много, а «хозяев» мало), проблем эволюционной биологии и медицины, проблем цензуры в СМИ и философии воспитания и образования.

Р. Декарт рассматривал «общение людей» как одну из ступеней мудрости, а А. Эйнштейн говорил о важности «свободы общения» в науке. Познание вообще имеет деятельностно-коммуникативную природу, оно предполагает: 1) коммуникацию и диалог человека и природы, субъекта и объекта; 2) «внутреннюю коммуникацию» ощущений, чувств и мыслей и внутренний диалог (Я и «Другой во мне»); 3) коммуникацию и «переключку» прошлых и современных идей и теорий; 4) коммуникацию ученых, их *идейную кооперацию*. «Из ничего ничто не возникает», то есть свои законы «сохранения», а значит и коммуникации, существуют и в познании, в духовной сфере и в культу-

ре вообще.

Литература

1. Тимофеев-Ресовский, Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А.Я. Краткий очерк теории эволюции. – М, 1977.

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ КАПИТАЛОМ: ОТ НАКОПЛЕНИЯ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ

А. Н. Мирошниченко

Понятие интеллектуального капитала прошло длительную эволюцию. Сегодня оно не просто фиксирует ведущую роль знаний и компетенций в деятельности организаций различного масштаба, но и по сути является точным инструментом для обеспечения более эффективной работы организации. Но для того, чтобы понять содержание этого инструмента, стоит посмотреть на историю его использования.

Исторически понятие интеллектуального капитала и связанного с ним понятия нематериальных активов, с одной стороны, использовалось для определения источников разницы в первоначальной и рыночной стоимости акций предприятия. С другой стороны, большую роль в развитии понятия интеллектуального капитала сыграло понятие человеческого капитала, который в дальнейшем стал рассматриваться как элемент интеллектуального.

Что касается роли интеллектуального капитала в определении стоимости фирмы, то если первоначальную стоимость можно было определить как текущую ценность постоянного денежного потока, производного от имеющихся активов, то уже стоимость, определяемую нематериальными активами, необходимо было рассматривать как ценность возможностей, предоставляемых фирмой для осуществления дополнительных инвестиций в средства производства, которые принесут доход, превышающий «традиционную» норму прибыли. Использование такого подхода позволяло определять ценность будущего роста компаний, зависящую от их интеллектуального капитала. Для компаний, включенных в биржевой индекс Russell 3000, по данным на декабрь 2003 года интеллектуальный капитал составлял 72,5% от рыночной стоимости акций компании; 46,3% от ценности предприятий.

Данные говорят о возрастающей доле интеллектуального капитала в стоимости компании. Как только специалисты научились определять влияние интеллектуального капитала на стоимость компании, у управляющих компаний, которые отвечали за рост стоимости акций, появилась задача найти способы увеличения этой стоимости.

Относительно развития понятия человеческого капитала можно сказать следующее. Теодор Шульц рассматривал человеческий капитал в качестве фактора, влияющего на экономику страны (на примере развивающихся стран) и доказал его существенную роль в процессе развития экономики государства. Он определял человеческий капитал следующим образом: «Все человеческие способности являются или врожденными, или приобретенными. Каждый человек рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющим его врожденные способности. Приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями, мы называем человеческим капиталом».

Сегодня же принято рассматривать человеческий капитал как сформированные в результате инвестиций и накопленные человеком ресурсы: определенный запас здоро-

вья, знания, навыки, способности, мотивации. Все они ведут к росту квалификации работника, целесообразно используются в той или иной сфере общественного производства, содействуют росту производительности и качества его труда и тем самым ведут к росту заработков данного человека.

Целостное определение интеллектуального капитала, который включает в себя человеческий, возникло после того как появилась необходимость оценивать различные факторы интеллектуального капитала, влияющие не только на стоимость компаний, но и на эффективность его работы. Существует множество подходов к определению как самого интеллектуального капитала, так и его стоимости, однако, наверное, наиболее распространенным способом определения интеллектуального капитала стало следующее: «Интеллектуальный капитал организации – это квалификация, опыт, мотивация персонала, знания, технологии и каналы коммуникации, способные создать добавленную стоимость и обеспечивающие конкурентные преимущества организации на рынке».

Как правило, определяют следующие виды интеллектуального капитала:

– Клиентский капитал – знания о взаимосвязях с клиентами. Оценка клиентского капитала показывает, насколько хорошо в компании способны понять своих заказчиков, их меняющиеся нужды и требования. Стоимость такого капитала, как правило, равна или больше затрат на приобретение новых клиентов. Примерами этого вида капитала являются клиентские базы, лояльные клиенты, роялти, портфель заказов и т.п.

– Структурный капитал, который включает в себя формализованные (внутри компании) процедуры обмена опытом, методы использования информационных технологий, печатные материалы и т.п. Это капитал, который определяет способы создания ценности для клиентов. Примеры структурного капитала: базы данных, информационные технологии, корпоративные регламенты и стандарты и т.п.

– Человеческий капитал – это знания, творческий и интеллектуальный потенциал, личные качества, моральные ценности, умения и навыки, лидерство, культура труда, которые используются для получения дохода организацией либо индивидом. Примеры человеческого капитала: знания сотрудников, образование, квалификация и т.п.

Наиболее эффективной методикой, описывающей конкретные значения каждого вида интеллектуального капитала является «Монитор интеллектуальных активов К.Э. Свейби» [2]. Свейби предложил свои определения различных видов интеллектуального капитала, выделив их не столько с точки зрения обобщения признаков активов, но с точки зрения функций. У него получились следующие определения:

– *Внешняя структура* монитора нематериальных активов предприятия включает клиентов, поставщиков, посредников. Важность клиентов больше, чем деньги. Они обеспечивают обучение сотрудников, могут давать рекомендации, общаются друг с другом, распространяя слова и образы, их мнение является источником для разработки новых продуктов и услуг. Эти потоки можно назвать нематериальными доходами, т.к. они увеличивают стоимость нематериальных активов.

– *Индикаторы внутренней структуры*. Внутренняя структура компании включает патенты, концепции, модели, компьютерные системы, менеджмент. Структура создается сотрудниками, а ее компоненты принадлежат организации. Сотрудники, работающие в администрации, бухгалтерском учете, кадрах и т.п., также относятся к внутренней структуре предприятия и являются «вспомогательным персоналом».

– *Человеческий капитал* – это характеристики специалистов. Термин «специалист» относится к людям, которые планируют, производят, перерабатывают или представляют продукты и решения по запросам клиента. Этот термин включает всех, кто непосредственно участвует в работе с клиентами. Он исключает вспомогательный пер-

сонал, т.е. тех, кто работает в области бухгалтерского учета, управления, приема, являющихся частью структурного капитала.

Кроме этого он выделил группы индикаторов, который отражали рост, обновление, эффективность и риск функционирования различных видов интеллектуального капитала. В качестве примера набора индикаторов интеллектуального капитала можно привести следующую таблицу.

Показатели	Рыночные ценности			
	Материальные активы	Нематериальные активы		
		Внешняя структура	Внутренняя структура	Квалификация персонала
1. Рост		Рост объемов продаж	Инвестиции в информационные технологии Инвестиции на внутреннюю структуру	Индекс квалификации (компетенции) Количество лет в профессии Уровень образования Изменение квалификации (компетенции)
2. Обновление / инновации		Покупатели, улучшающие имидж предприятия Продажи новым покупателям	Покупатели, улучшающие организацию Доля новых товаров / услуг Внедренные новые продукты	Покупатели, улучшающие квалификацию Гендерное разнообразие Затраты на обучение и переподготовку
3. Эффективность		Индекс выигрыш / потери Объем продаж на 1 покупателя Размер прибыли на 1 покупателя	Доля обслуживаемого персонала	Доля специалистов Прибыль на 1 специалиста Добавленная стоимость на 1 занятого Добавленная стоимость на 1 специалиста Прибыль на 1 занятого Эффект рычага
4. Риск / стабильность		Индекс удовлетворения покупателей Частота повторных заказов Возрастная структура клиентов Доля лояльных покупателей Доля крупных клиентов	Индекс ценности / отношение Возраст организации Трудовой стаж Отношение к новичкам Текущее обслуживание персонала	Текущее обслуживание специалистов Трудовой стаж специалистов Средняя заработная плата

Компании, которые хотят управлять своим интеллектуальным капиталом, должны определить полный набор индикаторов различных видов капитала для своей деятельности, задать нормативные значения, исходя из своей бизнес-модели, оценить по этим параметрам соответствие реальных значений нормативным и сформулировать план действий по приведению в соответствие реальных и нормативных значений показателей. Таким образом они смогут значительно увеличить эффективность использования интел-

лектуального капитала.

Управление эффективностью деятельности компаний через «связывание» интеллектуального капитала. Под связыванием здесь мы будем понимать различные действия, направленные на построение такой модели отношений различных видов интеллектуала между собой, чтобы это влияло на повышение эффективности бизнес-модели предприятия.

В качестве прототипа такой работы можно назвать т.наз. «Сбалансированную систему показателей». В ней можно выделить такую зависимость: достижение финансового результата (финансовый капитал) зависит от создания новых потребительских свойств товаров или услуг компании (клиентский капитал), *создание которых* обеспечивается освоением и созданием новых технологий и бизнес-процессов (структурный капитал), *которые связаны с* формированием и созданием новых квалификаций, компетенций, знаний и навыков сотрудников (человеческий капитал). После этого стратегическую карту, показатели результативности и стратегию, разработанные в рамках ССП, можно рассматривать в качестве способов связывания интеллектуального капитала.

Существует и более прямой способ связывания, который называется «процессом управления интеллектуальным капиталом» (ICMP), разработанным британской компанией Intellectual Capital services Ltd [3]. Этот подход базируется на следующих принципах: все ресурсы предприятия рассматриваются с точки зрения влияния на создание потребительской ценности, а создание потребительской ценности рассматривается как трансформация ресурсов из одних форм в другие. В отличие от других подходов к управлению интеллектуальным капиталом, этот исходит из того, что успеху организации способствует не столько наличие тех или иных нематериальных ресурсов, а именно процесс трансформации одних активов в другие. Способ трансформации различных активов задается бизнес-моделью организации.

ICMP представляет собой процесс определения оптимальной модели взаимовлияния различных видов интеллектуальных ресурсов в модели интеллектуального капитала.

Однако, по нашему мнению наиболее успешным способом связывания интеллектуального капитала является подход основанный на теории ограничений Э. Голдрата [1]. Голдрат рассматривал организацию как систему, у которой существует ключевое ограничение. При этом вся система организации рассматривалась им как цепочка создания ценности. Например, в качестве цепочки может рассматриваться следующая последовательность элементов:

- спрос на рынке на определенное количество продукции –
- способность системы сбыта предприятия обнаружить клиентов, со спросом на продукцию предприятия (капитал внешней структуры) –
- производство продукции (капитал внутренней структуры) –
- снабжение производства необходимыми ресурсами (капитал внешней структуры) –
- производство ресурсов внешними поставщиками.

То место в цепочке, которое работает недостаточно эффективно, ограничивает эффективность всей цепочки создания ценности в целом. Снятие этого системного ограничения многократно повышает эффективность всей системы. Снятие одного системного ограничения приводит к появлению нового. Например, снятие ограничения в сбыте (увеличение продаж) может привести к появлению ограничения в производстве (недостаточный выпуск продукции) и т.д. Непрерывное совершенствование деятельности предприятия и состоит в постоянном обнаружении и снятии системных ограничений организации.

В такой модели функциональная стоимость интеллектуального капитала определяется не через свои возможности и потенциал, а через ключевое ограничение, стоимость снятия ограничений и разницу между существующим ограничением и следующим ограничением и стоимостью его снятия. Таким образом, реальная стоимость интеллектуального капитала определяется здесь через способность определять и снимать ключевые ограничения в деятельности предприятия, что напрямую влияет на рост стоимости всего предприятия в целом.

Функциональная модель интеллектуального капитала, таким образом, позволяет не относиться к организации как к неиспользованному набору активов, который может негативно сказываться на деятельности (через стоимость содержания активов), а наоборот, резко увеличивать ограниченные интеллектуальные активы через эффективное их связывание в рамках бизнес-модели.

Литература

1. Детмер, У. Теория ограничений Голдратта. Системный подход к непрерывному совершенствованию. – М., 2010.
2. Селиванова, Л.А., Городничев А.А. Исследование предприятия на основе монитора нематериальных активов К.-Э. Свейби [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bief.ru/wp-content/uploads/2010/09/420.pdf>. – Дата доступа: 01.12.2013.
3. Руус, Й., Пайк С., Фернстрём Л. Интеллектуальный капитал. Практика управления. – М., 2010.
4. Каплан, Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. – М., 2003.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: ИСХОДНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Э. А. Тайсина

Поистине, интеллектуальный потенциал является ничем не заменимым богатством, и острейшие вопросы завтрашнего развития зависят от нашего умения и готовности распорядиться этим богатством по-настоящему рачительно и прозорливо. Социологическую науку больше будет интересовать практическая сторона, то есть возможность реализации интеллектуального потенциала некоторого сообщества. Однако без базовой философской теории практика, как известно, слепа (впрочем, теория без практики беспредметна), и прежде всего, нужно направить усилия именно на разработку теоретического основания, а затем на прагматические приложения. Вопросы сущности, содержания, структуры, актуализации интеллектуального потенциала требуют категориального, т.е. социально-философского анализа; вопросы его проявления, направленности, факторов развития – общесоциологического; демонстрация же применения, контроля, использования и т.д. потребует конкретно-социологического подхода.

Интеллектуальный потенциал как понятие с точки зрения логического анализа является видом понятия «духовный потенциал», а оно, в свою очередь, – видом понятия «социальный потенциал». Содержание каждого индивидуального или видового понятия имеет в своем объеме *все* признаки более общих для него, родовых понятий. Поэтому интеллектуальный потенциал, кроме специфических признаков, содержит все отличительные свойства как духовного, так и, шире, социального потенциала. Дальнейшее расширение объема приведет нас к понятиям «потенциал», «возможность» (и «действи-

тельность») и другим всеобщим категориям. Сужение объема приведет к понятию субпотенциала.

Сообразно с существующими различиями между трудовой, социально-политической и духовной деятельностью можно выделить, наряду с духовным потенциалом, трудовой (экономический) и социально-политический потенциал в зависимости от сферы реализации социальной активности. Используя же, сверх того, цивилизационный подход, мы можем вести поиск и анализ критериев поступательного движения (прогресса или регресса) данной социальной системы под углом зрения интересующего нас развития интеллектуального потенциала на общем историческом фоне перехода от так называемого индустриального общества к постиндустриальному.

Сказанное не означает, что между разновидностями социальной активности существуют некие непроходимые грани, и что труд, например, не может быть одухотворен, а социально-политическая деятельность не требует труда и т.д. То же самое относится и к разновидностям духовной деятельности и, следовательно, духовного потенциала как феномена: пусть логически мы выделяем в соответствующем понятии такие частные виды как интеллектуальный, нравственный и культурный потенциал, однако никак нельзя заявить, что, скажем, культура исключает нравственность и обе они исключают разумность. Речь идет о расстановке акцентов, выборе аспекта анализа в высокой мере целостного явления – социального потенциала.

Итак, интеллектуальный потенциал региона, как и любая разновидность социального потенциала – это система элементов, или факторов, причинно непосредственно определяющих активность населения этого региона, детерминирующая возможность удовлетворения общественных потребностей путем получения социально-значимых результатов (интеллектуальной деятельности). Интеллектуальный потенциал – это, с одной стороны, характеристика возможностей реализации человеком своих *внутренних* личностных сил, развития природных задатков; с другой – это характеристика возможностей раскрытия и использования *обществом* интеллектуальных способностей и талантов. Поэтому есть необходимость различать субъективную (внутренние личностные силы, запас знаний и методы их получения, ценности, логика и др.) и объективную (возможности общества раскрыть эти субъективные силы, степень цивилизованности, направленность общественного интереса, традиции, – так сказать, ноосфера исторической эпохи) стороны интеллектуальной активности.

Дадим свое определение. Интеллектуальный потенциал есть скрыто-открытая форма (скрытая, поскольку это *возможность*, и открытая, поскольку она *существует* и может быть исследована), так сказать, энергетического «заряда» личности, группы, региона или общественной системы в целом, предпосылками которого являются витальность (совокупность бессознательных состояний и процессов, поддерживающих гомеостазис организма) и социетальность (совокупность общественных отношений и проходящих через сознание и волю процессов, поддерживающих гомеостазис социума); это импульс к действию, основанный на мышлении и речи как врожденных задатках общественного индивида и направленный не только на гомеостазис, но и на повышение биопсихосоциального комфорта, оптимизацию общественных отношений и творческую продуктивность.

Интеллектуальный фактор в принципе воплощает в себе преобразующую деятельность сознания, как индивидуального, так и общественного.

Интеллектуальный потенциал, реализуясь, становится способностью людей «творить историю», и диалектика интеллектуального потенциала и актуального творчества (все равно, будет это теория или практика) такая же, как диалектика сокровища и обо-

ротного капитала. Интеллектуальный потенциал – гарант экспансии социальности.

Потенциал интеллектуальной активности группы, коллектива, региона, нации будет характеризоваться *дисперсией* субпотенциалов между членами группы, коллектива или региона – тем, как именно распределены ценности, роли, знания, профессиональные навыки и др. Общий интеллектуальный потенциал группы, региона и т.д. не сводится к сумме субпотенциалов всех членов коллектива, ибо, во-первых, существуют известные эмергентные свойства у любой целостной системы, во-вторых, в процессе взаимодействия людей изменяются указанные субпотенциалы, и в-третьих, фактор времени влияет также и на общий интеллектуальный потенциал: он приобретает новые качества.

Объективные факторы реализации интеллектуального потенциала суть экономические, экологические, этнические, социально-политические, психофизиологические, этико-эстетические, юридические, идеологические и др. Надо подчеркнуть, что и здесь существует «кольцо» зависимостей: накопление и реализация интеллектуального потенциала зависят от мировоззрения общества, наличествующего уровня развития общественного производства и всех потребностей, финансов, техники, политики, права, морали, системы ценностей, образования, научной картины мира, объективных фактов личной биографии – и наоборот, интеллектуальный потенциал является могущественным фактором общественного движения.

Реализованный, актуализированный, перешедший в действительность интеллектуальный потенциал есть социальный *ресурс*, а нереализованный, «виртуальный» интеллектуальный потенциал есть социальный *резерв*. Работа над ускорением или оптимизацией процесса превращения резерва в ресурс, а в ряде случаев, напротив, над предотвращением нежелательного перехода, – ибо существуют в социальной природе *ресурсы невозобновляемые и невозстановливаемые*, – должна вестись на основе научного мониторинга. И если значение бесчисленного множества возможностей для жизнедеятельности человека далеко не одинаково, то, во всяком случае, относительно интеллектуального потенциала сегодня можно смело заявить, что он является более важным социальным фактором и более ценным сокровищем, нежели благоприятная географическая среда или залежи полезных ископаемых, парк машин или репертуар операций.

Решающее условие кинесиса, то есть превращения возможности в действительность, – *коммуникация*. Только ток коммуникации реализует интеллектуальный потенциал. «Заряд» интеллектуального потенциала в процессе «социального кинесиса» проявляется в следующих отношениях: выработка целеустановки (идейной подготовки перехода от знаний к действиям); определение стратегии; выдвижение программы действий; планирование пути, средств, мобилизации и организации сил. Для всего этого субъекту необходимо разбираться в условиях своих действий, в объективных возможностях, своих собственных потребностях и внешних связях предметов, которые надо изменить или создать. Все это вместе с усвоением истории культуры, как мировой, так и национальной, личным интересом и чисто рациональными возможностями и составляет содержание интеллектуального фактора общественного развития.

ПРИРАЩЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК ОСНОВА ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Г. М. Бровка, Е. Б. Якимович

Одним из главных показателей прогресса в обществе было и продолжает оставаться то, какое внимание уделяется в нем развитию науки, образования, медицины, вы-

соких технологий и индустрии знаний. В современных условиях именно человеческий капитал и порождаемые им инновации в различных сферах общества обеспечивают рост и развитие экономики.

Интеллектуализация общества означает накопление интеллектуальных потоков и формирование интеллектуальных ресурсов, которые не могут быть получены путем простого обмена. Наличие интеллектуальных ресурсов обеспечивает функционирование общественной интеллектуальной системы, в которой возможна реализация интеллектуальной деятельности индивидов. Таким образом, интеллектуальный потенциал представляет собой накопленный в результате совместной интеллектуальной деятельности совокупный интеллектуальный ресурс, позволяющий эффективно использовать его для воспроизводства нового знания и развития инноваций. От того, насколько значителен интеллектуальный потенциал государства, зависит, в конечном счете, и успех решения стоящих перед ним экономических проблем. Сегодня, когда в условиях техносферы формируются новые параметры жизнедеятельности человека, которые превышают заложенные природой адаптационные физиологические и психологические возможности его организма, интеллектуальный потенциал можно рассматривать как эффективный механизм развития инновационной экономики.

В связи с этим все более актуальной становится проблема обеспечения сохранения и развития интеллектуальной элиты, а ее всестороннее изучение приобретает все большее значение на всех стадиях и во всех формах системы непрерывного образования. Формирование интеллектуальной элиты – совокупного интеллектуального ресурса страны или регионального союза – многосторонний сложный процесс, который находится под влиянием внешних и внутренних факторов и неизменно проходит ряд стадий. На разных социальных уровнях он имеет свои особенности и приоритеты. На личностном уровне: семья, образование, работа, карьера, образующими факторами становятся заложенная семьей культура взаимоотношений и постоянное саморазвитие. На уровне предприятия: в ходе карьерного роста молодого специалиста большую роль играет система наставничества и постоянное повышение квалификации, которые позволяют не только воспроизводить интеллектуальный ресурс, но и формировать новые технологии его роста. На уровне страны интеллектуальная элита складывается из интеллектуального потенциала отдельных граждан, предприятий или организаций, различных отраслей региона и страны в целом. Таким образом, уровень развития интеллектуальной элиты отражает инновационные возможности страны сделать прорыв в экономике и социальных сферах развития общества.

Совместная работа интеллектуальных элит, стоящих на разных иерархических ступенях общества, может быть рассмотрена следующим образом.

– Интегральные способности граждан решать возникающие проблемы при наличии разносторонней информации с быстро изменяющимися требованиями и условиями.

– Способность руководства предприятий и организаций понимать и принимать вызовы и потребности современного общества, обрабатывать информационные потоки, реагировать на изменения, принимать меры по решению задач, связанных со стимулированием творческих способностей и инициативы сотрудников. Элементами человеческого потенциала предприятий, организаций и коллективов являются интеллект, знания, навыки, опыт, здоровье и культура сотрудников.

– Рациональная ротация и расстановка руководящих кадров на уровне отрасли, которая в соответствии с требованиями внешней и внутренней среды позволяет реализовать стратегические знания и повысить эффективность развития отрасли на уровне межотраслевых и рыночных связей, использовать эффективные методы, средства и ин-

струменты при принятии и реализации управленческих решений.

– Способность на уровне региона решать коллективные и индивидуальные социальные и экономические проблемы и задачи общественной жизни, обеспечивать качество и системность подготовки кадров в зависимости от региональных потребностей развития отраслей промышленности.

Рассматривая Евразийское экономическое сообщество в контексте реальной силы, которая сегодня определяет интеграционный вектор развития постсоветского пространства в XXI веке в плане стремительного вхождения в мировую экономику и международную торговую систему, необходимо подчеркнуть, что ее могущество наравне с политической и военной силой будет определяться и мощью по развитию техники, науки и современных технологий.

Конечно, в рамках ЕврАзЭС создан Центр высоких технологий, проходит интеграция в инновационной сфере, особенно в областях нанотехнологий и биотехнологий, информационно-коммуникативной сфере. Создается антикризисный фонд. Но сегодняшние реалии таковы, что в странах ЕврАзЭС идет смена научно-образовательных парадигм, причем в каждой из стран эти процессы протекают под влиянием национальных и культурных особенностей. У каждого государства есть своя система взглядов на будущее развитие, которая формирует национальные и общие евразийские цели.

Для создания подобного инструмента выявления приоритетных научно-технических разработок и снижения риска неопределенности инновационных процессов в странах ЕврАзЭС нужна соответствующим образом подготовленная команда из высококлассных, креативных и обладающих высоким уровнем теоретических знаний специалистов. Формирование класса (прослойки) подобной интеллектуальной элиты, которая сможет генерировать новые идеи и новые знания в быстроизменяющихся условиях высоко насыщенного информационного мира, становится одной из основных задач системы высшего технического образования.

В условиях глобализации экономики и создания единой информационной среды, необходимо разработать четкий механизм реализации научно-технического прогнозирования. Это необходимо для того, чтобы грамотно распорядиться ограниченными в настоящее время интеллектуальными ресурсами и подготовить на базе научных и образовательных учреждений стран ЕврАзЭС кадры высшей квалификации, способные решать возникающие задачи.

Главная задача ЕврАзЭС на сегодняшний день – идентификация инновационного потенциала, которая позволила бы занять лидирующие позиции в долгосрочной перспективе через усиление сотрудничества между образованием, наукой, производством и бизнесом, что приведет к созданию единого исследовательского рынка. В рамках форсайта необходимо также оперативно использовать оценку ретроспективного анализа уже разработанных инновационных проектов с целью их корректировки.

Инновационное образование должно ориентироваться на приоритеты экономического развития. Разработка системы образования по подготовке высококвалифицированных специалистов потребует установления интересов и потребностей каждой страны-члена ЕврАзЭС в отдельности и увязывания их с интересами сообщества в целом. Построение подобной системы должно опираться на разъяснительную и пропагандистскую работу в странах ЕврАзЭС посредством комплекса мер, способных благоприятно повлиять на социальный климат, возродить атмосферу позитивного отношения и уважения к интеллекту, знаниям, образованию.

Было бы стратегически верно, если бы в рамках ЕврАзЭС организовывались меж-национальные проекты, ориентированные на молодежь, с целью привлечения ее к тех-

ническому образованию и науке, для того, чтобы оказать воздействие на умы сегодняшнего поколения младше 18 лет.

Таким образом, гармонизация образовательных и «знаниевых» приоритетов на уровне ЕврАзЭС позволит сформировать высокообразованный человеческий капитал, и, как следствие, создать новый класс интеллектуальной элиты. Необходимо обеспечить преимущество в развитии системы образования, воспроизводстве и наращивании интеллектуального потенциала сообщества как важнейшего условия поступательного развития ЕврАзЭС.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ В СТРУКТУРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА КАК ИСТОЧНИК УДОВЛЕТВОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ИНДИВИДОВ

С. В. Хамутовская

В течение нескольких последних десятилетий во всех странах мира, включая Беларусь, Россию и иные государства евразийского пространства, возрастает значимость и необходимость более активного использования интеллектуального капитала как средства повышения эффективности экономических, политических, культурных, интеграционных и других преобразований. При этом множество исследователей, среди которых, к примеру, А. Смитт, Дж.С. Милль, Т.В. Шульц, Г. Беккер, в качестве неотъемлемого элемента в структуре интеллектуального капитала, как на уровне индивида, так и на уровнях организаций (компаний), а также всего общества в целом выделяют человеческие ресурсы или активы. Особенность последних заключается в том, что они не отделены от конкретной личности их носителя и напрямую зависят от ее знаний, навыков, умений, чаще всего реализуемых в профессиональной сфере деятельности. Сквозь призму определения человеческого капитала американского экономиста Теодора Уильяма Шульца, человеческий ресурс можно рассматривать как все то, что представляет собой источник будущих удовлетворений или будущих заработков индивида, или того и другого вместе [1, с. 65]. В связи с этим представляется актуальным выявить, в какой степени различные составляющие человеческого ресурса интеллектуального капитала (знания, опыт, навыки, образование, личные связи и т.п.) помогают гражданам Беларуси удовлетворять их социальные потребности, в частности потребность в социальной поддержке, возникающую в проблемных жизненных ситуациях как в быту, так и на работе.

В рамках социологического мониторинга общественного мнения, проводимого Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 2011 году в пределах республики (выборка составляла более двух тысяч человек), респондентам задавался вопрос о том, что или кто помогает им справляться с жизненными проблемами. Ответы распределились следующим образом (таблица):

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что (кто) помогает Вам справляться с жизненными проблемами?», 2011,%

	Помогает во всех ситуациях	Помогает в большинстве ситуаций	Помогает только в некоторых ситуациях	Не помогает вообще	Затрудняюсь ответить
Профессиональные знания, умения	12,2	20,0	25,8	9,0	22,1
Хорошее образование	11,4	16,2	19,4	14,1	27,1
Наличие нужных связей, знакомств	16,2	25,1	26,9	8,7	14,6
Информированность	11,9	22,1	26,7	8,7	19,9
Жизненный опыт	27,3	35,8	19,5	2,8	8,5
Деловые качества	11,4	27,3	25,3	7,3	18,7
Нравственные качества	14,9	25,9	22,4	5,4	21,5
Личный авторитет, известность, репутация	9,6	18,3	27,0	12,7	21,6

Данные, приведенные в таблице показывают, что найти выход из проблемных ситуаций во всех случаях опрошенным помогает, прежде всего, жизненный опыт. Кроме него, не всегда, но в большинстве сложных ситуаций, на помощь приходят деловые и нравственные качества индивидов, наличие нужных знакомств и связей. Только в некоторых ситуациях помогает личный авторитет, известность, репутация граждан, наряду с наличием нужных связей и знакомств, информированностью, профессиональными знаниями и умениями. Среди тех характеристик, которые при возникновении проблем не помогают вообще, на первое место опрошенные поставили хорошее образование.

Таким образом, из всего вышесказанного видно, что основные составляющие человеческого ресурса в структуре интеллектуального капитала в достаточно большой степени способны удовлетворять социальные потребности населения Республики Беларусь, в том числе в период их обострения в проблемных жизненных ситуациях. Вследствие чего необходимо продолжать активно и целенаправленно инвестировать в человеческий капитал, который воспроизводится в процессе удовлетворения социальных и духовных потребностей человека в течение всей жизни, начиная с уровня индивида. В свою очередь, «более качественные и длительные инвестиции приносят более высокий и более долговременный эффект, это особенно справедливо по отношению к инвестициям в воспроизводство и накопление такого вида человеческого капитала, как интеллектуальный капитал» [2, с. 25].

Литература

1. Смирнов, В.Т. Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование: монография / В.Т. Смирнов, И.В. Сошников, В.И. Романчин, И.В. Скоблякова; под ред. В.Т. Смирнова. – М., 2005.
2. Тихонович, Э.А. Влияние социальной инфраструктуры на воспроизводство человеческого капитала // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономическая теория. Экономическая история. – 2012. – №1(20). – С. 22–28.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

К. М. Мартиросян

Особо подчеркивая роль культуры в социальной системе, которая обладает интегрирующим свойством по отношению к другим подсистемам социальной системы, Т. Парсонс акцентировал внимание на существование культуры в форме запаса знаний, символов и понятий, которые доступны социетальной и личностной подсистемам, но не тождественны им и обладают по отношению к ним автономией [1, p. 82]. Фактически в понимании Т. Парсонса речь шла об интеллектуальном капитале. Как явствует из понимания Т. Парсонса, фактически «запас знаний» или интеллектуальный капитал тесным образом связан с символическим капиталом.

Интеллектуальный капитал, выделяемый учеными-экономистами в ряду других форм капитала, «представляет собой информацию и знания, имеющие социально-экономическую ценность, то есть обеспечивающие индивиду доход и конкурентные преимущества» [2]. Однако социально-экономическая ценность не равнозначна ценности символической. Символическая ценность является следствием процессов в социально-экономическом развитии, когда «экономическая жизнь становится культурной и эстетизированной» [3, p. 109].

Воплощением этих процессов в социально-экономическом и культурном развитии являются *креативные индустрии*. Современные производители при помощи дизайнеров, специалистов в области рекламы и связи с общественностью придают товарам и услугам, производимым в социально-культурной сфере, определенную форму, которую наполняют необходимым содержанием, разрабатывают образ репрезентации товара или услуги и методы продвижения к потребителю, добиваясь их предпочтительного прочтения в ряду конкурирующих товаров и услуг, то есть символическим капиталом. Символический капитал означает форму, содержание и процесс потребления, добиваясь возможности различных интерпретаций интеллектуального капитала, содержащихся в произведенных продуктах или услугах, содержаний и дифференцированных оценок различными потребительскими сегментами с возможностью последующей трансформации этих оценок, наполняя производимые и предоставляемые товары и услуги социально-культурной сферы запрограммированной значимостью, а, следовательно, и определенным объемом символического капитала.

При этом прежний символический капитал теряет часть стоимости, потому что теряет актуальность, в то время как интеллектуальный капитал приобретает дополнительную стоимость за счет приращения стоимости с помощью символического капитала. Вновь возникающая стоимость символического капитала может являться добавочной к прежней, дополняя модернизируемый символический капитал, а может быть вновь создаваемой в связи с тем, что символический капитал возникает в прежде не востребованных областях социально-культурного производства или может представлять собой новый тренд в социально-культурных практиках, связанный с креативной деятельностью – например, мобильный Интернет, новые виды проведения досуга и т.п.

Интеллектуальный капитал в процессе креативного социально-культурного производства выполняет при этом следующие функции, придавая дополнительную символическую стоимость продуктам креативных индустрий: во-первых, это генерирование качественно новых форм и содержания продуктов и услуг в социально-культурной сфере – новые формы социально-культурной активности продуцируют новые социально-культурные практики, а новое содержание наполняет восприятие продукта или услуги

новым эмоциональным контекстом, это в свою очередь, требует нового содержания коммуникаций производителя с потребителями, что, в конечном итоге, создает в совокупности новый символический капитал; во-вторых, это участие во внедрении инноваций в социально-культурную жизнь общества – новые социально-культурные паттерны переформируют символический капитал производителей социально-культурных продуктов и услуг, повышая, как правило, ценность его марки; в-третьих, используемый в продуктах креативных индустрий интеллектуального капитала обеспечивает позитивное поступательное развитие общества за счет «опривычивания» новых социально-культурных практик и изменения социально-культурной активности людей, получающих дополнительные импульсы к позитивному выбору, в том числе и за счет символического капитала предоставляемых на рынок продуктов и услуг, воплощающего объективированный в них интеллектуальный капитал.

Литература

1. Parsons, T. *Social Structure and Personality*. – New York, 1970.
2. Дресвянников, В.А., Лосева О.В. Экономический (предпринимательский) интеллектуальный капитал: понятие, структура, алгоритм управления [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/018-010.pdf>. – Дата доступа: 03.10.2013.
3. Lash, S., Urry J. *Economies of Signs and Space*. – London, 1994.

КРЕАТИВНЫЙ АСПЕКТ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

И. Н. Браницкая

Как утверждают исследователи, «инновационный процесс – это комплексный социокультурный процесс, развивающийся по неким объективным законам, тесно взаимосвязанным с историей и традициями рассматриваемых социальных систем и кардинально преобразующий их структуру» [4, с. 45]. В результате инновационного процесса появляется инновация – нечто новое, способное изменить мир.

Инновационный процесс можно сравнить с онтогенезом организма – идея, которая в итоге воплощается в инновацию, проходит через стадии жизненного цикла организма – сначала она возникает, потом утверждается и вызревает, следом – проходит стадию метаморфоза – т.е. преобразовывается в инновацию, которая, в свою очередь, обретает самостоятельную жизнь и функционирование [3, с. 109]. Если вспомнить Платона и В.И. Вернадского, то искра идеи и основа замысла возникают в ноосфере, идеальном мире идей, из которого в процессе творчества человек ее познает или прозревает, внося в мир новый элемент, новую сущность новой вещи.

Если разбить инновационный процесс на уже упомянутые этапы – зарождения, становления, вызревания и воплощения, то основополагающим, разумеется, будет процесс зарождения идеи. Как и почему это возможно?

Идея возникает в креативном процессе и / или в результате творчества. Следует разделять эти понятия, ибо, как говорят исследователи, творчество – это такая рекомбинация старого, при котором рождается качественно новое, а креативность – скорее свойство психики конкретного субъекта, степень его способности к творчеству. Проявляя креативность, человек, по мнению Э. Торренса, приобретает чувствительность к проблемам, дефициту и пробелам знаний (см. об этом: [6, с. 11]). В креативном процессе происходит выделение проблемы, поиск ее решения путем объединения разноплановой информации. В процессе интеграции информации выдвигаются предложения и гипоте-

зы, которые проходят проверку и опровержение, они подвергаются усовершенствованию, и в итоге перед нами появляется идея как результат креативного процесса – то самое фундаментальное начало инновационного процесса.

В инновационном процессе креативность, являясь фундаментом зарождения идеи, проявляется во всех этапах. Проявление креативности в инновационном процессе зависит во многом от проблематики, которой была вызвана необходимость в инновации, и мотивацией креативного исследователя. Чем более мотивирован человек к решению проблемы как в плане характера проблем, интеграции научных областей, так и в банальной материальной заинтересованности, тем более яркими будут креативные решения в его инновационной деятельности. Однако не стоит забывать и о том, что мотивация должна идти изнутри и сопровождаться отвлеченным взглядом на многие вещи: известно, что опытные люди иногда гораздо менее креативны, чем новички, хотя творческий потенциал у них может быть гораздо выше. Вообще такое качество личности как креативность может восприниматься как странность. К примеру, Макс Фон Лауэ был вполне квалифицированным физиком, однако его идея о дифракции рентгеновских лучей в кристаллах была тем, что немцы называют «Bieridee» («пивной идеей») и воспринималась опытными учеными как утопическая, однако ее реализация инициировала возникновение инноваций, изменивших мир (см. об этом: [2, с. 62]).

Таким образом, креативность, ее возвышенная странность, сопровождающая весь инновационный процесс, изначально должна восприниматься положительно, если участники инновационного процесса хотят действительно создать инновацию, а не просто улучшить некую вещь или процесс. Креативные решения, сопровождающие весь инновационный процесс, есть результат творческого потенциала человека, помноженного на его интеллектуальное развитие. Все основные методики раскрытия творческого потенциала в креативном процессе как для индивидуума, так и для группы базируются на активизации интеллектуальной деятельности. Например, так называемый «мозговой штурм» А. Осборна (см.: [5, с. 42]) на этапе определения проблемного поля, инициирующего зарождение идеи и инновационный процесс, базируется на интеллектуальной деятельности, которая непременно сопровождается выражением творческого потенциала в креативности. Иногда креативность может показаться избыточной, а интеллектуальная деятельность в креативном процессе создателя идеи несколько «не от мира сего», однако участникам стоит проявить институциональную терпимость и дать интеллектуальной деятельности в виде фантазии, творческого процесса, открытий, изобретений и их рационализации выразиться в оригинальных креативных идеях.

Результат интеллектуальной деятельности участников креативного процесса как начального этапа инновационного может быть позже запатентован и признан интеллектуальной собственностью создателей.

Инновационный процесс, как уже было рассмотрено – это процесс воплощения идей, возникших в результате креативного процесса – результата совместной деятельности интеллекта и творческого потенциала – немыслим без начального этапа – формирования идеи.

Следовательно, круг замкнулся, и мы можем сделать вывод: креативность, которая позволяет человеку или группе людей сформировать и воплотить идею есть основа инновационного процесса. Без креативности не возникнет идеи, а, значит, не возникнет и самого инновационного процесса. Достаточно известным примером может послужить создание Д.И. Менделеевым знаменитой таблицы, когда поиски классификации химических элементов были решены одним сном [2, с. 48]. Многие ученые, изобретатели и конструкторы полагались на «озарение» – в их числе и американский изобретатель

Г. Паркер, известный русский авиаконструктор А.Н. Туполев, австрийский композитор В.А. Моцарт и многие другие [2, с. 46].

Таким образом, идея не воплощается сразу – ей предшествует креативный процесс определения проблемы и поиска ее решения. Исходя из знания о том, что инновационный процесс строится вокруг воплощенной в мир идеи, можно здраво рассудить: креативность, будучи основным аспектом и инициатором начального этапа инновационного процесса, играет в нем ведущую роль.

Литература

1. Гинзбург, В.Л. О науке, о себе и о других. – М., 1997.
2. Ильин, Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб., 2009.
3. Котлярова, С.Н. Инновационная и инвестиционная инфраструктура региона: факторы, тенденции и подходы к развитию в современных условиях; Препринт / С.Н. Котлярова, В.А. Ли, А.В. Суворова – Екатеринбург, 2010.
4. Мешков, А.А. Основные направления исследования инноваций в американской социологии // Социологические исследования. – 1996. – №5. – С. 45–61.
5. Osborn, A.F. Father of the Brainstorm [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.skymark.com/resources/leaders/osborne.asp>. – Дата доступа 31.10.2013.
6. Torrance, E.P. Father of Modern Creativity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://geniusrevive.com/ru/geniuses.html?pid=467&sid=472>: Ellis-Paul-Torrance-Father-of-Modern-Creativity. – Дата доступа: 31.10.2013.

ЛИЧНОСТНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В ДИСКУРСЕ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ

И. И. Таркан

Современное общество многие исследователи назвали «обществом знаний». Если в индустриальном обществе массовый труд являлся основной производительной силой, то в обществе знаний все более востребованными становятся личностные качества человека, которые принято рассматривать как компетенции.

Компетенция – базовое качество личности, имеющее основополагающее значение в условиях смены «предметного знания» на его практическую эффективность. Разработке личностных компетенций – важнейшая задача национальной модели подготовки человеческих ресурсов Беларуси. Свой вклад в решение этой задачи вносит и Академия управления при Президенте Республики Беларусь. Выступая на расширенном заседании Совета Академии управления, посвященном дню ее образования ректор А.Н. Морозевич подчеркнул: «В компетенциях должны задаваться параметры того, что обязан уметь и знать, а также на что в профессиональном плане может претендовать выпускник Академии управления. В связи с этим весьма важно создание диагностической базы формирования компетенций на различных этапах развития личности».

В контексте дискурса общества знаний необходимо вести речь о следующих личностных компетенциях:

1. *Позитивное мышление.* Данная компетенция предполагает развитую способность человека ставить перед собой большие общественно значимые цели и выстраивать стратегии ее достижения.

2. *Трудолюбие.* Данная компетенция формируется посредством развития способностей правильного выбора профессии. Профессиональная деятельность в современном обществе становится все более и более творческой (креативной), что превращает труд в

свободную игру творческих сил, а досуг становится продолжением труда. Если человек не любит свое дело, профессию, то ему будет трудно состояться как профессионалу и гражданину в обществе знаний.

3. *Коммуникативность.* Данная компетенция формируется процессами социализации и современной глобализацией. Современное общество – общество коммуникативной культуры, в которой ведущую роль играют средства массовой коммуникации. По степени распространения, интереса и универсальности общения и коммуникации социальные сети представляют собой феномен не имеющих себе равных среди Интернет-ресурсов. В условиях развития современных информационных технологий формируется новый тип человеческой коммуникации – «сетевое общество», в котором утрачиваются непосредственные связи с реальным субъектом и реальным настоящим. Человек сетевого общества все в большей степени имеет дело с анонимными адресатами и ситуациями коммуникаций, в которых стираются реальные пространственно-временные координаты. Виртуальная всемирная сеть Интернета все больше приобретает черты культурно-сконструированного бытия. Интернет превращается в активно развивающуюся интерактивную коммуникативную среду. Важно заметить, что социальные сети, являясь мощными средствами коммуникации, не могут создать конструктивных объединяющих людей идей. Сети выполняют в основном роль «отражающих зеркал». Поэтому без наличия настоящих объединяющих идей, которые могут возникать и развиваться только в реальном обществе всякие «виртуальные» попытки создания направляющего и организующего начала в мире под названием Интернет» обречены на провал.

4. *Доверие к социальным нормам и институтам.* Доверие в традиционных обществах имеет короткий радиус, тогда как в обществе знаний доверие распространяется за пределы семейно-родственного круга. Проблема доверия к социальным нормам и институтам чрезвычайно важна для постсоветских стран. Например, заметное усиление религиозных норм морали в современном постсоветском социуме во многом обусловлено девальвацией влияния иных форм социальной регуляции и, прежде всего светской этики и права. Доверие является и основой солидарности. Если люди не доверяют формальным общественным институтам, считая их неэффективными, то они надеются исключительно на собственные силы или на близкие социальные связи для собственного выживания.

5. *Образование как компетенция* представляет собой совокупность базовых знаний и представлений о природе и обществе. Еще М. Вебер отмечал, что образование должно рассматриваться как важнейшая составляющая «статусной культуры», т.е. вхождение человека в определенную статусную группу возможен при наличии высокого образовательного ценза. В мире меняются модели образования. Образование в обществе знаний – сложная компетенция. Можно выделить следующие блоки образовательных компетенций:

– инновационность (умение фиксировать противоречивую природу явлений, ставить проблемные вопросы и находить эффективные способы их решения, выделять ценностные аспекты социальных процессов, создавать эффективную образовательную и деловую среды, развивать креативность и др.);

– открытость (умение самообразовываться в поликультурных средах, формирование навыков получения образовательных услуг посредством Интернета и в формате удаленного обучения и др.);

– непрерывность образования. Образование превращается сегодня в непрерывный процесс. Развитие современных информационных технологий упраздняет традиционное деление жизненного цикла на труд и досуг, и сегодня уже сложно отделить «обучение в

ходе работы» от «обучения в процессе досуга». Межпредметные курсы и самостоятельная активность студента – необходимые предпосылки формирования образовательных компетенций.

6. *Здоровье как компетенция* формируется многообразными социокультурными факторами. Решающим из них является образ жизни. Здоровый образ жизни – императив общества знаний. Образ жизни – категория социальная. Стрессы, ведущие к депрессивным и болезненным состояниям, активная миграция, психологическое напряжение, охватившее массы людей в условиях современного экономического и финансового кризиса, ускорение темпов социальной жизни и динамичные перемены – все эти факторы влияют на образ жизни и здоровье человека.

Сегодня в отношении здоровья используются термины, отражающие лишь одну какую-либо грань здоровья населения – «психическое здоровье», «репродуктивное здоровье», «экологическое здоровье» и т.д., либо здоровье отдельной демографической или социальной группы – «здоровье беременных», «здоровье младенцев» и т.п. Все это важно, но здоровье как компетенция характеризует способность человека переживать кризисы времени. Утрата идеалов, социальная несправедливость и неравенство, боязнь будущего – факторы, разрушающие здоровье человека. Например, зависимость от алкоголя является следствием неспособности человека жить в современном изменяющемся мире, она свидетельствует об утрате индивидом смысла жизни в условиях кризиса нравственности и духовного вакуума, неспособности решать самостоятельно свои проблемы в условиях рыночных отношений. В такой перспективе алкоголизм – вид безумия, который нарушает правильное восприятие жизни и уводит человека от ответственности за собственную жизнь.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ

Ю. Г. Тамбиянц, М. А. Пунтусова

Информационное общество, как полагают его известные теоретики (М. Делягин, Т. Умесао, М. Кастельс), порождает проблемы не только принципиально новой социальной реальности, но и нового человека. К этому тезису примыкают постиндустриалисты (Д. Белл, В. Инноземцев), а также рассуждения постмодернистских социологов (З. Бауман). По их обобщенному мнению, новая хозяйственная реальность требует нового работника. Так в индустриальный период «тяжелого», по выражению З. Баумана, капитализма имел место рост управленческих структур, которые имели жесткий иерархический, как правило, линейный характер. Современный же «легкий» капитализм отличается в первую очередь подвижностью. Как пишет Бауман, капитал путешествует налегке, зачастую с багажом, состоящим лишь из портативного компьютера, портфеля и сотового телефона. «Он может остановиться почти в любом месте и нигде не должен оставаться дольше, чем захочет...» [1, с. 66].

Закономерно, что в этой связи ставится вопрос о новых профессиональных качествах, присущих современному работнику. Прежде всего, указывается на гибкость мышления, способность принимать быстрые решения в нестандартных ситуациях. Это вполне естественно, так как резко выросло значение информации как производственно-го, да и как социального ресурса. Воплощением технологического прогресса стало фактически автономное существование информации и знаний, которые приобретают исключительно важную роль в управленческом процессе.

Информационная деятельность современного менеджера – это деятельность,

обеспечивающая сбор, обработку, хранение, поиск и распространение информации, а также формирование организационного ресурса и организацию доступа к нему. Она складывается из нескольких составляющих: 1) информационного мировоззрения – системы взглядов на природу и общество через призму знаний и навыков, полученных из потока информации; 2) информационного стиля мышления, который заключается в способности видеть явление во всей совокупности породивших его причин и следствий; умении ориентироваться в быстроменяющейся информационной ситуации и правильной ее оценке; наконец в том, чтобы адекватно реагировать на поступающую информацию; 3) владения информационными технологиями и их применения на практике. Американский исследователь П. Дракер считает возможным даже говорить о революции в сфере управления. «Использование знаний для отыскания наиболее эффективных способов получения необходимых результатов – это, по сути дела, и есть управление» [3, с. 95]. Революция в сфере управления охватила весь мир, так как теперь управление «носит общий характер, независимо от функций и задач конкретной организации», а в основном на знаниях обществе управлению принадлежит ведущая роль.

Класс интеллектуалов, выступающий продуктом информационной революции, составил ядро так называемого «нового среднего класса», который имеет место во всех странах, включенных в мировую экономическую систему, но, разумеется, в различных масштабах. Если иметь в виду развитые страны «первого мира», обладающие интеллектуалоемкой экономикой и которые занимают высшие этажи «технологической пирамиды» (М. Делягин), то здесь новый средний класс довольно значителен в количественном отношении. Однако в периферийных странах, где применение интеллектуальных технологий ограничено, численный состав «класса интеллектуалов» много скромнее.

В то же время без малого два десятилетия существования информационного общества обозначили ряд проблем, как раз таки связанных с интеллектуальным управлением.

Уже апологет «управленческой революции» П. Дракер отмечал специализированность применяемых знаний и, соответственно, подготовки работников-профессионалов. Просто широкая эрудиция еще не показатель профессионализма, для него имеют значение лишь те навыки и умения, которые обеспечивают конкретный результат. Однако в результате профессиональной специализации успешно формируются практические навыки, но кругозор личности бесспорно суживается. Тем самым облегчаются возможности для манипулирования этими самыми работниками-профессионалами. Большинству людей легко навязывается культура потребления, выгодная как с коммерческой, так и с политической точки зрения [5, с. 124]. И об этом писали многие современные П. Дракеру мыслители – чего стоит одна только Франкфуртская школа. Это и «одномерность» Г. Маркузе, и труды Э. Фромма. Последний в своей работе «Здоровое общество» утверждает, что в социально-психологическом плане проблемы стали гораздо глубже, о чем свидетельствует растущее число психических заболеваний [6].

Другой известный эксперт-теоретик М. Делягин склонен полагать, что высокотворческие, духовно и интеллектуально раскрепощенные, оригинально мыслящие люди не так уж часто встречаются в классе современных интеллектуалов. Его мнение противоречит тому, что высказывают апологеты информационного общества, утверждающие доминирование здесь именно такого типа личности. Подавляющее большинство представителей «информационного сообщества», считает М. Делягин, являются профессионалами лишь в своей узкой сфере деятельности. А в общем плане «внешняя яркая личность, значительная энергетика и исключительное умение произвести на окружающих и тем более на своего непосредственного собеседника благоприятное, причем заранее за-

программированное впечатление трагически сочетаются с глубочайшей внутренней пустотой, интеллектуальной скудостью и граничащим с убожеством догматизмом» [2, с. 184]. Отсюда неслучайно, что характерной чертой информационного сообщества является нетерпимость к инакомыслию. В этом, как считает названный ученый, безусловно демократизированное и политкорректное «информационное сообщество» значительно превосходит даже тоталитарные режимы [2, с. 185].

Как бы то ни было, становится очевидным наличие существенных социальных издержек в информационном типе общества, что поначалу не склонны были замечать многие его апологеты. Если даже попытаться дистанцироваться от крайностей критики информационного общества, то даже в этом случае трудно не заметить очевидных вещей, порождающих пессимистическое отношение. Налицо общий упадок духовной культуры, интеллектуальное убожество большинства населения даже ведущих богатых стран. Кроме того, ряд иницилируемых политиками мероприятий в сфере образования, направленных на формирование специализированного знания, вызывает обоснованную критику экспертов именно за ограничение духовного кругозора. Это не говоря уже о том, что революция в информационных технологиях дала толчок размыванию средних слоев и тенденциям к социальной поляризации, с чем не спорят даже некоторые сторонники этого общественного типа (В. Иноземцев).

Таким образом, информационное общество, как, впрочем, и любой предшествующий социальный тип, не лишено множества острых противоречий и проблем. Многие из них носят специфический характер и представляют собой настоящий вызов для современной социально-гуманитарной мысли, требуя глубокого осмысления.

Литература

1. Бауман, З. Текучая современность. – СПб., 2008.
2. Делягин, М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. – М., 2003.
3. Дракер, П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Иноземцева. – М., 1999.
4. Роткопф, Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. – М., 2010.
5. Тамбиянц, Ю.Г. Общественная динамика в современных социологических теориях. – Краснодар. 2011.
6. Фромм, Э. Здоровое общество. – М., 2006.

КУЛЬТУРНАЯ МЕДИАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ЗДОРОВЬЕ ОБЩЕСТВА

В. А. Белокрылова

В последние десятилетия роль средств массовой коммуникации в жизни современного человека неуклонно возрастает. Тотальная погруженность в среду медиаторов без преувеличения становятся проблемой не только информационной безопасности, но и психического и, в конечном итоге, социального здоровья индивида и общества.

Несмотря на существенные различия, традиционные СМИ и новые электронно-цифровые медиа совпадают в главном – в своей по сути посреднической функции между сознанием и внешней действительностью. В условиях информационного общества функционал «посредничества» смещается в сторону активно-моделирующего начала медиа. Медийные средства как подлинные законодатели события, размечают значительное пространство индивидуального опыта. Примечательно, что медиаоболочка способна не только «отражать», но и активно продуцировать образы несуществующей либо до

неузнаваемости искаженной реальности – симулякры. Современный человек, в отличие от, например, субъекта архаичного общества, в гораздо большей степени ограничен в своем непосредственном доступе к тому, что он склонен определять как реальное. Основные представления о происходящем он получает не просто не «из первых рук», но из вторых, третьих и т.д. источников. Отсюда популярность так называемого экспертного знания. Информационное общество в этом смысле – это общество медиаторов.

Диалектичность современных медиа заключена в противоречивом единстве с одной стороны «добродетели» прозрачности и подлинности, с другой – принципиальной невозможности зеркальной копии события, которая ускользает подобно кантовской «вещи в себе». Моделирование и формирование события как «вещи для нас» протекает в соответствии с определенными закономерностями и принципами. Если современный человек в своем контакте с реальностью не может избежать «услуг» медиопосредников, то сам феномен этого посредничества должен стать предметом специально организованной рефлексии. Таким образом, медиакультура становится одной из ключевых жизненно необходимых компетенций человека в информационном обществе. Вместе с тем, налицо недостаточное внимание к стратегии и тактике взаимодействия со СМИ при формировании содержания образовательного процесса.

Следует отметить то обстоятельство, что в условиях тотальной медиатизации современного социального пространства содержание понятий «медиакультура», «медиакомпетентность», «медиаграмотность» и т.п. – носят открытый дискуссионный характер и требуют активного участия гуманитарной науки. Какой материал, каким путем и, главное, с какими ближайшими и отдаленными целями должен освоить субъект и объект медиатизированного социального пространства, – все это еще предстоит выяснить междисциплинарными усилиями гуманитариев.

В самом общем виде проблема медиакомпетентности сводится к комплексному формированию и воспроизводству средств и навыков оптимального взаимодействия человека как субъекта деятельности с системными результатами внешних и внутренних практик, интегрированными в существующий культурный, экономический политический порядок.

Следует отметить, что проблема медиации в современной культуре оказывает влияние и на методологические установки социального познания в целом. Востребованность в современной интеллектуальной перспективе таких направлений, как семиотика, конструктивизм, постмодернизм напрямую связана с тенденцией медиатизации жизненного мира современного человека. С учетом сказанного, понятия «медиакомпетентность» имеет широкие социокультурные и мировоззренческие корреляции.

С точки зрения деятельностного подхода медиакомпетентность означает способность понимать, оценивать, исследовать, создавать и участвовать в развитии медиатекстов, иметь представление о существующих глобальных медиа и их роли в обществе, осуществлять критический анализ источников информации. Медиакомпетентность личности предполагает планомерное выстраивание отношений в системе «человек – компьютер – медиасреда» с учетом перспектив личностного роста, творческой самореализации, повышения качества жизни за счет активно-преобразовательного взаимодействия с медиатекстами, критического восприятия и деятельностного освоения информационно-коммуникационного пространства и рационального поведения в нем.

Несмотря на то, что Республика Беларусь сегодня отличается достаточно высоким, по мировым меркам, уровнем вхождения информационных технологий в повседневную жизнь и высокой квалификацией специалистов в сфере ИТ, по ряду признаков можно диагностировать отставание и «разрыв» между показателями информационно-

технологической компетентности и уровнем медиаграмотности населения.

На наших глазах происходит радикальная смена приоритетов в построении медиапространства, связанная с утратой ведущего положения печатного текста, резким повышением разнообразия, интенсивности и суггестивной силы медиатекстов, преимущественно аудиовизуальных, экранных. В изменившихся условиях особенно актуальна проблема развития критического мышления человека по отношению к медиатекстам, способность адекватно воспринимать, классифицировать, усваивать и использовать на практике информационные потоки.

Новые формы и средства коммуникации несут как огромные возможности, так и проблемы, в их числе – проблема социокультурной адаптации человека в информационном пространстве. Важнейшей задачей является всесторонняя подготовка людей к жизнедеятельности в информационно-коммуникационной среде, культивирования у них соответствующих знаний и умений, навыков, а также нравственных и эстетических установок. Регулятивы деятельности в информационном пространстве должны «работать» по преимуществу изнутри личности, как совокупность ее установок, умений и навыков (мотивационных, информационно-когнитивных, коммуникативных, перцептивных, практико-операциональных, интерпретационно-оценочных, аналитических), дающая возможность выбирать, использовать, создавать, транслировать, а также оценивать и критически анализировать информацию различного качества и функциональной принадлежности.

Влияние современного информационного поля (Интернета, телевидения, кинематографа, прессы) амбивалентно по своему воздействию, поскольку может способствовать как конструктивным, созидательным, так и деструктивным процессам внутри и снаружи личности. Информационно-медийная культура в ее современной трактовке сводится к восприятию, интерпретации, анализу и оценке медиатекстов, а также обучению различным способам самовыражения с помощью медиатехник. Медиакультура включает два взаимосвязанных аспекта – адаптационный и развивающий.

Государственное и общественное участие в формировании медиакультуры в самом общем смысле предполагает встречное движение: во-первых, со стороны повышения качества информационного содержания (в диапазоне от контроля до специального стимулирования предпочтительных форм) и, во-вторых, со стороны индивидуально-личностной рецепции этого содержания. Уместным здесь будет указать на значимость уникальных субъективно-онтологических условий восприятия информационного контента, от которых не в меньшей, а порой, возможно, даже в большей степени зависит результат информационно-медийного взаимодействия.

Как правило, в качестве стратегически важного аспекта оценки степени медиакомпетентности фигурируют навыки осмысления и критического препарирования информационного потока, способность его использования в соответствии с индивидуальными потребностями. Однако недостаточно внимания уделяется теснейшей взаимосвязи медианавыков с общей гуманитарной культурой личности. Кроме того, в философском участии нуждается и сама процедура интерпретации и сопоставления медиатекстов.

Оценка и критика всякого медиатекста в конечном итоге осуществляется с позиций некоего иного константного текста (совокупности текстов), составляющих ядро мировоззренческих ориентаций личности. Возможно ли преодолеть самозамкнутость этой по сути постмодернистской ситуации? На наш взгляд здесь важно осознание того что всякая иерархизация и оценка текстов в конечном счете производна от определенной социокультурной ситуации. В этом смысле медиавзаимодействия следует понимать в контексте социальных взаимодействий конкретного общества, конкретной социальной

группы в конкретный исторический период и конкретных исторических условиях. Именно учет этих на первый взгляд внешних по отношению к информационному пространству системно-структурных детерминант позволяет с одной стороны эксплицировать сущее, с другой – артикулировать должное.

Медиафакты хороши и плохи не сами по себе. Взвешенная процедура их оценивания (смысловое ядро медиакомпетентности) подразумевает как минимум постулирование базовой шкалы ценностей, по отношению к которой медийный продукт обретает свой статус, значение. Как утверждал Г. Риккерт, ценности не существуют, ценности значат. Его метод отнесения к ценностям как нельзя лучше работает на материале концепции медиаобразования.

Недооценка роли ценностной доминанты в медиапространстве ставит под сомнение весь проект целенаправленного формирования компетентной, свободной и осмысленной навигации в безбрежном океане информации. В этом смысле одинаково опасен как ограничивающий горизонты личностного знания догматизм, и так всепоглощающий релятивизм. Эту тенденцию усугубляет возрастающая фрагментарность гуманитарной подготовки молодого поколения. «Прагматизированный» подход к содержанию образования, который завоевывает себя позиции на всем постсоветском пространстве, исходит из презумпции прикладных, в первую очередь профессионально ориентированных знаний, что негативно сказывается на общем уровне гуманитарной культуры выпускников школ и вузов. Однако трудно представить себе более прикладную, практически востребованную сферу, чем сфера медийных отношений, которая пронизывает буквально все регионы бытия современного человека.

Современные медиа – это не то, с чем можно бороться, или чье влияние можно нейтрализовать. Наблюдаемая с начала эпохи Интернета (и особенно технологий «Web 2.0») децентрация медийного воздействия, ситуация, когда нежелательный источник проблематично ликвидировать или запретить, позволяет уповать только на внутрличностные барьеры и фильтры. Однако крайне идеалистичным представляется и расчет в обеспечении информационного здоровья только на учебные программы, курсы и тренинги. И моделирующие, и стабилизирующие воздействия на сознание, какими бы утонченными технологиями они не были подкреплены, ограничены имеющимися социально-онтологическими условиями. Обучить (воспитать) медиакомпетентного гражданина в среде, где медиапрактики неразрывно связаны с политическими, экономическими интересами, вплетены в ткань воспроизводства существующих отношений, – задача далеко не тривиальная. Более того, сетевой характер современного общества способствует тому, что сами граждане становятся не только пассивными получателями, но и активными проводниками медийных процессов. Иначе говоря, крайне сложно понять, а тем более подчинить себе систему, функционируя в качестве ее составного элемента. Автопойетические процессы в современных медиа достаточно раскрывает, в частности, видный представитель современного социального конструктивизма Н. Луман [1].

Таким образом, даже самый подробный и квалифицированный анализ закономерностей создания, функционирования, чередования медиатекстов без выхода за пределы медийной сферы не может претендовать на системное видение проблемы. Именно с помощью социологической, культурной, порой даже политической и экономической редукции возможно преодолеть «дурную бесконечность» взаимно отсылающих и (или) конкурирующих медийных текстов. Формирование подлинной медиакомпетентности возможно лишь с опорой на прочный ценностно-мировоззренческий фундамент, который в свою очередь несводим исключительно к воспитательным и идеологическим мероприятиям, а предполагает коррекцию факторов и структур наличной социальной ре-

альности. Из понимания этого обстоятельства должны исходить реалистичные оценки и прогностика потенциала современного медиаобразования.

Литература

1. Луман, Н. Реальность массмедиа. – М., 2005.

ОБЩЕСТВО НЕ-ЗНАНИЯ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА «ДОГОНЯЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ»

В. Н. Семёнова

Постоянным рефреном современности стал тезис о модернизации во всех сферах общества: науки, образования, здравоохранения, промышленности. Понятно, что наиболее актуальным данный тезис является в странах «догоняющей модернизации», к которым можно отнести и республики бывшего Советского Союза. Традиционно отмечают положительные стороны модернизации: демократизацию и либерализацию всех общественных сфер, включение государства в единое экономическое и информационное пространство. Одновременно модернизация сопровождается и стремительным разрушением традиционного для данного общества жизненного уклада: исчезает старая социальная иерархия, традиционные политические и экономические институты, меняется место и роль религии, трансформируются традиционная мораль и культура. Существует ряд негативных сторон и противоречий «вторичной» модернизации. «Первичная» модернизация, к которой относятся страны Западной Европы и Северной Америки, пришлось на Новое время и эпоху Просвещения и заняла достаточно длительное время. Хотя этот процесс сопровождался ломкой привычного жизненного уклада, он носил постепенный характер. Модернизация была «растянута» на несколько поколений и часто в рамках одного поколения носила незаметный безболезненный характер. Скорость догоняющей модернизации на несколько порядков выше, чем возможность общества адаптироваться к происходящему и критически осмыслить произошедшие перемены. Это приводит общество и конкретных его индивидов к психологическим и духовным кризисам, не говоря уже о кризисах политического и экономического плана.

Во-вторых, современная западная цивилизация развивается в основном в плоскости материально-технической. Отход современной западной цивилизации от религиозно-метафизических ценностей проявляется и в наполнении изначально христианской по духу западноевропейской культуры новым секулярным, по сути антихристианским, содержанием. Для традиционных цивилизаций характерен приоритет духовных ценностей над материальными. В эпоху модерна эти цивилизации не могли адекватно ответить на вызовы со стороны современной западной цивилизации именно по причине доминирования духовной ориентации. В рамках процесса модернизации неизбежно происходит радикальная трансформация традиционной цивилизационной идентичности со сломом трансцендентной ценностной системы и самовестернизацией. Таким образом, модернизируясь, традиционные цивилизации перестают быть самими собой.

В-третьих, ускорение социокультурной динамики, как и в целом убыстрение времени, которое является своеобразным символом современной эпохи, ускоряет и процессы, происходящие в политической сфере модернизирующихся государств. Если в старой Европе трансформации происходили в течение почти двухсот лет, то, например, политические системы некоторых постсоветских республик за двадцатилетие своего независимого существования неоднократно поменяли свое внутреннее содержание.

Одной из задач модернизационных процессов в данных странах является вхождение в общество нового типа, информационное общество. Согласно идеологам постиндустриального общества, информационное общество выступает завершающей стадией постиндустриального общества, которое на первый взгляд кажется неким идеальным общественным устройством, западным аналогом платоновского идеального государства. Платоновская идеальная аристократия духа рассматривается как некий аналог современной западной меритократии. Точно так же, как у Платона, у власти находится интеллектуальная элита, выстроена разумная социальная иерархия, каждый занимается своим делом и не вмешивается в дела других социальных групп. Однако при ближайшем рассмотрении это сходство оказывается внешним: за красивым фасадом информационного общества обнаруживается ряд принципиальных противоречий и парадоксов.

Первое противоречие заключается в подмене понятия «знание» термином «информация». В традиционном обществе, как на Востоке, в Древней Греции и Риме, традиционной западноевропейской средневековой цивилизации, существовало принципиальное отличие между подлинным знанием и смутным мнением. Знание предполагало достоверный характер и обладание истиной. Именно это отличало подлинное знание от смутного субъективного мнения. В современном информационном обществе это различие между знанием и мнением не только не проводится, но фактически осуществляется полное переворачивание, когда за истинное знание выдается субъективное мнение. Знание подменяется так называемой информацией, получаемой человеком из СМИ, системы образования, учреждений культуры и популярной науки, и имеющей сомнительное и преходящее значение. Отсутствие знания порождает тотальный скептицизм современной эпохи, который, в свою очередь, не позволяет современному человеку обрести подлинное знание.

Второй парадокс заключается в том, что, несмотря на известный тезис о ценности информации, в современную эпоху она носит эфемерный характер. Современный человек не нацелен на получение в процессе длительного обучения истинных знаний о мире, направленных на праведную земную жизнь во имя спасения собственной души, самообразование или самореализацию. Человек превращен в функцию социальной системы, «жизнерадостного робота», чья деятельность выстроена по принципу четкого алгоритма действий, и который нацелен на решение сиюминутных практических задач. В этом смысле мир информации для современного человека, с одной стороны, предельно значим, поскольку доступ к необходимой информации дает возможность в максимально короткие сроки и при минимальных затратах решать поставленные практические задачи. Но с другой, информация ничего не значит, поскольку в силу текучести и постоянной изменчивости современной социальной, экономической и политической реальности, мгновенно теряет свою актуальность. Известен широко распространяемый в современности миф о постоянном устаревании информации, что выступает показателем ее девальвации, парадоксальной бесценности.

Третий момент заключается в том, что так называемое информационное общество на самом деле не является обществом знания. Качество посредственного и скудного общедоступного образования, построенного на принципах дефундаментализации и дегуманизации, привело к такому разрыву между высшими и низшими социальными слоями населения, который невозможно преодолеть. Наихудшее положение дел обнаруживается в странах, только вступающих на путь западной модернизации. Процессы глобализации, глокализации, вестернизации, чисто механически наложенные на остатки традиционных для данных обществ принципов, социальных институтов, порождают уродливый нежизнеспособный гибрид. Как бы по чьему-то злому умыслу страны догоняющей мо-

дернизации заимствуют западные либерально-демократические и капиталистические новшества в искаженном виде. В то время, как в развитых западных странах в ряде ведущих вузов сохраняются традиции классического гуманитарного образования, системы образования постсоветских республик перенимают третьесортные западные образцы, до основания разрушая так называемую советскую систему, представлявшую собой усеченный вариант классической системы высшего образования. В этом смысле системы образования стран догоняющей модернизации открыто нацелены на формирование дисциплинированного исполнителя, «винтика системы». Уловка заключается в том, что несмотря на внешние атрибуты (активные формы обучения, тренинги, тьюторство, самостоятельную работу студентов, рефераты, тесты и т.п.), подобная система обучения реально и не нацелена и не способна на формирование того типа специалиста, о котором она заявляет. Отсутствие крупных финансовых вложений в фундаментальную науку, отсутствие серьезных научных школ, развал образовательной системы, говорит о создании в данных странах общества не-знания, которое как раз и выступает символом догоняющей модернизации.

Одновременно научные достижения последних пятидесяти лет стремительно ведут к разрыву в знаниях между основной массой населения и правящей элитой, что позволяет последней успешно контролировать современного невежественного человека.

Эти и другие признаки свидетельствуют о наступлении глобального мирового «тоталитарного» общества технократов, сконцентрировавших в своих руках доступ к «истинному» знанию, успешно пытающихся свергнуть остальное человечество в пучину деградации и незнания.

ОЖИДАНИЯ ОТ ИННОВАЦИОННОСТИ ИЛИ «СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ БУРЖУАЗИИ»

Д. В. Ермолович

Когда вам говорят о вреде манипуляции, вами манипулируют...

Постмодернистская цивилизация оказалась на пороге «гламурной революции». Гламурность – это то, что происходит не с нами и очень часто без нас. В свою очередь, информационный бум и рождение в нем способствует замене знаний на сведения, хранить, накапливать, понимать которые необязательно. Поэтому следует различать (хотя бы в сферах высшего образования и науки) естественность, креативность и инновационность, искусственность. Если анекдотически, то это выглядит следующим образом. Возле окна задумавшись, стоит сотрудник фирмы. Руководитель фирмы на вопрос обеспокоенного рядового работника о том, почему он ничего не делает, отвечает: «Всем молчать, прошлый раз, когда он *так* "ничего не делал" фирма получила 500000 долларов»... Итак, в данном примере, естественно себя ведет задумавшийся сотрудник, креативно – руководитель фирмы, инновационно – рядовые работники, искусственно – сама система отношений (начальник – подчиненный) или ценностей (500000 долларов).

Гиперпопулярное ныне слово «инновация», строго говоря, характеризует собой вещи обыденные, повседневные. Синонимия значений слов «креативность» и «инновация» не допустима, эти слова характеризуют либо явления противоположные: социально-психологически и житейски – это различие на уровне преобразования и адаптации, деятельности и поведения; либо даже доводятся до противоречия: сущностно-

мировоззренчески и морально-этически – ответственность и безответственность, осмысленность и бессмысленность. Оправдать такое положение вещей все же можно, ибо императивный запрос на креативность оборачивается объективно всего лишь запросом на инновационность (реализовать такой запрос значительно проще): ранние культуры вынуждено инновационны, накопление позитивных эффектов порождает традицию, а вместе с ней и застойные моменты в жизни обществ. Со временем «сытые» западные (и другие) цивилизации теряют интерес к жизни, поддержание собственного жизненного тонаса требует открытости отношений, привлечения «свежей крови», интеллектуальных ресурсов извне – массово формулируется запрос на инновацию и только. Слова словами, но подмена понятий – это или очередной софизм, или логическая ошибка (то ли манипуляция сознанием, то ли интеллектуальная беспомощность, самообман).

В сфере нам близкой – технократической – обнаруживается тенденция к «рационализаторству». Фундаментальность всегда требовала больших затрат (и конечно интеллектуальных) – открытие продукт штучный. Изобретательство (не изобретательность – один из бюрократических инструментов) явление хотя и не разовое (однако по команде сверху не делается), но внедренчески затратное; часто основным препятствием для изобретателя становится нормативно-правовой механизм регулирования и защиты авторских прав, для изобретения – управление процессом внедрения. «Рационализаторство» же это не только мелкотемье, но и реальная возможность управления процессом внедрения со стороны автора, в такой ситуации автор остается все еще незначительным (часто просителем), но и одновременно самым заинтересованным лицом.

Инновационность как таковая ситуацию не изменит, ибо потребитель не всегда прав. Западный пример, апеллирующий к потребительскому обществу, наводнивший рынок обесценивающимися деньгами, требует инноваций не столько от производителя сколько от потребителя. Современный рынок формирует специфическое мышление, где trend («большая пятерка», «горячая десятка» и т.п. – гламурная составляющая выбора) побеждает brand name (Coca-Cola, Adidas и др. – виртуальную составляющую). Потребительское качество становится суррогатным и можно вспомнить О. Уайльда – милочка, что с Вами будет, когда мода пройдет...

В интеллектуальной сфере такая рыночная позиция не применима. Во-первых, «выращивание» интеллектуала дело затратное – конечно проще вырастить потребителя, во-вторых, качество имеет социокультурную и историческую природу и, как минимум, в-третьих, нужно ответить на вопрос – кому выгодна такая ситуация, когда потребитель «отрывается» от производителя.

Надо подняться на ступень выше: отказаться от стратегии инноваций – нам все равно не угнаться за образцами потребительской культуры на Западе – явление массового «инноватора» быстро обнаружит потерю здравого смысла (можно вспомнить лысенковщину) и обратиться к проблеме креативного образования (см. мои материалы нескольких последних тематических академических конференций). В этом движении нам не то чтобы придется быть первыми, но однозначно придется подняться над Болонским образовательным процессом, этому своеобразному ответу кризису образования, когда устанавливается образовательный стандарт (что является, так или иначе, подражанием советской образовательной системе) и ищутся гарантии требуемого качества жизни. Таковую задачу будет трудно решить в одиночестве и действительно потребуются задействовать интеллектуальный капитал Евразийского Союза.

Зарубежные разработки в сфере креативного образования обращают пристальное внимание на иррациональную природу креативности, мельчайшие элементы природы последней, ее натуралистическую основу, «избранность», редкость самого явления, но

вместе с тем и естественность, простоту самой технологии креативности (не творчества). Собственно сам термин «креативность» имеет чисто западное происхождение (там же и популяризуется). Анализ социокультурной природы творчества в отечественной традиции фиксирует как инженерию изобретательства, так и в целом деятельностный характер творчества, где цели и средства деятельности ведут к более высокой способности научно-теоретического мышления и универсальности субъекта. Комплекс, единство подходов необходимо снимает и простоту и недоступность в «осмысленной» организации процесса формирования креативности как естественной и запрашиваемой зрелой культурой человеческой способности – культуры производства, так и пользовательской креативности – культуры потребления.

С чем придется столкнуться в начале этого пути: организацией поддержки на всех возможных уровнях как необходимого условия формирования социально значимых запросов и ответов на них, преодолением «обученной беспомощности», серьезным вниманием к мелочам: у каждого свой предел «терпения» – «недотерпел – стал обыкновенным», – мелочи в потоке жизни создают условия для необратимости движения к цели. Таким образом, образование предваряется воспитанием терпения, потребуются отказаться от суетных ожиданий, скорых и готовых решений, «веселого» прыганья по верхам. И главное, чтобы высшее учебное заведение не превратилось в культурно-просветительское учреждение, выполняющее не простую задачу: «развеселить грустного и усмирить буйного»...

Образовательные механизмы управления интеллектуальным капиталом: традиции и современность

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИИ: КРИТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА РАБОТЫ С ОДАРЕННЫМИ

В.В. Позняков

Объемность понятия «интеллектуальный потенциал нации» побуждает нас сконцентрировать внимание на проблеме, решение которой способствует выведению системы на режим опережающего развития. Речь идет об одаренной молодежи, интеллектуальное и нравственное развитие которой в настоящем закладывает возможности конкурентоспособного развития страны в будущем. При всей потаенности внутренних процессов в творческом развитии индивида существуют внешние формы, в которых они проявляются. Такие формы могут быть достаточно благоприятными для того, чтобы субъективные данные обрели внешние условия для своего развития и обогащения. Именно такие условия мы положили в основание раскрытия темы публикации и исходных понятий. Отсюда одаренные учащиеся – это те молодые люди, которые при равных условиях и за относительно короткое время достигают более высоких результатов, чем их сверстники, находящиеся в таких же или схожих условиях. Поскольку внутренние психологические и интеллектуальные процессы остаются пока весьма проблемным объектом специальных исследований, потому как здесь больше неопределенного, чем точно установленного, то сосредоточимся на видимой части проблемы: критериальных основаниях организации работы с одаренными учащимися.

Первая проблема состоит в том, чтобы определить элементы организованности,

которые должны быть минимально достаточными для запуска и налаживания системы работы с одаренными (далее – системы). Речь идет о том, чтобы определить внешние условия, которые не столько гипотетически, сколько аксиоматически будут достаточными и оптимальными для повышения уровня работы с одаренными учащимися. Сразу возникает проблема оснований. Будем исходить из культурологического подхода, позволяющего представить работу с одаренными как культуросообразную систему. Предпосылками ее формирования являются базовые универсалии культуры – те краеугольные камни, которые позволяют выстроить здание работы с одаренными.

Категория «интеллектуальный потенциал» имплицитно содержит и обобщает в себе класс явлений, которые можно представить как совокупность возможностей для формирования, становления и развития субъектов – в нашем случае одаренной молодежи. Мы рассматриваем интеллектуальный потенциал нации через призму работы с конкретной аудиторией. При этом мы предполагаем, что понятие «работа» содержит некий относительно верифицируемый объем усилий, прилагаемых за определенное время и сфокусированных в некоторое количество направлений, позволяющих повысить эффективность формирования, развития и реализации интеллектуального потенциала одаренных учащихся.

Определяя содержательные направления работы с одаренными, мы вместе с тем указываем на тесную связь содержания с критериальными основаниями определения показателей и оценки ее состояния. Комплекс критериев в качестве своих оснований должен иметь реальное содержание всех направлений деятельности системы, если рассматривать ее с позиций культурологического подхода. Признак культуросообразности проявляется в степени развитости системы, постепенно раскрывающей свои потенциалы, что, кстати, также предполагает тесную корреляцию между направлениями ее функционирования и предлагаемыми критериями. Действительно, критерий, который выходит за рамки системы, может носить дезориентирующий и даже разрушительный характер. Следовательно, уровень развитости системы работы с одаренной молодежью позволит проложить (пока в абстракции) своеобразный маршрут к формированию критериальных оснований ее функционирования, определения показателей и оценки состояния. Получается, что раскрытие актуальных возможностей системы образует основание для отбора критериев по признаку допускаемой корреляции структурной организации работы с одаренными.

Степень развитости системы, удовлетворяющей общественные, государственные и личные потребности субъектов, выступает как общесистемный критерий. Такой подход не исключает, а напротив, предполагает необходимость выработки и применения частных критериев. В результате общесистемные и подсистемные критерии образуют основания для формирования системы показателей и оценки деятельности как общей системы работы с интеллектуально одаренной молодежью, так и ее основных подсистем. В целом, такая методологическая ориентация в ее практическом применении будет способствовать объективному и достаточно всестороннему анализу работы с одаренными и ее оцениванию.

Основными принципами отбора и реализации критериев, показателей и оценки работы с интеллектуально одаренной молодежью являются следующие:

- выявление, раскрытие, социальное и педагогическое сопровождение творческой интеллектуально одаренной индивидуальности;
- постоянное высокое качество осуществления всех направлений работы с интеллектуально одаренной молодежью на всех уровнях образования;
- удовлетворение запросов потребителей в творчески активной и нравственно бо-

гатов личности молодого специалиста; социальная востребованность одаренной молодежи;

– принцип здоровьесбережения всех субъектов системы.

В функциональном определении критерии, показатели и оценки – инструменты, с помощью которых: а) идентифицируются результаты функционирования системы работы с интеллектуально одаренными учащимися и молодежью в их динамике; б) выявляются ресурсы для дальнейшего оптимального развития системы.

Методологические основания и практическая инструментальность критериев.

Критерий представляет собой единство основных количественных и качественных характеристик анализируемого и оцениваемого объекта; это база для сравнения классов однопорядковых объектов на основании отнесения их к более высокому качеству или подразумеваемому как таковое. Наличие существенного признака позволяет рассматривать критерий как такую категорию, которая позволяет фиксировать различия между двумя и более явлениями, а также отличия одного объекта от другого, схожего с первым. Критерии применяются в ситуациях, когда нужно нечто оценить по признаку соответствия требованиям (параметрам, основаниям, мере). Конечный критерий – выполнение системой своего сущностного предназначения – выступает основанием для сравнения и измерения других объектов данного класса. Следовательно, критерий служит для определения степени и характера расхождения объекта с тем, который принимается за образец. Отсюда уместно выделить два вида критериев: а) критерии формально-логического плана, т.е. те, которые не противоречат логическим законам; б) критерии эмпирические, т.е. те критерии, которые основываются на объективных (например, экспериментальных) данных. Взятые в таком отношении они выступают в качестве требования изменения объекта в соответствии с содержанием такого требования. Если критерии постулируются, то не снимается необходимость в теоретических, методологических, методических и эмпирических основаниях для принятия таких критериев.

Критерий как категория обладает рядом потенциальных преимуществ. Он: 1) позволяет определить основания анализа конкретного объекта – состояние и перспективы развития системы работы с интеллектуально одаренными учащимися и молодежью; 2) помогает установить уровень развития системы и подсистем; 3) делает возможной количественно-качественную оценку развития анализируемого объекта; 4) содержит в себе векторы дальнейших научных исследований по направлениям критериальных областей; 5) имеет существенное методологическое и научно-методическое значение для всех субъектов системы работы с интеллектуально одаренными учащимися и молодежью; 6) представляет собой базу для принятия решений на основе процедуры оценивания объекта по установленным показателям, основывающихся на критериях. Комплекс последних позволяет рассматривать их как объективную базу для формирования системы показателей. Таким образом, критерий содержит в себе признаки эталона, позволяющего определить соответствие оцениваемого объекта определенным требованиям (например, разработанной идеальной модели системы). Следовательно, критерий как категория позволяет управлять развитием объекта, предупреждая субъекта о возможных рисках с тем, чтобы их нейтрализовать или минимизировать.

Рассматривая критерий как инструмент базисного различения, мы тем самым приписываем ему свойство определителя особенностей конкретного явления (объекта). Это суждения (суждения свойств) особого плана. Их своеобразие состоит в фиксации отличительного признака данного объекта в отношении к другому объекту. Так, например, для включения в «реестр одаренных» (банк данных) молодой человек должен выделяться чем-то существенным из среды остальных. Одаренный молодой человек дол-

жен выделяться среди других своими способностями и достижениями в одной из областей (реже – в нескольких) интеллектуальной деятельности. В частности, одаренные дети отличаются от обычных детей по установленному критерию достижения более высоких результатов, нежели сверстники, находящиеся с ним в равных условиях. Результаты деятельности одаренных должны существенно отличаться по качеству. Их достижения отмечены признаками авторства, оригинальности и уникальности. Они свидетельствуют о достаточно высоком уровне творческого развития индивида. Такие результаты имеют значительную социальную ценность. Следовательно, критерии, взятые в их системе и в взаимодополнении, могут выступать как основания для констатаций как отдельных состояний, так и состояния объекта в целом.

Критерий несет в себе модальность долженствования. Модус императивности побуждает субъектов считаться с ним при оценке классов предметов, основанием для которых он является. Обладая системно-классификационными признаками, критерии могут выступать основаниями для принятия решений субъектами, опирающимися на них в своей деятельности. Что касается признака, то он в идеале соответствует своему критерию. Иными словами признаки одного класса группируются вокруг конкретного критерия как основания отношения и оценки предметов этого класса. Такая определенность критерия, влекущая за собой группу признаков схожих предметов, сообщает им качество основания для показателей, характеризующих уровень развития системы по комплексу критериев. В этом контексте критерий отдаленно напоминает правило. Во всяком случае он не менее строг, чем правило. Если критерий тяготеет к требованию, то правило также содержит в себе требование придерживаться нормы. Таким образом, критерий имеет признаки, сближающие его не столько с правилом, сколько с кодом, определяющим вектор развития и состояние оцениваемой системы.

Итак, систему критериев поддержки и развития одаренных мы рассматриваем в культурологических параметрах: 1) оценка всех участников процесса (педагогов, учащихся, администрации и др.) как субъектов культуротворческой деятельности; 2) формирование одаренной индивидуальности как творческого субъекта, ориентированного на высокие ценности и достижения, концентрированные вокруг приоритетной деятельности; 3) полнота семиотической представленности процесса и результата выращивания таланта, «текстуальность» – взаимосвязанность и дополнительность компонентов – общей системы работы с одаренными; 4) формирование позитивных мифообразов, имиджей одаренной индивидуальности и ее педагога; 5) организации системы обобщения и трансляции выдающегося опыта работы с одаренными; 6) формирование культурных хронотопов выявления талантливой индивидуальности.

Системное представление критериев работы с интеллектуально одаренной молодежью. Методологическим основанием разработки инструментов является системный подход, реализуемый на данном этапе как применение системного анализа к определению критериев. Каковы же принципы системного анализа применительно к решаемой исследовательской задаче мы выделяем? Они суть следующие: 1) представление критериев, показателей и оценок как целостного, системного объекта; 2) определение системы критериев с присущими им функциональными связями; 3) выделение отдельных критериев (каждого из них) как оснований для определения показателей и оценок по следующим позициям: а) каждый из критериев в пространстве целого, т.е. в критериальной системе, представляет собой подсистему и, следовательно, должен анализироваться как таковой; б) связь конкретного критерия (элемента) с целостной критериальной системой должна быть идентифицирована; в) установление связи каждого критерия с каждым (в т.ч. и по признаку взаимодополнительности); г) определение связи

критерия с системой критериев; д) фиксация связи критерия с внешним окружением.

Система критериев выглядит следующим образом.

Творческая активность субъектов. Под творческой активностью мы понимаем особое состояние личности, ориентированной на постановку задач собственного развития и реальное стремление их решить. Этот критерий фиксирует постоянное качественное состояние одаренной индивидуальности, постоянно нацеленной на творчество. Основание и источник творческого развития мы видим в самом субъекте – в личности одаренной и талантливой. Совокупный субъект, обеспечивающий условия для выявления и творческого развития талантов, внутренне различен и включает всех участников системы, дифференцированных по исполняемым функциям и в соответствии с миссией системы, спроецированной на выявление, развитие и сопровождение одаренных учащихся и молодежи. Они также должны быть люди творческие и талантливые в своем деле.

Критериальная подсистема ценностного содержания. Под ценностью мы понимаем идеальную реальность, которая выполняет в конкретной социокультурной системе две основные функции: 1) выступает в качестве регулятивного начала отношений субъектов; 2) является основанием оценок как системы в целом, так и ее подсистем (например, области кадрового обеспечения). Этот критерий представлен в таких своих компонентах, как: а) ценностные отношения субъектов системы (отношения по поводу того, что для них является значимым в контексте интересов самой системы); б) ценности, представленные в данной системе в своих основных формах существования – идеалах и нормах; в) доминирующие в ней оценки, основанные на принимаемых участниками идеалах и нормах; г) ценностные ориентации субъектов, выражающих их индивидуальный свободный выбор в мире духовных сущностей, профессиональной деятельности и поведения. Мы исходим из того, что наиболее оптимальные ценностные условия обеспечиваются такими ценностными отношениями, в которых складываются ориентации на высшие смысложизненные и духовные сущности. Они реализуются в идеалах и нормах социального служения и взаимного уважения участников сотворческого процесса. Ценностное содержание получает выражение в определенной системе мировоззренческих оснований и ориентиров субъектов (ценностных ориентаций, знаний, убеждений), проявляющихся прежде всего в содержании той деятельности, которую они осуществляют.

Разнообразие культуротворческих деятельностей. Они рассматриваются в пространстве формы самовыражения творческой активности учащихся, педагогов и других субъектов. С позиций данного критерия приоритет в таких средах отдается творческим и сотворческим видам деятельности, развиваемым на основании преемственности с достижениями актуального и предшествующего опыта в конкретной области, включая и опыт работы с одаренной молодежью.

Богатство семиотических структур – естественных и вторичных моделирующих систем науки, искусства, профессиональной деятельности, текстов, культурных контекстов, моделей коммуникации, способов знакового представления результатов деятельности. Формирование позитивных образов (имиджей, репутаций, авторитетов) молодых людей, достигнувших высоких результатов в избранном виде интеллектуальной деятельности; их популяризация.

Диверсификация форм хранения (фиксации), трансляции и обогащения культурного опыта работы с одаренными учащимися; органическое сочетание и взаимодополнение традиционных форм (обычаи, обряды, ритуалы и др.) и институционально организованных форм внутри конкретного пространства. При этом приоритет отдается творческим образцам опыта с выраженными элементами его продуктивного изменения.

Критерий системного научно-методического сопровождения работы с одаренными

ми: а) учебно-методические параметры (уровень освоения методик, технологий, практик; выявление, научное описание и распространение методических достижений); б) научно-методическая составляющая (идентификация передовых научных разработок, их экспериментальная проверка, коррекция и адаптация к конкретной подсистеме работы с одаренными); в) качество организационно-методического сопровождения (организационные структуры методической работы по профилю системы; активные организационные формы демонстрации положительных результатов, оцениваемые с позиции их влияния на качество поддержки одаренных); г) действенность информационно-методического сопровождения (система учета достижений одаренных и путей их социализации, включая сферы образования и профессиональную; полнота информации, влияющей на функционирование системы; современные информационные технологии, оцениваемые с методических позиций); д) управление методическим процессом (идентификация методического сопровождения как объекта управления и формирование эффективной управляющей системы методическим сопровождением во всех его составляющих).

Темпоральный критерий. Творческое развитие происходит не только в определенном пространстве, но и имеет свои темпоральные характеристики. Речь здесь идет о культурном времени, т.е. о тех временных локусах, в которых одаренная индивидуальность, сохраняя свою определенность, в реальной динамике своего формирования, становления и развития явлена как последовательность качественных состояний, имеющих свои временные пределы («культурные времена» подобно «детству», «отрочеству», «юности»). Это позволяет другим субъектам Системы, в частности педагогам, разрабатывать и выстраивать методические практики и технологии в соответствии с четко фиксируемыми наблюдателем или экспертом «этапами роста» одаренной индивидуальности.

Культурно обогащенное пространство работы с интеллектуально одаренными учащимися. Культурно обогащенное пространство (специально создаваемая или созданная искусственная среда) представлено как соотношение элементов, отвечающих основным базовым универсалиям культуры (показаны выше). Есть пространства профессиональной деятельности, образовательное пространство школы, университета, пространство научно-профессионального или, точнее, научно-производственного объединения, пространство конкурсной состязательности одаренной молодежи и др. Данный критерий предполагает необходимость учета всех факторов интеллектуального, нравственно-эстетического и физического ваяния одаренной индивидуальности. Постепенно такое пространство, вначале сформированное как искусственная среда творческого ваяния учащихся, становится естественной средой их духовного, интеллектуального и физического взросления. Следовательно, такое качество среды является важнейшим критерием, причем комплексного характера, позволяющим установить предпосылки и условия для творческого развития «населяющих» его участников или учащихся.

Критерий результативности. Мы различаем результат и результативность творческого труда субъекта. Результат коррелирует с целью, но не сводится к ней. Он богаче цели и содержит в себе ответы на вопрос: какими ресурсами достигнута цель и оптимальны ли были они? Ответ на вопрос соотносится практически со всеми путями достижения результата. Результативность – это качественный параметр, свидетельствующий об устойчивой тенденции получения субъектом высоких или запланированных результатов. Результативность как совокупный показатель конкретных результатов является критерием, выражающим качественную совокупность достижений одаренного субъекта. Творческая активность одаренной индивидуальности не может не получить

выражения в высокой результативности труда. Этот критерий носит характер итога всех усилий системы. Понятие «эффективность» здесь служит для определения результата, направленного на его практическое (научное) применение. В таком определении эффективность приближена к основному критерию. Разница между ними заключена в степени общности и функциональном использовании их в характеристиках системы работы с одаренными. В данном понятии выражено отношение между затраченными ресурсами и качеством результата.

Критерий оптимальности функционирования системы. Он устанавливает отношение между результатом и затраченными ресурсами. Критерий предполагает способность субъекта решить проблему при а) выделенных ресурсах (темпоральных, информационных и др.), б) при заданных ресурсах и в) при имеющихся ресурсах. В принципе, оптимальность можно рассматривать по ряду параметров: проблемному (уровень ее постановки, пути решения, достаточность средств и др.); субъектному (уровни индивидуального субъекта, группового, общесистемного; кадровые ресурсы; тьюторство и др.); методическому (эффективность и оптимальность методического сопровождения одаренных); организационно-управленческому (достаточность, оптимальность и эффективность ресурсов организации и управления) и др.

Если представить формирование творческой индивидуальности как целевой приоритет институтов и организаций, то критерий оптимальности, точнее, оптимизации становится одним из ведущих. Требование оптимальности позволяет получить ответ на вопрос достигнута ли цель и какими ресурсами. Этот императив ориентирует всех субъектов, причастных к работе с одаренными, на разумную минимизацию ресурсов и других затрат. Следовательно, показатель затрат ресурсов свидетельствует об уровне оптимального функционирования системы. Данный критерий должен ориентировать субъектов системы не только на выделяемые ресурсы, но и на поиск внутренних возможностей совершенствования системы.

Помимо указанных критериальных походов мы выделяем также: а) материальное обеспечение комплекса работ с интеллектуально одаренной молодежью, включая и финансовую составляющую; б) научную поддержку (особенно в области фундаментальных исследований, методологии и креативных методик); в) социальный мониторинг одаренных (востребованность талантов, устройство на творческую работу); г) качество управленческих параметров: организация, планирование, мониторинг, прогнозирование и др.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ: ОТ МОДЕРНА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ

И. М. Ратникова

Образование всегда играло важную роль в развитии общества. Вместе с тем, особый статус и значение институт образования приобрел в культуре модерна. Под модерном, как правило, понимается реализация того концептуального комплекса, который был разработан в эпоху Нового времени и Просвещения. Переход от традиционного к современному обществу сопровождался бурным развитием позитивного знания о мире и человеке, индустриализацией, модернизацией и технизацией всех форм жизни. Когнитивизм как фундаментальный принцип проекта «модерн» обусловил собой необходимость разработки такой образовательной модели, которая отвечала бы требованиям объективного познания окружающей действительности, адекватной аккумуляции и трансляции этой информации от поколения к поколению.

Данные требования нашли свое воплощение в современной парадигме образования, которая характеризуется, прежде всего, рационализмом, энциклопедизмом и универсализмом. Результаты реализации указанных установок образовательной стратегии модерна были подвергнуты критическому осмыслению уже в конце XIX–XX вв. К числу тех мыслителей, которые проблематизировали сам проект модерна следует отнести Ф. Ницше, Э. Гуссерля, Л. Витгенштейна, представителей Франкфуртской школы и многих других. В работах данных философов показывается «обратная сторона» интенций модерна: безудержный научно-технический прогресс порождает антропологический кризис, который, в свою очередь, оборачивается возникновением глобальных экологических проблем, поставивших под угрозу выживание самого человечества.

Так, в частности, представители Франкфуртской школы, анализируя современную модель образования, показывают, что воплощение в образовательном стандарте идеи рационалистического освоения действительности, идеи всеобщности образования и ориентации на то, чтобы научить всему, оборачивается культурным обеднением, шаблонностью, стереотипностью, потерей способности человека к критическому осмыслению реальности. Мыслители полагают, что образовательный процесс в эпоху модерна осуществляется по аналогии с фабричным производством. С переходом от традиционного общества к современному на смену идеи элитарности образования приходит идея образования масс, реализация которой, в свою очередь, становится одной из причин возникновения феномена массового общества и массового сознания. Действительно, резонно согласиться с представителями Франкфуртской школы в том, что образовательная модель модерна имеет изъяны. Достаточно вспомнить крылатое выражение А.С. Пушкина, которое выказывает собой суть франкфуртской трактовки современной парадигмы образования: «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Несомненно, что образовательные установки модерна на количественный, но не качественный параметр, не отвечают основным устремлениям современности.

Вторая половина XX – начало XXI столетия характеризуется, прежде всего, резким ростом объема информации. Формирование глобального информационного сообщества ставит принципиально новые задачи перед нашим государством, и, в первую очередь, перед таким институтом социализации как образование. Развитие сферы информационно-коммуникационных технологий как условия информационного общества рассматривается в качестве гаранта устойчивого социально-экономического, политического и культурного развития нашей страны, что нашло свое отражение в постановлении Совета Министров РБ «Стратегия развития информационного общества до 2015 года», утвержденном в 2010 году.

В рамках реализации данной государственной программы система современного университетского образования преимущественно специфицируется акцентом на способности к самостоятельному осуществлению научного поиска, способности ориентироваться в информационном пространстве, ориентация на индивидуализацию образования посредством компьютерных технологий. В этом контексте, те формы дистанционного образования, которые практикуются на базе ведущих вузов страны (БГУ, БГУИР, БНТУ и ряд других), максимально отвечают основным запросам современности: развитию информационного общества, повышению качества и эффективности информационных отношений студентов, создают условия для реализации их потребностей и всестороннего развития их личности.

Вместе с тем, уже сегодня становится очевидным, что информатизация и технологизация социального, политического, экономического и др. пространств не только не решает, но даже обостряет тот вызов, который стоит перед человечеством – глобальные

проблемы современности. Все чаще и чаще в мировом сообществе звучат идеи необходимости гуманизации всех сфер жизни социума. Формирование нового типа общества и мышления требует обновления целей и содержания образования. Перед современной системой высшей школы стоит задача подготовки такого специалиста, который не только умеет ориентироваться в информационном потоке, но и обладает знаниями. Переход от информационного общества к качественно иному типу общества, обществу знания, диктует свои условия: информация должна стать знанием. П.П. Гайденко предлагает следующую интерпретацию: информация – это знание минус личный опыт [1, с. 189–190]. Знание, в отличие от информации, это то, что имеет личностный и ценностный смысл. Все более очевидной становится необходимость соотносить содержание, получаемое в результате познавательного процесса, с целями, а значит, со смыслами жизнедеятельности человека, сделать его человекоразмерным. Всякий познавательный акт, начиная с момента выделения объекта познания и заканчивая его завершением, это процесс понимания, границы, глубина которого обусловлены психофизическими возможностями и «жизненным миром» субъекта познания. Знать – значит понимать. Данное обстоятельство обуславливает собой основные идеи и черты образовательной модели в обществе, основанном на знаниях: расширение границ научной рациональности за счет включения аксиологических, этических и др. аспектов, формирование навыков творческого мышления, обеспечение условий непрерывного самообразования посредством включения в информационную среду и др.

Литература

1. Гайденко, П.П. Знание и информация // Философия науки. – 1997. – №3.

ОСОБЕННОСТИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

Р. Н. Шматков

Современная социальная жизнь характеризуется множеством изменений, затрагивающих почти все ее системные основы: начиная с таких основ, как технологический уклад и производственные отношения, и заканчивая базовыми политическими, культурными и духовными основами. И, хотя указанные изменения определяются в литературе по-разному («постиндустриальное общество», «глобализация», «век информации», «технотронная эра» и пр.), большинство исследователей сходятся во мнении, что ключевое значение в обществе будущего будут иметь информация и знания.

По мнению, Н. Штерна, «Основы вырисовывающегося на горизонте общественного порядка зиждутся на знании... Если знание не только является конститутивной особенностью современной экономики, но и становится организующим принципом всего общества, уместно назвать такую форму жизни "обществом знания". Это означает, прежде всего, что на основе знания мы обустроиваем всю нашу жизнь» [1].

Таким образом, в современном мире к числу предметов ожесточенного соперничества относятся не только материальные ресурсы, но и информационные технологии. В современных условиях ключом к успеху является способность к управлению информационными ресурсами и возможностями. В настоящее время становится абсолютно ясным то обстоятельство, что информационная сфера, как системообразующий фактор современного социума, оказывает существенное влияние на состояние экономической, политической, оборонной, идеологической и других составляющих безопасности государств. Более того, с развитием научно-технического прогресса указанная зависимость

будет неуклонно возрастать. Данное положение находит свое подтверждение в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [2].

В современном обществе, жизнедеятельность которого определяют знание и информационные ресурсы, система образования играет основную роль в воспроизводстве социальных институтов и устойчивом развитии указанного общества. Система образования, являясь системой культурного воспроизводства и когнитивного (связанного со знаниями) «воспитания» поколений, вступающих вновь в социальную жизнь, постоянно находилась и продолжает находиться в центре развития человеческого общества. Однако, если раньше основной функцией указанной системы являлась социализация человека путем передачи проверенных социальных навыков, то информационное общество возлагает на систему образования более важные функции, такие, как формирование у человека системы опережающей ментальной и когнитивной адаптации к социальной жизни в условиях насыщенных информационных потоков и организации указанной системы на основе быстро изменяющегося знания, поскольку, как справедливо отмечает Н.И. Гендина, «Вхождение человеческой цивилизации в информационное общество и общество знаний предъявляет качественно новые требования к системе образования. Целью образования становится не подготовка человека к будущей деятельности (прежде всего профессиональной) за счет накопления впрок как можно большего объема готовых, систематизированных, изначально истинных (в силу авторитета науки) знаний, а развитие личности, овладение ею способами приобретения существующих и порождения новых знаний» [3].

Указанные выше социальные условия выдвигают на повестку дня следующие жизненно важные вопросы: какое образование необходимо в настоящее время для того, чтобы сформировать личность, способную осуществлять активную деятельность в информационном обществе? По каким критериям можно оценить в настоящее время адекватность существующей системы образования социальным ожиданиям и задать необходимые направления ее преобразования? Как оценить качество современного образования в контексте опережающей когнитивной и ментальной адаптации, направленной в перспективе в будущее общество знания, а не только как степень соответствия работы образовательных учреждений требованиям существующих нормативных документов?

При этом необходимо учитывать, что в настоящее время знание приобретает смысл основания для организации людей, необходимого условия их совместной деятельности. Оно приходит на смену традиционным формам объединения людей и в возрастающей степени становится интегрирующим началом в общественной жизни. Сегодня человечество обладает знанием, образующим огромный информационный массив, представление которого, и тем более предметное осмысление и квалифицированная оценка, существенно затруднены. Указанное обстоятельство порождает в современном обществе серьезную гносеологическую проблему: с каких позиций необходимо рассматривать специфику современного знания и по каким критериям оценивать его качество? Полностью разделяя мнение Е.В. Ушаковой и Е.А. Пушкаревой, мы полагаем, что знание о знании является новым направлением исследований XXI в., и значимость этого направления будет только возрастать пропорционально социально значимой информации, которую вырабатывает и использует человечество [4] [5]. В подавляющем большинстве случаев современная информация по отношению к любому отдельно взятому человеку оказывается не просто недостаточной, но и избыточной, а определенная часть указанной информации является для него вредной и даже опасной. Об этом свидетельствуют данные раздела науковедения – наукометрии, в соответствии с которыми к концу XX в. каждые сутки производился такой большой объем научной информации, что

специалист, работающий в данной области, был в состоянии только прочесть (и совсем не обязательно освоить) указанную информацию в течение целого года [4, с. 21].

Таким образом, дифференциация и специализация знаний в настоящее время усиливаются, а специалисты, работающие даже в близких областях, понимают друг друга все меньше. Общий объем современной информации, знаний, благодаря лавинообразному нарастанию, можно охарактеризовать как «информационный взрыв» [5, с. 108]. Социальная информация настолько увеличилась, что по своему объему стала практически безграничной по отношению к каждому отдельному человеку. Качество социальной информации в современных условиях является настолько разноплановым, что даже у специалистов возникают серьезные затруднения с ее систематизацией. Характер воздействия информации становится все более неопределенным – она может воздействовать на человека как положительно, так и отрицательно. Следовательно, феномен социальной информации к началу третьего тысячелетия становится предельно сложным, он обладает множеством особенностей, специфических характеристик и это не может не отразиться на качестве современного образования.

Постиндустриальное общество сделало знания и информацию своим организующим началом, модифицировав при этом сам характер знаний: теоретические знания в виде изобретений или организационных усовершенствований стали вовлекаться в практическую переработку ресурсов и занимать ключевое положение в обществе. Технический базис постиндустриального общества заключается в развитии компьютерных технологий и средств коммуникации, которые преобразуют кардинальным образом самые разнообразные сферы жизнедеятельности современного общества. Впервые в истории человечества информация начинает выступать не просто как социальная память, но именно в качестве действующего инструмента, средства принятия решений, в которых человек, зачастую, не принимает непосредственного участия [6, с. 35–36]. Указанное обстоятельство накладывает отпечаток на качество современного образования – оно должно соответствовать требованиям постиндустриального общества и обеспечивать своевременное получение необходимой информации, объем которой не должен быть избыточным, и, в то же время, он должен быть достаточным для обеспечения нормальной жизнедеятельности современного общества.

Необходимо отметить, что с сам момент возникновения мыслящего человечества, способного осознанно преобразовывать окружающий мир, характеризуется также возникновением системы передачи накопленных знаний, опыта, окружающим индивидам и последующим поколениям. Указанная система как раз и является системой образования, системой социального наследования, передачи в социальном мире жизненно важных знаний. Поэтому, качество образования должно обязательно включать в себя аксиологическую составляющую и быть направлено на формирование устойчивой системы ценностей, у подрастающего поколения не входящей в противоречие с окружающей средой.

Литература

1. Штерн Н. Мир из знания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000958/st000.shtml>. – Дата доступа: 01.12.2013.
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Информационное общество. – 2000. – №3. – С. 3–5.
3. Гендина, Н.И. Образование для общества знаний и проблемы формирования информационной культуры личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mediagram.ru/netcat_files/108/110/54d6078f5bb9c0b11832651977d1e57e1. – Дата доступа: 01.12.2013.

4. Ушакова, Е.В. Знаниеведение и философия: проблема соотношения в теории и образовании // Философия образования. – 2007. – Спецвып. № 1. – С. 20–26.
5. Наливайко, Н.В., Пушкарева Е.А., Шматков Р.Н. и др. Качество современного отечественного образования: сущность и проблемы: монография. – Новосибирск, 2009.
6. Жукова, Е.А. Hi-Tech: динамика взаимодействий науки, общества и технологий: автореф. дис... д-ра филос. наук. – Томск, 2007.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СООТВЕТСТВИИ С НАСУЩНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ ВЕКА

Э. М. Сороко

Стратегические ориентации системы образования во все исторические эпохи были продиктованы необходимостью удовлетворения насущных потребностей государства. Это и предопределяло текущие задачи насыщения государственных институтов кадрами, подготовленными для выполнения его функций, отвечающих его интересам и духу времени.

В правовом плане устойчивость централизованной власти обеспечивалась сводами законов, которые, будучи однажды выработанными и кодифицированными, заимствовались затем другими государственными системами при более или менее значительных вариациях. Так, законы царя Хаммурапи были с небольшой доработкой заимствованы Римской империей, откуда их, прошедших некоторую коррекцию, унаследовали США, положив в основу своего государственного устройства.

Соответственно, система образовательной подготовки кадров для исполнения юридических, производственно-экономических, идеологических функций, инженерно-строительных, финансовых расчетов, наполнения религиозных учреждений, формирования организационных структур и осуществления внутренней политики также почти не претерпевала существенных изменений. Она в целом сохраняла и формы построения и изложения знания, и методы его получения, лишь иногда впитывая и адаптируя те немногие новинки, что привносились волной времени. Достаточно сказать, что «Начала» Евклида благополучно функционировали в системе европейского образования более двух тысяч лет, включая XX век, в своей тиражности лишь ненамного отстав от Библии.

Чем же обусловлена столь показательная историческая устойчивость однажды выработанных образовательных канонов? Ответом на этот вопрос, по-видимому, может быть то, что во все предыдущие времена основным субъектом исторических процессов являлось отдельное государство. Расширяясь до полноты имперского могущества, оно возвращало в себе иерархическую, древовидную структуру одного и того же императива «господства–подчинения», по известному унаследованному издрвле принципу «*Divide et impera!*» («Разделяй и властвуй!»), действующему на нисходящих ветвях дифференциации канонизованных полномочий. Наиболее яркий и показательный образец такого рода государственных формирований дают пространства, которые покорил Александр Македонский, который надеялся превратить их в империю, для чего и основал около трехсот Александрий по пути следования своего войска. Аристотель для нужд молодого императора разработал логику, которая в наибольшей мере отвечала вышеозначенному принципу. Введенный Аристотелем так называемый «Закон исключенного третьего» служил основанием ее использования «в делах суетных», не допускающих третьего состояния, меры между крайностями, – только «да» либо «нет».

Детерминистско-аналитическая альтернатива «либо–либо» не допускала меры в

смыкании крайностей, которой, однако, оперировал Платон в рассматриваемых им бинарных оппозициях. И это стало одной из основных позиций, где разошлись взгляды двух крупнейших философов древности.

Древовидные, иерархические структуры были свойственны не только власти светской, государствам с режимом абсолютизма, но и власти религиозной. Характерно, что не только в учении Христа обнаруживается тот же принцип: «Кесарю – кесарево, Божие – Богу» (Мф. 22:15–22), «Кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12:30; Лк.11:23). Сама организация христианской церкви, соподчиненность ее сановных особ, удовлетворяла этой иерархической вертикали. Более того, уже в новое время, Декарт, будучи убежденным в том, что нашел «отмычку» к сложностям мира, данный принцип в той же императивной форме предложил на роль универсального метода познания: «разделяй целое на части и исследуй их порознь». Гегель, однако, не признал этой всеобщности и универсальности предложенного Декартом познавательного действия: «Части лишь у трупа» – заявил он; организмы, состоящие из отдельных автономно функционирующих подсистем, не подпадают под схему его действия.

Вместе с тем, в течение последнего столетия пробивает себе путь, – хотя и весьма трудно, через ошибки и заблуждения, через непонимание исторического момента, наконец, через великие человеческие жертвы в легкомысленно и амбициозно разожженных войнах, – новый генеральный принцип социального бытия, управления и познания. Он основан не на исторически преддетерминированной чрезмерной эксплуатации вертикальных, нисходящих структур, а на ускорении освоения структур горизонтальных, на которых строятся также и новые императивы управления и познания. Вспомнив Екклесиаста, можно сказать, что «время разбрасывать камни» отступает, сменяясь временем «сбирать камни». Время анализа, дифференциации, расщепления сложного целого на части, детерминизма, логики как последовательности необходимостей отходит на задний план, и приходит пора интенсификации разработок средств и методов системного синтеза, интегративных мер, способов сведения многого воедино. Наступает время синергизмов и гармонизации собираемого из частей целого, с первейшим условием, – чтобы это целое отвечало критериям высшего качества.

Разумеется, полностью преодолеть изживший себя императив, который господствовал более двух тысячелетий и обрел соответствующую инерцию, пока не удастся. Он фрактальным образом воплотился в последнем исторически сложившемся оплоте нисходящего иерархического действия с той же структурой «господства–подчинения», но уже в персонифицированном, глобальном его варианте, в превращенной форме власти не человека над человеком, а капитала – над отдельными организованными общностями, коллективными субъектами: государствами, народами, регионами.

Не случайно Нобелевский лауреат Илья Пригожин уподобил детерминизм «карикатуре на науку». Те структуры в организации человеческого общества и деятельности человека безотносительно к ее профильности, которые ранее были центрированы жестким логическим каркасом и в которых фигурируют только ряды необходимостей и жестко выстроенные связи, были репрезентированы как неадекватные, не соответствующие современным задачам общественного самоуправления, совершенствования экономики и производственных технологий, модернизации образовательного пространства и процесса. Стало ясно, что в осмысление и моделирование социальных процессов должен быть активнейшим образом включен стохастический фактор, выводящий на уровень диалектически определенных сущностей, интерпретируемых через набор принципиально новых понятий. Последние раскрывают свое содержание в русле новых обобщенных

принципов познания и управления – интегративных параметров порядка, способов системного синтеза, фазовых превращений самоорганизующихся и эволюционирующих сложных систем.

Но этот переход к насыщению интеллекта новыми измерениями, степенями свободы и возможностями наращивания интеллектуального капитала, знаниями, а главное – методами использования знаний в практике (еще Гегель отмечал, что «всякая теория резюмируется в методе») требует кардинального изменения образовательных технологий на уровне средней и высшей школы, переориентации образовательных стратегий на новые эпистемологические и управленческие принципы. Настало время видеть мир как «гармонию гармоний и дисгармоний» (Гегель), как распределение и взаимопроникновение локальных универсумов в качестве структурных составляющих универсума глобального.

В настоящее время можно констатировать наличие обилия узкопрофильных, частно-предметных, дисциплинарных ветвей знания, занимающих свои места в универсальной десятичной системе классификации (УДК), многие из которых давно достигли сатурационного предела насыщения, по существу тупика в своей самозастройке, и не способны более наращивать существенно значимое знание. Сегодня можно со всей определенностью сказать, что назрел переход на более высокий уровень рефлексии и реорганизации когнитивного пространства человека-творца, главным образом пространства его потенциальных креативных инициатив, что требует самого активного использования в научных областях трансдисциплинарной парадигмы, методов синтеза не только знания, но и структурной политики, и функциональной организации практики. Причем такой переход подразумевается в метанаучном смысле, аналогично тому, как это в свое время совершил Аристотель, введя в научный оборот логику, возвышающуюся над множеством узких областей знания. Аристотель сформулировал четко и однозначно простую мысль: кто знает общее – тот знает все. Действительно, незнание универсального, общего решения обрекает вновь и вновь наткнуться на частности (на это, кстати, со всей серьезностью обращал внимание и В.И. Ленин). Аристотель прямо высказался на сей счет: «...Знание обо всем необходимо имеет тот, кто в наибольшей мере обладает знанием общего» [Метафизика, 982а 22]. Именно общее, а точнее, всеобщие принципы, становятся контрапунктом в массиве действий преобразования образовательных практик. Ведь в объективном мире, какой бы профиль, сферу, область его ни взять, – везде обнаруживаем одно и то же единство: явлениями управляют законы, а законами – всеобщие принципы, как образно выразился лауреат Нобелевской премии Эджен Вигнер, обнаруживший этот порядок в структуре мироздания.

Возвращаясь к тому, что было сказано в начале статьи, мы вправе задаться вопросом: какие такие новые объективные обстоятельства побуждают переходить к новой трансдисциплинарной парадигме познания, активизирующей принцип всеобщего и встраивающей его в «цепь Аристотеля-Вигнера»: явления–законы–принципы. Если к проблеме подойти с позиций диалектики, то здесь важно видеть принципиально иной, обобщенный критерий – бинарную оппозицию, стороны которой предъявляют необходимость различения объектной базы эпистемологии прежних времен и времен нынешних. Все древовидные структуры прошлого в управлении и познании, инвариантным ядром которых служила логика как последовательность необходимостей, представляли собой объект как систему. Современная же объективная реальность, над которой выводятся ветви трансдисциплинарной науки, выявляются орудия и методы постижения процессов становления качества систем, формируются подходы к освоению проблем формирования и динамики их целостности, – принципиально иная. В центре ее находится система объектов. И она может являть собой ансамбль, гармонично либо дисгармонично сложенный, выдающий симфонию либо какофонию, обладающий высоким системным (метасистемным) качеством либо не обладающим им. Причем, это можно

встретить на любом конкретном материале и потому применение всеобщих принципов здесь весьма и весьма уместно. Идя таким путем, можно приблизиться к тому идеалу, о котором говорил К. Маркс, видевший в будущем одну науку, в которую, синтезируясь, войдут гуманитарные дисциплины и естествознание. Всеобщие принципы и есть тот инвариант, который позволяет осуществить такой объединительный, синтезирующий процесс.

Для того чтобы оперировать названными ансамблями, уже найдены соответствующие средства – критерии диагностики состояний сложных системных формирований, методы определения функциональных интенсивностей многого как единого целого, соответствующих тому или иному узлу его интегральной меры, общенаучные средства индексирования качества и т.п. Становится возможным широкомасштабно использовать дважды продействовавший над бинарной оппозицией закон отрицания отрицания, который, в силу завершенности цикла его действия и получения в итоге четырехкомпонентного модуля, тетрады (1→2→4), дает основание рассматривать этот модуль как первичную единицу во множестве матриц, развивать далее тетрадэпистемологию (тетраDMETHODологию и тетрадонтологию познания). Ведь, по словам великого психофизиолога нашего времени К.-Г. Юнга, тетрада (четверица) есть реальный, значимый, объективно сущий архетип познания, тогда как триада суть архаический архетип, не сулящий ничего нового в современной архитектонике созидания средств раскрытия горизонтов неведомого.

Удостоверившись в полномочности и разрешающей силе такого подхода, можно интенсифицировать процесс трансформации образовательного пространства и процесса, наращивать на данной основе динамику регулирования роста числа степеней свободы креативной личности, возвышения ее самосознания, как необходимого и неотъемлемого условия достижения ею своего акме, ибо без этого, без внесения ясности в структуру интеллекта, в количество его фундаментальных измерений невозможны в полной мере условия и процессы управления наращиванием в обществе интеллектуального капитала.

Человек здесь обнаруживает себя в полном спектре своих интеллектуальных свойств, как «человек квадратный» (Аристотель), – в четырехмерном пространстве, «измерениями» которого служат разум, чувства, вера, воля. И если в сфере укрепления разума, воспитания чувств, утверждения в каждом социальном индивиде веры функционируют специальные общественные институты, которым соответствуют три типа усваиваемых человеком языков – для общения с природой, с обществом и с Богом, – то для тренажа воли такие институты отсутствуют, хотя необходимый язык имеется. Это язык общения человека с самим собой. И тут государство должно помочь человеку стать собою, овладеть высотами самосознания, самоуправления, чувствами самодостаточности, гармонии и меры.

МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ КАК ИНСТРУМЕНТ «ТОНКОЙ НАСТРОЙКИ» ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. М. Твердынин

Существующее техногенное информационное общество основано на колоссальной по своим размерам научно-технической базе, являющейся итогом многовекового развития цивилизации. При этом сложно говорить о безусловном приоритете какой-либо одной сферы знания, все они (естественно-научное, гуманитарное, логико-математическое, технико-технологическое и др.) совместно образуют единый фундамент, обеспечивая существование современной цивилизации. В настоящее время без наличия мощной образовательной сферы в этом обществе, обеспечивающей передачу и рост знаний по всем направлениям, невозможно не только развитие, но даже простое

воспроизводство. Именно совершенствование образования является необходимым условием создания «общества, основанного на знаниях». Одним из путей повышения качества образования для решения проблем такого общества может быть совершенствование процесса обучения за счет развития междисциплинарного взаимодействия, в частности, развития и углубления межпредметных связей.

Комплексный анализ развития современного образования с социально-философских и эдукологических позиций позволяет рассматривать межпредметные связи не только в рамках холистической или редукционистской парадигм (в качестве динамических структурных компонентов образовательных систем, способствующих созданию в этих системах качественно новых результатов процесса обучения или поддерживать их на постоянном уровне). Нельзя серьезно обсуждать находящиеся в последние годы «на слуху» проблемы компетентности и компетенций применительно к образовательному пространству, игнорируя аспекты имеющие отношение к межпредметным связям. Это происходит потому, что дифференциация современного знания достигла небывалого за всю историю образования уровня, но одновременно диалектика процесса развития образования в целом и образовательных систем в частности, привела к возрастанию степени межпредметных контактов и возникновению совершенно новых, не существовавших ранее взаимодействий. Например, между техникой и искусством, что привело к возникновению дизайна – одному из самых востребованных как в практической деятельности, так и в сфере образовательных услуг направлений. Следствием, таких контактов явилось возникновение не существовавших ранее профессий и, соответственно, необходимость готовить специалистов по новым образовательным профилям.

Рассматривая эпистемологию межпредметных связей, нельзя не учитывать роль социальных факторов, влияющих на совместное развитие образования и «практики» (промышленность, здравоохранение, экономика и другие области, которым образование поставляет соответствующие кадры) и находящих свое концентрированное выражение в социальном заказе. Социальный заказ не только диктует ускоренное развитие тех или иных научных и технических направлений и определяет приоритетность подготовки кадров для соответствующих направлений, но и вступает в определенное противоречие с внутренними процессами в системе подготовки специалистов всех уровней. Это происходит потому, что образование представляет более инертную в социальном плане сферу и не может адаптироваться к изменению требований на рынке труда столь же быстро, как это происходит в экономике [1, с. 78–81]. На то, чтобы «наладить» выпуск специалистов по новой наукоемкой специальности требуется чаще всего гораздо больше времени, чем на отработку соответствующих промышленных технологий. Кроме того, при создании новых специальностей возникает ряд частных вопросов внутреннего порядка, связанных с подготовкой и переподготовкой преподавательского состава, материальным обеспечением учебного процесса и ряд других [2, с. 92–96]. Именно поэтому «скорость возникновения» новых специальностей, востребованных на рынке труда выше, чем «скорость оформления» таких специальностей в системе образования (на любом ее уровне – высшее, среднее или начальное профессиональное).

Рассматривая роль межпредметных связей в образовательной среде, нельзя не отметить такие их свойства как амбивалентность и многоуровневость. Первое – выступает достаточно явно в процессе обучения, поскольку позволяет не только наладить межпредметный диалог, но и резко активизировать познавательную составляющую процесса обучения: одновременно оказываются задействованы все общие методы познания (анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия, абдукция; подробное рассмотрение этого процесса выходит за рамки данной работы), но при этом возможно и определенное ран-

жирование: один изучаемый предмет может быть противопоставлен другому как менее значимый. Второе свойство (многоуровневость) – носит общеметодологический характер. Оно проявляется главным образом в тех направлениях образования, которые позиционируют как «старые», классические. Данное свойство наглядно проявляется при подготовке инженеров-механиков самого разного профиля, когда единая математическая база, привносящая общий методологический подход, связывает целый ряд технико-технологических дисциплин.

В то же время представляется, что одной из основных проблем, мешающих качественной подготовке в вузе, является разобщенность в методологических подходах, существующая при обучении студентов по различным специальностям, профилям и направлениям. Именно здесь общеметодологический потенциал межпредметных связей может быть максимально продуктивно реализован. Думается, что в этом случае далеко не лишним может оказаться тот опыт изучения гуманитарных дисциплин как общеметодологической базы, который существовал при подготовке специалистов самых различных направлений в Советском Союзе. Естественно, что во многом утилитарное отношение к науке и образованию, существовавшее в СССР, не могло не привести к определенным перекосам в ее развитии [3, с. 12–18], но без привлечения того положительного, что имелось, невозможно решение целого ряда современных вопросов и проблем, возникших за последние два с лишним десятилетия.

Реальное внедрение и развитие межпредметного взаимодействия помогает процессу гуманизации современного образования при сохранении углубленной подготовки в избранной профессии. Кроме того, переход на многоуровневую систему образования поставил вопрос об усилении индивидуальной составляющей обучения, предоставлении студенту возможности планировать и осуществлять собственную траекторию учебы, как с учетом личных интересов, так и принимая во внимание изменение конъюнктуры на рынке труда.

Таким образом, можно вполне уверенно заявить о том, что потенциал межпредметных связей в современном образовании не только важен, но и обладает значительными возможностями для совершенствования образовательных систем, а сами межпредметные связи выступают при этом в качестве универсального «инструмента тонкой настройки» и взаимодействия этих систем. Такой подход не может не способствовать развитию интеллектуального капитала Союзного государства, обеспечивая построение общества, основанного на знаниях.

Литература

1. Твердынин, Н.М. Образование в свете современных концепций международной безопасности. // Сб. материалов научной конференции общественного движения «За укрепление демократического мирового правопорядка и в поддержку ООН», выпуск №14. – М., 2009.
2. Твердынин, Н.М. Применение ИКТ как средства активизации межпредметных связей в процессе преподавания курсов по выбору: профиль «Технология. // Информационно-коммуникационные технологии в подготовке учителя физики и технологии. Материалы конференции. – Коломна, 2013.
3. Грэхэм, Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. – М., 1991.

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В. С. Голубев

Современный мир можно охарактеризовать как «перманентно критический». В критической ситуации оказались практически все «традиционные» системы решительно в различных областях человеческой деятельности, будь то экономика, политика или социальная сфера. Террористические атаки в Сирии, массовые расстрелы школьников в США, убийство военного в Лондоне, борьба против «разносчиков» демократии в Иране – вот лишь малая толика тех очагов нестабильности, характерных для 2013 года, которые формируют сегодняшнюю реальность и не позволяют дать окончательный ответ на вопрос, возможно ли построение общества социальной стабильности. Сложившаяся ситуация, безусловно, открывает широчайшее поле деятельности для любого исследователя.

Очевидно, что для установления социального порядка необходима адекватная система социального управления, которая, используя надлежащие средства и методы, может дать желаемый результат. Учитывая ограниченность размеров статьи и в интересах сохранения общего стиля изложения мы предлагаем понимать социальное управление как, прежде всего, осуществление власти, т.к. управлять можно только обладая определенной долей власти и возможностью ее применения. Принимая за основу определение термина «власть», данное Э. Гидденсом [1, с. 251], мы предлагаем следующее определение термина «социальное управление» – это специфический вид субъект-субъектной (реже субъект-объектной) деятельности, направленной на постановку и достижение определенной цели путем сознательной целесообразной организации окружающего пространства (в том числе социального) различными методами (прямыми и косвенными) в необходимую форму социального порядка с использованием властного ресурса, а так же сам процесс осуществления данного вида деятельности.

Далее, на основании принятой в отечественной философии классификации [2], мы разделяем методы социального управления на прямые и косвенные, где в косвенных методах управления нас интересует образование. С одной стороны, роль образования в деле формирования социального порядка трудно переоценить; с другой стороны, мы отнесли его к косвенным методам социального управления потому, что образование начинает оказывать влияние на объект социального управления тогда, когда у нас нет никаких оснований подозревать у последнего наличие критического мышления и достаточной способности к самоанализу.

Ситуация, сложившаяся сегодня в образовании, как нельзя точно подходит под слово «критическая». С момента развала Советского союза система образования находится в состоянии перманентного реформирования, и «улучшения». И ладно, когда речь идет о безобидном переименовании детских садиков в дошкольные учреждения образования; хуже, когда на протяжении всего нескольких лет вводятся разные необоснованные системы оценивания, меняется продолжительность обучения в школах, в ВУЗах, меняются стандарты и программы без видимых на то оснований. Еще хуже то, что иногда решением этих вопросов занимаются люди, компетентность которых в делах образования вызывает вопросы. Плохо и то, что, по большому счету, все реформы не подчиняются какому-то единому плану, какой-то общей стратегии. В последнее десятилетие у реформаторов от образования появился новый фетиш или волшебное слово – инновации. И снова нужно реформировать, менять, выдумывать и применять новые методы в педагогике и практике преподавания.

Большинство профессионалов согласятся, что в существующей сегодня «системе» образования нужно что-то менять, но для того, чтобы предлагать какие-либо изменения, нужно четко себе представлять, а еще лучше понимать, что такое образование, и для чего оно нужно.

В контексте методологии социального управления и на основании общепринятых определений термина образования, мы хотим предложить новое определение, которое может помочь отыскать в дальнейшем нужные основания для формирования адекватной системы образования.

Во-первых, хотелось бы сделать небольшое техническое отступление. Есть много разных подходов при выработке понятий, один из которых – аналогия. Образование сегодня в его инструментальном измерении можно, в известном смысле, сравнить с программным обеспечением для компьютера, которое в самом общем виде можно разделить на операционную систему и вспомогательные программы. Собственно образование как метод социального управления и есть «установка» специальной операционной системы, от качества которой во многом зависит социальная стабильность. Вспомогательные «программы» должны лишь облегчать решение некоторых задач, не влияя при этом на саму систему в целом. В качестве вывода из приведенной аналогии мы можем сказать, что система образования в обществе есть дело государства, и ни при каких обстоятельствах не может быть отдана в руки частного, а потому не контролируемого капитала [3].

Во-вторых, поскольку образование есть вид специальной деятельности, постольку оно должно, по-возможности, «производиться» профессионалами, необходима специальная система подготовки и отбора, гарантирующая воспроизводство кадров для образования.

В-третьих, поскольку образование всегда направлено в первую очередь на индивида, оно, в известной степени, должно принимать в расчет индивидуальные особенности, как умственные, так и психофизические, и половые. И в данном вопросе нельзя поддаваться влиянию мифологем, пусть даже они исходят из очень уважаемого источника. В идеале, с каждым новым уровнем образования степень дифференциации должна возрастать, вплоть до личной подготовки специалиста.

В-четвертых, получаемые индивидом в процессе образования знания и навыки должны отвечать требованиям времени и делать «образованного» человека способным адекватно вписываться в существующую систему социального порядка, и, кроме того, поддерживать его стабильность и обеспечивать дальнейшее воспроизводство. Однако стоит отметить, что «современность» мы рекомендуем понимать так, что индивид сегодня должен уметь писать и печатать одинаково хорошо, а не так, что, в связи с распространением компьютеров, он должен уметь только печатать. Современность должна базироваться на многократно опытно доказанных истинах, а не на модных виртуальных психологических теориях.

В-пятых, поскольку образование есть необходимый инструмент налаживания человеческого общежития, постольку оно должно задавать максимально широкую систему координат членам одного и того же общества, ведь, как давно известно, договариваться можно, лишь говоря на одном языке. Стоит добавить, что грамотно разработанная система обеспечивает взаимопонимание между сверстниками, а использование одной системы в течение долгого времени может снять существующую сегодня проблему поколений.

В-шестых, поскольку образование также может быть исследуемо и как процесс, для него важно еще и создание надлежащих условий, в которых оно максимально соот-

ветствовало бы поставленным целям, причем сам стартовый и потенциальный уровень индивидов должен быть настолько высоким, насколько это возможно.

Седьмое, и последнее, что мы бы хотели сказать – то, что поскольку образование есть система, неизбежно должно существовать и ранжирование элементов в ней, позволяющее отбраковывать неподходящие элементы, т.е., в данном случае, такая система оценивания, которая содержит в себе возможность неудовлетворительной оценки.

Таким образом, основываясь на приведенных рассуждениях, мы предлагаем следующее определение термина «образование» в контексте методологии социального управления. *Образование* – это специфический вид деятельности, направленный на формирование у индивида особой, социально обусловленной и оправданной фундаментальной системы навыков теоретического познания, практического освоения и преобразования действительности, обеспечение усвоения норм и правил ее функционирования в заданной системе ценностей, а так же сам процесс этого формирования. Надеемся, что предложенное нами определение при необходимости поможет в деле построения эффективной системы образования.

Литература

1. Гидденс, Э. Социология. – М., 1999.
2. Ильин, М.В. Власть / М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль // Психология и психоанализ власти: хрестоматия / Д.Я. Райгородский: в 2 т. Т.1. – Самара, 1999.
3. Парсонс, Т. О структуре социального действия. – 2-е изд. – М., 2002.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. С. Загорец

Человеческие ресурсы являются главным богатством любой страны, основным источником ее развития. Человеческие ресурсы, в отличие от природных, материальных, финансовых и других способны к самосовершенствованию, их качество в процессе эксплуатации может улучшаться. Трудовой потенциал страны зависит не только от количества трудовых ресурсов, их психофизиологического состояния, но и от уровня их подготовки, профессионализма, мотивации к труду, оптимальной организации.

Основой, центральным звеном развития человеческих ресурсов является система их обучения, включающая подготовку, переподготовку и постоянное повышение квалификации персонала. Без создания эффективной национальной системы образования и ее непрерывного совершенствования невозможно обеспечить конкурентоспособность национальных предприятий и всей экономики на мировом рынке товаров и услуг. Сфера образования сама является важной частью этого рынка, в ней, как и в других сферах, осуществляется конкурентная борьба, как между отдельными учреждениями образования, так и между системами образования различных стран.

Анализ системы образования Беларуси, проведенный нами показал, что главными ее проблемами на современном этапе являются следующие:

Несоответствие требованиям экономики структуры подготовки специалистов на различных ступенях образования.

Несоответствие структуры подготовки по отдельным направлениям и специальностям высшего образования.

Недостаточная востребованность образовательных услуг на мировом рынке.

Основной тенденцией последних лет в развитии послешкольного образования Беларуси было сокращение численности учреждений, осуществляющих подготовку специалистов в начальном техническом и профессиональном образовании и числа обучающихся в них. Приоритет отдавался подготовке специалистов со средним специальным и особенно высшим образованием. В Беларуси с 1990 по 2012 годы почти в три раза увеличился выпуск специалистов с высшим образованием и, одновременно, более чем в полтора раза сократилась подготовка квалифицированных рабочих в системе профессионально-технического образования (таблица 1). При этом необходимо отметить, что число студентов и выпускников учреждений высшего образования резко росло при одновременном существенном сокращении числа получавших общее среднее образование (со 101,0 тыс. человек в 2005 году до 68,9 тыс. человек в 2012 году).

Данная пропорция между различными ступенями профессиональной подготовки не отражает реальной потребности экономики в специалистах. Квалификационные требования к уровню образования работников на рынке труда Республики Беларусь не предусматривают, и не будут предусматривать в ближайшем обозримом будущем всеобщего высшего образования.

Таблица 1 – Выпуск специалистов в учреждениях образования Беларуси, тыс. чел [1, с. 131]; [2, с. 174,181,186,191]

Годы	Выпуск специалистов с уровнем образования			
	Общим средним	Высшим	Средним специальным	Профессионально-техническим
1990	...	28,6	42,2	79,1
1995	...	32,5	37,0	59,2
2000	94,8	38,7	43,8	54,7
2005	101,0	53,6	49,3	54,0
2010	92,6	73,3	45,3	40,9
2011	79,9	75,8	46,2	43,8
2012	68,9	84,6	48,7	50,2

Второй проблемой уже непосредственно высшего образования в нашей стране является несоответствие подготовки специалистов по отдельным направлениям и специальностям потребностям экономики страны в них. В 2012 году 39,0 тысяч или 41% выпускников ВУЗов получили квалификацию в области коммуникаций, права, экономики и управления, в то время как специалистов в области техники и технологий выпущено только 12,7 тысяч или 15% от общего выпуска [1, с. 191].

Важным показателем эффективности системы образования страны является востребованность предлагаемых ей услуг на мировом образовательном рынке. С данной точки зрения Беларусь еще очень сильно отстает от мировых лидеров экспорта образовательных услуг. В Беларуси доля иностранцев в общей численности студентов составляет 2,8%. В 2012/13 учебном году в ВУЗах Беларуси обучались 12002 иностранных студента, при этом две трети из них приходилось только на три страны: Туркмению (54,3%), Россию (13,8%) и Китай (9,5%). Экспорт образовательных услуг Беларуси составил около 20 млн. дол., или немногим больше 1500 дол. в расчете на одного студента [1, с. 192–193]; [3].

Для устранения и минимизации вышеуказанных проблем нами предлагаются следующие мероприятия по совершенствованию системы образования в Республике Беларусь:

Необходимо скорректировать структуру подготовки кадров в пользу увеличения доли подготовки специалистов с профессионально-техническим и средним специальным образованием.

Повышению качества образовательного процесса должно способствовать привлечение к нему специалистов-практиков. Поскольку значительную часть в оплате труда преподавателей занимают доплаты за звание, степень и стаж работы, специалисты-производственники не имеют достаточной мотивации преподавать в вузах.

Для привлечения к преподавательской деятельности наиболее квалифицированных специалистов практиков возможна большая дифференциация и индивидуализация оплаты труда профессорско-преподавательского состава вообще и по отдельным специальностям.

3. Для приведения в соответствие рынка образовательных услуг и рынка труда Республики Беларусь в системе высшего образования необходимо осуществить изменение структуры подготовки специалистов по отдельным направлениям.

Подготовка в учреждениях образования специалистов на оборудовании другого технологического уклада по сравнению с оборудованием передовых предприятий страны не является эффективной. Такие специалисты требуют последующего переобучения на предприятиях. В целях улучшения материально-технической базы учреждений образования можно предложить использование оборудования профильных промышленных предприятий, на базе которых и проводить обучение.

В ближайшие годы в Беларуси неизбежно существенное сокращение приема в учреждения высшего образования выпускников белорусских школ по двум основным причинам. Во-первых, общее количество заканчивающих учреждения общего среднего образования будет сокращаться по демографическим причинам. Во-вторых, необходимо изменить соотношение между отдельными ступенями послешкольного образования в пользу подготовки специалистов с профессионально-техническим и средним специальным образованием, о чем шла речь выше.

Для сохранения существующего и более эффективного использования потенциала системы высшего образования Республики Беларусь необходимо увеличивать экспорт образовательных услуг. Сокращение приема в учреждения высшего образования белорусских студентов можно и нужно компенсировать увеличением количества иностранных студентов. Данная мера не потребует значительных материальных и финансовых вложений при одновременном росте валютных поступлений в страну.

Литература

1. Республика Беларусь // Статистический ежегодник – 2013 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2013.
2. Труд и занятость в Республике Беларусь. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2012.
3. Система образования Республики Беларусь // Официальный сайт Министерства образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.gov.by/main.aspx?guid=18201> – Дата доступа: 10.11.2012.

ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ В РАЗВИТИИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ШКОЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. В. Торхова, Г. Н. Карона, К. Ю. Таранович

Термин «научная школа» означает, во-первых, единство процесса обучения творчеству и процесса исследования; во-вторых, концепцию, которой придерживается одна группа ученых в отношении другой группы [6].

С позиции системного подхода категория «научная школа» подразумевает сово-

купность нескольких компонентов:

- формальное объединение, научно-образовательная организация различного статуса (университет, факультет, кафедра, лаборатория и т.п.);
- исследовательский (творческий) коллектив, не обязательно имеющий формальную принадлежность к какому-либо структурному подразделению университета или научно-исследовательского института;
- направление в науке, объединяющее интересы группы исследователей [5].

Некоторые исследователи отождествляют понятия «научная школа» и «научное направление», однако в литературе встречаются ситуации, когда научные школы представляются как научные коллективы с их историей становления, развития и современного состояния [5, с. 542]. Обычно это коллективы, претендующие на статус ведущих научных коллективов в рамках определенного научного направления. Иначе говоря, реально существует такая системная связь, как «научное направление – научная школа».

В связи с этим возникает вопрос: что первично – научная школа или научное направление? Может ли научная школа породить новое направление? Безусловно, может. Но тогда это будет уже новая школа. Таким образом, происходит процесс образования «новой» школы на основе «старой». Новая школа чаще всего сохраняет уже устоявшиеся предшествующие традиции и образует новый инновационный пласт деятельности. Это основной механизм рождения новых научных школ. В данном случае инновация – это преемственность и развитие традиций.

Основными критериями оценки результативности научных школ являются:

- количество подготовленных кандидатских и докторских диссертаций;
- цитируемость трудов участников школы;
- общие научные идеи и ценности, которых придерживаются члены школы.

При характеристике научной школы преемственность часто трактуется как продолжение тематики исследований учителя в трудах учеников. Особо учитывается количество защищенных кандидатских и докторских диссертаций.

Начинающий исследователь в самом начале своего творческого пути должен примкнуть к научной школе, определить и утвердить в ней тему диссертационного исследования, вести свое исследование с ведущими учеными, перенять их традиции. Аспирант, докторант своими исследованиями вносят инновационный вклад в деятельность научной школы и одновременно используют научный потенциал школы для саморазвития [4].

Существенный вклад в развитие педагогической теории и школьной практики Беларуси внесли научные школы академика И.Ф. Харламова, профессора Д.И. Чернышенко, профессора И.И. Цыркуна, профессора И.И. Казимирской и др.

Научная школа И.Ф. Харламова берет свое начало с 1972 г. Основное направление научных исследований И.Ф. Харламова, его учеников и последователей – это изучение теоретико-методических основ нравственного воспитания [1]. По данному направлению И.Ф. Харламов подготовил 17 кандидатов наук.

Специфическими особенностями школы И.Ф. Харламова являются: широкий спектр проблем исследования (теория нравственного воспитания, общая дидактика, школоведение, история педагогики и др.); строгое определение и корректное использование важнейших педагогических понятий и категорий; жесткое следование традициям, установленным лидером научной школы. Важная особенность школы И.Ф. Харламова – связь теории с практикой, направленность на решение реальных педагогических задач.

Научная школа И. Д. Чернышенко сыграла исключительную роль в развитии теории и практики трудового воспитания, политехнического образования и профориента-

ции школьников в Беларуси [2] [3]. Учениками и последователями И.Д. Чернышенко являются В.М. Минаева, Е.Ф. Сивашинская, Н.И. Бумаженко, Е.Ф. Ивашкевич, Е.И. Куликова, С.И. Малашенков, А.В. Споткай, В.В. Тетерин и др.

Основные направления научных исследований в школе И.Д. Чернышенко: теоретические и методические основы трудового воспитания и профессиональной ориентации школьников; политехническое образование и производственный труд в общеобразовательной школе; формирование у школьников положительных личностных качеств гражданина-труженика в процессе трудовой деятельности [4].

Научные школы немислимы вне процесса их эволюции, в первую очередь их деятельность нужно рассматривать через призму сочетания традиций и инноваций, которые составляют диалектическое единство.

История и методология науки свидетельствуют о том, что научная школа может развиваться по инновационному пути только при выполнении следующих двух условий:

– во-первых, обеспечение известной самостоятельности, самодеятельности, самоорганизованности и саморазвития молодых ученых, определяющих в силу своего возраста и мировоззренческих установок будущее науки;

– во-вторых, наличие постоянного контакта молодых исследователей со старшим поколением ученых, представляющих устоявшиеся направления, опыт, традиции и формы научного поиска.

Литература

1. Теория нравственного воспитания: историческая и современная проблематика и основные педагогические идеи» / И.Ф. Харламов. – Минск, 1972.
2. Современные тенденции трудового обучения и воспитания молодежи: материалы республиканской научно-практической конференции к 75-летию со дня рождения проф. И. Д. Чернышенко, Витебск, 1 дек. 1999 г. – Витебск, 2000.
3. Чернышенко, И.Д. Трудовое воспитание школьников. – М., 1981.
4. Ярошевский, М.Г. Логика развития науки и научная школа; под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. – М., 1977.
5. Хрусталева, Ю.М. Философия науки и медицины. – М., 2009.
6. Кун, Т. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. Проблемы анализа знания. – М., 1997. – Выпуск 3. – С. 20–48.

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. В. Старостенко

Значимым событием модернизации системы высшего образования стала реализуемая в республике с 2012 г. реформа цикла социально-гуманитарных дисциплин («Концепция оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования»). Данный цикл высшего образования имеет особое значение, так как призван обеспечить формирование социально-личностных компетенций выпускника, основанных на гуманитарных знаниях и необходимых для выполнения им гражданских, социально-профессиональных, личностных задач и функций. Реализация этой цели подразумевает, как думается, целостность формируемой социально-гуманитарной образованности, обязательное присутствие в структуре данного цикла базовых дисциплин, отражающих основные сферы жизнедеятельности общества,

основные формы общественного сознания. Реформа, однако, предполагает существенное сокращение учебного времени на дисциплины, включенные в состав социально-гуманитарного блока, и не предусматривает обязательного изучения большей части базовых предметов его философско-культурологического компонента. В числе последних оказались этика, культурология, эстетика, религиоведение. Тем самым отсутствуют основания для утверждений о целостности социально-гуманитарной подготовки студентов, совершенствовании образовательно-воспитательного потенциала высшей школы, и, следовательно, о соответствии данного реформирования общественным и государственным потребностям развития личности, формирования социально-личностных компетенций выпускника.

Еще сравнительно недавно в документах Министерства образования указывалось, что «важнейшим элементом системы духовно-нравственного воспитания учащихся и студентов» являются религиоведческие курсы. Обязательное изучение в вузах религиоведения рассматривалось как достижение системы высшего образования. Более того, отмечалось, что «необходимо значительно усилить работу по созданию системы религиоведческой подготовки учащихся и студентов на всех уровнях образования» (Постановление совместной коллегии Министерства образования и Госкомитета по делам религий и национальностей № 4/ 4 от 6 марта 2000 г.). Практика реализации нынешней реформы показывает, что дисциплина «Религиоведение» если и сохраняется в вузах республики (в качестве т.н. «специализированного модуля»), то на крайне ограниченном числе специальностей, даже гуманитарного профиля, не исключая университеты классического типа.

Насколько обосновано игнорирование религиоведения?

Есть все основания утверждать, что знания о религии являются неотъемлемым компонентом общей и профессиональной культуры специалиста, образованности современного человека. Без этих знаний невозможно адекватно представить не только историю древних и средневековых цивилизаций, где религия выступала господствующей формой общественного сознания и одним из основных социальных институтов, но и цивилизационные процессы в современном мультикультурном, глобализирующемся и в значительной мере секуляризованном мире. Религиоведческие знания – в области истории и теории религии, свободомыслия и свободы совести, соответствующие законодательно закреплённому принципу светскости государственного образования, формируют адекватное современным общественным потребностям научное мировоззрение, воспитывают гражданственность и правовую культуру личности, являются важным компонентом идеологической и воспитательной работы. Несомненное значение имеет знание религиозных традиций как части социокультурного опыта своего народа, конституционных прав и свобод граждан применительно к области религиозной жизни. Религиоведческие знания имеют практическое социальное значение, поскольку способствуют межкультурному диалогу, упрочению толерантности, выступают препятствием для развития религиозного фанатизма и обскурантизма. В условиях, когда поликонфессиональная реальность естественно сосуществует с угрозой интолерантности, закономерно актуализируется роль государства в деле содействия достижению взаимного понимания, терпимости и уважения религиозных и атеистических чувств и убеждений граждан в вопросах свободы совести. Особая роль в решении этой задачи принадлежит системе образования – обучения и воспитания, прежде всего его религиоведческому компоненту.

Происходящее ныне вытеснение из вузов предмета «Религиоведение» не компенсируется содержанием других социально-гуманитарных учебных курсов, а школьный

предмет «Обществоведение» предоставляет лишь начальные знания в этой области. При этом необразованность молодых людей в области знаний о религии – это угроза духовной и даже национальной безопасности в условиях неоднозначных тенденций в современной, во многом открытой внешним воздействиям, конфессиональной жизни Республики Беларусь и самоопределении граждан в отношении религии. В обстановке формирующейся религиозоведческой неграмотности существует реальная опасность активизации явлений религиозно-деструктивного, оккультно-мистического характера. Религиоведческая неграмотность открывает возможности для распространения религиозной нетерпимости, фундаментализма, что, в свою очередь, является питательной почвой для религиозного экстремизма. Примеры такого рода мы наблюдаем у некоторых европейских соседей Беларуси, где, заметим, еще недавно ситуация могла оцениваться категориями гармоничности и согласия. В этих условиях существенно актуализируется задача высшей школы по обеспечению разностороннего мировоззренческого образования молодежи, способного помочь в ответственном выборе жизненной позиции, самоопределении в отношении религии. В условиях, когда в общественной жизни сосуществуют традиции секуляризма и идеология клерикализма, получили развитие разнообразные религиозные традиции и проекты клерикализации стратегических областей социальной жизни, существенно актуализируется значимость научного, рационально-критического рассмотрения проблемы правового обеспечения свободы совести в контексте прав и свобод граждан, определенных Конституцией Республики Беларусь в качестве высшей ценности и цели общества и государства.

Религиоведческая тематика тесно связана со многими актуальными аспектами защиты интересов личности, общества и государства. Достаточно заметить, что Официальная Концепция национальной безопасности Республики Беларусь акцентирует внимание на соблюдении конституционных прав и свобод человека, устойчивое развитие демократического, правового, социально ответственного государства, обеспечение гармоничного развития межнациональных и межконфессиональных отношений, противодействие проявлениям религиозного экстремизма и распространению идеологии религиозной нетерпимости.

Современная парадигма вузовского курса по религиоведению исходит из сосуществования в мировой и отечественной культуре традиций религии и свободомыслия, выступающих альтернативами мировоззренческого выбора личности. Целями учебной дисциплины «Религиоведение» являются приобретение студентами светских, научных знаний по теории и истории религии, свободомыслия и свободы совести, в том числе применительно к прошлому и настоящему Беларуси, и воспитание на этой основе чувства и качеств гражданственности, способностей толерантного социального взаимодействия. В связи с этим предполагается изучение сущности, генезиса, структуры и функций религии; истории, своеобразия и современного состояния основных религиозных типов и направлений, в том числе применительно к истории Беларуси. Целостность курса предусматривает изучение мировоззренческой альтернативы религии – свободомыслия в отношении религии, его истории и воздействия на становление духовной культуры человечества, в том числе белорусской национальной культуры. Важное место в структуре религиоведения занимают проблемы свободы совести, ее реализации в мировой и национальной практике, законодательстве. Преподавание религиоведения носит светский характер, основывается на принципах научности, объективности, толерантности. Предполагается проведение междисциплинарных связей с философией, историей, культурологией, этикой, социологией и другими предметами гуманитарного цикла, что усиливает их мировоззренческий потенциал, обогащает обществоведческое образование в целом.

Таким образом, религиоведческие знания имеют особое значение для социальной адаптации молодого поколения, способствуют формированию адекватной оценки общественных процессов. Актуальность изучения религиоведения обусловлена значимостью феноменов религиозной жизни в становлении и современном развитии мировой и отечественной социокультурной практики. Знания о религии являются важным компонентом общей культуры, гражданственности, системы духовно-нравственного воспитания, что подчеркивает особую востребованность религиоведения в системе социально-гуманитарных знаний.

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЕЛАРУСИ: «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ШКОЛЬНЫЙ ПРОЕКТ» И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

О. В. Дьяченко

Мировоззренческая и идеологическая атмосфера, царившая в 1990-х гг. в белорусском обществе, способствовала поиску новых образовательно-воспитательных стратегий и выработке эффективного механизма социализации молодежи в условиях глобальных изменений, происходивших в стране и мире. Под ее влиянием утрачивали свою значимость старые формы и методы педагогической работы, подвергалась радикальной ревизии система прежних духовных ценностей. Смена исторических систем нравственности, рост потребительских настроений и идеологии крайнего индивидуализма вызвали с одной стороны социальное напряжение, а с другой – стремление обрести в духовной жизни прочные мировоззренческие ориентиры, не связанные с гедонистическими устремлениями.

В новых исторических условиях религия с ее устоявшимися консервативными религиозно-нравственными нормами стала восприниматься отдельными представителями педагогической общественности в качестве едва ли не единственного инструмента предотвращения дальнейшей деградации общества. На многочисленных научно-практических конференциях и семинарах, в педагогической периодической печати все чаще затрагивались вопросы о необходимости возвращения религиозных институтов в образовательное пространство с целью восстановления их функций по воспроизводству духовно-нравственных ценностей, формированию социальной, национальной и культурной идентичности.

В свою очередь религиозные организации быстро уловили новые тенденции в развитии общественного сознания. Особенно заметной стала активность иностранных протестантских межконфессиональных объединений, которые предлагали удовлетворить возникшую потребность в религиозном компоненте с помощью разработанных их специалистами специальных образовательно-воспитательных программ. Одна из таких программ получила в 1990-х гг. правительственную поддержку в России, Украине и в Беларуси.

Речь идет о разработанном в 1991 г. в США «Международном школьном проекте» (*«International School Project»*), известном также как «Международная школьная программа». Идея проекта заключалась в том, чтобы в период масштабных социально-политических преобразований создать и включить механизм по эффективному формированию религиозного мировоззрения в обществе с максимально широким использованием образовательных и воспитательных учреждений. Для этого христианами богословами и педагогами были разработаны вариативные курсы «Введение в христианскую

этику», «Христианская этика» и «Христианская мораль и этика». Христианское вероучение позиционировалось ими как уникальный в своем роде источник общечеловеческих духовно-нравственных ценностей. Программа предполагала формирование в сознании учащихся системы религиозных знаний и убеждений, а также выработку религиозного поведения. Методически программа была обеспечена учебными пособиями «Введение в христианскую этику» в двух частях, подготовленными коллективом авторов из США и изданных «Международной школьной программой» при участии христианской миссии «Триада» в Москве.

Популяризация курса «Христианской этики» в педагогической среде осуществлялась на учительских конференциях, в институтах повышения квалификации учителей, в специализированных средствах массовой информации. Постулировалась идея, что без приобщения учащихся к библейским текстам невозможно в принципе становление нравственной личности, при этом понятия «нравственности» и «христианской религиозности» необоснованно отождествлялись и рассматривались как синонимы.

В Республике Беларусь пропаганда идей «Христианской этики» проводилась представителями межконфессиональной организации «CoMission» из США и Новой Зеландии, главным образом баптистами и методистами [1]. В этой связи интересен опыт апробации этой программы в Могилеве в 1996 г. При поддержке Министерства образования и науки Республики Беларусь и управления образования Могилевского областного исполнительного комитета была проведена педагогическая конференция, в которой приняло участие до 500 работников системы образования, включая преподавателей высших учебных заведений города. Кроме чтения лекций на христианскую тематику, организаторы конференции знакомили учителей с методиками преподавания библейских предметов в школе, распространяли религиозную литературу, проводили письменные мини-опросы с целью выявления отношения педагогического сообщества к предлагаемому курсу «Введение в христианскую этику», приглашали учителей в дальнейшем поддерживать отношения с представителями «CoMission» в Могилевской области. Следует отметить также, что организацией «CoMission» была проведена педагогическая конференция в Горках, а в Могилеве открылись библейские курсы для учителей, студентов и преподавателей вузов, по окончании которых участникам предлагалось присоединиться к общинам евангельских христиан баптистов.

Реализация «Международного школьного проекта» вызвала неоднозначную реакцию в обществе. Идеи программы были поддержаны главным образом позднепротестантскими объединениями Беларуси (баптистами и пятидесятниками), а также педагогами из числа лиц, сочувствующих распространению протестантизма. Оппонентами «Международного школьного проекта» выступили представители Православной Церкви, усмотревшими в деятельности протестантских организаций попытку прозелитизма. Предположительно под их влиянием в 1999 г. Экспертный совет при Государственном комитете по делам религий и национальностей Республики Беларусь рассмотрел содержание учебных пособий «Введение в христианскую этику» и пришел к выводу о том, что они направлены на формирование «христианских ценностей в их американском понимании» [2]

Дальнейшая реализация идей «Международного школьного проекта» в Республике Беларусь стала невозможной по идеологическим и конфессиональным причинам. Во-первых, изменилась конфессиональная политика государства по отношению к религиозным организациям протестантизма в сторону ограничения популяризации в обществе их идей; во-вторых, появились новые законодательные нормы, запрещающие религиозную пропаганду протестантизма в учреждениях государственной системы образования, в-

третьих, уровень профессиональной подготовки сотрудников «CoMission» был недостаточен для реализации проекта в Беларуси, в связи с чем педагогическая общественность проявила слабую заинтересованность в его поддержке, уловив в нем скрытое намерение протестантских миссионеров к проведению в школах примитивной религиозной пропаганды.

Вместе с тем в вопросах религиозной социализации молодежи государство обрело нового партнера в лице Белорусской Православной Церкви, совместно с которой был разработан религиозный компонент, реализуемый в настоящее время в системе образования на факультативной основе. Однако следует признать, что спрос на религиозное образование небольшой, о чем свидетельствуют результаты мониторинга, проведенного в 2012 году в государственных общеобразовательных учреждениях Могилевской области. Факультатив «Основы православной культуры» был востребован только в 31 учреждении образования, а занятия посещало всего лишь 647 учащихся 1–11 классов.

Более перспективным направлением деятельности по религиозной социализации молодежи является поддержка системы общинных православных, католических и протестантских воскресных школ, в которых учащиеся в соответствии с законодательством о свободе совести получают необходимый для религиозно-нравственного становления личности объем религиозных знаний. В настоящее время таких школ функционирует более 2 тысяч. Очевидным достоинством этой системы является добровольный характер, проявляемый учащимися и их родителями в вопросе выбора религиозного образования, а также адресный подбор целевой аудитории, исключая фактор нарушения принципа свободы совести. В тоже время, преподавание религии в воскресных школах в перспективе должно быть сертифицировано государством с целью недопущения возникновения в будущем конфликтных ситуаций на почве государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, которые возможны в силу приверженности отдельных религиозных индивидов и групп идеям религиозной исключительности и радикализма.

Литература

1. Письмо Министерства образования и науки Республики Беларусь в Консульское управление Посольства Республики Беларусь с просьбой «открыть одноразовые визы въезжающим с 20 января по 20 апреля 1997 года в Республику Беларусь < > представителям христианской организации "Новая жизнь", Международной ассоциации христианских школ и др., гражданам США и Новой Зеландии...» от 16.12.1996 г. № 12–07/ 149, на двух листах.
2. Бахарева М. Куда заведет «Введение в христианскую этику»? // Царкоўнае слова. – 1999. – №9. – С. 7.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ХРИСТИАНСКОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Т. В. Зайковская

Потенциал вовлечения религии в дело изменения ценностных установок в сторону формирования абсолютных моральных принципов, включающих экологическое сознание, не раз подчеркивался представителями природоохранного движения. В настоящее время многие авторы продолжают исследовать вопросы интеграции экологического и религиозного сознания, однако большинство из них отмечают, что количество общих точек «взаимодействия» здесь невелико. Это, во-первых, данные экологии о состоянии природной среды и прогнозы ее динамики (их учитывают и ученые, и богословы всех

мировых религий), во-вторых, это эмоциональная сфера человека. От эмоционального состояния зависит настроение человека, его восприятие различного рода информации.

В настоящее время многие христианские лидеры демонстрируют свою тревогу за будущее нашей планеты, подчеркивают важность разумного и справедливого использования Богом данных ресурсов, необходимость следования Его биологическим и этическим законам. Делается упор на утрату «веры в Бога», подчеркивается возрастающее значение религии в деле «наставления человека» на путь истинный, следуя которому возможно решить многие социальные проблемы.

В направлении взаимодействия и возможной интеграции религии и экологии выстраиваются и воззрения представителей Русской православной церкви. Так уже в 1977 году в речи Патриарха Пимена на заседании Советского Комитета защиты мира отмечалось, что «нет ни одной глобальной проблемы, в которой христиане не были бы заинтересованы и в решении которой не смогли бы так или иначе принять участие» [1, с. 56].

Однако православные христиане начала XXI века все еще не готовы активно участвовать в решении экологических проблем. Так как важным фактором, препятствующим интеграции экологического и религиозного мировоззрения, является как раз незначительное влияние церкви на сознание подавляющего большинства наших граждан, что, в большой мере, является наследием нашего «атеистического советского» прошлого.

На протяжении уже двух тысяч лет богословы всех христианских конфессий стараются исполнить возложенную на них Богом миссию: усилить влияние церкви на души людей, вернуть «заблудших овец в лоно церкви». При этом современные церковные иерархи приняли во внимание, что представления о судьбах человечества и направлении дальнейшего развития цивилизации устарели и все менее воздействуют на сознание, а включение в рассмотрение актуальных проблем современности в корне меняет дело. Поэтому нынешние проповедники стремятся правдиво обрисовывать сложившуюся ситуацию, предлагать как можно более реальные выходы из кризиса, что нейтрализует скептиков и снимает обвинения в не научности, «мракобесии» и т.д. Таким образом, можно отметить положительную динамику в развитии содержания всех современных христианских учений, касающихся экологической проблематики. Доведение положений экологической теологии до сознания верующих людей, способствует повышению уровня их экологического сознания.

Некоторый пессимизм вызывают результаты исследования, проведенного американскими социологами из Университета штата Мичиган, опубликованные в журнале «Organization & Environment» [2]. Авторы данной работы отмечают, что американские христиане оказались равнодушнее к проблемам окружающей среды, чем атеисты и приверженцы других религий. Христианство трактуется данными специалистами как религия, не благоприятствующая защите окружающей среды. Причина в том, что согласно христианскому мировоззрению, Бог подчинил природу человеку, чтобы тот использовал ее для удовлетворения своих нужд. Однако, начиная с середины 1990-х, представители целого ряда христианских церквей в США стали подчеркивать, что христианские ценности совместимы с бережным отношением к природе. Эта тенденция, ставшая известной как «озеленение христианства», особенно важна для США, 75% жителей которых являются христианами и зачастую отличаются повышенной религиозностью.

Чтобы выяснить, отразилось ли «озеленение христианства» на рядовых верующих, авторы исследования проанализировали результаты масштабного социологического опроса, проведенного в США в 2010 году. Среди прочего его участников спрашивали о религиозных взглядах и об отношении к экологии, как на уровне убеждений, так и на

уровне личного поведения. Например, социологи интересовались, насколько, по мнению респондентов, велика угроза загрязнения рек, готовы ли они ради борьбы с выбросами парниковых газов перейти на более дорогое, но «экологичное» топливо, и сортируют ли они мусор.

Авторы статьи сравнили ответы, данные на эти вопросы 1430 респондентами: протестантами, католиками, атеистами и нехристианами. Выяснилось, что вне зависимости от конфессиональной принадлежности, политических взглядов и образования, христиане не так сильно беспокоятся о состоянии окружающей среды, как остальные американцы. Исследование показало, что в быту более набожные христиане чуть бережнее относятся к природе, чем их менее религиозные единоверцы, но в целом и те и другие уступают по этому показателю представителям нехристианских религий.

Следует отметить, что данные исследователи в заключении работы все же приходят к выводу, что в будущем «озеленение христианства» может затронуть рядовых верующих. «Если этот тренд будет и дальше подхватываться христианскими лидерами, то сдвиг рано или поздно произойдет и среди широкой публики» [2], – утверждает Аарон Маккрайт, один из авторов.

Подобное положение отмечается и среди верующих в Беларуси. Существующие на сегодняшний день христианские экологические концепции по большей части имеют декларативный характер и не доводятся до сознания прихожан. Наблюдается отсутствие реальных успехов религии в защите окружающей среды, что признают и богословы, и ученые. Доктор философских наук П.С. Карако отмечает: «догматизм, обоснование собственной исключительности и нетерпимость по отношению к другим верованиям и религиям, отрицание роли науки, в том числе экологии, в решении глобальных проблем современности – эти и другие особенности религиозных учений затрудняют их включение в преодоление данных проблем» [3, с. 74].

В связи с нарастанием экологических угроз приверженцы религиозного мировоззрения, как правило, считают религию единственным фактором вывода человечества из экологического кризиса. Так американский исследователь Холмс Ролстон уверен, что современная наука не только неспособна решить эту проблему, но и сама ответственна за ее возникновение. Он пишет, что сейчас, когда мы стоим на пороге «нового тысячелетия, становится все более очевидным, что все научные инициативы за последние четверть века оказались лишь дьявольской, фаустовской сделкой». Для преодоления экологического кризиса «нужен религиозный взгляд на природу человека, так же как и на природу вообще» [4, с. 79]. При этом особую роль он отводит экуменическому движению, ратующему за сближение и объединение всех христианских конфессий. Однако реальный диалог часто бывает затруднен многими обстоятельствами и, прежде всего – нетерпимостью людей к инакомыслию.

Несомненно, что сознательная установка на терпимость и веротерпимость сделает возможным диалог в конфессиональной сфере, откроет путь к многостороннему сотрудничеству различных конфессий внутри одной религии – христианства. Кроме того, в таком важном деле как сохранение общего для человечества Дома с настоятельностью требуется постоянный диалог всех мировых религий, всех людей доброй воли. При этом все участники межконфессионального диалога «должны осознать, что отчуждение общества от религии будет усиливаться прямо пропорционально их неумению найти общий язык, а от успеха или провала межрелигиозного диалога, как это ни странно, зависит судьба всего человечества» [5].

Литература

1. Патриарх Пимен. Речь на заседании Советского Комитета защиты мира // Журнал Московской Патриархии. – 1977. – №3.
2. Социологические исследования Мичиганского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.infox.ru/science/human/2013/07/24/Sociologi_dokazali_.phtml – Дата доступа: 04.05.2013.
3. Карако, П.С. Экологическая теология: сущность и проявление в христианстве // Философия и социальные науки: Научный журнал. – 2010. – №4.
4. Ролстон, Х. Забота о природе чему наука и экология не может нас научить, а религия может // Гуманитарный экологический журнал. – 2009. – №1.
5. Косов, Г.В. Современное христианство и проблемы экологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stavedu.ru/_docs/pdf/vuz-chursin/_confer/cyclesX/4/19.pdf. – Дата доступа 18.9.2013.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. А. Хмеленок

На современном этапе цивилизационного развития достигнуты значительные результаты в преодолении природных и техногенных катастроф. Экологические вопросы являются неотъемлемой частью мировой политики. Однако, несмотря на все принимаемые меры, продолжает расти антропогенная нагрузка на окружающую среду, недостаточными остаются меры и по сохранению биологического и ландшафтного разнообразия.

Экологические вопросы занимают ведущие позиции и в социальной, экономической, политической жизни Республики Беларусь. Внешние и внутренние источники угроз экологии подробно представлены в Концепции национальной безопасности, утвержденной Указом Президента 9 ноября 2010 г. [5] В ней также много внимания уделяется мерам по преодолению экологических угроз. К ним были отнесены: внедрение энерго- и ресурсосберегающих технологий, систем защиты экологически опасных объектов, экологобезопасных технологий, возобновляемых источников энергии; развитие национальной системы мониторинга окружающей среды; формирование рынка экологических услуг; внедрение экологического аудита и страхования; развитие международного сотрудничества в области охраны окружающей среды и правового разрешения экологических проблем транснационального характера [5, с. 31].

Экологические аспекты социального развития отражены также и в проекте Основных направлений политики в области охраны окружающей среды Республики Беларусь на период до 2025 года. Среди приоритетных направлений деятельности названы снижение вредных воздействий на окружающую среду и восстановление природных комплексов; улучшение в области обращения с отходами; обеспечение устойчивого территориального развития; сохранение биологического и ландшафтного разнообразия; минимизация воздействия на климат и адаптация к его изменениям.

Однако для обеспечения экологической безопасности республики выше названных направлений деятельности недостаточно. Достижение экологической стабильности в долгосрочной перспективе станет возможным только при условии переориентации массового сознания с антропоцентризма на эоцентризм, формирования нового типа личности, который реализует свои целевые установки в соответствии с природосозмерными критериями. Решение поставленной задачи невозможно без создания развитой

системы экологического образования.

Под экологическим образованием в настоящее время подразумевают процесс целенаправленного обучения личности и привития ей знаний о природе и формах социо-природных взаимоотношений, развитие у нее эмоций и чувств, умений и навыков разумного поведения в природе и рационального природопользования [3, с. 247].

Вопросы экологического образования в европейском сообществе начали акцентироваться с конца 1970-х гг., когда вопросы окружающей среды были включены в школьные программы. С 1990-х гг. экообразование прежде всего связывалось с проблемами долговременного устойчивого развития мировой цивилизации. Основную задачу в триаде «образование – окружающая среда – устойчивое развитие» усматривали в формировании экологически приемлемых образцов поведения и деятельности человека в окружающей среде.

Значимость экологического образования для сохранения жизни и обеспечения устойчивого развития международного сообщества акцентировалась на конференции в Рио-де-Жанейро (1992 г.). В «Повестке действий на 21-й век» подчеркивалось, что только экообразование способно изменить потребительское отношение человека к природе и сформировать у общественности экологическое сознание.

На значимость включения концепции устойчивого развития в системы образования всех уровней указывалось и в декларации и плане выполнения решений всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002). В декабре 2002 года на 57-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН десятилетие 2005–2015 гг. объявлено десятилетием образования в интересах устойчивого развития.

Интерес к проблемам экологического образования в Республике Беларусь усиливается в конце XX в., что чаще всего связывается с переосмыслением последствий аварии на Чернобыльской АЭС [2, с. 99]. К наиболее важным изменениям в системе образования нашей страны можно отнести открытие специализированных экологоориентированных классов, лицеев и гимназий; введение в учебные планы вузов дисциплины «Экология» или «Основы экологии», подготовка специалистов-экологов в ряде белорусских вузов [3, с. 232–233].

В настоящее время для младшего школьного возраста разработаны три экологоориентированные компьютерные игры «Эковод», «Энерготетрис» и «Построй свой дом». С их помощью дети получают необходимую информацию об экологических проблемах и в игровой форме учатся основным правилам энергосбережения и рационального природопользования. О позитивной динамике в области экологического образования говорит и первый проректор МГЭУ им. А. Д. Сахарова С.Н. Анкуда. Он также подчеркивает значимость «экологического капитала» для устойчивого развития биосферы [1, с. 77].

Но, несмотря на положительную динамику в системе экологического образования, сложно отметить фундаментальные изменения в его содержании. Много вопросов возникает при оценке состояния экологического образования в средней школе. В специализированной литературе подчеркивается эпизодический характер природоохранных мероприятий в воспитательно-образовательном процессе школы, отсутствие логической последовательности в их проведении, наиболее уязвимым местом считается участие учащихся в охране природы. Школьники зачастую не понимают важность проводимых природоохранных мероприятий, что связано с организацией педагогами эколого-образовательной работы без учета психолого-возрастных и индивидуальных особенностей учащихся [4, с. 46].

Отечественный педагог Г.Н. Каропа отмечает фрагментарность экологических вопросов в программах школьных дисциплин: «Вопросы охраны природы и ответственного отношения к ней в школьных учебниках в большинстве случаев носит формальный и как бы необязательный характер» [4, с. 48]. Это связано с тем, что современное образование ориенти-

ровано на запоминание определенного эмпирического материала, а содержание и методы преподаваемых дисциплин не нацеливают учащихся на решение конкретных экологических проблем на микролокальном уровне. Также Г.Н. Каропа указывает, что существенным недостатком современного экологического образования в Республике Беларусь является слабое отражение вопросов экологической этики, общей и социальной экологии в содержании предметов естественнонаучного цикла [4, с. 48]. Указанные недостатки в системе экологического образования также характерны для высшей школы.

Современное экологическое образование сталкивается с такими проблемами, как: разобщенность деятельности организаций, ответственных за экологическое образование и воспитание; недостаточность кадрового и научно-технического обеспечения по проблемам экообразования; необеспеченность преемственности на разных этапах непрерывного экологического образования; недостаточное финансирование деятельности, связанной с развитием системы непрерывного экологического образования.

Несмотря на положительную динамику в области экологического образования, которое наметилось в Республике Беларусь, оно еще находится на достаточно низком уровне. Современного человека необходимо учить рациональному природопользованию, этико-эстетическому отношению к природной среде, системе природоохранных ценностей. Только сформированное экологическое сознание является основой национальной безопасности государства в области экологии. Поэтому необходимо разработать единую стратегию экологического образования и воспитания, в педагогическом процессе средней и высшей школы больше внимания уделять экологической проблематике, повысить эффективность международного сотрудничества в области экообразования.

Литература

1. Анкуда, С.Н. Экологическое образование в Республике Беларусь и странах СНГ // Роль кинематографа, телевидения и СМИ в формировании экологического мировоззрения: материалы Междунар. эколог. кинотелефорума «Экомир–2007» / под ред. П.А. Водопьянова, А.В. Кувшинникова, М.Н. Павловой; отв. за вып. Н.Г. Павлов. – Минск, 2007. – С. 76–79.
2. Дорошко, О.М. Экологическая культура: педагогический аспект / О.М. Дорошко. – Гродно, 2001.
3. Карако, П.С. Философия и методология науки: В.И. Вернадский: учение о биосфере и ноосфере; 2-е изд., исп. и доп. – Минск, 2008.
4. Каропа, Г.Н. Теория и методика экологического образования. – Гомель, 2000.
5. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kultura.gov.by/Concept.pdf>. – Дата доступа: 16.10.2013.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

М. В. Кобзистая

В условиях перехода к новым стандартам в военном образовании одной из нерешенных проблем является готовность преподавателей военных вузов к педагогической деятельности в условиях появления как новых возможностей работы с информацией, так и возросших требований к уровню образования и профессионализма современных специалистов с высшим образованием. Ставя во главу угла подготовки современного военного специалиста принцип развития и саморазвития (вместо традиционного принципа накопления знаний, умений, навыков), современное высшее педагогическое обра-

зование должно стремиться направить на службу этой идее подготовку преподавателя, как сегодня принято говорить, с инновационными интеллектуальными и практическими способностями.

Термин «инновация» происходит от латинского слова «innovus» (in – novus, innovare – новый, innovare – делать новое), означающее обновление или улучшение. Инновация в обучении – введение нового в цели, содержание, методы, формы обучения и воспитания, в организацию совместной деятельности преподавателей и будущих офицеров; изменения в стиле их мышления.

Смысл подготовки преподавателя к инновационной деятельности заключается в формировании человека с личным суверенитетом, свободного и творческого, способного непрерывно самоопределяться не только по целям деятельности, но и по общечеловеческим ценностям. Именно такой преподаватель сможет помочь учащимся в их стремлении стать свободными, разумными и самостоятельно мыслящими людьми.

Под инновационной деятельностью преподавателя военного вуза понимается его включение в деятельность по созданию, освоению и использованию педагогических новшеств в практике обучения и воспитания будущих офицеров, создание в образовательном учреждении определенной инновационной среды [1].

Применительно к педагогическому процессу использование термина «инновационная деятельность» правомочно, когда имеют место подходы, методы, технологии, не применявшиеся ранее. В этом смысле эта деятельность означает творческий созидательный процесс, основное содержание которого находится в определенном противоречии с существующей традицией. Это также может быть либо комплекс элементов, либо отдельные элементы педагогического процесса, которые несут в себе прогрессивное начало, позволяющее в изменяющихся условиях достаточно эффективно решать задачи воспитания и образования на принципе деятельностного подхода.

Поскольку образовательная деятельность является основным видом деятельности военного вуза и включает в себя организацию и проведение учебной, воспитательной и методической работы, в структуре каждого из этих блоков учебной работы и педагогической деятельности можно выделить совокупность элементов инновационного подхода в ходе их реализации преподавателем.

В учебной работе – это подготовка к использованию новых форм, методов и средств обучения и воспитания; реализация в педагогической деятельности элементов контекстного, проективного и проблемного обучения, а также моделей учебно-профессиональной и воспитательной сред. В методической работе – подготовка к созданию проектов инновационной деятельности на занятиях; формирование контекста военно-профессиональной деятельности; создание ситуационных задач и сценариев обучения; разработка адекватных современным требованиям методических систем обучения, учебно-методических материалов для проведения занятий с использованием элементов инновационной деятельности, в том числе с привлечением мультимедийных средств. В воспитательной работе – подготовка к формированию воспитательной системы, построенной на требованиях глобального информационного противоборства и позволяющей иметь достаточный информационный иммунитет; разработке методических систем воспитательной работы и моделей воспитательной среды. В научной работе – разработка и обоснование критериев и показателей оценки инновационной деятельности; разработка инновационных методик и технологий обучения и воспитания с учетом специфики будущей профессии и развития военного дела.

Поскольку в военных вузах директивно определены основные виды учебных занятий: лекции, семинары, лабораторные работы, практические занятия, групповые заня-

тия, тактические (тактико-специальные) занятия и учения, командно-штабные учения, военные (военно-специальные) игры, теоретические (научно-практические) конференции, контрольные работы (занятия), самостоятельная работа курсантов, консультации, войсковая стажировка и практика, выполнение курсовых работ (проектов, задач) и выполнение выпускной квалификационной работы, инновационная деятельность преподавателя, в основном, относительно «сужается», выбор и использование методов и средств обучения носит ограниченный и специфический характер. Поэтому возрастает роль не просто использования преподавателем «активных методов усвоения материала», а принципиально изменяется «ключ» обучения. Методы проведения учебных занятий всех видов нацеливаются на формирование интенсивной востребованности новых знаний и опыта, на развитие «спроса» на все то, что рождает и обогащает профессионализм военнослужащего, а также на формирование готовности отыскивать эти знания, строить собственное знание-убеждение, иметь высокий информационный иммунитет, морально-нравственные и волевые качества.

В заключение еще раз обозначим сущность инновационной деятельности преподавателя в условиях военного вуза, которая состоит в пересмотре самой концепции организации учебно-познавательной деятельности обучающихся и руководства ею в связи с осуществлением переноса акцента с обучающей деятельности на преобразовательную – деятельностьную.

Литература

1. Лазарева, Л.И. Содержание формирования информационной культуры выпускника вуза в контексте нового ФГОС ВПО // Инновации в образовании. – М., 2012. – № 1. – С. 3–13.

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ПОСТРОЕНИЯ БРЕНДА УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

А. С. Баранова

В современном обществе, основанном на знаниях, большую роль играет бренд учреждения образования, важным элементом построения которого является формирование корпоративной культуры. Феномен корпоративной культуры и корпоративной идентичности имеет огромное влияние на имидж бренда, так как репутация и имидж учреждения образования, оказывающего образовательные услуги, подсознательно переносится и на сам бренд целевой общественностью. Недооценка роли корпоративной культуры и корпоративной идентичности ведет к различным проблемам: отсутствию личной заинтересованности работников учреждения и учащихся в общем успехе, негативной оценке со стороны потребителей бренда и со стороны сотрудников учреждения. Данная проблема в профессиональной педагогической литературе, а также в литературе маркетинговой, рекламной, коммуникационной, управленческой и других сфер, мало изучена. Бренд формируется в течение долгого периода. Его нельзя сформировать за месяц или за год. Бренд создают при помощи рекламы, удачно сформированного общественного мнения, удовлетворения потребителя. Бренд – это результат сложного, многоуровневого и многоходового воздействия на потребителя. Критерием сформированного бренда образовательного учреждения является высокая конкурентоспособность его выпускников. Ярким примером образовательного бренда является МГУ, Оксфордский, Кембриджский университет.

Для понимания бренд-кода и осознания сильных и слабых сторон бренда Т. Гэд

предлагает 4-мерную модель бренда. Бренд можно определить по четырем направлениям:

1. Функциональное (касается восприятия полезности продукта или услуги, ассоциируемой с брендом)
2. Социальное (касается способности идентифицировать себя с определенной общественной группой);
3. Духовное (связана с восприятием глобальной или локальной ответственности);
4. Ментальное (связана со способностью поддерживать человека) [1].

В настоящее время корпоративная культура рассматривается как ресурс системы управления качеством образования. Появление феномена корпоративной культуры обусловлено усилением культурологических тенденций как одной из определяющих черт современного общества. Корпоративизм с его гуманистическими ценностями, будучи наполненным «культурным» содержанием, стал источником появления феномена корпоративной культуры: интеграция корпоративизма и культуры привела к образованию корпоративной культуры как инновационной культурной формы.

Под корпоративной культурой образовательного учреждения И.И. Буева понимает «интегративную характеристику системы ценностей членов образовательного сообщества, реализующихся в индивидуальном поведении и способах корпоративного взаимодействия» [2, с. 23].

Корпоративная культура является основой для построения ценностей организации, вокруг которой складываются многие фундаментальные элементы организации, такие, как стратегия, мотивационная политика, бренд работодателя. Именно корпоративная культура может и должна быть эффективным инструментом для создания и укрепления настроения персонала на высокую производительность и высокое качество работы. И.И. Буева отмечает, что корпоративная культура в современной науке признается универсальным социальным феноменом многоуровневой иерархии (социальные группы, сообщества, государства), определяющим уникальность, неповторимость и, в конечном счете, эффективность и конкурентоспособность любой организации [2, с. 19].

Корпоративная культура – это также свод принципов, норм, требований и правил, которых должны придерживаться сотрудники: соответствующий внешний вид, правила общения, ведения телефонных разговоров. Учреждение образования рассматривается как мини-государство, где есть своя внутренняя конституция, принципы этики и морали, есть набор «правил игры». Выделяют две составляющие корпоративной культуры: 1. идеальная культура – это идеальные образы (смыслы, ценности, социальные нормы, социальные ориентации), знание (научное, практическое), причем каждый участник создает какой-либо определенный фрагмент этой культуры; 2. Материальная культура – это субъективные элементы мира: вещи; материально-вещественная, предметная деятельность; материально-предметные отношения; социальные организации; окружающая среда.

Корпоративную культуру рассматривают как бренд учреждения образования. Корпоративный бренд является элементом культуры организации. Сотрудники учреждения образования выбирают рабочее место с ценностными ориентирами и корпоративной идеологией. Такими показателями являются хороший морально-психологический климат в учреждении образования, доверительность отношений, взаимопонимание, культура общения, создание условий для собственного развития, карьерного роста, широкий кругозор сотрудников, их осведомленность об искусстве, музыке, поэзии.

Исследователями феномена корпоративной культуры подчеркивается, что органи-

зации, создавшие сильную корпоративную культуру, начинают работать как единая команда, добиваясь более высокой производительности труда и качества конечной продукции (будь то товары или услуги). Отношения между субъектами образовательного процесса (преподавателем и студентом, педагогом и воспитанником, учителем и учеником) не всегда подлежат регламентации и контролю, очень многое зависит от уровня культуры педагога, от общей атмосферы учебного заведения, от стиля отношений, принятом в нем. Описанный выше феномен называют корпоративной культурой.

Современные исследователи отмечают, что «корпоративная культура образовательного учреждения выступает как фактор, интегрирующий интересы субъектов и объектов обучения посредством закрепления определенных правил, поведенческих установок, поведенческих стереотипов, связанных с конкретной деятельностью и соблюдением норм ее выполнения» [3]. Педагогический коллектив является носителем традиций образовательных сообществ, их духовности и культуры, и чем он сплоченнее, тем сильнее и активнее его корпоративная культура, тем эффективнее и результативнее образовательный процесс.

И.И. Бueva выделила основные функции корпоративной культуры образовательных сообществ: функция внутренней интеграции, внешней адаптации, аксиологическая, стимулирующая, регламентирующая, информационная, коммуникационная [2, с. 21].

Корпоративная культура наследует признаки корпоративизма, к которым относят *социальное партнерство* как интеграцию усилий и ресурсов разных людей или социальных групп в достижении общей цели при обязательном соблюдении интересов всех сторон; *социальный обмен* (идеями, ценностями, знаниями) как критерий сотрудничества и инструмент достижения взаимной выгоды и согласия; *диалог* как метод межсубъектного взаимодействия и переговорный механизм; *консенсус* как принцип взаимодействия; *коллегиальность* как обязательное условие принятия решений; *коллективная ответственность* за полученные результаты; *концентрация творческой энергии «человеческого фактора»* (знаний, духовности, креативности) как средство повышения производительности труда и конкурентоспособности [2, с. 22]. Реализация функций корпоративной культуры, признаков корпоративизма способствует созданию бренда образовательного учреждения. Сильная корпоративная культура призвана стать ценностным наполнением бренда образовательного учреждения. Ключевое значение в формировании бренда учебного заведения отводится качеству предлагаемых услуг, востребованности выпускников на глобальном рынке труда, на международном рынке образовательных услуг.

Литература

1. Блэк, С. PR: международная практика. – М., 1997.
2. Бueva, И.И. Корпоративная культура как ресурс управления качеством образования в вузе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11. – 2009. – №4.
3. Сергеева, Т.Б., Горбатько О.И. Особенности корпоративной культуры образовательного учреждения // Педагогика. – 2006. – №10.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ БРЕНД-МЕНЕДЖМЕНТА В ОБРАЗОВАНИИ

С. Я. Ермолич

На современном этапе развития общества разрабатываются механизмы оптимизации управления научно-образовательной сферой в инновационно-ориентированном обществе. В связи с этим большое значение имеет формирование культуры бренд-менеджмента в образовании.

Формирование культуры бренд-менеджмента в образовании способствует повышению качества образования. Для повышения качества образования недостаточно интенсификации процесса обучения, совершенствования контроля знаний обучающихся, применения новых информационных технологий, разработки новых стандартов. Большую роль играет постоянное повышение квалификации работников, их самообразование, формирование преданности организации и ответственности.

В современном японском менеджменте проблема качества рассматривается как нравственная проблема. Определяющим является отношение работника к организации, ее имиджу, менеджменту. И.И. Буева отмечает, что для образовательных учреждений, где в силу специфики преобладают не технологические, а межличностные аспекты, данные положения являются абсолютно актуальными [1].

Современные исследователи отмечают, что производительную силу современного общества, основанного на знаниях, образует его интеллектуальный потенциал, что предопределяет необходимость исследования брендинга в контексте социально-этической концепции маркетинга, базирующейся на усилении социальной компоненты бренда; в ее основе лежат ценностные характеристики образовательного процесса, сформированные ранее в обществе исторические устои и традиции вуза, ориентир на решение будущих, стратегических задач развития общества, адекватно воспринимаемые потребителем в разработанном бренде, что позволит повысить интеллектуальный потенциал вуза, создаст предпосылки для его гармоничной интеграции в мировое образовательное сообщество [2].

Формирование культуры бренд-менеджмента в образовании начинается с осознания понятий «бренд», «брендинг», «бренд-менеджмент». «Brand» переводится как торговая марка, нечто постоянно присутствующее, знакомое группе потребителей, имеющее приверженцев и олицетворяющее нематериальные ценности. Осознание бренда как некоего нематериального явления имеет большое значение в преодолении гипертрофированного прагматизма и утилитаризма. Бренд рассматривается также и как маркетинговое понятие. Брендинг – управленческая деятельность по формированию и развитию торговой марки и ее бренда. Бренд-менеджмент – управление качеством бренда и маркетинговыми коммуникациями. Менеджмент, согласно современной управленческой парадигме, понимается как искусство управления людьми, т.к. именно люди в организации создают ее продукт, формируют культуру организации, ее внутренний климат, именно от них зависит ее имидж. Новая философия менеджмента во многом объясняется процессами гуманизации общественного сознания, поднявшегося к концу XX века до понимания Человека как важнейшей ценности мирового развития.

Главной ценностью педагогического менеджмента становится личность, а его целью – создание условий для ее самоактуализации: прежде всего – личности ученика (как главной педагогической ценности), но также и личности учителя (с одной стороны, как самостоятельной ценности, с другой, в определенном смысле как средства достижения главной цели – саморазвития ученика). Понимание того, что именно люди создают образовательные сообщества, изменяет отношение к проблемам управления их деятельностью, в корне меняет философию педагогического менеджмента.

Процесс брендинга – совокупность управленческих действий, осуществляемых при использовании специфических способов и приемов, обеспечивающих согласованность выполнения операций и процедур в системе брендинга.

Процесс формирования и развития социально-этических характеристик бренда вуза включает последовательную реализацию следующих этапов: 1) идентификация / создание уникальных характеристик бренда; 2) выбор показателей ценности бренда и

определение наиболее важных его социальных детерминант (осведомленность о бренде, исторические устои и традиции вуза, ориентир на решение приоритетных задач развития общества, лояльность потребителей и другие) [2].

Целью формирования культуры бренд-менеджмента в образовании является изучение принципов и технологий формирования брендов, понимание роли и предназначения брендов в образовании. Задачами являются приобретение концептуальных и методологических знаний о создании сильных брендов, знакомство с новыми технологиями брендинга и практической деятельностью бренд-менеджера, знание основных понятий и стратегий брендинга, принципов формирования бренда, знание методов анализа, креатива и инноваций в брендинге, понимание особенностей брендинга в образовании, знание истории использования брендов. Важным также является освоение технологии брендинга – системы знаний о специфических способах и приемах, обеспечивающих функционирование брендинга, который состоит из операций и процедур, выполняемых в определенной последовательности и сочетании. В процессе формирования культуры бренд-менеджмента в образовании важно осознание того, почему образовательное учреждение рассматривается как бренд и знание того, что делает брендом образовательное учреждение. Образовательное учреждение рассматривается как бренд, так как оно оказывает образовательные услуги. Чтобы стать брендом, образовательному учреждению необходимо осуществлять качество обучения с учетом запросов потребителей, выдвигать предложения с учетом наиболее значимых для потребителей атрибутов, иметь логотип, имидж, систему ценностей.

Исследователями разработана трехуровневая структура процесса формирования ценности бренда вуза, включающая скоординированный комплекс элементов его продвижения, генерирующих через маркетинговые коммуникации приоритетность социальных параметров бренда, ориентированная на синхронизацию коммуникаций персонала, потребителей и партнеров, что позволит повысить результативность брендинга, как через коммерческую эффективность, так и через влияние социально-этических средств и обеспечить на этой основе долгосрочность ценности бренда [2]. Важен также алгоритмизированно-программный подход к оценке качественных и количественных характеристик бренда вуза, позволяющий ранжировать параметры, обеспечивающие поддержание его долгосрочной ценности, включая осведомленность целевой аудитории о бренде; участие вуза в инновационных проектах, грантах, научно-исследовательской работе отношение к бренду, реализуемое в среднем балле ЕГЭ и количестве зачисленных студентов; лояльности к бренду вуза через спрос на выпускников, их карьерный рост др. Такой подход позволяет определить комплексную ценность бренда вуза как симбиоз социальной и рыночной компонент, что предоставляет возможность учета такого фактора ценности бренда, как его воздействие на повышение интеллектуального потенциала вуза.

В настоящее время осуществляется подготовка кадров в области менеджмента в образовании. MBA Менеджмент в образовании – образовательная программа Master of Business Administration, предназначенная для руководителей образовательных учреждений (в том числе дошкольного, среднего, средне-специального), а также для менеджеров и специалистов высшего профессионального образования [3]. Программа позволяет слушателям получить необходимые знания о сущности и характере менеджмента в условиях рыночной экономики, реформирования системы образования, развить умения и навыки в области персонального менеджмента, бизнес образования. Эта уникальная программа позволяет слушателям овладеть основами бизнес – процессов в увязке с образовательной сферой деятельности. Знания и навыки, которые получают слушатели,

важны в любой отрасли.

В Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена разработана магистерская образовательная программа «Проектный менеджмент в образовании». Целью программы является профессиональная подготовка менеджеров образования нового типа, готовых быстро реагировать на изменения в сфере образования, использовать прогрессивные технологии проектного менеджмента в проектировании и реализации интегрированной научно-образовательной, воспитательной и инновационной деятельности в образовательных учреждениях.

Литература

1. Буева И.И. Корпоративная культура как ресурс управления качеством образования в вузе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11. – 2009. – №4.
2. Ванюшкина, В.В. Бренд высшего образовательного учреждения: особенности формирования и продвижения: автореферат дис... канд. экон. наук: 08.00.05. – Ростов-на-Дону, 2011.
3. MBA in education [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://synergyniversity.ru>. – Дата доступа: 05.11.2013

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А. Л. Куши

Связь социально-гуманитарного знания и образования в нашей стране пока в достаточной степени не исследована. Проблемы, которые здесь требуют решения – это оценка структуры и объема современного социально-гуманитарного знания, определение его направлений, областей и проблем, которые являются актуальными для высшего образования, выбор необходимого знания для изучения в высшей школе, структурирование, представление его в приемлемой для образовательного процесса форме, адаптация этого знания к учебному процессу. Решение этих проблем является очень важным для проектирования социально-гуманитарного блока дисциплин. В данной работе мы кратко остановимся на особенностях современного социально-гуманитарного знания и укажем на его области, актуальные для преподавания в высшей школе.

Анализируя соотношение типов знания в структуре образования современного специалиста, следует признать, что доминирующими являются техническое и естественнонаучное знание [2]. Вместе с тем, что касается современной науки, то все более весомый статус в ней приобретает знание социально-гуманитарное. Это вполне объяснимо. У человечества растет интерес к проблемам человека и общества, к разумному, бесконфликтному устройству последнего, к развитию человека, раскрытию его потенциала, обеспечению его полноценного, качественного бытия. Тем более что современный уровень технико-технологического развития общества вполне позволяет и даже делает необходимым развитие его социо-гуманитарной сферы.

Один из источников такой диспропорции заключается в том, что история социально-гуманитарных наук – дело достаточно недавнего прошлого. Гуманитарные науки как отрасль специального и дифференцированного знания начинают формироваться лишь в середине XIX века, причем их формирование происходило по образцу естественнонаучного знания. Среди самих гуманитариев зачастую популярными все еще являются естественнонаучные методы, что мешает прояснению специфического характера этих наук. Гуманитарное знание ориентировано на «экзистенциальное» измерение дея-

тельности. Это связано с самим характером гуманитарных наук, который направлен на изучение жизни человека и общества во всей сложности их проявления. Традиция гуманитарного знания содержит высказывания о Боге, свободе и бессмертии, ее тексты несут ценностные суждения об искусстве и человеческой деятельности, о конкретной жизненной действительности.

Важным направлением исследований современного социогуманитарного знания являются проблемы устройства и функционирования общества, что находит свое отражение в широком спектре социологических и политологических дисциплин. Причем здесь решаются как задачи теоретического, так и практического характера, анализируются различные социальные процессы, дается их теоретическая интерпретация, разрабатываются концептуальные описания и создаются модели, предлагаются практические, направленные на изменение реальной жизни, рекомендации. Значительная часть социально-гуманитарного знания направлена на изучение человека – это психологические и антропологические дисциплины, в рамках которых исследуются различные аспекты бытия человека, его потенциал, психические особенности, способ и стиль деятельности, поведение, что также находит свое выражение в теоретических описаниях и праксиологических аспектах его бытия.

В течение XX века функцию обеспечения ориентации и идентичности в мире, где в силу ряда культурных разломов традиция перестала играть роль социального регулятора, берут на себя гуманитарные науки. Они выполняют своего рода компенсаторную функцию, примиряя человека с утраченной исторической континуальностью. Человек XXI в. нуждается в осознании тех форм жизни, которые находят свое выражение в языке, обычаях, морали, праве, религии, что осуществляется с помощью социально-гуманитарных наук. Они отвечают на вопросы, имеющие для людей первоочередную важность, т.е. на вопросы об их моральном, правовом, религиозном аспектах жизни.

В современном мире возникают новые проблемы формирования самосознания. Они связаны, прежде всего, со встречными процессами глобализации и «локализации», делающими мир, с одной стороны, единым, с другой – множественным. Нелегкий процесс культурного взаимодействия возможен только на основе гуманитарного знания, существенным теоретическим достижением которого является легитимизация множественности интерпретаций изначально чуждых феноменов. Культурная множественность обостряет не только проблему отказа от установки на единственно возможную норму, но и задачу самостоятельного определения культурных приоритетов, выбора между разными культурными проектами [4].

В современную эпоху техника и технология оказались выше культуры, поставили ее себе на службу. Современные технологии диктуют человеку способ мысли и действия, обезличивают его. Все более грозной проблемой экологии духа, особенно в условиях информационного общества, становится проблема «загрязнения ментальной среды», сферы сознания и духа пропагандой «ценностей» общества потребления, на реальной шкале которых обладание материальными ценностями выше, чем человеческая жизнь, удовлетворение утилитарных потребностей значимее, нежели стремление к идеальному и возвышенному, следование принципам общечеловеческой морали и нравственности [1].

Конечно, технологизация общества – не единственная причина образовавшегося кризиса. Другой веской причиной является снижение духовного иммунитета западных человека и общества, ослабление их связи с собственными национальными традициями, культурами, отход от проверенных веками систем ценностей. Эти тенденции, к сожалению, все более активно проявляются и в нашей стране. Вполне возможно также, что су-

ществуют и иные причины, которые кроются в особенностях переживаемого нами времени.

Образование в современном мире тоже поставлено на службу технике и технологии, диктуемым ими «образовательным стандартам». Оно, к сожалению, далеко не всегда противостоит кризисным процессам в духовной жизни общества. Не всегда в достаточной степени противостоит этим процессам и современная педагогическая наука и философия образования, старающиеся решать практические, утилитарные, проблемы образования в угоду сложившейся конъюнктуре.

Одной из острых проблем является деградация социально-гуманитарных наук [3]. Автор поднимает эту проблему в отношении России, но она актуальна и в отношении отечественного социально-гуманитарного знания, ситуация с которым трансформируется в образовательный процесс организационно и социально.

Тем не менее, современный мировой уровень развития гуманитарных наук делает возможным – а экологический и духовный кризис необходимым – дальнейшее совершенствование социально-гуманитарного образования. Одним из главных направлений этого совершенствования является более тесное их взаимодействие. Пути этого взаимодействия являются – проникновение наиболее востребованного социально-гуманитарного знания в образовательные программы, более активное использование в учебном процессе научно-исследовательских методов социально-гуманитарных наук, вовлечение обучающихся в сферу научных исследований, отработка методологии использования социально-гуманитарного знания в повседневной профессиональной, социальной и личной жизни выпускников и др.

Ниже мы кратко остановимся на таком пути как использование результатов исследований социально-гуманитарных наук в составлении образовательного стандарта по циклу социально-гуманитарных наук для высшей школы. Принципом выбора необходимого знания для социально-гуманитарного образования будем считать практическую значимость этого знания в решении актуальных задач общества, а также личностных и профессиональных задач молодого специалиста.

Среди социально-гуманитарных наук, на которые следует обратить внимание в аспекте их образовательного приложения, следует особо выделить следующие: это *культурология* как наука о функционировании и развитии человеческой культуры; *история*, в рамках которой анализируется социальный опыт развития человеческого общества и отдельных его сфер; *логика* как наука о законах рационального мышления; *политология*, дающая представление о политическом устройстве и управлении обществом; *социология*, анализирующая социальное устройство общества и социальные процессы в нем; *экономика* как наука об обеспечении общества материальными ресурсами, условиями и средствами жизни; *этика*, которой отводится особая роль в связи с духовно-нравственным кризисом западной цивилизации; *педагогика*, как наука об образовании и развитии человека; *психология*, как наука о сущности психических процессов и их протекании; *экология*, приобретающая все большую актуальность в связи с обострением в глобальном масштабе экологических проблем, *правоведение*, роль, которого возрастает в связи с развитием правового аспекта жизнедеятельности общества, теория *здорового образа жизни* как дисциплина о сохранении здоровья и повышении качества жизни, *религиоведение* как наука об одной из ключевых сфер духовной жизни общества – религиозном сознании; *эстетика*, анализирующая процессы, происходящие в сфере искусства, и другие. Особая роль в системе человеческого знания принадлежит *философии* как области рационального знания о наиболее общих законах функционирования и развития бытия.

Одним из важнейших условий развития современного социально-гуманитарного знания и, соответственно, трансляции его в образование, является принцип междисциплинарности. Огромное количество современных наук уже не поддается классификации, прежде всего, из-за трудности отнесения многих из них к тому или иному классу или типу научных дисциплин. Многие науки появляются на стыке двух или нескольких областей научного знания. Возникновение большого количества таких дисциплин не могло не сказаться на образовании, что приводит к появлению в структуре социально-гуманитарного образовательного блока новых дисциплин, позволяет глубже интегрировать уже существующие. Междисциплинарный подход способствует формированию у студентов широты взглядов, нестандартности мышления, способности решать общие проблемы, возникающие на стыке различных областей знания, видеть взаимосвязь фундаментальных исследований, технологий и потребностей общества, уметь оценивать эффективность той или иной инновации, организовывать ее практическую реализацию. К таким дисциплинам, наряду с экологией, теорией здорового образа жизни, следует отнести *конфликтологию, философию техники, основы менеджмента, права человека* и многие другие, в частности, те, которые связаны с различными, преподаваемыми в вузе специальностями (например, – этика бизнеса, социология экономики, философия политики и др.). Важно, чтобы для этих дисциплин отбиралось из соответствующих социально-гуманитарных наук наиболее актуальное, востребованное, практикоориентированное знание и умело адаптировалось к учебному процессу.

Значимость социально-гуманитарного знания в структуре образования современного специалиста неоспорима, и она будет возрастать. Обладая этим знанием, он может более эффективно решать правовые, социальные, мировоззренческие, психологические, экономические, политические, морально-нравственные и иные проблемы бытия человека и общества. В современном социуме, в условиях демократии, где каждый человек принимает активное участие в функционировании и развитии общества, это качество особенно актуально. Узкая специализация, основанная лишь на знании естественнонаучном и техническом, неуместна, ибо в условиях демократии каждый человек влияет на принятие судьбоносных для общества решений, и от уровня его социально-гуманитарной подготовки зависит качество этих решений.

Литература

1. Гершунский, Б.С. Философия образования для XXI века. – М., 2002.
2. Мартынов, В.Ф. Университетское образование: гуманизация или прагматизация? // Вышэйшая школа. – 2003, – №4. – С. 22–23.
3. Разумов, А.Е. Научное познание и гуманитарность образования // Философские науки. – 2013. – №11. – С. 26–33.
4. Степашко, Л.А. Философия образования: онтологический аспект. – Хабаровск, 2002.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов

Формулируя свои знаменитые вечные философские проблемы, которыми, по его мнению, исчерпывается вся духовная жизнь человека, И. Кант писал следующее: «Сферу философии в этом всемирно-гражданском значении можно подвести под следующие вопросы 1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я могу надеяться? 4. Что такое человек? На первый вопрос отвечает *метафизика*, на второй *мораль*, на третий *ре-*

лигия и на четвертый *антропология*. Но в сущности все это можно было бы свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему» [1, с. 332].

На наш взгляд, в этих словах великого философа содержится разгадка той неразрывной связи педагогики и философии, которую мы наблюдаем на протяжении всего исторического развития, как первой, так и второй. В самом деле, от того, как мы ответим на последний и самый важный философский вопрос, будет, в конечном счете, зависеть и вся исторически сложившаяся система образования. Поэтому, с точки зрения современного теоретика воспитания К. Вульфа, «воспитание и образование не возможны без знания о человеке, без антропологии... Заложенные в воспитании образы человека и связанные с ними представления педагогической антропологии существенно различаются в зависимости от исторической и культурной ситуации воспитания. Поэтому в связи с новыми требованиями в системе образования во всем мире антропологическое изучение любых исторических и культурных основ воспитания, образования и социализации приобретает все большее значение» [2, с. 242].

Поскольку через философию культура общества, находящегося в пограничной ситуации, ищет новые пути своего дальнейшего развития (В.С. Степин), то следует констатировать, что для каждого человека современной техногенной цивилизации, которая находится в глубоком кризисе, чреватом возможной глобальной катастрофой, необходимо знание наработок современной философии по проблемам нахождения путей выхода из этого кризиса.

Только через философию в наше время можно связать в единое целое научное знание, этические нормы, художественно-эстетические ценности и даже религиозные утопии. Поэтому только философия может отвечать на фундаментальные мировоззренческие вопросы современного человека [3, с. 84–85]. Философия как критическая рефлексия развивает способности человека видеть предмет своей деятельности в контексте широкого развития всего знания о мире. Недаром говорят о том, что, хотя не все философы являются гениями, но гениальность в любой области духовной деятельности человека предполагает неизбежное обращение к философии. Поэтому философия не позволяет учащемуся превратиться в узкого специалиста, что является крайне опасным явлением в нашу эпоху кризиса техногенной цивилизации [4, с. 21–22]. В этой связи именно философия может стать тем теоретическим базисом, который позволит перейти от господствующего в недавнем прошлом сциентистского подхода в образовании к культуроцентрическому.

Философия развивает критическую рефлексию человека над основами его личного мировоззрения. Изучая философию, учащийся учится задавать себе вопросы: на основе чего я мыслю, откуда у меня появились те или иные знания о разнообразных предметах окружающего меня мира, на каких основаниях построены мои взгляды о нормах социальных отношений между людьми. Эта критическая рефлексия должна помочь представителям подрастающего поколения избавиться от стереотипов обыденного мышления. Как отмечал выдающийся советский философ Э.В. Ильенков, основная проблема современного образования заключается в том, чтобы «соединить, наконец, процесс овладения прочными основами современной науки с процессом воспитания ума, способности мыслить, то есть самостоятельно эти основы развивать, исправлять, корректировать, приводить в соответствие с новыми данными, с изменяющимися условиями реальной жизни, – с окружающим нас (и вовсе не мертвым и застывшим, а диалектически изменяющимся) миром». Эта задача разрешима, с точки зрения Э.В. Ильенкова, при условии, если учащемуся «показывать в каждом случае – как любая, ныне "готовая" истина рождалась в качестве ответа на трудную проблему, вырвавшуюся перед людьми

из гущи живой жизни, из ее противоречий» [5, с. 89].

Наконец, как показывают исследования в области истории и философии науки, без обращения к философии невозможна профессиональная деятельность будущего специалиста в той или иной области научного знания, поскольку все научные открытия в прошлом и настоящем базируются на предельных философских основаниях [6, с. 129–130].

Но если философия играет важную роль в системе образования в целом, то в педагогическом образовании она должна занимать центральное место. Как известно, превращение педагогики в самостоятельную социально-гуманитарную дисциплину в середине XIX в. связано со сциентизацией образования в целом и с разрывом между философией и наукой [7, с. 74]. В этих условиях в педагогическом образовании стали играть определяющую роль сциентизированные педагогика и психология. Поэтому формирование такой философской специальности, как философия образования обусловлено именно потребностью преодоления этого разрыва между философией и педагогикой в условиях кризиса техногенной цивилизации [8, с. 20]. В этой связи в процессе перехода от системы сциентизированного образования к культуросоцентрической системе, философия наряду с психологией и педагогикой должна стать основным предметом в системе педагогического образования и изучаться на протяжении всех лет обучения в высшем педагогическом учебном заведении.

С учетом предполагаемого перехода к четырехлетнему обучению в педагогических вузах нами предлагается следующая схема изучения философии. На первом курсе этих вузов изучается дисциплина «История философии в контексте философии культуры». На втором курсе – «Основные принципы в современной философии», на третьем курсе – дисциплина, посвященная философским вопросам основного предмета, изучаемого будущим учителем-предметником, например, «Философские проблемы математики», «Философские вопросы физики», «Философия истории» и т.д. На четвертом курсе – «Философия образования». Такая фундаментальная философская подготовка будущего учителя неизбежно скажется на его теоретико-методологическом уровне, который в настоящее время является довольно низким.

Литература

1. Кант, И. Трактаты и письма. – М., 1980.
2. Вульф, К. Антропология воспитания. – М., 2012.
3. Ланглюа, Л. Философия в университете XXI в. // Философские науки. – 2011. – № 3. – С. 79–88.
4. Никифоров, А.Л. Философия в системе высшего образования // Вопросы философии. – 2007. – № 6. – С. 17–23.
5. Ильенков, Э.В. Знание и мышление // Школа должна учить мыслить. – М.; Воронеж, 2002. – С. 85–90.
6. Мамчур, Е.А. Должна ли философия быть обязательным предметом в вузе // Высшее образование в России. – 2012. – № 4. – С. 127–135.
7. Грехнев, В.С. Образование как социальный феномен и объект исследования // Вестник Московского ун-та. сер. 7. Философия. – 2010. – № 6. – С. 66–78.
8. Огурцов, А.П. Образы образования. Западная философия образования. XX в. / А.П. Огурцов, В.В. Платонов. – Спб., 2004.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТУР ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

А. А. Карпенко

История независимой государственности украинского общества – это история болезненных страданий от некоего антагонизма, природу которого не так легко идентифицировать. Перспективной кажется психоаналитическая дескрипция диагностики этого ключевого противоречия, которое изнутри разрушает украинское общество, в качестве травматического обретения объекта желания. Это было, в определенном смысле, принуждение к суверенитету. Как показывает опыт, Украина так и не может осознать этот урок истории, поскольку отсутствует политическая площадка для серьезного и ясного осмысления «исторического априори» современного украинского социального процесса: самой формы национального государства, определений содержания и функций ключевых институтов общества, культуры, политики, базовых экономических структур.

По сути, институт критики вытеснен формой дебатов. Подобные вытеснения прослеживаются на всех уровнях общественного бытия как следствие натурализации привнесенных, заимствованных форм, которые чаще всего дополняются возрождением архаичных структур в политике и культуре. Подобная ситуация требует тщательной философской критики валидности разнообразных социокультурных дискурсов.

Диагностика современного состояния украинского историко-философского дискурса свидетельствует о наличии симптомов глубокой коррозии, вызванной, прежде всего, потерей четкой аксиоматики объекта и предмета историко-философской науки. Новый ренессанс софистики и упадок эпистемологических предпосылок историко-философского исследования обусловили интенсивную пролиферацию, инфляцию и девальвацию историко-философской мысли. Мы считаем, что по ту сторону этого симулякра, прямо детерминированного сдвигами в базисных структурах производства знаний, просматриваются контуры новой эпистемы, конституирование которой может произойти только при условии тщательной работы с философскими текстами как объектом историко-философской науки, оснащенной инструментарием реконструкции философских аспектов семантики, синтаксиса, стилистики и прагматики этих текстов – предмета историко-философской науки.

Такова методологическая диспозиция нашего исследования, ориентированного на выявление тематической линии философии образования в творческом наследии Мартина Хайдеггера в горизонте осмысления современных проблем образования.

Сейчас наблюдается интенсивный процесс институционализации философии образования. Среди многих факторов, вовлеченных в этот процесс, интерес вызывает пролиферация философской формы на почве многочисленных локальных онтологий, в результате которой образуются такие композиты как «философия языка», «философия техники», «философия образования» и другие. Обоснование большинства из этих «теорий» включает в себя историко-философский момент – момент легитимизирующих референций к философскому канону.

Причастность Хайдеггера к нацистскому движению в качестве первого партийного ректора предстает в историко-философском дискурсе в дескрипциях, тенденциозность которых зависит от исходной идеологической позиции критика. Тематически эти дескрипции являются или политическими, или философскими. За полемикой интерпретативных версий указанного остается без внимания очевидный аспект хайдеггеровского ректорства – его педагогическая позиция. Историографическая реконструкция философии образования в хайдеггеровском дискурсе позволит, таким образом, обнаружить со-

держательный контекст и позволит опосредовать линии политики и философии и, возможно, откроет горизонт для более объективной оценки судьбы Хайдеггера как философа.

Эксплицитной темой философии образования в дискурсе Хайдеггера является проблематика реформирования университета. Прежде чем приобрести очертания политической конкретности в ректорской речи 1933 года, эта тема прямо ставится в ряде текстов. Наиболее ранним среди них является статья «О философской направленности школы», опубликованная в 1911 году в католическом журнале «Академик». Уже в этой статье эксплицирована сквозная топика философского дискурса Хайдеггера – различие между определенным состоянием философии и более глубинным мышлением. Начинается текст с критического замечания об ограничении философии горизонтом согласованности логических предложений, которое отвлекает ее от того, чтобы быть «зеркалом вечности» и сводит ее к статусу «определенной формы осведомленности в философских вопросах вроде спорта» [1, с. 11]. Хайдеггер констатирует специфический трагизм ориентированной на логическое исчисление философии, который заключается в том, что она «иногда – вопреки собственному высокомерию, – ведома бессознательным стремлением к поиску окончательных ответов на предельные вопросы бытия, вопросы, которые на мгновение вспыхивают, а потом остаются лежать нерешенными, как глыбы в глубинах встревоженной души, лишенной направленности» [1, с. 11]. Пафос статьи Хайдеггера связан с необходимостью усиления «апологетического образования» в рамках католической академической системы. Путь к такому усилению апологетического момента теологического образовательного дискурса Хайдеггер видит в обращении к философии. Здесь мы должны решить проблему отношения между теологическими и философскими референциями хайдеггеровского дискурса. Название статьи провозглашает обращения к философии, это – обращение теологической мысли к парадигме философских вопросов. Таким образом, план философии – это план постановки предельных вопросов, а план теологии – это план окончательных ответов. Философия и теология как бы дополняют друг друга.

Позднее Хайдеггер будет настаивать на том, что его онтотеологически обоснованная «история бытия» открывает перспективу, в которой оказывается траектория цивилизационного развития общественного бытия. «Сущность истины вместе с трансформациями, которые она переживает, впервые делает возможным историческое развертывание образования в ее базовых структурах» [2, с. 218]. Хайдеггер подразумевает, что история бытия определяет историческое становление образовательных учреждений. Ключевым здесь является понимание Хайдеггером онтотеологии как субструктуры истории бытия, которая составляет основу его критики образования.

Для Хайдеггера «сущность» означает исторический путь, которым сущее онтологически себя выказывает для понимания *Dasein*. Соответственно, сущность надо понимать в терминах экзистенции *Dasein*, т.е. в терминах «пребывания в разомкнутости сущего» [2, с. 189].

История Запада сформирована преемственностью моделей рациональности, которые всегда имеют двойное обоснование: в серии онтотеологически структурированных концептуализаций бытия сущего, метафизических позиций, которые конституируют содержательность «что» и «как» бытия сущего, или истины относительно тотальности сущего как таковой.

Метафизика, которая поддерживает рациональность дуальным онтотеологическим диспозитивом, выступает средством сдерживания потока историчности в устойчивой картине мира. Исторические серии таких онтотеологически обоснованных эпох

Хайдеггер называет историей бытия.

Хайдеггер склонен к мысли, что новоевропейская онтоотеология осмысливает тотальность сущего как таковую в качестве воли к власти, которая постоянно возвращается, т.е. – в качестве бесконечной мобилизации и демобилизации сил, лишенной сущностной цели. Такая ницшеанская онтоотеология приводит к превращению мира и самого человека в «ресурсы», лишенные внутреннего смысла, подлежащие неустанной оптимизации и реорганизации с целью достижения максимальной эффективности в чисто инструментальном смысле удобства пользования.

Технический прогресс сводит субъекта сначала к функции, а впоследствии – к сумме актуальных и возможных ресурсов: информации, знаний, творчества и т.д. Это – логика онтоотеологии постава (Gestell), которая является основой эпохи Модерна. Преобразование картезианского субъекта в «капитал», укорененное в логике постава – дихотомии субъекта и объекта, спроектированной на самого субъекта. Техника как материализация объектного отношения к природе всегда уже выражает будущие возможности объективации существования самого человека.

Дальнейшая реконструкция хайдеггеровской критики образования предусматривает решение следующих задач: идентификации содержания современной эпохи в контуре истории бытия, установление характера той онтоотеологии, которая обосновывает систему современной рациональности, определение способа, которым такая онтоотеология формирует современное понимание образования.

Литература

1. Heidegger, M. Gesamtausgabe: Band 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges / M. Heidegger. – Frankfurt am Main, 2000.
2. Heidegger M. Gesamtausgabe: Band 9. Wegmarken / M. Heidegger. – Frankfurt am Main, 1976.

РОЛЬ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСАНТА

Х. С. Гафаров, Ю. Ю. Гафарова

Современные университеты радикально меняются. От средневековых цеховых корпораций учителей и учеников, объединявших последних независимо от происхождения и мест проживания, через «гумбольдтовские» национально-культурные институции, включенные в процесс воспроизводства национальной элиты, в условиях кризиса национального государства университеты превращаются в структуры, стоящие на перепутье между следованием «большому нарративу» сообщества, центрированного на самовоспроизводстве рациональных, критически мыслящих субъектов, и «учреждениями образования», где главной фигурой является не универсант, а администратор, преследующий политические и экономические цели.

«Опознание» доминантного дискурса университета самими универсантами, университетское «самопрограммирование» не может быть результатом простого следования конъюнктуре – подчинением идеям «успешности» и «эффективности» в «оказании» или «продаже» информации и образовательных услуг.

Отмеченная еще Биллом Ридингсом в его программной работе «Университет в руинах» [1, р. 3] дезактуализация гумбольдтовской программы «Университета культуры» (the University of Culture) не означает автоматического превращения современного университета в «трениговую структуру». Утратив свою миссию концептуализации нацио-

нальной культуры, университет, тем не менее, не обязан мириться с утратой таких традиционных социальных функций, как (1) мышление и исследование (2) культурная память, легитимация и поддержание «корпоративного единства» (3) образование. Потеря университетом прерогативы на дискурсивное, понятийно и методологически удостоверенное мышление в институциональном контексте может привести к нарушению баланса между «чистой» и прикладной наукой, к однозначной ориентации на решение «заказанных» проблем и отказ от социальной диагностики. Идея рациональности и критического мышления не равна «идее культуры». Партиципаторные сообщества и малые группы не смогут заменить в этом плане университета, поддерживающего традиции академического мышления и академической проверки и перепроверки знания. Завершение проекта «Университета культуры» можно понять и как необходимость выстраивания проекта «Университета транскультуры» (the University of Transculture) – университета, вписывающегося в процесс глобализации и отвечающего потребностям международной экспертизы знания. В этом контексте значимость гуманитарной подготовки универсанта не только не снижается, но, напротив, возрастает.

Специфика гуманитарного образования заключается в его ориентации на «экзистенциальное» измерение деятельности. Это связано с самим характером гуманитарных наук. Восходя к старым традициям «гуманиора», гуманитарные науки существуют как размышление об опыте мира. Традиция гуманитарного знания содержит высказывания о Боге, свободе и бессмертии, тексты данной традиции транслируют ценностное позиционирование искусства и человеческих действий, конкретной жизненной действительности. Конечной целью гуманитарных усилий является инкультурация, приобретение человеком собственной идентичности, формирование сознания и самосознания. Благодаря этим исследованиям человек должен сформироваться, т.е. образовать сам себя и стать «человечным» – самореализоваться и самоосуществиться.

Фокус основной проблематики гуманитарного знания не остается неизменным. В современном мире он смещается в сторону проблем, которые связаны, прежде всего, со встречными процессами глобализации и локализации, делающими мир, с одной стороны, единым, с другой – множественным. Транскультурность современного мира представляет собой результат разворачивания широкого феномена глобализации и культурной гибридизации. При этом речь идет не о «мировой деревне» как некоем унифицированном пространстве глобальной культуры. Напротив, каждое единичное локальное культурное пространство в значительной степени диверсифицировано, имеет свои специфические сегменты и аудитории. Такое состояние известный философ культуры Вольфганг Вельш характеризует как состояние «новой разнородности» [3, s. 31–47]. В «новой разнородности» конфликты, связанные с национальной, этнической, религиозной, гендерной, расовой и языковой принадлежностью, стали повсеместным явлением. «Культурализация» массового сознания приводит к тому, что жизненно-стилевые различия экзотизируются, коммерциализируются и, в конечном итоге, все больше и больше воспринимаются как фундаментально-культурные, усугубляя сегментирование мира. Все это по-новому задает специфику университета,

Университетская образовательная модель на протяжении столетий опиралась на представление о знании как об «общественном благе», а не как о товаре.

В работе «Не выгоды ради: почему демократия нуждается в гуманитарных науках» (2012) [2], названной ею самой «манифестом», известный американский философ Марта Нуссбаум подчеркивает: научить студентов быть экономически продуктивными – не конечная цель университетского образования. Недальновидная ориентация на формирование «выгодных» навыков подрывает способность общества критически ди-

станционироваться по отношению к власти, вовлекать в диалог маргиналов и Других, минимизирует возможность регулировать сложные глобальные проблемы. Транскультурность современного мира актуализирует вопросы международного сотрудничества и взаимодействия, которые нельзя решить, не имея критического мышления, гражданских компетенций и эмпатии – всего того, что дает лишь гуманитарное образование.

Вслед за Нуссбаум можно отметить: именно сейчас призывы заменить «образование для граждан» «образованием для выгоды» чрезвычайно опасны.

В ситуации глобализации экономики, интернализации политики, гибридизации национальных культур формируется единое коммуникационное пространство, требующее от участников коммуникаций глобальных компетенций – языковых навыков, интереса к другим культурам и сочувствия к другим людям. Необходимыми условиями успешного существования в современном мире являются умения успешно взаимодействовать в транскультурной ситуации, рассматривая инокультурного коммуниканта как «адекватного» адресата либо адресанта, навыки определения и расшифровки сценариев и фреймов, способность выработки ровного эмоционального фона интеракций.

Насущной необходимостью становится адаптация универсантов к транскультурному пространству путем ослабления эмоциональных реакций на нормы поведения и общения представителей чужих культур и выработки стимулов к принятию нового. Данная адаптация должна включать в себя усвоение актуальных знаний о культурах современного мира (когнитивный компонент), формирование позитивных установок и преодоление стереотипов (аффективный компонент), выработку навыков адекватной реакции в различных транскультурных ситуациях (поведенческий компонент). Комплекс данных компонентов задает университетскому образованию задачи получения знаний общего характера о специфике современных культур и транскультурной ситуации, овладения основными навыками комплексного анализа коммуникативных актов, знакомства с коммуникативными моделями конкретных культур, выработки чувствительности к культурным различиям, отработки навыков коммуникации и интеракции с носителями различных культур.

Таким образом, кризис гумбольтовской модели университета, не означая автоматической трансформации самой его природы, ставит под вопрос его будущее. Транскультурная ситуация выдвигает перед университетом ряд вызовов различной направленности, которые могут быть решены лишь с ориентацией на интернациональную миссию и гуманистический потенциал университета.

Литература

1. Readings, B. *The University in Ruins*. – Cambridge, 1997.
2. Nussbaum, M.C. *Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities*. – Princeton, 2012.
3. Welsch, W. *Tożsamość w epoce globalizacji – perspektywa transkulturowa // Estetyka transkulturowa / Red. Krystyna Wilkoszewska*. – Kraków, 2004.

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ДИДАКТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Е. А. Ротмирова

Нынешнее столетие выступает как период масштабных преобразований на всех уровнях духовного миропонимания, проявления общей культуры деятельности. Современная наука и техника в панораму культурных способов действий человека привлека-

ют совершенно новые виды и типы объектов, отождествляющих саморазвивающиеся, синергетические системы, процесс освоения которых требует инновационных стратегических решений [5]. В условиях сбережения национальных ценностей актуализируется необходимость развития, повышения квалификации специалиста образования как проводника и транслятора культуры. Где культура, как считает Х. Ортега-и-Гассет, это прежде всего истолкование «человеком собственной жизни, набор удачных или неудачных решений, которые он принимает в процессе преодоления трудностей и нужд... Это идеи, оценки, человеческие стремления, различные подходы... и т.д.», она состоит из объектов, деятельностей и позиций, выступающих как средство решения проблем [3, с. 303].

Педагогическая культура как приоритетная цель, модельно предъявляющая поэтапное развитие успешной профессиональной деятельности, функционирует на ценностной основе в активном культурно-деятельностном пространстве. Система ценностных ориентаций определяет содержание педагогической культуры, настрой, общую ориентацию, стиль деятельности, способности педагога прогнозировать и корректировать стратегии творческого саморазвития обучающихся [1, с. 51]. Это означает, что именно профессионализм лежит в основе названных компонентов-требований развития культуры педагога как ориентира для актуализации овладения обучающимися культурных норм. Вместе с тем, теория профессионального развития педагогов зачастую сдерживается по причине того, что существующие процедуры совершенствования дидактических актов не обновляются, хотя потребность в наличии культуры действий осознается педагогическим сообществом как приоритет профессионального роста и социального ожидания. Полагаем, что в общей системе профессиональных предпочтений развития педагогической культуры должна осознаваться ценность управления развитием ее культурной дидактической составляющей.

Мы рассматриваем генезис развития дидактической культуры педагога через систему культурно ориентированных эпох. По мнению В.С. Степина, эти эпохи возникают в процессе исторического развития цивилизации и культуры, выступают в качестве результата эволюционного развития социума, характеризуемого появлением форм и видов, методов и средств деятельности, порождающих необходимость инновационных типов мировоззрения, транслирующих опыт и переход на новые формы жизнедеятельности по преобразованию категорий культуры, где значительное место отдается осознанию целостности и сопоставлению выявленных смыслов с существующей реальностью [5].

В этой связи, определенный исторически дидактический идеал обуславливает этап развития дидактической культуры. Научная позиция широкого круга специалистов в области истории образования позволяет рассматривать доцивилизационный и цивилизационные периоды. Если доцивилизационный период характеризуется отсутствием дидактической деятельности, а соответственно и определенного дидактического идеала как образа, обуславливающего специфику развития дидактической культуры, то цивилизационный период включает культурно ориентированные эпохи Античного мира, Раннего Средневековья, Возрождения, Нового времени, Новейшего времени, Современности. В частности, общий анализ состояния вопроса управления развитием культуры дидактической деятельности педагога в эпоху Современности (вторая половина XX–начало XXI вв.), рассматриваемую нами как период инновационно-ориентированной социальной ситуации, обуславливает важность и определяет круг противоречий между: 1) актуальной потребностью социума в наличии образовательной системы, обладающей культуросообразным характером и традиционно функционирующим образованием, со-

проводимыми специалистами, не всегда владеющими способами достижения поставленных инновационных и творческих задач; 2) потенциальными возможностями культурно ориентированной дидактики и традиционной системой практического воплощения ее идей и норм специалистами недостаточно осознающими и реализующими дидактические ценности в условиях своей профессиональной деятельности; 3) социокультурной потребностью продуктивной организации образовательного процесса и отсутствием техник и методов, в полной мере учитывающих существующие культурно-дидактические нормативы.

Культурологический подход отражает своеобразие современной культурной деятельности педагога и обучающихся, выражает степень ее продуктивного развития. Особо востребованной становится личность компетентного педагога, способного быть транслятором культурных практик успешной деятельности. Непрерывная работа педагога над управлением собственным развитием культуры дидактической деятельности предполагает наличие интегрального опыта как характеристики «степени овладения современными методологическими знаниями, проектными и исследовательскими умениями по применению научных принципов, методов и средств» [1, с. 33]. Процедуры развития дидактической культуры призваны отражать один из возможных перспективных путей расширения дидактического пространства в его эстетическом, эргономическом, здоровьесберегающем аспектах отношения к существующей реальности.

В этом случае, очевидно, что дидактический процесс можно рассматривать как обеспечивающий зарождение и реализацию культурно ориентированных дидактических смыслов. Педагог в позиции фасилитатора формирует дидактические шаги как акты культуропорождения [4], призван способствовать цельности и системности дидактической деятельности. Дидактическая культура как интегральное качество личности выступает как феномен упорядочения опыта в знаково-символических формах [2], показатель успешности дидактического процесса, управляемого педагогом. С учетом того, что успех обосновывается удачно спроектированным целевыполнением, педагоги, призваны выступить в качестве проектировщиков культурной деятельности, индивидуального образа обучающегося и как специалисты, умеющие интерпретировать свой образ, себя и свои смыслы, готовность к профессиональному диалогу [1] [2].

Таким образом, ссылаясь на мнение В.С. Степина, полагающего, что преобразование смыслов универсалий культуры, изменение ее типологии всегда связано с переломными этапами истории человечества, характеризующимися трансформацией не только образа мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности и ценностных ориентаций [5], считаем, что дидактическая культура как универсальное профессиональное качество в тактическом и стратегическом плане выступает как социально ориентированная практика педагога, в составе которой лежит совокупность деятельностных актов, обуславливающих потребности к управлению самореализацией, стремлением содействовать гармонизации и пониманию границ действий и отношений, повышению интеллектуального потенциала.

Литература

1. Андреев, В.И. Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития. – 2-е изд. – Казань, 2000.
2. Живая педагогика: Открытость. Культура. Наука. Образование: материалы круглого стола «Отечественная педагогика сегодня – диалог концепций». – М., 2004.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды / сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. – М., 1997.

4. Сластенин, В.А. Педагогика: учебн. пособ. для студентов педагогич. учебн. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов. – М., 1997.
5. Степин, В.С. Цивилизация и культура. – СПб., 2011.

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ ПАРАДИГМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ УСЛОВИЙ БЕЗОПАСНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Т. И. Егорова-Гудкова

Возможность управления сложными системами, обеспечения динамичного и безопасного роста экономики страны требует изменения существующей парадигмы высшего образования, внедрение в систему образования инновационного блока дисциплин, развивающих творческие качества студентов, ознакомление студентов с теорией синергетики, теорией сложности, методами системного анализа и системного синтеза, методами логикоцентризма и системоцентризма, теорией структурной гармонии систем, теорией усталости систем.

Недостаток многих наук обусловлен тем, что они не принимают во внимание всеобщие принципы, которые в современных условиях определяют ядро познания и его приложения. Эти принципы, а именно: мера, интегративность, гармоничность, системный синтез и являются основой трансдисциплинарного подхода. По оценке белорусского философа Э.М. Сороко, на этой тетраде ныне формируются, явно или неявно, главные цели цивилизации XXI века. И эта тетрада суть основа решения главной проблемы современного мира – проблемы качества во всех ее ипостасях, множестве специфик, в глобальном и локальном измерениях [1].

Недооценённой в современном образовании является роль философии, прикладное значение которой не является очевидным одномоментно, но формирует мировоззренческую основу, отсутствие которой не позволяет формировать системные знания и развивать способность к самообразованию в дальнейшем. Только на основе использования всеобщих принципов познания можно адекватно выстроить науку, познание и систему образования. Очевидно, что всеобщие принципы трансдисциплинарны, поскольку они – *всеобщие*.

Поскольку наиболее распространённым видом систем, с которыми постоянно взаимодействует каждый человек являются социально-экономические системы, то рассмотрим, с точки зрения вышеупомянутых теорий и методов, экономическую систему. Любая экономическая система является сложной, нелинейной, открытой, иерархичной, диссипативной и эмерджентной. Чем большее количество связей имеет место внутри системы, тем выше уровень её самоорганизации и самогармонизации, устойчивости. Основатель синергетики Г. Хакен писал: «Различные области науки дают нам многочисленные примеры систем, называемых сложными. Одни из них оказываются весьма простыми, в то время как другие оказываются действительно сложными» [2].

Множественность возможных состояний сложной системы и траекторий ее характеристик обусловлена так называемым механизмом бифуркаций. Проходя через точки бифуркации такая система легче переходит в новое равновесное состояние. Бифуркация представляет собой «разделение решения на несколько ветвей при изменении параметра системы» [3].

Создавая новую парадигму высшего образования на основе привнесения инновационных знаний, мы формируем новую целостность или новую систему знаний, с иным

масштабом внутренних связей, чем у ранее существовавшей, с более высоким уровнем энтропии у создаваемой системы, новыми параметрами операциональной замкнутости системы [4]. Необходимо упомянуть и о возникновении эффекта эмерджентности в сложных системах, который состоит в том, что основные свойства системы, определяющие ее идентичность и целостность, возникают именно от соединения составляющих системы. Система – «это большее чем просто сумма ее составляющих, потому что она обладает качествами, которые не являются признаками частей, а только системы как целого» [5]. Сложная система также обладает свойством самоорганизации, под чем понимается самоорганизация как «самопроизвольный процесс роста и поддержания взаимокорреляции элементов системы путем повышения ее сложности и неравновесности» [3].

Повышение внимания к использованию всеобщих принципов познания предполагает: изменение уровня философской подготовки как основы методологической составляющей получения образования и самообразования; необходимость фундаментальной математической подготовки (сегодня она зачастую недостаточна); необходимость преподавания «технологических» спецкурсов для ознакомления учащихся с основами технологий; необходимость обучения методологии самообразования; сочетание преподавания традиционных и инновационных курсов для обеспечения у студентов «разности потенциалов» восприятия информации и стимулирования интереса к учёбе; включение в вариативную часть учебных программ или на факультативной основе «дискуссионных курсов», прежде всего, трансдисциплинарного, мировоззренческого и исторического содержания; преподавание современных дисциплин трансдисциплинарного содержания для студентов различных специальностей.

В Институте математики, экономики, механики Одесского национального университета им. И. И. Мечникова студентам специальности «Менеджмент организаций» (образовательный уровень: бакалаврат и специалисты) введены в вариативную часть учебной программы и читаются следующие курсы: математика гармонии; системный синтез в менеджменте; гармоничный менеджмент; эконофизика.

Изучаемый в этих курсах закон структурной гармонии систем Э.М. Сороко – применительно к разработке экономической политики и стратегии экономического развития страны как сложной экономической системы трактуется следующим образом: следует дифференцировать, что в экономической системе является неизменными инвариантами, а что следует изменять для обеспечения соблюдения принципа гармоничного развития системы (вариации) [1]. Как пишет Э. М. Сороко: «Обобщенные золотые сечения суть инварианты, на основе и посредством которых в процессе самоорганизации естественные системы обретают гармоничное строение, стационарный режим существования, структурно-функциональную ... устойчивость» [1].

Гармонизация структуры любой системы с целью обеспечения ее устойчивого развития и функционирования в соответствии с этими же принципами гармоничности может рассматриваться как идеальный вариант существования системы и стратегическая цель, к которой следует стремиться. Нарушение условий гармоничного (пропорционального) состояния, соответственно влияет на возникновение угроз и рисков, способствует дестабилизации состояния экономической системы и её подсистем. При обосновании прогнозов экономического роста, на уровне государственного управления, необходимо руководствоваться соотношениями и индикаторами, основанными на обобщённой системе золотых сечений. Несоблюдение этого основополагающего правила, с точки зрения структурной гармонии систем, приводит к нарушению принципов экономической безопасности, возникновения макроэкономических диспропорций, создания

условий как для возникновения внутренних кризисных ситуаций, так и для трансфера кризиса [6] [7].

В этих же курсах изучается гипотеза И.В. Прангишвили, А.И. Ивануса, (Институт проблем управления им. В. Трапезникова, Москва), согласно которой устойчивость системы определяется отношениями значений меры порядка или беспорядка для соответствующих параметров по методу Фибоначчи или золотой пропорции [8] [9] [10].

При рассмотрении темы формирования структурных пропорций отраслей экономики студенты изучают труды И.В. Крючковой, зав. отделом ИЭиП НАН Украины, основную идею исследований которой можно кратко представить следующим образом: «Если принцип золотого сечения оптимизирует расход энергии в живых организмах, то в экономике – способствует оптимизации «энергии» роста, причем не по принципу «рост ради накопления» а рост ради стабильного социального прогресса» [11].

Игнорирование принципов Гармоничности формирует системные нарушения экономической структуры, обеспечивающее диспропорциональность экономической системы и неустойчивость экономики страны к внешним и внутренним бифуркациям. Наличие золотых пропорций можно рассматривать как индикатор фундаментальной устойчивости при формировании условий экономической безопасности на макроуровне [12] [13].

Оптимизирующая роль золотой пропорции должна присутствовать в структуре секторов экономики, в уровне концентрации и специализации промышленности, определении инновационной составляющей развития. Золотые пропорции должны использоваться при прогнозировании, планировании и мониторинге событий макроэкономического уровня.

Курс «Эконофизика» наиболее ярко представляет возможности использования трансдисциплинарного подхода, поскольку представляет собой диалектическое единство физики и экономики и обладает существенными отличиями от курсов «Экономикс» или «Мейнстрим», читаемых практически для всех специальностей управленческо-экономического профиля.

В настоящее время имеет место кризис экономической науки, что проявляется в невозможности объяснения причин ряда экономических трансформаций. Причиной этого кризиса является возраст формирования концептуальных основ современных экономических теорий и их математического аппарата. За прошедший с этого момента период значительно изменилась отраслевая структура национальной экономики и мировой экономики в целом. В экономике возрастает значение процессов неравновесных и положительной обратной связи. Имеет место изменение взглядов на природу устойчивого и неустойчивого, на отношения порядка и хаоса, на поведение агентов на рынке, что формирует новые цели и задачи для теории и практики экономической науки.

Выход из этой ситуации связывается с научным направлением, которое формируется эконофизикой. Предметом изучения эконофизики являются экономические системы, которые развиваются и эволюционируют. В условиях постоянных изменений изучение и использование сложных, эмерджентных, самоорганизующихся систем является важнейшим условием динамического экономического роста и социальной устойчивости. Для обеспечения этого необходимо развитие соответствующего научного знания, основанного на всеобщих принципах и являющегося трансдисциплинарным и его передача, в процессе обучения в высшей школе.

В соответствии с принятым направлением внедрения предметов трансдисциплинарного содержания планируется начать разработку и внедрение таких перспективных курсов как «Прикладные основы усталости систем в экономике и менеджменте», «Теория усталости систем», «Трибофатика» (разработана белорусским учёным Л. А. Сосновским).

Осуществлённая и планируемая инновационная деятельность Института математики,

экономики, механики Одесского национального университета им. И. И. Мечникова формирует условия для дальнейшего качественного роста системы высшего образования на основе использования всеобщих принципов познания, синергетики и трансдисциплинарного подхода, что является стратегическим направлением развития образования будущего.

Литература

1. Сороко, Э.М. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем: Введение в общую теорию гармонии систем / Изд. 4. – М., 2012. – 264 с.
2. Хакен, Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический поход к сложным системам. – М., 2005. – 248 с.
3. Пригожин, И., Стенгерс, И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. – М., 2000 – 240 с.
4. Єгорова-Гудкова, Т.І., Кравченко, М.В. Самоорганізація системи тіньової економіки: властивість операціональної замкнутості / Т.І. Єгорова-Гудкова, М.В. Кравченко // Науковий вісник Полтавського університету економіки і торгівлі. Серія "Економічні науки". – 2011. – №6 (51). Ч.І. – С. 164–169.
5. Вайдлих, В. Социодинамика: системный подход к математическому регулированию в социальных науках: Пер с англ. / Под ред. Ю.С. Попкова, А.Е. Семечкина. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 480 с.
6. Егорова-Гудкова, Т.И. Использоване фундаментальних констант математики гармонії при обоснованні інваріант стратегії економічного росту. // Современные аспекты математики гармонии и её применение в экономике, естествознании, технологии, социуме и образовании / Под редакцией А.П. Стахова, Э.М. Сороко, Т.И. Егоровой-Гудковой. – Одесса, 2010.
7. Сороко, Э.М., Егорова-Гудкова, Т.И. Гармоничность как аттрактор, идеал и основной контур экономической безопасности экономики будущего / Институт проблем управления РАН им. Трапезникова. – М., 2010.
8. Прангишвили, И.В. Системная закономерность «золотого сечения», системная устойчивость и гармония / И.В. Прангишвили, А.И. Иванус // Проблемы управления. – 2004. – № 2. – С. 2–8.
9. Прангишвили, И.В. Энтропийные и другие системные закономерности. Вопросы управления сложными системами. – М., 2003. – 428 с.
10. Иванус., А.И. Гармоничный инновационный менеджмент. – М., 2011. – 248 с.
11. Крючкова, І.В. Макроструктурні фактори розвитку економіки України та Закон золотого перерізу. // Економіст. – 2005. – № 9. – С. 32-49.
12. Егорова-Гудкова, Т.И. Проектирование устойчивой экономической системы государства на основе модели золотого сечения // Гармоничное развитие систем – третий путь человечества / Под ред. Э.М. Сороко, Т.И. Егоровой-Гудковой. – Одесса, 2011. – 395 с.
13. Yegorova-Gudkova, T. Projecting of steady complexity economic systems on self-organizing principles as a component of anti-crisis strategy // Abstract of 2012 International Conference on Trends and Cycles in Global Dynamics and Perspectives of World Development; October 13–15, 2012; Chengdu, China. – P. 40–41.

МОДЕРНИЗАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИННОВАЦИИ

Ю. Л. Загуменнов

В соответствии с Болонским процессом, Лиссабонской стратегией, Резолюцией Лондонской конференции министров высшего образования стран ЕС и Рекомендациями Европейской комиссии усилия по модернизации систем высшего образования в Европе направлены, прежде всего, на то, чтобы образовательная, научно-исследовательская и инновационная деятельность университетов стала более гибкой, и университеты более чутко реагировали на потребности «общества знаний» [1] [2] [3].

Именно знания, а не материальные ресурсы сегодня становятся основным локомотивом экономического развития в Европе, и задача университетов, как основных ис-

точников, генераторов новых знаний заключается в том, чтобы эти знания как можно быстрее становились достоянием общества.

Традиционный путь – подготовка специалистов, которые, получив университетское образование и устроившись на работу, осуществляют инновации, – уже не решает поставленные задачи, так как этот путь слишком долг. К тому же, знания, полученные студентами в университете, со временем устаревают. Необходимы более короткие и эффективные пути внедрения знаний в практику и, прежде всего, тех, которые основаны на результатах новейших научных исследований.

Перед университетами поставлена задача на региональном и местном уровнях наладить постоянный диалог со своими выпускниками и другими специалистами, с представителями сферы бизнеса, организаций гражданского общества, обеспечить непрерывное образование всех заинтересованных сторон, в том числе, через последипломное образование, систему повышения квалификации специалистов, их переподготовку.

В европейских университетах роль посредников между наукой и практикой традиционно осуществляют институты и факультеты продолженного образования, которые имеют для этого необходимый научно-методический потенциал. В результате обучения слушатели, как правило, зарабатывают кредиты, свидетельствующие об усвоении установленных и согласованных в рамках Болонского процесса образовательных стандартов. Накопленные в результате непрерывного образования кредиты необходимы слушателям для получения звания магистра, для того, чтобы претендовать на ту или иную должность, для получения надбавок к зарплате.

Параллельно с вузами этой деятельностью занимаются муниципальные, коммерческие и общественные образовательные организации. Как правило, научно-методический потенциал этих организаций значительно ниже, чем у вузов, здесь нет строгой ориентации на образовательные стандарты, и они не имеют право присваивать кредиты.

В то же время у муниципальных, частных и общественных образовательных организаций есть и сильная сторона – мобильность, способность оперативно реагировать на потребности практики. Они действуют в условиях рынка, конкуренции, восполняя пробелы, которые в силу устоявшихся традиций, инертности и академичности, допускают вузы. Так, например, этим организациям, как правило, требуется меньше времени для того, чтобы разработать и предложить учебный курс по той или иной востребованной практикой инновации.

Конкуренция и сотрудничество университетов с муниципальными, коммерческими и общественными образовательными организациями, несомненно, способствуют повышению качества работы и тех, и других. Университеты становятся более практико-ориентированными, а неуниверситетские организации образования стремятся повысить свой научный потенциал.

В Республике Беларусь до сих пор ведущая роль в непрерывном образовании взрослых и, прежде всего, в последипломном образовании, отводится не университетам, а региональным институтам развития образования. В соответствии с Кодексом об образовании Республики Беларусь – «Институт развития образования – учреждение дополнительного образования взрослых, которое реализует образовательную программу повышения квалификации руководящих работников и специалистов, образовательную программу стажировки руководящих работников и специалистов, выполняет информационно-аналитическую, научно-методическую, организационно-методическую функции в сфере дополнительного образования взрослых, а также может реализовывать по согла-

сованию с Министерством образования Республики Беларусь другие виды образовательных программ дополнительного образования взрослых» [4].

Как и аналогичные неуниверситетские структуры за рубежом, институты развития образования не ориентированы на образовательные стандарты и не обладают высоким научным потенциалом. Здесь работают хорошие практики, но, как правило, не имеющие высшей научной квалификации. Учебные программы в институтах развития образования нередко составляются исключительно исходя из возможностей преподавательского состава. Неудивительно, что качество работы институтов развития образования вызывает все большие нарекания со стороны руководства страны, особенно в последние годы, когда Республики Беларусь начала подготовку к вступлению в Болонский процесс. Руководством страны неоднократно поднимался вопрос о ликвидации институтов развития образования, но на их защиту неизменно становились региональные власти, которые в условиях сокращения управленческого аппарата используют работников институтов развития образования для решения организационных вопросов в регионах.

Учитывая международный опыт и современные тенденции, можно предложить следующий подход к организации непрерывного образования в Республике Беларусь. Базовые курсы повышения квалификации специалистов, которые в соответствии с законодательством специалисты по-прежнему обязаны пройти не реже одного раза в пять лет, финансируемые централизованно государством и предполагающие системный, научный подход, а в перспективе – встроенность в Болонский процесс и кредитно-накопительную систему, следует осуществлять вузам. В то же время вузам необходимо нарастить более высокий методический потенциал и обеспечить более тесную связь с практикой, обеспечить непрерывную работу со слушателями в межкурсовой период. Такая работа в белорусских вузах в настоящее время уже идет.

Краткосрочные целевые курсы, которые призваны оперативно реагировать на потребности практики, могут быть организованы на рыночных условиях. Если речь идет о государственной или региональной программе, которая, в том числе, предполагает соответствующее повышение квалификации специалистов и других заинтересованных сторон, например, о программе информатизации, то здесь следует проводить тендеры, в которых наряду с вузами, могут участвовать региональные государственные, коммерческие и общественные организации. И здесь в Беларуси уже наблюдаются подвижки. Например, в социальной сфере соответствующие возможности предусмотрены в законопроекте «О социальном заказе».

Часть государственных средств на целевое повышение квалификации и переподготовку специалистов следует отдать непосредственно на места, организациям, специалистам и другим заинтересованным сторонам, предоставив им право выбора университета или другой организации, которая способна осуществить целевое обучение более эффективно и дешевле. На эти же цели при необходимости наряду с государственными вложениями могут быть задействованы и внебюджетные средства.

Такой подход, учитывающий общеевропейские тенденции, основанный как на конкуренции, так и взаимодействии всех заинтересованных сторон, будет, на наш взгляд, способствовать тому, чтобы образовательная, научно-исследовательская и инновационная деятельность университетов стала более гибкой и способной чутко реагировать на потребности «общества знаний».

Литература

1. Delivering on the modernization agenda for universities: Education, Research and Innovation. – Brussels, 10.05.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/education/policies/2010/doc/comuniv2006_en.pdf. – Дата доступа: 12.09.2013.
2. Council Resolution on modernizing universities for Europe's competitiveness in a global knowledge economy / 23 November 2007, 16096/ 1/07, RECH 422, EDUC 222, Brussels, 6 December 2007. 16096/ 1/07, RECH 422, EDUC 222, COMPET 426 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.era.gv.at/attach/Council_Res.enNov07.pdf. – Дата доступа: 12.09.2013.
3. Towards the European Higher Education Area – Responding to challenges in a globalised world. Conference of European Higher Education Ministers. Contribution of the European Commission. London, 17–18 May 2007. – London, 2007.
4. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск, 2011.

ЭТИКА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. Т. Боронникова

Современное общество обладает сложной социальной структурой. Человек включен в сложную сеть общественных отношений, основными из которых являются правовые, семейные, политические, экономические. Ему необходимы знания и умения для ориентирования в обществе, принятия ответственных решений, осуществления необходимых коммуникаций. Особенно это важно для человека с высшим образованием, который, как правило, занимает более высокое положение в обществе, а значит степень влияния его на социальные процессы возрастает. В связи с этим молодой специалист должен получить в области социально-гуманитарных знаний такой уровень образования, который позволит ему эффективно выполнять его социальные функции.

Одним из основных типов социальных отношений являются отношения нравственные, выступающие важнейшим регулятором жизнедеятельности людей в обществе. Нравственные отношения детерминируют поведение людей, их взаимодействие друг с другом, цели и задачи их деятельности, что само по себе является одним из ключевых факторов не только развития, но и самого существования общества.

Этот тип отношений является предметом этического знания. Целью исследований в рамках этики является изучение генезиса, сущности, специфики морали; раскрытие ее места и роли в жизни общества; выявление механизмов нравственного регулирования человеческой жизнедеятельности, критериев нравственного прогресса. Этика анализирует содержание и смысл таких категорий, как благо, добро, зло, справедливость, долг и совесть, честь и достоинство, счастье и смысл жизни [2] [3] [6] [7]. Особое внимание в своем творчестве этике уделяли Конфуций, софисты, Сократ, Аристотель, христианские философы, Б. Спиноза, И. Кант, Г. Гегель, А. Шопенгауэр, М. Шелер, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и многие другие мыслители. Представления о нравственности и морали эволюционировали вместе с развитием общества [1].

В современной этике существует широкий спектр проблем, ожидающих своего решения и поэтому актуальность исследований в этой области знания особенно велика. Размывание системы ценностей, утрата социального идеала, непростые социально-политические условия современного мира не позволяют легко и определенно выбрать нравственные ориентиры. Тем не менее, эту задачу необходимо решить, и решить правильно, в целях оздоровления общества, выбора направлений его дальнейшего развития,

улучшения качества жизни современного человека, его духовного совершенствования.

Повышение уровня нравственности общества и личности связано с решением комплекса задач, среди которых главными являются – научные исследования в этой области, их приложение к современной социальной жизни, образование в области этики. Мы коснемся последней задачи.

Согласно Кодексу Республики Беларусь об образовании, целью образования является «...формирование знаний, умений, навыков и интеллектуальное, нравственное, творческое и физическое развитие личности обучающегося» [4]. Некоторые качества личности, которые должны быть сформированы в результате образовательного процесса, отнесены в кодексе к сфере воспитания: так, «целью воспитания является формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося» (гл. 3, ст. 18). То есть формированию нравственности придается в основном документе системы образования одна из ключевых ролей.

Вместе с тем, статус этики в системе высшего образования продолжает понижаться. Так, в действующем Образовательном стандарте по циклу социально-гуманитарных дисциплин [8], статус этики очевидным образом снизился по сравнению с предыдущим Образовательным стандартом [9]. Этика была переведена из обязательных дисциплин в дисциплины по выбору. В действующей Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования [5], преподавание этике в вузах страны еще более проблематично, потому что этот предмет находится в перечне дополнительных дисциплин, кроме того количество часов на социально-гуманитарный блок в этой Концепции еще больше урезано.

Представляется, что в связи со значимостью этики, как учения о нравственности и морали, для общества и личности необходимо повысить статус этой учебной дисциплины. Необходимо сделать ее обязательным предметом, обеспечить ей достаточное количество учебных часов, разработать новые учебные программы и перевести ее преподавание в более практическую плоскость. Это позволит вооружить студентов знаниями и умениями в области нравственных отношений и коммуникаций, внести вклад в развитие личности молодого специалиста, укрепив в системе ее мировоззрения морально-нравственный фундамент, тем самым создав предпосылки для совершенствования общества в нравственной сфере и, как следствие, его полноценного развития.

Хочется призвать научно-педагогическое сообщество к более активному содействию совершенствованию системы социально-гуманитарных дисциплин, которые являются основой духовно-нравственного образования личности.

Литература

1. Гусейнов, А.А., Иррлитц Г. Краткая история этики. – М., 1987.
2. Зеленкова, И.Л. Этика. – Минск, 2008.
3. Канке, В.А. Современная этика: учебник. М., 2009.
4. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск, 2010.
5. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь.– Постановление министерства образования Республики Беларусь от 14 декабря 2006, № 125.
6. Мишаткина, Т.В. Этика. Учеб. пособие. – Минск, 2002.
7. Разин, А.В. Этика: Учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. – М., 2006.
8. РД РБ 02100.5.227–2006. Образовательный стандарт. Высшее образование. Первая ступень. Цикл соц.-гуманитарных дисциплин. – Минск, 2006. – № 89.

НЕКОТОРЫЕ КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ВЫСШЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М. Л. Ивлева, В. А. Иноземцев

Сложившаяся к настоящему времени система подготовки инженерных кадров нуждается в реструктуризации и переориентации в направлении обеспечения инновационного развития страны, становления высокоэффективной российской экономики знаний. Характерные для высшей технической школы в настоящее время кризисные проявления вызваны ее ориентацией на передачу и усвоение все возрастающего объема технических знаний, знанием однородное без понимания его смысла и назначения в культуре, собственной жизни обучаемого, идеализацией сугубо профессиональной направленности обучения, разрывом между специальной и социогуманитарной подготовкой студентов. Еще одна «проблемная зона» – изменения концепции знания, когда появляется новая сфера деятельности – производство инноваций, порождающая новый тип отношений и разделения труда внутри самой сферы. Система управления инновационными процессами предполагает новый тип управления и использование новых технологий, обеспечивающих этот тип управления специфическими методами и средствами управленческой и проектной работы [5]. Наконец, не следует забывать и о том, что студенческий возраст сам по себе несет определенную внутреннюю кризисность, содержание которой особенно обостренно связано со становлением процессов профессионального и личностного самоопределения, рефлексии, способов самореализации в социальном пространстве.

В настоящее время ситуация на рынке интеллектуального инженерного труда выглядит следующим образом: падает интерес к инженерной деятельности, ее престиж. Об этом свидетельствуют результаты социологических опросов, согласно которым профессию инженера или ученого считают престижной лишь 2% молодых людей. Специалисты с высшей технической подготовкой составляют в России 18,5%, а в развитых странах Европы их число достигает 30–40% и доходит до 60% в США. Вопрос о возможном увеличении спроса на высококвалифицированные инженерные кадры в нашей стране, идущей по пути формирования инновационной экономики, пока остается открытым. Ориентация на устойчивость технологического развития, приоритет наукоемких и интеллектуальноемких технологий делает инженера во многом ключевой фигурой. В этой ситуации система высшего технического образования должна обеспечить фундаментальную подготовку будущих инженеров, чтобы в полной мере удовлетворить возможный в перспективе спрос на инженерные кадры, как в количественном, так и в качественном отношении.

В современных условиях идеальная модель инженерной профессиональной деятельности должна включать в себя не только аспекты технико-технологической оптимальности (эффективность, трудозатратность, экономичность, надежность и т.д.), но и социокультурные факторы использования техники и технологий, понимания их смыслов. Речь идет о расширении модели инженерной компетентности за счет усвоения принципов системного проектирования и необходимых для формирования социотехнического типа мышления знаний.

Для формирования социотехнического типа мышления необходимо выбрать оп-

тимальную тактику освоения гуманитарных и социальных знаний, дифференцированную по уровням сложности и углублениям в соответствующую проблематику. Это требует анализа и корректировки современной стратегии социогуманитарной подготовки будущих инженеров.

Изменение парадигмы инженерной деятельности предполагает формирование новой модели инженерного образования. Это требует смещения акцентов в характере подготовки инженерных кадров, а именно развития социальных и гуманитарных компонентов технического образования. Решение этой задачи возможно на пути систематического поиска адекватных времени, аудитории, возможностям студентов и преподавателей средств и приемов достижения активизации интереса студентов технического вуза к социально-гуманитарным дисциплинам (СГД). Речь идет не о соперничестве и приоритете, а о развитии мыслительных способностей студентов, расширении их интеллектуальных горизонтов, углублении представлений о сложном мире и не менее сложном человеке в их взаимодействии. Иными словами, социально-гуманитарное образование рассматривается в качестве одного из условий психического и личностного развития будущего инженера.

Преподавание СГД в техническом вузе должно быть основано на развитии самостоятельного, творческого, оригинального и нестандартного мышления. Опыт и исследования показывают, что основными факторами, обуславливающими интерес студентов к СГД, являются: общий культурный уровень студентов, возможность расширить кругозор, актуальность изучаемого предмета и взаимосвязь с современной жизнью, возможность диалога, творческая атмосфера на занятии и авторитет преподавателя [4] [6].

В ведущих технических вузах России (Московский государственный машиностроительный университет МАМИ) возможно осуществить подготовку специалиста в области технической политики (специализированная системная социотехническая деятельность) на основе особым образом составленной программы социального и гуманитарного образования [2].

Задачи российского высшего технического образования в адрес социально-гуманитарных дисциплин можно сформулировать следующим образом: повысить общественный статус этих дисциплин и гуманитарного образования в целом; сохранить и качественно улучшить кадровый потенциал преподавателей этих дисциплин; создать условия для постоянного обновления содержания и структуры дисциплин, приведения их в соответствие современным условиям развития информационного общества; стимулировать использование современных образовательных технологий. Кроме того, необходимо разработать и внедрить механизмы контроля качества образования; создать единую организационную основу управления, разработать государственную программу поддержки инновационной деятельности; пересмотреть научные и образовательные концепции на основе последних достижений информатики, кибернетики, психологии на предмет формирования нового типа образованности и решения ценностной ориентации образования в гуманитарном ключе.

Особое место в системе преподаваемых в российском высшем техническом образовании дисциплин должно занять преподавание дисциплин, связанных с формированием у будущих инженеров экологического сознания. Такие дисциплины должны быть сфокусированы на анализе развития экологического образования в технических вузах, а также на анализе проблем использования образовательной среды как фактора, условия и средства развития способностей инженеров и воспитания у них жизненных ценностей и установок гуманистической и экологически ориентированной направленности [3].

Анализ опыта гуманитарных кафедр высшей технической школы в России и за

рубежом позволил выделить ряд направлений совершенствования социогуманитарного образования в технических вузах. Необходимо исходить из исторически сложившейся структуры социогуманитарных дисциплин и обеспечивать целостную обществоведческую подготовку; использовать развивающий потенциал социогуманитарного знания для формирования культуры мышления; преодолеть монопольное положение основных социогуманитарных дисциплин за счет преподавания авторских курсов, создания оригинальных учебных пособий; создать электронные учебно-методические комплексы по всем дисциплинам; разработать сбалансированный учебный план социо-гуманитарной подготовки; ввести принцип чтения курсов на основе частичной или полной элективности; разработать методическое обеспечение контроля знаний студентов на основе фронтального компьютерного тестирования [1].

Современное инженерное образование должно быть синтезом гуманитарной и технической культуры, что позволит избежать отчуждения творцов науки и техники от гуманистических ценностей.

Литература

1. Ивлева, М.Л. Проблемы и перспективы современного профессионального образования как динамичной системы / М.Л. Ивлева, Н.Л. Баграмянц // Известия МГТУ «МАМИ». – 2012. – №1 (13). – С. 340–345.
2. Ивлева, М.Л. Теоретические и прикладные проблемы разработки психолого-педагогического сопровождения развития одаренных студентов в высшей технической школе / М.Л. Ивлева, Н.Л. Баграмянц // Известия МГТУ «МАМИ». – 2008. – №1. – С. 307–313.
3. Ивлева, М.Л. Теоретическое обоснование разработки проблемы экологического образования студентов технического вуза / М.Л. Ивлева, В.Ю. Ивлев, В.А. Иноземцев // Известия МГТУ «МАМИ». – 2013. – №1 (15). – Т. 6. – С. 60–66.
4. Franken, R. Human motivation. – Florence, KY: Wadsworth, 2006.
5. Huitt, W. & Dawson, C. Social development: Why it is important and how to impact it / W. Huitt, C. Dawson [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edpsycinteractive.org/papers/socdev.pdf>. – Дата доступа: 27.10.2013.
6. Pink, D. Drive: The surprising truth about what motivates us. New York: Riverhead Books, 2009.

ТРИЗ-ТЕХНОЛОГИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Д. М. Зайцев

Сегодня объективная реальность такова, что каждое новое поколение рождается в окружении одних объектов, а получает профессиональное образование при совершенно других. Существующая система обучения в основном упирает на запоминание фактов. Однако в наше время факт быстро теряет свою ценность как вследствие легкодоступности, так и вследствие быстрого устаревания. Соответственно, знания, приобретаемые в учебных заведениях, оказываются зачастую ненужными, так как появляются новые технологии, освоение которых на базе имеющихся знаний весьма затруднительно, либо вообще невозможно. Экстенсивные методы развития системы образования (увеличение учебной нагрузки, специализация учебных заведений и т.п.) себя исчерпали, и ныне, в условиях постоянного роста объема научной информации, нужна принципиально другая концепция образования.

Необходимо научить специалиста осваивать новое в краткие сроки и желательно с минимальными затратами умственного и психологического характера. Важными качествами мышления даже просто для благополучного бытового существования в дина-

мичном мире становятся системность и креативность. Ведь в реальной жизни редко встречаются задачи, где четко сформулировано условие, есть неизвестное и конкретный способ решения. В основном, приходится сталкиваться с информацией, которая зачастую и не нужна для решения задачи, вариантов нахождения ответа существует несколько, и он может быть совершенно не прогнозируемый. Именно такими задачами и занимается теория решения изобретательских задач (ТРИЗ).

Основоположник ТРИЗ Генрих Саулович Альтшуллер в своих научных изысканиях пришел к выводу, что творчеству можно учить так же, как и другим видам человеческой деятельности. ТРИЗ – это уникальный инструмент для поиска нетривиальных идей, выявления и решения многих творческих проблем, выбора перспективных направлений развития. Справедливость этого высказывания подтверждается тем, что в мире уже насчитываются десятки школ и объединений ТРИЗ, сотни специализированных сайтов, стремительно растет количество фирм, занимающихся ТРИЗ-консультациями и обучением, в частности, услугами экспертов по ТРИЗ пользуются такие известные корпорации, как «Ford», «Daimler Chrysler», «Hewlett Packard», «Kodak» «Procter & Gamble», «Intel», «Samsung», «LG» [1].

В наши дни ТРИЗ использует как классические приемы, алгоритм решения изобретательских задач (АРИЗ), вепольный анализ, так и новые технологии. Но все же в основе – алгоритм решения изобретательских задач (АРИЗ) – программа пошагового решения задачи, благодаря которой находят идеальный конечный результат (ИКР), выявляют противоречия и устраняют их с помощью различного рода (физических, математических, химических и др.) эффектов. Также при решении задач специалисты ТРИЗ активно используют такие известные методы как мозговой штурм, синектика, морфологический анализ, метод фокальных объектов и их разновидности. ТРИЗ позволяет эффективно управлять процессом мышления и процессом творчества, опираясь и на законы развития систем.

Из недр ТРИЗ вышла и ТРИЗ-педагогика, которая ставит своей целью формирование сильного мышления и воспитание творческой личности, подготовленной к решению сложных проблем в различных областях деятельности. Как сама теория, так и методология преподавания ТРИЗ непрерывно развиваются. Идеи и методы переносятся на нетехнические области: художественные системы, менеджмент, политику, управление коллективами, рекламу, решение коммерческих, социальных, социально-технических, педагогических задач. ТРИЗ-технологии позволяют объединить усилия специалистов разного профиля при разработке и реализации крупных программ, избежать дорогостоящих ошибок.

Растущая потребность общества в творчески мыслящих людях очевидна. Но если в России уже более пятидесяти университетов лицензированы для обучения студентов по специальности «Инноватика», то в Беларуси со стороны властей делаются лишь отдельные шаги в этом направлении. Например, Министерство экономики Беларуси в рамках реализации Государственной программы развития высшего образования на 2011–2015 гг. принимает участие в организации серии семинаров по вопросам теории решения изобретательских задач. Но данную инициативу все же нельзя назвать определяющей. До сих пор ТРИЗ-педагогика еще не получила соответствующей государственной поддержки [2, с. 337].

Учитывая же стремительность ритма жизни, сокращение сроков обучения в ВУЗе, главной задачей образования становится обучение не конкретным знаниям, а способам быстрого и эффективного усвоения знаний, другими словами, необходимо студента научить учиться. И тогда, после окончания ВУЗа молодой специалист необходимые

знания и умения добудет сам [3, с. 164].

Один из принципов ТРИЗ-педагогика – знания отдельных предметов не передаются на занятиях, а добываются студентами в ходе учебного процесса и выступают не целью, а средством для формирования качеств творческой личности [4]. К основным принципам ТРИЗ-педагогика также можно отнести следующие: принципы свободного выбора, открытости, деятельности, обратной связи, идеальности. Принцип свободного выбора предполагает предоставлять студенту право выбора, но с условием осознанной ответственности за свой выбор. Принцип открытости сталкивается с проблемами, решения которых лежат за пределами одного строгого алгоритма. Принцип деятельности гласит, что знание должно стать инструментом, следует искать условия, границы его применимости, находить новые связи и соотношения, рассматривать в разных моделях и контекстах. Принцип обратной связи предусматривает, что преподаватель на занятиях постоянно отслеживает настроение студентов, степень заинтересованности, уровень понимания. Принцип идеальности требует максимально использовать возможности, знания, интересы самих студентов с целью повышения результативности и уменьшения затрат в процессе образования [5].

Даже в условиях, когда нет возможности преподавать ТРИЗ как отдельный предмет в ВУЗе, можно решить проблему с помощью «принципа матрешки». Предлагается поместить ТРИЗ «внутри» других дисциплин. Дело в том, что понятия любых предметов в учебных текстах и устной речи связаны между собой обычными логическими связями. Эти же логические связи заменяются на диалектико-логические, составляющие сущность ТРИЗ [6].

Технологии ТРИЗ – это переход от педагогики памяти к педагогике мышления, от педагогики исполнительности к педагогике инициативности. Освоив их, в итоге студент станет мыслить системно, функционально, диалектически, а его воображение будет лишено стереотипов и шаблонов.

Литература

1. Международная ассоциация ТРИЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trizway.com/info/triz-association.html>. – Дата доступа: 19.02.2013.
2. Зайцев, Д.М. Триз-педагогика как пример инновационного развития в образовании / Д.М. Зайцев, А.А. Билык // Инновационное развитие и структурная перестройка экономики: материалы XVII междунар. науч.-практ. конф., Минск, 27 марта 2013 г.: в 2 т. / Частн. ин-т упр. и предпр.; под ред. д-ра экон. наук, доц. Ю.В. Криворотько, д-ра юрид. наук, проф. В.Г. Тихини. – Минск, 2013. – Т. 1.
3. Викентьев, И.Л. ТРИЗ-педагогика / И.Л. Викентьев, А.А. Гин, А.В. Козлов // Сборник творческих задач по биологии, экологии и ОБЖ: пособие для учителя / С.Ю. Модестов. – СПб., 1998. – С. 162–165.
4. ТРИЗ: на каждый вопрос есть множество ответов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bambini.by/articles/triz-na-kazhdij-vopros-est_mnozhestvo-otvetov/. – Дата доступа: 15.02.2013.
5. Погребная, Т.В. Триз-педагогика и модернизация образования / Т.В. Погребная, А.В. Козлов, О.В. Сидоркина // [METHODOLOG.RU](http://www.metodolog.ru) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.metodolog.ru/01138/01138.html>. – Дата доступа: 11.09.2013.
6. Погребная, Т.В. ТРИЗ-педагогика в обучении через науку / Т.В. Погребная, А.В. Козлов // Тр. науч.-метод. семинара «Наука в школе». – М., 2003. – Т. 1 – С. 96–108.

ПРОБЛЕМА ПОЗНАНИЯ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ПОИСК ДУХОВНО- НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЙ

О. А. Павловская

Революционный по своей сути прорыв в научно-технической сфере, связанный с разработкой и освоением новейших информационно-коммуникативных технологий, не может не отразиться и на всей системе социально-культурных отношений, обуславливая начало кардинальных преобразований как в области производства и потребления материальных ценностей, так и в познании человеком окружающего мира и себя самого как креативного субъекта и духовно-нравственного существа. В этих условиях большое значение придается науке как способу объективного познания мира и фактору его качественного изменения. И сама наука не может оставаться в стороне от глобальных социокультурных трансформаций. Все более очевидным, считает академик И.Т. Фролов, становится «необходимость нового синтеза науки и гуманизма». «С большим опозданием, – пишет он, – приходит осознание того, что сегодня уже практически возникает настоятельная необходимость формирования нового типа науки, в которой исследовательские подходы не были бы отслоены от ценностных, от своих социально-этических оснований, а результаты исследований и сами их направления все-таки получали, как мы говорим сейчас, "человеческое измерение"» [1, с. 233].

Необходимость человекомерности достижений современного научно-технического творчества существенно актуализирует вопрос философско-мировоззренческого плана: что такое человек? По мнению И.Т. Фролова, «поиск ответа на вопрос "что такое человек?" пронизывает всю историю человеческой культуры, в том числе и научной, и этот богатейший опыт, интереснейший и сам по себе, должен быть тщательно реконструирован и осмыслен именно сейчас, в самом начале XXI в., когда проблема человека выдвигается на положение центральной, а век XXI, скорее всего, будет именно "веком человека"» [2, с. 7].

Проблема познания сущности человека – одна из ключевых проблем философской рефлексии. Собственно говоря, человек, выступающий в качестве субъекта философского творчества, ставя перед собой цель – понять и объяснить мир, – естественно, не может обойти стороной и самого себя как существо, живущее в этом мире. Однако эта проблема является и одной из самых сложных, трудно разрешимых, вызывающих ожесточенные споры в философском дискурсе.

Острый и неоднозначный характер рассмотрения этой проблемы связан с развитием философско-антропологического знания в XX в., когда под воздействием социально-экономических и политических коллизий, происходящих в это время, в человеке открывались новые признаки и атрибуты, прежде всего связанные с различными проявлениями его ценностной природы.

С одной стороны, сложнейшие и весьма драматические реалии прошлого столетия отчетливо продемонстрировали кризис ценностного сознания человека. Так, М. Хайдеггер замечает, что бытие «в нынешний момент мира дает о себе знать потрясением всего сущего», что необходимо сказалось и на положении человека в этом мире: «...потерянность человека, будь то очевидная, будь то утаиваемая, разрастается до не-

измеримости» [3, с. 347]. Х. Ортега-и-Гассет, выявляя новые симптомы современного общества, говорит о том, что «система ценностей, организовавшая человеческую деятельность еще какие-нибудь тридцать лет назад, утратила свою очевидность, притягательность, императивность. Западный человек заболел ярко выраженной дезориентацией, не зная больше, по каким звездам жить» [4, с. 203]. Э. Фромм отмечает, что в условиях индустриального общества «человек, бессильный в человеческом отношении, становится могущественным в качестве покупателя и потребителя» [5, с. 310]. Он также подчеркивает: «Система Человек функционирует ненормально, если удовлетворены только материальные потребности, гарантирующие ей физиологическое выживание, а не специфически человеческие потребности и способности – любовь, нежность, разумность, радость и пр.» [5, с. 322].

С другой стороны, отчетливо проявилась и стала осознаваться проблема поиска духовно-нравственных оснований человеческого бытия в современном мире. В связи с этим Х. Ортега-и-Гассет, вспоминая недавнее прошлое, когда «наука, искусство, право казались самодовлеющими величинами, жизнь, всецело посвященная им, перед внутренним судом совести оставалась полноценной», задается вопросом: «Неужели теперь мы перестали верить в эти великие цели? Неужели нас не захватывают больше ни право, ни наука, ни искусство?» И отвечает: «Нет, мы по-прежнему верим, только уже не так и словно с другой дистанции... Ценности культуры не погибли, однако они стали другими по своему рангу. В любой перспективе появление нового элемента влечет за собой перетасовку всех остальных элементов иерархии» [4, с. 203, 206]. На повышение роли нравственных ценностей в современной техногенной цивилизации указывает М. Хайдеггер: «Связыванию человека этическими нормами должна быть посвящена вся забота, потому, что отданный на произвол массовости человек техники может быть приведен к надежному постоянству только через соразмерное технике сосредоточение и упорядочение всего его планирования и поведения в целом» [3, с. 347]. Э. Фромм отмечает, что «невозможно понять, и тем более излечить эмоциональные и ментальные нарушения человека без понимания природы ценностных и моральных конфликтов» [6, с. 380]. Он также весьма обоснованно выражает уверенность в том, что «в развитии общества выявилась сильнейшая тенденция к более глубоким ценностям гуманистической традиции» [5, с. 322–323], что в свою очередь позволит человеку «быть живым в полном смысле слова» [5, с. 326].

Опыт философского осмысления проблемы человека в XX в. отчетливо обозначил феномен его духовной сущности, представил достаточно развернутую картину ее всевозможных реальных проявлений, вывел фундаментальные антропологические константы (целостность, универсальность, открытость миру, незавершенность, стремление к свободе и др.), но в то же время не был лишен всевозможных теоретически противоречивых представлений о сущности, потенциале и предназначении человека. Характерными чертами философско-антропологического дискурса были поиск и описание отдельных свойств человека, выстраивание их иерархии, субъективность и релятивность в трактовках человеческого бытия. Такая ситуация в сфере философского сознания, по существу, оставляет открытым вопрос о сущности человека как важнейшем теоретико-методологическом основании современного научно-технического прогресса.

Как весьма наглядно показывает современная практика, и как подчеркивают многие исследователи, в настоящее время достижения естественнонаучного, научно-технического плана значительно опережают результаты научного поиска в области социально-гуманитарного знания, и прежде всего его этической части. Так, В.А. Канке утверждает, что «этика не присутствует среди смыслообразующих доминант современ-

ной цивилизации» [7, с. 8]. Данное обстоятельство дает основания вновь считать проблему познания сущности человека чрезвычайно актуальной и основополагающей в научном постижении глобального мира, находящегося в состоянии перехода на новый уровень своего социально-экономического и культурно-цивилизационного развития. «Человек овладел обширными знаниями о материи, но он остался невежественным в самых важных и фундаментальных вопросах человеческого существования, а именно: что такое человек, как он должен жить, каким образом можно вызволить и плодотворно использовать во благо человека заключенные в нем самом огромные потенциалы» [6, с. 377].

Предшествующий опыт философского знания показывает, что в многогранной природе человека особое значение имеет его духовно-нравственная сущность, которая составляет внутренний стержень его внутреннего мира и с помощью которой раскрывается то, что еще называют собственно человеческим в человеке. Особую значимость и новое звучание проблема познания духовно-нравственной сущности человека получает сегодня. «Серьезный всплеск разговоров о человеке и человеческом связан, прежде всего, с надеждами на духовное возрождение и с верой в то, что суть человека прежде всего моральная» [8, с. 7]. Но в современных условиях уже недостаточно только верить в нравственную силу человека, необходимо владеть глубокими знаниями об ее истоках, содержании, характере влияния на жизнь природы и социума, перспективах развития. Важно также определить место и роль нравственности как сущностного качества человека в целом в его собственной природе. Такой подход позволит преодолеть стереотипы в исследовании человеческой природы, сохранившиеся с советских времен, когда в дефиниции сущности человека основной акцент делался на ее социальном характере. В рамках социальности и классовости рассматривалась в то время и проблема нравственного развития человека.

Происходящие на современном этапе кардинальные социально-экономические и культурно-цивилизационные преобразования вывели на поверхность общественной и индивидуальной жизни различного рода духовно-нравственные явления, обнажили и существенно обострили проблемы морально-психологического характера. Такое положение дел, естественно, вызывает повышенный интерес в сфере социально-гуманитарного знания, способствует заметному оживлению философского дискурса.

В настоящее время ведется активный поиск эффективных методологических подходов к исследованию актуальных философских проблем, в том числе и проблем социально-нравственного характера. После длительного господства в советской философии и идеологии диалектико-материалистической методологии сегодня по существу мы оказались в ситуации так называемого методологического плюрализма. Данная ситуация может быть расценена как условие для достаточно свободного выбора исследователем известных методологических подходов или разработки собственной авторской методологической позиции. Но возможность свободного выбора в научно-исследовательском поиске должна быть сопряжена с ответственным отношением к философско-методологическому наследию: творческое использование и развитие известных методологических приемов, а не их упрощенное, произвольное применение, а то и игнорирование.

По-разному оцениваются сегодня суть и значение диалектического подхода. Критическое отношение к нему, имевшее место в 90-е годы XX в., все более сменяется стремлением переосмыслить его, творчески использовать в ходе философского анализа происходящих трансформаций социальной и индивидуальной жизни. Заложенные в основе диалектического метода принципы, законы и категории, позволяющие устанавли-

вать всеобщую взаимосвязь в природном, общественном и человеческом бытии, движение и развитие, их источники и движущие силы, механизмы преобразования могут служить исходной философско-теоретической базой для разработки оригинальных авторских научно-исследовательских концепций.

Применительно к философской проблеме сущности человека в контексте современной жизни, на мой взгляд, с позиций диалектического подхода представляется интересным и конструктивным в методологическом плане переосмыслить позицию марксистской философии по проблеме соотношения объективного и субъективного в человеческом бытии, места и роли в нем духовно-нравственного начала.

Согласно методологической позиции, утвердившейся в советской философской традиции, «в марксизме требование адекватного воспроизведения объективного положения вещей становится основанием для субъективного самоопределения индивида внутри данной объективности» [9, с. 32], что способствовало весьма узкому трактованию морали как социального явления, обоснованию ее достаточно жесткой социальной детерминированности, социально-классовой природы, релятивистского характера. В результате социально-этические взгляды Маркса, по словам А.А. Гусейнова, стали представлять собой «шокирующий этический нигилизм». С одной стороны, «мораль – превращенная форма общественного сознания, она не отражает, не выражает, а искажает и прикрывает действительное положение вещей. Она, если говорить конкретно, дает ложный выход социальному негодованию масс, подменяет действительное решение проблем иллюзией их решения, представляет собой воплощенное бессилие ("бессилие, обращенное в действие" – так звучит одно из марксовых определений морали)... Люди нуждаются поэтому не в теории морали, а в том, чтобы освободиться от ее дурмана» [10, с. 2]. И, соответственно, критически оценивалась и отвергалась как несостоятельная и утопическая предшествующие марксизму этические теории. С другой стороны, согласно марксизму, перспективы социально-исторического развития связывались с закономерностью «коммунистического преобразования мира через революционную борьбу пролетариата» [10, с. 4]., в ходе которой и должна была проявить себя новая мораль. Такая ситуация привела к тому, что в теоретико-методологическом плане мораль преимущественно рассматривалась как объективное основание человеческого бытия, непосредственно связывалась с общественной практической деятельностью, а ее субъективная сторона явно недооценивалась, весьма поверхностно представлялась роль морали в формировании свободного, осознанного отношения индивида к своей жизнедеятельности, в осуществлении личностного выбора. Как известно, в рамках философского дискурса это выразилось как в весьма критическом отношении к философскому наследию марксизма, так и в стремлении отразить проблему субъектности морали в различных модернистских и постмодернистских концепциях.

С уважением относясь к творческим исканиям в области философско-этического знания, ни в коей мере не умаляя достоинств философских моделей, выходящих на проблему морали и рассматривающих ее различные компоненты, следует заметить, что теоретико-методологический потенциал классической философии, в том числе и философского наследия Маркса, не только не потерял своей значимости, но и может быть востребован в контексте происходящих в мире глобальных социокультурных трансформаций. На мой взгляд, это относится и к исследованию проблемы морального фактора как одного из ведущих источников происходящих в социуме перемен. Чтобы глубже вникнуть в сущность морали как движущей силы социально-культурного развития, необходимо прежде всего рассматривать ее не с позиции общества как системы нормативно-долженствовательных отношений, а с позиции человека как живого существа, облада-

ющего разумом и волей, чувствами и потребностями. В связи с этим особую значимость приобретает соотношение моральной проблематики с философско-антропологическим знанием и прежде всего с проблемой сущности человека.

Литература

1. Фролов, И.Т. К постижению человека разумного и гуманного // Многомерный образ человека: Комплексное междисциплинарное исследование человека. – М., 2001. – С. 226–236.
2. Фролов, И.Т. Познание человека: комплексный подход и гуманистические (этико-правовые) регулятивы / И.Т. Фролов, В.Г. Борзенков // Многомерный образ человека: Комплексное междисциплинарное исследование человека. – М., 2001. – С. 5–16.
3. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 314–356.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Новые симптомы // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 202–206.
5. Фромм, Э. Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии // Э. Фромм. Душа человека. Сб. – М., 2004.
6. Фромм, Э. Человек для себя // Э. Фромм. Бегство от свободы; Человек для себя. Сб. – Минск, 1998.
7. Канке, В.А. Современная этика. – М., 2009.
8. Марков, Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. – СПб., 1997.
9. Кузнецов, Н.В. Субъективное и объективное в этике марксизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011. – Серия 6. – Вып. 2. – С. 31–37.
10. Гусейнов, А.А. Марксизм и этика // Карл Маркс и современная философия: сборник материалов научной конференции к 180-летию со дня рождения К. Маркса; Ин-т философии РАН. – М., 1999.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В. В. Грозов, С. В. Кирпич

Настоящий материал содержит краткий анализ факторов духовно-нравственного содержания, которые, наряду с традиционными социальными, экологическими и иными факторами, формируют расширительное понимание качества жизни. Усилия исследователей сегодня направлены на изучение духовно-нравственных ценностей и их «участие» в политических, экономических и иных сферах. Это особенно необходимо сегодня в обществе потребления, где человек вынужден противостоять губительным информационным и иным потокам, которые способны «переформатировать» сознание людей, насаждая потребительскую шкалу ценностей, которая уводит людей от понимания и принятия истинной природы человека, основанной на духовно-нравственных ценностях.

Формирование здорового человека, здорового общества невозможно осуществлять без духовно-нравственного содержания, которое следует закрепить в интегрированном понимании качества жизни человека и общества. При этом понятия «здоровье», «качество жизни» человека и общества должны включать духовно-нравственную составляющую как неотъемлемую часть, которая имеет наивысший приоритет. Об этом предупреждает накопленный опыт, который упрямо убеждает нас в том, что без духовно-нравственного основания человек, зависимый только от своих желаний и обстоятельств выполняет роль «социального планктона».

В данной работе дан анализ понятий, которые фокусируются на необходимости

переосмысления правовых, методических, организационных и других видов обеспечения духовно-нравственного измерения качества жизни человека, благополучия и безопасности общества.

Попытки исключить духовно-нравственный критерий из личной или семейной жизни, общественной активности или государственной деятельности проявляют себя как лукавая подмена истинного мерила жизни суррогатными мыслями, чувствами, действиями, правилами, распоряжениями, механизмами поведения, которые разрушают фундаментальные законы бытия человека и общества.

Духовно-нравственные факторы сегодня (в череде мировых кризисов) все более явно дают о себе знать и должны быть идентифицированы, чтобы их правильно соотносить с другими факторами и использовать при анализе проблем и принятии решений. Противостоять вызовам современного секуляризованного мира и его угрозам можно, по мнению многих духовных лидеров, социологов, педагогов, политологов, только через «включение» духовно-нравственной размерности в систему координат, определяющую фундаментальные («классические») ценности человека: совесть, благоразумие, справедливость, мужество, самообладание и др. Отсюда следует, что борьба с негативными последствиями в современной жизни людей, не может быть эффективной без системных решений, включающих духовно-нравственные критерии. А секулярное сознание разрушает вечные духовно-нравственные ценности людей, не предлагая каких-либо достойных «плодов», что следует из негативного многолетнего и тщетного опыта строительства атеистического общества, пренебрегавшего божественными законами бытия.

Глубинная трансформация общества привела к осознанию того, что роль и место духовного начала в человеке и обществе требует фундаментальных переосмыслений. Без совершенствования правовых, методических и организационных механизмов сохранения и воспроизводства фундаментальных духовно-нравственных ценностей людей во всех сферах жизни вряд ли возможно ожидать каких-либо позитивных результатов.

В сочетании с благоприятными условиями для развития способностей каждого человека и его полноценной самореализации, а также при обеспечении условий и механизмов защиты прав и свобод человека от насилия (физического, экономического, эмоционального, политического, бытового и пр.) человек способен укреплять свой духовно-нравственный потенциал и реализовывать его во благо себе, своим родным и близким, коллегам и всему обществу.

Общество, активно стремящееся соответствовать духовно-нравственным установлениям, способно повышать качество жизни, свое благосостояние, противостоять вызовам современного мира, сохранять и приумножать свою идентичность. Известно, что развитие современного общества (его характер и темпы) непосредственным образом зависит от гражданской позиции человека, его мотивационно-волевой сферы, прочих жизненных приоритетов, этических норм и моральных ценностей. В этом перечне характеристик приоритетное положение должны занимать духовно-нравственные характеристики применительно к человеку, семье, обществу. Это будет служить системообразующим, интегрирующим фактором развития жизнеутверждающих и созидующих сил в обществе, сделает его более здоровым во всех смыслах.

Рассмотрим качества личности, характеризующие ее духовно-нравственный контекст, которые могут и должны быть включены в состав духовно-нравственного измерения человека и общества:

- готовность и способность к духовно-нравственному развитию;
- готовность и способность к реализации творческого потенциала;
- укрепление духовно-нравственного иммунитета, соблюдение этических норм (и

добродетелей) человека, традиционных христианских ценностей;

- способность формулировать и готовность исполнять нравственные обязательства и моральные нормы;

- способность к самостоятельным поступкам и действиям, совершаемым на основе выбора, основанного на духовно-нравственных установках личности, на ответственности за результаты принятых решений;

- готовность и способность принимать себя, других людей («ближнего своего»), воспринимать человека как высшую ценность, в то же время проявлять нетерпимость к действиям и влияниям, несущим угрозу здоровью (физическому и душевному), духовно-нравственной безопасности личности, противодействовать таким негативным проявлениям;

- способность и готовность к сознательному определению себя как личности, реализации своего личностного потенциала в семье, в профессиональном коллективе, в сочетании с ответственностью личности перед семьей, трудовым коллективом и обществом.

Применительно к общественной жизни человека его духовно-нравственные характеристики можно сформулировать в следующем виде:

- гражданственность человека, т.е. осознание себя как гражданина страны, включая чувство патриотизма, законопослушность и т.п.;

- готовность граждан противостоять внутренним и внешним вызовам;

- забота о поддержании мира и согласия в семье, коллективе, обществе;

- осознание безусловной ценности семьи как первоосновы нашей принадлежности к народу, стране и Отечеству;

- культивирование таких базовых ценностей как любовь к «ближнему», почтение родителей, проявление уважения к старшим по возрасту людям, забота о младших, больных, а также о людях с ограниченными возможностями;

- защита жизни во всех ее проявлениях, забота о продолжении рода;

- забота о сохранении и приумножении духовных, культурных и социальных ценностей предшествующих поколений, бережное отношение к историческому наследию.

Приведенная выше аргументация говорит о необходимости рассмотрения духовно-нравственных приоритетов и характеристик как для отдельно взятого человека (личности), так и применительно к развитию семей, коллективов и общества в целом.

Именно духовно-нравственные критерии в воспитании человека, в социальной и трудовой активности людей способствуют формированию зрелой, полноценной, ответственной личности, которая является основой здорового социально-защищенного общества.

Ниже представлены некоторые направления по обеспечению духовно-нравственной составляющей здоровья, которые могли бы включать ряд законодательных инициатив, меры общественного контроля, отвечающие правам и свободам личности, общественным и национальным интересам в части духовно-нравственных норм (духовно-нравственную цензуру):

- проведение государственной политики и формирование идеологии, которая призвана поддерживать духовно-нравственную безопасность личности, общества и государства;

- создание социально-экономических условий для осуществления творческой деятельности людей в духовно-нравственном контексте;

- выработка цивилизованных форм и способов регулирования поведения людей в

духовно-нравственном контексте, культивирования общественных ценностей, отвечающих национальным интересам, воспитанию патриотизма и гражданской ответственности;

- развитие основ гражданского общества в духовно-нравственном контексте;
- совершенствование законодательства Республики Беларусь в данной сфере в интересах противодействия сознательному или непреднамеренному нарушению этих конституционных прав и свобод;

- государственная поддержка мероприятий по сохранению духовных и историко-культурных ценностей и национального наследия народа;

- разработка действенных организационно-правовых механизмов доступа и ограничений к средствам массовой информации и сети Интернет, обеспечение достоверности распространяемых сведений о социально-значимых событиях общественной жизни;

- разработка специальных правовых и организационных механизмов недопущения противоправных информационно-психологических воздействий на массовое сознание общества, неконтролируемой коммерциализации культуры, искусства и науки;

- введение правовых норм для защиты духовно-нравственной сферы людей по принципу «запрещено всё, кроме того, что разрешено»; доминирующий сегодня принцип «разрешено всё, что не запрещено» весьма негативно сказывается на социально-культурном и духовно-нравственном развитии людей (злоупотребления с рекламой в СМИ, в сети Интернет, пропаганда насилия, жестокости, антиобщественного и безнравственного поведения на различных информационных «площадках»), несет зловещее и растлевающее влияние на людей, особенно на молодежь;

- противодействие негативному влиянию организаций и лиц, деятельность которых противоречит духовно-нравственным нормам и национальным интересам Беларуси.

Основными задачами в области обеспечения духовно-нравственного измерения качества жизни являются:

- социально-экономическое развитие страны с учетом духовно-нравственных приоритетов во всех сферах жизни;

- своевременное прогнозирование и выявление внешних и внутренних угроз в духовно-нравственной сфере;

- разработка и реализация оперативных и долгосрочных мер по предупреждению (нейтрализации) внутренних и внешних угроз в духовно-нравственном контексте;

- совершенствование системы государственной власти и законодательства страны в деле укрепления духовно-нравственной сферы;

- обучение основам формирования полноценного здоровья людей, определяющими ориентирами которого являются духовно-нравственные критерии жизнедеятельности;

- изучение лучших примеров (образцов) духовного наследия, культурно-исторического опыта, произведений искусства и литературы и следование этим примерам;

- создание произведений искусства и литературы, которые могли бы стать духовно-нравственными ориентирами для наших современников и будущих поколений;

- побуждение и поощрение людей, семьи и коллективов в изучении и приобретении духовно-нравственного опыта (дома, на работе, «на улице», в официальной обстановке и неформальной среде), без которого невозможно формирование здорового образа жизни;

- соблюдение духовно-нравственных критериев на всех уровнях общественного развития (не только в религиозных общинах, общественных организациях, но и в дело-

вой среде, государственных учреждениях, властных структурах, в международных отношениях).

Важным шагом развития концепции обеспечения здоровья человека и общества могли бы стать соответствующие меры по совершенствованию правовых, методических, организационных и иных механизмов обеспечения духовно-нравственной составляющей здоровья человека в тесной связи с актуальными проблемами общества и государства. Это способствовало бы, наряду с прочими позитивными целями, *сохранению и воспроизводству фундаментальных духовно-нравственных ценностей* и сохранению идентичности нашего народа с его мощным историко-культурным потенциалом, укреплению единства и суверенитета страны, служило бы основой повседневной жизни людей, а также ориентиром для успешного социально-экономического развития перед лицом внешних и внутренних вызовов современной жизни.

Общество способно адекватно решать масштабные задачи лишь тогда, когда принимается во внимание *система традиционных христианских духовно-нравственных ориентиров*, которые сегодня являются, пожалуй, единственной силой, способной противостоять современным разрушительным тенденциям общества потребления. Государство и общество могли бы выступать в данном контексте как «духовное предприятие» имеющее соответствующие цели, задачи и средства (в том числе в современном рыночном контексте), которые способствовали бы продуцированию результатов, укрепляющих «здоровье» общества и делающих государство более конкурентоспособным в современном мире.

Сегодня необходима, прежде всего, *концептуализация* понятия «духовно-нравственное здоровье и безопасность», которая позволяет единым языком (и в различных сферах жизни) определить этот фактор развития общества и его ценности, которые следует защищать (охранять) и развивать.

Следующим этапом освоения категории «духовно-нравственное здоровье и безопасность» должна стать *институционализация* этого понятия в современных условиях развития общества. Это станет только первым шагом к разработке концепции духовно-нравственной составляющей безопасности общества и страны.

В дальнейшем понятия «духовно-нравственное здоровье и безопасность» в личной, семейной и общественной жизни должны стать *конституирующим началом* жизнедеятельности человека, общества и государства и войти в основополагающие законодательные документы, признающие духовно-нравственный императив развития.

АНТРОПОДИЦЕЯ: МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТЬ

Н. К. Эйнгорн

Родиться человеком и стать человеком – далеко не одно и то же. Современные реалии, порою, просто вопиют об этом. Антропологи все чаще обращаются к проблеме антропологической катастрофы, нарастающего расчеловечивания человека, его одичания, озверения. Неслучайно, впервые почти за сто лет, была издана в русском переводе книга Джордано Бруно «Изгнание торжествующего зверя». Все чаще вспоминают о конспекте лекции Сергея Булгакова «Человекобог и человекозверь», о предостережении А.И. Герцена: «Лишите человека элементарной общечеловечности и он превратится в свирепого орангутанга». Философы современности изучают «цивилизьяну» (А.В. Павленко), человечность и бесчеловечность человека (В.А. Кувакин); современная

этика обосновывается как «наука о принципах истинной человечности» (Я.А. Мильнер-Иринин), как наука о презумпции человеческого достоинства (Н.К. Эйнгорн).

В современном трагическом образе человека (Ж.-П. Сартр), в его многомерности (С.М. Максимов, Н.Е. Самохина) все более пытаются отыскать спасительные опоры, оправдать деградирующего человека перед его возможным, заданным совершенством. Ведь Человек – «долженствующая единственность в Универсуме» (М.М. Бахтин). Человек – Чело Веков, носитель Вечного, Высшего разума, а не просто homo sapiens – существо мыслящее, не просто личность – индивидуальное бытие социального. Войдя в Мир не минералом, не растением, не животным, а человеком, каждый обретает объективную за-данность: родившись человеком, человеком стать, достойно выполнив пожизненное задание, пожизненную миссию.

Об этом же свидетельствует и религиозная версия. Человек теоморфен, создан по образу и подобию Бога, является носителем частицы Вечного, Высшего разума. И тоже имеет пожизненную за-данность: избавляться от первородного греха, от повседневных грехов и пороков, стремиться к совершенству образа, по которому он создан.

«Человек – тайна», – утверждал Ф.М. Достоевский и видел смысл своего творчества в постижении правды о движущих силах человеческой личности. Проблема поиска правды, проблема оправдания многогранно представлены в русской философии: оправдание Добра, Красоты, Истины в творчестве В.С. Соловьева; оправдание духовности в трудах С.Л. Франка, И.А. Ильина; оправдание человека Н.А. Бердяевым; оправдание сопротивления злу силою И.А. Ильиным; оправдание власти святых П.И. Новгородцевым; оправдание Бога Н.О. Лосским и многие другие конкретизации оправдания.

Слово «оправдание» неоднозначно в русском языке. Под оправданием понимается снятие вины (политической, правовой, моральной, нравственной). В то же время, оправдание – это путь к истине, поиск истины. Ведь, правда – это ценностный эквивалент истины, это истина переживаемая, это эмоционально наполняемая рациональность истины. Именно поэтому, на основе одной истины может возникнуть множество правд и, как следствие этого, – бесконечные дискуссии по поводу того, у кого правда правдивей, кто ближе к истине.

Проблема антроподицеи может рассматриваться и как снятие вины с погрязшего в пороках человека и человечества, и как поиск ответа на вечный вопрос: «Что есть Человек?». Оба аспекта проблемы антроподицеи взаимосвязаны и взаимонеобходимы. Не перестает печально удивлять то, что в происходящем нарастании внимания к проблемам антропологии, проблема антроподицеи должным образом не акцентирована. В словарях, энциклопедиях отсутствует этот термин, антропологические исследования также обходят эту тему. Это тем более удивительно, что философская антропология, выделившаяся в самостоятельное учение в XX веке, по сути, представляет собой антроподицею – поиск истины человека и ее ценностного эквивалента, вне которого сама эта истина непостижима. Неслучайно Макс Шелер является основоположником и аксиологии (философии ценностей) и философской антропологии, идеи которых переплетены в его произведении «Формализм в этике и материальная этика ценностей».

Изучение истины – правды Человека, требует синтеза аксиологии, антропологии, этики, психологии. Антроподицея возможна на основе мультидисциплинарности, полидискурсивности. Примером многогранной антроподицеи может быть работа Н.А. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». В этой работе Н.А. Бердяев обосновывает оправдание человека в творчестве и через творчество. Кем бы ни был человек, он призван к творчеству Богом. Творчество, для Н.А. Бердяева,

представляет собой не столько оформление в творческом продукте, сколько раскрытие бесконечного, трансцендирование, прорыв свободы через необходимость, оправдание всей жизни человека.

А в XXI веке мы эту же проблему формулируем в качестве вопроса: «Человек: творение, сотворение или самосозидание?».

Столетия существует теодицея – оправдание Бога перед лицом мирового зла. И, хотя, введен этот термин был в 1710 году Лейбницем в одноименной работе «Теодицея», религиозно-философские доктрины, оправдывавшие всеблагость и всемогущество Бога перед наличием темных сторон бытия, наличием мирового зла, существовали гораздо раньше. Христианская теодицея прослеживается от новозаветных текстов до религиозной философии нового и новейшего времени.

А истоки оправдания человека, истоки того, что мы называем антроподицеей? Можно предположить, что они существуют с древнейших времен, с попыток осознать место человека в мире, смысл его жизни. Антропоцентризм античной философии, античной культуры, протагоровское: «Мера всех вещей – человек...». Средневековая теодицея альтернативна античной антроподицее, выражает укор человеку, виновному в воцарившемся в мире зле. Эпоха Возрождения восстанавливает идею антропоцентризма и, тем самым, продолжает антроподицею в философии гуманизма. Антропологический принцип философии Л. Фейербаха, Н.Г. Чернышевского, учение «разумного эгоизма», по сути своей, антроподицейны. В русской нравственной философии XIX и первой половины XX веков представлено удивительное переплетение теодицеи и антроподицеи. Провозглашаемый религиозными учениями теоморфизм человека означает способность жить по законам Истины, Добра и Красоты, по законам творчества и гармонии.

И, конечно, «страждущее и мечущееся человечество» (Е. Трубецкой) нуждается сегодня в обосновании всех возможных аспектов антроподицеи. В ней – напоминание и призыв к человеческому в человеке.

Человек – микрокосм, малая вселенная. Познание этой вселенной, поиск того, что ей соразмерно, не могут быть монологичными. Необходим полилог множества теорий и наук. Необходимо то, что получило название междисциплинарных, мультидисциплинарных и трансдисциплинарных исследований человека и человекомерности.

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

Л. В. Уваров

Философские учения и, в частности, этическая теория различают два вида знания: *личностное* (это индивидуально-интуитивная форма переживания, или субъективная вовлеченность познающего в духовный мир познаваемого) и *надличностное* (оно представит как абстрактно-теоретическое осознание реальности). Оба названных вида зародились в недрах древнего мифологического сознания. В дальнейшем переход от мифа к рациональной, надличностной философии и науке осуществлялся путем отделения *мыслей* от образов, *интеллекта* от интуиции, *мудрости* от любви. Что касается терминологии: «образов», «интуиции», «любви», то они нашли себя в *личностной, нерациональной* форме миропонимания, или в *интуитивном разуме*.

Идея личностного знания, как и образ *интуитивного разума*, углубляются выдающимся русским мыслителем Н.А. Бердяевым (1874–1948) в его работах: «Философия свободы. Смысл творчества» [1], «Опыт парадоксальной этики» [2] и других. Для него

фундаментальными оставались пять мыслей в образах: Личность. Дух. Свобода. Творчество. Любовь. Нельзя не восхищаться блестящей формулировкой Н.А Бердяева в определении философии человека как философии личности. Во-первых, это *интуитивное* знание, достигаемое с участием любви. Во-вторых, это *синтетичное* знание личности, а не ее формальное расчленение на «субъект» и «объект», к которому призван малый (*рационалистичный*) разум. В-третьих, это *афористичное* постижение душевно-духовной глубины личности. Иначе говоря, в философии убеждает и заражает совершенство формул, их острота и яркость, исходящий от них свет, а не логические доказательства и выводы.

Интеллектуальную основу евразийского союза формирует русская культура. «Главное, – писал Абай, – научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство – все это у русских. Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру. Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза» [3, с. 363]. Эти слова Абая прямо перекликаются со «Стихотворениями в прозе» великого русского писателя И.С. Тургенева, в которых одно из них называется «Русский язык» (кстати, опубликовано в 1882 году, в период расцвета творчества Абая). В этом шедевре И.С. Тургенев вдохновенно провозглашает: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» [4, с. 52].

Абай хорошо знал европейскую философию (особенно английскую), размышлял над индуктивным и дедуктивным методами познания, опираясь на способ движения мысли восточной культуры: от единства – к многообразию (см [5, с. 16]). При этом на характер миропонимания казахского мыслителя указывает такое парадоксальное восточное изречение: «Не всякий знает, как много надо знать, чтобы знать, как мало мы знаем». Как это высказывание бьет по любым противникам религии! Можно сказать, что человек, руководствуясь научным способом освоения действительности идет от фактов к обобщению, от многообразия к синтезу. Бог идет другим, противоположным путем, являя себя полным синтезом вечно наслаждающегося, наполненного бытия, саморассматривающего себя в многообразии. В этом состоит единство, красота и жизненная сила Бога. А разве не является всечеловеческой мудростью «золотое правило нравственности»: «Поступай по отношению к людям так, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе»? В трех великих религиях мира – христианстве, исламе, буддизме – названное правило проповедуется как истинная мудрость, противостоящая этически неполноценным установкам «земного», сугубо прагматического знания, в котором всегда много печали и скорби!

Думается, что именно в следовании императиву синтеза, единства и духовности состоит этический потенциал строительства евразийского интеллектуального пространства.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989.
2. Бердяев, Н.А. Опыт парадоксальной этики. – М., 2003.
3. Абай Кунанбаев. Собр. соч. – М., 1954.
4. Тургенев, И.С. Литературные и житейские воспоминания. – М., 1987.
5. Бисенова Г.Н., Песенное творчество Абая. – Алматы, 2004

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ КАК ЭТАП НА ПУТИ К ТРАНСГУМАНИЗМУ

С. М. Мащитько

Социальные исследования на современном этапе отличаются высокой степенью идеологизированности, в чем, видимо, следует усматривать знак времени. Философская рефлексия, по природе своей более отсроченная, чем всякая другая, не успевает за стремительным темпом социальных изменений. Включенность в «злобу дня» и есть другое имя идеологизированности. Можно наблюдать, как недостаток рефлексивной критики порой компенсируется проективностью. Но характер этой проективности таков, что она представляет собой всего лишь своего рода исследование пределов функции, которая уже институционально задана. Век таких проектов оказывается недолгим, поскольку они выполняют функцию интеллектуального сопровождения институциональных мегатрендов. К таким проектам стоит, пожалуй, отнести проект постиндустриального общества, информационного общества и общества знания.

Концепция постиндустриального общества, зародившись в начале 1960-х гг., в 1980-х гг. уже была признана несостоятельной многими экспертами и самими авторами соответствующих концептуальных разработок: «...концепт постиндустриализма не отражает ни реальных исторических трендов, ни современной действительности. Искажая реальные геоэкономические тренды, теория постиндустриализма указывала ложные стратегические ориентиры для стран незападных цивилизационных ареалов, включая Россию...» [1, с. 309].

Идея информационного общества продекларировала значимость знаний, свободный доступ к ним, но реальность оказалась несколько иной. На практике возник «цифровой раскол», обусловленный неравной доступностью информационно-коммуникационных технологий, что, в свою очередь, привело к «расколу когнитивному» – различию в уровне осведомленности и знаний. Картину довершает лингвистико-культурный раскол, связанный с засильем англоязычного сегмента в массовой информации-коммуникации. Гигантские массивы низкопробного контента не позволяют говорить о переходе общества на качественно новый уровень – информационный. Стало очевидно, что концепция информационного общества страдает утопизмом и антигуманизмом как второе рождение идеи постиндустриализма: старое вино в новых мехах.

Концепция общества знания претендует на преодоление противоречий, возникших в ходе становления информационного общества, предлагая очередную модель глобального развития человечества. Подробнее рассмотрим ее с позиции теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса в перспективе новейших идей трансгуманизма.

При очевидной разрозненности мнений специалистов «общество знания» преимущественно представляют в качестве одной из фаз развития постиндустриального (информационного) общества. Главным фактором производства становится знание, помимо наукоемкого продукта создающее новый тип экономических отношений – «экономику знаний». Ведущими факторами общественного развития выступают образование и наука. Однако роль и статус науки в обществе знания далеко не являются однозначными. Проблема порождения негативных эффектов научно-технической рациональностью, новые аспекты диалектики просвещения анализируются Ю. Хабермасом в работе «Техника и наука как идеология». До него эта проблема актуализировалась Г. Маркузе, который рассматривал науку и технику как формы легитимации господства. Работа Хабермаса вскрывает логику этого процесса через трансформацию механизмов легитимации власти в обществе. Если в традиционном обществе легитимация осуществляется через различного рода нарративы: мифологические, религиозные, метафизические, то с

началом процесса капиталистической модернизации власть легитимируется уже в связи с производственными отношениями. В терминологии Хабермаса, нарастает влияние подсистемы целерационального действия.

В дальнейшем, когда капиталистическая экономика оказывается не в состоянии саморегулироваться и, соответственно, легитимировать себя саму и политическую власть, последняя в лице государства берет на себя функции технической регуляции и обеспечения благосостояния общества. Как следствие, согласно Хабермасу, «политика... ориентируется не на осуществление практических целей, а на решение технических вопросов» [2].

В модернизированном обществе происходит подмена практики техникой. Таким образом, интеракция оказывается инородной, в обществе, где целерациональное поведение подчиняет себе все, включая политику. Отсюда вырастает потребность в деполитизации масс. Она осуществляется при помощи эрзац-идеологии. Речь идет о фоновых манипулятивных смыслах, не позиционирующихся в качестве идеологии. Содержанием эрзац-идеологии как раз и становятся техника и наука. Техника не нуждается в легитимации, она по сути своей, являет господство. Этот выстрел поражает две цели: легитимирует техническую функцию и суть госсистемы и одновременно исключает массы из дискурса о целях и ценностях. Суть описанного процесса устойчиво передается понятием отчуждения.

Теперь с учетом трансформаций последних двух десятилетий необходимо поставить вопрос, завершено ли разворачивание логики этого процесса с формированием деполитизированного общества потребления? Реальные события и тенденции заставляют дать отрицательный ответ. Деполитизация и технизация – только промежуточные моменты отчуждения. В дальнейшем этот процесс покидает социально-политическую плоскость и переходит в область метафизико-антропологическую, далеко перешагивая раннее марксово отчуждение. Ссылаясь на Гелена, Хабермас пишет, что логика технического развития такова, что функции целерационального действия постепенно отделяются от человеческого организма как своего субстрата и переносятся в сферу механизмов. Тогда можно предположить, что финальным аккордом они не только отделяются, но и растворяют в себе собственный субстрат. Это предел отчуждения и одновременно завершение диалектики просвещения.

Трансгуманизм является реальным прототипом этой модели. Сегодня это широкое передовое движение, поддерживаемое и эффективно продвигаемое глобальным истеблишментом и финансовыми элитами. Суть трансгуманизма – в стремлении преодолеть человеческую природу для достижения качественно нового состояния – «нового тела» и «нового интеллекта» либо путем большого числа изменений в самом человеке, либо в результате создания искусственного существа. Направления эволюции могут быть следующими: человек фармацевтический, человек бионический, человек генномодифицированный, научный иммортализм. Ведущим фактором этой эволюции выступает применение и конвергенция *НБИК-технологий*: нано-технологий, биологии, информатики и когнитивных наук. Это базис шестого технологического уклада и одновременно каркас возводимого общества знания. Нельзя не отметить, что прикладные технологические исследования в этом направлении вытесняют и подменяют собой фундаментальную науку.

Мы сталкиваемся с программой «полной переоценки определения человеческого существа», в рамках которой «людей будут рассматривать как неудавшийся эксперимент», по выражению Г. Моравека [3]. Продолжая размышления Ю. Хабермаса о легитимирующем характере технологий и науки в современном обществе и будущем, а в

чем-то настоящем обществе знания, можно заключить, что наука и технологии – это не просто идеология, а средство революционного действия: сначала упраздняется различие между практикой и техникой, а потом техника берет на себя функции практики, создавая новое постчеловеческое общество. Таков финальный цикл диалектики просвещения.

При поверхностном взгляде грядущее высокотехнологичное общество знания и комфорта может казаться вождленным для многих. Однако нельзя не учитывать, что связанный с ним беспрецедентный сверхъегенический проект чреват и равным по масштабу насилием, которое будет спровоцировано восстановлением непосредственной легитимации господства по образцу домодерных обществ, на основании доступа или не доступа к «боготехнологиям», а также прямом отказе от их использования определенных социальных групп.

Таким образом, реальное функционирование общества знания в перспективе сопряжено с невиданным доселе в мировой истории геноцидом не по национальному, а по видовому признаку: человечество насильственно вытесняется постчеловечеством, восстанавливая прямую легитимацию господства. Второй парадоксальный вывод таков: общество знания упраздняет фундаментальную теоретическую науку и заменяет ее высокотехнологичной «алхимией».

Литература

1. Якунин, В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. – М., 2013.
2. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bsu.by/Cache/Page/289373.pdf. – Дата доступа: 01.10.2013.
3. Четверикова О.Н. Диктатура «просвещенных»: о духовных корнях и целях трансгуманизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_metody/diktatura_prosveschennyh_duhovnye_osnovy_i_celi_transgumanizma_chast_3_03102013](http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_metody/diktatura_prosveschennyh_duhovnye_osnovy_i_celi_transgumanizma_chast_3_03102013). – Дата доступа: 01.10.2013.

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О. В. Шуленков

Современные направления антропологических исследований – чрезвычайно многообразны. Поворот к антропологически ориентированному знанию в общественной мысли в России за последние десятилетия отмечен возникновением целого ряда достаточно самостоятельных дисциплин, у которых один общий объект исследования – человек. Некоторые из этих дисциплин стали весьма развитыми, появились различные школы и направления. Здесь можно указать на такие наиболее значимые для целей настоящего исследования дисциплины, как социальную антропологию (сплав социологии и антропологии), историческую антропологию (сплав истории и антропологии), политическую антропологию, социально-историческую антропологию и, наконец, составляющих единое целое, социально-философскую и философско-историческую антропологию [1, с. 395] [2].

Социально-философская антропология в нашей стране находится в стадии становления. Причины здесь разные. Они связаны не только с продолжающимися поисками социальной философией с начала 1990-х гг. новых мировоззренческих и методологических ориентиров, и принципов, и этот поиск далеко еще не закончен. Но наибольшую

сложность для ее становления представляет нынешняя познавательная ситуация. С одной стороны, сама российская социальная реальность становится все более текучей и неопределенной. А с другой стороны, сегодня для описания и объяснения общественных процессов прошлого и настоящего нет адекватного категориального, понятийного аппарата, как в конкретных социальных науках, так и в социально-философском знании. Тот аппарат, который выработан на материале западного социума, также как и аппарат, доставшийся от советских времен, плохо подходит для создания современной теории российского общества [3, с. 83]. Возможно, что решающую роль в осмыслении сложившейся ситуации с понятийным аппаратом, сможет сыграть антропологический поворот в анализе особенностей развития российского общества в прошлом и настоящем.

Российское государство имеет свои онтологические основания. Применительно к социальному бытию онтология может мыслиться только как развивающаяся. Сокровенные смыслы онтологии государства обнаруживаются в его антропологии. Если с российским государством происходит что-то неладное, то это, прежде всего, отображается в его антропологическом, человеческом измерении.

В типологическом плане государство далеко не всегда отдает себе отчет в том, какого формата человека оно задает фактом своего существования, фактом своего бытия в мире. Здесь как раз и возникает проблема антропологических оснований политики, одно дело – долженствование, другое дело – реальная политика государственной власти. Антропологический формат, задаваемый фактом бытия государства, весьма сложно взаимодействует с политической практикой первого лица, правящей элиты, что сказывается на конкретном поведении людей, на их повседневной жизни, в том числе и на проявлении тех или иных черт национального характера русских (россиян), и на отношении к самому государству. Это взаимодействие носит весьма сложный характер, и здесь есть свои проблемы, о которых также пойдет речь.

Методология исследования российского государства базируется на признании закономерных этапов в развитии человеческой истории. Существуют различные принципы периодизации истории.

В одной системе отсчета выделяются: традиционное общество или общество до-модерна, затем современное общество или общество классического модерна и, наконец, постсовременное общество или общество постмодерна. В другой системе отсчета выделяются: доиндустриальное общество, индустриальное общество и постиндустриальное общество, которое в своем развитом виде все больше обнаруживает себя сегодня как информационное общество, общество знания и т.д. Наконец, в третьей системе отсчета, восходящей к марксовской концепции исторического процесса, развитие общества рассматривается как закономерная смена формаций. В таком случае выделяются доэкономический этап в развитии общества, большая экономическая общественная формация, которая в свою очередь включает в себя азиатский способ производства, античность, феодальное общество, общество классического индустриального капитализма, превратившееся к началу XXI в. в общество информационного капитализма, и грядущее постэкономическое общество. Это будет общество нового социализма, социализма XXI в., основанное на постматериальных, постэкономических ценностях, на культуре как главной детерминанте развития. Общество нового социализма вовсе не гарантируется историей. Но если говорить о выживании и дальнейшем прогрессе человечества, то это один из главных альтернативных вариантов развития. Другая альтернатива – неолиберальная глобальная империя.

В любом случае, можно говорить о трех основных этапах в историческом развитии общества и соответственно о трех исторических типах человека. С нашей точки зре-

ния, представления о формационных этапах с позиций классического марксизма должны быть обязательно дополнены в настоящее время важными выводами и обобщениями, полученными в других интерпретациях хода истории. Только в таком случае можно приблизиться к теоретическому решению проблемы, адекватному современному уровню философского и конкретно-научного знания.

Современный, интеллектуальный социализм сохраняет свою приверженность основным ценностям и целям марксизма и, прежде всего, гуманистической идее освобождения труда, освобождения человека от необходимости быть рабочим, заниматься непосредственным трудом. Необходимость в новой исторической форме социализма – социализма XXI в. – как раз и обусловлена появлением принципиально новой ступени в развитии человечества – общества «знания».

Современный социализм утверждает, что борьба за социализм – это борьба за знания, культуру, образование, за человеческую духовность и гуманистические ценности. Сюда происходит перемещение основного фокуса в борьбе за социализм. Речь должна идти о становлении современного образованного человека, о способах выработки им мотивации к овладению и использованию достижений науки, культуры как совокупного исторического опыта своей страны и человечества в целом. И, наконец, о преодолении разрыва между рабочим и свободным временем, на чем особенно настаивал К. Маркс. «С превращением свободного времени в меру общественного богатства, – пишет В.М. Межуев, – потребность в культуре становится важнейшей потребностью человека, а ее удовлетворение целью общественного развития» [4, с. 20].

Происходящее в западном обществе формирование человека культуры есть одна из тенденций его развития, которым противостоят другие, не созидательные, а разрушительные тенденции. В западном обществе налицо дефицит духовности, но избыток бездумного потребительства. Сегодня человечество не может больше позволить себе этого. В назревающей духовной революции мирового масштаба в отказе от ценностей и целей техногенной цивилизации, от ее образа жизни можно усмотреть черты нового формирующегося человека культуры. Вместе с тем появляются реальные технологические условия для достижения главной цели марксизма – освобождения человека труда. Но подчеркнем еще раз, российские пути реализации этой цели будут существенно отличаться от классического марксовского видения проблемы и появляющихся сегодня в Европе первых актуальных практик ее реализации, хотя в недостаточно адекватных формах.

Литература

1. Ушаков, В.Н. Немыслимая Россия // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Россия как идея. – М., 1995. – С. 391–420.
2. Горянин, А. Новое определение российского государства // Отечественные записки. – 2007. – №39.
3. Момджян, К.Х. Введение в социальную философию. – М., 1997.
4. Межуев В.М. Социализм как пространство культуры // Альтернативы. – 1999. – №2. – С. 2–38.

ДУАЛИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ВОСПИТАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СТРОИТЕЛЬСТВА И ВОСПРОИЗВОДСТВА «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ»

С. Г. Новиков

Не секрет, что происходящие ныне глобальные социально-экономические и технологические изменения неумолимо влекут продвинутые отряды человечества на ступень социокультурного развития, которую именуют «информационным», «постинду-

стриальным», «*пост*производительным» обществом. Все перечисленные термины маркируют тот факт, что в названном социуме исчезает собственно производство, поскольку человек всё больше заменяется в нём искусственной биоавтоматической системой. Понятно, что «новый мир» превращается в социальное пространство, главным ресурсом которого являются *знания*, заменяющие в указанном качестве труд, землю и капитал (основные факторы производства производительного общества). На этом основании учёные правомерно пишут, что «основными "отраслями" ближайшего будущего становятся воспитание и образование» [1].

Отсюда возникает закономерный вопрос: каким должен быть *идеал воспитания* субъекта строительства и воспроизводства данного общества? Дополнительную актуальность этому вопросу придаёт то обстоятельство, что правильно избранный идеал воспитания способен сделать субъекта трансформации *гарантом гуманистичности* перемен. Ведь индивид в постпроизводительном обществе может превратиться и в «человека жующего» – освобождённого не только от труда, но и от необходимости оставаться «человеком разумным», от стремления «быть» (выражаясь словами Э. Фромма).

Мы разделяем позицию тех авторов, которые пишут, что субъект строительства «общества знания» не может оказаться просто «специалистом», «прагматиком», «квалифицированным менеджером», но должен являться «человеком творческим». То есть личностью, свободно задающей смысл собственной жизни, понимающей, что священны не вещи и власть, а жизнь и всё, что «способствует её расцвету» – личностью, способной «к критическому, реалистическому мышлению», стремящейся к всестороннему развитию человека и его ближних как высшей цели бытия (см. об этом: [2, с. 185–437]). А *'rporos*, установка на формирование «человека творческого» (*homo creator'a*), позволит также поддерживать и наращивать уровень производства. Ведь последнее достигается либо посредством создания нового (технологии, знания и пр.), либо растрачиванием имеющихся ресурсов. Понятно, что первый путь является наиболее приемлемым и для индивида и для общества.

Дабы не заниматься прожектёрством в области проектирования, обратим свой взгляд на накопленный человечеством историко-педагогический опыт. Данная исследовательская процедура позволяет установить, что в истории человечества сложились идеалы двух основных типов, которые по-разному решали базовую для идеала воспитания проблему взаимоотношений «индивид – общество». Одни идеалы выносят на вершину пирамиды ценностей конструируемой личности интересы социальной целостности (общины, государства, коллектива, класса). Другие – интересы отдельного человека. Первый из названных типов мы вполне могли бы назвать *социоцентристским*, а второй – *антропоцентристским*. В самом деле, социоцентристский идеал воспитания фиксирует то, что индивид «ценен лишь постольку, поскольку принадлежит обществу, служит ему» [3, с. 76]. А антропоцентристский, напротив, постулирует самоценность индивида, рассматривающего общество в качестве *средства* для своего существования. Эти идеалы нам интересны тем, что они буквально *вызревают* в ходе социокультурного развития, являясь производным от социальной памяти народа, кристаллизацией накопленных знаний о мире. И потому оба идеала могут рассматриваться как потенциально возможные ориентиры современной педагогической практики.

Впрочем, как свидетельствует анализ всемирного историко-педагогического процесса, между указанными выше типами располагается ещё один идеал, который назовём *дуалистическим*. Именно такой идеал сформировался в России (и шире – в Восточной Европе) под влиянием природно-климатического и геополитического факторов генезиса и становления восточнославянского социокультурного организма. В этом идеале синте-

зировались социо – и антропоцентристские начала, отражая те, казалось бы, взаимоисключающие моменты жизнедеятельности, которые сосуществовали в социальной практике русича. С одной стороны, последний был не способен выжить в суровых природно-климатических условиях вне семьи, общины и испытывал перманентную угрозу оказаться под иноземным владычеством. Но, с другой стороны, природные обстоятельства и условия труда позволяли индивиду заниматься изолированно-индивидуальными формами жизнедеятельности, проявлять свою самость. Поэтому на протяжении столетий население Восточно-Европейской равнины одновременно получало как постоянное подтверждение того, что только сообща, подавляя личные, индивидуальные интересы, можно обеспечить собственную жизнь и жизнь своих близких, так и доказательства того, что самостоятельным субъектом истории способен стать и отдельный человек.

Этот дуалистический идеал, по нашему убеждению, имеет *предпочтительные* шансы для превращения в фокус воспитания строителя «общества знания». Ведь в нём заложен огромный потенциал, заключающийся в побуждении индивида к такому *личностному* самоосуществлению, которое будет признавать право *других* людей на свободную самореализацию. Этот идеал воспитания не приемлет ни подавления интересов индивида интересами общества, ни принципа «Я-без границ».

Дуалистический идеал воспитания нацеливает индивида на творчество и активность, как в собственных интересах, так и в интересах членов своего коллектива. Для такого социального субъекта ведущими фундаментальными мотивами жизнедеятельности становятся важнейшие ценности полярных идеалов – «свобода» (антропоцентризм) и «равенство» (социоцентризм). Дуализм побуждает индивида проявлять как открытость новациям и инициативам, готовность к свободному выбору и ответственности, так и стремление к соединению своих усилий с *другими* людьми, признаваемыми равными ему по правам и возможностям.

Синтез антропоцентризма и социоцентризма, заключённый в дуалистическом идеале воспитания, ориентирует молодёжь не на интерес, а на *идеальное* поле, что крайне важно для будущего России, Беларуси, других стран мира, не желающих прозябать в «гетто до-постиндустриального бытия» (А.В. Бузгалин). Он не позволит превратиться молодым людям в «социозверьков» (выражение С.Е. Кургиняна), которые не способны объединиться вокруг *общей* задачи.

Таким образом, воспитание, нацеленное на реализацию дуалистического идеала, будет рождать у личности, во-первых, нравственное неприятие ситуации, в которой ведётся перманентная борьба «человека против человека, индивидуума против индивидуума» [4, с. 129] – общества, актором которого является «человек-товар» (К. Маркс), «человек-автомат» (Э. Фромм). И, во-вторых, воспитание, строящееся на базисе дуализма, станет будить у индивида чувство возмущения от социальной системы казарменного типа, с её «человеком-винтиком» (идеал И.В. Сталина).

Выскажем убеждение, что личность, воспитанная в духе дуалистического идеала, поможет избежать нам такой ловушки «постпроизводительного мира» как опасность люмпенизации широких масс, превращения их в «мыслящий тростник» или в индивидов, удовлетворённых наличием выданной им «булки» (батона колбасы, пачки печенья и бочки варенья), вооружённых игрушками-гаджетами и не желающих ни самостоятельно думать, ни действовать. Поднять индивида над его базовыми биологическими потребностями, предложить ему практику возвышающего досуга, придать интерес к саморазвитию способен лишь принцип дуализма, учитывающий как интересы индивида, так и социума. Такой личности, в ассоциации с себе подобными, удастся совершить желаемый шаг – от общества, где господствует либо денежный мешок, либо государствен-

ная бюрократия, к обществу, в котором выше всего будут цениться способности и умения свободной личности, стремящейся к знаниям независимо от их «рыночной стоимости».

Литература

1. Бугалин, А.В. Свободное развитие личности или плен вещной и личной зависимости (Россия в глобальной экономике знаний: контексты и альтернативы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alternativy.ru/ru/node/599> – Дата доступа: 01.05.2008.
2. Фромм, Э. Иметь или быть // Фромм, Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. – М., 2000.
3. Кантор, К.М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. – Т.1. Общие проблемы. – М., 2002.
4. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е издание. – М., 1955. –Т. 2.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ ЭТИКИ АРИСТОТЕЛЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ» НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н. И. Мушинский

Проект Евразийского Союза в современных условиях призван оптимизировать процессы социокультурной модернизации стран-участниц на основе более эффективно-го совместного управления академическим и вузовским сектором, а также путем всестороннего использования в обществе накопленного на всем протяжении предшествующего развития интеллектуального капитала. Важным условием успешной реализации этого проекта является построение «общества знания» (общества, основанного на знаниях), дальнейшее расширение трансграничного взаимодействия в сфере науки и образования для Беларуси, России и других стран евразийского пространства. С целью интенсификации модернизационных тенденций, адекватного теоретического осмысления указанных процессов, целесообразно более внимательно рассмотреть исторический опыт других стран, стремившихся в разные периоды к построению «общества знания», проанализировать социокультурные предпосылки успешного накопления ими интеллектуального капитала.

Необходимо отметить, что интеллектуальный ресурс на всем протяжении исторического процесса играл определяющую роль в общественных системах западноевропейского технократического типа. Еще со времен античности, он неизменно служил движущей силой научно-технического прогресса, который, постепенно увеличивая свои масштабы, приобрел к началу третьего тысячелетия глобальные характеристики. Это особенно хорошо заметно на примере аристотелевского учения об интеллектуальных (дианоэтических) добродетелях, которое, в незначительных вариациях, давало действенный стимул научно-рационалистическому дискурсу в самые разные периоды, сохранило свое эвристическое значение и в наши дни.

Как известно, Аристотель жил в Древней Греции в эпоху полисных демократий, непосредственно связанных с преобладанием научно-рационалистических мировоззренческих ориентиров. За несколько веков до этого переход от первобытного общества к земледелию привел к утверждению власти воинского сословия (вождей-басилевсов, «рексов» – в Древнем Риме), возводивших свою генеалогию к богам языческого пантеона (рудимент родо-племенного тотемизма); быт и нравы античной архаики наглядно от-

ражены в эпических поэмах Гомера и Гесиода. Однако в неблагоприятных природных условиях (в отличие от более древних цивилизаций Востока, в бассейнах «великих рек» связанных с оросительным земледелием, централизованным и сакрализованным государством, деспотической формой правления) подсечное земледелие изначально связано с развитием ремесел, хотя бы самых примитивных. Ремесленники и торговцы собираются вместе в городах-полисах, и, не нуждаясь в защите воинского сословия (их труд в отличие от земледелия не носит сезонный характер), свергают его, начинают решать все вопросы демократически, в народном собрании при выборных государственных должностях. С упадком воинского сословия становится излишней вера в «богов-покровителей», развитие же ремесел требует позитивных научных знаний об окружающей природе, поэтому от архаики к классическому периоду в общественном сознании происходит сдвиг «от мифа к логосу». Научно-рационалистический дискурс занимает главенствующее положение, философы уже не рассуждают о богах, а стараются инициировать теоретико-познавательный ресурс интеллекта. Сократ разрабатывает «майевтику» как вопросно-ответный метод постижения сущности вещей и нравственных категорий (его, собственно, и осудили по обвинению в равнодушии к древним богам); Платон сводит все «идеи» в единую систему «объективного идеализма»; Демокрит выдвигает учение об атомистической структуре физического вещества; Аристотель завершает создание научно-рационалистической методологии и формальной логики на основе теории простого категорического силлогизма.

Наука и разум в лице Аристотеля на основе философской рефлексии осознают сами себя, дистанцируются от иррациональных жизненных импульсов, бессознательных волевых усилий. «Учитывая это различие, подразделяют и добродетели, ибо... мудрость, сообразительность и рассудительность – это мыслительные добродетели, а щедрость и благоразумие – нравственные» [1, с. 77]. Само ключевое для античной этики понятие добродетели («аретэ») сравнительно с эпохой архаики радикально изменяется в сторону научно-рационалистического дискурса. Если в древности «хороший человек» – это благородный и справедливый (поэтому – «угодный богам») воин-аристократ, либо умеренный и трудолюбивый земледелец, то у Аристотеля – это тот, кому удалось достичь «золотой середины» между избытком и недостатком тех или иных моральных качеств. При этом «середина» поддается строгому пропорциональному исчислению на основе принципов гармонии: одна мера мужества – для ребенка, другая – для воина или атлета и т.п. Элемент рационализма здесь проявляется вполне отчетливо, поэтому дианоэтические (*интеллектуальные*, связанные с научным постижением сущности вещей) добродетели ставятся выше этических (волевых), что видно из самого их исходного определения: «Итак, ясно, что мудрость – это самая точная из наук. А значит... мудрец не только знает [следствия] из принципов, но и обладает истинным [знанием самих] принципов» [1, с. 179]. Аналогичным образом: «Рассудительным кажется тот, кто способен принимать верные решения в связи с благом и пользой... Итак, рассудительностью необходимо является [душевный] склад, причастный суждению, истинный» [1, с. 176–177]. Именно разум как совокупность *интеллектуальных* способностей личности создает основу для последующего развития *научного* доказательного знания в самых разных конкретных областях, для постижения фундаментальных законов и необходимых закономерностей окружающего бытия. «Таким образом, то, что составляет предмет научного знания (*to episteton*), существует с необходимостью... Итак, научность (*episteme*) – это доказывающий [аподиктический] склад» [1, с. 175]. Этика Аристотеля, сама будучи наукой и подчиняясь общим принципам системного изложения, от основополагающих определений (дефиниций) переходит к классификации (делению понятий на ви-

ды). Она предлагает развернутую типологию добродетелей, подчеркивая особую роль *интеллектуального* фактора: «Части добродетели составляют справедливость, мужество, благоразумие, щедрость, великодушие, бескорыстие, кротость, рассудительность, мудрость... Рассудительность (*phronēsis*) есть интеллектуальная добродетель, в силу которой люди в состоянии здраво судить о значении перечисленных выше благ» [2, с. 43–44]. Особое внимание Аристотель уделяет разуму как особому виду «души» (в психологическом измерении), который отличает человека от животных и растений (все они относятся к жизненным формам разного уровня): «Поэтому надлежит относительно каждого существа исследовать, какая у него душа, например: какая душа у растения, человека, животного... Наконец, совсем немного существ обладают способностью рассуждения и размышления. А именно: тем..., которым присуща способность рассуждения, присущи также и все остальные способности» [3, с. 400–401]. В последнем случае имеются в виду способности питания, размножения (воспроизведения себе подобных), ощущения, перемещения в пространстве (произвольного); речь идет о связи разных форм отражения, когда человеческое сознание предполагает наличие чувствительности, первичной раздражимости и механического отражения в неживой природе. Особое внимание Аристотель уделяет проведению четкой демаркации между сознанием человека и психикой животных: «Итак, ясно, что ощущение и разумение не одно и то же. Ведь первое свойственно всем животным, второе – немногим. Не тождественно ощущению и мышление, которое может быть и правильным и неправильным: правильное – это разумение, познание и истинное мнение» [3, с. 429–430]. Интеллектуальные добродетели приобретают у Аристотеля ясно выраженное *аксиологическое* измерение: «Из сказанного ясно, что мудрость – это и научное знание, и постижение умом вещей по природе наиболее ценных» [1, с. 179]. Выбатывать подобную способность необходимо у людей с детства, следовательно, в демократическом обществе на первый план выходят проблемы образования и воспитания. Управлять этими сферами деятельности Аристотель предлагает на государственном законодательном уровне: «Получить смолоду правильное руководство... трудно, если не быть воспитанным соответствующими законами... Именно поэтому воспитание и занятия должны быть установлены по закону» [1, с. 289]. Очевидно, что в подобных рассуждениях в неявном виде уже сформулирована задача построения «общества знания». При этом «интеллектуальный капитал» предполагает не только механическое накопление и воспроизводство знаний самих по себе, но и связь их с прикладными задачами технического прогресса, с опытом. Необходимо выбатывать у человека способность к новым открытиям, к самостоятельному творчеству, целенаправленно формировать предназначенные для этого образованные слои социума. «Вместе с тем ничто... не мешает, чтобы что-то одно человек осмыслил... даже и не обладая научным знанием, но тонко различая благодаря опыту, что происходит в каждом отдельном случае» [1, с. 290]. Учение этики Аристотеля об интеллектуальных добродетелях является важной исторической предпосылкой построения «общества знания», вносит значительный вклад в управление интеллектуальным капиталом на евразийском пространстве.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. – М., 1983.
2. Аристотель. Риторика // Античные риторика. – М., 1978.
3. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 1. – М., 1976.

«МИФ О ПЕЩЕРЕ» ПЛАТОНА И ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЧАСТЬЯ: ВОСПОЛНЯЯ НЕДОСТАЮЩИЕ ЗВЕНЬЯ

Л. З. Левит

Идеальный мир Платона. Древнегреческий философ Платон по праву считается одним из основателей современных гуманитарных наук. Как утверждает А. Уайтхед, «Чтобы наиболее точно охарактеризовать традиции европейской философской школы, надо признать, что она представляет собой ряд примечаний к Платону» [1, с. 15].

В своих трудах Платон постулирует существование особого идеального мира, объекты которого окончательны, непреложны, неизменны. На их вершине находится «подлинный объект особого вида знаний, не зависящих от чувственного восприятия» [10]. Ищущему человеку предстоит совершить так называемое «восхождение», чтобы увидеть этот идеальный мир и проникнуться его истинами.

Как считает Платон, подавляющее большинство людей находится как бы в темной пещере, где они принимают за реальность случайные тени и силуэты, возникающие на стене вследствие горящего огня. Человек, стремящийся к истинному знанию, обязан покинуть пещеру, выйти навстречу солнцу и «настоящему» миру. Впоследствии такой просветленный индивид (философ по определению Платона) должен вернуться к людям и применить открывшиеся ему знания.

Постановка проблемы. Центральная метафора Платона при всей своей образности и красоте не дает ответ на ряд важных вопросов. Прежде всего, как конкретный человек осознает, что он находится именно в «пещере», в условиях глубокой темноты и невежества? Как он понимает, что существует лучший, идеальный мир, основанный на «истинном» знании? Каким образом он принимает решение осуществить «подъем» навстречу этому новому миру; насколько трудным является само восхождение из пещеры к солнцу? Что помогает ему в процессе трудного подъема и что дает «пропуск» в новую реальность?

ЛОКС: введение и краткое объяснение. В 2006–2012 гг. мы разработали Личностно-ориентированную концепцию счастья (ЛОКС), в которой продуктивная самореализация индивида и достижение им полноценной счастливой жизни описывается через взаимодействие двух многоуровневых систем – «Личностной Уникальности» (ЛУ) и «Эгоизма» (ЭГ) [2]; [3]; [4]; [5]; [7]; [8]; [11]; [12]. Каждая система состоит из 4-х уровней, соответствующих (снизу вверх) «организму», «индивиду», «личности» и «индивидуальности». Одновременно с этим, каждый уровень представляет собой определенный этап человеческого развития – от рождения до зрелой самореализации.

Основные этапы становления *индивидуального* потенциала следующие: от рождения человек получает «У» – «задатки» будущей самореализации. Далее к ним прибавляется «Л» – личностно-мотивационные компоненты управления специфической активностью, под которую «заточена» «У». И, наконец (по мере «дозревания» ЛУ), к ней присоединяется ЭГ-4 (зрелый индивидуализм высшего, четвертого уровня системы «ЭГ»), осуществляющий всю необходимую работу «снаружи» выполняемой деятельности (защитные, мотивационные, рефлексивные компоненты).

Глубокая поглощенность человека своим делом, своим предназначением, кажущаяся со стороны «эгоистической», на самом деле означает движение по «пути совершенства», связанного с реализацией Личностной Уникальности – своей «идеальной» части. Именно подобная, действительно полноценная жизнь, отражающая идеи эвдемонии [6]; [8, гл. 3] – реализации индивидуального потенциала как высшей ценности человеческой жизни – представляет единственно возможную, хотя и нелегко достигаемую аль-

тернативу потребительскому «счастью» – массовому гедонизму, в который скатывается большая часть населения по мере роста материального благосостояния. В последнем случае речь как раз и может идти о «пещерной жизни» (неведении) в платоновском понимании.

Миф о пещере и ЛОКС: сравнительный анализ. Прежде всего, отметим ряд сходных черт между обеими рассматриваемыми теориями. Понятие «Личностная Уникальность» как лучшая часть, «внутреннее сокровище» индивида отражает не только данные современных исследований человеческого потенциала в гуманистической психологии, но несет на себе «отблеск» платоновского идеализма. В качестве одного из подтверждений приведем цитату Олдоса Хаксли, согласно которому, любая «психология, находящаяся в душе нечто подобное божественной реальности или даже идентичное ей», принадлежит «вечной философии» Платона [1, с. 31–32].

Другой важной чертой сходства является идея *восхождения* человека к высшему уровню своего развития. Если в ЛОКС индивидуальная самореализация осуществляется с помощью взаимодействия высших уровней обеих систем (ЛУ-4 и ЭГ-4), к достижению которых постепенно движется субъект, то в мифе Платона восхождение человека из глубокой пещеры к свету носит «буквальный» характер.

В отличие от идеального мира Платона, ЛОКС имеет *двусистемное* построение. Если теории древнегреческого философа свойственна «потусторонность» и «чистая трансценденция» [1, с. 30], то в Личностно-ориентированной концепции счастья имеется как система, претендующая на роль «идеала» (ЛУ), так и «материалистический», ориентированный на повседневную реальность «Эгоизм» (во всяком случае, на «низших» уровнях своего развития). Поэтому ЛОКС, являясь и «потусторонней» и «посюсторонней» теорией, в большей степени соответствует религиозным (в частности, иудейским и христианским) представлениям о двойственной природе человека, о взаимодействии внутри него двух сил, одна из которых «притягивает к земле», а другая «влечет к небу» [1, с. 105].

Наконец, и это самое главное, ЛОКС дает возможность продвинуться в решении ряда вопросов, которые платоновская теория оставила без внимания. Постулируя наличие ЛУ (или, иными словами, потенциала, одаренности, таланта) *внутри* индивида (а не в особом, отделенном от простого смертного мире), наша концепция предполагает тем самым и *возможность* его достижения. Отметим в данной связи, что гуманистическая психология в лице А. Маслоу и К. Роджерса говорит о наличии подобного «идеального Я» в каждом человеке, что не слишком увязывается с повседневной реальностью, в которой, по наблюдениям того же А. Маслоу, самоактуализируется менее одного процента людей [9]. В этой связи ЛОКС не говорит о «поголовной охваченности» населения уникальным врожденным потенциалом, который так и рвется наружу, причем ей, как ни странно, помогает не только современная эмпирика, но и платоновский миф. Ведь из пещеры решает выбраться только один человек из многих! Другие же предпочитают остаться в привычном, хотя и «полуслепом» состоянии неведения.

Вернемся к идеальному миру Платона. Древнегреческий философ ни разу не рассказывает нам о «способах проникновения» в него. Индивид «вдруг» понимает, что видит не реальный мир, а его бледное отражение, сам начинает смотреть в другом, «правильном» направлении, а затем как по волшебству, без всяких проблем выползает из своей пещеры к новой, совершенной действительности, в которой с первых же минут чувствует себя как дома. Разумеется, мы никак не можем ставить в укор Платону недооценку конкретных психологических механизмов, способствующих успешному «восхождению». Мы лишь фиксируем наличие «пропущенных звеньев», восполнить кото-

рые попытаемся с помощью механизмов ЛОКС. При всех вышеотмеченных чертах сходства не будем забывать, что аналогом *внешнего* по отношению к человеку «идеального» мира Платона в нашей концепции выступает предполагаемая *внутренняя* Личностная Уникальность индивидуума.

Как отмечал Филон Александрийский, известный философ первого столетия, в значительной степени ассимилировавший платонизм и христианство, для отношений между Богом («идеальным») и человеком («земным») необходим *посредник* [1, с. 155]. В учении Платона такой посредник между двумя мирами отсутствует, в то время как в ЛОКС он имеется. Речь идет о высшем уровне системы «Эгоизм» – ЭГ-4, функция которого заключается в реализации Личностной Уникальности во внешнем мире. С одной стороны, ЭГ-4 способен войти в успешный контакт с *идеальной* ЛУ как раз потому, что представляет наиболее высокую стадию развития системы «ЭГ» – зрелый индивидуализм. Таким образом, речь идет о «диалоге равных». С другой стороны, ЭГ-4 способен осуществлять защитные, мотивационные и другие полезные в отношении реализуемой во внешнем мире ЛУ функции как раз потому, что, будучи *эгоизмом*, неразрывно связан с решением повседневных «мирских» проблем, касающихся осуществления индивидом *собственных* интересов. Исходящая со стороны ЭГ-4 мотивация, будучи примененная к платоновскому мифу о пещере, как раз позволяет объяснить начатую индивидом *активность* и предпринимаемые в процессе «восхождения» *усилия*, когда окончательный результат еще далеко не ясен.

Выводы. Разработанная нами Личностно-ориентированная концепция счастья имеет ряд сходных черт с учением Платона (наличие «идеала», совершаемое к нему «восхождение», качественно иная жизнь субъекта после подъема к знанию, «к солнцу»). В то же время наша теоретическая модель позволяет выявить некоторые неясности и восстановить пропущенные в платоновском толковании «звенья», дающие возможность более определенной и конкретной перспективы самореализации индивида, достижения им полноценной и счастливой жизни.

Литература

1. Блэкберн, С. Платон. «Республика». – М., 2009.
2. Левит, Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: краткая история // «Психология и психотехника». – 2012. – №8. – С. 78–86.
3. Левит, Л.З., Радчикова Н.П. Личностно-ориентированная концепция счастья: теория и практика // Национальный психологический журнал. – 2012. – №2 (8). – С. 81–90.
4. Левит, Л.З. Счастье, эгоизм, альтруизм: парадоксы взаимодействия // Научно-практический журнал «Психология. Социология. Педагогика». – 2012. – №7. – С. 10–19.
5. Левит, Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: новая системная парадигма // Педагогическое образование в России. – 2013. – №1. – С. 102–111.
6. Левит, Л.З. Эвдемония: жизнь для героя // Современная зарубежная психология. 2013. – №1. – С. 69–77.
7. Левит, Л.З. Эгоизм как системное понятие и его роль в достижении счастья // Горизонты образования. – 2013. – №1. – С. 22–35.
8. Левит Л.З. Уникальный потенциал, самореализация, счастье. – Saarbrücken, 2013.
9. Маслоу, А. Мотивация и личность. 3-е издание. – СПб., 2009.
10. Платон. Государство. – М., 2005.
11. Levit, L.Z. Happiness: Person-Oriented Conception // International Journal of Advances in Psychology. 2012. – Vol.1. Iss. 3. November. – Pp. 46–57.
12. Levit, L.Z. Person-oriented Conception of Happiness: Between Freud, Jung and Maslow // International Journal of Economy, Management and Social Sciences. 2013. – № 2 (8). August. Pp. 576–584.

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

И. Н. Сидоренко

Термин «общество знания» был введен в научный оборот американским политологом Р. Лэйном и подразумевал увеличение степени влияния научного знания на сферу управления и политики. Основными субъектами власти в обществе знания становились квалифицированные специалисты в рамках технотрактуры, обеспечивающие планирование и функционирование как производственного процесса, так и общества в целом. С нашей точки зрения, правомерно рассматривать общество знания как следующий этап развития постиндустриального, информационного общества. Однако, несмотря на увеличивающуюся рационализацию жизни, на повышение значимости научных экспертиз в социально-экономическом и политическом развитии социума и т.п., общество знания, порождая новые социальные риски, сталкивается и с новыми проблемами: фетишизация знания и тотальность символического насилия, порождающего новые технологии контроля и социальные практики.

Во-первых, это связано с тем, что аккумуляция рисков отождествляется главным образом с дефицитом знания, его неполнотой или неэффективностью его использования. Возникновение рисков, связанных с неполнотой знания, связано не только со спецификой принятия решения в ситуации необходимости выбора из числа имеющихся возможностей при неопределенности последствий, но также и с распространением символического насилия, под которым понимается бессознательное подчинение власти посредством системы знания и иерархии ценностей, приобретающих само собой разумеющийся характер. Власть символического насилия навязывает значения, заставляя признать их легитимными и одновременно скрывая силовые отношения, лежащие в ее основе. Невозможность обладать полнотой знания приводит к доминированию в современном обществе именно такой скрытой силы, под властью которого индивид на веру принимает любую информацию, если она подается под «соусом научности», будь то реклама, или информация, созданная пиар – и политтехнологиями. Символическое насилие было всегда, однако в век информационных технологий оно приобретает глобальные масштабы по своему воздействию на сознание людей, а будучи воспроизведенным через систему образования, увеличивает склонность индивидов к конформизму. Таким образом, общество знания может столкнуться с такой опасностью, как фетишизация знания, при которой значимыми становятся количественные, а не качественные параметры информации, товаров и услуг, о которых мы знаем только то, что они были научно протестированы, но о том, как именно осуществлялась эта научная экспертиза, мы не знаем.

Опасность фетишизации знания заключается в том, что знание в принципе не может быть полным; оно может рассматриваться как таковое лишь применительно к конкретным обстоятельствам, в которых принимается то или иное решение. Принятие решений, их реализация затрагивает различное множество социальных акторов, все действия которых предсказать просто невозможно. Поэтому, риск следует рассматривать как естественную форму социальной коммуникации, связанную со стремлением рассчитать в настоящем неизвестное будущее. Таким образом, общество знания имеет своей оборотной стороной общество риска. Наука, определяя направление будущего социального развития, в тоже время способствует и нарастанию неопределенности будущего.

Вторая опасность для общества знания связана с тем, что научная экспертиза превращается в средство манипулирования сознанием. Так, в современном обществе одно-

временно повышается формальная значимость научной экспертизы и в тоже время снижается ее эффективность. Это связано с тем, что производство научного знания понимается уже не столько как поиск основополагающих законов природы, сколько как процесс, обусловленный контекстом применения знания, представлениями о социальных потребностях и потенциальных потребителях. Другими словами, производство научного знания становится реализацией конкретного политического заказа, а результаты научных исследований переносятся в сферу политики: требуется просто наличие научной экспертизы, делающей привлекательным товар, социально-политический проект, фигуру конкретного политика, но не объективная оценка. Так, в обществе знания зарождается внутренняя дестабилизация: подрыв доверия к экспертизе не только ведет к снижению политического спроса на экспертное знание, но и создает благоприятные условия для возникновения политических конфликтов в пространстве символического насилия. Формализация научной экспертизы может привести к тому, что общество знания превратится в общество потребления знания и иждивенческая позиция закрепится во всех сферах общества.

В-третьих, в обществе знания, как квинтэссенции информационного общества, Интернет превращается не только в главный инструмент деятельности, информирования и образования, но также становится одним из главных средств вербовки, манипулирования и доминирования. Отсюда киберпространство общества знания становится конфликтной территорией. С одной стороны Интернет способствует появлению нового глобального гражданского общества, строящегося посредством объединения в сеть общественных компьютерных сетей и гражданских объединений, с другой стороны ожидания того, что Интернет превратится в идеальный инструмент будущей демократии, пока не оправдываются. Действия правительства в онлайн-режиме предполагает не только открытость его действий и документов, но также и возможность граждан запрашивать информацию, требовать ответа и контролировать государственную власть. Однако на сегодняшний день правительства используют Интернет лишь как доску объявлений и не стремятся к налаживанию реального взаимодействия. Наоборот, с распространением информационных технологий и с постепенным ослаблением национальных государств, становится жизненно необходимо для государственной власти сохранить за собой легитимное право на тотальный контроль как средство символического насилия под эгидой защиты национальной безопасности. Отсюда одним из основных способов осуществления власти становится производство и распространение информации, культурных кодов, а также создание новых технологий контроля и раскрытия анонимности, ограничения приватности. Как отмечает М. Кастельс: «В условиях новой глобальной среды наблюдения и контроля возникает более серьезная угроза свободе: структурирование повседневного поведения через доминирующие нормы социального поведения» [1, с. 211]. Так, символическое насилие, распространяемое посредством информационных технологий, превращает наше существование в «электронный паноптикум», т.е. в жизнь в условиях постоянного информационного контроля.

Оборотной стороной глобализационных процессов является фрагментаризация социального пространства, которая наглядно проявляется в таких новых формах общественной коммуникации, как информационные сети. Новые сетевые структуры современного общества имеют качественно иной способ организации, в отличие от традиционных обществ. Доминирующими становятся не локальные информационные обмены, а удаленные и опосредованные контакты, осуществляющиеся в распределенной коммуникационной среде. Отсюда новой архитектурой социального пространства становится фрагментарное сетевое поле, а базовым основанием общества знания становится сетевое

пространство, в котором информация как знание порождает изменения самой системы. Символическое насилие в сетевой коммуникации накладывает отпечаток, как на наше мировоззрение, так и на изменение социальных практик, в частности на трансформацию ведения войн современного типа, таких как кибервойны, сетевые войны, которые проводятся по принципу «роения». Так, сетевая война существенно меняет тактику вооруженного противоборства, способствуя превращению противников в скрытые друг от друга децентрализованные высокоманевренные системы, действующие по принципу «стаи». Таким образом, во главу военной мощи в современном фрагментарном обществе как переходном этапе к обществу знания становится само знание в различных его формах и проявлениях.

Знание – это сила, и в настоящее время на пути реализации общества знания оно становится самым действенным инструментом власти и управления. Для того чтобы наше существование не превратилось в жизнь «за стеклом» под всевидящим оком информационного контроля как средства символического насилия, необходима реализация принципа взаимодоверия на всех уровнях власти и управления. Осознание того, что знание – это инструмент в руках человека и от него зависит, на благо или во вред оно будет использовано, должно стать базовым принципом построения общества знания.

Литература

1. Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. – Екатеринбург, 2004.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

О. В. Мащитко

Выражение «общество знания» вошло в научный оборот относительно недавно и все чаще используются философами, социологами, экономистами для осмысления процессов, происходящих в экономической и политической жизни, в информационной и образовательной сферах. Общим знаменателем всех исследований является констатация того факта, что знание является критерием определения качественного состояния общества, а также рассмотрение общества знаний как нового социального идеала.

Темой данной статьи является феномен насилия в обществе знания. Насилие все больше переходит из статуса «явного», «онтологического», «эксплицитного» в неявный, имплицитный, символический модус существования. Снижение «явности» насилия – одна из базовых тенденций развития общества знания: «реального» насилия здесь «как бы» не существует. При этом отсутствие эксплицитного насилия с избытком восполняется нарастанием имплицитного.

Проблема неявного насилия не является новой для философии. Целый ряд философских концепций рассматривают культуру как по определению репрессивную систему. Их объединяет положение, согласно которому насилие есть нечто гораздо большее, чем силовое принуждение. В свою очередь, данное положение базируется на различии насилия явного, «зримого», и неявного. Чтобы увидеть незримое насилие, нужно уметь отстраняться от зримого, «субъективного» насилия, совершаемого четко опознаваемой силой. Такого рода отстранение позволяет распознать насилие, лежащее в основе всех возможных попыток борьбы с насилием.

Так, например, С. Жижек различает «субъективное» насилие, явное и являющееся лишь вершиной треугольника, символическое насилие, воплощенное в языке и культур-

ных формах, а также «системное» насилие – катастрофические последствия работы политических и экономических систем; к этой форме относится капиталистическое общество в целом, капитализм как система [3, с. 50–55]. Существенным здесь является тот факт, что «субъективное» насилие воспринимается как нарушение нормы, мирного положения вещей, тогда как два других вида – «объективное» насилие – присущи как раз «нормальному» порядку. Например, система потребления не воспринимается обывателем как насильственная, поскольку в данном случае принуждение нельзя приписать конкретным людям, оно анонимно и тотально [3, с. 59]. В этом состоит особенность современной идеологии: определенные установки и нормы жизни больше не воспринимаются в качестве идеологических. Они кажутся нейтральными и обыденными. Напротив, идеологией мы называем то, что выделяется на естественном фоне: крайнее религиозное рвение, подчеркнутую верность определенной политической ориентации. Поэтому идеологические механизмы современности могут быть названы одними из самых действенных: их принудительность проявляется как самоуправляемость среды.

Одной из форм неявного насилия является лингвистическое. Оно связано с репрезентацией в языке, установлением определенного символического поля. Понятие лингвистического насилия противоположно представлению о языке и символическом порядке как среде примирения и опосредования, когда вхождение в язык и отказ от насилия воспринимаются как два аспекта одного процесса. В рамках философии языка сама символизация вещи предполагает нечто насильственное – упрощение вещи, помещение ее в заданную область значения. Так, у Ж. Лакана всякое конкретное пространство дискурса основано на насильственном насаждении господствующего означающего, которое иррационально и не обосновывается никакими доводами. М. Фуко оперирует понятием «риторика насилия», что означает порядок языка, который конституирует насилие как социальный факт [6]. Ж. Деррида называет насилие языка «насилием буквы» и считает его первичной формой насилия [2]. Жижек также обращает внимание на тот факт, что когда мы видим в чем-то акт насилия, мы оцениваем его при помощи предполагаемого стандарта того, чем является «нормальная», «ненасильственная» ситуация. Но при этом наивысшей формой насилия является насаждение этого стандарта, осуществляемого в языке. Таким образом, лингвистическое насилие из вторичного искажения превращается в основное средство всякого человеческого насилия [3].

На понятии лингвистического насилия базируется парадоксальное понимание свободы как отсутствия языка для выражения несвободы. Все понятия, которые сегодня используются в западном обществе для выражения либеральных идей – «права человека», «основные свободы», «демократия», «война с терроризмом» – мистифицируют восприятие ситуации, не позволяют думать о ней. В этом контексте С. Жижек интерпретирует новые формы протестного движения в западном мире – такие, как «Оккупай Уолл-стрит» или волнения во Франции 2005 года. Значимой спецификой данных протестов стало отсутствие каких-либо внятных требований со стороны протестующих. В этом смысле данные события можно интерпретировать как своего рода поиск нового языка, выходящего за рамки традиционной демократической системы координат, или, используя выражение С. Жижека – как «протест нулевого уровня». В данном случае само отсутствие артикулированных требований обнажает проблему неявного насилия – декларируемое право выбора на самом деле является правом выбирать между принудительным согласием с существующими правилами и бессмысленным протестом, разрушением и вымещением злобы. Неартикулируемость протеста является показателем отсутствия включенности в существующую систему, поэтому бессмысленность и невозможность «перевести» данные события в понятные речь или мысль является наиболее труд-

ным. Таким образом, мы имеем дело с протестом на уровне формы, сопротивлением, обреченным на «формализм», поскольку содержание необходимым образом оказывается вписанным в символический строй существующей системы [4] [5].

Схожий пример сопротивления на уровне формы мы находим у Ж. Бодрийера. Социальные противоречия, согласно Ж. Бодрийеру, перемещаются в семиотическую сферу. Это проявляется в двух содержательных моментах. Во-первых, происходит знаковая дифференциация общества, заменяющая реальные противоречия. Во-вторых, возможные протесты против «господства симулякров» также разворачиваются в семиотической сфере.

Первый аспект семиотического отражения социальных противоречий связан с дифференциацией людей с помощью знаков. Язык является средством разделения. Выражаясь словами С. Жижека, благодаря языку мы можем жить в разных мирах, живя на одной улице. Идеальным пространством для реализации знакового расслоения общества является современная городская среда. Город – это полигон знаков, не случайно Ж. Бодрийер употребляет применительно к городу понятие «семиократия» [1].

Второй аспект лингвистического рассмотрения социальных противоречий заключается в том, что протест против обозначенной модели «семиократии» наиболее эффективен также в семиотической плоскости. Тотальное манипулирование кодами и значениями, которое представляет собой «городское гетто», уязвимо не со стороны вещей, а со стороны знака. Ж. Бодрийер иллюстрирует это на примере «восстания знаков» весной 1972 года в Нью-Йорке, когда город захлестнула волна граффити. Ж. Бодрийер интерпретирует эти события как стихийную борьбу против символического насилия. Задача граффити состоит в том, чтобы сбить с толку обычную систему наименований, где каждый элемент встроен в семиотическую систему и осмыслен лишь в качестве переменной, подчиненной коду. Граффити осуществляют тотальное наступление на уровне формы. В нем нет содержания, нет сообщения. Но именно эта пустота образует их силу. Знаковая система города, «гетто западной цивилизации», разлагается одним присутствием граффити.

Таким образом, снижение «явности» насилия – одна из базовых тенденций развития общества знания. При этом отсутствие эксплицитного насилия восполняется нарастанием лингвистического, наивысшей формой которого является языковое насаждение стандарта, фона, рамок осмысления социальных процессов. Сопротивление данной форме насилия также осуществляется в языковой сфере – на уровне формы.

Литература

1. Бодрийер, Ж. Символический обмен и смерть / пер. С. Н. Зенкипа. – М., 2000.
2. Деррида, Ж. О грамматологии / пер. с франц., вступит ст. и комм. Н.С. Автономовой. – М., 2000
3. Жижек, С. О насилии / пер. с англ. Е. Лямина, А. Смирнов. – М., 2010.
4. Жижек, С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно / пер. с англ. Е. Савицкий, А. Ожиганова, А. Марков. – М., 2012.
5. Жижек, С. Чума фантазий / пер. с англ. Е.С. Смирновой. – Харьков, 2012.
6. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с франц., комм. и послесл. С. Табачниковой. – М., 1996.

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТОВ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Т. Е. Новицкая

Гуманитарная экспертиза проектов биотехнологического улучшения человека, неотъемлемой характеристикой которой является междисциплинарность, среди прочего предполагает и рассмотрение социальных аспектов данного феномена. К числу ее задач в этой области относятся выявление социальных рисков и последствий, которые могут быть порождены внедрением и массовым распространением новейших биомедицинских технологий, а также разработка стратегий защиты человека и общества от исходящих от них потенциальных угроз и реализация установки на обеспечение баланса интересов человека и общества.

В целом в контексте такого рода социальной проблематики, нуждающейся в дальнейшем изучении, можно выделить несколько основных блоков:

1. *Проблемы появления новых форм социальных отношений и / или трансформация уже существующих.* Прежде всего, это – возникновение новых социальных ролей в среде прибегающих к вспомогательным репродуктивным технологиям (ВРТ) с привлечением третьих лиц. Вовлечение дополнительных участников в процесс зачатия, беременности и родов свидетельствует о процессе реконфигурации «традиционных» родственных связей, что вызывает к жизни вопрос о том, каким образом данные биологические отношения могут быть реализованы в социальной и правовой сферах. На сегодняшний день эта проблема стоит достаточно остро и свидетельствует о необходимости совершенствования соответствующего законодательства. Кроме того, ВРТ облегчают модернизацию института семьи, ориентированную на модификацию существующего гендерного порядка и «нормализацию» различных типов квин-семьи, активно проходящую в некоторых развитых странах и вызывающую бурные общественные дискуссии (в частности, этому способствует фундированная ими возможность деторождения в однополых браках). Также требуют детального осмысления вопросы о том, кому должны быть доступны ВРТ, каким образом влияют являющиеся их итогом нестандартные схемы родства и формы сожителства на трансформации семьи, в чем состоит специфика преобразований форм любви, сексуальности и родительства, вызванных к жизни использованием искусственных репродуктивных методов.

2. *Проблемы, связанные с самосознанием и идентичностью людей,* по отношению к которым были применены современные биомедицинские технологии. Так, они затрагивают рассмотренные выше новые социальные роли участников ВРТ и детей, рожденных с их помощью, и пациентов, испытавших медицинское вмешательство в геном. Указанные биомедицинские практики могут вызывать к жизни новые формы социальной идентичности (соотнесения себя с той или иной группой, семьей, родом, этносом и пр.).

3. *Биополитические проблемы в сфере применения биомедицинских и геномных технологий.* Ключевой функцией биополитики является управление населением как биологическим феноменом. Серьезность существующих демографических проблем в обществах западного типа (снижение численности населения, его старение) обуславливает биополитические ориентации на повышение качества жизни с точки зрения биологических характеристик (на увеличение продолжительности жизни, борьбу с болезнями, усилия по сохранению и улучшению генофонда, планированию семьи и пр.). Безусловно, развитие новых методов диагностики, профилактики и лечения различных заболеваний, инновационные вспомогательные методы деторождения, возможности скрининга

генетических дефектов на индивидуальном и популяционном уровне и обнадеживающие перспективы развития предиктивной, превентивной и персонифицированной медицины на основе геномных технологий будут способствовать достижению этих целей. Но в то же время методы биотехнологического улучшения человека могут стать источником опасных социальных эффектов.

Один из основных рисков связан с редуционистским подходом медико-биологического и генетического конструктивизма, согласно которому особенности человека (как социальные, так и личностные) задаются наследственными факторами. Если современная медицина способна осуществлять манипуляции на уровне генома человека, то его дефективные составляющие могут быть скорректированы и, более того, генетические параметры человека могут быть искусственно сконструированы, а значит, он сам со всеми своими внешними особенностями и внутренним миром, наклонностями и задатками может стать продуктом биомедицинских технологий. Важно и то, что доступность различных биомедицинских (главным образом – фармакологических) способов коррекции социально-психологических и поведенческих проблем таит в себе угрозу ослабления механизмов их социальной регуляции и манипулирования человеком.

Еще один аспект биополитики – это получение информации о геноме человека, генетическая паспортизация, которые могут быть чреваты генетической дискриминацией в случае несоблюдения конфиденциальности. Информация о генотипической конституции определенного индивида содержит в себе данные о его потенциальных и актуальных особенностях, а также его семьи и кровных родственников. На ее основании делается прогноз о судьбе человека, в то время как скрытые задатки могут так и остаться нереализованными, а патологические процессы не проявить себя. Такое отношение общества стигматизирует носителя генетических отклонений. И, напротив, выдвижение на первый план тех, чья наследственность позволяет прогнозировать их высокую адаптивность и успешность в каком-либо виде деятельности, более высокий социальный статус, может расшатывать как естественную социальную конкуренцию, и заменять ее намеренной селекцией по генетическим признакам, так и вмешиваться в естественные эволюционные механизмы. В качестве негативного примера проявления подобных генетико-конструктивистских интенций можно привести возникшую в некоторых азиатских странах (Индия, Южная Корея) диспропорцию в соотношении полов в обществе, ставшую возможной в результате пренатального определения пола будущего ребенка и специфических социальных предпочтений родителей: число рождающихся мальчиков существенно превысило число девочек, что в дальнейшем может привести к серьезным социальным проблемам.

Кроме риска социальной стигматизации по наследственным параметрам, перед индивидом встает вопрос о том, насколько вообще необходимым и желательным является получение информации о геноме, как на индивидуальном, так и на популяционном уровнях, поскольку знание о вероятных проблемах с собственным здоровьем само по себе создает стрессовую ситуацию – не всякий человек обладает достаточными биомедицинскими знаниями, чтобы адекватно воспринять и интерпретировать его. И в то же время, сложно отрицать важность информации о генетических патологиях человека для других людей, состоящих с их носителем в близких отношениях (родственных, брачных и пр.), для которых данный фактор также может представлять потенциальную угрозу. Здесь биополитическое стремление общества к улучшению генофонда и сохранению генетического разнообразия внутри популяций может вступить в конфликт со свободой индивидуального репродуктивного выбора, вылиться в давление общества на индивида, смещению акцентов со свободы личности на интересы общества.

Кроме того, особо следует отметить проблему существующего неравенства развитых и развивающихся стран, различных слоев населения в распределении ресурсов доступа к новейшим биомедицинским процедурам (генодиагностике и генотерапии, трансплантологии, ВТР и пр.), их высокой стоимости и элитарности, что ведет к усугублению разрыва в этой области.

Итак, внедрение и широкое распространение биомедицинских и геномных технологий может быть рассмотрено не только сквозь призму биоэтики и права, но и как социальный феномен, поскольку на сегодняшний день они во многом определяют характер трансформации различных социальных отношений и практик, задают процесс возникновения новых идентичностей и социальных ролей, способствуют смещению границ социальной нормы – словом, выступают как фактор преобразования общества. Однако и в этом измерении гуманитарной экспертизы, направленном на социальные аспекты применения данных технологий, следует основываться на комплексном подходе, предполагающем не только оценку специалистами потенциальных рисков в ходе реализации проектов биотехнологического улучшения человека, но и широкое публичное обсуждение, внимательное изучение общественного мнения по вопросам последствий такого рода научных разработок и медицинской практики, а также соблюдение баланса интересов всех социальных слоев, личности и общества.

Работа подготовлена при поддержке БРФФИ, договор гранта № Г13Р-010 от 16.04.2013 г.

ЗДРАВСТВОРЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПОДСИСТЕМА КУЛЬТУРЫ СУБЪЕКТА «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ»

Д. С. Новиков

На педагогическое сообщество сегодня возлагается важнейшая историческая миссия – формирование субъекта постиндустриального социума, который с полным основанием можно назвать «обществом знания». Ведь в мире, чьи очертания только начинают просматриваться на Западе, именно интеллект, знание, информация становятся «локомотивом истории». Качества субъекта, необходимого для его созидания и развития, давно обсуждаются философами, педагогами, представителями других отраслей социально-гуманитарной науки. Ученые обычно называют такие черты субъекта «общества знания» как открытость инновациям, инициативность, креативность, стремление к познанию, самообучению и саморазвитию. Признавая справедливость данных констатаций, отметим, что важнейшей характеристикой творца «общества знания» может и должно стать обладание им *здоровотворческой культурой*.

Содержание вышеупомянутой категории является предметом дискуссий в современной науке. Наряду с нею в литературе употребляются понятия «культура здоровья», «валеологическая культура». Не имея возможности подробно остановиться на данном сюжете, сформулируем собственное понимание феномена, отражаемого интересующим нас понятием. С нашей точки зрения, здоровотворческая культура – это подсистема искусственной программы человеческой деятельности, задающая модели сознательной активности по сохранению и наращиванию биологического потенциала в интересах выстраивания личности в соответствии с самостоятельно избранным идеалом и обеспечивающая преемственность достижений в этой области путем их концентрации, хранения и трансляции будущим поколениям.

Необходимость освоения субъектом «общества знания» здоровотворческой куль-

турой обуславливается, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что овладение знаниями является весьма непростым делом для индивида, у которого отсутствует соматическое, психическое и нравственное здоровье. И, во-вторых, здравотворческая культура нужна субъекту «общества знания» для того, чтобы он тратил свое свободное время (увеличивающее в объеме) на *возвышающую* его культуру, на физическое и духовное саморазвитие.

Между тем, ситуация в области здравотворчества молодежи сегодня весьма тревожна. Как известно, за последние два десятилетия крайне высокой была естественная убыль россиян. А по продолжительности предстоящей жизни Россия не входит даже в первую сотню стран соответствующего списка (занимая при этом по уровню экономического развития 50-е место, а по уровню реальных доходов – 55-е). В текущем десятилетии продолжается рост заболеваемости россиян по основным классам болезней, сохраняется высокий уровень инвалидизации (превышая приблизительно в 5 раз относительную численность инвалидов в индустриально развитых странах). Причем нисходящая динамика здоровья обнаруживается уже в раннем возрасте. Так, исследования ученых показывают, что более трети новорожденных детей появляются на свет уже больными или заболевают сразу после рождения. Не может не беспокоить и то, что в течение первого года жизни количество здоровых или относительно здоровых снижается с 60% до 29%, стабилизируется на уровне 30% в возрасте 15–17 лет, а к выходу из средней школы падает уже до 10% [1, с. 8–9, 11].

Крайнюю тревогу вызывает тот факт, что доля детей, родившихся больными, непрерывно возрастает, начиная с 1990 г. Исследования обнаруживают, что если в 1990 г. эта доля составляла 14,8%, то в 2000 г. – 38%, а в 2006 г. – уже 38,9%, то есть увеличилась в 2,63 раза (их удельный вес составил 40% от всех новорожденных) [2]. А значит, данное поколение растущих людей обладает гораздо меньшим потенциалом здоровья, нежели их родители. Наконец, по такому показателю, как продолжительность *здоровой* жизни, Россия заняла в середине первого десятилетия XXI в. 107-е место в мире [3, с. 209–218].

Между тем, социологи установили, что здоровье выступает у современных молодых россиян лишь *инструментальной* ценностью. Так, в ходе проведенного в конце XX века Институтом социологии РАН опроса выяснилось, что подростки ряда российских городов (Москвы, Оренбурга и Абакана) среди «трех заветных желаний» крайне редко называли здоровье (его выбрали лишь 8% респондентов). В то время как у молодых финнов здоровье оказалось на втором месте среди приоритетов (41,7%) [4].

Неудивительно поэтому, что лишь 10% выпускников российских школ могут считаться здоровыми, а 40% имеют различную хроническую патологию. По данным исследований, у каждого второго школьника выявляются сразу несколько хронических заболеваний. Характерны и данные самооценки здоровья 15-ти летних подростков, отражающие его сравнительное состояние. Так, в Швейцарии здоровыми себя считают 93%, в Швеции – 72%, во Франции – 55%, в Германии – 40%, а в России – только 28% подростков [5, с. 281, 282].

На фоне этих цифр совершенно закономерными выглядят результаты, полученные в России в процессе проводимых с конца прошлого столетия международных исследований оценки качества естественнонаучного образования TIMSS (Trends in Mathematics and Science Study) и образовательных достижений учащихся PISA (Program for International Student Assessment). Они показывают не просто неблагополучие в области здоровья школьников, но и их слабую подготовку в области здравотворчества, неспособность идентифицировать явления, как в теории, так и на практике. В частности, с

заданиями, в которых нужно было применить научные знания для решений ситуаций, близких к повседневности, справились только 15,1% учащихся [6, с. 37].

Следовательно, под угрозой оказывается возможность воспроизводства и наращивания не только здоровья молодежи, но и ее интеллектуального потенциала, что крайне опасно для постиндустриальных перспектив России. Указанная тенденция не может не сказаться негативно на состоянии и размерах человеческого капитала и трудовых ресурсов общества, понижая социально-экономические и технологические возможности страны, провоцируя асоциальное поведение людей и обостряя криминогенную обстановку.

На основании вышесказанного ясно, что освоение здоровьесберегающей культуры молодыми поколениями россиян является задачей поистине судьбоносной. При этом подчеркнем, что эта деятельность представляется нам как «системо-мыследеятельностная педагогика», то есть «как некоторая система представлений, в которой одновременно дается ответ на вопрос, что такое человек, как он устроен и каким он должен быть, дается ответ на вопрос о том, чему можно и нужно учить и чуть в меньшей степени дается ответ на вопрос, как это делать, то есть каковы методики и технологии этой работы» [7]. Иначе говоря, продукт здоровьесберегающей культуры – здоровьесберегающая деятельность – должна нацеливать индивида не столько на овладение «технической стороной» здоровьесбережения, сколько на освоение его *смысла*.

Резюмируя, скажем, что субъекта «общества знания» следует сориентировать, по сути, на инвариант античной калокагатии – вариант, делающий упор на соматическое и психическое здоровье индивида как гаранта превосходения им собственной природы.

Литература

1. Римашевская, Н.М. Радикальное измерение негативного тренда здоровья населения России // Здоровье населения: проблемы и пути решения: материалы II Междунар. науч.-практ. семинара, г. Минск, 19–21 мая 2011 г. / ред. кол.: Н.М. Римашевская (гл. ред.) и др.; НАН Беларуси; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск, 2011.
2. Сбережение народа / под ред. Н.М. Римашевской; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН. – М., 2007.
3. Римашевская, Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник Российской академии наук. – 2004. – Т. 74. – № 3.
4. Дробижева, Л.М. Ценность здоровья и культура нездоровья в России. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/Drobizheva3.htm>. – Дата доступа: 29.10.2013.
5. Медведева, Е.И. Обучение и здоровье молодежи // Здоровье населения: проблемы и пути решения: материалы II Междунар. науч.-практ. семинара, г. Минск, 19–21 мая 2011 г. / ред. кол.: Н.М. Римашевская (гл. ред.) и др.; НАН Беларуси; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск, 2011.
6. Андреева И.Г. Содержание образования в свете государственной политики сохранения здоровья нации / И.Г. Андреева // Педагогика. – 2012. – №10. – С. 31–39.
7. Щедровицкий, П.Г. Установочный доклад. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www-old.shkp.ru/archive/280600UstanPG.htm> l – Дата доступа: 12.02.2009.

ПОЛИТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОБЩНОСТИ

Н. Е. Захарова

Культурно-исторический фон устойчивой и мало подверженной изменениям терпимой общественной позиции по отношению к употреблению алкоголя для России и Беларуси включает общее советское прошлое, общую славянскую ментальность, демографические тренды и нарастание кризисных тенденций в сфере культуры и нравственности.

По данным Роспотребнадзора, ежедневно в России потребляют алкоголь 33% юношей и 20% девушек. Это в 10 раз больше чем в Великобритании. Пик массового приобщения к потреблению алкоголя сместился в возрастную группу 14–15 лет. Согласно статистике, обнародованной учеными Института социологии РАН осенью 2011 г., в последние 20 лет проблема пьянства в России резко обострилась и затрагивает теперь уже в первую очередь подростков. Феномен подросткового алкоголизма социологи ИС РАН изучали 8 лет подряд, с 2003 по 2010 год. В зону их внимания в качестве респондентов попали школьники 7–9 и 10–11 классов, студенты колледжей и вузов, родители, учителя, члены семей людей с алкогольной зависимостью, работающая молодежь 22–23 лет [1].

В Беларуси процент молодежи, потребляющей алкоголь, не сильно отличается от российских данных. Молодые люди в Беларуси наиболее склонны пробовать алкоголь в 15–17 лет. Об этом свидетельствуют данные исследования, проведенного Республиканским центром мониторинга и превентологии при РНПЦ психического здоровья среди учащейся молодежи [2]. Проведенное центром исследование показало, что наиболее популярными спиртными напитками среди молодежи являются пиво и сухое вино. Женщины чаще отдают предпочтение вину, хотя также употребляют и пиво, отметили специалисты. Доля молодых людей, употребляющих крепкие спиртные напитки, по его словам, «минимальна». Существенных различий в употреблении алкоголя жителями города и сельской местности в рамках исследования обнаружено не было. Эксперты подчеркивают, что отношение к алкоголю у молодежи складывается на основе традиций, сложившихся в семье. Поэтому профилактические мероприятия нужно начинать именно с семьи. Результаты белорусского анализа потребления алкоголя учащейся молодежью «сопоставимы с результатами» аналогичных исследований, проведенных в России и Украине.

До середины XX в. сельский образ жизни и труда не способствовал пьянству. Чтобы не умереть с голоду, нужно было много работать, и труд требовал хорошей физической формы. До революции в деревнях молодежь вообще не пила, даже на общих праздниках и гуляньях. Могли выпить старики, но умеренно. На территории Российской империи пьянство не стояло в числе первоочередных проблем государства. Тяжелое пьянство как явление возникло параллельно с процессами урбанизации и индустриализации. Вторая культурно-историческая причина – промышленное производство крепкого алкоголя. Именно это породило так называемый северный тип пьянства, получивший распространение в скандинавских странах, Германии, США, Канаде, России и Беларуси в том числе.

Алкоголь – ксенобиотик, чуждый организму. Без него можно жить как угодно долго, дольше, чем с ним. По фармакологической классификации алкоголь относится к

группе депрессантов центральной нервной системы, несмотря на первичное чувство эйфории. Поэтому одно из опасных сопутствующих явлений – развитие кратковременных депрессивных реакций, когда неизбежно возникает недовольство собой и окружающими. Отсюда ссоры, драки, суициды. От внешних причин (убийства, отравления алкоголем, ДТП, самоубийства) в Беларуси в 2012 г. ушло из жизни 11 320 человек [3].

Для перевоспитания и формирования в обществе нетерпимости к пьянству нужны десятки лет. Примером может послужить Дания, до середины XX в. бывшая алкогольным и суицидальным лидером в Европе. Правительственные принятые меры, а именно снижение уровня продаж и потребления алкоголя и профилактика суицидов, привели к улучшению положения только через 15 лет.

В принципе, запретительные меры всегда были полезны. Во время перестройки неоднократно высмеянная антиалкогольная кампания и лигачевско-горбачевский «полусухой закон» спасли десятки тысяч жизней. В 1987 г. в СССР уровень смертности от передозировки алкоголя снизился в 2 раза по сравнению с 1884 г., а заболеваемость алкогольными психозами снизилась вообще в 4 раза. Научно подтверждено, что чем более широко доступен алкоголь, тем выше в обществе процент тех, кто его потребляет [4, с. 36]. Раз спиртное – опасный продукт, то и свободу доступа к нему нужно снижать. Ведь яд в аптеке не продается без рецепта.

Поскольку мы имеем северный тип алкоголизации, то и решать нужно не только через воспитательные методы. К примеру, в Швеции магазины по продаже алкоголя рассчитываются на 20 000 населения и находятся не в шаговой доступности, до них еще нужно добраться. В любом районе г. Минска в радиусе 500 м можно насчитать до 10 торговых точек, торгующих спиртным, причем хотя бы одна из них будет работать до 23 часов. Алкоголь, как правило, находится прямо у входа, бросается в глаза, как и табак. Подросток, посланный в магазин за кефиром, пробирается к молочному отделу через шеренгу стеллажей с пивом и водкой.

Проблема настолько серьезна, что количество потребляемого алкоголя на душу населения в нашей стране (в 2012 г. оно составило 13,4 л) было включено в качестве одного из ключевых индикаторов в национальной безопасности в Концепцию национальной безопасности, принятой в 2011 г [4].

В Государственной думе России активно обсуждается возможность повышения возраста (21 год) свободного приобретения алкоголя. Изменения предлагается внести в Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», а также ст. 21 Гражданского кодекса. Действующий на сегодняшний день закон, который разрешает продажу алкогольной продукции лицам с 18 лет, не решает проблемы, считают депутаты. За продажу алкоголя лицам, не достигшим 21 года, законопроект устанавливает санкции в виде лишения лицензии на розничную продажу алкоголя.

Специалисты считают, что после 21 года человек менее подвержен алкоголизации, чем в более раннем возрасте. К 21 году происходит окончательная миелинизация мозга и человек становится взрослым, нервная система стабилизируется. Взрослые люди не так остро переживают ощущения счастья, зато у них не бывает и таких ужасных страданий, как это описано, например, в «Страданиях юного Вертера». И именно это делает человека менее подверженным алкоголизации».

Опрос Института социологии РАН, проводившийся в период с декабря 2012 г. по февраль 2013 г., был нацелен на выявление социальных угроз глазами молодежи. Помимо объективных социальных факторов вроде бедности, коррупции и бюрократического

произвола, респонденты отмечали важность такой проблемы, как алкоголизм и наркомания. Причем социологи отмечают, что впервые с момента углубленных исследований молодежи произошло сращивание упоминаний алкоголя и наркотиков. Эта лексическая близость слов заставляет сделать вывод, что проблема алкоголизации населения теперь усложнена присоединением к ней дополнительной проблемы употребления наркотиков. В то же время респонденты, отвечая на вопрос о предпочтительной форме досуга, все-таки отдают предпочтение спорту.

Здоровый образ жизни – образ жизни отдельного человека с целью профилактики болезней и укрепления здоровья. Тем не менее, однозначно трудно определить понятие «здоровый образ жизни». В одном смысле здоровый образ жизни – это глобальная социальная проблема и составная часть жизни общества в целом. В другом смысле это уровень развития сознания человека, психологии и мотивации. В любом случае цель одна – укрепление здоровья. Молодежь начинает заботиться о своем здоровье, когда замечает, что оно ослаблено, а до этого кажется, что молодость вечна. Необходимо не только пропагандировать здоровый образ жизни, исходя из его обыденного понимания, но и определить его научное содержание.

Под пропагандой же здорового образа жизни понимают широкий спектр деятельности: просветительские, выездные программы работы с населением, фестивали, форумы и соревнования, использование средств массовой информации по распространению апробированных временем способов сохранения и укрепления здоровья. Нужно выбрать необходимый набор ресурсов и желательно, чтобы государство предложило такие ресурсы бесплатно или почти бесплатно для неработающей молодежи. Главное, чтобы неделя здорового образа жизни устраивалась чаще, чем раз в год. Нужно каждую неделю проводить викторины в СМИ на тему охраны здоровья. Призом может стать абонемент в бассейн. Или любой другой приз в рамках пропаганды здорового образа жизни молодежи. Необходима система приоритетов и мотивации, показывающая, что получит молодежь, если будет соблюдать здоровый образ жизни.

Было бы замечательно каждый год проводить ярмарки здоровья с интерактивными стендами, для информирования по вопросам здоровья. На ярмарках организовывать мероприятия и лекции по вопросам здоровья, викторины, игры, демонстрации и занятия для детей.

Для пропаганды здорового образа жизни среди молодежи нужно использовать различные средства массовой информации: телевидение, радио, газеты, журналы, брошюры и плакаты. Цель – донести до молодежи культуру здорового образа жизни и информацию о доступных спортивных комплексах города. Помимо конкурсов, в СМИ необходимо публиковать статьи о здоровом образе жизни молодежи с яркими примерами успешных молодых людей, которые уже ведут здоровый образ жизни. Такие кампании необходимо освещать центральными и местными средствами массовой информации. И не забывать про Интернет. Это лишь небольшая часть способов пропаганды здорового образа жизни.

Литература

1. Рюмку за маму, рюмку за папу ... // Российская газета. Общество. – 28.09.2011.- [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/09/28/rymka.html>. - Дата доступа: 02.04.2014.
2. Молодые люди склонны пробовать алкоголь в возрасте 15–17 лет // Naviny.by. Общество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2013/10/22/ic_news_116_426840. – Дата доступа: 02.04.2014.

3. Демография: цифры и факты // СБ-Беларусь сегодня. – 12.05.2013.

4. Обыкновенное зло // Беларуская думка. – 2012. – №8. – С. 36-43.

СОСТРАДАТЕЛЬНОСТЬ КАК ЧЕРТА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Н. Н. Куксачёв

Сострадательность или способность к сочувствию часто рассматривается как одна из основных черт русского национального характера. И если философы XIX в. в России не склонны были рассматривать русскую идею как вытекающую из глубин русского национального характера (исключение здесь, пожалуй, Ф.М. Достоевский), то уже философы I пол. XX в. видели основания для нахождения особенностей русской идеи именно в специфике русского национального характера. Так, если П.Я. Чаадаев выступал с критикой русской истории, православия, самодержавия, то уже В.С. Соловьёв посвятил русской идее особую статью с одноименным названием. В работах В.С. Соловьёва эта идея в первую очередь связывалась с предопределенной Богом для России миссией. В I пол. XX в. у Н.А. Бердяева и И.А. Ильина русский характер неразрывно связывается с сострадательностью и склонностью к сочувственным переживаниям, как типично русским особенностям душевного устройства. Связано это было, с одной стороны, с общим обращением мирового философского процесса к рефлексии над проблемами внутреннего мира человека, а, с другой, с тоской по утраченной родине для философов, испытавших трудности изгнания и потерявших прочный фундамент государственности.

В этом небольшом докладе нам бы хотелось привести примеры, дающие представление о месте сострадания и сочувствия как типичных черт русского национального характера в философских размышлениях русских философов XX в.

Начать необходимо с обращения к небольшой работе «первой женщины в России, посвятившей себя профессиональной философской деятельности» [1, с. 77] Марии Владимировны Безобразовой «О безнравственности». Судьба М.В. Безобразовой (1857–1914 гг.) весьма интересна. Этой целеустремленной женщине в свое время хватило смелости изучать философию в Лейпцигском и Цюрихском университетах. А в 1891 г. в Бернском университете она получила высокую степень доктора за работу о древней русской философии. Работы М.В. Безобразовой высоко оценивались современниками: она находила поддержку В.С. Соловьёва и В.В. Розанова, несмотря на своеобразные взгляды последнего на роль и предназначение женщины [1, с. 79–80].

В своей работе «О безнравственности» М.В. Безобразова обращается к проблеме «изнанки жизни» современного ей российского общества, исследуя эту проблему с философской и исторической точек зрения. Задавая риторический вопрос о том, «отчего столько безнравственности» [2, с. 1], автор дает философско-психологический срез современного ей общества. В первую очередь безжалостному обличению подвергаются яркие современники М.В. Безобразовой Л.Н. Толстой и его биограф П.И. Бирюков. Автор вскрывает ханжество их поступков, приводя в качестве примера не вполне искренние, по ее мнению, благодеяния графа Толстого по отношению к крестьянам (открытие столовой для бедных, якобы столкнувшееся с бюрократическими препонами, «дерево бедных», вечные душевные метания графа Толстого по поводу своего положения) и подробности биографии П.И. Бирюкова, когда тот сожалел, что не может отправиться на бал из-за смерти своего родственника.

Рассуждая о том, что такое добро и зло и как их различать М.В. Безобразова отмечает интересную особенность – порой сложно сказать, будет ли следствием добрых дел и отношения добрый результат. Часто случается наоборот: «доброта – слабость, мягкость бывает злом, потому что развращает» [2, с. 4]. Автор исходит из позиции, что критерием нравственности служит активность, имеющая свою цель не в удовольствии, а в деятельности во имя добра. Страдания могут быть оправданы, только если они претерпеваются во имя истины. В некоторых случаях автор оправдывает самоубийство как решение покончить с бессмысленностью и, следовательно, несчастьем существования. Такое довольно спорно звучащее оправдание самоубийства вероятно находилось в корреляции с общими настроениями начала XX в. в России [4], когда особенно остро встала проблема детского и подросткового суицида. Дети – это своего рода индикатор того, что обществу не хватает того самого здорового сострадания, участия, а порой, элементарного внимания к судьбе самых хрупких членов социума.

Автор задается вопросом о том, почему «считается, что русским особенно близки вопросы нравственности; о них, ведь, ведутся эти бесконечные русские споры за самоваром» [2, с. 16]. По мнению автора, реальное положение здесь, скорее, противоположное. Русский человек менее всего разбирается в вопросах нравственности. За доброту русского человека чаще всего принимают его бесхарактерность. Маркером показательной сострадательности русского общества может служить и отношение к смертной казни. В России принято жалеть преступников: «преступников не только прощают, но даже возносят, всех же "инакомыслящих"... прямо втоптывают в грязь» [2, с. 20]. Для действительных же жертв преступлений (растленных детей, разбитых семей) сострадания у общества обычно не хватает, ибо жалеть жертв преступников «строго воспрещается кодексом русской интеллигенции» [2, с. 21].

Почему интеллигенцию так устрашает смертная казнь? Потому что казнятся преступления не только самих осужденных, но и всеобщие грехи, поэтому интеллигенции неприятно осознавать, в этом роде, собственную казнь. При этом, по мнению М.В. Безобразовой, преступников станет меньше, когда им «перестанут кадить... и чуть не носить на руках каждого за то, что он дерзнул и посягнул на чужую жизнь и хотя собственность» [2, с. 25]. Иллюстрациями к таким умозаключениям могут послужить темы интервью и новостных лент, проходящие после вынесения смертных приговоров последних лет в Беларуси. Журналисты действуют, преимущественно надавливая на сочувствие к родным приговоренных. Так после приговора по делу о теракте в минском метро появился шквал публикаций и видео репортажей с матерью приговоренного к смертной казни Владислава Ковалева. Та же история повторилась и после приговора по вполне однозначному делу о жестоком двойном убийстве, которое произошло в Гродно 5 августа 2012 года, когда житель Вилейки в квартире общежития убил из ревности свою супругу и ее знакомого. Комментарии читателей, вызванные такой подачей материала, состоят в основном из призывов к отмене смертной казни. Однако репортажей о страданиях и чувствах потерпевшей стороны в СМИ практически не наблюдается.

Надо сделать оговорку, что все приведенные факты из белорусской действительности и рассуждений М. Безобразовой – это отнюдь не призыв к одобрению смертной казни. Это констатация сомнительности истинных мотивов сострадательного отношения общества в непростых ситуациях. Сострадают чаще всего не тому и не так, и в итоге получается, что «погибнуть на плахах, сидеть в тюрьме – то быть героем наших дней, а это так легко достижимое геройство увлекает и заражает, и атмосфера портится... Апофеоз безнравственности – отрицать, что есть люди, достойные казни, и жалеть тех, кто не таит в себе сам искры жалости, возводить преступников в герои» [2, с. 29]. Именно против

этого протестует М.В. Безобразова, и именно об этом нелишним было бы задуматься современному белорусскому обществу.

Сочувствие или сострадательность отмечаются И.А. Ильиным и Н.А. Бердяевым в качестве русской национальной особенности характера. Склонность к сочувствию связывается у И.А. Ильина с христианской традицией, тесно вплетенной в русскую культуру: «именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства» [3, с. 131]. Русскость у Ильина не мыслится без проникнутости любовью. Любовь – основная духовная сила русского характера. Оптимистичен И.А. Ильин и в плане уровня правосознания русского человека, которое, по мнению автора, базируется все на той же любви и братском сочувствии: «история русского правосознания свидетельствует о постепенном проникновении его этим духом, духом братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости» [5, с. 140].

Точнее и конкретнее всего по проблеме сострадания в русском национальном сознании высказывается Н.А. Бердяев, проливая свет на весь спектр коннотаций этого феномена в загадочной русской душе. У русского человека нет культа «холодной» справедливости, поэтому Н.А. Бердяев снова обращает наше внимание к вопросу о смертной казни: «лучшие русские люди в верхнем культурном слое и в народе не выносят смертной казни и жестоких наказаний, жалеют преступника» [4, с. 122]. Мысли напрямую перекликающиеся с мыслями М.В. Безобразовой. По мнению Н.А. Бердяева сострадание повинно и в русском атеизме: Бог-Творец отрицается во имя преклонения перед страдающей и стенающей тварью, прикрываясь мотивами справедливости и великой любви к ней. Как это отмечено у Достоевского, сострадание и человечность может превратиться в бесчеловечность и жестокость, когда человек меняет иерархию ценностей, обожевляя самого себя.

Как мы видим, в русской философской мысли наблюдается традиция рассматривать проблему сострадательности русской души со всех ее сторон. И в качестве одного из примеров продолжения такой традиции приведем размышления нашей современницы Л.И. Яковлевой, изложенные в статье «"Русская идея" и национальный характер. Скептические размышления». Для автора кажется нерешенным вопрос о «формировании российской национальности», поэтому снова возникает проблема «русской» или «российской идеи» как силы, могущей сплотить народ. Л.И. Яковлева предлагает в первую очередь опираться на обобщение опыта конкретных людей, так как каждый человек является частью нации и соединен со своими родственниками, друзьями, знакомыми, соседями общественными связями, которые и рождают нацию. Нация – это не только государственное образование с определенным экономическим пространством, но и, по Монтескье, – «дух народа», то есть «общая духовная основа, общие ментальные установки, культурно значимые и социально одобряемые мотивы и модели поведения». Потребность же в национальной идее, по Л.И. Яковлевой, может вырастать по двум причинам: «либо из ощущения того, что как таковой нации нет, нет единого внутреннего поля притяжения сограждан друг к другу «по голосу крови», либо из переживания нацией кризиса» [5, с. 2]. И чем большие трудности испытывает нация, тем очевиднее необходимость в детальном философском осмыслении общественных проблем и мифопоэтическом творчестве, которое по сути и есть оформление национальной идеи.

Видимо, исходя из своего повседневного опыта и опираясь на опыт своих соотечественников, Л.И. Яковлева говорит, что жалостливость является одной из особо значимых черт русского национального характера, так как в народе «широко бытует крите-

рий определения любви: «если жалеет, значит, любит» [5, с. 2]. Исходя из исторического опыта XX в. автор задается вопросом: «как быть с нашей реальной немифологизированной историей, которая одновременно и история психологии народа, в частности, с гражданской войной, когда одна часть граждан России уничтожала другую ее часть? Совместим ли этот факт реальной истории с сострадательностью русской души, если последнее признается имманентной чертой русского характера?.. Считается, что немецкий и русский народы самые сентиментальные (сострадание, например, является одной из краеугольных категорий философии А. Шопенгауэра), но именно Германия и Россия разработали и активно использовали концлагеря как способ массового уничтожения людей» [5, с. 5]. Вопрос, можно сказать, риторический. Он лишь призван в очередной раз засвидетельствовать наличие «подкладки» у загадочной русской души. Впрочем, автор чересчур сгущает краски, объявляя, что не видит «ни одной, почти ни одной, положительной черты характера, присущей исключительно русскому человеку». Но в духе М.В. Безобразовой, которая упрекала графа Толстого, Л.И. Яковлева связывает «"жалостливость" как массовое проявление русского национального характера... во многом с ханжеством» [5, с. 6].

Подводя итог рассмотрения основного направления мысли о месте сострадания в «русской идее» и в национальном сознании можно отметить следующее:

– русскому национальному сознанию привычно приписывается сострадательность в качестве типичной особенности;

– исторический опыт и опыт философского размышления о месте сострадания в русском национальном сознании не может дать однозначного подкрепления идеи о сострадании как типичной русской национальной черте.

При всей амбивалентности положения сострадательности в восприятии русского национального характера, главное не забывать, говоря словами Л.И. Яковлевой, что «умение жалеть, сочувствовать должно быть присуще каждому человеку. Но, как и в любом деле, важно не переусердствовать... жалеть, милосердствовать, сострадать надо тем, кому это действительно необходимо... а смешивать любовь с жалостью не стоит, любовь пусть будет любовью» [5, с. 13].

Литература

1. Кравченко, В.В. Мария Безобразова. // Вече. Альманах русской философии и культуры. – СПб, 1995. – № 4. – С. 77–150.
2. Безобразова М.В. О безнравственности. – СПб., 1911.
3. Ильин, И.А. О русской идее // Национальная Россия. Наши задачи. – М., 2007. – С. 129–150.
4. Бердяев, Н.А. Русская идея. – СПб., 2008.
5. Яковлева, Л.И. «Русская идея» и национальный характер. Скептические размышления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/09.2013.Russkaja_ideja__JAKOVLEVA_L.I.pdf. – Дата доступа: 01.10.2013.

ПРОЦЕСС ДЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СИРОТСТВА В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

О. В. Бессчетнова

Согласно докладу ЮНИСЕФ «Положение детей в мире 2012», Беларусь достигла самого низкого уровня детской смертности в возрасте до 5 лет в СНГ. В 2011 году он составил 3,9 умерших на 1000 родившихся живыми против 4 в 2010 году. По этому по-

казателю Беларусь вплотную приблизилась к таким странам как Канада, Новая Зеландия, Польша, США. Сформированная в стране система правовых гарантий и социальных льгот семьям, воспитывающим детей, является одной из наиболее стабильных среди стран-членов СНГ. Системой государственных пособий охвачено 448,8 тыс. детей (25% от общего количества), из них до трех лет – 309,6 тыс (99% детей данного возраста) [1].

В рамках социальной поддержки семьи и детства предусматривается совершенствование жилищной, налоговой и кредитной политики в интересах семей с детьми; разработка инновационных технологий и методического обеспечения для детских интернатных учреждений, осуществляющих подготовку и комплексное сопровождение семей, принявших на воспитание детей-сирот; пропаганда среди молодежи семейного образа жизни и многодетности как социальной нормы.

Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 15.09.2011 г. № 416 в два раза увеличен размер единовременного пособия в связи с рождением ребенка: при рождении первого ребенка – с 5 до 10 бюджетов прожиточного минимума; при рождении второго и последующих детей – с 7 до 14. По Указу Президента РБ от 30.12.2011 г. № 616 «Об усилении социальной поддержки отдельных категорий граждан» предусмотрено повышение размеров пособий на детей старше 3 лет – с 30 до 50% БПМ (на 66,7%), по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет – с 65 до 100% БПМ (на 53,8%), на детей, инфицированных ВИЧ, – с 45 до 70% БПМ (на 55,6%). Кроме того, социальная защита семей с детьми предусматривает льготы по налогообложению, по оплате содержания детей в детских дошкольных учреждениях, удешевление питания школьников, надбавки к пособиям по безработице.

Матери, воспитывающие троих и более детей в возрасте до 16 лет или ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет, имеют право на дополнительный свободный от работы день в неделю с оплатой в размере среднего дневного заработка, а также бесплатные услуги няни, предоставляемые ЦСОН. Отпуск по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет может быть предоставлен не только матери, но и отцу либо другому родственнику.

Данный комплекс мер по поддержке семей с детьми направлен на профилактику бедности, семейного неблагополучия, проявления девиаций, что является основной причиной возникновения социального сиротства.

Устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в республике осуществляется на основании хорошо разработанной нормативно-правовой базы, в частности, Кодекса Республики Беларусь «О браке и семье», законов «Об образовании в Республике Беларусь»; «Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь»; «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей»; «О правах ребенка»; «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; «О гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

В Республике Беларусь, также как и в России, динамично развиваются семейные формы жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей: «гостевые семьи», приемные семьи, детские дома семейного типа, детские SOS-деревни.

Детский дом семейного типа имеет статус учреждения образования и может быть создан в форме отдельной семьи или входит в состав детской деревни, где на полном государственном обеспечении воспитывается не менее пяти детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Общее количество детей в детском доме не должно превышать десяти человек. Право на воспитание сирот имеют как семейные пары, так и

лица, не состоящие в браке. За ребенком, проживающим в детском доме семейного типа, сохраняется имя, отчество и фамилия, право на поддержание контактов с биологическими родителями, возвращение в кровную семью.

«Гостевые семьи», как и патронатные семьи в России, имеют право приглашать детей из детского дома на выходные, праздничные дни, во время каникул, что позволяет детям получить бесценный опыт проживания в семье, приобрести знания о нормальных детско-родительских отношениях, социальных ролях отца и матери, мужа и жены.

По данным Министерства образования и науки Казахстана, в стране насчитывается 34 тысячи детей-сирот, из которых 11 тысяч находятся в детских домах [4]. Более половины из них – социальные сироты. Анализ нормативно-правовой базы, деятельности общественных организаций, выступлений ученых показывает, что в настоящее время в Республике довольно сложно стоит вопрос с развитием семейных форм жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей. В частности, процесс усыновления обременен многочисленными бюрократическими барьерами, а длительные сроки рассмотрения дел не дают детям (особенно отказникам, подкидышам) права быть усыновленными с момента рождения. Согласно Закону Казахстана о браке и семье, ребенок, от которого отказалась мать в родильном доме, не может быть усыновлен ранее 6 месяцев, что значительно снижает его шансы на последующую передачу в семью; не допускается раздельное усыновление родных братьев и сестер, даже, если они находятся в разных детских домах и не знакомы друг с другом.

Другой наиболее острой проблемой является обеспечение жильем выпускников интернатных учреждений. Ежегодно в республике из детских домов выходят около 2000 детей-сирот, из которых только 10–15% обеспечиваются жильем. В июле 2013 года Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев подписал Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав на жилище детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей», направленный на усиление гарантий в сфере обеспечения жильем [4]. Закон предусматривает контроль за постановкой на учет детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, нуждающихся в жилье, который возлагается на органы опеки и попечительства, а также исключает изъятия неиспользуемых земель данной категории детей до достижения ими 18 лет, ввиду обстоятельств, исключающих использование земельных участков.

В настоящее время по официальным данным в России насчитывается около четырех миллионов беспризорных детей, 760 000 детей-сирот, 95% из которых – социальные сироты. По данным статистики Министерства образования и науки РФ из 100 000 ежегодно выявляемых детей, оставшихся без попечения родителей, 70% передаются на воспитание в семьи, 30% – в детские интернатные учреждения [2].

В соответствии с законодательством России, в частности со статьей 155.3 Семейного кодекса РФ, дети, оставшиеся без попечения родителей и находящиеся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеют право на содержание, воспитание, образование, всестороннее развитие, уважение их человеческого достоинства, защиту их прав и законных интересов [5].

Кроме того, Федеральным законом №159-ФЗ от 21.12.1996 г. «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» предусматривается прием в государственные и муниципальные образовательные учреждения среднего и высшего профессионального образования вне конкурса детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц в возрасте до 23 лет из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, при условии

успешного прохождения ими вступительных испытаний [3]. Помимо полного государственного обеспечения указанным категориям детей выплачивается стипендия, ежегодное пособие на приобретение учебной литературы и письменных принадлежностей в размере трехмесячной стипендии, а также сто процентов заработной платы, начисленной в период производственного обучения и / или производственной практики.

Таким образом, процесс деинституционализации сиротства в странах Евразийского Союза представляет собой сложный комплекс организационных, экономических и правовых мер, направленных на реформирование системы интернатных учреждений, семейное жизнеустройство сирот, их успешной их интеграции в социум.

Литература

1. Демографическая ситуация в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/upload/pdf/demograph.pdf>. – Дата доступа: 01.11.2013.
2. Министерство образования и науки РФ. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/>. – Дата доступа: 31.10.2013.
3. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федер. закон от 21 дек. 1996 года № 159-ФЗ: (ред. от 29.02.2012) // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6789.
4. Президент Казахстана подписал закон об обеспечении сирот жильем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/prezident-kazahstana-podpisal-zakon-ob-obespechenii-sirot-jilem-237679/. – Дата доступа: 02.11.2013.
5. Семейный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства РФ. – 2012. – №48. – Ст. 6582.

Художественные дискурсы и социокультурное измерение интеграционных процессов

РУССКИЙ ЯЗЫК – ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

В. Н. Ксенофонтов

Русский язык, как важное социокультурное образование, во взаимоотношениях между народами и государствами Евразийского Союза играет значительную роль. При этом он является не только средством развития культуры России, но и прочным звеном в духовном общении народов СНГ.

Русский язык в настоящее время – четвертый по распространенности в мире. Он является родным для 288 млн человек на земле. Десятки миллионов человек, говорящих на русском языке, живут сейчас за рубежом, около 180 млн – изучают его. Русский язык служит важным интеллектуальным звеном, которое связывает Россию и соотечественников за границей. Он – надежная гарантия успешного развития гуманитарных, информационных и экономических отношений с другими странами, и в первую очередь – с государствами СНГ, а также государствами – субъектами проектируемого в настоящее время Евразийского Союза.

Именно в языке заложены неисчерпаемые возможности литературного творчества как специфического произведения. Благодаря талантливо рожденному слову русским языком, жизнь и художественные образы в произведениях литературы обретают реальность. Читатель, постигая сложный мир переживаний героев литературы, опираясь на характер языка в

ней, приобщается не только к излагаемым в книге событиям, но и к жизненной философской концепции писателя. Так, например, благодаря русскому языку читатели России эмоционально-чувственно переживают за героев раскрытых писателями Беларуси: А. Адамовичем «Партизаны», «Хатынская повесть», В. Быковым «Третья ракета», «Обелиск»; И. Мележем «Люди на болоте», «Минское направление»; И. Шемякиным «Сердце на ладони», «Петроград – Брест», В. Бондаренко «Кадетство», «Утерянные победы Российской империи».

В свою очередь читатели Беларуси глубоко познают, благодаря русскому языку, содержание и нравственно-эстетическую направленность произведений российских писателей: В. Распутина «Пожар», И. Лощилова «Несокрушимые», В. Карпова «Генералиссимус», В. Дудинцева «Белые одежды», А. Чаковского «Блокада», А. Платонова «Котлован», Ю. Трифонова «Дом на набережной», А. Сегеня «Русский ураган», Ю. Кузнецова «Юность Христа». Следует отметить, что современная ситуация в сфере функционирования русского языка в мире характеризуется негативной тенденцией. Так, если в конце 60-х гг. XX в. публиковалось на русском языке более 20% мировой научной литературы, то в настоящее время – около 3%. Российская национальная библиотека и библиотека РАН ныне финансируются в 100 раз меньше, чем сопоставляемая с ними библиотека Конгресса США.

Русский язык теряет свою характерную специфику и роль главного средства межнационального общения россиян, а также тех слоев населения, которые знают его, но живут в странах СНГ и дальнего зарубежья. В духовной жизни России (и ряда стран СНГ) наметился процесс разрушения не только его языковой ткани, но и содержательного смысла, что весьма опасно по своим последствиям. Так, в средствах массовой информации нередко пропагандируются выражения типа «удивительная паркетотека», «вылечил по-быстрому», «круглая радость», «прикольная тачка», «квадрат качества», «душевное пиво» и иные бессмыслицы, уродующие русский язык.

Одна из проблем русского языка в современной духовной ситуации в России состоит также и в том, что СМИ в погоне за избытком информации резко изменяют самобытность русского языка, теряют его красоту и ясность. Такое явление в немалой степени связано с заимствованием слов и выражений из лексикона американского рынка и распространением СМИ, а нередко и их нелепым сочетанием с русскими словами. Стали общеупотребительными без каких-либо изменений и обоснованных суждений термины «импичмент», «саммит», «брокер», «дистрибьютор», «не тормози – сникерсни», по своей природе чуждые русскому языку. К сожалению, термины такого характера используют не только дикторы телевидения, но и члены государственной Думы, представители культуры и юристы. Частое использование иностранных слов и терминов ведет к неверному выводу: русский язык – архаичный феномен, якобы низкой и несовременной культуры.

Другое негативное обстоятельство проявляется в феномене возникновения чувства ущербности, односторонности у определенной части граждан России как носителей отечественной культурной традиции средствами русского языка. Такое чувство нередко обосновывается потребностью вхождения России и других стран СНГ в систему современных международных отношений, прежде всего экономических в связи с интенсивным процессом формирования в них демократического рынка.

Вместе с тем необходимо отметить следующее. Опасность интенсивного внедрения иноязычных понятий и терминов весьма смутно осознается не только простыми гражданами России, но даже и интеллигенцией. При этом ее определенная часть склонна рассматривать происходящее с русским языком как показатель активного вхождения российского общества в «мировую цивилизацию», выпавшую якобы из мирового социокультурного процесса за период советской власти.

Такое положение с состоянием русского языка в России объективно требует активной

перестройки деятельности отечественного телевидения, радио, печати, введения ограничения и запретов на продукцию низкого качества в сфере духовной культуры. Именно об этом говорил в свое время академик Д. Лихачев: «Не надо бояться запретов, в которых охраняют культуру чувств, оберегают человека от всего порочного, пошлого, низкого» [1].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в современных условиях развития международных связей информационного характера ряд европейских государств, обеспокоенных сохранением своей культуры, ментальности, приняли законы, ограничивающие использование иноязычных терминов в деловой переписке, официальных документах, литературной периодике и рекламе. Так, исходя из законодательных актов, принятых в Англии и Франции, а также других государств Европы, подлежат различным мерам административного и уголовного наказания лица, использующие иностранный язык в вывесках и рекламах.

Между тем именно благодаря русскому языку человечество в свое время по достоинству оценило высокий художественно-эстетический смысл и нравственные ценности произведений таких писателей, как А. Леонов «Русский лес», К. Симонов «Живые и мертвые», М. Шолохов «Судьба человека», Д. Гранин и А. Адамович «Блокадная книга», А. Рыбаков «Дети Арбата», В. Быков «Знак беды», В. Лихоносов «Бесполезные записки», И. Чигринов «Плач перепелки».

В связи с этим заметим, что русский язык был и остается важным социокультурным феноменом России, граждан, живущих в странах СНГ и за его пределами, но знающих и любящих родной язык. О значении русского языка в духовной жизни человека, его культурном и интеграционном назначении метко и ярко сказал писатель И.С. Тургенев: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык. Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу» [2, с. 507].

Русский язык – важное средство и показатель состояния литературы и культуры России. А его продвижение – это принципиальный аспект развития культурной жизни народов Евразийского Союза. В свою очередь продвижение русского языка возможно при создании и развитии государствами содружества и их общественными институтами системы мер в областях: социокультурной; информационной; образовательной и правовой в разнообразных видах и формах.

Литература

1. «Комсомольская правда». – 1997. – 3 янв.
2. Тургенев, И.С. Собр. соч. В 12 т. – М., 1956. – Т. 8.

ЛИТЕРАТУРА ЯК ФАКТОР ДУХОЎНА-КУЛЬТУРНАЙ ІНТЭГРАЦЫІ ЕЎРАЗЫЙСКОЙ ПРАСТОРЫ

В. А. Максімовіч

Ва ўмовах фарміравання новай цывілізацыйнай парадыгмы асобую значнасць і важнасць набывае праблема захавання духоўнага свету сучаснага чалавека, яго каштоўнасных арыентацый, маральных якасцей, актыўнай светапогляднай пазіцыі, што ў вялікай ступені ўплывае на дынаміку сацыяльных і міжасобасных адносін у грамадстве. Надзённай і актуальнай у кантэксце выклікаў сучаснасці выступае задача распрацоўкі комплекса мер, скіраваных на ўмацаванне нацыянальнай бяспекі, на захаванне і развіццё традыцыйных духоўных каштоўнасцей, нацыянальнай

ідэнтычнасці. Добра наладжаная сістэма норм і каштоўнасцей дзеля рэгулявання грамадскіх адносін і сацыяльна-псіхалагічных аспектаў паводзін індывіда – неабходная ўмова існавання грамадства. Чалавеку, каб стацца і лічыць сябе паўнапраўным і паўнацэнным носьбітам нацыянальнай ідэнтычнасці, патрэбна жыць у роднай стыхіі, адчуваць асалоду ад жывога з ім судакранання, быць дзейсна, а не фармальна далучаным да жывых праяў рэчаіснасці, традыцый, грамадскіх сувязей і адносін. Прычым гэтыя сувязі і адносіны павінны мець перманентны характар, што дазволіць ім назапашвацца, архівіравацца ў сацыякультурнай памяці носьбітаў нацыянальнага, актуалізавацца, узнаўляцца ў розных формах, відах, стратэгіях жыццядзейнасці.

Абсалютна зразумела, што фарміраванне ўнутраных духоўна-творчых інтэнцый і якасцей не адбываецца спантанна, хаатычна. Духоўна-маральны складнік мае на мэце наяўнасць пэўных генетычна (псіхалагічна) зададзеных параметраў, якія атрымліваюць свае развіцце, самаўдасканалваюцца, крышталізуюцца ў працэсе індывідуальнага і гістарычнага станаўлення, духоўнага росту, сацыяльнай камунікацыі. Іншымі словамі, алгарытм грамадскага развіцця неабходна разглядаць у цеснай сувязі з перадумовамі і фактарамі сацыяльнай эвалюцыі ва ўсёй яе складанасці і варыятыўнасці, гістарычнай і грамадска-сітуацыйнай абумоўленасці.

Надзвычай дзейным сродкам у сістэме нацыянальнай бяспекі з’яўляюцца нацыянальныя каштоўнасці, захавальнікам і рэнтраслятарам якіх па праву лічыцца нацыянальная культура і, у прыватнасці, літаратура. Не патрэбна, думаецца, асобых доказаў таго, што перадусім у культуры і мастацтве па-свойму кандэнсуецца гістарычны і духоўны вопыт многіх пакаленняў, замацоўваюцца і трансліююцца гістарычныя (сакральныя) архетыпы, міфалагемы, сімвалы, вобразы, у якіх утрымліваюцца сталыя, замацаваныя традыцыйныя коды жыцця і культурадзейнасці, дзякуючы чаму захоўваецца і ўзнаўляецца нацыянальная стратэгія жыццядзейнасці ўвогуле. Больш за тое, кожная асобна ўзятая традыцыя выступае ў ролі носьбіта канкрэтнага нацыяўтваральнага кода ці нарматыўна-інстытуцыянальнага рэгістра агульнапрынятых сістэмаўтваральных каштоўнасцей, у адпаведнасці з якімі ажыццяўляецца духоўная сувязь паміж шматлікімі пакаленнямі людзей.

Менавіта цеснае судакрананне з традыцыяй, з духоўна-творчым вопытам папярэднікаў дазваляе скарэктываваць пэўны светапоглядны баланс у сістэме «чалавек – свет», выпрацаваць аптымальную форму светаўспрымання і светаадносін, уключаючы характар і спецыфіку фарміравання перакананняў, ідэалаў, жыццёвай пазіцыі, цэласнага светапогляду. Іншымі словамі, пераемнасць усяго сацыяльна-псіхалагічнага комплексу як адкрытай сістэмы, якая развіваецца ў сілу сваіх ўнутраных аб’ектыўных законаў, забяспечваецца моцнай духоўна-крэўнай сувяззю, існуючай паміж пакаленнямі. Усведамляючы сваю арганічную спрычыненасць да непарушных, унутрана засвоеных артэфактаў нацыянальнай гісторыі і культуры, чалавек, аб’ектыўна, лягчэй арыентуецца ў навакольным свеце і адчувае сваю духаментальную абароненасць, сваю непарыўную сувязь з часам мінулым і сённяшнім, з культурнымі набыткамі ўсяго чалавецтва. Да таго ж, адкрываецца магчымасць быць рэальна далучаным да агульнай справы, стаць паўнапраўным суб’ектам жыцця. І, наадварот, «адарванасць ад сваёй глебы, ад традыцыйнага ўклада жыцця абарочваецца стратай звычайнай гармоніі, вострай незадаволенасцю, фрустрацыямі, неўрозамі, наркаманіяй, злачынствам, тэрарызмам, нарэшце, самазабойствам. Па сутнасці, усе гэта можна вызначыць як аксіялагічную катастрофу, найхваравіцейшы злом каштоўнасных устаноў і традыцый, страту "вечных" каштоўнасцей» [3, с. 16]. Вось чаму традыцыя ў яе ўніверсальным значэнні дазваляе ўнікнуць крызісных праяў у сферы духоўна-маральнага і грамадска-сацыяльнага, выступае гаран-

там устойлівасці, стабільнасці функцыянавання ўсяго сацыякультурнага арганізму як неабходнай перадумовы для яго далейшага паўнацэннага развіцця, спрыяе спасціжэнню ўніверсальна-сутнаснага разумення існасці быцця, гісторыі, чалавека, яго месца і прызначэння ў свеце, фарміраванню паважлівага стаўлення да іншых людзей і да самога сябе. Без перабольшвання можна сцвярджаць, што традыцыя ў самым шырокім значэнні слова ўплывае на ўсю жыццядзейнасць чалавека, яго ментальнасць, псіхаэмацыянальны стан, жыццёва важныя прыярытэты і перакананні, вызначае алгарытм жыццевых паводзінаў, дабратворна ўплывае на эвалюцыйнае развіццё соцыума ўвогуле. Стала замацаваная ў культуры і літаратуры «кодэксы» з'яўляюцца стабілізуючымі фактарамі захавання і зберажэння этычных і эстэтычных каштоўнасных матрыц грамадскай свядомасці, спрыяюць выпрацоўцы, фарміраванню духоўных запытаў. Усе гэта складае кансерватыўна-ахоўную дамінанту калектыўнай свядомасці.

У кантэксце разваг пра ролю традыцый у сацыякультурнай дынаміцы сучаснасці нашай класічнай літаратуры належыць аддаць першынство. Менавіта творы В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Багдановіча, Цёткі (А. Пашкевіч) даюць прыклад глыбокага спасціжэння і мастацка-філасофскага асэнсавання гістарычнага шляху народа ў сцвярджэнні сваёй нацыянальнай ідэнтыфікацыі. З імёнамі нашых класікаў звязана лесавызначальная сутнасць літаратуры, яе знакавыя вехі, імклівы эстэтычны рост і росквіт і яе сусветнае значэнне. Класікі беларускай літаратуры, закліканыя гісторыяй здзейсніць архіважную адраджэнскую місію, будучы выразнікамі імкненняў, надзей і чаканняў свайго народа, не маглі не клапаціцца і пра яго нацыянальнае і грамадзянскае ўзмушчэнне, пра раскрыццё ўсёй глыбіні духоўнага, унутранага свету свайго сучасніка. Літаратура станавілася трыбунай для абуджэння нацыянальнай свядомасці беларускага народа, своеасаблівым канцэнтратам яго духоўнасці і пасіянарнасці. Надзвычай інтэнсіўныя сацыякультурныя працэсы, якія пазначалі этапы станаўлення і развіцця грамадства, адкрывалі шлях для культывавання пачуцця нацыянальнай годнасці, нацыянальнага самапазнання, спрыялі генерацыі новых ідэй, фарміраванню новага светаразумення і светаўспрымання.

Менавіта беларускія пісьменікі-адраджэнцы ўзялі на сябе адказную місію быць генератарамі і праваднікамі нацыянальнай ідэі. Палымяным мастацкім словам яны выклікалі ў людзях пачуцце роднасці, духоўнай, чалавечай і нацыянальнай салідарнасці, узаемадапамогі і ўзаемападтрымкі, заклікалі з павагай, беражліва ставіцца да нацыянальных і гістарычных святынь. Класікі нашай літаратуры жылі і тварылі з вераю ў заўтрашні дзень, у шчаслівую долю народа, маючы на мэце агульнанародны інтарэс, сыходзячы з пазіцыі стваральнага і пазітыўнага дыялогу з жыццём.

У культурнай свядомасці эпохі нацыянальнага адраджэння (пачатак ХХ ст.) пад уплывам новых прыярытэтаў пачала складвацца нацыянальная культуралагічная праграма дзеянняў, дзе пануючае становішча заняла субстратная ідэя – ідэя прапаганды народнай культуры, шанаванне мовы, развіццё ўласных нацыянальных формаў. Дзякуючы гістарычнай пераемнасці перад літаратурай адкрываліся неабмежаваныя магчымасці для ідэйна-канцэптualaльнага выражэння нацыянальнага светабыцця. Менавіта традыцыя ў яе анталагічнай сутнасці склала аснову нацыянальнага архетыпу – спецыфічнага сродку праяўлення нацыянальнай рэцэпцыі, тых нацыянальных адносінаў, нормаў, прынцыпаў маралі, якія служылі ўмовай і сродкам канкрэтызацыі маральна-этычнага імператыву, спасціжэння законаў чалавечай супольнасці, а разам з тым універсальных законаў быцця. Гэта той самы выпадак, калі літаратура, кіруемая высакароднай патрыятычнай ідэяй, бярэ на сябе задачу фарміравання нацыянальнага тыпу светабачання і светаразумення, грунтуючыся пры гэтым на пэўнай сістэме светапоглядных уяўлен-

няў, уключаных у рэстр унутры – і пазакантэкставых сувязей.

Яскравым прыкладам плённага развіцця і ўзбагачэння нацыянальнай традыцыі з’яўляецца творчасць Я. Купалы і Я. Коласа. Прыярытэтнае месца ў ёй, пры ўсёй шматвектарнасці эстэтычных пошукаў, займалі традыцыйныя каштоўнасці, спадчына мінулага, што спакваля, натуральна ўступалі ў дыялог з найноўшымі дасягненнямі сусветнай філасофска-медытатыўнай думкі, з працэсамі агульначалавечай цывілізацыі. Творчасць класікаў дала прыклад арганічнага спалучэння наватарства і павагі да мінулага. Пры гэтым яны добра ўсведамлялі, што ў культурнай традыцыі захоўваюцца вытокі інтэнсіўнага калектыўнага светаадчування, кансалідуючай свядомасці народа.

Сёння становіцца відавочным фактам, што «грамадства як асобая, гранічна складаная, космапланетарная сістэма здольная выжыць і нармальна функцыянаваць як цэласны арганізм толькі ў форме культуры, сцвярджаючы духоўны тып светаадносінаў» [1, с. 7]. Сімтаматычна, што грамадскія дзеячы, дзеячы навукі і культуры ўсе часцей пачынаюць гаварыць пра неабходнасць складвання гарманічнага грамадства, у аснове якога павінен ляжаць духоўны пачатак як яго найважнейшы структураўтваральны складнік. Духоўнасць жа ў самым шырокім значэнні слова павінна ахопліваць усе сферы дзейнасці грамадства – ад міжасабовых, сямейна-бытавых адносінаў да палітычных і дзяржаўных структур, ад гаспадарча-эканамічных да нацыянальна-этнічных і канфесійных узаемастановаў.

Менавіта пошук духоўнай сутнасці вызначаў галоўную, дамінантную лінію развіцця беларускай літаратуры на працягу яе гістарычнага развіцця. Гэта натуральна стасавалася як з эстэтычнымі прынцыпамі літаратуры, так і агульнымі тэндэнцыямі гісторыка-культурнага развіцця, імкненнем да спасціжэння аб’ектыўных заканамернасцей жыцця, схільнасцю да разамкнёнасці, інтэгравання матэрыялу ў арганічным мастацкім цэлым, разнастайнасцю падыходаў да пераасэнсавання і трансфармацыі жыццёвага матэрыялу.

Традыцыі класікаў плённа працягваюць і ўзбагачаюць нашы сучасныя пісьменнікі. Сёння пры ўсёй шматмернасці і неадназначнасці працэсаў нівелявання, стандартызацыі жыцця назіраецца дыялектычнае ўзаемадзеянне традыцый і творчасці, традыцый і інавацый. Пры ўсёй відазмененасці падыходаў да рэалізацыі эстэтычнага ідэалу незаметным застаецца гуманістычны пафас нашай нацыянальнай літаратуры, адстойваецца права на самастойны творчы пошук. У высокамастацкіх творах сучаснай літаратуры арганічна прысутнічае жаданне прытрымлівацца сталых духоўных канстант, выпрацаваных шматвяковай гісторыяй народа, замацаваных традыцыяй жыццёвых прынцыпаў і сацыяльных нормаў.

Разам з тым, варта ў гэтай сувязі падкрэсліць, што менавіта творчасць з’яўляецца і фактам назапашвання, і фактам эстэтычна дзейснай трансфармацыі і абагачэння раней назапашанага вопыту. У дадзеным выпадку размова ідзе не толькі пра ступень і ўзровень сацыяльна засвоеных (і прысвоеных) грамадскіх нормаў, канонаў, стандартаў, традыцый, якія аднесены ў разрад сістэмацэнтруючых, а пра неабходнасць абнаўлення іх якасных характарыстык, больш за тое, пра фарміраванне прынцыпова новых з’яў, структур, асобных артэфактаў са змястоўна і якасна новымі характарыстыкамі. А мастацтва, як вядома, самым непасрэдным чынам звязана з тварэннем, з творчасцю, з магчымасцю выхаду ў новае сацыякультурнае, каштоўнасна-духоўнае вымярэнне. Прычым творчасць у гэтым сэнсе разумеецца як асобага складу дзейная актыўнасць, абумоўленая ўнутраным інтэлектуальным патэнцыялам пасіянарнага тыпу асобы, крэатыўнасць якой перадусім абумоўлена ўласнай прыродай і субстанцыйнай сутнасцю, закладзенай у яе генезісе ў якасці феномена асобай – культуратворчай – дзейнасці. Адметнай рысай творчай

эліты з'яўляецца яе «іншадумнае памежжа», імкненне стварыць поле варыятыўных магчымасцей. Узнікшыя ў зоне пазначанага памежжа «інавацыі здольныя больш або менш радыкальна змяніць воблік актуальнай культуры, а ўслед за тым і актуальнасць соцыуму, садзейнічаць іх прагрэсіўнаму развіццю (стварэнню новых каштоўнасцей і адносін, абагачэнню сацыякультурных форм і нападзенню іх новымі сэнсамі і значэннямі» [2, с. 164].

Сённяшні час пераконвае ў тым, што літаратура ва ўмовах пераходнага перыяду, трасфармацыі і ўзнаўлення ранейшых форм сацыяльнай камунікацыі заклікана супрацьстаяць каштоўнасцям рэлігійнаму, распаўсюджванню бездухоўнасці, навязванню дэструктыўных стэрэатыпаў паводзін і аб'ясцэнню сапраўднай сутнасці быцця. У гэтым сэнсе прадстаўнікі творчых прафесій павінны заставацца партнерамі і аднадумцамі ў светапоглядным дыялогу і супрацоўніцтве паміж рознымі галінамі міжкультурнага дыскурсу, у выпрацоўцы ўзважаных падыходаў і рашэнняў па забеспячэнні стабільнага і ўстойлівага развіцця сацыякультурных сфер грамадства, актыўна ўдзельнічаць ў фарміраванні грамадскай свядомасці. Творчая інтэлігенцыя як ніхто іншы павінна аб'яднаць свае намаганні па дзейным уплыве на айчынную сістэму адукацыі, маральнага і грамадзянска-патрыятычнага выхавання, а таксама на сучасныя сродкі масавай інфармацыі як важнейшы інструмент фарміравання грамадскай свядомасці з мэтай распаўсюджвання высокіх узораў культуры, сацыяльных паводзін, агульначалавечых маральна-этычных норм, якія пакладаюцца на гістарычныя традыцыі і хрысціянскія каштоўнасці. Не выклікае сумнення, што літаратарам належыць першынство ў місіі выхаваўчага ўздзеяння на масавую свядомасць: арыентаваць увагу грамадскасці не толькі на паўсядзённыя пытанні сацыяльна-эканамічнага жыцця краіны, але і на глабальныя праблемы гуманітарнага развіцця, а таксама на тое, што дазваляе чалавеку ў сучасным зменлівым свеце заставацца чалавекам, а культуры – захоўваць і актуалізаваць узоры сапраўднай духоўнасці, высокай маральнай чысціні.

Літаратура

1. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. – Минск, 2002.
2. Кондаков, И.В. Интерсубъективность культуры // Человек как субъект культуры. – М., 2002. – С. 152–178.
3. Современный глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов. – 2-ое изд., перераб. и доп. – Гродно, 2009.

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ УТРАЧЕННЫХ ОБЪЕКТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ КАК ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВА

К. С. Шаврук

Термин «виртуализация» все чаще встречается в жизни современного человека. Первоначально применяемое лишь в физике понятие «виртуальность» постепенно перекочевало в гуманитарные науки и стало использоваться для изучения влияния процессов информатизации и компьютеризации на общество [1, с. 10]. В широком смысле, под виртуализацией понимается комплекс социокультурных трансформационных процессов, связанных с усиливающимся влиянием компьютерных технологий на все сферы человеческой активности. Однако, в данной работе нами рассматривается более узкое зна-

чение термина, а именно, виртуализация как замещение реальных вещей и поступков образами – симуляциями [2, с. 18].

Настороженно воспринимаемое обществом понятие «виртуальная реальность», на самом деле не является чем-то абсолютно новым. О субъективном восприятии человеком окружающей действительности говорилось многократно в работах таких авторов как Ж. Бодрийяр [3], Г. Маркузе [4], К. Юнг [5] и др. Именно субъективное восприятие мира, а впоследствии его образное отображение, является своего рода «виртуальной реальностью», генерирование которой характерно для человека. Таким образом, виртуальная реальность является свойственной техногенному обществу формой кодирования образного отображения мира. Основной особенностью данного типа кодирования является использование в качестве инструмента новейших компьютерных технологий, позволяющих воспроизводить в цифровом пространстве многомерные иллюзорные модели.

Таким образом, виртуализация - перенесение объектов в иное измерение, погружение их в новый контекст, неразрывно сопряженное с процессом переосмысления.

Образы, воссоздаваемые в виртуальной реальности можно условно разделить на несколько основных типов:

1. Фантастические образы как проявление человеческой творческой потенции.
2. Образы будущего – идеализированные либо демонизированные образы грядущего, основанные на оценке существующей действительности, иллюзорно воплощенные ожидания и опасения.
3. Образы прошлого – реконструкция исторических артефактов, отображающая стремление современного человека к переосмыслению истоков культурной идентичности.

Каждый из вышеназванных типов, отображает определенную категорию интересов современного общества, находящую свое переосмысленное отражение в виртуальной среде. Однако для данного исследования наиболее важной представляется виртуализация образов прошлого, а именно, виртуальная реконструкция утраченных памятников материальной культуры Беларуси.

Для Беларуси как для страны имеющей множество исторических объектов, нуждающихся в восстановлении, виртуальная реконструкция является перспективным направлением деятельности по охране памятников истории и культуры. В некоторых случаях, подобный вид реконструкции является единственно возможным способом воссоздания объекта, к примеру, в случае полного уничтожения или внесения необратимых конструктивных преобразований (Софийский собор в Полоцке). Восстановление, пусть и виртуальное, культурного наследия нашей страны – важная составляющая истинного патриотического воспитания.

На протяжении всей истории территория Беларуси подвергалась многочисленным нападениям, страдала в результате исторических и политических потрясений, являлась ареной межкультурных и межконфессиональных разногласий. В результате были утрачены многие культурно-значимые объекты, некоторые из которых впоследствии были восстановлены на основании сохранившихся документов, но большая часть так и осталась значиться в графе «утраченные». Данная проблема оказывает ощутимое влияние на состояние современной культуры Беларуси. Вместе с утратой материально-культурных объектов, нарушилась культурная преемственность поколений, что в свою очередь затруднило процесс формирования культурной идентичности современной независимой Беларуси. Новые поколения, испытывая недостаток примеров национальной самобытности в процессе инкультурации, впоследствии испытывают трудности в восприятии белорусской культуры. Неспособность интерпретировать национальную культуру как

многозначный код, порождает стремление молодого поколения к постоянному сравнению культуры Беларуси и Западной Европы. Подобное сравнение имеет лишь поверхностный характер, основанный на внешних признаках и, зачастую ведет к незаслуженно уничижительному отношению к отечественной культуре. Очевидной потребностью белорусской культуры на данном этапе является поиск способов самопрезентации и реактуализации в условиях глобализованного общества. В данном случае виртуализация утраченных материально-культурных объектов, является одним из актуальных и перспективных способов презентации и популяризации материальной и духовной культуры Беларуси.

Техногенная детерминированность современной культуры приводит к тому, что каждое новое явление подвергается соотношению с аксиологической системой техногенного общества. Данная система включает в себя основополагающие ценности техногенной цивилизации, среди которых:

- высокий статус научной рациональности;
- прогресс (науки, техники, технологий и т.д.) как имманентный закон природы;

- труд и творчество как новация (создание принципиально нового, постоянная генерация новых идей, концепций и т.д.);

- активная деятельность и преобразование, направленное на покорение природы [6, с. 32].

Из вышесказанного следует, что степень инновационности, является главным критерием оценки явлений в техногенном обществе. Согласно определению Е. Ильича, ценность – есть потребность, которая предстает перед человеком или социумом через призму оценки [6, с. 30]. Несмотря на то, что ценностная система техногенного общества основана на неуклонном стремлении к будущему, переосмысление и реактуализация объектов прошлого может быть включена в перечень ценностей, в виду инновационности применяемых методов.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Виртуализация, в том числе объектов культуры, является проявлением свойственной человеку творческой активности, которая находит свое выражение в цифровом виртуальном отображении.

Виртуальная реконструкция памятников материальной культуры Беларуси может быть рассмотрена как реактуализация утраченных основ культурной идентичности, в виду того, что процесс виртуализации неразрывно сопряжен с переосмыслением воссоздаваемых объектов.

Кризис национальной инкультурации, который на сегодняшний день является одной из важнейших проблем, заключается в так называемой «культурной глухоте», вызванной неумением распознавать и интерпретировать смыслы, заложенные в национальной культуре. Данная проблема связана с недостатком примеров культурной самобытности, новые поколения перестают ощущать свою причастность отечественной культуре. Виртуальная реконструкция утраченного наследия могла бы в значительной степени повлиять на решение указанной проблемы.

В современном техногенном обществе, культурные ценности прошлого рискуют быть окончательно утраченными и забытыми. Система ценностей техногенной цивилизации устремлена к технологиям будущего. В подобной ситуации обращение к идеалам прошлого выпадает из системы ценностных координат в виду своей иррациональности. Виртуальная реконструкция является в некотором роде феноменом техногенного общества, сочетающим в себе обращение к культурным ценностям предшествующих поколе-

ний и в то же время, использующим новейшие технологии, что придает ей актуальность и значимость с точки зрения техногенной аксиологической системы.

Литература

1. Тягунова, Л.А. Виртуализация социума: сущность и тенденции. Автореф. дис... канд. филос. наук. – Саратов, 2006.
2. Иванов, Д.В. Виртуализация общества – СПб., 2000.
3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / пер. с франц. А. Качалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml. - Дата доступа: 13.05.2013.
4. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А. Юдина, В. Кузнецова. – М., 2002.
5. Юнг, К.Г. Человек и его символы. – М., 2012.
6. Ильянович, Е.Б. Фундаментальные ценности техногенного цивилизационного развития // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2009. - №1. – С. 29–38.

БЕЛАРУСКАЕ І НЯМЕЦКАЕ НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ ВЫМЯРЭННІ ВОБРАЗА МЕХАНІЧНАЙ ФІГУРЫ Ё ТВОРЧАСЦІ ЭРНСТА ГОФМАНА І ЯНА БАРШЧЭЎСКАГА

Н. Л. Бахановіч

У прадмове да зборніка «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях» Я. Баршчэўскі акцэнтуюе ўвагу на спецыфіцы сваёй творчасці: «Я не пераймаю формаў, якія ўжывалі пісьменнікі англійскія, нямецкія або французскія; лічу, што чужаземнае не будзе пасаваць негаваркому жыхару Беларусі. Узяў я форму з самое прыроды» [1, с. 81]. Разам з тым тое, што народная фантазія апраменьваецца ў гэтага аўтара «беларускім гафманізмам», упершыню было заўважана яшчэ сучаснікамі, у прыватнасці літаратуразнаўцам Р. Падбярэзскім. Сення перагукі паміж творчасцю беларускага і нямецкага рамантыкаў не з'яўляюцца навіной, пра што гавораць развагі М. Хаўстовіча, М. Яскевіча, Л. Тарасюк і іншых даследчыкаў айчыннай літаратуры. Пры гэтым нельга гаварыць пра вычарпанасць тэмы, болей за тое, працы згаданых і іншых навукоўцаў складаюць толькі яе апорныя пункты. Разгляд вобраза механічнай фігуры, прысутнага ў апавесці «Драўляны дзядок і кабета Інсекта» (1944, 1847). Я. Баршчэўскага і апавяданні «Аўтамат» (1814). Э. Гофмана, папоўніць корпус ведаў аб узаемасувязі творчасці беларускага і нямецкага аўтараў.

Вобраз аўтамата ўзыходзіць да антычнага *Deus ex machina* (бог з машыны) – прыема, які выкастоўваўся ў старажытнай драме: нацятую сітуацыю разрашаў Бог, які раптоўна з'яўляўся, дзякуючы механічнай прыладзе, каб растлумачыць незразумелае і прадказаць будучыню. У Еўропе, пачынаючы з эпохі Адрэджэння, папулярнай становіцца механічная цацка, якая капіруе жыццё, прадстаўляючы сабой чалавека або жывелу, якія рухаюцца, выконваюць пэўныя дзеянні і нават размаўляюць. У гісторыі знакамітымі стваральнікамі завадных механізмаў з'яўляюцца настаўнік Фамы Аквінскага Альберт Вялікі, Жак дэ Вакансон, бацька і сын Дро і інш. Лічыцца, што вобраз механічнага турка ў апавяданні Э. Гофмана звязаны з распаўсюджаннем гэтай своеасаблівай моды ў навуцы і з'яўляецца непасрэдным водгукам на яе. На беларускай тэрыторыі вядомым аўтарам механічнай лялькі выступае езуіт Г. Грубер,

тварэнне якога – чалавечая галава з доўгімі сівымі валасамі, што магла надаваць розны выраз сваім вачам і размаўляць на некалькіх мовах, – знаходзілася ў музеі пры Полацкай акадэміі. Лічыцца, што менавіта гэтая фігура і з’яўляецца прататыпам Драўлянага Дзядка з аповесці Я. Баршчэўскага. Вядома, што творчасць Э. Гофмана ў пачатку 19 ст. была папулярнай у Расіі і аказала ўплыў на М. Гоголя, Ф. Дастаеўскага, А. Пушкіна, М. Лермантава і інш. Аднак неабачліва безапеляцыйна сцвярджаць прамое ўздзеянне нямецкага аўтара на беларускага. Больш правільна ў дачыненні да іх абодвух будзе адзначыць відавочны факт сумежнага спасціжэння імі сваёй эпохі – адчування «пульсу» жыцця.

Механічныя фігуры як у апавяданні «Аўтамат» Э. Гофмана, так і ў аповесці «Драўляны дзядок і кабета Інсекта» Я. Баршчэўскага аднолькава выступаюць незвычайнай з’явай. Да гэтага «цуда» навукі звяртаюцца з прыватнымі пытаннямі, на якія яно суладна адказвае на той мове (з найбольш распаўсюджаных еўрапейскіх), на якой да яго звяртаюцца, паспяхова прадказваючы будучыню. Э. Гофман падрабязна апісвае паводзіны свайго персанажа, адзначаючы здольнасць варочаць вачыма, адхіляць пытанні ўзмахам рукі і звычку прыстрашваць пальцам. Драўляны Дзядок таксама здольны праявіць характар: у адказ на негатыўнае стаўленне да сябе ў яго загараюцца вочы, ен помсціць за прычыненую сабе крыўду (пан без прычыны пакараў розгамі парабкаў пасля таго, як яны зрабілі дзіркі ў вачах фігуры; за прымацаваную да вуснаў галавы цыгарэту карчмар ледзве не пагарэў; пан, пачаставаўш героя тытунем, доўга блукаў па дарозе да свайго дома).

Для нямецкага аўтара важна дэталевае апісанне турка: «Фігура, вельмі прапарцыйна складзеная, у звычайны чалавечы рост, у турэцкай сукенцы, наогул апранутая густоўна, сядзела ў цэнтры не занадта вялікага і паўпустога, абстаўленага толькі самай неабходнай мэбляй пакоя на крэсле, якому была нададзена форма трыножніка. Па жаданні публікі мастак перасоўваў гэты трыножнік, каб паказаць, што нішто не злучае фігуру з полам. Левая рука яе вельмі нязмушана абапіралася на калена, а правая знаходзілася на асобным маленькім століку. І, як сказана, фігура была складзена вельмі прапарцыянальна, аднак лепш за ўсе атрымалася галава: ужо адзін твар, адухоўлены на ўсходні манер, надаваў ўсяму жыццёвасць – рэдка сустранеш такі выраз у васковых фігур, нават калі яны ўзнаўляюць характэрныя рысы вельмі разумных людзей» (пераклад на беларускую мову зроблены з рускага перакладу А. Міхайлава [2]). Увага да знешняга вынікае са шчырага захаплення аўтара папулярным вынаходніцтвам і страху перад яго патэнцыяльнымі наступствамі для цывілізацыі. Другая частка апавядання выдае заклапочанасць Э. Гофмана пранікненнем аўтаматаў у мастацтва і іх пасягальніцтва на выкананне тых функцый, якія дагэтуль былі замацаваны выключна за чалавекам, напрыклад здольнасць іграць на музычных інструментах. Аўтар вуснамі сваіх герояў выяўляе свае адносіны да такога прагрэсу – адкрытай вайны супраць прынцыпу духоўнасці, таму што сапраўднае мастацкае памкненне можа нараджацца толькі ў чалавечай душы. Справа ў шматбаковасці талентаў самога Э. Гофмана, які вядомы ў еўрапейскай культуры і ў якасці кампазітара. У гэтай сувязі ен і насыціў твор надзенымі пытаннямі, амаль ператварыўшы другую яго частку ў філасофскі трактат.

Беларускі пісьменнік падае зусім іншае апісанне Драўлянага Дзядка – рассяянае ўспрыманням шэрагу герояў аповесці: «На шафе ў куце я заўважыў нейкую драўляную галаву, носам і лысінаю падобную да Сакрата; твар паколматы, пашарпаны і сям-там апалены» [1, с. 284]; «Даўней ен лепш выглядаў, калі, высунуўшыся з-за сцяны праз вузкае вакенца, даваў нам парады і перасцярогі, цяпер можаш бачыць на яго твары, колькі ен мусіў выцерпець, пакуль трапіў сюды да мяне, ен для мяне дарагая памятка.

Гледзячы на яго, я ўспамінаю тых мудрых перасцярогі і паўтараю іх сваім дзецям» [там жа]; «... жорстка яго свет прывітаў: галава прасвідраваная, вочы выкалатыя, вусны апаленыя; людзі не любяць праўды, але, напэўна, ен, вандруючы па свеце, быў нямы і нікога не абражаў напамінам» [1, с. 285]; «Гэта галава грэцкага філосафа Сакрата, я чытаў пра яго і бачыў яго партрэт, падобны на гэты твар. Ен шмат пакутаў прыняў ад сваёй жонкі Ксантыпы і за праўду, якую гаварыў свету, спазнаў гора» [1, с. 286]; «Гэтае страшыдла драўлянае з барады і носа падобнае на цябе – ці варта было цягнуць яго з сабою» [там жа] і інш. Для Я. Баршчэўскага таксама важна папярэдзіць грамадства адносна распаўсюджання негатыўных з’яў у духоўнай сферы, аднак размова вядзецца пра адрознае ад гофманаўскага вымярэнне. Выкарыстоўваючы вобраз механічнай фігуры, аўтар акцэнтуюе ўвагу на занядбанні старых ладу жыцця і маралі асобнымі прадстаўнікамі маладога пакалення. Заканамерна другім канцэптэуальным складнікам аповесці пра Драздынага Дзядка выступае таксама фантастычны вобраз кабеты Інсекты. У ёй галоўны даследчык творчасці Я. Баршчэўскага М. Хаўстовіч бачыць сімвал страчанай паўстагоддзя таму назад дзяржавы – Рэчы Паспалітай.

Такім чынам, скразной думкай твораў і нямецкага, і беларускага аўтараў з’яўляюцца перамены ў жыцці грамадства, якія яны выяўляюць з дапамогай фантастычнага, па-рознаму да падыходзячы да гэтага прыёма. Калі механічнасць фігуры абгрунтоўваецца Э. Гофманам наяўнасцю схаванай канструкцыі, то яе прароцтвы застаюцца аднолькава непатлумачанымі: нямецкі аўтар адступае перад загадкай дзіўнай празорлівасці аўтамата, а беларускі – увогуле не акцэнтуюе ўвагі на факце незвычайнасці праўдзівых прадказанняў. Пры гэтым цікавасць Э. Гофмана да загадкі пранікнення ў патаемныя думкі чалавека надаў механічнай фігуры як увасабленню пагрозы духоўнасці негатыўную афарбоўку. Менавіта ў адмоўным плане ў творчасці нямецкага пісьменніка гэты вобраз атрымаў далейшае развіццё – як спаборніцтва сканструяванай лялькі і жывой істоты (вобраз Алімпіі ў «Пясочным чалавеку» (1817) і інш.). У Я. Баршчэўскага Драўляны Дзядок мае пазітыўную афарбоўку, таму што выступае сімвалам старых добрых традыцый і ладу жыцця, увасабленнем мудрасці і добрага кіраўніцтва дзяржавай.

Уменне заглыбіцца ў свет фантастычнага дазволіла беларускаму і нямецкаму рамантыкам у цікавай форме і не пазбыўшыся рэальнай глебы, выявіць заклапочанасць надзенымі праблемамі свайго часу. Кожны з іх рэалізаваў гэта, зыходзячы з уласнай індывідуальнасці і асабістых зацікаўленняў. Яны і дазваляюць вылучыць нацыянальныя вымярэнні вобраза механічнай фігуры: маральнае ў Я. Баршчэўскага і цывілізацыйнае ў Э. Гофмана.

Літаратура

1. Баршчэўскі, Я. Выбраныя творы / уклад., прадм. і камент. М. Хаўстовіча. – Мінск, 1998.
2. Гофман, Э. Автомат // Библиотека Максима Мошкова [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://lib.ru/GOFMAN/awtomat.txt_Ascii.txt. – Дата доступу: 05.11.2013.

ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» (НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЯ СОПРЯЖЕНИЯ)

И. П. Мамыкин

Художественные шедевры зачастую можно рассматривать, как поучительные (пусть и не во всем безупречные) примеры философского дискурса. Русская литература XIX в., оказавшая огромное влияние на развитие мировой культуры, представляет в этом отношении особый интерес. В данной статье обсуждаются подходы к экспликации понятия социального сопряжения, введенного в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».

Идейная глубина и художественная выразительность романа во многом обязаны его своеобразной структуре, включающей наряду с живописными картинами обширные авторские отступления, где автор напрямую высказывает своё мнение по поводу волнующих его вопросов, нередко вступая в полемику с представителями различных философских и исторических школ. Сочетание чувственного и логического, художественного и научного познания, в том числе применение своеобразных синтетических форм познания (понятие-представление, идея-образ) привело к существенным интеллектуальным приобретениям. Писатель обращается к понятию сопряжения после описания Бородинского сражения. Это историческое событие заставляет героев романа определить важнейшие для них жизненные ценности, что наиболее остро почувствовал Пьер Безухов, переживавший очередной духовный кризис и присутствовавший на Бородинском сражении. Утомленный впечатлениями дня, он видит странный сон и в полудрёме произносит монолог, значение которого он сам не вполне понимает: «Нельзя соединять все мысли, а *сопрягать* все эти мысли – вот что нужно!».

Итак, в повествование введено новое слово, значимость которого определяется важностью самих событий и, вдобавок, подчёркивается своеобразными художественными приёмами. Хотя это понятие и ранее применялось в обыденном и научном познании, оно до сих пор не обрело определенного статуса. Представляется перспективной экспликация этого понятия как в общенаучном, так и в социально-философском плане. На протяжении романа часто приводятся сравнения между природными и социальными явлениями. Таково, например, впечатляющее сравнение обезлюдившей Москвы с покинутым ульем. Заслуживает особого внимания выражение «историческое море», сочетающее в себе черты абстракции и образного представления. Не ограничиваясь подобными метафорами, писатель пользуется философскими и общенаучными категориями, высказывает любопытные идеи о применении дифференцирования и интегрирования к массовым движениям.

Таким образом, поиск общенаучного содержания в термине «сопряжение» вполне допустим. Остановившись лишь на наиболее существенных моментах употребления этого термина в конкретнонаучном познании (включая математику, естествознание и техникзнание), можно заметить, что в большинстве случаев речь идет о преодолении стихийно сложившегося взгляда на отдельные явления, как совершенно изолированные и об охвате их в рамках специальной концептуальной конструкции. Приходится также учитывать сходство сопоставляемых явлений или «точки соприкосновения» между ними, конкретные формы детерминации. В недавнем прошлом абсолютизировались каузальные связи и динамические закономерности, в настоящее же время наблюдается увлечение системно-структурным или комплексным подходами. Действительно, во многих случаях эти подходы позволяют успешно решать проблему сопряжения, особенно если их сочетать с идеей развития.

Но не всегда дело обстоит именно так. Не всякое взаимоотношение явлений сле-

дует рассматривать в рамках системы, как бы широко последнее понятие ни трактовалось, поскольку внешние связи нередко преобладают над внутренними. Границы ряда систем размыты, и не всегда можно сказать наверняка, входит ли данная вещь в ту или иную систему в качестве компонента.

Взгляды самого Толстого на проблемы детерминизма не вполне последовательны. Для писателя неприемлемы поверхностные представления о природных и тем более социальных явлениях как о хаосе, совокупности бессвязных и потому бессмысленных событий. Но он открыто отвергает детерминистские представления, правда, сводя их целиком к причинности или целеполаганию. Вместе с тем он считает возможным прибегать к неким высшим, непостижимым силам.

Обсуждения понятия сопряжение по образцу общенаучных понятий все же недостаточно для поиска смысложизненных ориентиров. Эта задача более конкретно решается на основе специального понятия «социальное сопряжение». Для разъяснения смысла предиката «социальный» можно обратиться к социальной диалектике, где учитывается специфика общественного сознания и социальных связей.

Текст романа, однако, несколько озадачивает. Превосходно зная социальные реалии и уверенно владея аппаратом социальных наук, писатель не проявляет особой заинтересованности в раскрытии специфики социальных явлений. По мысли писателя, отклонение от природной подосновы приводит к пагубным последствиям, тогда как стихийное, инстинктивное отношение к жизни «простых» людей или близких им по духу представителей высшего общества обеспечивает их сопротивляемость и позволяет принимать наиболее подходящие решения для них самих и окружающих людей (Платон Каратаев, Наташа Ростова). Толстой подводит к парадоксальному выводу: социальное бессознательно, а бессознательное социально. С таким выводом трудно согласиться. Необходимо выявлять скрытые мотивы деятельности людей.

Убежденность в существовании единых законов жизни, в своей основе не познанных, но весьма могущественных, и стремление отобразить хотя бы их внешние проявления, приводит писателя к глубоким прозрениям, предвосхищению принципов философии жизни, социобиологии и т.д. Отображение социальных процессов как иррациональных позволяет решать и художественные задачи, поскольку вызывает сочувствие к людям, застигнутым врасплох могучей стихией. Но, идя таким образом, существенно прояснить проблему социального сопряжения не удается.

Понятие социального действия как сознательного преобразования различных сторон общественной жизни позволяет прояснить понятие социального сопряжения. В свою очередь, последнее понятие побуждает к определенной корректировке ситуации действия. Социальное сопряжение выступает в виде довольно сложной разновидности социального действия, а также в известном смысле и средства для достижения цели. Социальному сопряжению принадлежит немаловажная роль в раскрытии социальной динамики и особенно в уточнении соотношения движущих сил развития общества.

При всем разнообразии философских, социологических, исторических и пр. концепций акцент в них делается на решающей или даже исключительной роли определенного субъекта действия (выдающиеся личности, народные массы, элиты). Толстому, наряду с основоположниками марксизма, принадлежит заслуга развенчания культа «героев» и раскрытия роли народных масс в истории. Он не избежал при этом преувеличений и изобразил Наполеона и Александра ничемными позерами. Лучше всего исполняет свою роль полководец Кутузов, который вполне осознает невозможность предвидения всех случайностей и считает наиболее целесообразным следить за духом войска. Здесь, хотя и не вполне бесспорным образом (так вести себя более приличествует рели-

гиозному пророку, чем полководцу, имеющему свои рычаги управления) проведена идея согласования действий выдающейся личности и народных масс. Толстой предпринимает плодотворную в целом попытку воспроизведения цельного исторического процесса, хотя и не доводит ее до конца.

Понятие сопряжения непрерывно развивается по ходу романа. По сути, оно предстает в виде своеобразной философемы, имеющей определенные параллели в истории философии. За полтора столетия, прошедшие после публикации романа, резко изменились социальные реалии, появилось много новых концепций, в ряде отношений более точно объясняющих социальные процессы. Но понятие сопряжения не утратило актуальности и до сих пор сохраняет преимущество многоплановости анализа. Приложение его к актуальным проблемам современности весьма актуально.

МЕНЕДЖМЕНТ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА

Е. А. Цымбалюк

«Профессионализм – обращенное в профессию творчество»

Л. Гинзбург

Непреходящая актуальность вопросов профессиональной подготовки педагогов-музыкантов в нашей республике и за рубежом объясняется рядом объективных факторов:

– многоплановостью коммуникации в формате «ребенок – музыкальное искусство», осуществляемой через киберпространство, концертную эстраду, традиционную звуковоспроизводящую технику, через собственное музицирование школьника. С одной стороны, всеобъемлющий характер подобной коммуникации не может не впечатлять, с другой – делает весьма призрачной попытку отследить процесс становления музыкальных вкусов и интересов школьников. Этот накладывает на уроки музыки и внеклассные музыкальные занятия особую печать ответственности. Педагог-музыкант становится интерпретатором и аккумулятором обширнейшей художественной информации. Именно от него во многом зависит, будет ли школьник воспринимать целостный художественный музыкальный образ, относиться к музыкальному материалу с эстетических позиций, либо ограничится ритмической стороной музыкальной ткани и безоценочным отношением к искусству;

– разнообразием подходов к общему музыкальному образованию при едином стремлении сформировать «на выходе» музыкальную культуру школьников. В частности: жанрово-стилевой подход (М.К. Михайлов, А.Н. Сохор, И.А. Хвостова, В.Д. Юркевич) ставит задачу освоения школьниками всех известных уровней функционирования стиля; национально ориентированный подход (Т.В. Саранина) предполагает опору на традиции народной музыкальной педагогики; преподавание музыки на принципах развивающего обучения (В.А. Школяр, Е.Д. Критская, Л.А. Школяр) видит образовательную систему как моделирование художественно-творческого процесса; социокультурный подход (Б.Д. Кабалевский, Н.А. Терентьева) предполагает формирование у школьников посредством музыкального искусства целостного взгляда на мир. При всей научно-практической состоятельности и авторитетности обозначенных подходов, следует отметить, что то идеальное конечное состояние, к которому они стремятся (в данном случае – формирование музыкальной культуры школьников), будет иметь и уже имеет весьма разное содержательное наполнение – музыкально-историческое, фольклорное,

музыкально-творческое, музыковедческое. Логично предположить появление в будущем новых концепций музыкального образования и соответствующих им новых «прочтений» музыкальной культуры школьников, что требует подготовки универсального специалиста в области общего музыкального образования.

Традиционно профессиональная подготовка педагога-музыканта строится на синтезе общегуманитарной, психолого-педагогической, исполнительской (инструментальной и вокальной), методической, музыкально-теоретической и дирижерско-хоровой подготовки. Соответственно знания, умения и навыки студентов оцениваются автономно по каждой позиции. В ситуации наличия единой программы классных и внеклассных музыкальных занятий такой подход оправдан и эффективен, однако в заметно изменившихся реалиях необходимо вести речь о менеджменте знаний в процессе профессиональной подготовки педагога-музыканта. На взгляд автора статьи, последний должен опираться на систему междисциплинарных музыкально-педагогических компетенций, отражающих, с одной стороны, природу музыкального искусства как такового, с другой – специфику музыкального мышления-восприятия человека, с третьей – актуальные задачи общего музыкального образования школьников. Масштабный анализ литературы дает основание выделить следующие музыкально-педагогические компетенции, а также условия их успешного приобретения и формы воплощения. Оперирование данными компетенциями позволит в будущем разработать соответствующие менеджменту знаний технологии его осуществления (Таблица 1).

Таблица 1. Музыкально-педагогические компетенции будущих педагогов-музыкантов

Основные компетенции	Условия успешного приобретения	Формы воплощения
1	2	3
Интерпретация музыкального произведения	Развитое музыкальное мышление, воображение, достаточный уровень общей культуры	Исполнительская, словесная, художественно-ассоциативная интерпретация музыкального образа
	Использование адекватных структуре музыкального объекта методов его анализа	
	Наделение произведения оригинальным значением	
	Развитое эмоционально-оценочное отношение к миру	
	Понимание и практическое овладение смежными с музыкой коммуникативными системами	
	Владение культурой интонирования	
	Интерпретация музыкального образа в контексте общего художественного и жизненного опыта личности	
	Уподобление творческим достижениям мира искусства	
Способность воспринимать музыкальную информацию во всех формах		
Сформированность ценностных установок	Приобщенность к национальному музыкальному наследию	Убеждения, касающиеся взаимоотношения музыки и человеческого бытия Убеждения относительно особенностей музыкального искусства
	Эстетическое переживание музыкального произведения	
	Духовность	
	Свободное вхождение личности будущего педагога в мир культуры	

	Принятие ценностей, декларируемых современной музыкальной культурой	ства Убеждения относительно роли музыки в собственной жизни будущего педагога-музыканта
	Осознание многомерности любого музыкального явления	
	Наличие необходимого духовно-творческого потенциала	
	Постоянное развитие воли в процессе музыкально-исполнительской и музыкально-педагогической деятельности	
Владение музыкальным языком	Адекватное восприятие, переживание и осмысление конкретного музыкального высказывания	Осознание феномена «музыкальный язык» с позиции исторической эпохи, с точки зрения музыкального стиля, в отношении художественной манеры отдельного композитора
	Практическое оперирование элементами музыкальной речи в процессе музицирования и музыкально-творческой деятельности	

РОЛЬ ЕВРОАЗИАТСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА АРХИВОВ В МОДЕРНИЗАЦИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В РЕГИОНЕ

В. В. Надольская

Идея постсоветской евразийской интеграции нашла свое воплощение в создании и деятельности ряда объединений. Среди них – Евроазиатское региональное отделение Международного совета архивов (далее – МСА), объединившее усилия постсоветских стран в развитии архивного дела.

ЕВРАЗИКА (Eurasia Regional Branch, EURASICA) была создана по решению XIV сессии Генеральной ассамблеи МСА (г. Севилья, 25 сентября 2000 г.) для развития связей между национальными архивными службами, учреждениями и организациями, занятыми в сфере хранения, использования и управления архивными документами государств, образованных, главным образом, на территории бывшего СССР. К этому моменту в рамках Координационного совета Европейской программы МСА («Европейское бюро МСА») существовала Группа по вопросам сотрудничества архивов стран СНГ. С учетом планируемого увеличения количества региональных отделений МСА Росархив обратился к руководству МСА с предложением о создании самостоятельного регионального отделения стран СНГ в структуре МСА, которое было поддержано в ходе работы международного конгресса архивов в Испании [1, с. 18]. Утверждение новой структуры МСА стало свидетельством усиления роли архивных учреждений стран СНГ в деятельности этой международной организации.

Организационная конференция, утвердившая устав отделения, состоялась в Москве 6 декабря 2000 г. В ее работе приняли участие представители архивных учреждений Беларуси, Армении, Грузии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Монголии, России, Украины, в качестве наблюдателей – представители Азербайджана, Латвии, Польши. От предложения войти в отделение отказались архивные службы Болгарии, Латвии, Литвы, Финляндии и Эстонии (сотрудничество с ними происходит в рамках двусторон-

них соглашений). Не ответили на сообщение о создании ЕВРАЗИКИ архивные службы Таджикистана и Туркмении. В связи с тем, что архивы Узбекистана не вошли в МСА, они не могли быть и членами его регионального отделения [2, с. 101].

Принятый устав определил цели и задачи отделения: установление, поддержание и развитие связей между национальными архивными службами региона, поддержка мероприятий по сохранению и защите архивного наследия, совершенствование методов управления им, расширение доступа к архивам, подготовка и распространение информационных материалов об их фондах, стимулирование использования архивных документов; координация деятельности архивных учреждений и организаций, улучшение профессиональной подготовки архивистов, организация встреч по определенной тематике, представляющей взаимный интерес [3, с. 37].

Структуру отделения образуют Общая конференция, Исполнительное бюро и Секретариат. По инициативе членов отделения Исполнительное бюро может создавать профессиональные органы (секции и комитеты) по отдельным направлениям деятельности архивов. Президент региональной организации МСА входит в состав его исполкома и отчитывается перед ним о своей работе.

Политика и основные направления деятельности ЕВРАЗИКИ определяются на ее общих конференциях. На последних также принимаются решения по проектам программ, представленных на ее рассмотрение исполнительным бюро. Со времени создания отделения состоялось уже четырнадцать Общих конференций ее членов. Во время их проведения обсуждаются все направления деятельности архивных учреждений с учетом современных тенденций развития архивного дела в отдельных государствах и общих проблем в архивной сфере, решение которых требует изучения международного опыта и различных подходов. Среди актуальных вопросов – проблемы подготовки и реализации совместных проектов, предотвращения краж и незаконного оборота архивных ценностей, повышения квалификации работников архивов, изучение современного состояния архивной отрасли в каждой из стран и др. На 14-й Общей конференции ЕВРАЗИКИ (Киргизия, 2013 г.) был обсужден ход выполнения пунктов, относящихся к работе архивов, Плана мероприятий по реализации второго этапа (2012–2015 гг.). Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 г.

В рамках рабочих заседаний ЕВРАЗИКИ и Консультативного совета рассматривается широкий круг профессиональных вопросов, проводятся консультации между руководителями государственных архивных служб по проблемам углубления и дальнейшего развития конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества по действующим межведомственным двусторонними международным договорам в области архивного дела, согласовываются вопросы подготовки совместных выставок документов, участия делегаций в работе Международного конгресса архивов и т.д. Проведение таких мероприятий способствует дальнейшему укреплению взаимодействия архивных служб стран-членов ЕВРАЗИКИ, развитию делового партнерства, творческих контактов, укреплению обмена опытом.

Заседания руководящих органов региональных отделений МСА, в частности ЕВРАЗИКИ, собрание членов региональных отделений традиционно проходят и в рамках международных конгрессов архивов. Например, в 2004 г. на XV Международном конгрессе архивов в Вене было проведено специальное заседание по вопросам интеграции архивов бывших компартий в систему государственных архивных служб, в 2008 г. на XVI Международном конгрессе архивов в г. Куала-Лумпур – обсуждение проблемы «Архивы в период демократических преобразований». К определению роли и места архивов в современном меняющемся мире обратились участники XVII Международного

конгресса архивов, состоявшегося 20–24 августа 2012 г. в г. Брисбен.

В деятельности ЕВРАЗИКИ важную роль играет Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (далее – ВНИИДАД). В 2003 г. решением Совета глав правительств СНГ ВНИИДАД получил статус базовой организации по переподготовке и повышению квалификации кадров по архивоведению, документоведению и документационному обеспечению управления государственных участников СНГ [4, с. 24]. Евроазиатское региональное отделение МСА совместно с ВНИИДАД уже провели восемь международных учебных семинаров для архивистов стран-участниц. На них рассматривались вопросы, связанные со стандартами архивного описания, классификации архивной документной информации, обеспечения сохранности, комплектования и экспертизы ценности архивных документов, управления электронными архивными документами.

На ВНИИДАД также возложены функции Информационного центра по архивному делу стран СНГ и ЕВРАЗИКИ. ВНИИДАД осуществляет работу по изданию Информационного вестника с документоведения и архивного дела ЕВРАЗИКИ (учрежден решением 2-й Общей конференции в Москве 30 ноября 2001 г.). Информационный вестник включает материалы из архивного законодательства соответствующих государств, документы архивных служб, сигнальную информацию о новых поступлениях, хронику архивных новостей, информационные сообщения. Дважды в год печатаются информационные бюллетени, содержащие короткие переводы, аннотации, рефераты и сигнальную информацию об архивоведении и документоведении зарубежных стран [5, с. 52]. Они информируют и о важнейших событиях в деятельности ЕВРАЗИКИ.

С информацией о деятельности ЕВРАЗИКИ можно ознакомиться на сайтах архивных служб стран-членов регионального отделения. На основании решения 2-й Общей конференции ЕВРАЗИКИ (2001 г.) на официальном сайте Росархива «Архивы России» было создано домашняя страница «ЕВРАЗИКА» [6].

По состоянию на 2008 г. до 23 возросло количество членов Евразийского отделения [7, с. 7]. В апреле 2009 г. Агентство «Узархив» при Кабинете Министров Республики Узбекистан стало членом МСА. На 10-й общей конференции ЕВРАЗИКИ (Армения, 2009 г.) архивная служба Республики Узбекистан вошла в Евроазиатское региональное отделение МСА [8].

Таким образом, созданное в 2000 г. Евроазиатское отделение МСА объединило усилия архивных служб, учреждений и организаций стран СНГ и Монголии в развитии архивного дела. Его деятельность способствует реализации ряда мероприятий по сохранению и защите архивного наследия, расширению доступа к архивам, улучшению профессиональной подготовки архивистов. Региональные отделения, ЕВРАЗИКА в частности, являются важным достоянием МСА именно потому, что дают возможность региональным архивным сообществам разрабатывать стратегию, обеспечивающую решение их особых национальных проблем с учетом мировых тенденций.

Литература

1. Тарасов, В.П. Проблемы архивного сотрудничества в рамках СНГ // Архівы Беларусі на рубяжы ХХ–ХХІ стет.: гісторыя, стан, перспектывы развіцця: міжнар. наук.-практ. канф., г. Мінск, 8–9 лют. 2000 г. / склад.: У.І. Адамушка і інш. – Минск, 2001. – С. 14–18.
2. Бондарева, Т.И. Общее прошлое и общие интересы – основа для взаимовыгодного сотрудничества членов ЕВРАЗИКИ // Отечественные архивы. – 2002. – №1. – С. 101–103.
3. Устав Евро-Азиатского регионального отделения Международного совета архивов // Информационный вестник. – 2002. – №3 (25). – С. 37–41.

4. Положение о базовой организации по переподготовке и повышению квалификации кадров по архивоведению, документоведению и документационному обеспечению управления государств – участников СНГ // Архівы і справаводства. – 2004. – №2. – С. 24–25.
5. Ларин, М.В. ВНИИДАД: этапы развития и направления деятельности в 1966–2006 гг. // Отечественные архивы. – 2006. – №3. – С. 41–53.
6. Протокол 2-й Общей конференции Евроазиатского регионального отделения Международного совета архивов (Москва, 30 ноября 2001 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/branchinternational/2k_eu.shtml. – Дата доступа: 03.04.2012.
7. Бондарева, Т.И. Федеральное архивное агентство – к юбилею государственной архивной службы России / Т.И. Бондарева, Л.А. Кобелькова // Отечественные архивы. – 2008. – №4. – С. 3–9.
8. Агентство «Узархив» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archive.uz/specialnews/260>. – Дата доступа: 03.04.2012.

Научное издание

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА:
ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В ОБЩЕСТВЕ, ОСНОВАННОМ НА ЗНАНИЯХ**

**Материалы
международной научно-практической конференции
г. Минск, 14–15 ноября 2013 года**

Редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 18.06.2014 Формат 60x84_{1/16} Бумага офсетная
Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 21,0 Уч.изд.л. 27,8
Тираж 100 экз. Заказ № 1824

ИООО «Право и экономика» 220072 Минск Сурганова 1, корп. 2
Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66

E-mail: pravo-v@tut.by Отпечатано на издательской системе
KONICA MINOLTA в ИООО «Право и экономика»

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий, выданное
Министерством информации Республики Беларусь 17 февраля 2014 г.
в качестве издателя печатных изданий за № 1/185